

КАРАЧАЕВО-
БАЛКАРСКИЕ
МИФЫ

**К 180-ЛЕТИЮ
ДОБРОВОЛЬНОГО ВХОЖДЕНИЯ БАЛКАРИИ
В СОСТАВ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

КЪАРАЧАЙ- МАЛКЪАР МИФЛЕ

---

*Басмагъа жарашдыргъан –
Джуртубайланы Махти*

НАЛЬЧИК
ГП КБР «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ПОЛИГРАФКОМБИНАТ им. РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
2007

КАРАЧАЕВО- БАЛКАРСКИЕ МИФЫ

---

*Составитель –
Махти Джуртубаев*

НАЛЬЧИК
ГП КБР «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ
ПОЛИГРАФКОМБИНАТ им. РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.»
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
2007

Перевод с балкарского Х. Ч. Джуртубаева

Карачаево-балкарские мифы/ Сост. М. Ч. Джуртубаева; Перевод с балк. Х. Ч. Джуртубаева. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 484 с.

ISBN 978-5-88195-852-7

Мифологические воззрения представляют собой один из самых древних пластов духовной культуры карачаево-балкарского народа. Мифы позволяют заглянуть в прошлое, проникнуть в этнопсихологию народа, через миф современный человек приобщается к сотворенной картине мира и пронесенной через века мудрости предков.

Данная книга является наиболее полным и систематизированным изданием карачаево-балкарских мифов. Помимо собственно мифов и песен о божествах, широко здесь представлены и разного рода гадания, приметы, поверья, магические заклинания и заговоры, являющиеся неотъемлемой частью древней культуры.

ISBN 978-5-88195-852-7

© Джуртубаев М. Ч. Составление, 2007
© Джуртубаев Х. Ч. Перевод, 2007
© Издательский центр «Эль-Фа», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ОТ СОСТАВИТЕЛЯ</i>	6
1. НАСЕКОМЫЕ	8
2. ЖИВОТНЫЕ	9
3. ПТИЦЫ	22
4. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ	27
5. КОНЬ	32
6. ДЕРЕВЬЯ, РАСТЕНИЯ	42
7. СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА И КАМНИ	50
8. МИНГИ ТАУ	58
9. СНОВИДЕНИЯ	62
10. ГАДАНИЯ	64
11. ПОКОЙНИКИ, ПРЕДКИ	66
12. БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ	75
13. ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНИЯ	99
14. ПРАЗДНИКИ, ОБЫЧАИ	109
15. ДРАКОНЫ	138
16. ЭМЕГЕНЫ	141
17. ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК	151
18. АЛМОСТУ	159
19. ДУХИ, БЕСЫ	162
20. ОБОРОТНИ, ЯСНОВИДЦЫ	175
21. ДОЛАЙ И ИНАЙ	182
22. БОГИНИ-МАТЕРИ СТИХИЙ	188
23. БАЙРЫМ, УМАЙ, САТАНАЙ	201
24. БОГИ ЗЕМЛИ, ВОДЫ, ВЕТРА, ОГНЯ; ДУХИ-ХО- ЗЯЕВА МЕСТНОСТИ	209
25. АПСАТЫ	222
26. АШТОТУР	333
27. АЙМУШ И ЕГО БРАТЬЯ	343
28. НЕБЕСА	361
29. ЭЛИЯ, ЧОППА, ШИБИЛЯ	375
30. СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ	383
31. МИР, ВРЕМЯ	395
32. ЧЕЛОВЕК	405
33. ЗОЛОТАЯ ЧАША, ЗМЕИНАЯ БУСИНА	425
34. ЗОЛОТОЙ ДЕБЕТ	436
35. ТЕЙРИ	444
<i>КРАТКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ</i>	459

Сегодня уже никому не надо доказывать, что духовная культура карачаево-балкарского народа необычайно богата, интересна, содержательна. Сказкам, легендам, пословицам и поговоркам, загадкам, притчам, приметам, обычаям и традициям несть числа. С одной стороны, это богатство говорит о древних исторических корнях народа, с другой – свидетельствует о его великой способности творить культуру. Большая часть этого пласта фольклорного наследия опубликована, но, к сожалению, не все тексты еще доступны широкому читателю. Это, в свою очередь, ограничивает и возможности их исследования.

Что касается мифологии и древних верований, то здесь дело обстоит несколько лучше, так как были люди, которые в XX в. на протяжении многих лет, не жалея ни сил, ни времени, занимались собиранием и публикацией мифов, языческих гимнов, песен, записью обычаев и обрядов. Это Саид Шахмурзаев, Азрет Холаев, Ибрагим Шаманов, Камил Азаматов.

Особенно весомый вклад в собирание и публикацию текстов мифов внесли Римма Ортабаева, Танзиля Хаджиева, Алим Теппеев, Хамит Малкондуев, Далхат Таумурзаев. Нелегко было по нынешним временам ездить по горным селам, встречаться со знающими стариками и слово в слово записывать все, что сохранила их память. Что бы исследовали ученые, если бы не было этих уникальных материалов? Если бы не их энтузиазм и самоотверженный труд, мы навсегда могли утратить немало сокровищ устного народного творчества, ибо старики уходят, их год от года становится все меньше и меньше. А скоро, возможно, не к кому будет и обратиться.

Нет сомнений, что песни, предания, мифы, сказки должны быть изданы отдельными томами. И книга, которую вы сейчас держите в руках, – один из первых шагов на этом пути.

* * *

В 1991 году автор этих строк опубликовал книгу «Древние верования балкарцев и карачаевцев». Целью исследования было доказать, что древняя религия и мифология являются не случайным набором текстов, а системой, истоки которой находятся в глубокой древности. Эта система – наследие, доставшееся нам от какой-то великой цивилизации, ее духовная основа. Ибо существование цивилизации невозможно без идеологии. Идеология формируется веками, изменяется и развивается. Внимательный читатель этой книги не сможет этого не заметить.

Таким образом, будучи многослойной, многоступенчатой, карачаево-балкарская мифология сохранила древнейшие идеи, факты. Конечно, если бы системное собирание мифологических текстов началось хотя бы лет 100–200 назад, наши представления о них были бы полнее.

Главной задачей составителя сборника было выявить внутреннюю структуру материала, классифицировать его так, чтобы каждый миф, песня, предание нашли свое место.

В данный сборник, наряду с мифами и песнями в честь языческих

богов, включены приметы, заговоры, гадания и т.п., так как все они взаимосвязаны и дополняют друг друга. Кроме того, здесь представлены и отрывки из нартского эпоса. Сказания о нартах восходят к мифологии, в них сохранилось много мифических элементов. Одним словом, это все факты одной культуры.

С XVIII века русские и иностранные ученые, путешественники начинают публиковать свои записи, касающиеся этноистории и культуры Карачая и Балкарии. Эти записи также нашли свое отражение в этой книге.

Как известно, карачаево-балкарский (аланский) народ в древности поклонялся единому Тейри, но впоследствии эта религия сменилась язычеством. Позже наши предки приняли христианство, распространяемое миссионерами из Византии. В XV веке, после распада Византии, христианство утратило свое влияние. А с конца XVIII века начал постепенно распространяться ислам, который и стал господствующей религией. В данный сборник включены и некоторые мифы, верования, связанные с христианством.

В конце книги для удобства читателей дается краткий карачаево-балкарско-русский мифологический словарь.

Составитель выражает глубокую признательность народному писателю КБР Алиму Магомедовичу Теппееву и доктору филологических наук Хамиту Хашимовичу Малкондуеву за предоставленные из своих архивов материалы, и особую благодарность – кандидату экономических наук Алексею Анатольевичу Слотюку за всемерную помощь в осуществлении данного издания.

---

1. НАСЕКОМЫЕ

ПРИМЕТЫ И ЗАПРЕТЫ

Спасти муравья из воды — большое благодеяние, ведь муравьи живут подобно людям: у них есть государства и цари, они ведут войны.

* * *

Паука, живущего в доме, нельзя было трогать, считали, что в доме исчезнет достаток. Такого паука называли «паук достатка».

БОЖЬЯ КОРОВКА

Божья коровка очень красивое, безвредное существо, его не то что убивать, даже сбрасывать (на землю) нельзя. Скажем, если она села на твою руку, рукав, надо спустить ее, осторожно подталкивая былинкой, или подождать, пока сама улетит.

Божья коровка обладает и каким-то знанием. Если на ребенка, отец которого находился далеко, в отъезде, садилась божья коровка, говорили:

Божья коровка, улети,
Если отец едет, улети!

Если (она) улетала сразу, верили, что да, скоро приедет, если же медленно сползала — значит, нет, задержится еще. Если женщина готовилась родить, говорили:

Божья коровка, божья коровка,
Если мальчик родится — улети,
Если девочка родится — уползи!

ТРИ ЧЕРВЯ

Когда весь мир объяла вода, потоп, царем над всем миром был Нух. У него была болезнь — его плоть грызли черви. Никто не мог излечить его. Не в силах переносить зловоние, Нуха отнесли в одну пещеру и оставили там. Затем червей, глодавших его тело, становилось все меньше и меньше, и, наконец, осталось три червя. Один из них превратился в пчелу и улетел, второй превратился в шелковичного червя. Третий же упал в молоко, кем-то принесенное Нуху, и превратил его в кефир. Увидев, что молоко заквасилось, Нух выпил его, исцелился, встал и отправился домой. Этого червя на тогдашнем языке называли «гыпы» (кефирный грибок). На того, кто постоянно пьет «гыпы», лихорадка не нападает.

2. ЖИВОТНЫЕ

ПРИМЕТЫ, ЗАПРЕТЫ

Спасти лягушку от змеи и совершить паломничество в Мекку — благодарения одинаковые, это я слышал много раз. Говорили и по-другому: «Тот, кто убил лягушку, и тот кто убил хаджи, совершил один и тот же грех». Как бы там ни было, лягушек трогать не позволяли, считая их существами безвредными.

* * *

В древности, если ребенок часто пугался, вздрагивал (во сне), к ручке его колыбели привязывали шкурку ежа. Они верили, что обуры, джинны, бесы боятся шкурки ежа так же, как и чеснока, серы, и не появляются там, где они есть.

* * *

Прежде у стрелков, охотников было множество разных обычаев и правил. Нельзя было убивать зверей и туров сверх определенной меры. Например, охотник, добыв девяносто девять туров, переставал охотиться, опасаясь, что Апсаты разгневаются и нашьлет на него смерть. То же самое означало, если отправившись на охоту, он видел, что один из них (туров) стоит на задних ногах. Это был знак.

* * *

Верили, что белая змея забирает душу (жизнь). Говорили, что человек, увидевший белую змею, в скором времени сам умрет. Убить белую змею считалось очень плохим поступком.

* * *

Говорили, что если в изголовье колыбели положить иголку ежа, ребенок перестанет пугаться (во сне).

* * *

Если мальчик испытывал трудности с мочеиспусканием, к области его мочевого пузыря прикладывали волчью шерсть.

СВЯЩЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

В прежние времена некоторые животные были особо почитаемы, в частности волк, змея, конь, овца, тур. Говорили, что волчий зуб оберегает человека от вреда джинов, бесов. Если в селе случалась пропажа скота, имущества ли, и был человек, которого подозревали в этом, то поджигали волчью жилу и заставляли его прыгать через нее. Верили, что, если он невиновен, с ним ничего не случится, а если виновен, то его парализует.

Запрещалось трогать живущую во дворе змею, наносить ей какой-либо вред, а тем более убивать. Это касалось и змеи, вползшей во двор.

А конь почитался настолько, что конские черепа вывешивали на кольях плетней, чтобы оберечь огороды, дома от джиннов, бесов. Почитаемым животным была и овца. Чтобы уберечь от сглаза, на шею корове подвешивали амулет или лоскуток красной материи, так же как и коням. На шею овцы ничего не подвешивали, считая, что овца и баран сами являются оберегами.

Когда рождался ребенок, его личико мазали кровью жертвенной овцы, чтобы он рос здоровым. Над дверью жилища прибивали турьи или бараньи рога. При постройке дома в основание зарывали бараньи рога, полагая, что они оберегут от всех напастей.

ДВОРОВАЯ ЗМЕЯ

Убийство змеи некоторые люди считают весьма предосудительным делом. К примеру, наш Непеев Кадыр никогда не трогал змей. Я сам видел своими глазами, как он шел, читая известное ему заклинание, а змея ползла за ним — куда он, туда и она. С помощью этого заклинания можно излечить человека, ужаленного змеей. Я слышал, что и род Гыдыевых в Карачае никогда не трогал (не убивал) змей.

Змею, живущую во дворе, никогда не трогали, не вредили ей, даже дети. Говорили, что если ее убить, то перед смертью она страшно проклянет и убившего, и весь его род. Такая змея живородящая, она не высиживает (детенышей) из яиц. Ее называют «шугут жилиян», «гурт жилиян». Верили, что она охраняет дом. Если семейство переезжает в другой дом, то и змея переезжает за ними. Перед ее норой оставляли на блюдечке молоко. Старая кожа, сброшенная змеей, считалась лекарством, заживляющим раны. Змеиную кожу, посолив, давали и корове, которая не могла сбросить послед.

ЗМЕЯ И ЛАСТОЧКА

Перед тем, как весь мир объяла вода, Аллах Всевышний заранее предупредил об этом пророка Нуха, повелел ему построить корабль и собрать на нем по паре всех зверей и птиц. После того как Нух исполнил это повеление, началось водное светопреставление. Все существа, которые жили на земле, погибли, остались только те, что были на корабле Нуха.

Много дней он проплавал на нем. На днище корабля была доска с одним сучком. Сучок выпал, и через отверстие в корабль стала проникать вода. Тогда Нух спросил у зверей: «Кто из вас может остановить течь?» Змея сказала: «Я могу остановить ее, но что ты дашь мне в награду?» «Я разрешу тебе пить кровь того животного, которое ты выберешь», — сказал Нух. Змея согласилась, нырнула в воду и, заткнув отверстие хвостом, остановила течь.

Когда водное светопреставление закончилось и земля обсохла, змея потребовала свою награду. Нух сказал: «Выбери сама и скажи, кровь какого животного тебе хочется сосать». Змея подумала и попросила комара: «Пожалуйста, попробуй крови каждого скота, каждого существа и скажи мне, у кого она самая сладкая».

Комар полетел и попробовал крови каждого скота, каждого зверя, а в

последнюю очередь — кровь человека. Сказав самому себе: «Вот у него, оказывается, кровь слаще, чем у всех остальных», — он собрался сообщить об этом змее. Услышав его слова, ласточка погналась за ним, и только он, подлетев к змее, открыл рот, чтобы сказать ей, как ласточка на лету вырвала его язык. Змея, разозлившись, укусила ласточку за хвост, но та вырвалась и улетела. А комар, когда его спросили, у какого существа самая сладкая кровь, не имея возможности говорить, твердил: «А-а, а-а!» (Адам — человек. — Х. Дж.). Поняв это как «макъа» (лягушка), змея с тех пор сосет лягушачью кровь.

А у ласточки с тех пор хвост стал раздвоенным. Люди же, зная о том благодеянии, которое им оказала ласточка, очень любят ее, потому она и устраивает свои гнезда на карнизах (домов).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЗМЕИ

Жены двух родных братьев не ладили друг с другом, каждый день ссорились-дрались. Однажды они отправились в поле жать, взяв с собой в люльках своих детей. Поставив их (люльки) в тенистом месте, они начали работать и снова поссорились. У старшей невестки был такой злой язык, такие оскорбительные слова она говорила, что младшая сосношница, не зная, что делать, в полном замешательстве ушла оттуда и вспомнила о том, что оставила ребенка на поле, только поздно ночью. Думая, что он (ребенок) уже умер или его съел какой-нибудь зверь, она помчалась на поле и, придя на рассвете, увидела, что и ребенок жив, и люлька необыкновенно красиво наряжена. А рядом змея, (которая) качала колыбель и пела колыбельную:

Бёлляй, бёлляй, (будь) среди живых.
Сделаем мальчика всадником,
Девочку положим в колыбель!

Бёлляй, бёлляй, среди живых
Если ставлю ногу — айгалак (?),
Если ставлю язык — колючка.

Женщина, забрав и ребенка, и нарядную колыбель, вернулась домой. Старшая невестка, услышав об этом и позавидовав, тоже отнесла и оставила своего ребенка там. А утром, когда пошла и посмотрела, нашла своего ребенка задушенным.

УЖ

Давным-давно была у одной женщины дочь по имени Ариука. Однажды Ариука с подругами пошла на речку купаться. Девушки сняли одежду, положили ее на травку на берегу и вошли в воду. В то время, как они купались, из воды вылез огромный уж и, свернувшись, устроился на рубашке Ариуки. Девушки, закончив купаться, по одной вышли из воды, оделись и убежали домой. Ариука вышла из воды последней и, собравшись одеться, увидела змею. Она хотела взять палку и согнать ее, когда змея заговорила человеческим языком:

– Ариука, если не пообещаешь выйти за меня замуж, не отдам твою рубашку.

Девушка, заплакав, попросила:

– Сделаю, что ты скажешь, отдай рубашку.

Тогда змея поползла к реке и скрылась в воде.

Ариука, одевшись, примчалась домой и сказала матери:

– Мать, на моей рубашке, свернувшись, лежала змея, а когда я хотела ударить ее палкой, она заговорила человеческим языком и сказала: «Отдам твою рубашку, если обещаешь выйти за меня замуж». Я обещала и взяла свою рубашку.

Мать ее только рассмеялась: «Это тебе приснилось, глупышка!» На том и успокоились.

А недели через две множество ужей приползло к дому Ариуки и окружило его.

Девушка, увидев их, сказала матери: «Змеи пришли забрать меня». Мать, не поверив ей, выглянула на улицу и, испугавшись, заперла двери.

Змеи, не в силах войти в дом через двери, взлетали в воздух и, разбив стекла, проникали в дом через окно. Ариука залезла под кровать, но они нашли ее и увели с собой. Мать с плачем побежала за ними, но не догнала. А змеи, взяв девушку, ушли под воду. Мать Ариуки много времени в слезах ожидала ее, но потом, решив, что дочь погибла, отчаялась.

В один из дней, держа за руки девочку и мальчика, Ариука вернулась домой. Мать несказанно обрадовалась возвращению дочери, тому, что она жива и здорова. Затем спросила, откуда она пришла и чьи это дети. Дочь подробно рассказала ей все. «Под водой жизнь лучше, чем здесь», – сказала она. Мать стала просить дочь, чтобы та не возвращалась обратно, а осталась жить с ней. Ариука не согласилась. Тогда мать спросила:

– Как же ты туда вернешься?

– Если я пойду на берег и скажу: «Доммай, доммай*, приди, забери меня!» – змея выйдет и уведет меня под воду.

Мать попросила:

– Переночуй хоть у меня.

Ариука согласилась переночевать. Дождавшись, когда дочь и ее дети заснут, мать взяла острый топор и, придя на берег реки, сказала: «Доммай, доммай, приди, забери меня!»

Только змея выползла на берег, как женщина, взмахнув топором, отделила ей голову от тела. Кровь змеи обогрела воду. Женщина вернулась домой. Ариука, встав с рассветом, сказала: «Ухожу домой», – и, взяв детей, пошла на берег реки, где крикнула: «Доммай, доммай, приди, забери меня!»

Уж не вышел. Ариука увидев, что вода в реке красная и что голова змеи плавает в воде, поняла, что произошло.

Тогда она поцеловала девочку и мальчика и сказала: «У вас теперь нет отца, пусть же не будет и матери. Ты, дочка, стань красивой ласточкой и летай над водой. А ты, сынок, стань соловьем и живи, распевая; я же стану кукушкой и, горюя по мужу, буду целыми днями кричать». И только она сказала это, как все трое превратились в птиц и разлетелись в разные стороны.

*Доммай – зубр. (Почему девушка так обращается к змее, неясно.)

ПОЧЕМУ У ЗАЙЦЕВ ГУБЫ СТАЛИ РАЗДВОЕННЫМИ?

— Нет никого на свете, кого бы мы не боялись, кто бы нас не пугал. Чем жить в таких муках, в страхе, гораздо лучше совсем не жить. Давайте же соберемся все в одном месте и бросимся в какое-нибудь большое озеро, — так однажды решили зайцы.

Как они и сказали, собрались зайцы на берегу озера и построились в одну шеренгу. По жребию первым выпало прыгать (в озеро) самому старому зайцу. И только он собрался это сделать, как в камышах какая-то лягушка с кваканьем бросилась в озеро. Заяц, вздрогнув, сказал: «Стойте, оказывается, есть и такие, кто боится нас!» «Где, где?» — закричали остальные и сгрудились на берегу; и тогда лягушки, квакая, стали прыгать из камышей в воду. Зайцы видели это своими глазами. И тогда они решили:

— Вместо нас в воде утопились лягушки. Мы ошибались, есть, оказывается, те, кто боится и нас. Больше не будем говорить о решении утопиться!

Говорят, в тот день зайцы так радовались, так смеялись, что губы у них потрескались и раздвоились.

СОЛОМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Давным-давно жили жена с мужем. И вот однажды муж пришел домой и сказал: «Посмотри, какого я сделал человека!» Глянула жена в окно — а человек, сделанный из соломы, ожил и вперевалку идет к ним. Испугалась жена, лицо у нее стало пепельного цвета, повернулась к мужу и говорит: «Что ты сделал с нами? Теперь этот соломенный человек съест нас обоих!»

Через некоторое время соломенный человек вошел в дом. Огляделся он по сторонам и увидел, что жена прядет веретено, а муж сидит. Мигом съел он их обоих и вышел. Шел, шел он, заметил женщин, собирающих фрукты, подошел и съел и их. Пошел дальше и увидел пятерых девушек, несущих воду. Съел и девушек. Двинулся он дальше и встретил дикую козу. «Я тебя съем», — сказал соломенный человек. «Оставь меня, не ешь. Давай лучше я сама прыгну тебе в рот со скалы. Ты стой под скалой, открыв рот, а я прыгну сверху», — сказала коза.

Соломенному человеку предложение козы понравилось, и он стал ждать под скалой. А дикая коза прыгнула со скалы и разом вонзила ему в брюхо свои копытца. Брюхо соломенного человека распоролось, и все съеденные им люди высыпали оттуда живые. Все они стали ласкать и холить дикую козу. Потом они взяли ее с собой и украсили ее копытца золотом. Говорят, после этого у диких коз копытца стали золотыми.

ПЛАЧ ДИКОЙ КОЗЫ

Оставив детенышей среди скал,
Побежала я за стадом.

Вернувшись, заметила волчьи следы,
Посмотрела и не увидела своих детенышей.

Запах волка ударил мне в нос,
Красный заяц появился передо мной.

Слезы мои закапали на камни,
Вокруг меня красные зайцы забегали.

ЛАСКА

Ласку ни в коем случае нельзя ни убивать, ни трогать и даже пугать. Ласка обязательно отомстит, особенно если тронуть ее детенышей — она явится ночью и помочится в айран, молоко или воду. Моча ее ядовита.

* * *

Как-то отправились мы на новые работы в горы, на зимние пастбища. Так говорили, когда наступал сенокос. Были мы на пастбище Кожак Тюбю. Я присматривал за коровами и телятами, к другой работе еще был неспособен. И вот, стал я все время замечать, как ласка то выскакивала из норки, то забегала обратно. И так часто-часто: боялась за детенышей. Но никто ее не трогал.

Но однажды начался ливень, и косари собрались в кошаре. Парни, чтобы развеять скуку, стали шутить и петь. Один из них сказал: «Давайте похитим детеныша ласки. Говорят, кто ее тронет, обязательно погибнет, вот и проверим». Парни дождались, когда ласка отлучится, и забрали ее детеныша.

Бедная мать, не увидев по возвращению свое дитя, впала в панику. Позабыв обо всем, она металась уже и меж людей. В нашей крытой сеном и окруженной плетнем кошаре посередине стоял суковатый столб, подпиравший несущую балку. Ласка взобралась по столбу и помочилась в кадучку со сметаной. Старший отругал нас — ну что, теперь довольны? Мы знали, что укус и моча ласки ядовиты. Парни незаметно отнесли и положили детеныша в норку. Вернувшаяся ласка, заметив его, взобралась по столбу и перегрызла бечевку, на которой была подвешена кадучка со сметаной; она опрокинулась, и сметана вылилась на пол. Пораженные парни собрали сметану в таз и вылили в собачье корыто. Одна из собак подроспела и стала ее лакать. Верьте мне, она издохла, еще не закончив есть.

Больше парни детеныша ласки не трогали.

ЧЕРНО-БУРАЯ ЛИСИЦА

Шкура черно-бурой лисицы считается дорогой, очень ценной вещью. Говорили, что в доме, в котором она есть, не исчезает достаток. Поэтому до войны не было ни одного дома, где бы не было кусочка такой шкуры.

Ёж тоже доброе существо, его нельзя трогать. Если в огороде, под деревьями, возле дома бродят ежи, это к счастью. Не знаю почему, существует такое присловье: «Ёж выпал из носа свиньи». Про мышь тоже так говорят. А рысь плохое животное, злое. Поэтому говорят: «Раненный рысью не исцелится».

ШКУРА ЧЕРНО-БУРОЙ ЛИСИЦЫ

Эй, они (нарты) отправились на охоту,
У больших камышей остановились.

Эй, своих охотничьих собак пустили в камыши,
Эй, а они загнали черно-бурую лисицу.

Они одновременно взвели курки,
Они одновременно спустили курки,
Взяли в руки черно-бурую лисицу.

— Моя пуля попала! — говорит один,
— Моя пуля попала! — твердит другой,

Вверх подняв свои пули (стрелы?), они спорят.
— С нижней долины какой-то всадник едет,
Он, наверняка, из голубошапочных нартских юношей.

— Почему вы убили эту черно-бурую лисицу?
В Кылычбий-кабак
Когда хлебал похлебку, я увидел, — сказал (Алауган).

Оставь-оставь, село обманувший, землю
лизавший, эй, негодный Шырдан,
Убивший черно-бурую лисицу, которую
люди не могут найти!

В месте, где она находится, богатство не горит,
В месте, где она находится, эй, голод не наступает,
Эй, черно-бурая лисица, которую люди не могут найти!

ПЛАЧ МЕДВЕДИЦЫ

Однажды ночью пошел дождь, но вскоре небо прояснилось и засветила луна. Медведица сказала двум своим медвежатам: «Пойдемте, я накормлю вас малиной», — и все отправились в Суулу Кол. Но через некоторое время медведица остановилась, что-то вспомнив, и сказала: «Недавно я видела плохой сон. За что бы я ни взялась, я ничего не могла удержать в лапах. Давайте на этот раз оставим, никуда не пойдем». Медвежата не согласились, стали упрашивать пойти в малинник.

Когда они стали переходить через речку, вода, видимо из-за дождя, поднялась и унесла медвежат. Это сделала не сама вода, а Мать Воды. Медвежата, может, и выбрались бы, но Мать Воды сделала так, что их глаза ослепли, а мать-медведица не могла сдвинуться с места. Медвежат она забрала к себе под воду. Мать-медведица, горюя, рыдая по своим детенышам, так сказала:

Двух детенышей своих позволила воде унести,
Несчастная моя голова в горе погрузилась.

Зачем я пошла в Суулу Кол,
Зачем я вошла в Суулу Кол?

Разве здесь не было малины,
Разве здесь не было смородины?

А медвежата под водой, страдая, тоскуя по матери, так плакали:

Не сумели перейти через брод,
Не сумели зацепиться за кусты,
Не сумели оттуда выбраться.

Понадеялись на то, что небо ясно,
Обманулись, что светит луна.

Понадеялись на свои силы.
Заставили свою мать плакать.

Безвременно погибли мы,
Мать Воды здесь увидели.

Мать Воды приложила усилия,
Чтобы забрать нас к себе.

* * *

Мать-медведица средь ночи
По черному лесу,
Взяв своих медвежат,
Идет издалека.

Дошла до бурной реки,
Присев, призадумалась,
Решила вернуться.
Медвежата не позволили.

Вода унесла детенышей,
Заставила плакать их мать,
(Медведица) зарыдала, ударяя себя по голове,
Вернулась назад.

РАЗДЕЛ ВЛАДЕНИЙ

В тот день, когда происходил раздел владений между всеми тварями, Медведь, которому было недосуг идти на это сборище, поручил взять его долю Рыбе. Рыба выполнила его поручение и вернулась. Увидев ее, Медведь вышел к ней навстречу и радушно поздоровался.

- Ну, Рыба, что же мне досталось?
- Тебе – лесная чаща, мне – водная глубина.
- А кому досталась смекалка?
- Смекалка досталась человеку.

– Э, друг мой Рыба! Если смекалка досталась человеку, он не даст покоя ни тебе в глубине вод, ни мне в чаще леса, – сказал Медведь.

Вот поэтому о дальновидных людях говорят, что у них «медвежий ум».

МЕДВЕДЬ

Медведь очень умное животное. Он всегда поступает расчетливо. Поэтому про человека, который действует скрытно, все просчитывает наперед, говорят, что у него «медвежий ум». Он, как и человек, ест все: и мясо, и фрукты. Старики говорили, что медведь раньше был женщиной. Что она натворила, в чем согрешила, но Тейри рассердился на нее и превратил в животное. Вот поэтому медведь не трогает женщин. Даже если медведь нападет на женщину, стоит ей обнажить свою грудь, как он, поняв, что это женщина, останавливается. Так говорили, не знаю, правда или нет.

Скажу о том, что видел сам. Однажды сельские парни застрелили медведицу. Когда с нее сняли шкуру, тело ее точь-в-точь напоминало тело женщины.

ПРО ВОЛКА

Волк раньше был одним из самых почитаемых животных, животным, охраняющим людей от джинов, бесов. Прежнее его имя было «буд», а уже потом, скрывая его, стали говорить «бёрю». Поэтому, когда ребенок заболел, его заставляли пройти под волчьей пастью или шкурой. На ручки колыбели вешали зуб, косточку, альчик, коготь волка или кусочек его шкуры.

Когда кого-либо подозревали в краже скота или другого имущества, в руки ему давали подожженную волчью жилу – считали, что если он соврет (что не крал), то его парализует, он опухнет и умрет. Поэтому и сегодня, когда чьим-нибудь уверениям, клятвам не верят, говорят: «Дать бы тебе в руки волчью жилу!»

Когда, выйдя в дорогу, повстречаешься с собакой или волком, это хороший знак, значит, дорога будет удачной. Если же встретится заяц, лучше сразу возвращаться назад, это недоброе животное.

ВОЛКИ И СОБАКИ

Волки вначале жили с собаками в дружбе,
Но потом их поссорили друг с другом эмегены и нарты.

Собаки стали на сторону нартов, а волки – эмегенов.
Когда эмегены вымерли, волки остались без призора,
Когда исчезли нарты, собаки пристали к людям.

ВОЛКИ И БЕСЫ

Волк в прежние времена дружил с человеком, и называли его «буд». Потом, скрывая его имя, стали называть «бёрю».

Когда волк раздружился с человеком, Апсаты попросил позволения

у Тейри и взял волка сторожить свои стада. Но волк, поддавшись обману лисы, стал истреблять стада Апсаты, и тот (человек) прогнал волка.

Но все же есть человеку от волка и сейчас кое-какая польза. Если бы не волки, всю землю заполонили бы бесы. Роды бесовок могут видеть только волки и алмосту. Алмосту тоже не дает бесам вредить человеку, изгоняет их. А волк, увидев рожающую бесовку, уносит ее детеныша и съедает в каком-нибудь месте. Когда в ночной тишине откуда-то издали доносится детский плач, говорят: «Это волк ест детеныша бесовки».

В помещение, где есть волчья шуба, бесы не входят. Поэтому, чтобы дитя не испугалось бесов, чтобы они не входили в дом, к колыбели подвешивали клоки волчьей шкуры, клыки или череп волка.

ВОЛК, ВОЛК

Волк, волк, волчонок,
Божий волчонок!

Клыки твои — для знахаря (колдуна),
Когти твои — для колыбельщика.

Тейри — на небе, Дауле — на земле,
Ойра, ойра, ой, Чоппа,
Ой, Элия, ой, Чоппа!

Наш козленок — тебе,
Твои когти — мне!

ПЛАЧ ВОЛКА

Был в старые времена знаменитый охотник и скалолаз Аппа Акаев. У него был брат по имени Киши. Они вдвоем охраняли Верховья Чегемского ущелья от сванов. Были людьми, прославившими свое имя.

По рассказам, Аппа был очень дружен с одним волком. Как только сваны переходили сюда, на нашу сторону, волк начинал выть, давая знать об этом Аппе. Однажды Аппа, заметив, что на его овец напал волк, выстрелил и убил его. А подойдя поближе, увидел, что это его друг. Сильно горевал, говорят, Аппа, даже овцу, зарезанную волком, не стал трогать, там оставил. А волчица несколько месяцев еще выла по горам. Нападая вместе с волчатами на стада, наносила, говорят, большой урон. И была песня, в которой эта волчица оплакивала волка:

Безухому, безголовому говорила я,
Что Аппе нельзя доверять, объясняла я,
Что человек хуже волка,

Что когда-нибудь он не сдержится,
Что когда-нибудь он ошибется,

Что когда-нибудь его обманут,
Что когда-нибудь он заставит нас рыдать,

Что лучше уж нам жить впроголодь,
Что лучше уж нам питаться падалью,
Что лучше нам смирить свои животы,
Что лучше выслеживать оленей,
Что лучше охотиться на диких животных.

Теперь я из Нарзанного ущелья далеко уйду,
В другом месте буду оплакивать (тебя).

А люди останутся, поедая друг друга,
А люди будут жить, страдая от мора,
А люди будут грызть камни, деревья (от злости).

УБИВШИЙ БАРСА

Этого зверя называли «горный барс» или «хвостатая рысь». В 1930 году житель Верхнего Чегема охотник Кулиев Лялюу высоко в горах встретился с таким горным барсом. Увидев изготовившегося к прыжку (барса), Лялюу, прежде чем выстрелить, прочитал такую молитву:

Милосердный Тейри, не дай промазать моей пуле,
Святой Тотур, свистящую (пулю) в неправильную
сторону не направь!

Человек злее, чем горный барс, ненасытнее,
Человек дороже, чем этот враг гор!

Шкура этого зверя была настолько красива, что посмотреть на нее приезжали не только жители Чегемского ущелья, но и из других сел.

АКБИЛЕК – БЕЛОРУКАЯ

Над Хурзуком, в вышине, которая, казалось, недоступна и орлам, на самой вершине горного пика сверкает, слепя глаза, белая башня. Башня окружена пиками гор, через которые солнечные лучи просачиваются, как вода сквозь расщелины. А внизу – бездонная пропасть. В этой башне жила одна удивительная княгиня. Это была любимая сестра Бертатыу, ведунья Акбилек. Ее тело освещало темные ночи, словно днем. Так дивно сияло белоснежное тело Акбилек, что могло ослепить само солнце.

Когда (ночью) она высовывала свою руку из окна башни, долина Уллу Кам освещалась, и у истоков Кубани становилось светло, как днем. Оттуда первые капли Кубани, сверкая, как росинки, дополняя друг друга, журча, начинают свой путь вниз. От башни Акбилек на другую сторону (ущелья) Уллу Кам был протянут мост из сукна, сотканного самой Акбилек.

Айыучу, муж Акбилек, был человеком лихим. Когда он, разграбив сокровищницы ханов, царей, возвращался ночью, Акбилек высовывала руку в окно, освещая долину Уллу Кам, и ее муж легко проходил по мосту. Однажды Айыучу, на свою беду, пошутил:

– Больше не буду грабить сокровищницы. Злата-серебра у нас столько, что некуда положить. Говорят, у персидского шаха есть прекрасная дочь. Украду ее. Да и рука твоя уже одрябла, тускло светит.

Сказав так, он, посмеиваясь, отправился в путь.

Что тут стало с Акбилек! Несколько дней она провела горюя. А однажды ночью проснулась от звона серебряного колокольчика на шее мула и поняла, что муж возвращается. Торопясь увидеть, кого он привел, она выставила руку наружу и как огнем осветила широкую долину Уллу Кам.

Не увидев того, что ожидала, терзаемая сомнениями, что не разглядела толком из-за того, что слишком темно, она выставила наружу и грудь. У ослепленного мула закружилась голова и, споткнувшись на середине моста, он свалился с высоты в каменистые воды Уллу Кам. Золото, бывшее в тот день в сумах Айыучу, растворилось в воде и прилипло к чешуе рыб. С тех пор рыб Кубани называют золотыми.

Башню над Хурзуком называют башней Акбилек, а место, где воды Уллу Кам начинают бурлить, называют «Где Айыучу упал в воду».

ЭНЕЕВ АЛИЙ-ЭФЕНДИ

Сын Огура мудрый Алий,
При рождении которого солнце засияло,
При (первом) крике которого луна обрадовалась,
Голову которого ангел гладил,
Могущий повелевать, когда хотел,
Который в Большом Селе построил мечеть.

Чтению Корана обучавшийся у Шауай-эфенди,
Перед язычеством не склонявший голову,
Не любивший тех, кто поклонялся камням и деревьям,
Знавший язык птиц, зверей,
Видевший ангелов на небесах,
Замечавший бесов на земле,
Наполнивший свои тетради зикирами*,
Из-за самоуверенности
Потерявший силу, данную ему Аллахом,
А потом утративший (и) знание звериного и птичьего языков.

Ему на ухо шептали:
– О том, что знаешь
Язык зверей, никому не давай знать!
Дикие животные будут
Приходить к тебе
И рассказывать о своих
Горестях, – говорили ему.

Встреча происходила в Суулу Кол,
Встречаться нужно было в полнолуние,
Эй, любимец мира, Алий-эфенди,
Он сделал две ошибки:

---

*Зикир – молитвенные стихи.

Первая – что ночью встал и пошел в мечеть,
И этим нарушил просьбу Шауай-эфенди,
Вторая – что нарушил свое решение насчет диких животных.

Когда он возвращался из мечети,
Ему навстречу вышел кто-то черный
И, обратившись к Алию, сказал такие слова:
– Что плохое не смог сделать тебе,
Сделаю твоим детям.
А это был враг мусульманской религии –
Черный бес.

Придя, он рассказал об этом жене.
Второе, в чем он изменил клятве, было в следующем:
Он перестал ждать полнолуния,
Потерял осторожность.

Он не всегда теперь хотел встречаться в Суулу Кол,
И тем разгневал Творца,
И тем рассердил ангелов,
И утратил свои удивительные способности.
А как это произошло?

Однажды мудрый Алий-эфенди,
Не дождавшись полнолуния, пошел
Не в Суулу Кол, а в Суусузла Баши.
То, что там собрались дикие животные,
Заметил один охотник.
Подойдя поближе, он заметил,
Что Алий-эфенди их гладит,
И очень этому удивился охотник.
Удивился и направил ружье в их сторону,
А затем нажал на спусковой крючок.

От этого звука звери разбежались,
После этого звука Алий утратил
Свои чудесные способности.

Во сне его ангелы пристыдили,
Кийики*, выйдя ему навстречу,
В последний раз встретились с эфенди
И свое недовольство
Так выразили:
– Не оставайся в этом селе (букв. – на этом камне),
уезжай, переезжай, – попросили.

Так Алий-эфенди
Утратил знание звериного, птичьего языков,
Настроил против себя добрых животных.
(Ты), к кому и люди, и звери приходили за советом,

---

*Кийики – общее название диких парнокопытных, за исключением диких свиней.

Добро и зло различавший лучше, чем кто бы то ни был,
Кого ученики почитали, как пророка,
В конце потерял свои чудесные способности.

* * *

Карачаевцы считают плохой приметой, если кому-либо по дороге встретится заяц.

В. Прёле, 1909

3. ПТИЦЫ

ПРИМЕТЫ, ЗАПРЕТЫ

Когда орлица высиживает яйца в первый раз, из них выводятся два щенка, а затем она их съедает. Если вовремя отнять их у нее, щенки становятся знаменитыми на весь мир собаками-самырами. От них не могут уйти ни звери, ни рыбы, ни птицы.

* * *

Сову трогать нельзя, это священная птица, как и филин. Нельзя вредить и ласточке – когда Адама и Еву изгнали из рая и они расстались, их вместе вновь свела ласточка. Не трогай и голубя, потому что ангелы пребывают в образе голубей. Как говорят, их воркование – это исполняемые ими зикиры.

* * *

Если ворона каркает вечером, обратясь к дому, значит, о ком-либо из родичей придет плохая весть – так говорили. Если во дворе сел скворец – это к добру, у тебя будет хороший урожай.

* * *

Если убьешь удода, навлечешь на себя беду. Если разоришь гнездо ласточки под застрехой своего дома, у твоей коровы иссякнет молоко.

ВОРОНА

Давным-давно в лесу жила одна невоспитанная ворона. Она была так невоспитанна, так сквернословила, что надоела всем обитателям леса. Скажет слово – одно неприличное слово, скажет три слова – три неприличных слова, – и так постоянно. Этим она хотела показать, что она отличается от других, что она самая гордая, решительная, что никого ни во что не ставит. Своим бесстыдством она разрывала сердца. Лесные жители, доведенные до предела, однажды собрались и решили воздать ей по заслугам.

Они сказали вороне так:

— Ворона, ты садишься на ветку и ругаешься на весь мир, позоришься. Если ты не оставишь эти повадки, мы вынуждены будем поставить тебя на место. Если с этого дня, вот с этой минуты ты еще раз неприлично выразишься, увидишь, что мы с тобой сделаем. Ни на что не посмотрим!

— И что вы со мной собираетесь сделать? — спросила ворона.

— Один из нас возьмет тебя за шею, второй — за хвост, двое — за ноги, двое — за крылья и выщиплем тебе пух и перья. И станешь ты похожа на полугнилой кусок мяса, который ты так любишь! Летать ты не сможешь, и кто-нибудь, приняв за кусок мяса, съест тебя.

Ворона, видя, что они не шутят, призадумалась.

— Ладно, с сегодняшнего дня вы не услышите от меня ни одного неприличного слова, ни одного проклятья, — сказала она.

На этом и разошлись. Ворона, как и обещала, сдерживалась день, сдерживалась два дня, сдерживалась три дня. На четвертый день, не в силах больше терпеть, она, опечалившись, села на высохшую ветку. Затем, обращаясь к своему хвосту и крыльям, сказала:

— Хвост мой и крылья мои, чего только я не терплю, чтобы вас не выщипали! Сказать по правде, вы даже оценить не сможете эту мою доброту, такие вы и растакие, так вас и растак... — И все, что хотела высказать в адрес других, все бранные слова она обрушила на свой хвост и крылья.

Услышав ее слова, звери и птицы, собравшись, пришли, выщипали ей пух и перья и, полностью оголив, бросили ее в дупло высохшего дерева.

Через некоторое время ворона пришла в себя и вспомнила, что произошло. Разозлилась на себя и на других. Потом, решив, что все самое страшное уже произошло, что терять ей уже нечего и все равно конец один, захотела отвести душу и вволю выругаться. Хочет — а язык онемел. Только «гырр-гырр, как-как!» — и больше ничего, ни выругаться, ни проклятье высказать.

И теперь, когда она садится на крышу дома и каркает, это не нравится людям. Считают это плохой приметой, говорят, что она прокликает, боятся, что карканье ее предвещает несчастье. У карачаевцев и балкарцев есть даже присловье «как злоязычная ворона». Как бы там ни было, все мы замечаем, что ворону недолюбливают, а выражение «как ворона плохой погоды» (в значении «предвестник беды» — Х. Дж.) употребительно и сейчас.

ПРОРОК СЮЛЕМЕН

Пророк Сюлемен однажды задумался над тем, что на свете самое красивое, и чтобы узнать это, сначала послал ворону. Пророк Сюлемен знал языки зверей и птиц. Вернувшись, ворона сказала: «Самое красивое в мире — мой птенец». Тогда Сюлемен со словами: «Как тебе не стыдно!» — ударил ее горячей головешкой, половина перьев вороны стала черной, а половина осталась прежнего цвета.

Следом он послал голубя, тот полетал, вернулся и сказал: «Самое красивое в мире — пшеничная мякина на гумне и резвящиеся ягнята в хлеву».

ПОЧЕМУ ВОРОНА СТАЛА ЧЕРНОЙ

В очень давние времена и Ворона, и Сова были белыми. Были они большими друзьями. Однажды они вместе играли. Вдруг Вороне что-то запало на ум, и она сказала: «Сова, друг мой, до каких пор мы будем белыми? Все враги нас замечают. Давай лучше нарядно раскрасим друг друга, чтобы не бросаться в глаза ни людям, ни зверям, чтобы нас не замечали, когда спрячемся». Сова согласилась.

— Кого покрасим первым? — спросила Ворона.

— Ты затеяла это дело, ты и покрась меня первой! — сказала Сова.

— Пусть будет так, — сказала Ворона, выдернула из крыла одно перо, разбавила сажу водой и принялась раскрашивать Сову. Сова сидела не двигаясь в радостном ожидании. Долго трудилась Ворона и, наконец, очень красиво раскрасила Сову. Закончив, Ворона обратилась к Сове: «Встань-ка, посмотри на себя, нравится ли?»

Новая расцветка понравилась Сове, она чрезвычайно обрадовалась.

— Попробуй теперь ты меня раскрасить, если сможешь, сделай также красиво, — сказала ей Ворона.

Сова, постаравшись, сделала Ворону замечательно красивой. Увидев, что Ворона более нарядна, чем она сама, Сова от зависти вылила весь остаток сажи на Ворону и улетела.

— Что ты со мной сделала, большеглазая с большими когтями! Я тебе отомщу, подожди еще! Как мне теперь ходить такой? Все теперь будут замечать меня! — плакала Ворона.

А та сажа, впитавшись в ее перья, стала на века неотмываемой.

ПОЧЕМУ У НАС НЕ ЖИВУТ ЖУРАВЛИ

Много веков назад все птицы, которые сейчас обитают у нас, жили в теплых странах. Но постепенно они начали страдать от жары, стало не хватать места, пищи, и они собрались на совет, чтобы решить, как жить дальше. На совет явились и ястреб с большими когтями, и черная, будто ее вымазали дегтем, ворона, и белогрудая галка с красными, будто обмороженными ногами, и пугливый улар, и длинноногий, длинношей журавль, и плосконогая, плосконосая утка, и чиж, которого не заметишь, если он спрячется, и многие, многие другие. Возглавлял совет ястреб с большими когтями и жадными, ненасытными глазами.

На совете решался вопрос о том, как бы найти просторное, не слишком жаркое, благоприятное для выведения птенцов новое место обитания и кого можно послать на поиски такого места. После долгих раздумий решили, что дело поиска новых земель на востоке и западе, во всех иных местах можно поручить сильному, крепконогому, способному долго летать не уставая журавлю, и дали ему срок три года.

Таким образом, Журавль, оставив свою жену одну, направился на поиски новых земель. Только он уехал, как маленький Чиж начал ухаживать за его женой. В скором времени они столкнувались.

Журавль, облетев в течение трех лет все края, нашел в наших горах просторные, прохладные, с обильной пищей места и вернулся домой. Увидев, что Журавль входит в дом, Чиж, отпрянув от его жены, спрятался в

сторонке. Не заметив его, Журавль приветливо поздоровался с женой. Затем начал ей рассказывать:

— В горах Кавказа я нашел богатое пищей, просторное, прохладное, благоприятное для вывода птенцов, замечательное место. Но когда завтра на собрании меня спросят, я им не скажу об этом. Я возьму туда только тебя.

Жена Журавля, боясь, что, узнав о ее делишках, он что-нибудь сделает с ней, смолчала. Полностью слышавший весь рассказ, Чиж больше не выдержал и, выскочив из своего укрытия, улетел. Журавль его не заметил, но услышал шум его крылышек.

— Что это за звук? — спросил он.

— Не знаю, с тех пор, как ты уехал, этот звук слышится постоянно. Много раз я до утра не смыкала глаз от страха, — ответила жена.

— Так бывает, когда душа стремится вдаль. Не бойся, теперь мы вместе, — утешил жену Журавль.

На следующее утро все птицы собрались и пришли к Журавлю, чтобы расспросить его.

Журавль сказал им:

— Нигде я не нашел подходящего места. А в горах Кавказа не только нет хороших мест, там я вообще еле спасся: такие большие, сильные, с когтями, подобными ножам, птицы живут там. Они нас уничтожат.

Маленький Чиж не вынес лжи Журавля:

— Не верьте его словам, он нас обманывает. Я вчера слышал, что он рассказывал жене. Журавль на Кавказе нашел такие места, как мы ищем, но скрывает это от нас, чтобы улететь туда одному с женой, — сказал он.

Услышав это, Журавль рассердился и, вскочив, хорошенько отлупил Чижа. Птицам стало жалко Чижа, и они остановили Журавля.

— Если бы Чиж сказал неправду, ты бы так не рассердился. Значит, он говорит правду. Мы выбрали тебя, потому что доверяли. А ты, воспользовавшись этим, хотел обмануть нас. Мы тебе этого не простим, — сказали птицы.

Они снова собрались на совет и послали на Кавказ большекогтего орла. Он странствовал в течение года, отдохнул в красивых местах Кавказа и вернулся. Вернувшись, рассказал птицам подробно обо всем. Птицы, посоветовавшись, начали улетать на Кавказ. Чиж попросил у них:

— Не оставляйте меня. Я еще не поправился. Без вас я здесь погибну от голода.

— Чижа довел до такого состояния Журавль. Пусть и на Кавказ он его доставит на своей спине, — решили птицы.

А так как Журавль не в силах лететь с Чижом на спине, он на Кавказ не прилетает и у нас не живет.

КАК ГОЛУБЬ ПОСТРОИЛ ГНЕЗДО

Каждая птица умело устраивает гнездо так, чтобы в нем было удобно жить. А посмотришь на гнездо голубя — оно и на гнездо-то не похоже, кажется, яичко вот-вот выпадет. Интересно, почему это так? А дело в следующем.

В давние времена голубка не знала, что такое строить гнездо. С на-

ступлением весны она находила какую-нибудь ямку, откладывала яйца и высиживала там птенцов. Однажды хитрая лиса, незаметно подкравшись, съела яичко, отложенное голубкой. Голуби, прилетев и увидев это, начали плакать-рыдать.

Голубь-самец, вспорхнув, сел на ветку большого дерева и начал, воркуя, приговаривать:

— Полгнезда яичек мы отложили, и ни одного не осталось! Подлая лиса все съела и ушла.

Так, воркуя-бормоча, долго он горевал. Наконец, он взялся строить гнездо на самом высоком месте, чтобы ни одна лиса не могла до него добраться. Полетав, он натаскал мелких веточек, но как строить гнездо, не знал. Облетев всех птиц в лесах и горах, он попросил их научить его строить гнездо. Птицы, собравшись, принялись строить для голубя гнездо. Только они уложили несколько хворостинок у места соединения двух ветвей, как голубь начал кричать: «Понял! Понял! Научился. Научился!» — и не дал им закончить.

— Э, да если он стал уже таким мастером, у нас тоже руки не чешутся, что мы будем стараться, — сказали птицы и улетели.

Голубь, распустив помощь, долго корпел на верхушке дерева. Но кричавший, что он уже научился, голубь, как ни старался, как ни пытался приладить веточки друг к другу, ничего похожего на гнездо так и не смог сотворить.

Как говорится: «Кто не знает секретов мастерства, тот не оберется сраму», — и, отчаявшись, голубь опять полетел звать птиц на помощь. Птицы и на этот раз пришли и принялись за работу.

Только довели работу до середины, как голубь опять начал твердить: «Дальше я знаю! Дальше я смогу сам!» — и прожужжал им все уши.

— Ладно, раз ты уже стал мастером, строй сам, у нас руки не чешутся, своих дел дома невпроворот, — сказали птицы и разлетелись.

Голубь, распустив помощь, начал трудиться. То так положит веточки, то эдак — ничего толкового не получается. И опять, переборов стыд, пошел он звать птиц на помощь. Но на сей раз птицы сказали: «Два раза ходили, два раза вернулись. А теперь и своих дел хватает», — и не пришли. А некоторые птицы сказали: «Зачем нам стараться учить того, кто и сам умел?»

Так гнездо голубя и осталось недостроенным. А голубь и голубка и по сей день так и обитают в недостроенном гнезде.

КОВАРНАЯ ЖЕНА

У старого пророка Ноха жил молодой, красивый ученик. Влюбилась в него жена пророка и начала уговаривать его вместе с нею обмануть мужа. Ученик был не прочь обмануть своего учителя, но опасался, что последний узнает об этом и жестоко накажет его.

— Невозможно нам обмануть Ноха, — сказал он жене пророка: — он понимает язык птиц, и все птицы ему послушны. Может случиться, что какая-нибудь птица подсмотрит нас, скажет Ноху, и тогда мы с тобой пропали — убьет нас пророк.

— Хорошо же, — ответила коварная жена, — уговорю я мужа, чтобы он

созвал со всего света птиц и истребил их всех до одной. Тогда нам некого будет опасаться.

Нох долго не соглашался исполнить просьбу жены, но она приласкалась к нему, и он согласился. Затрубил он в трубу, и слетелись к нему птицы со всего света, только одного филина не было между ними. Удивился Нох и решил подождать филина. Ждет он день – филин не летит, ждет другой – его все нет, и только на третий день он явился. Рассердился Нох на филина и говорит ему:

– Глупая ты птица! Почему ты не явился ко мне в тот день, когда я сзывал всех птиц?

Филин отвечал:

– В эти два дня я был занят делом: я считал живых и умерших людей.

– Каких же ты насчитал больше? – спросил Нох.

Филин отвечал:

– Умерших я насчитал больше, потому что умершим считается и тот человек, который слушает глупые советы жены, а таких мужей, к несчастью, очень много на свете.

Подумал-подумал Нох, что слова филина об умерших людях в этом случае также относятся и к нему; распустил он птиц, а жене приказал, чтобы она в следующий раз не обращалась к нему с подобными просьбами. Так и не удалось коварной жене обмануть доверчивого мужа.

Е. Баранов, 1897

Когда каркает ворона, люди говорят: «Она вещает о будущем».

В. Прёле, 1909

4. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

ПОВЕРЬЯ, ПРИМЕТЫ

Если скотина часто начинала покидать свой двор или стойбище и ночевать на чужом дворе или стойбище, опасались, говоря: «Мой скот перейдет к нему».

* * *

Когда перед открытой дверью, заглядывая в комнату, начинал кричать ишак, говорили, что скоро в доме будет достаток.

* * *

При случке овец стреляли из ружей. Если ружье давало осечку, говорили: «У скота будет урон».

* * *

Говорили, что если в кошаре без нужды вытащишь из ножен кинжал, то на скот нападут волки.

* * *

Если одна из овец при пастьбе приседает на задние ноги, как собака, а то еще и блеет в таком положении, то случится беда. Если то же самое делает баран – это к большой радости: будет прибыль.

* * *

Если у дойной коровы из сосков шла кровь, то ее молоко выдаивали на подожженную головешку.

* * *

После случки овец до начала окота ни дома, ни в кошаре не готовили тонких лепешек: считали, что скот поредет, потомство будет нежизнеспособным.

* * *

Если во время случки овец принести в жертву сероголового, пестро-серого, белокопытого валуха, овцы окотятся двойнями, и потомство будет расти без урона.

* * *

Говорили, что когда коза блеет, подняв голову в небо, надо сказать:

Къаху(?), не гневайся на нас,
Тейри Огня, не нацеливайся на нас!

Иначе на скот нападет мор или его поразит молния.

* * *

Если в огонь бросить соль, то скот понесет урон.

* * *

Если шерсть сжечь в огне, то у скота будет урон.

* * *

Если во время пастьбы скот пугался перепелки, это считали плохой приметой. Говорили: «Перепелка истощила скот».

* * *

После случки овец до окончания окота чабан не брил голову и бороду, считая это плохой приметой. Срезанные волосы уподобляли гибнущему скоту.

* * *

Считалось плохой приметой до окончания окота давать кому-нибудь овцу.

* * *

Первого родившегося ягненка («начаток приплода») надо обтереть и помыть ему уши коровьим молоком. Его нельзя было резать до следующего окота. Когда резали первинка, посвятив ему, готовили бузу. Взяв сверху, эту бузу выливали на «тёр» (почетное место) и произносили благопожелание: «Пусть так же (обильно) польются в следующем году ягнята». Верили, что такое благопожелание сбывается.

* * *

Считалось плохой приметой, если ягненка резали до исполнения ему 6-ти месяцев. Есть и поговорка: «Ягненка не режут, пока он не увидит снег» (букв. «лицо снега»).

* * *

При стрижке овец считалось плохой приметой, когда хычины* для работников ложили на солому. По той же причине не жарили лакумы**.

* * *

Во время стрижки овец, когда работа близилась к концу, на призыв: «Несите подлежащего стрижке!», (парни), которые завязывали овцам ноги и подтаскивали к стригалям, отвечали: «Пусть Аллах даст подлежащих стрижке!» Считалось плохой приметой отвечать: «Нет, закончились».

* * *

Когда перед открытой дверью кошары, заглядывая внутрь, блеяла черная коза, считали это плохой приметой.

* * *

Когда кто-то резал скотину и та умирала не сразу, считали, что у него «вкусная рука». Говорили, что у скотины, зарезанной им, мясо вкуснее, и резать скот поручали ему.

О СОБАКАХ

Когда рождался ребенок, для него шили рубашку. Эту первую рубашку называли «собачья рубашка», а первые остриженные волосы ребенка называли «собачьими волосами».

* * *

Чтобы ребенок рос здоровым, его относили туда, где лежала собака, и пеленали на том месте. Или три девушки относили ребенка на вершину холма, пришивали к его одеяльцу косточку из собачьей челюсти и несколько раз пеленали ребенка.

*Хычин – тонкий пирог с начинкой из сыра, картошки, свекольной ботвы и т.п.

**Лакум – жаренный в масле кусочек теста.

* * *

Если у ребенка на голове появлялись язвочки, лечили так: ложили его на место, где была зарыта дохлая собака и расчесывали его волосы старым гребнем. После этого ребенок выздоравливал.

* * *

Были собаки, умные, как человек, понимавшие все сказанное человеком. Вот у нашего Башиева Мухаммата был такой волкодав. На его овца постоянно нападал злой волк, наносил большой урон, а пес никак не мог поймать его. И вот однажды Мухаммат, глядя на своего пса, сказал: «Эх ты, негодный! Если так пойдет, скоро в моем стаде некому будет блеять».

Проснувшись на следующее утро, он не заметил своего волкодава. Искал, звал его, но тот не появился. Жалко ему стало, хороший был пес. Через два-три дня, стоя перед кошарой, Мухаммат заметил выскочившего откуда-то волка; за ним гнался его пес. Прямо на глазах Мухаммата он настиг волка и растерзал. В благодарность ему Мухаммат тотчас зарезал жирную овцу и бросил ее перед псом, решив, что он, видимо, проголодался. Но пес, даже не посмотрев на мясо, обиженно ушел в сторону.

* * *

В древности балкарцы верили, что душа умершего человека переселится в собаку. Поэтому собаку, начинавшую выть близко к дому, отгоняли, боялись, что в доме кто-нибудь умрет. Для того, чтобы остановить дождь, ветер, готовили хычины с творогом, относили на место, где был зарыт мертвый щенок, и там оставляли.

* * *

Такое я слышал от стариков. Когда человек умирает и душа его попадает на тот свет, и ангелы начинают его допрашивать, душа его сдохшей собаки пытается защитить его, а душа кошки — обвинить: мол, однажды ты согнал меня, спящую, с теплой кровати, а в другой раз не дал мне молока.

ИМЯ ОВЦЫ

Прежнее имя овцы было «золото», но когда человек перестал ее пасти, овца сказала ему: «Алан, если пасешь, то паси, а если нет, то оставь (кзой)! Поэтому овцу стали называть «къой».

СТЕБЕЛЬ ПУЛГУРА

Стебель пулгура растет на труднодоступных для человека и скота выступях скал. У дудки, сделанной из этого стебля, замечательно красивый звук. И не только у дудки, — сами стебли, когда сбрасывают цвет, при дуновении ветра наигрывают печальные мелодии. Когда овцы набредают на пулгуру, они съедают ее до самого корня. На вопрос, почему это так, есть такой ответ:

«Некогда прародитель овец украл золото. А воровство в те времена было делом совершенно неслыханным. То, что баран украл золото, видел прародитель растения пулгура. И вот теперь, боясь, что пулгура расскажет об их позоре всем, овцы и стараются известить ее. Пулгура же, зная об этом, растет на местах крутых, куда овцам добраться трудно».

Когда искусный дудочник начинает играть на дудке из стебля пулгуры овечий наигрыш, овцы, блея, собираются вокруг него.

ПЛАЧ КОЗЫ

В первый месяц Тотура (март), обрадовавшись, что дни стали теплыми, и решив, что и сама она, и ее козлята уже перезимовали, пережили холода, одна коза в местечке Текели обсмеяла Тотура:

Месяцу Тотура — кукиш,
Козлята мои дожили до весны!

Тогда Тотур, разозлившись на сказанное козой, наслал на эту местность морозы. Коза выжила, а козлята подохли. Несчастливая овца сочинила тогда песню-жалобу:

Зачем ты, Тотур, наслал холода на Текели,
Зачем ты, Тотур, заморозил козлят в Текели?

Шкуры их разорвут грифы,
Остальное доедят голодные вороны.

Весна оказалась трудной, оказалась голодной,
Оказалась холодной, оказалась снежной, оказалась ледяной.

(Местечко) Текели я буду теперь называть «скала-убийца»,
Буду лежать над селом, плача-рыдая.

КОТ И МЫШИ

Однажды кот сказал мышам так: «Мыши, я скоро отправляюсь на паломничество в Мекку. Но прежде чем тронуться в путь, я хочу собрать вас вместе, чтобы получить ваше благословение и впредь вести безгрешную жизнь. Что я творил до сих пор, в чем провинился — в том мы должны дать друг другу прощение, благословить друг друга. Все приходит на это собрание».

И все мыши собрались идти туда. И только одна мышка на сносях, сказав: «Если у этого известного мне Кота усы на месте, я, доверившись ему, пойти не смогу», — отказалась пойти со всеми.

Кот собрал всех мышей в одном тесном помещении. Там некуда было ни спрятаться, ни скрыться. Как только все мыши собрались, Кот закрыл двери. Потом он забрался на тахту и, крутя усы, спросил: «Мыши, почему вы прогрызаете кожаный мешок (с зерном), когда он и так открыт?»

Вот тогда бедные мыши и прикусили губы. Кот, начав с краю, истребил их всех. И только благодаря беременной мышке сохранился мышиный род, не то бы ждала его полная гибель.

5. КОНЬ

КАРАШАУАЙ И ГЕМУДА

Карашауай на земле ходил с нартами,
Лютые холода переносил он, словно был из гранита.

За два месяца вырос он, стал нартом,
Взяв лук, отправился в степи.

Увидев там озеро, нашел он в том озере жеребенка,
Этот жеребенок родился от водяных коней,
Карашауай назвал его Гемуда.

Привел его в страну нартов, вырастил,
Гемуда знал и человеческий язык.

Копыта его были твердые, как железо, глаза были блестящие и выпуклые, как у рыбы. Ресниц (у него) не было, щетина не промокала в воде, в морях, озерах дышал, как рыба, жабрами (междуушьем).

ГЕМУДА

Гемуда – верховой конь нарта Карашауая. Он был известен не только в нартских селах, расположенных в Къыркъ суу («Сорокаречье»), но и во всем мире.

Гемуда на вершине Минги Тау*
От жеребца Тейри Зимы
И кобылы Тейри Лета родился.

Эта кобыла рожала одного жеребенка в девять лет,
Гемуда был ее третьим жеребенком.

Двух жеребят съел орел Анкар,
Третьего, выследив,
Взял Карашауай
И назвал его Гемудой.

Гемуда был трехног, с медными ушами,
С булатными копытами.

Один глаз его видел все, что на небе,

---

*Минги Тау – гора Эльбрус.

Другой глаз ночью на дне рек, морей
Мог различить волосинку.

Потянувшись через Минги Тау, он
Пасся на пастбищах Предкавказья.

Потирая свою шею о вершину,
На Минги Тау он образовал седловину.

Когда в предгорьях трава выгорала,
На Северном Кавказе склоны Минги Тау
Объедал он, превращая их в голую землю,
А навоза его хватало (для удобрения) полей всей Страны Нартов.

Когда он ржал, жеребые кобылы преждевременно жеребились,
А яловые кобылы беременели,
Жеребцы от испуга выхолащивались,
Искры от копыт Гемуды
Стали звездами на небе.

Пар из одной его ноздри
Вызывал лето,
А из другой — зиму,
Моча его сносила мосты,
На скачках несея быстрее ветра,
Быстрее звука.

ТАРПАН* ХРАБРОГО ШАУАЯ

Мать нартвов Сатанай вырастила Карашауая, поставив его колыбель на вершине Минги Тау. Матерью Алаугана тоже была она. Сатанай взбиралась на вершину Минги Тау и там ходила.

Там был еще конь — Гемуда. На вершине Минги Тау было глубокое озеро, этот конь выходил из него, пасся, а потом скрывался в озере. Это озеро называлось Вода Здоровья, говорили, что выпивший воду из нее не умрет до светопреставления.

Бабушка Карашауая вырастила его на вершине Минги Тау. У Шауая была шапка-невидимка, он понимал речь Гемуды, у них был общий язык, Гемуда тоже понимал Шауая. Гемуда по желанию превращался то в клячу, то в откормленного скакуна, мог принимать любой облик.

Шауай тоже принимал облик то старика, то хромого, то красавца-джигита.

Однажды он (Гемуда) сказал:

— Я буду то лоснящимся, то худым, то изможденным чесоткой, безгривым. Ты тоже принимай соответствующий облик. Надень шапку-невидимку. Если ты будешь мужчиной, то я тебе буду конем.

Тогда Шауай, испытывая его, перепрыгнул через Минги Тау к Черному морю, затем обратно к Северному морю (?); ударив, разделил надвое

---

*Тарпан — богатырский конь.

вершину Минги Тау. Увидев это, в него влюбилась дочь хана. Когда он выпускал Гемуду пастись, тот превращал аланские равнины, степи в черную землю (объедал всю траву).

ЖЕРЕБЕНОК ГЕМУДА

Карашауай знал, какой могучей силой он обладает. «Где бы мне найти лошадь по себе?» — думал он. Тогда ему сказали: «На вершине Минги Тау есть одна кобыла, если достанешь рожденного ею, он подойдет тебе, но этого сделать никто в силах».

Тогда Карашауай взобрался на вершину Минги Тау, куда никто не решался взбираться. Говорят, та кобыла на вершине горы была трехногой. Когда Карашауай достиг вершины, кобыла как раз жеребилась.

Взяв жеребенка, принес его в одно место,
Корм для жеребенка он готовил с ночи,
Так он его вырастил, сделал из него коня,
Потом, сев на него, испытал,
Понял, что конь будет его достоин.

СИЛА ГЕМУДЫ

Карашауай в путь отправился,
Чтобы испытать Гемуду, к седлу приник.

Скача, достиг степей.
Черекское ущелье он (Гемуда) своей грудью образовал (рассек),
Чирик-кёл (Голубое озеро) его копыта образовали,
Снова он (Шауай) вернулся в долину,
Через много рек переправился на Гемуде.

С равнины они посмотрели на Минги Тау,
Решили перепрыгнуть через него.

— Тейри Земли, помоги! — сотворили мольбу,
Одним прыжком достигли Минги Тау.

Перепрыгнули через него на другую сторону,
Задев копытом, образовали седловину.

По песчаным равнинам скача, бродя,
Заметили вдалеке огненные горы.

Поняли, что это бесовские огни,
Захотели перебраться через огненные горы.

Гемуда предложил ему на выбор:
— Первое — перелечу по воздуху (по небу),
Второе — пойду напролом, через них,

Третье – ветром из ноздрей огненные горы
Превращу в ледяные.

– Ты – конь Тейри Воды, доставшийся мне,
На небе, в воде и везде никто с тобой не сравнится, –

Так сказав, вскочил (Карашауай) на Гемуду,
А тот выпустил ветер из ноздрей
И превратил огненные горы в ледяные.

ПЕСНЬ О КАРАШАУАЕ И ГЕМУДЕ

Гемуда родился весной, в месяц Тотура (март),
Больше всех он любил Карашауая.

С рождения знал человеческий язык,
Его любил и Тейри.

Ни один зверь не мог догнать его,
Никакая птица не могла его перегнать.

Из стали были копыта Гемуды,
Из чугуна были его челюсти.

От его шагов сотрясалась гора Казбек,
Начинали мычать зубры Кёсе Тау.

Очень любил прыгать с горы на гору,
Знал все места в стране нартов.

Он взобрался первым на гору Казбек,
Он первым покори́л Минги Тау.

Стрела не пробивала его кожу,
Меч его не брал.

Карашауай прилип к Гемуде,
Чтобы не свалиться, приник к седлу.

Скача, примчались в далекую даль,
Наткнувшись на крутую скалу, ударили грудью.

Раскололи крутые скалы надвое,
Сказали: «Пусть это будет Черекское ущелье!»

Чирик-кёл (Голубое озеро) образовано его копытом,
Дыханием своим он разрушал чугунные башни.

У Дых Тау он вздохнул, отрыгнул,
Оттуда перепрыгнул в Тихтенген.

В морях он резвился, как рыба,
До самых высоких звезд долетал.

Чегемская теснина проложена его грудью,
Потом он вернулся в Баксанские горы.

Одним прыжком достигли Минги Тау,
Перепрыгнули через него и обратно.

Копыта его задели Минги Тау
И образовали седловину.

БЕССМЕРТНЫЙ ГЕМУДА

У Минги Тау есть седловина. Говорят, она образовалась оттого, что Гемуда задел (гору) копытом. Говорят также, что на вершине Минги Тау было два родничка. Теперь их нет. По обеим сторонам этих родничков было два болотистых островка, (поросших травой). Пока Гемуда объедал один островок, на другом вырастала трава. Так, щипая траву и напиваясь из родничка, он жил некоторое время. Эти два островка травы не давали ему голодать. Говорят, что выпивший воды из родничка, не старел. Так он и жил, а потом Аллах его знает, что случилось, Гемуды уже там нет.

* * *

По рассказам, на вершине горы, среди расщелин, есть целебный родник. В разгар лета вокруг него вырастает ярко-зеленая трава. В эту пору Гемуда поднимается к источнику (попить), а перед уходом берет с собой и поит этой целебной водой и Карашауая. И таким образом оба они, не старея и не умирая, живут в окрестностях Минги Тау.

ЧЕСТЬ КОНЯ

В прежние времена коней, помогавших своим хозяевам и имевших ум, как у людей, после смерти владельца хоронили вместе с ним. В местности Инал-сырт я сам видел останки коня и человека, захороненных вместе. У таких коней глаза были иной формы, чем у других, разрез их был удлинённый. По обе стороны шеи на груди были завитки волос, их называли «крыльями». Таких коней было очень мало, один на сотню.

Когда у кого-нибудь рождался сын, чтобы дать ему имя, приглашали родственника, уважаемого человека. Ему дарили подарки, делали жертвоприношение, устраивали пир, таков был обычай.

Когда же мальчику исполнялось лет четырнадцать-пятнадцать, человек давший ему имя, дарил ему коня, а также, если имел возможность, оружие, (что-нибудь) вроде кольчуги. Поэтому и говорят: «Давший имя посадит на коня».

Прежде наши старики очень почитали коней. Не дай Аллах, если на их глазах кто-нибудь стегал своего коня плетью, они буквально приходили в бешенство: «Ах ты, сукин сын, зачем ты так делаешь?! Разве ты не

знаешь, что голова коня — это солнце?» Говорили, что честь коня настолько высока, что даже обуры (оборотни) не могут с ним ничего сделать.

Кроме того, большой силой обладает пот коня. Скажем, если плеткой, пропитанной потом (коня), даже легонько ударить змею, та умирает. Как бы там ни было, конь — враг змей, змея, ужалившая коня, тотчас умирает. Если приходилось ночевать в местности, где много змей, ложились спать внутри круга из волосяного аркана. К такому аркану змея не подходит близко.

Когда наступала засуха, конский череп, подвешенный на бечевке, опускали в воду. Вскоре после этого начинался дождь, который длился до тех пор, пока череп не вынимали из реки. Но для этого годился не всякий конский череп, а только череп одного из тех коней, о которых я говорил выше. На таких черепах писали и заклинания. В один год, чтобы вызвать дождь, опустили в реку конский череп, а веревка оборвалась, и его унесло водой. И так разнепогодилось, что в тот год не смогли собрать сено, все сгнило.

Говорят, прежде с удовольствием ели конину. Если поест мяса коня, холод не берет. Так как конь был священным (животным), то после распространения мусульманской религии эфенди и муллы стали запрещать употребление конины в пищу, говоря: «Конь участвует в битвах вместе с человеком». Однако многие продолжали есть конину, едят и сейчас.

Наверное, оттого, что кони были почитаемы, их черепа вывешивали на коновязях и кольях плетней, чтобы они оберегали от разных напастей. Считалось это доброй приметой.

* * *

Считали плохой приметой ездить на коне, у которого все четыре копыта и лоб были белые, а глаза пестрые. Говорили, что такие кони с бесовской примесью, с плохой (неправильной) кровью.

* * *

Если ночью выбросить из дома на улицу старую подкову, из членов семьи умрет тот, кто ездит на коне, или твой конь станет спотыкаться, так считали.

УМНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Таких умных коней я видел, что если кто-нибудь сердито, грубо разговаривал с его хозяином, то он, подойдя к ним, толкал того человека коленом! Или стоило только хозяину подойти к табуну и потрясти уздой, как (конь) тут же прибегал. А если конь не подбегал к хозяину, тогда знали: дорога будет неудачной.

* * *

Настолько умное животное лошадь, что, можно сказать, умнее и быть не может. Так, я слышал от стариков, что были такие лошади, которые узнавали не только людей, но и своих матерей. Говорят, однажды такого

жеребца обманом случили с матерью, накинув ей на спину шкуру другой лошади. Так тот, когда осознал случившееся, умер, сердце разорвалось. А другой жеребец, с которым поступили так же, надеясь, что родится замечательный жеребенок, бросился со скалы. Видимо, наблюдая такие случаи, древние и сказали: «Плохой жеребец охоч до матери».

ОХОТНИК ГОНАЧХИР

Когда человеческие гурты осели в верховьях Малки, образовав селение, среди них жил один охотник по имени Гоначхир. Легконогий Гоначхир, так его называли, потому что он быстро ходил по горам. Гоначхир был высок ростом, худощав, а жилы на ногах у него были крепки, как у волка.

Гоначхир обеспечивал продуктами охоты человеческие гурты (Что значит — «гурты»? — Вероятно, группа, кучка людей-беженцев, так я слышал), осевшие в верховьях Малки. Гоначхир не принадлежал к этому гурту, его, лежащего на развилке дерева, нашла в лесу и вырастила женщина из гурта. А когда он вырос, большая часть его жизни проходила в лесах, на охоте.

Матерью Гоначхира была дикая кобыла. А отцом — облако в небе. Так говорила его кормилица. В приемном доме он рос, не зная этого. Не знал до тех пор, пока не возмужал и не стал ходить на охоту. Возможно, он и знал бы, если бы в тот момент, когда дикая кобыла родила его и, оставив на развилине огромной туи, отлучилась, на него не напоролась женщина, собирающая хворост.

Однажды, когда Гоначхир, подойдя к гигантской туче, прилег отдохнуть, на ветку сел какой-то пестрый орел. Гоначхир, у которого уже смыкались глаза, услышал спросонок такие слова:

Да не останется в лесу дикой кобылы,
Если она рождает человеческое дитя,
Пусть в сельском обществе не вырастет человеческое дитя,
Если оно, не найдя свою мать, успокоилось...

Пораженный Гоначхир вскочил на ноги. Орел улетел, и не успевший что-либо спросить Гоначхир остался в недоумении, что это был за орел, разговаривающий по-человечески.

Прошли годы. Гоначхир продолжал ходить на охоту и кормить людей гурта дичиной. Гоначхир не стрелял в кийиков из лука, он догонял их и, схватив за задние конечности, валил на спину; одним взмахом перерезал горло, всовывал кулак в рану и мгновенно, не успевала еще душа покинуть тело, сдирал с нее шкуру.

Гоначхир не давал покоя стадам зубров. В местах, где он появлялся, зубры стекали со склонов, падали со скал. Но сколько он ни ходил, ни разу больше не встретил в лесу того пестрого орла. Не в силах больше держать в себе услышанное под гигантской тучей, он рассказал все приемной матери и спросил:

Эй, эй, мать моя, молочная мать,
Человек, вложивший в мое тело душу,
В лесу я увидел орла,
С тех пор семь раз приходила зима,

Семь гор я облазил,
Семь гор я окликал,
(Но) того орла (больше) не видел,
Тот орел не прилетел,
Такого звука не подал.

А что то был за звук?
— Он говорил по-человечески:
Да не останется в лесу дикой кобылы,
Если она рождает человеческое дитя,
Пусть в обществе не вырастет человеческое дитя,
Если оно, не найдя свою мать, успокоилось...

Тогда приемная мать Гоначхира так заговорила:

— До рассвета пойдя в большой лес,
Пятилетнего зубра поймай за задние ноги.

Голову его выделишь Апсаты,
Себе возьмешь две доли.

Взяв их, пойдешь к туе,
Влезешь на развилину и останешься там.

Трехногий козел подойдет к тебе,
Рога его будут касаться краешка луны.
Быстро вскочив с развилки,
Схватишь ты его за рога.

Потом, не отпуская этого трехногого козла,
Так у него спросишь:

— Пусть зарок мой пред тобой не будет зарокон,
Если ты не скажешь имя моей матери,

Пусть в лесу для тебя не останется кийиков,
Если не откроешь (предо мной) двери дома моего отца...

Трехногим козлом этим был Апсаты.
Гоначхира так он утешил, говорят:

— Отцом твоим было облачко в высоком небе,
Матерью твоей была белая дикая кобыла.

Белое облачко присело у кромки скалы,
Дикая кобыла от него забеременела.

Сказав это, трехногий козел исчез. Гоначхир, вытащив из укромного места тушу зубра, взвалил ее на спину и вернулся в село. На окраине села он увидел пасущуюся белую кобылу. Сбросив со спины тушу зубра, Гоначхир побежал к ней. Подбежал и видит, что это не белая кобыла, а приемная мать. Гоначхир удивленно спросил у нее:

— Пусть будет день твой добрым, мать моя, здесь паслась белая кобыла, ты не видела ее?

При этих словах Гоначхира приемная мать
Предстала пред ним в образе белой кобылы,
Гоначхир схватил ее за гриву.

— Если ты родившая меня белая кобыла,
Дозволь мне стать свободным и уйти в лес,
Если ты моя кормилица, дозволь служить селу, —

сказал он.

Тогда приемная мать раскрыла свой секрет:

— Ты мой третий ребенок; детей, которых я рожала до тебя, прилетал, уносил и съедал на завалах камней орел Ангкар. Когда в очередной раз настала пора рожать, в поисках способа обмануть его я взмолилась к Тейри: «О Тейри, преврати меня хоть в дикое животное, только позволь мне вырастить свое дитя живым-здоровым!» Он превратил меня в дикую кобылицу, а в отцы тебе предрек облако в небе. О Гоначхир, теперь ты все знаешь, а меня Тейри зовет на небо, — сказала она и улетела.

В то время люди не ездили верхом, так как еще не умели приручать лошадей. Гоначхир тоже ходил на охоту пешком. Однажды на широкой равнине на другом берегу большой реки он заметил табун диких лошадей. Красивые лошади, покусывая друг друга, резвились, скакали наперегонки; гривы их развевались на ветру. Гоначхир, переплыв через реку, вошел в табун. Дикий табун не стал убегать от Гоначхира и вредить ему тоже не собирался.

Нарезав на берегу реки ивовых прутьев, Гоначхир сплел из их коры недоуздок, (затем) поймал одного коня. Еще не умевший ездить верхом охотник, хотя и поймал коня, долго стоял, любясь его красотой, не зная, что с ним делать. Затем накинул недоуздок ему на голову. В это время какой-то пестро-серый жеребец прыгнул на лошадь и обхватил ее передними ногами. «А что, если я тоже запрыгну на спину коню?» — подумал Гоначхир, поглаживая коня, и запрыгнул. Конь не испугался, не взбрыкнул. Куда Гоначхир направлял, туда он и шел.

«А как конь переправит меня через реку?» — подумал он и вошел в реку. Конь переплыл через реку, как будто летел по небу. Поездив еще, он направил его против течения. Конь, раздирая грудью волны бурной большой реки, довез Гоначхира до ее истока. Встряхнувшись, вылез из воды.

— Поигрался, теперь хватит, — подумал Гоначхир и, сняв с коня недоуздок, отпустил его, но конь не отходил от него. Заговорив по-человечески, он сказал:

— Ты меня приручил, сел на меня, и этим сделал себе другом. Теперь я не расстанусь с тобой.

Гоначхир, погладив его по гриве, снова накинул на него недоуздок и, сев на него, вернулся в село. С тех пор люди начали ездить верхом.

* * *

— Юсюп, а как связаны между собой эта легенда и название красивого озера в Карачае, в верховьях Теберды? Охотник Гоначхир — и местность с этим красивым озером?

– Про это ничего сказать не смогу. Как я слышал в детстве, когда Гоначхир постарел и не мог уже ходить на охоту, он, в полном вооружении, сел на коня и ушел под воду, в озеро.

– Так, получается, это сам Аймуш?

– Можно сказать и так. Кто знает...

* * *

Он (Алауган) вывел свою лошадь Гемуду, которая обладала способностью говорить человеческим голосом и принимать вид всякого другого животного и которую до этого времени он держал в подземелье, кормя железными опилками.

С. Урусбиев, 1881

* * *

Подбежал к нему (Алаугану. – Х. Дж.) тарпан, уже оседланный стальным седлом со стальными подпругами.

– Теперь я буду тебе служить, Алауган, а ты не сомневайся во мне и надейся на меня. Тебе не придется кормить меня: я питаюсь только железом, а если его нет, то нахожу в горах железную руду и грызу ее.

* * *

Сказал однажды Алауган сыну: «Есть у меня лошадь, сын; она теперь под землею в конюшне, а питается она там железной рудой. Это мой богатырский конь. Теперь его дарю тебе».

* * *

(После того, как Гемуда катает Генджакешауа по морю, а тот с перепугу раздирает его рот удилами). Конь повернулся и быстро вынес Генджакешауа на берег. Слез нарт, посмотрел на рот коня: рот был цел. «Это наваждение было, – подумал он, – мне это все попритчилось. Отпущу-ка коню подпруги: пусть поест». Но не подпруги он увидал: с боков коня подымались огромные орлиные крылья; хотел Генджакешауа поправить подхвостник – смотрит, вместо хвоста – длинный рыбий хвост. Испугался Генджакешауа и сел на камень. Конь встряхнулся.

– Садись на меня, – сказал конь.

Генджакешауа сел. Конь взмахнул крыльями и полетел.

А. Н. Дьячков-Тарасов, 1898

* * *

...На плетнях и заборах карачаевского жилья увидите насаженные на шестах лошадиные, коровьи или бараньи черепа; этим карачаевец пытается защитить свое имущество от худого глаза, от действия злых духов и даже от воров.

В. М. Сысоев, 1913

Чтобы уберечь огороды и улья от сглаза, карачаевцы вывешивают конские черепа или чучела.

В. Прёле, 1909

6. ДЕРЕВЬЯ, РАСТЕНИЯ

ЯТРЫШНИК И ПОДСНЕЖНИК

Как только заканчиваются сорок самых холодных дней зимы (25 февраля. — Х. Дж.), начинается спор Ятрышника и Подснежника. Выглянув из-под снега, Ятрышник возвращается и говорит: «Сена много, скот упитан. Пусть трава пока отдыхает, скот в нем еще не нуждается».

Следом появляется Подснежник и говорит: «О, сено уже закончилось, скот отощал. Если немедля не вырастет трава, скоту придется очень плохо. Давайте же, травы, всходите для голодных стад!» — так он их торопит.

На припеках, на речных берегах Ятрышник появляется очень рано. Подснежник также одно из растений, первыми проглядывающих из земли. Их спор между собой приятен сердцу скотоводов.

ДЕРЕВЬЯ И РАСТЕНИЯ

«Лук даст болезнь, а чеснок заберет болезнь», — было такое присловье. А почему так говорили, неизвестно.

* * *

Во дворе или у ворот принято сажать иву. Сажать тополя не позволяли, считая, что они распространяют болезни. Говаривали также, что человек, посадивший ореховое дерево, не увидит его плодоносящим. Особенно остерегались сажать их возле дома.

* * *

Один из видов тополя произрастает в лесах и называется «гиди». Ни в коем случае тополя не сажали возле дома, чтобы мальчики не выросли болезненными. Не сажали и сосны — поскольку они сильно выделяются.

* * *

О том, как появилось растение табак, я слышал рассказ стариков в Карачае. Давно, очень давно, в первые времена, Аллах Всевышний отобрал из числа своих ангелов двенадцать и учил их, оделяя всеми знаниями. Среди этих ангелов не было никого талантливее Ибилиса (Сатаны). Он это тоже знал, замечал и становился все более высокомерным. И вот, спустя какое-то время, когда он уже начал считать себя равным Аллаху, он, не спросив дозволения, украл несколько тайных знаний. Кто знает,

может быть, Всевышний Аллах и сам бы сообщил им эти знания, если бы счел это нужным. Но этот проклятый не утерпел, и, украв эти знания, заявил, что Бог — это он. Тогда Всевышний Аллах разгневался и сбросил Иблиса с небес на землю. Когда он упал и ударился оземь, удар был таким тяжким, что он сходил под себя. А растение табак, как говорят, выросло из этого кала.

КУСТАРНИК СИПИ

Раньше люди, чтобы узнать будущее, использовали множество способов: женщины гадали при помощи грубой шерстяной нитки или раскладывали камешки, мужчины смотрели на лопатку. Использовали (для гадания) и ветви кустарника «сипи». «Сипи» растет по берегам рек, ветви у него красноватые, прямые. К ним старались не подпускать скот, и срезать их без надобности не полагалось. Срезали девять или двенадцать веточек, и гадалщик протягивал их к спрашивателю, чтобы тот, закрыв глаза, вытянул одну из них, после чего (гадалщик) говорил, что будет. А если делали по-другому, я не знаю.

А при помощи шерстяной нитки гадали так. Сворачивали ее в кольца, пропускали один конец нитки через них, потом тянули за оба конца и смотрели, сколько узелков получилось. После этого женщины-гадалщицы предсказывали будущее.

ЗНАВШИЙ ЯЗЫК ЖИВОТНЫХ

Один человек шел, гоня перед собой осла и вола. Осел сказал:

— Вол, не подходи близко к обрыву, а то станешь ношей для меня!

Человек, гнавший их, услышав это, рассмеялся. Жена стала приставать к нему: «Скажи, над чем ты смеешься?» Но если бы он сказал это, он должен был бы умереть.

Все это слышал петух. Прокукарекав, он собрал всех куриц и сказал:

— Видите, наш хозяин не может заставить слушаться единственную жену, а сколько душ я держу в повиновении! Послушайся он сейчас жену и ответь ей — и утром он умрет! А чтобы не умереть, он должен сделать следующее: взять три веточки «сипи» и избить ее; тогда он останется жив.

Услышав его слова, мужчина пошел в лес, принес три веточки «сипи» и бил жену до тех пор, пока они не изломались. После этого он рассказал, о чем говорили осел с волом, но не умер. Благодаря словам петуха мужчина остался жив.

БАЙТЕРЕК — СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО

Бездетные женщины приходили к священному дереву, обнимали его, оставляли под ним куски мяса, привязывали к ветвям красные, белые лоскутки и молили:

Дерево Тейри, Священное дерево,
От всех бед избавляющее дерево!

Умолять тебя я пришла,
Вот что я с собой принесла:

(Это) пища белой козы,
(Это) пища серой козы,
Так иссушил меня
Злой заговор колдуна.

Дочери нет у меня, чтобы оплакать, когда умру,
Сына нет у меня, чтобы зарыть в землю!

Дерево Тейри, дерево жизни,
От всех бед хранимое дерево!

Да будет душа моя жертвоприношением твоим золотым листьям,
Помоги моей иссохшей душе!

МОЛЕНИЕ К ОДИНОКОМУ ДЕРЕВУ О РЕБЕНКЕ

Одинокое дерево, Дерево Жизни,
От всех бед хранимое дерево!

Ветви твои – от тейри,
Надежды твои – на Тейри!

Поклониться к тебе я пришла,
Вот это с собой принесла:

Белой козы пища,
Серой овцы пища,

Пусть сбудется на мне клятва
(Святого) Тейри!

Нет человека, иссохшего, как я,
Золотым твоим листьям, душа моя,
Да станет жертвоприношением моя иссохшая душа!

* * *

Один мальчик из рода Байрамуковых срезал ветку Одинокое дерево и онемел.

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО

Раньше у селения Шаурдат росло грушевое дерево, называемое Рау-базы. Оно было огромное, и, если смотреть издали, напоминало человека с распростертыми руками. По самому центру ствола шла трещина. Верили, что из этой трещины каждую ночь выходит кто-то, живущий внутри, и

каждый раз в разном облике. Раубазы поклонялись жители селения Шаурдат, (но) приходили и из других селений, скажем, из Глашево. Этому дереву нельзя было наносить какой-либо вред, ни одной его веточки не срезали. Скрывая имя, его называли Дерево Веры.

Думали, что человеку, обругавшему Раубазы или срезавшему его ветку, он обязательно отомстит. А человеку, почитавшему его, оно всегда помогало, говорят. (Даже) после принятия религии (ислама — Х. Дж.) при спорах говорили: «Пусть бы Аллах был за тебя, лишь бы Раубазы принял мою сторону!»

Мимо Раубазы нельзя было пройти просто так, каждый прохожий должен был оставить под ним или лепешки, или мясо, или деньги, а в праздничные дни делали еще более дорогие подарки. Так же (поступали) охотники, чтобы дорога была удачной.

Под Раубазы лежал большой камень с ямочками на поверхности. Девушки, которые возвращались из леса, собрав малину, смородину, высыпали в эти ямки ягоды, выделяя долю Раубазы.

Каждый четверг жители Шаурдата собирались туда на моление, подвешивали принесенные угощения на ветки или оставляли под деревом. Если на другой день их не оказывалось на месте, говорили, что их съел Раубазы, и, значит, он будет благоволить сельчанам, исполнит их просьбы. Вероятно, эти кушанья съедали животные или пастухи.

В силу дерева верили настолько, что заболевших животных поили отваром из его листьев. А детей, заболевших ветрянкой, купали водой из ручейка, протекающего рядом с Раубазы.

Бездетные женщины приходили к Раубазы, приносили подарки, обнимая его, молили о ребенке. Сосватанные девушки перед свадьбой тоже ходили к Раубазы, просили счастья, богатства.

Даже если чей-либо кровный враг, спасаясь, становился под Раубазы, никто не имел права его трогать, пока он не уйдет оттуда. Если кто-нибудь похищал девушку без согласия ее родителей, рода и (молодые) успевали добраться до Раубазы, шаурдатцы становились на их сторону: «Их обвенчал сам Раубазы».

Естественно, муллы и эфенди не одобряли такие дела, стыдили, укоряли поклоняющихся Раубазы. Но шаурдатцы не оставляли своих привычек, а подарки свои Раубазы относили ночью, когда никто не видел. Когда же Раубазы срубили, ходили к его пню, творили мольбы, собрав щепки, хранили их. Некоторые, завернув эти щепки в полотенца, взяли их с собой, когда балкарцев переселили в Казахстан, и хранили их еще и по возвращении оттуда.

МОЛЬБА К РАУБАЗЫ

Хозяин Неба, Хозяин Земли — Раубазы, Раубазы,
К животным Апсаты дорогу нам открой, открой!

К животным, которые, перевалив через гору, пришли ко мне,
К животным, которые, перевалив через гору, пришли ко мне,

К животным, которые, перейдя через реку, пришли ко мне,
К животным, которые, перейдя через реку, пришли ко мне!

Как только они приблизятся ко мне,
Как только я заряджу свое ружье,
Замедли их шаги,
Благослови мой выстрел,
Стрелам (пулям) моим дай полет!

* * *

Дереву Раубазы поклонялись в Черекском ущелье жители селения Шаурдат. Почему оно считалось священным? Как я слышал, в давние времена в начале июля со стороны Казман-тау (Казбека) появилась огромная черная туча и выпал страшный град. Весь скот, находившийся в Черекском ущелье, погиб, выжили только те животные, которые спрятались под деревом Раубазы. Это был дуб примерно 25 метров в обхвате.

Его срубил еще до революции Алий-эфенди, поехав туда со своими 60 учениками из Кёнделена. Жительницы селения Шаурдат, окружив их, плакали, рыдали и проклинали их. Говорят, когда по дереву был нанесен первый удар топором, они кричали: «Так бы была отсечена твоя голова!» Некоторые же ждали, говоря: «Смотрите, что с ними сделает сейчас Раубазы!» Один из учеников, чтобы раздражить их еще больше, повалился на землю, словно в припадке, дрыгая ногами, отчего женщины стали злорадствовать: «Ага, настигло его проклятье Раубазы!» Когда же ученик вскочил и пустился наутек, плач стал еще громче. Вот так срубили, как я слышал, Раубазы.

СПАСИТЕЛЬ РАУБАЗЫ

Дерево Раубазы, насколько мне известно, было грушей. Правда, некоторые называют еще дуб, сосну, бук. Шаурдатцы обращались к нему с тайными, творимыми про себя молитвами. Один эфенди из рода Хучинаевых со своим учеником хотел однажды ночью срубить его, но их заметил Ульбашев Татау, начал стрелять и чуть не убил. Они еле спаслись бегством.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

В Карачае (прежде) поклонялись одной сосне, называемой Одинокое Дерево. К ней приносили и вешали (на ветках) куски материи и прочее. Чтобы сбылись их мольбы о даровании добра и исцелении от болезней, люди ее наряжали. Женихи и невесты оделяли ее разными вещами.

Ты несякнущее дерево,
Нежелтеющее, всегда зеленое дерево,
Просим у тебя долгой (длинной), как и ты, жизни,
Пришли просить у тебя долгого праздника, —

так они говорили.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО В КАРАЧАЕ

Древние карачаевцы весной, поклоняясь Одинокому Дереву, принося ему жертвы, говорили так:

Укрепляющее людей дерево!
Всех влюбляющее в себя дерево!
Людям помогающее дерево!
От бед спасающее дерево!
Жатву дарующее дерево!
Дожди проливающее дерево!
Мы вышли на пашню,
Храня ее от напастей,
Дай обильный рост (посевам)!
Тебе мы принесли свою долю,
Не забудем о твоей доле и впредь,
Но и ты не забудь о нашей мольбе.
Мы подвесили на тебе нашу чашу,
Ты ее отпусти, нашу мольбу исполни:
Позволь нам вспахать наше поле,
Не ломая соху,
Дай рост посевам!

Если дождей не было и наступала засуха, возле Одинокого Древа приносили жертву и, обходя вокруг дерева, молили о дожде:

Избавляющее от бед дерево,
Дерево Тейри, проливающего дожди,
Настала засуха, что нам делать?
Меньше стало детей, скот
Томится по воде и дождю.
Избавляющее от бед дерево,
Проливающее дожди дерево,
Весь мир изголодался,
Открой же шире двери дождя!
Тучи созови ты,
Двери дождя открой ты!
Пусть засверкают молнии, молнии,
Пусть поскорее пойдет дождь!

Была и песня об Одиноком Дереве:

О Одинокое Дерево, дерево жизни,
О Одинокое Дерево, дерево Тейри,
О Одинокое Дерево, дерево изобилия,
Много сил у тебя!
Помогающее людям дерево,
Всем внушающее любовь к себе дерево,
Золотые листья колышутся на твоей макушке,
«Чоппа» пляшут вокруг тебя.

ПОХОРОНЫ ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА

Когда умирал человек, его тело оставляли (на ночь) под Одиноким деревом, считая, что если его съест зверь, то покойник попадает в рай.

Если у людей была просьба о чем-либо, они плясали вокруг Одинокого дерева, заставляя блеять козленка. Листья одинокого дерева кипятили и пили в качестве лекарства, этой же водой мылись (для излечения).

НАРАТ

Однажды, преследуя оленя, пастух Атабий набрёл на новое пастбище, о котором до этого никто не знал. Оно находилось слишком далеко от пастбищных угодий села, поэтому там никто не пас свой скот. На следующий год он пригнал туда свою отару и разбил кош (стан). Как-то раз, придя к источнику за водой, он заметил на песке следы маленьких башмачков. Откуда здесь могла появиться женщина? Спрятавшись за толстым деревом, он прождал много дней, но никого не увидел.

Но однажды его раздумье было прервано звуком шагов. Глянул он и замер, словно пораженный молнией: на расстоянии вытянутой руки стояла девушка среднего роста, подобная стройной сосне, с алым румянцем на щеках, глаза ее под длинными черными ресницами казались звездами. В отличие от сельских девушек, у нее не было кос. Коротко подрезанные густые черные волосы ее рассыпались по плечам.

Атабий спросил, кто она такая, где ее родители и почему она бродит по лесу. Еще не доверяя Атабию, девушка немного помолчала и ответила: «Меня зовут Нарат («сосна»), мой отец – Хозяин Леса». Так они познакомились.

Больше всего Нарат любила бродить по лесу. Не было в нем уголка, которого она не знала. Начиная со старых деревьев до былинки, все в лесу воздавало почести дочери Хозяина Леса. Заметив ее приближение, огромные ели кренились в разные стороны, освобождая ей путь, цветы стелились ей под ноги. Яблони и груши опускали свои ветви, чтобы Нарат могла отведать их плодов.

Незаметно проходили дни и вот, наступила осень. Пришло время гнать отару в теплую долину. Нарат, проводив Атабия с его стадом до долины, сказала:

– Когда вернешься весной, ищи меня здесь, – и исчезла в чащобе.

Зимними холодными ночами, сидя у теплого очага, Атабий вспоминал о девушке Нарат. И так его одолевали мысли о ней, что он не мог их больше таить в себе и рассказал о Нарат своему другу Бёрюшану.

Еще снег толком не растаял, когда Атабий погнал свою отару в горы. Расположившись на той же поляне, он пустил отару пастись, а сам кинулся к тому месту, куда обычно приходила девушка. Не успел он еще дойти туда, как девушка уже шла ему навстречу.

Нарат приходила в кош каждый день. Доила овец, давила сыр, готовила ужин, шила теплую одежду, валяла войлок. Любая работа спорилась в ее руках.

Однажды в кош заявился Бёрюшан. Увидев девушку, он не мог отвести от нее глаз. Всю дорогу до дома перед ним стоял ее образ. Зависть к другу заполнила сердце Бёрюшана.

Атабий же полюбил Нарат всей душой. Попросил ее выйти за него замуж. Девушка долго не соглашалась, говоря, что ей трудно будет жить среди людей, да и что она ответит, если ее спросят, какого она роду-племени — так она возражала. Но в конце концов она дала свое согласие, лишь пожелала, чтобы Атабий сам отправился к ее отцу, Хозяину Леса, со своей просьбой. Показала ему дорогу. Еще она сказала, что тысячи лет назад желуды были покрыты каменной оболочкой, и только один из них смог пробить каменную скорлупу и дать росток, а камень в виде кольца так и остался на дубе, поднявшись вверх, и что дуб в пять обхватов с одевшим его каменным кольцом и есть отец Нарат.

Согласно древнему обычаю, Атабий принес в жертву Хозяину Леса скот. Поскольку Хозяину Леса это понравилось, Атабий осмелился посвататься к его дочери. Тот согласился, но потребовал огромный калым. Атабий стал уговаривать его снизить размер калыма или разрешить выплачивать его частями после свадьбы. Но тот только рассмеялся в ответ:

— Забудь о том, что сейчас сказал, добрый молодец. Настоящий калым за такую девушку впятеро больше того, что я потребовал. Иди и принеси, пока я не увеличил его.

Долго размышлял Атабий, где бы достать столько добра, чтобы заплатить за свою любовь. Решил сначала перевалить в Загорье (Закавказье), оттуда к урумам (грекам-византийцам) или, на худой конец, наняться на службу в войско падишаха. При расставании Нарат сказала Атабию:

— Я буду ждать тебя, приняв образ сосны. Когда вернешься, подойди к сосне, скажи: «Я пришел, Нарат», — и я тотчас приму образ человека.

Только они расстались, как ноги девушки превратились в корни дерева, руки и пальцы — в ветви, волосы — в зеленую хвою, тело — в стройный ствол.

Вернувшись в село, Атабий обо всем рассказал Бёрюшану, указал и место, где стоит сосна. Поведал и о том, какие слова скажет дереву, когда вернется с калымом. Он попросил Бёрюшана проследить, чтобы никто не нанес вреда тому дереву.

А Бёрюшан только и думал о Нарат. Любым путем он хотел привести ее в свой дом. Взяв с собой несколько человек, таких же бесстыжих, как сам, он пришел на сосновую поляну. Найдя дерево, о котором ему говорил Атабий, он произнес те самые слова. Как только девушка явилась, он схватил ее, перекинул через седло и пустился вскачь. Тотчас загудел весь лес. Преграждая дорогу всадникам, деревья склонились к земле. Колючие сосновые ветки, хватая преступников за шею, сбросили их с коней. Бёрюшан и его спутники растерялись. Пытаясь отвести в сторону хлеставшие его по лицу ветки, Бёрюшан упустил девушку, и она скрылась в лесу. Деревья вновь поднялись вверх, ошетилившиеся иглами ветви разгладились. Опозорившийся Бёрюшан и его спутники еле-еле добрались до дороги.

Слух об этом распространился по всем селениям. Услыхав о красоте Нарат, юноши разбрелись в молодом сосняке искать ее. Но то дерево так никто и не отыскал, а если и отыскал, Нарат не захотела выйти к людям.

Из-за обиды, нанесенной Хозяину Леса, природа пришла в страшный

гнев. Полгода, до самого окончания сенокосного сезона, не переставая шел снег. Отары овец, стада коров, табуны гибли в сугробах. В селе начался мор и голод. Старики, творя молитвы, совершали жертвоприношения. Они повелели всем односельчанам, чтобы они не только прекратили поиски Нарат, но чтобы и имя ее впредь никто не произносил.

Прошло много лет, и Атабий вернулся с чужбины. Ушел он юношей, а пришел уже зрелым мужчиной, весь покрытый шрамами, полученными в сражениях. Был бедняком, а явился богачом.

Слушая его рассказы, люди, не расходясь, просидели до утра. Атабий спросил о Бёрюшане. Когда ему поведали о его преступлении, Атабий нахмурился и помрачнел. Он поклялся отомстить Бёрюшану, который не сдержал своего слова, изменил мужской дружбе и растоптал честь девушки.

Едва рассвело, Атабий оседлал коня и поспешил на сосновую поляну. Там было много деревьев, однако ни девушку, ни окольцованный камнем древний дуб он не нашел.

Много дней скитался Атабий по лесу. Не ел и не пил. Подходя к молодым соснам, глядя их холодную кору рукой, говорил: «Я пришел, Нарат», — но любимая не показывалась, и слова его были напрасны.

В один из дней на узкой дороге он повстречал своего врага. Бёрюшан, посадив в арбу жену и детей, шел, ведя лошадь под уздцы. Со скрежетом, высекая искры, скрестились кинжалы. Через мгновение кинжал Бёрюшана отлетел в сторону. Но вдруг Атабию бросились в глаза дети, сердце его кольнуло, и он, вложив кинжал в ножны, ушел, не сказав ни слова.

Прошло лето, и наступила осень, затем зима, затем вновь настали теплые весенние дни. Атабий так и продолжал искать Нарат. Так минуло двадцать лет. Старики, собравшись вместе, нашли в лесу Атабия и стали просить его, чтобы он прекратил поиски и вернулся домой. «А что, если Нарат вышла замуж или живет с отцом в других лесах? А кроме того, не забывай, что она молодая и красивая девушка, а ты уже согбенный старик», — убеждали они его. Атабий ответил, что разыскивает Нарат не потому, что верит, что сыграет с ней свадьбу, а только ради того, чтобы один-единственный раз поглядеть в ее глаза, подобные звездам, услышать ее прекрасный голос. И еще он хочет попросить у нее прощения за оскорбление, нанесенное ей людьми.

Старики ушли, а Атабий остался, чтобы продолжить поиски. Он отправился к тому месту, где впервые увидел Нарат. Сидя у источника, стал думать о своей несбывшейся мечте. Подул ветерок, и на старика осыпались листья.

Сельчане нашли его здесь — он был погребен под опавшей с деревьев листвой, а рядом на песке виднелись следы женских башмачков.

С тех пор прошло много лет. Люди не забыли эту печальную повесть и, собираясь нанести удар топором по дереву, всегда опасаются — как бы не нанести увечье Нарат.

* * *

(О Жангыз Терек). ...Это довольно большая, корявая, развесистая сосна, одиноко стоящая среди голой равнины между Хурзуком и Учкуланом, по правую сторону р. Хурзука. Толщина сосны 7 аршин в обхвате. Она,

очевидно, первоначально, на высоте 2-2,5 арш. от земли разветвлялась на три ствола. Теперь один ствол обломан, а два из них сохранились; один идет вверх почти прямо и разветвляется лишь на высоте 5-6 саж., а другой начинает разветвляться через 2-2,5 арш. Почти все ветки дерева приклонены к земле. Дерево пользуется у карачаевцев большим почетом.

В. М. Сысоев, 1913

* * *

В отдаленные времена один из куртатинских осетин, Элеу, проезжая в Балкарии, задумал завестись палкою в долине Хызны. Он высмотрел ореховый куст с тремя очень прямыми ветвями и стал их рубить. Когда он начал рубить первую ветвь, из нее раздался голос: «Не бери меня!». Тот же голос повторился из другой ветви. Из третьего же отростка послышался голос: «Возьми меня, куда ты будешь владеть мною, я принесу тебе счастье!». Элеу срубил ее одним взмахом и обделал в палку. С этой палкой он не расставался и действительно был счастлив и дома, и в многочисленных стычках с неприятелем. Однако под конец ему пришлось лишиться чудесной палки, причем, впрочем, она оказала ему последнюю услугу, возвратив ему свободу.

Однажды куртатинцы под предводительством Элеу угнали у балкарцев скот, именно у Беппи, одного таубия из рода Абаевых. Беппи бросился с дружиной в погоню за похитителями, нагнал их у Чохолы (на Урухе) и разбил наголову. Видя, что ему приходится плохо, Элеу бросил незаметным образом свою палку в кусты, чтобы она не досталась балкарцам. Сам же он с частью своей шайки попался в плен и был отведен в Балкар. Находясь в плену, он рассказал Абаеву о чудесных свойствах своей палки, и тот обещал отпустить его на волю без выкупа, если он отыщет палку и передаст ее ему. Элеу посоветовал зажечь траву на месте, где происходила стычка, и это было сделано. Тогда выгорела вся трава, кроме небольшого кружка, где лежала чудесная палка. Таким образом, она перешла в род Абаевых, который и до сих пор хранит ее как святыню в особом сундуке, а Элеу получил свободу.

Впоследствии потомки Элеу не раз старались вернуть свою родовую святыню, но их попытки остались безуспешны. Еще до сих пор время от времени они приезжают к Абаевым, чтобы поглядеть на палку.

Эта легенда о палке свидетельствует о том, что верования в фетиши так же хорошо примираются у кавказских горцев с христианством, как и с магометанством. Совершенно сходное с этим предание нам случилось слышать в Камунте о чудесном куске дерева, сохранявшемся в осетинской (христианской) семье Атаевых до 1865 года, когда семейный фетиш, которому приписывали благосостояние предков, был сожжен благочинным отцом Гатуевым. Впрочем, ранее водворения мусульманства верования балкарцев и осетин были, вероятно, одни и те же. И те, и другие были оязычившимися христианами. Заметим, что в Балкарии также много следов древнего христианства. Есть и камень Баирам (осет. Маирам), некогда святилище Богородицы, которому женщины до сих пор приносят жертвы. Есть, по словам г. Цигулеева, при впадении реки Зилги в Терек, курган, в котором, по-видимому, была некогда церковь. Дверь ведет в не-

большое, сложенное из камня, помещение в середине кургана. Здесь будто бы очень много каменных статуй, причем одна представляет собой женщину с младенцем на руках. Мимо этого кургана, называемого осетинским именем Хусан-уат (т.е. спальня), не носят покойников и не пропускают свадебные поезда. Все проходящие должны оставить там какое-нибудь приношение.

В. Миллер, М. Ковалевский, 1884

7. СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА И КАМНИ

ЯХОНТОВАЯ ПЕЩЕРА

В древности, во времена нартов-сибилов, у подножья Минги Тау была пещера, называемая Яхонтовой. Это была такая огромная пещера, что в ней могло разместиться целое село; нарядная, ласкающая взор пещера, которая ослепительно сияла днем и ночью и в которой были собраны яхонты, алмазы, медь, жемчуга, золото, железо. Богатствами этой пещеры пользовались нарты; нартские мастера устроили в ней мастерскую и из железа и меди ковали оружие и доспехи для нартов, а из драгоценных камней изготавливали украшения для нартских девушек.

Чтобы никто не проведал о сокровищах Яхонтовой пещеры, нарты поручили ее охрану самому мудрому из нартов, старому Дебету. А себе для жительства гораздо выше Яхонтовой пещеры построили из гранита большую башню, украсили ее тоже яхонтами и обосновались там.

ПОКЛОНЕНИЕ КАМНЯМ

В Холаме был Синий камень. На нем были отпечатки ножек колыбели. Когда-то убежавшие от мора люди поставили на него колыбель, отчего и появились эти отпечатки. Его особенно почитали Бозиевы. Другое название камня – Огненный камень.

* * *

В Жуушку был камень, называемый *Жут жол* – «Дорога алчности». Если возле него кто-либо произносил *жут жол*, камень повторял эти слова. К этому камню женщины носили (в качестве жертвы) яйца и пироги.

* * *

В Учкулане камень *Кадау таш* – «Краеугольный» обходили с правой стороны, чтобы избежать порчи от *Жер иеси* «духа-хозяина» местности.

* * *

Люди, жившие на скале Ийре, закончив какое-либо дело, поклонялись камню, напомиравшему очертаниями человеческую фигуру. Этот камень напоминал стоящего человека и находился возле родника. Его называли *Кашха таш* – «лысый камень».

* * *

В Безенги почитали камень *Кош таш* – «сросшийся камень», поклонялись ему. Каждый, у кого была какая-либо тягота или просьба, принеся к камню снедь, молил его:

Ты – камень Тейри,
Ты – главный свидетель Тейри Земли,
В мольбу нашу вникни, вмешайся, помоги,
Передай во чрево земли нашу заботу, подай помощь! –

и после этого, преклонив колени, отдав поклон, уходил.

* * *

В Карачае есть место, называемое Пораженное молнией. В языческие времена для молений о благе ходили туда. Святость этого места объясняли так: когда туда попала молния, Тейри Земли убежал оттуда и теперь там обитает Тейри Неба. Там молили и о ребенке: «Огненный Тейри Неба, даруй нам сына, (и) пусть его меч будет острым!»

* * *

В Большом Карачае был Камень Запрета. Всякий проходящий мимо него, исходя из своих возможностей, оставлял там что-нибудь (в подарок) и молил о благе, добре. Существовало поверье, что когда-то на этом камне сидел сын Тейри Земли – Сауман.

* * *

Этот камень находился в Верхнем Чегеме. Люди, заболевшие паршой, приносили к нему еду и половину съедали там сами. Половину оставляли и уходили, сказав: «Камень Элии, помоги, исцели!»

* * *

В старые времена в Карачае был камень Ышхайты. На этом камне весной на раздвоенном вертеле смолили свиней. Когда гремел гром, там разводили большой костер и прыгали через него. Верили, что от запаха смоления разбегаются вредные существа, что этот запах предохраняет злаки от вредителей. Этот обычай достался нам от Тейри Огня.

* * *

В Татартюпе был маленький домик. Людей, что-нибудь укравших, водили туда. В этом домике, в дальнем углу была цепь. Укравший должен был взяться за нее. Если он был виновен, цепь втягивалась ввысь, в небо, и не давала себя схватить.

* * *

Генжесан – исполняющий мольбы, дарующий просимое домик на берегу Кубани. Там ни в коем случае нельзя было говорить неправду.

В Верхнем Чегеме есть место под названием Нафжияк. Это слово означает «сторона нартов, сторона, где обитали нарты». Высокий Нартский камень – один из тех, что стоят там и ныне. Наши старики говорили, что во времена нартов, если возникла где-либо опасность, один из них с этого камня оповещал нартский народ о тревоге, обращался с призывом.

После этого нарты, все как один, устремлялись навстречу опасности, на борьбу, войну. По какой-то причине нарты, воюя, исчезли из тех мест. А камень тех нартов стоит и сегодня. Этому нартскому камню в Нафжияке потом поклонялись чегемские балкарцы, отбивали ему поклоны. Например, когда рождался мальчик, нартский камень поливали водой, и в этой воде купали младенца, со словами:

Стань таким же кузнецом, как нарт Дебет,
Таким же героем, как Карашауай,
Таким же светочем, как Сосурук,
Стань любимцем своего народа,
Опорой своего народа! –

А девочке говорили такое благопожелание:

Стань полной луной, как Сатанай,
Пусть жизнь твоя будет сплошным праздником,
Пища твоя пусть будет изобилием-даром от Тейри Земли,
Пусть изобилие не иссякнет, не умрет в твоём доме и селе.

ПОКЛОНЕНИЕ СИНЕМУ (НЕБЕСНОМУ) КАМНЮ

– Пусть Синий Камень поразит моего врага,
Почему ты не отдаешь мне то, что я требую?
Он исказит твой облик,
Судорогой сведет твой рот.

– Лишь бы огненный камень (табуированное название)
не поразил меня,

Я готов дать то, что ты требуешь.
Буду сидеть у твоего очага,
Желая ему не остыть (вовсе).

Пусть на Синий Камень проливаются дожди,
Пусть его поминают весь год,
Пусть он сожжет скупого,
Пусть изведет его, отняв здоровье.

Пусть Синий Камень пребывает у источника,
Пусть воду обращает в мед,
Пусть туда не наведываются лягушки,
Пусть в нем плавают осетры.

КАРАЛАН

В одном из горских селений жил бедный старик по имени Каралан. Жена его давно умерла, и когда единственная дочь вышла замуж, он остался один. Его домик был на самой окраине села, среди скал огромной горы.

Каралан был одним из самых уважаемых в селе стариков. Всю свою жизнь он старался всем помогать, всех поддерживать. Он не терпел, когда кто-нибудь творил насилие над другим. «Всех нас сотворил Великий Аллах, все мы перед ним равны. Мы должны жить, уважая друг друга», – говорил он людям. Каралан был еще и певцом. Когда в селе у кого-то было горе или кто-то трагически погибал, ему заказывали сочинить поминальную песнь. Его острого слова, шуточных песен боялись даже богачи.

Когда кто-то творил над людьми насилие, и односельчане Каралана, и жители других сел приходили с жалобами к нему. А тот, исходя из принципа, что один раз родившийся один раз и умрет, никого не боялся, предъявлял претензии даже самым злым, самым жестоким людям. За это богачи и жестокие, бесчеловечные люди не любили Каралана и хотели любым способом убрать его из села.

Однажды у Каралана состоялся большой спор с князем, не заплатившим своему батраку. После этого он сочинил шуточную песню, в которой обвинил князя в жадности, недержании своего слова, перечислил другие его недостатки и, спев песню на ныгыше*, сделал князя посмешищем для всего села. Князь сильно разгневался на Каралана. Как-то темной осенней ночью, когда лило как из ведра, он и два его друга ворвались в дом Каралана, убили его, а труп спрятали среди скал, завалив камнями.

Когда Каралан несколько дней не появился на ныгыше, люди пошли искать его домой. Не найдя его там, они решили: «Видимо, он уехал в гости к дочери». Прошло довольно много времени, и когда выяснилось, что он нигде не гостил, его дочь и односельчане оплакали его, справили поминки.

Но князю и его друзьям убийство Каралана тоже не пошло на пользу. Однажды, когда этот князь вместе с другими князьями был на охоте, им встретилась раненая рысь. Обезумевшее от ран животное, прежде чем растерявшиеся люди пришли в себя и убили ее, бросилось на ехавших впереди князя и его друзей-убийц и страшно изранило их. Князь и один из его товарищей умерли там же. Третий мучался еще три-четыре дня, но тоже скончался. Перед смертью он рассказал, как они расправились с Караланом.

Людей не очень огорчила их смерть. «Аллах покарал их за убийство Своего верного слуги. Правда Каралана их не отпустила (не позволила уйти от наказания)», – говорили они.

Весной на месте, где стоял домик старого Каралана, стали бить теплые источники. Люди ходили смотреть на это чудо. Вдруг из места, где вытекали эти горячие родники, раздался голос Каралана: «Если станете купаться в этих горячих источниках, станете пить нарзан, будете сильными, здоровыми».

Вот так старый Каралан даже после смерти не перестал помогать людям. «Воды Каралана», «родники Каралана» – так люди называли эти горячие нарзанные источники. С тех пор прошло много лет, века, но легенду эту в горских селениях рассказывают до сих пор.

КАМЕНЬ ИЛКЕР – СОЗВЕЗДИЯ ПЛЕЯД

Давным-давно была местность под названием Сары Кая (Желтая Скала). Теперь ее нет. Там было расположено нартское селение. Пищей их были овес и буза. А свободное время они проводили в набегах.

---

*Ныгыш – завалинка, место сбора сельчан.

В нартском селении жил некто по имени Маймур. У него не было детей. Причиной же того, что у него не было детей, было следующее: он ради забавы скатил с горы камни, окружавшие Камень Илкер в Сары Кая. А камни эти были сыновьями Камня Илкер, жители нартского села знали об этом, приносили им жертвоприношения, поминали их.

Однажды, когда Маймур собирался идти пасти овец, мать сказала ему:

— Смотри, ни в коем случае не трогай камни Илкер.

— А что случится, если трону? — спросил тот.

— Тогда Илкер разозлится, и тебя либо парализует, либо ты оглохнешь, либо ослепнешь; или же (Илкер) всегда будет подавать тебе надежды, а когда ты вроде бы приблизишься к цели, он у тебя их отнимет.

И все же Маймур не выполнил наказа матери. Когда овцы прилегли на скальном выступе пожевать жвачку, Маймур начал скатывать камни Илкер. Как только он выковыривал камень, яма под ним наполнялась кровью.

Когда он скатил первый камень, справа от скалы Ча образовалась трещина и оттуда хлынула вода. Эта вода пошла по следу, оставленному скатившимся камнем. Когда Маймур скатил второй камень, слева от скалы Ча образовалась трещина и, как и в первый раз, оттуда хлынула вода. Эта вода пошла по следу, оставленному вторым камнем и превратилась в речку. Когда Маймур скатил третий камень, скала Ча треснула посередине и оттуда (тоже) пошла вода. Эти воды, слившись, образовали большую реку.

ПОЧИТАНИЕ ОГНЯ, ЗЕМЛИ, ВОДЫ

Раньше карачаевцы и балкарцы считали, что огонь самое священное, самое чистое вещество. И категорически запрещали ложить в огонь грязные дрова, плевать в него, тушить огонь водой, чтобы не обидеть его. Костер положено было засыпать землей. А тех, кто мочится на огонь, он проклинает, такой человек покрывается чирьями. Керосиновую (масляную) лампу тоже нельзя было гасить, дунув на нее, иначе душа лампы произносила проклятье: «Чтобы твое изобилие так погасло (исчезло)». Огонь каждого дома считался его священным символом. Оттуда и поговорка — «смотрящие на один очаг». Считали очень плохой приметой, когда в доме погасал огонь, полагая, что так же погаснет и счастье дома, поэтому его постоянно поддерживали. В определенные дни не давали огонь другим людям. А если и давали, то только горящую головешку, если же были только угли, то под каким-нибудь предлогом отказывали.

Свисающая над очагом цепь была священна так же, как и сам очаг. Даже кровного врага нельзя было трогать, если он, забежав в дом, схватится за надочажную цепь. Человек же, выбросивший чью-либо цепь на улицу, становился кровником того дома, ему мстили. Молодая невестка сразу же, как только ее вводили в дом, должна была прикоснуться к этой цепи в знак того, что она стала членом этой семьи. Говорили, что и дом, и цепь, и очаг охраняет (некое существо) — «хозяин дома».

* * *

И у неба, и у воды есть душа. Они тоже дышат, спят. Поэтому нельзя ночью лить на землю кипяток, чтобы земля не прокляла. Я слышал, что и вода ночью на какой-то момент замирает, засыпает. Вся земля покоится на спинах трех волов. Когда они, устав, переминаются с ноги на ногу, случается землетрясение.

ПОКЛОНЕНИЕ ОГНЮ

Пусть огонь греет наших людей,
Пусть огонь хранит наш скот!

Без огня нам нет жизни,
Если не вырастим (урожай) – не будет еды.

Когда режем скотину, ты провяль его (мясо),
Огонь, ты храни нас!

Те, кто далеки от огня,
Те не достигнут своих целей.

Эй, наш огонь, наш огонь,
Огонь – вот что нам помогает,

Пусть наш огонь не погаснет.
Врагу огня пусть не простится!

* * *

...В Болкарии (в Терской обл.) во внутренности кургана Хусанты, по преданию, имеется помещение, в котором находится семь окаменевших дев; одна из них с ребенком на руках. Несколько десятков лет тому назад, говорят, был еще виден вход в курган и в известные дни женщины приносили окаменевшим девам жертвы – молоко, хлебные лепешки и барашков. И в настоящее время курган Хусанты считается священным и неприкосновенным.

Г. Ф. Чурсин, 1913

...Была жива древняя старуха, которая помнила еще то время, когда на кургане, в котором нетленными сохранялись тела одновременно умерших когда-то шестерых матерей с детьми, приносились жертвы. Особенно священным считался почему-то северный склон кургана. Один житель перетащил к себе каменные плиты с кургана, но после этого заболели все его домочадцы и он сам; он, поняв это как наказание, обещал отвезти плиты обратно. Выполнив обещание, он поправился.

Н. Харузин, 1888

8. МИНГИ ТАУ

ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ

В нашем селе, Верхнем Баксане, с давних пор жил старый сван по имени Тенгиз. Жена его была балкаркой, и сам он говорил по-балкарски, как ты да я, очень умело. Как-то раз, кажется, это было перед тем, как начали организовывать колхозы, возвращался я вечером откуда-то домой, в село. Был я в то время восемнадцати-девятнадцатилетним парнем. Тенгиз сидел на улице. Я прошел, не заметив его, но старик окликнул меня:

— Эй, молодец, подойди-ка сюда!

Пристыженный, я подошел к нему, поздоровался. Он ответил на мое приветствие, посадил рядом с собой. Расспросил о здоровье домашних, начал о чем-то рассказывать. Потом, немного помолчав, поведал мне (историю), которая почему-то запала мне в память.

— Знаешь, мальчик, — сказал он, — раньше эти горы назывались Золотые горы. И сами горы, и люди (здесь) были золотые. Поэтому я и приехал сюда, и провел здесь свой век. А теперь и мир, и люди испортились, уже не такие. Мне уже недолго осталось, я довольно стар. И вот теперь я думаю, может лучше мне уехать на родину, в свое село, и умереть там, все размышляю об этом.

Я слушал его, недоумевая: зачем он это рассказывает мне — я ему не друг, не ровесник. Потом я много раз жалел, почему не порасспросил его о Золотых горах, о том, почему их так называли. Но постеснялся, ничего не спросил. А тот старик и вправду через некоторое время переселился в Загорье.

БЕЛЫЙ ТУР

Давным-давно, очень давно, несчетное число веков тому назад, вершина Минги Тау не была раздвоенной, и на ней не сверкали, как сегодня, слоистые льды. На самой вершине Минги Тау, под плоской скалой, был зеленый холмик. А недалеко от него из-под скалы пробивался родничок. Возле родника в круглой пещере с гладкими стенами жил со своим семейством старый тур, весь покрытый белоснежной сединой.

В один из дней, когда стадо туров паслось на холме, небо покрылось черными тучами, и пошел дождь. И хоть летний дождь в горах длится недолго, тур собрал свое семейство в пещере. Спустя некоторое время дождь закончился, и небо снова стало ясным. Укрывшиеся в пещере козлята, которым стало скучно, когда все стихло, захотели выйти наружу. Но только они покинули пещеру, как тут же, чего-то испугавшись, фыркая, стали прыгать из стороны в сторону.

— Что это с ними? — спросил старый тур, обеспокоившись.

— Видишь, вон там на нас движется что-то огромное, — сказали козлята.

И вправду, с восточной стороны Минги Тау на них катился огромный сверкающий белый шар, и, увидев это, Белый Тур встревожился.

— Эй, молодцы, на наше жилище надвигается враг, готовьтесь к битве! — повелел он. — Первым вступлю в схватку я. Если погибну, выходите навстречу врагам!

Тотчас Белый тур стал точить свои рога. Когда рога стали острыми, он поднялся на холм, роя копытами землю. Далеко во все стороны, как пули, полетели мелкие камни. Пар, вылетающий из ноздрей тура, стелился туманом. Потом Белый Тур стал на колени, нагнул голову и, выставив рога, вскочил и устремился на врага. Мощными острыми рогами ударил он катившийся на него белый шар. В то же мгновение шар раскололся надвое. Одна его половина взлетела на небо и осталась там, а вторая, падая обратно, с грохотом, напоминающим выстрел из пушки, ударилась о вершину Минги Тау. Тотчас вершина богатырской горы просела, раздвоилась. Оказывается, Белый Тур сразился с луной! Этот белый круглый шар был луной. С тех пор мы по большей части наблюдаем на небе неполную луну. «Белый Тур расколол луну надвое», — говорят старики.

ГОРЕНИЕ МИНГИ ТАУ

Давным-давно, когда нарты начали жить в окрестностях Минги Тау, его вершина не была раздвоенной. Однажды, в одну из ночей, нартов разбудил какой-то грохот, способный испугать любого. Он шел со стороны Минги Тау. Нарты удивленно смотрели в ту сторону. Через некоторое время с шумом на весь мир верхушка Минги Тау взорвалась, прямо из середины вырывались доходящие до неба чадающие языки пламени, на нартские селения начали падать, словно град, горящие камни.

В это время прародитель нартов, кузнец Дебет, взял с собой своего не горящего в огне, как и он сам, потомка Карашауая и рожденного из гранитного камня могучего Сосурука, и все они, сев на орлинокрылых коней-тарпанов, отправились на вершину Минги Тау. Там они начали брать огромные камни, обломки скал и закидывать их на вершину Минги Тау. После долгих трудов они, забросав пламя камнями, заглушили его. Вот с тех пор вершина Минги Тау и стала раздвоенной, говорили древние старики. И в мольбах своих они всегда просили у Тейри: «Не показывай нам больше горения Минги Тау, храни от такого несчастья нартские селения».

РОДНИК НА МИНГИ ТАУ

На Минги Тау, между двух ее вершин, есть родник. Кто сделает из него глоток, любое существо, обладающее душой, — не умрет до судного дня.

В давние времена один ворон, растивший птенцов, пролетая, напился воды из этого родника. Когда, набрав воды в клюв, он летел к своим птенцам, вода пролилась на траву «тужур» и «суу кырдык» («водяное растение»). Вот эти травы и по сей день растут на вершине Минги Тау. Они не умирают ни зимой ни летом, не вянут, растут. Кто найдет и попробует этих трав, тот будет жить, не умирая, столетиями. А ворон, который глотнул воды из родника на Минги Тау, и сегодня живет на земле. Он так и будет, не умирая, каркать до судного дня.

Напившиеся из этого родник Илияс (Тейри Неба) и Кыдыр (Тейри Земли) помогают людям. Мы верим, что если в трудную минуту произнести их имена, на земле и на воде поможет Кыдыр, а на небе – Илияс.

РОДНИК КАРАШАУАЯ

Сын Алаугана Карашауай жил на вершине Минги Тау. На седловине Минги Тау копал он и открыл родничок с чистой, прозрачной водой. Вот он и есть так называемый родничок бессмертия. Карашауай, не имея другой возможности, ломал, крошил льды Минги Тау и ел их вместо хлеба, запивая родниковой водой. Когда видят человека необычайно долго живущего, и сегодня говорят: «Наверное, он пил из родника Минги Тау». Птицы и по сей день летают туда попить воды бессмертия. Ведь долететь до вершины им не так тяжело, как людям? Наверное, поэтому они живут долго.

МИНГИ ТАУ И МАШУКА

После сотворения мира там, где сейчас стоят Кавказские горы, жил народ нартов. Аллах создал нартов для того, чтобы избавить мир от насилия, несправедливости. Чтобы они жили, не нарушая заветов Аллаха, он дал им нечеловеческую силу, но не дал им печень – ибо она являетсяместилищем и источником всего скверного, запретного, всех пороков.

Жестокий Иблис, которого пугала сила нартов, искал способа, чтобы смутить их умы, испортить их, стереть верных рабов Аллаха с лица земли.

В один из дней, когда нарты собрались все вместе поесть-попить, в их медный котел с сорока ушками, в котором варилась пища, Иблис подсыпал отраву. Он приготовил ее, смешав печеночную кровь бешеного кабана, костный мозг козла и змеиный яд. После этого в сердцах нартов поселились безжалостность змеи, безудержность кабана, неуживчивость козла.

Отведав этой отравленной пищи, самый старший из нартов, седоголовый богатырь-шах (имя его забылось людьми), самый могучий из всех, кто когда-нибудь умрет на этой земле, забыв, что голова у него уже белая, женился на возлюбленной своего сына, красавице Машуке.

Эту порочную мысль вложил в голову старого шаха Иблис, чтобы уничтожить народ нартов. Женился шах на красавице, хотя и знал, что она и его сын любят друг друга. А влюбленные, когда встречались, по-прежнему не могли оторвать взгляд друг от друга. И когда шах заметил это, в его сердце пробудилась безжалостность змеи.

Но отравленную пищу ел и его сын – он стал соперником своему отцу.

Собрав своих друзей, он захотел отнять жену шаха, свергнуть его и самому стать шахом. Сторону сына приняла молодежь, сторону шаха – старики. Началась война: предводитель старших – шах, предводитель молодежи – его сын.

И столкнулись они лицом к лицу, желая убить друг друга, отец и сын. Недолго длилась их битва: один удар по голове нанес отцу сын, отец

же нанес четыре удара и разрубил сына на пять частей; затем взял его останки и — ведь был он самый могучий из всех, кто когда-нибудь умрет на этой земле, — забросил их далеко как мог в поле...

Не вынесла Машука смерти возлюбленного. Как камень, катящийся с горы, ринулась Машука к месту, где лежали (останки) ее возлюбленного, чтобы оплакать его...

А битва продолжалась: нарты убивали друг друга, и земля дрожала, сотрясалась. Семь раз посылал Аллах своих ангелов, чтобы остановить сражение. И семь раз нарты, ослепленные своей жестокостью, не подчинились воле Аллаха. Тогда сказал Аллах свое последнее слово — и превратились нарты в скалы и горы, и нынче называют их Кавказскими горами...

Сын шаха и не успевшая добежать до него Машука также превратились в горы. Старый шах тоже превратился в гору — Шах Тау (в некоторых карачаевских селениях Минги Тау называют Шах Тау). А ее раздвоенная вершина свидетельствует о произошедших событиях. Чтобы эти события не забылись, Аллах дал горам слезы. Плачет Машука о горькой судьбе своего возлюбленного — бьют из-под земли горячие воды. Глядя на ушедшую в Пятигорье Машуку, плачет и Минги Тау, но холодные слезы старика не доходят до Машуки. Мы называем эти слезы нарзаном.

* * *

Как только Творец создал Кавказ и лучший его перл, величественный Эльбрус, то и дозволил у подножья этой горы селиться людям; первыми поселенцами были Ной со своим семейством, ковчег которого, после всемирного потопа, остановился на Эльбрусе. Мало-помалу селения разрослись, но у подножья Эльбруса поселилось самое честное и воинственное племя, представителем (м.б., правильно: предводителем? — М. Дж.) которого был маститый старец Девет, обучивший своих соплеменников ковать железо. За трудолюбивую жизнь, честность и веру в Бога Девет был награжден девятнадцатью сыновьями-героями.

* * *

Горцы (карачаево-балкарцы. — Х. Дж.) положительно убеждены, что Ноев ковчег остановился на Эльбрусе. Одни указывают на впадину между двумя вершинами горы как на место, через которое прошел ковчег, а другие, более основательно, ссылаются на то, что одному из горцев, всходившему на вершину, удалось найти обрубок как бы обделанного дерева, и обрубок этот до сих пор хранится у них как святыня. (Рассказывают, что нашел его Джаччи Джаппуев, житель Верхнего Баксана, в конце XVIII века. — М. Дж.).

П. Остряков, 1879

* * *

В ущелье между вершинами нам опять попало пространство, покрытое гололедицей, которая привела мне на память интересную легенду, существовавшую между горцами и рассказанную мне в 1887 г. покойным Исмаилом Урусбиевым. Легенда эта говорит, что между вершинами

Эльбруса, пониже седловины, есть родник с тёплой водой, выходящей наружу двумя струями, одна из которых дает живую воду, другая – мертвую. Стережет этот родник особого вида орел, который на всякого дерзкого, взбиравшегося на вершину, сначала напускает метель, а если это не заставит его вернуться, выклевывает ему глаза.

М. К. Голомбиевский, 1903

9. СНОВИДЕНИЯ

Сновидения бывают четырех видов. Первые – лживые, неправдашние, смешанные к тому же (беспорядочные). Вторые – подлежащие толкованию. Видишь одно, а означают они другое. Их нужно понимать верно, и не всякий может понять их смысл. Третьи – о том, что должно сбыться: слышишь свои мысли, притом мысли, которые придут в голову когда-то в будущем, и говоришь с людьми; но ничего не видишь. А четвертые – вот они-то и есть настоящие сновидения: ты и видишь, и слышишь то, что должно случиться в будущем. Сон – это вестник, ему нужно верить. Поэтому, когда человек, будучи где-нибудь, выполняя какую-нибудь работу, беседа или идя куда-нибудь, вдруг вздрогнет: «Что же это такое, ведь это уже один раз было!» – это значит, что сбывается виденное им во сне. Если бы он не забыл свой сон, он бы понял, узнал это.

Сновидения насылает Мать Снов Чомпараш, так говорили прежде. О Чомпараш существовала и длинная песня, только в памяти моей она не осталась. Особенно часто снятся вещие сны, когда впервые ночуешь в чужом доме.

Если ты вспомнишь о чем-либо и уснешь, размышляя об этом, – увидишь вещий сон. Однако некоторые люди видят сны лучше других, умеют их толковать, объясняют их правильно, ничего не забывая. Это качество, которое передается с кровью, наследственное в роду. Вот у нас, в Верхнем Баксане, как говорили, сбывались сны Джуртубаевых. Человек, который хотел узнать о чем-либо, приходил и говорил (сновидцу) – так, мол, и так, хочу знать, получится у меня то или иное дело или нет, просил. Тогда он (сновидец), чьи сны были вещими, искупавшись, очистившись, надев чистое белье, ложился спать, а наутро истолковывал тому человеку виденный сон.

Если видишь себя во сне смеющимся – это к плачу, а если видишь себя плачущим – к радости.

Сырое мясо, неспелые или красные плоды, грязь снятся к болезни, красивые, чистые вещи, чистая вода, молоко – к радости, к богатству.

Если снится, что у тебя выпал зуб без боли, – значит, умрет какой-то дальний родственник, если выпал с болью – один из домочадцев.

Если снится, что в чьем-то дворе спилили дерево, – умрет один из обитателей этого дома. Если же снится, что сломалась поперечная балка дома – это к смерти его хозяина.

Если тебе приснилось, что ты летаешь, – это или к большой радости, или тебя ждет повышение по службе, или ты легко завершишь какое-то дело, которое долго не получалось, или найдешь ответ на непонятный,

долго мучавший тебя вопрос. Но если снится, что ты летаешь и тебе хочется полетать еще, но ты, против своего желания, спускаешься или падаешь — значит, тебе придется пережить какой-то позор.

Если снится, что тебя или, скажем, другого человека облепили муравьи, — это к тяжелой болезни, а если привиделось, что эти насекомые покинули тело — это к выздоровлению.

Если приснилось, что у тебя выпали волосы на голове, притом быстро, — значит, тебя обвинят в поступке, которого ты не совершал.

Видеть во сне мельницу, или золотую вещицу, или мелкие деньги — не к добру. Точно так же — если видишь себя бреющим бороду.

Видеть во сне маленького мальчика — не к добру, увидеть же маленькую девочку — это сон добрый. Если хочешь, чтобы недобрый сон не сбылся, — надо его рассказать нескольким людям. Если они скажут: «Пусть это отдалится от нас, пусть будет к добру!» — тогда зло, которое привиделось тебе во сне, минет тебя. А хороший, добрый сон никому не рассказывай, скрывай.

Если молодому парню снится, что за ним погнался медведь и поймал его, — значит, этот парень вскоре женится. Если же медведь не смог догнать его, — значит, парень еще какое-то время пробудет холостым.

Если во сне какой-нибудь давно умерший человек подарит тебе что-нибудь — тебя ожидает радость, прибыль, а если снится, что он взял у тебя что-либо, — это к горести, потере (затратам).

Если снится, что ранее умерший человек, усадив тебя или кого-либо из твоих родственников на белую лошадь, уводит со двора или из другого места, — это сон, предвещающий большое горе, смерть.

Если видишь во сне умершего родственника (близкого или дальнего) — следует раздать милостыню.

Если привидится, что ты сам или другой человек едете на осле — это к большому стыду, позору. А если увидишь (себя или другого) едущим на коне, особенно если конь белый, — верь, что это предвестие большого почета, славы.

Увидишь (во сне) злую собаку — знай, что некий твой враг, мужчина, старается причинить тебе урон, а змея означает враждебно настроенную женщину. Но если увидишь собаку, которая не лает, а ластится к тебе, — это твой друг, а змея, которая тебя не кусает, — это женщина, которая желает тебе добра.

Если увидишь себя умершим — проживешь долго, если же привидится, что ты смеешься, веселишься на пиру, — это плохо. Похороны человека снятся к радости, как и плач, а смеяться, смех — к горю, к скорби.

Если приснится, что у тебя сбриты усы, — значит, недолгое время спустя тебе придется, притом напрасно, испугаться кого-то или чего-то.

Если увидишь, что тебя укусила змея, — будешь ранен.

Увидеть во сне что-то черное или красное — не к добру. А видеть белое, зеленое, синее — это очень хорошо.

МАТЬ СНОВ ЧОМПАРАС

Мать снов Чомпарас,
Да предназначишь (нам) добрые сны,
Если же нет — да исчезнешь,
Да будут гости твои вшивыми!

Живешь ты во тьме,
Ешь все, что мы дадим,
Что ни видим, объясняешь,
К тому, что сбудется, настораживаешь.

Являешься после захода солнца,
Пребываешь во тьме,
Соблазняя людей,
Собираешь мешок снов.

Ты стыдлива, потому и прячешься,
Очень боишься Байчи,
Но, хоть и боишься, негодница,
Быстро усыпляешь и его.

Сну, виденному Тюкюлюм (неясное слово),
Пришла просить я толкования,
Ягненка черной овцы
И циновку принесла.

Скажи, Чомпарас, зеница ока моего,
Ясновидица асских снов,
В чем суть сна,
Виденного Тюкюлюм?

10. ГАДАНИЯ

Раньше были люди, которые очень умело гадали. Вернее, гадали только женщины, мужчины не гадали, они предугадывали будущее, находили потерянное, рассматривая лопаточную кость (животного). Женщины-ясновидицы гадали, раскладывая горошины, овечьи катышки или гладкие круглые камешки. Количество их было сорок один. Узнавали (будущее), разделив их на девять частей.

Были люди, которые, рассматривая лопатку, предсказывали так, будто воочию видели (то, что произойдет).

* * *

Каждая часть лопатки (животного) имела свое название, глядя на них говорили: «царь», «родственники-друзья», «покойник», «покойница», «очаг», «соседи», «село», «страна», «зарубежные страны». Лопатку разделяли на девять частей. Это было что-то вроде карты. Человек, который собирается гадать по лопатке, сдирает с нее мясо, не используя нож, рука-

ми. Потом, рассказав, что увидел, узнал, он или ломает лопатку, или дырявит ее середину ножом. После этого съедает (содранное с лопатки) мясо.

* * *

Чтобы узнать, кем будет мальчик, когда вырастет, к чему стремится его сердце, ложили на столик мясные лепешки, а вокруг них раскладывали нож, топорик, молоток, книгу. А для девочки куклу, зеркало, книгу. Потом подводили ребенка и смотрели, к чему он протянет ручки.

* * *

Чтобы узнать, какую работу выберет мальчик, когда вырастет, перед ним на столике раскладывали семь вещей. Считали, что, если он потянется к плетке, — будет табунщиком, к ножу — воином или чабаном, к камешку — строителем, к бумаге — учителем, к воде — рыбаком, к ружью — охотником, к дудке — плясуном, певцом.

* * *

Холостые парни, перед тем как выйти в горы на пастбище, устраивали пирушку. До прихода девушек они где-нибудь сваливали в кучу свои войлочные накидки, и каждая девушка выбирала из кучи одну из них. Считали, что девушка полюбит того, чья накидка ей достанется; с ним она должна была станцевать.

* * *

Девушки, чтобы узнать, за кого они выйдут замуж, делали раньше так. Лунной ночью взбирались на вершину холма, устраивали там из прутьев маленький шалашик и в него ставили ковшик с водой из семи источников. В воду бросали новое золотое кольцо и новую иголку. Перед ковшиком или тарелкой устанавливали зеркальце так, чтобы отраженный лунный свет падал на воду, и, подходя по очереди, девушки смотрелись в воду, чтобы увидеть лицо суженого.

Делали и по-другому. Девушка-первенец замешивала тесто на воде из семи ручьев и готовила маленькие лепешки, по две на каждого парня и девушку: одну обыкновенную, другую — с начинкой из соли. Все молча, не произнося ни слова, съедали соленые лепешки, шли домой и засыпали, держа в руках несоленую лепешку. Если им снилось, что они пьют воду из родника в том или ином селе, считали, что девушка выйдет замуж в это село, а если это парень, значит возьмет девушку из этого села.

На другой день все собирались вместе, раскладывали рядом свои несоленые лепешки и подзывали собаку. Чью лепешку собака съест первой, тот раньше всех и станет семейным, женится или выйдет замуж.

Или еще, девушка-первенец, взяв с собой маленькую девочку, нарезала раздвоенных ивовых прутьев с дерева, растущего около мельницы, и раздавала парням и девушкам. Придя домой, соленые лепешки они съедали, несоленые клали под подушку, а эти веточки ложили рядом с правой ногой.

Был и другой способ гадания. Семь девушек ни с кем не разговари-

вали в течение всего дня, а вечером, при лунном свете, взяв по новому ковшику, шли на берег реки. Там они набирали в свои ковшики воды, срывали по два ивовых листочка, мыли их и бросали в ковшики. У кого они ложились рядышком, той скоро выходить замуж.

* * *

Существовал способ узнать будущее, называвшийся «мыртыскы». Несколько девушек в сопровождении холостого парня шли на кладбище и все съедали по лепешке. Потом этот парень брал с какой-нибудь могилы немножко земли и, завернув в платок, клал под подушку. А девушка-первенец, в белых одеждах, ложилась, положив голову на эту подушку. В руках она должна была держать конфету или кусочек сахара. Когда девушка засыпала, перед ней ставили неглубокую тарелку, наливали в нее воду и бросали туда новое золотое кольцо. После этого начинали задавать этой девушке вопросы, каждый спрашивал о том, что ему хотелось бы знать, а та отвечала, не просыпаясь. Считали, что, конечно, это не сама она отвечала, — предсказывал будущее человек, с чьей могилы была взята земля.

* * *

Когда хотели найти что-то пропавшее, украденное, делали так: очерчивали на земле круг и всех подозреваемых — двое ли их было, трое ли, четверо ли — заводили внутрь круга. Кто-нибудь ставил по самому центру круга сито и раскручивал его. На кого указывал шов сита, того и считали виновным.

* * *

Жители Карачая верят в различные предзнаменования, особенно перед тем, как сесть на лошадь, чтобы отправиться в путешествие или на охоту, они, например, кладут сорок один мелкий предмет, как-то: мелкие камешки, горох, бобы или зерна ячменя — по определенным направлениям в несколько кучек, и по их числу и положению между собой они предсказывают благополучный или неблагоприятный исход какого-либо дела. Если предзнаменования неблагоприятны, то ничто не может заставить их заняться этим делом, потому что они полностью убеждены в правильности предсказания. Однако среди них имеются многие, которые в это не верят.

11. ПОКОЙНИКИ, ПРЕДКИ

ДЕУЕТОВЫ И УСХУРТУКОВЫ

Первопредками карачавцев и балкарцев были два (нартских) рода — Деуетовы и Усхуртуковы. Деуетовы жили на равнине, а Усхуртуковы — в предгорьях, между нами и Кабардой. Между Усхуртуковыми и Деуетовыми (большой) разницы нет, их родоначальники были родными братьями.

Вы, конечно, слышали, что Алауган взял себе в жены эмегеншу. Алауган был из Деуетовых. А Ёрюзмек из Усхуртуковых. Таким образом, Алауган и Ёрюзмек были братья, жили по соседству. В то время людей было мало. Ёрюзмек был человек хитрый, способный обмануть все село. А Алауган — бесхитростный, все доставал благодаря своей силе, мощи. Как так получилось, неизвестно, но Ёрюзмек выдал свою дочь за сына Алаугана, они породнились. И тем не менее, чтобы показать, кто чего стоит, Алаугановы чем-нибудь да досаждали Ёрюзмеку, демонстрировали свою силу. Они были удалцами. Усхуртуковы натравили эмегенов на Деуетовых, на тех, что жили на равнине, рядом с Кабардой. В то время Кабарды не было, они потом откуда-то пришли.

Это был длинный рассказ. Его (отлично), будто в книгу глядел, рассказывал один старик, отцу его было 160 лет, а самому ему, видимо, лет сто, по имени Ульбашев Татау. Жил он в селении Хабаз.

МЕСТЬ КАРАШАУАЯ

Во времена Карашауая не было на Кавказе человека сильнее, чем Рачикау; жил он в этих местах. И вот со временем у абазинцев тоже появился такой сильный, мощный человек. Ему приходилось слышать рассказы о Рачикау, и в один из дней он вышел в путь, намереваясь убить его. Понимая, что в открытой борьбе ему не справиться с Рачикауом, он подкрался к нему сзади, когда тот молился, и, ударив кинжалом, убил. «Все, теперь Кавказ остался мне», — решил он и отправился домой.

Прошло время, и он услышал, что в Дигории тоже появился некий силач по имени Карашауай. «Ага, надо и его убить», — подумал он и отправился в путь. Ходил, но все не мог его найти. Порасспросил людей, и те ответили, что «он уехал куда-то далеко и раньше, чем через два месяца, не вернется». «Ладно, если он настоящий мужчина, он не оставит без внимания своего человека», — подумал силач, перекинул табунщика (Карашауая) поперек холки своего коня и, отведя в какое-то место, убил и выбросил в реку.

Мало ли, много ли времени прошло, вернулся Карашауай. «Куда девался мой табунщик?» — спросил он. «Какой-то человек перекинул его поперек холки своего коня и увез», — ответили ему. «Я не мужчина, если не найду его», — решил Карашауай. Долго он ездил, но нигде не мог найти того человека. Придя сюда, у этих надмогильных камней он устроился на ночь. Обратившись к могиле, он сказал: «Этой ночью именем Тейри я твой гость». Заснул он и видит сон — кто-то кричит: «Уой, Рачикау!». «Уой!» — откликается другой голос.

— Нарты ждут тебя, пойдем! — говорит первый голос.

— Сегодня у меня гость именем Тейри, я не пойду, — отвечает второй.

В третий раз кричат: «Бери своего гостя и приходи». Идут. Пришли и видят, что все нарты собрались в одном доме, старики-нарты едят-пьют. Им выделили долю, и они поели прямо у порога. Наевшись, вернулись назад. «Видел? — спросил Карашауай тот. — Такой вот здесь обычай. Ты ищешь своего табунщика. А его там-то и там-то некий человек, разрубив, бросил в озеро. Если ты пойдешь и справишь по нему поминки, и установишь, как полагается по обычаю, над его могилой камень, я скажу тебе,

кто это сделал, и что следует сделать тебе. А до тех пор я не скажу тебе ничего, — говорит. — И было бы очень хорошо, если бы ты справил поминки и по Рачикау: не жалея, от чистого сердца, зарезал бы барана и раздал бы людям его мясо вместе с корзиной лакумов».

Проснувшись, Карашауай отправился на то место, обшарил озеро и вытащил оттуда изрубленный труп своего табунщика. Похоронил его по обычаю, справил поминки, установил над могилой камень. Затем он и ради Рачикау зарезал барашка, наготовил еды и раздал людям. Вернувшись ночью к той же могиле, он сказал: «Именем Тейри я твой гость», — и лег спать.

Во сне (опять) кричат: «Нарты ждут, пойдем». Пока три раза не прокричали, не пошли. В третий раз голос сказал: «Бери своего гостя и приходи». Пошли. В прошлый раз никто даже не привстал с места, когда они поздоровались. А в этот раз все те старики встали, когда они, войдя, поздоровались. Посадили их на почетное место, и если в тот раз угощали их, то сегодня всех угощал Рачикау.

Когда они вернулись назад, тот голос сказал:

— Видел? До сегодняшнего дня я кормился их подаянием. А еды, которую ты раздал, мне теперь вполне хватит на этом свете, ибо ты сделал это от чистого сердца. Такие вот здесь обычаи.

ГОЛОДНЫЙ ПОКОЙНИК

Если ребенок, ничем не болея, все худел и худел, говорили: «Его гложет голодный покойник». Чтобы он поправился, брали три деревянные тарелки, три деревянные ложки, готовили три маленькие лепешки, и все это относили и оставляли на кладбище.

ДВЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

Нельзя внезапно будить спящего человека. Древние верили, что у человека две души, и когда он спит, одна из них покидает его. И если его разбудить внезапно, он может умереть, пока его вторая душа успеет вернуться к нему.

КОГДА ДУША ВХОДИТ В ЧЕЛОВЕКА

Беременной женщине или женщине с грудным ребенком не позволяли не только проходить через кладбище, но даже ходить мимо него, считая это плохой приметой. Женщине на третьем месяце беременности не разрешалось посещать дом, где был умерший, до тех пор, пока покойника не вынесут. Говорили, что душа входит в ребенка, когда ему исполняется четыре месяца и пять дней. И если она (беременная женщина) до этого срока посетит такое место, душа умершего человека войдет в ребенка.

ОТНИМАЮЩИЙ ДУШУ

Человек, убивший рысь, перед смертью сильно мучается, не может умереть. Поэтому охотник, убив рысь, должен немедленно вырезать ее коготь и носить его при себе, беречь его. Если он не может умереть, то стоит показать ему этот коготь, как он тут же отдает Богу душу. Я знаю, что Непеев Хажисмаил носил при себе такой коготь. Когда балкарцев выселили в Казахстан, он не забыл прихватить его с собой. Там он сильно заболел, мучался, не мог умереть. Тогда ему показали этот коготь, и он сразу умер.

О КОГТЕ РЫСИ

В те времена, когда мы были еще детьми, если человек долго болел и дряхлел и считали, что он скоро уйдет из этого мира в мир иной, не оправится от своей болезни, умрет, то, чтобы он не страдал и умер быстро, делали так: кто-нибудь переодевался ряженым и, встав перед умирающим, показывал ему коготь рыси или барсука, а человек, присматривавший за больным, спрашивал: «Что тебе видится, что ты видишь?» Если он отвечал, что ничего не видится, думали, что он еще проживет какое-то время, а если говорил, что видится то-то и то-то, верили, что отнимающий души уже явился (к нему).

Мне тогда было лет двенадцать. Однажды мы с моей бедной матушкой отправились из Актопрака в один отдаленный поселок под названием Бопу к одному ее родственнику, больному старику. Имени его я не помню. Мы с матерью вошли в дом. Она, здороваясь с присутствующими, присела возле больного и, назвав его по имени, спросила: «Как ты себя чувствуешь?» Но больной ничего не ответил. Тогда одна старая женщина встала, переделалась в костюм ряженого, взяла в руки какую-то звериную лапу с когтями и, встав перед больным, сказала:

Мать Земли зовет тебя в могилу,
Дева Умай восседает в могиле на возвышении.

Отправляйся, отправляйся, отправился бы,
Возлег бы ты на коня, не имеющего души.
(Т.е. на погребальные носилки — Х. Дж.)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА

Во времена язычества в Холаме, Безенги и Чегеме, когда умирал человек, совершали следующие действия: резали скот, овец и кормили их мясом людей. Вместе с этим мясом варили голову животного и выставляли в качестве мишени. Народ там же съедал поминальную пищу, пил посвященную покойнику бузу или пиво, а стрелки по очереди стреляли в эту вареную голову, и тому, кто попадал в самую середину лба, отдавали лучшую одежду умершего.

Когда умирала женщина, самой искусной плакальщице отдавали из

ее нарядов одежду из разных сортов шелка, пояс, серебряные пуговицы.

Какое блюдо отведал покойный в последний раз, тем блюдом досыта угощали собравшихся.

В мишень стреляли, надеясь, что болезнь, испугавшись, больше не посетит этот дом. Верили, что когда пуля (стрела) попадет в лобную кость животного, принесенного в жертву ради благодеяния, в тот же миг грехи покойного улетучатся.

Пораженных молнией, сорвавшихся со скалы и утопленников хоронили веселясь, с песнями, плясками, играя на дудке, разводили большой костер, резали скот, ставили на огонь котел и кружились (в пляске) вокруг костра.

Делали они это, надеясь и веря, что человек, который предпочел тот мир этому, является угодным Аллаху. Вместе с ним в могилу клали его вещи и инструменты. Оплакивать таких покойников, печалиться по ним считалось великим грехом и постыдным делом.

КОГДА ЧЕЛОВЕК УМИРАЛ

Раньше обычаев, обрядов было много. Скажем, невинно убиенных, считая святыми, хоронили на месте их гибели. Считали святым и человека, пораженного молнией, хоронили его на том же месте, где он погиб, в одежде. Верили, что от могилы человека, совершившего много благодеяний, исходит сияние. Считали, что если не положить в могилу покойника чашку, из которой он пил-ел, он станет являться, окликать. После похорон на могильный холмик лили воду. Я слышал, что, когда эта вода, просочившись, капает в ухо покойника, он оживает, садится и плачет.

ЗАКЛИНАНИЕ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ЧЕЛОВЕКА

В давние времена, когда человек тяжело заболел, готовили много разных снадобий. Но если он не поправлялся, смерть его была близка, и он уже умирал, сельская знахарка, ясновидящая, взяв в руки рысью лапу, говорила так:

Ходить-ходить, исходить,
Лук посеяла я в горах,
Причислите его к покойникам,
Не присоединяется он к живым.
Пусть ляжет в свою теплую могилу,
Пусть предстанет пред своим тейри,
Пусть рядом с ним будет уголь,
Пусть в изголовье его будет пища.

Вместе с ним в могилу клали дорожную снедь, а вместо дров – уголь.

ПОХОРОНЫ

Раньше, когда хоронили человека, вместе с ним в могилу ложили и посуду, из которой он ел при жизни, а на могилу – мерную веточку, палку (по которой рыли могилу). Говорили, что если не сделать этого, то покой-

ник станет являться к живым, пугать их. После того, как могила была засыпана, на могильный холмик лили воду, делают так и сейчас. Говорили, что, когда эта вода, просочившись, капает в ухо покойника, его душа просыпается, и он садится и плачет.

НАРТСКИЙ ОБЫЧАЙ

Судя по рассказам, по слышанному нами от родителей, нарты жили на берегах Кырк-Суу (Сорокаречье), в районе между Минги Тау и Терк Тау(?). Они не ведали страха, не знали смерти. Кто погибал в битве с врагами, тот становился приближенным Тейри. Тейри Земли делал так, что в его могиле ни зимой, ни летом не было ни жарко, ни холодно, ни темно. Когда умирал такой храбрый нарт, другие нарты не забывали его могилу. Каждый нарт, когда резал скот, относил его долю мяса на могилу и оставлял там. В течение пяти лет в месяц *хычауман* (май) в честь него резали жеребца, разводили возле могилы огонь, варили мясо и съедали. Обходя по кругу его могилу, исполняли танец. Зарекались, клялись именами Тейри Солнца, Земли, Воды, Огня быть храбрыми, не отступать перед врагом.

НАРТЫ И ЖИВЫЕ

Как дошло до нас в рассказах, вставание нартов (воскресенье) начинается после того, как люди, народ засыпает. Это знак того, что народ ждут беда и горе.

Это души могучих нартов, которые жили-были в древние времена. Они боролись с эмегенами-кужжа, творившими насилие. Как я слышал, нарты погибли из-за зловонных, гнилостных болезней, распространившихся от трупов (убитых) эмегенов. И вот теперь они, глядя из Мира Сирот и видя бедствия, ожидающие нас, приняв облик орлов, ворон, разных зверей,

С криками врываются в ночные села и окрестности,
Так они подают народу сигнал тревоги,
Это святые души тех самых нартов-батыров.

ВСТАВАНИЕ НАРТОВ

Я слышал от своего покойного отца, что он видел это своими глазами. Было их, говорит, человек двести всадников, на каждом коне сидело двое, шеренгой они двигались в вышине. Дело было в Кызгене (местность в Баксанском ущелье – Х. Дж.) – они по ту сторону каменного забора, я по эту. Они говорили друг другу: «Это и есть ночь воскресенья нартов». Мужчина, ехавший последним, сойдя с коня, старался посадить какую-то женщину. Все эти люди напоминали тени. Ярko светила луна, было светло. В той местности никаких могил нет.

Ночью воскресенья нартов эту ночь называли не из-за того, что тогда славные нарт-батыры встают из могил. Нартами называют людей, которые жили и умерли в древности, (древних) покойников.

Вставание нартов случается в лунную ночь, даже лучше сказать, в самую светлую ночь года. Поэтому говорят: «Светло, как в ночь вставания нартов». В этот момент человеку, оказавшемуся рядом с кладбищем, слышится щебет птиц, мяуканье кошек, собачий вой. В эту ночь нарты, предки, умершие собираются возле дома человека, который должен в это время умереть.

МОГИЛА АШАМИША

Могилы невинно убиенных балкарцы и карачаевцы считали священными, а самих их — святыми.

Есть такая легенда. В Балкарии у одного человека по имени Ашамыш была очень красивая сестра. Мисакаевы были князьями. Один из них начал донимать Ашамыша, чтобы тот выдал за него сестру. Ашамыш не соглашался. Тогда по приказу князя один из его слуг пошел и убил Ашамыша. Раньше человека, погибшего от чьей-нибудь руки, хоронили на месте гибели, таков был обычай. Ашамыша тоже похоронили возле Тура-Хабла.

И вот однажды, совершая утренний намаз, Асланмырза-хаджи Абаев заметил, что от могилы Ашамыша исходит голубое сияние, и рассказал об этом односельчанам. С этого времени эта могила стала считаться священной. Возле нее похоронили еще трех человек. Люди ходили на поклонение к могиле Ашамыша, оставляли там принесенную с собой еду.

НАРТСКИЕ МОГИЛЫ

Раньше в Карачае весной в пятницу ходили на поклонение к домику, называемому Байрым. В этот день резали скот, разводили костры и на них сжигали жир. Они верили, что нартские могилы охраняют сорок ангелов, а запах сжигаемого жира служит им и умершим пищей.

ЧТО ОЖИДАЕТ ПОКОЙНИКА

Иной, потусторонний мир, безусловно, существует. Души умерших попадают, переселяются туда. Говорят, что души хороших людей обитают, наслаждаясь, в раю в обличье ангелов, вольные и красивые, как птицы. Души же плохих людей горят в адском пламени или не могут покинуть землю и в образе свиней, хрюкая, каждую ночь рыщут по лесам, не находя успокоения.

ПОМИНКИ

В старые времена пораженных молнией, сорвавшихся со скалы, утопленников в знак особого почтения к ним хоронили, исполняя поминальные песни, наигрывая на зурне, дудке. Разведя огонь, танцевали вокруг него, забивали скот и съедали мясо, сварив его около могилы. Вместе с

ними ложили в могилу посуду, оружие. Делали так потому, что считали их людьми, которых возлюбил Тейри, что по этой причине он их раньше времени призвал к себе. А когда хоронили пораженных молнией, огонь разводили не рядом с могилой, а прямо на ней.

«ДНИ АМИНЬ»

Раньше в Карачае отмечали так называемые *амин кюнле* «дни аминь». Этих дней три. Они начинаются, когда расходятся лето и зима, когда зима заканчивается и начинается лето. Зима, истощив свои силы, закончив свою работу, со словами: «Аминь! Раз ты пришла, даруй своему скоту от хозяина земли – траву, от Тейри Неба – дождь, от весенних дней – потомство», – обращается к весне. В эти дни женщины варили жырна «похлебку» с добавлением семи видов круп и выделяли долю для древних (нартских) могил.

РОЖДЕНИЕ КАРЧИ

Как рассказывают, знаменитый Карча родился от незамужней девушки, отца у него не было. Тогда сельчане собрались и начали обвинять ее в прелюбодеянии. Она клялась, что не совершала греха, да и никто за ней такого не мог засвидетельствовать. Когда же ее спросили, кто отец ребенка, она ответила: «Однажды я заснула на лесной полянке, а когда проснулась, заметила улетающую пеструю ворону, это и есть отец ребенка».

КНЯЗЬ КАМГУТ

Князь Камгут был известным предводителем в набегах и надежным стражем своей родины. Рассказывают, что он умер молодым, от кори. Князя Камгута очень любили пастухи. После его смерти они часто ходили к его гробнице. Подойдя к ней, они говорили:

Вставай, князь Камгут, пора тебе встать,
Баксанское ущелье заполонило вражеское войско!

Стоило им сказать это, как Камгут резко поднимался, выходил из могилы, седлал Генжетая, брал свое оружие и отправлялся в путь. Истребив, прогнав врагов далеко от подножия гор, глядя с хребтов, с вершин, он говорил: «Пастухи, теперь живите спокойно, пасите скот на здоровье!» – и возвращался в свою гробницу. За заслуги князя Камгута в защите отечества его похоронили вместе с конем и оружием.

Но однажды один пастух-враль, подняв ложную тревогу, заставил князя Камгута попусту скакать, обидел его, и с тех пор князь Камгут никогда не встает из могилы. С тех пор священную землю, на которой жили внуки князя Бекмурзы, топтало много врагов, но Камгут ни разу не поднимался.

...Вблизи на правом берегу Баксана виднеются груды камней, обозначающих их (балкарцев) старинные кладбища и другие следы прежнего жительства; поэтому можно предполагать, что местность эта гораздо более была населена в старину.

...Около этих груд находится небольшое здание каменной постройки в виде часовни, сложенное из крупного булыжника, связанного известковым цементом, а вокруг обмазанное известкой.

...С трудом проникнув внутрь этого здания, я увидел, что оно построено над склепом, теперь уже в одном месте проломанном, но несмотря на это довольно хорошо сохранившееся. В самом склепе, также сложенном из камня, связанного цементом, и имеющем глубину одну сажень, а длиною около полторы, я нашел хорошо сохранившиеся, выдолбленные из соснового дерева гробы, из которых кости были вынуты и лежали в беспорядке в разных местах посреди груд обвалившейся извести, камня и прочего. Несмотря на все старания, я не нашел здесь ничего замечательного, кроме нескольких железных гвоздей от гробов. Одна только человеческая берцовая кость поразила меня своею необыкновенною величиною. Мне хотелось взять ее с собою и показать специалистам, но, видя, что окружающие меня туземцы не сочувствуют моей любознательности, я оставил это намерение. Внутри памятника на стене в некоторых местах я заметил изображение оленей, сделанных весьма неправильно, и очевидно, в то время, когда известка не успела еще высохнуть. Снаружи возле самого окна (большого) заметно такое же очертание руки.

К этому памятнику относится следующее, сообщенное мне туземцами предание. Здесь жил и в этом склепе был похоронен богатырь Камгут. Жилище его или замок, следы которого заметны на противоположном берегу Баксана, господствует над окружающею местностью. Камгут принадлежал к фамилии Крым-Шамхаловых, потомки которых и теперь находятся в Карачае. В тогдaшнее же время Баксанское ущелье было населено карачаевцами, которые еще не были магометанами.

Камгут славился одинаково красотою, удалством и необыкновенною силою. В честь его, а также и брата его Ханчау-бия и невесты его Кошеях, сложены народом песни, которые до сих пор сохранились. Он умер от оспы в молодые годы и был похоронен в том склепе, который я осматривал. Долгое время этот памятник служил предметом всеобщего уважения, и никто не осмеливался дотрагиваться до него. Рассказывали, что в минуты, опасные для жителей ущелья, Камгут являлся верхом в полном вооружении и тем наводил страх на врагов, а по миновании опасности неизвестно куда исчезал.

Н. А. Нарышкин, 1867

...Здесь (в помещении с очагом. — *М. Дж.*) выполняются фамильные торжества, поминки по мертвым. Кроме поминок известных (*аш*), каждая семья исправляет их ежемесячно в раз навсегда определенные сроки — «байрым ингир». «Чёк» производят ночью. Этот обряд «чёк» отвечает представлениям о загробной жизни и о сношениях с умершими, как и у индусов, греков и римлян. Потомок обязан был питать предка и после его смерти, принося ему пищу в определенные сроки.

* * *

Существует такой обычай. В ночь перед поминками готовят деревянное чучело, на которое одевают платье умершего, усаживают его в кругу семьи у очага и подносят пищу, жалуются ему о своих несчастьях. Затем все встают и выходят, чтобы дать ему поесть. Потом возвращаются и кушают приготовления хозяйки. Наряду с этими ежемесячными поминками есть и годовые, устраиваемые в середине марта и совпадают с праздником «Голлу»; пекутся пироги, жарятся бараны, лучшие куски назначаются покойникам. Народ думает, что в эту ночь мертвые выходят из могил.

И. Иванюков, М. Ковалевский, 1886

* * *

Карачаевцы не верят, что покойник является, чтобы напугать человека; они верят, что он приходит навестить свою семью.

В. Прёле, 1909

12. БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ НЕВЕСТЕ

Пусть пришедшая невеста с удачей будет,
Счастливой будет,
Пусть садится, подвернув ногу под себя,
Пусть прядет веретено толщиной в ногу,

Пусть явится с улыбкой, со смехом,
Пусть во всем будет умелой,
Пусть первую родит сидящую за чесалкой,
Следом пусть родит держащего посох,
Пусть чесальщица имеет чесалку,
Пусть пастух имеет посох!

Пусть у нее будут дети,
Изготавливающие во дворе бурки,
Погоняющие плетью коней!
Пусть теири даст этим двум людям (жениху и невесте)
То, что они пожелают.

Пусть сбудутся их надежды,
Пусть любят друг друга,
Пусть найдут такое же согласие,
Как согласны меж собой
Это зерно и вода.

Это в честь новой невестки,
Невестка — счастье (этого) дома!

Пусть пришедшая невестка будет полна сил,
Расторопной и домовитой!

Пусть у пришедшей невестки с ноги (капает мед),
С лица ее веет теплом!

Пусть любовью лучатся ее глаза,
Пусть ласковыми будут ее речи!

Пусть явится с улыбкой, со смехом,
Пусть явится с любовью в дом, в который войдет,
Зная и умея предстоящую работу!

Пусть она будет для стариков лестницей (опорой),
Пусть будет ключом для богатой жизни!

Пусть одаряет светом, как звезда,
Пусть блестит, как мех бобра!

Пусть будет нераздельна со своим мужем,
Как нераздельны плоть и кожа!

Пусть чисто будет в ее доме,
Пусть блистая растет ее семья!

Пусть садится, подвернув под себя ногу,
Пусть прядет веретено толщиной в бедро!

Пусть утром встает рано,
Пусть свою работу выполняет споро!

Пусть для сосношниц она будет примером,
Пусть для всех она будет уважаемой!

Пусть Тейри ниспошлет нам такое счастье,
И надежда наша, что он ниспошлет его:
Пусть первым родит того, кто с посохом,
А следом — чесальщицу!

Пусть имеющий посох держит посох,
Пусть чесальщица держит чесалку!

Пусть помыслы их будут верны,
Пусть жизнь их длится сто (лет)!

Пусть руки их будут привычны к труду,
Пусть путь их будет с народом!

Пусть будут брать пример с лучших,
Пусть от плохих будут вдалеке!

Пусть спешат к добру (благу),
Пусть обретут счастье!

Пусть в счастливом труде будут первыми.
Пусть к пришедшим врагам будут жестоки!

Это свадьба юноши и девушки,
Веселье новой семьи!

Пусть благословляющий скажет благопожелание,
Пусть пророк скажет: «Аминь!»,
Пусть Аллах исполнит,
Пусть хворь не проникнет туда, куда полется эта буза!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ГОСТЯМ

Приехавших дорога пусть будет из ваты (мягкой),
Жизнь им пусть будет в удовольствие!

Веселье наше пусть каждый день будет таким же,
Пришедшие на это веселье пусть будут счастливы!

Пусть веселье не покинет народ,
Пусть беда его не коснется!

Пусть жизнь гостей будет мирной,
Пусть смерть их медлит!

Пусть много будет скота,
Пусть пышно взойдут посевы!

Чтобы до верхушек рукой не дотянуться,
Чтобы под ними и змее не проползти!

О таком счастье мы просим
С застольными чашами в руках,
С тушей (жертвы) – угощением перед нами!

Пусть наш Тейри приблизит добро,
Пусть он отдалит зло!
Пусть счастье наше будет велико,
Глубоко, как Тамбий-кёл (озеро),
Как дождь, льющийся с неба,
Как трава, растущая из земли,
Как приданое нашей невесты,
Как шерсть жертвенного (барана).
Пусть Аллах даст нам волов сильных,
Лошадей – резвых,
Ружья – меткие,
Овец многошерстных,
Коров – удойных!

Пусть благословение не покидает этот дом,
Пусть проклятие не коснется этого дома,

Пусть Аллах не исполнит того, что желают плохие!
Пусть благословляющий сложит благопожелание,
Пусть слышащий скажет: «Амины!»,
Пусть Святой Аллах исполнит!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВУ

Пусть это место благословение не покинет,
Пусть его проклятье не коснется,
Пусть не исполнит Аллах пожелания плохого человека.

Есть царское угощение,
Пришло царское угощение –
Будем полны, как оно,
Возьмем в руки чаши,
Попробуем на вкус.

Когда лягушка прыгает в озеро,
Змея зашипит из воды,
Когда баран заблеет на пригорке,
Тур призовет на гору.

Будем о черной скотине
Забочащимися зимой,
Будем радеть об увеличении поголовья скота.

У нас у обоих два вола,
Оба они равные,
Оба красивые, молодые вола,
Дадим им свежего сена,
Будем кошевыми товарищами (компаньонами).

Загоны у нас круглые и четырехугольные,
Хлеб хорошо пропеченный,

Квас, процеженный женщинами,
Масло, сбитое мужчинами,

Вспомним же лучших,
Попробуем их сравнить.

Пусть ветер со снегом слепят глаза,
Да не будем чувствовать холода,
А если случится нам пить бузу вечером –
Будем уметь веселиться!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ, ПРОИЗНОСИМОЕ ПРИ ОБРЯДЕ СНЯТИЯ С НЕВЕСТЫ СВАДЕБНОГО ПОКРЫВАЛА

Возьмем в руки чаши с бузой на веселье,
Станем на верный путь (всей) страны,
Избежим бед!

Пусть благословение будет близко,
Пусть проклятие будет далеко,
Кто этого не желает, пусть лишится ума,
Пусть станет бродящим в лесу волком,
Пусть ляжет трупом у своего очага!

Пусть будет много тех, кто рад этому торжеству,
Пусть те, кто не рады, истребятся из нашей среды,
Пусть для них наши слова обратятся в стрелы (пули)!

Пусть золотыми будут ваши деревья,
Пусть серебряными будут ваши доспехи,

Пусть кисейными будут ваши рубашки,
Пусть красивыми будут ваши любимые,
Пусть праведными будут ваши умершие!

Пусть это веселье длится много лет.
Пусть богатством и счастьем наполнится ваш дом,
Пусть плохие люди умрут, не успев войти в этот дом!

Пусть богатства и счастья у вас будет много,
И притом пусть будут они такими:
Как дождь, льющийся с неба,
Как трава, растущая из земли,
Как лесные кустарники,
Как колосья на нивах,
Как табуны в Кабарде!

Аллах, даруя богатство и счастье, пусть такое дарует:
Если жену — то красивую,
Если овцу — то с густой шерстью,
Если корову — то удойную,
Если вола — то сильного,
Если коня — то резвого!

Пусть цепь наша (надочажная) не застынет,
Пусть жены наши не бранятся!

Пусть дворы наши будут четырехугольными,
Пусть снохи наши будут расторопными,
Пусть скирды (из соломы) наши будут островерхими,
Пусть невестка наша будет образцом для подруг,
Пусть дворы наши будут каменистыми (чистыми),

Пусть у нашей невестки будет много сыновей!
Которые в пути будут первыми,
Стремящимися к богатству,
Посохом (опорой) для споткнувшихся,
Светочами во тьме,
Любимцами единого Аллаха!

Пусть у пришедшей невестки дороги будут удачными,
Пусть душа ее стремится к достатку!

Пусть будет в речах негоразда,
Пусть будет в работе сноровистой,
Пусть будет окружена сыновьями,
Пусть утром встает рано и садится (за пряжу),
Пусть к вечеру спрядет веретено толщиной в бедро!

Пусть мы опередим опережающих,
Перемедлим медлящих!

Честью этого веселья (заклинаем):
Пусть дальняя гора отдалится,
Пусть ближняя гора приблизится,
Пусть меж ними все наполнится счастьем!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ХОЗЯИНУ ДОМА

Будьте богаты, как богатые,
Будьте раздольны, как раздольные,
Будьте равными любимым рабам Аллаха!

В пути будьте первыми,
В движении двигайтесь к богатству,
Будьте посохом для споткнувшихся!

Пусть Аллах сделает смерть вашу неспешной,
И пусть исполнит добрую мольбу!

Пусть здоровьем обладает ваше тело,
Пусть изобильно будет ваше имущество и скот!

Пусть питьем вашим будет шербет,
Пусть ложем вашим будет вата!

Пусть убегающий от вас не избавится,
Пусть преследующий вас не настигнет,
Пусть Аллах не даст сбыться слову, сказанному во гневе!

Пусть богатство не покинет,
Пусть нужда не постигнет,
Неошибающийся ум
И неиссякаемое богатство пусть даст Аллах!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ СТАРШЕГО ГОСТЯ НА СВАДЬБЕ

Эй, придем же мы, придем,
Веселье и смех изведем,
К доброй хозяйке
С приветствием и речью обратимся!

Веселье и смех изведем,
На свадьбе, на пиру спляшем,
Вспомнив родичей и близких,
Увидим полный двор!

Пусть много будет у нас имущества и скота,
Пусть они будут бестревожны,
Пусть новый приплод, больше прежнего,
Отдыхает у предгорий.

Пусть хозяйка этого дома
Проживет долгий век,
В безмятежной жизни
Принимая тысячи гостей!

Плоды рук хозяйки полны блага,
Пусть поступь ее будет легка,
Пусть стол ее снедью,
А бочонки питьем наполнятся,
А тот, кто этого не пожелает ей,
Пусть исчезнет из этого мира!

Эй, чаша с бузой остыла,
Считая себя пищей счастливца,
Пролилась она в надлежащее место.

Мы это выпьем,
Доброе решение вынесем,
Для хозяина от всего сердца
Большого счастья попросим!

НАРТСКОЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Схватка, схватка, схватка (?),
Нартский облик твой в углу.

Пришедший к тебе пусть споткнется,
От нартского меча погибнет,
Чтобы враги все подошли (букв. «чтобы двери врагов закрылись»)!

Пусть поет твой попугай,
Пусть в твоём дворе играет ребенок-будущий нарт!

ЗАЗДРАВНАЯ НАД ЧАШЕЙ В ЧЕСТЬ ОТЪЕЗЖАЮЩИХ ГОСТЕЙ

Вставайте, аланы, встанем же,
Поглядим на село и округу,
Поглядим на село и округу,
Пересчитаем товарищей,
Пересчитаем товарищей,
И выберем лучших!

Отправимся верхом,
На берегу реки коней расседлаем,
Будем советоваться и решать!

Эй, сперва возьмем в руки чаши с сыра*,
Полную чашу цвета меда,
Благую чашу из грушевого дерева,
А затем баранью ножку!

Пусть наша дорога будет мягкой (ватной), отправимся,
Сердца наши веселы пусть будут, укрепимся (духом),
В дороге обретем большую удачу!

Вставайте, аланы, теперь и вправду встанем,
Испросим благословения у отцов и матерей,
Пока солнце из-за гор не встало,
Наберемся решимости отправиться в путь,
К хорошим друзьям в добрый день
Отправляться решающими да будем!

ПОСВЯЩЕННАЯ БУЗА

Сын ли родится, дочь ли,
Или когда человек избежит большой беды,
Или в честь начала доброго дела,
Варят бузу, посвящая ее (этому событию).

Пусть посвященная буза поднимается, (бродя),
Пусть достанется и старым и молодым,

Пусть прибавит здоровья испившим,
Пусть увидит все по ритуалу и обычаю.

Пусть пьется посвященная буза,
Пусть чаша переходит из рук в руки,

Пусть льется смех и веселье,
Пусть прекратятся горести и тревоги,
И мы будем в почете!

А буза наша пусть не иссякнет,
Наш тамада пусть не стареет,

---

*Сыра – темное пиво.

Пусть его лицо не пожелтеет,
Пусть его глаза не закатятся,
Пусть он не сможет решиться на недоброе дело!

У нашей посвященной бузы,
У соблюдаемых нами обычаев,
У очищенных наших тел
Пусть будет много сил – мощи,
И пусть ее хватит на века!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПРИШЕДШЕГО НА ПРАЗДНИК

Заздравная чаша, полная чаша,
Да будем мы присутствующими на поздравлениях!

Пусть не покидает (нас) благословение,
Пусть не коснется нас проклятье,
Пусть Аллах не исполнит желаний наших недругов!

О, эта буза – сытная,
Для голодного желудка она наказание,
Это верхушка сухого стебля,
Пища счастливца!

Пусть у той, кто ее изготовил,
Из десяти пальцев мед закапает,
Пусть у ее недругов из глаз кровь закапает.

У ее недруга
Пусть руки не смогут поднять плеть,
Пусть не исполнится его мольба к Аллаху,
Пусть из-за слабости в ногах он на коня
Не сможет сесть!

Пусть ее недруг свалится с обрыва в реку,
Пусть, выйдя из нее, обсушится
И воет по закоулкам!

ПРАЗДНИЧНОЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Эй, желающий послушать пусть послушает,
У нежелающего слушать пусть в животе забурлит!

Эй, полная чаша, полная чаша –
Посмотрим на нее,
Попробуем на вкус!

В пути да будем первыми,
В движении да приблизимся к богатству,
Во тьме да будем светочами,
Для споткнувшихся – посохами!

Эй, тому, ради чего мы сюда собрались,
Пусть Аллах даст блага,
Вчетверо и впятеро больше (чем прежде)!

Два близких (теперь рода) пусть в приязни друг к другу
И в дружбе живут тысячи лет!

И если двое встанут с мест,
И если четверо соберутся на совет, —
Пусть они живут так, чтобы о них говорили,
Чтобы их жизнь вошла в здравицы!

Въезжающий в Черекское (Балкарское) ущелье,
И выезжающий из него,
И крутящая веретено, распускающая пряжу,
И седлающий коня,
И взявший в руки плетъ,
Ткущая полотно и кроющая шубу,
Вьющий перевязло и складывающий копну,
Привозящий сено и кормящий скотину,
Колесающий по свету и строящий жилище,
И охотник на вершине горы,
И сван в Загорье,
И кабардинец в предгорье —

Пусть будут нашими гостями,
И пусть широкие столы будут ломиться от яств,
Множество здравниц там будет сказано,
Пусть их слушают и млад и стар,
Разумея сказанное,
И пусть благословенным, великолепным,
Мирным, заветным
Жилищем станет это место!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ ПРИ ВВОДЕ НЕВЕСТЫ В ДОМ

Пусть доброй будет пришедшая невестка для дома и для села,
С сыновьями, с сундуками, полными материи пусть будет,
Пусть сын ее будет оружейником, пастухом,
Пусть дочь ее станет портнихой, швеей!

В добрый день вступай (в дом),
Доброй пусть будет твоя стопа,
Стань матерью сыновей!

Пусть первенцем твоим будет мальчик,
Пусть посох его будет крепким,
Пусть будет мастером, как нарт Дебет!
Пусть твоя дочь будет подобна Сатанай!

Пусть семейство твое разрастется,
Как трава на земле,
Как песок в море!

У пришедшей невестки поездки пусть будут удачны,
Пусть душа ее стремится к достатку!

Пусть в работе она будет сноровистой,
Пусть будет окружена сыновьями!

Пусть будет у нее счастья и добра много,
Как дождя, льющего с неба,
Как трав, растущих из земли,
Как кустарников в лесу,
Как колосьев на нивах!

Пусть счастье тебя не покинет,
Пусть беда тебя не постигнет!

Пусть жизнь твоя будет мирной,
Пусть смерть твоя медлит!

Пусть будет у тебя много внуков,
Пусть дочери твои будут доить коров!

Пусть сыновья твои будут ходить на охоту,
Пусть крепко держат в руках косовища,
Пусть ровесникам будут (надежными) товарищами!

Да будешь собирать зерно мешками,
Да будешь радовать родичей мужа!

Да будешь вкушать пищу на весельях,
Да сбудутся твои мольбы к Тейри!

ЗАЗДРАВНАЯ НАД ЧАШЕЙ В ЧЕСТЬ ЖЕНИХА

Ну, парни, возьмем в руки чашу жениха,
Направимся в добрый путь.

На полную ладонь садится орел (ловчая птица),
Да будем мы с полными ладонями,
Богатыми, насколько может пожелать человек.

Приехали мы с горы Эльбрус,
Увезем мы золотой (дорогой) подарок.

В руках у нас буза,
Она превосходит многие другие напитки.

Это заздравная чаша, большая чаша,
Для всех нас предназначенная чаша.

Это верх сухого колоса,
Это пища счастлильца.

Пусть обильно взойдут вспаханные поля,
Пусть не потравят их бродящие (вокруг) кабаны,
Пусть не будет житья негодяям, разлагающим народ!

Пусть обильно взойдут нивы,
Чтобы меж колосьев не прошла брошенная палка,
Чтобы их не измерить пядями,
Чтобы рывком не срезать серпу,
Пусть Аллах не исполнит желаний плохого человека!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПРИ ПЕРВОМ УКЛАДЫВАНИИ РЕБЕНКА В ЛЮЛЬКУ ИЛИ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИИ В ЧЕСТЬ ЕГО РОЖДЕНИЯ

В добрую колыбель я тебя запеленаю,
В здравии покинувшим колыбель тебя да увижу.

Пусть перевязь твоей колыбели будет прочной,
Пусть дней твоей жизни будет много,
Пусть твои недруги сгинут!

Пусть в дом наш входят невестки,
Пусть из нашего дома девушки выходят замуж!

Пусть твой верховой конь будет иноходцем,
Пусть на скачках обгоняет всех!

Да будешь в схватках первенствующим,
В работах возглавляющим!

Пусть твои стрелы (пули) не пролетят мимо,
Скот, который ты будешь пасти, не падет!

Душа твоя пусть будет поручена Аллаху,
Сам ты да станешь всем на удивление, прекрасным.

Прекрасным, внушительным да станешь ты,
Душой, любимой Аллахом, да станешь ты!

В здравии вырасти из колыбели,
Веселым возвращайся с улицы (домой)!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ РЕБЕНКУ В КОЛЫБЕЛИ

Аллах да сохранит этого ребенка от болезней,
Пусть смерть не придет и не унесет его во чрево земли,
Пусть ни одно мучение не коснется его молодой жизни.

Пусть в здравии покинет это дитяtko колыбель,
Пусть играя входит это дитяtko со двора!

Пусть приладит он ремень к позолоченной винтовке,
Пусть купит шаль чернобровой жене!

Пусть всегда он будет сидеть на почетном месте,
Пусть трудные пути его будут вверх.

Пусть он спасется от огня и пожара,
Не наденет чужого чекменя.

Пусть не знает хворей, болезней,
Не носит чужого кинжала.

Пусть нога его о камень не преткнется,
Пусть его врага невзлюбит Аллах!

БАЙЧА ПОМОЖЕТ

Заговор сна для детей

Байча ищет,
Волк кусает,
Длинные ноги,
Овца блеет.

Спи, мое дитя,
Усни.

Если байча устанет,
А волк нападет,
След найдет,
Овца будет блеять —
Что тогда делать?

Спи, мое дитя,
Сладко спи.

Байча ищет,
Волк кусает,
Длинные ноги,
Овца блеет!

Спи, дитя мое,
Сладко спи.

Байча ищет,
Овца блеет,
Волк кусает,
Длинные ноги.

Спи, дитя мое,
Отдохни, говорю.

Пусть байча найдет,
Овца блеет,
Волк издохнет,
Дитя мое уснет.

Спи, дитя мое,
Спи, мой красивый.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ МАЛЬЧИКУ

Выпасая скот в горах,
Пусть из золота будет его чаша,
Пусть крепким будет его посох!

Пусть о нем говорят в артелях,
Пусть будет образцом верности!

Вершины гор высоки,
Пусть он взойдет и ходит по ним,
Пусть у него будет полное семейство,
И он будет брить головы сыновей!

Пусть развевается его шуба внакидку,
Пусть воодушевит упавших духом друзей!

Пусть станет парнем, плодотворно трудящимся,
Пусть возглавляет артели,
А кто его проклянет, пусть сгинет,
Пусть станет камнем в ущелье Жеге(?)!

Пусть усадит отца на иноходца,
Пусть оденет мать в шелковый кафтан,
А народу сумеет внушить любовь к себе!

СЫН РОДИЛСЯ

Ой да, Хыйса, ойра, Хыйса,
Когда рожденный таким рождается —
Наделенный мужским достоинством,
Резвее волка,
Щедрым к своему роду —

В добрый день приди, дитя,
Селению даруй уют, дитя,
Много радостей испытай, дитя!

Ойра, Хыйса, серафим Хыйса,
Нарядный Хыйса, щедрый Хыйса!
Если стада скота на твоих станах
Истребят хищники, (или) истребит божество,
Или алчные, совершив набег, оставят (тебя) ни с чем, —
Станешь ты мужчиной, станешь крепким,
В другой раз будешь осторожнее,
Расти здоровым, милый, дитя-богатырь!

* * *

Этот ребеночек
Пусть станет добрым молодцем и возглавит ровесников,
Пусть станет парнем, радующим родителей!
Пусть не замарается нечестным делом,
Пусть ему не придется стыдиться людей
из-за предосудительного поступка,
Пусть избежит горестей и болезней,
Пусть всю жизнь ест честный хлеб!
Пусть живым и здоровым растет этот мальчик,
Пусть его жизнь будет поручена Аллаху!

* * *

О Аллах, пусть долгим
Будет век этого ребенка,
Пусть медлит его смерть!

Пусть прочной будет перевязь его колыбели,
Пусть воды, которой ему суждено пить, будет много!

Пусть усадит отца на коня-шаулоха,
Пусть одевает мать в беличьи шубы!

Пусть выходит на летние пастбища с тысячной отарой,
Пусть село, где живет этот мальчик, будет утопать в роскоши,

Пусть нивы его будут тучными, будут полными,
Пусть недруги его сгинут с этого света!
Пусть верховой конь его будет иноходцем,
Пусть на скачках он обгоняет всех,

Пусть в сражениях будет он первым,
Пусть в работе он станет главой.

Пусть пули (стрелы) его не пролетят мимо,
Пусть скот его не падет,

Пусть овец у него будут тысячи,
Пусть дней жизни его будет много!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРЕД СЛУЧКОЙ ОВЕЦ

Пусть двойнями родится приплод,
Пусть ввосьмеро больше прольется счастья,

Пусть не будет неокотившейся самки,
Пусть хищник не унесет ягнят!

Пусть скот плодится,
Пусть прочь уйдут волки!

Пусть хранит (овец) наш Тотур,
Пусть помнит о нас Тейри,

Пусть народ наш будет богат скотом,
Пусть всего у нас будет в достатке!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРЕД СТРИЖКОЙ ОВЕЦ

Осенью, когда овцы спускались с горных пастбищ, начиналась стрижка. Перед ее началом один из стариков произносил благопожелание:

Пусть у овец будет густая шерсть,
Пусть козы будут шерстистыми!

Пусть коровы будут удойными,
Пусть кобылы будут с жеребятами!

Пусть люди будут степенными,
Пусть смерти (их) медлят,
Пусть сбудутся благопожелания!

ЖАТВА

Когда начинали жатву, первый сноп должна была связать молодая невестка, новобрачная. Этот сноп, нарядив, прислоняли в укромном месте к дереву. Остальные женщины говорили этой невестке благопожелание:

Пусть рука твоя будет доброй,
Пусть нога твоя (поступь) будет легкой,
Пусть осень твоя будет полна зерна!

Да соберешь ты зерно мешками (кожаными),
Да будешь угощать родственников мужа!

Да будешь вкушать ты праздничную пищу,
Да сбудутся твои просьбы к Тейри!

После этого произносил благопожелание невесте и один из уважаемых стариков:

Пусть счастье тебя не покинет,
Пусть горе не коснется тебя!

Пусть жизнь твоя будет мирной,
Пусть смерть твоя медлит!

Пусть у тебя будет много внуков,
Пусть твои дочери доят коров!

Пусть твои сыновья ходят на охоту,
Пусть крепко держат косовища,
Пусть будут верными друзьями для ровесников!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРЕД МОЛОТЬБОЙ

Чаша бузы горячит кровь,
Края чаши окованы серебром,
Кладовая наша круглая,
Хлеб наш хорошо пропеченный,

Пусть ток наш будет полным,
Наполним же кожаные мешки,
Утолим голод и жажду,
Да соберем зерно для нартской бузы,
И сами да уподобимся нартам!

ПРИ ВЕЯНИИ ЗЕРНА

Закончив молотьбу, лопатами провеивали зерно. Перед началом работы молили:

Мать ветра Химикки,
Помело за дверью!

Пусть твой сын-ветер придет сюда,
Провеиваемое зерно
Очистив, пусть уйдет!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРЕД ВАЛЯНИЕМ ВОЙЛОКА

Ковер наш пусть расстелится во дворе дома,
Пусть на него станет невеста,
Пусть ее тонкий стан будет охвачен поясом,
Узоры нашего ковра подобны рогам,
Невестка наша пусть рождает двойнями!

Тейри пусть ниспошлет все лучшее,
Пусть наш ковер повесят в доме,
Пусть этот дом не покидает богатство и счастье!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПРИ ВАЛЯНИИ БУРКИ

Пусть прочной будет эта влажная шерсть, как шелк,
Пусть прочен будет очаг у того, кто ее (бурку) наденет,
Пусть он носит свою бурку много дней,
Пусть из Мингрелии привезут ему фарфоровую трубку
(курительную)!

Пусть бурка не пропускает воду,
Пусть пуля врага в нее не попадет!

ПРИ КАТАНИИ СУКНА

Катание сукна было очень трудным делом. Все девушки, женщины
округи собирались в одном доме, помогали друг другу. Шерсть мыли,
теребили, распушали, чесали, готовили ровницы, пряли, провязывали пет-
ли, пропускали через ткацкий станок. По окончании сукно катали и сво-
рачивали. Скажу несколько слов из наших благопожеланий:

Проживи столько, сколько шерстинок в моем сукне,
Будь подобен сыну Тейри Солнца!

Пусть рука моя прядет нить, как (рука) Сатанай,
Есть у меня мольба к Тейри Земли:
Пусть продлит он век моего сына,
Пусть не лишит его могилу тепла (букв. «углей»),
Пусть руки того, кто наденет (одежду из этого сукна),
будут держать лук,
Пусть благими будут пройденные им пути,
В месяц жертвоприношений пусть твоя кладовая
будет полна мяса,

Долина, в которой ты живешь, пусть будет
полна скота, как Тотур!

Пусть благословение нас не покидает,
Пусть не настигнут проклятия Аpsаты,
Пусть надевший ее умножится, как зерна проса,
Пусть слагает веселые песни для своего народа!

* * *

Пусть (дней) покоя у тебя будет столько,
Сколько шерстинок в этой бурке,
Пусть на пастбище будут у тебя рыжие быки,
А те, кто этого не пожелают, пусть станут рыжими псами!
Пусть владельцам скота станет надевший эту бурку,
Пусть любящий тебя живет, как нарт,
Пусть камень Чоппа станет (ему) подушкой,
Пусть смерть его будет медлить,
Как у предков-нарттов, пусть она сгинет!

ПЕСНЯ КАТАЮЩИХ СУКНО

Цвет нашей шерсти бледен,
У нашей дочки игр мало,
Эй, катать, катать, катать!

Пусть наше сукно будет плотным,
Пусть у нашей дочки наполнится пазуха,
Эй, катай, катай, катай!

Пусть наша бабушка творог делает (выжимает),
Пусть наш дедушка шерсть стрижет,
Эй, катай, катай, катай!

Пусть детишки провязывают петли,
Пусть их матери катают (сукно),
Эй, катай, катай, катай!

Пусть (сукно) будет плотным, не пропускающим воду,
Каждая шерстинка пусть будет золотой,
Эй, катать, катать, катать!

Пусть красотой своей ослепляет,
Сколько ни катай, пусть (сукно) в ширину не садится,
Эй, катай, катай, катай!

Пусть в длину не расплзается,
Добросовестно скатанным сукном пусть будет,
Эй, катай, катай, катай!

Чтобы и сван в Загорье,
И русский в России,
Эй, катать, катать, катать!

И кабардинец в Кабарде
Одобрили его – пусть таким сукном будет,
Эй, катая, катая, катая!

Пусть с жужжанием снует каретка,
Пусть с жужжанием бегаёт челнок,
Эй, катая, катая, катая!

Дело начиналось как забава,
Каждая петля стянулась,
Эй, катая, катая, катая!

Садитесь, игра закончилась,
Эй, смейтесь, работа пришла,
Эй, катая, катая, катая!

Воду на шерсть пусть бабушка брызгает,
А катает сукно пусть невестка,
Эй, катая, катая, катая!

Эй, Тейри, благослови нас,
Наша работа быстро к осени закончится,
Эй, катая, катая, катая!

Вставай-ка, девушка-красавица,
Шерсть остынет, будет расползаться,
Эй, катая, катая, катая!

Если шерсть остынет и расползётся,
Плотного сукна не получится,
Эй, катая, катая, катая!

Аймуш поможет нам,
К осени шерстью станет подшерсток,
Эй, катая, катая, катая!

Каретка будет бегать, пазуха наполнится,
Тогда мы будем с прибытком,
Эй, катая, катая, катая!

Байча, Байча, ты дашь нам возможность.
Увидишь девушку, катающую сукно,
Эй, катая, катая, катая!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРЕД ВЫХОДОМ НА КОСЬБУ

Пусть косари будут трудолюбивыми,
Пусть дни наши будут погожими,
Пусть у нас будут воны пятилетние,
Пусть сенокосы наши будут без камней,
Пусть в работающих руках сил прибавится,
Пусть Тейри нам поможет!

Перед выходом на сенокос резали барашка, готовили лепешки, варили бузу и устраивали празднество. Перед тем, как начать косить, произносили благопожелание:

Нет у нас претензий.
Суслик – наш враг.

Эй, кривую (т.е. косу) заточите бруском,
Просите у Тейри густой травы!

В конце первого дня сенокоса один из стариков произносил благопожелание косарям:

О Аллах, косари,
В добрый день выходите (на покос),
Пусть трава, скашиваемая вами,
Будет густой, обильной,
Чтобы зимой ваши семьи радовались,
Чтобы весной ваш скот был тучным,
Чтобы летом не ходил, спотыкаясь!

Кривую (т.е. косу) затачивайте, не ленясь,
У бога Тейри просите хорошую траву!

Пусть солнца над вами будет много,
Пусть кони под вами будут быстры,
О Аллах, пусть дворы наполнятся сеном!

Если лето было хорошее, и люди без помех смогли заготовить сено, перед тем как начать его вывозить, тоже произносили благопожелание:

И Элия, и Чоппа вняли нашим мольбам,
Обильно выросли травы в горах, на холмах.

Пусть всегда наши мольбы доходят до богов (тейри),
Пусть обильными будут летние и зимние пастбища.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ЮНОШЕ ПЕРЕД ПЕРВЫМ ЕГО ВЫХОДОМ НА ОХОТУ

Пусть Умай-бийче и Тотур
Сделают шаги твои твердыми,
Пусть пули (стрелы) твои сделают меткими,
Пусть хранят они тебя на твоей охотничьей тропе!

Да будешь ты одним своим выстрелом убивать двух (зверей),
Да будешь приносить с охоты по два тура,

Да будешь подбадривать упавших духом товарищей,
Да будешь покрывать оленьими шкурами станы!

Пусть очаг твой будет прочен, как звезда Темир-Казак,
Пусть твой Тейри дарует тебе много и лучших из скота Апсаты!

* * *

Когда охотник отправлялся на охоту, его мать или бабушка произносили такой заговор:

Байрым, молю тебя, храни мое дитя,
Тотур, Тотур (и ты) – мою опору, что скитается по скалам,
Храни от волчьих зубов, от рысьих когтей,
На охотничью тропу его возри по-доброму.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

Когда молодой охотник в первый раз возвращался с добычей, произносили такое благопожелание:

Пусть его стрела (пуля) не пролетает мимо,
Пусть его стрела (пуля) всегда попадает (в цель)!

Животное, в которого он выстрелит, пусть упадет,
Пусть ноги его заплетутся!

Пусть приносит тяжелые ноши,
Пусть станет любимцем села!

Пусть осмотрительно стреляет скот Апсаты.
Не проливая излишне крови животных!

Тейри, храни в здравии его тело,
Тейри, сделай так, чтобы мы часто о нем слышали!

Чтобы он всегда живым
Мог возвращаться к своему очагу!

ОТПРАВЛЯЯСЬ НА БИТВУ

Не забывайте, парни-горцы: в единстве – благо,
Птица не пролетит, если мы будем отважны!

Не забывайте про оружие и патроны,
Не берите себе в друзья трусливых, ничтожных!

В дни войны испытывается мужество,
Для трусивших наступают черные дни!

Пусть в трудные дни легкими будут ваши дороги,
Пусть не онемеют ваши руки на спусковых крючках!

Пусть из булатной стали будут ваши мечи,
Как соколы пусть летают ваши кони в сражении!

САНДЫРАК

Уой, «Сандырак»,
«Сандырак»,
Пусть не останавливается правая нога,
Пусть не отдыхает левая нога!

В прыжке достигни неба,
А если не сможешь, то отойди!

Прыгнув, не упади,
А в танце не останавливайся!

Приходите стар и млад,
Увидьте «Сандырак»!

Вступайте в эту игру,
Пусть не останавливается ваш язык!

Пусть ваши ноги, поясницы шевелятся (играют),
Не утомляются до утра!

Как же до упада
Не танцевать «Сандырак»?!

Пусть резвится ваша нога,
Пусть ваша палка играет в небе!

Если упадешь, упади в яму,
И вопи оттуда!

Пусть сосед сложит по тебе поминальную песню,
Такую, чтобы она рассмешила твою семью!

Пусть двор твой наполнится водой,
Пусть в кармане твоём будет пусто!

Пусть потухший огонь разгорится,
Чтобы повесить (над ним) цепь, котел!

Свободно поднимай ногу,
Ладно играй своей палкой!

Дай танцевать старикам,
Уважив их, зарежь козла!

Пусть над тобой сияет солнце,
Пусть от камней идет пыль!

Старичье, помолодейте,
Растворитесь в «Сандыраке»!

Растворитесь, не найдитесь,
Не сорвитесь с кручи, не скатитесь!

Упавшего пусть укусит собака,
Нанесет ему страшные раны!

Пусть ласка помочится в его молоко,
Это молоко пусть войдет в него!

Пусть волк съест твоего коня,
Пусть пчела ужалит тебя в зад!

Чтобы ты быстро добежал до берега,
А перейти через реку не смог!

Прыгайте (танцуя) «Сандырак»,
Отрыгивайте, выпив бузу!

Пошевеливайся, (танцуя) «Сандырак»,
Живи, окруженный смехом!

Ряженных парней в кругу,
Не поленись, сосчитай,

Отнесись хорошо (букв. – посмотри добрым глазом)
К «волкам», «животным»!

Если же нет, то проглоти ворону,
(А) в руках у тебя пусть будет ястреб!

САНДЫРАК

Эй, окоlesiцу неси, окоlesiцу неси,
Дергайся, не переставая,
Если ты играешь, пусть у тебя вырастут крылья,
Если нет, пусть в тебя колючка воткнется!

И влево, и вправо прыгай,
Так вступай в круг,
Если не вступишь, пусть в тебя колючка воткнется,
Пусть твоя коса ударится о камень,
Пусть твои друзья будут над тобой смеяться!

* * *

Старый «козел» (ряженный) танцует на носках,
Молодой «козел» (ряженный) над ним смеется,
Потанцевали, соревнуясь,
Потыкали друг друга рогами.

Старый, вскочив, быстро ударил,
Молодой не обратил внимания,

Подумал, что это дуновение ветерка,
Только посмеялся над этим.

Еще раз (старый) задел его,
Нанес «тяжелые» раны,
Молодой удивился,
А затем тотчас упал.

Ай да «козел», бравый «козел»,
Проходи, не медля, на почетное место,
Живи долго, старый «козел»,
Обгладывая берцовые кости, огузки,
Смеша детишек,
Угощая стариков,
Заставляя молодых танцевать!

БРАЖНЫЙ САНДЫРАК

Эй, аланы, брага (буза) в кладовой
Начала бродить!

То, что заставляет Чорттаева Зиякку
Так усердно плясать –
Это завязь проса ашюгю (сорт),
И мастерство Ала-Кыргыз!

Ой-эй, солод этой (бузы) – из ячменя,
В мозги ударит ее горячее проклятье,
Чорттаев Зиякку пьет, говорят,
Смакуя верхний слой (бузы) бочки.

Чорттаев Зиякку, пил, пил и охмелел,
Почему Ала-Кыргыз так обозлилась?
Если она зла, значит разгневалась, варя сюлен (неясно),
Ее девичий стан испортил Чорттаев Зиякку.

Ой-эй, ас-аланам любо пить брагу,
А в медовой браге много чудачеств,
Когда Чорттаев Зиякку засеял поле хмелем,
Его жена Кыргыз упала в бочку с сюленом.

Эй, с тех пор мы и пьем брагу, захмелев,
От одной лишь чаши ноги у нас подкосились,
За Ала-Кыргыз мы гоняемся и не догоняем,
Эй, не в силах бегать – ведь у нас развязались очкуры.

Ой-эй, аланы, как только выпьем браги на (празднике) «Голлу»,
Закипаем сразу, словно кувшин, в который упал уголь,
Ала-Кыргыз дивится на нас,
Словно Чорттаев Зиякку холостит трехгодовалого быка.

Чорттаев Зиякку улегся на свалке, –
Невпрок ему оказались яйца трехгодовалого быка,
Как же ему не начать грызться с собаками –
На свалке он нашел сушеную рыбу!

13. ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНИЯ

ЗАГОВОР ОТ ЗЛЫХ ДУХОВ

Если человек падал или терял сознание, вокруг него каким-нибудь железным предметом очерчивали круг. В середину этого круга вбивали железный гвоздь. Затем разбивали об этот гвоздь яйцо и произносили следующие слова:

Пусть твой Тейри тебя больше не свалит,
Как это яйцо, пусть разобьются
Твои болезни, недомогания,
Пусть развеются
Твои бесы, твои враги!

ЗАГОВОР ОТ ЧУМЫ

Во время чумы женщины брали веники, опускали их в воду, а потом, брызгая ею по направлению к ущелью, говорили:

Улети, улети, злая чума, не приходи сюда,
Ходи по вершинам гор,
Пусть горный ветер сбросит тебя в моря,
Пусть Тейри отдаст тебя Тейри Солнца на сожжение!
Не приходи, не приходи, чума, улети, улети,
Исчезни, развеянная ветрами, иссушенная солнцем!
Улети, улети, не вей,
Никогда не показывайся из этих теснин!

ЗАГОВОР ОТ ЯЧМЕНЯ

На глазу

Коровушки, коровушки идут,
Откуда, откуда они идут?
Они идут из Жангериша,
А кто есть в Жангерише?
Есть девушки, расшивающие бисером,
Есть юноши, могущие убивать кабанов.
Откуда застрелить кабана?
Застрелят из-за красного камня.
Пусть краснота не наступит,
Пусть болезнь на нас не нападает!

ЗАГОВОР ОТ ОСПЫ

Даут точит свой нож,
Хочет зарезать оспу.

Оспа – не скотина на убой,
У оспы (случился) заворот кишок,

Вывих тазобедренного сустава,
Остановилось дыхание.

ЗАГОВОР ОТ ОСПЫ

О Дыдай, Дыдай,
Пусть разрушится дом Дыдай!
Пусть у очага ее раздадутся рыдания!

Пусть ее очаг занесет снегом,
Пусть ее луга побьет градом!

Пусть на ее нивах пожрет красный бык (т.е. огонь),
Пусть Дыдай покинет нас!

Говорили, что оспу на людей насылает Дыдай по велению злого духа Тымбыла. Дыдай незримо, неотступно пребывала рядом с человеком, которого хотела заразить. Саму ее представляли как высокую черноволосую (смуглую) худую женщину.

ПРОКЛЯТЬЕ ДЫДАЙ

Мать оспы Дыдай,
Помешайся, споткнись, споткнись, споткнись!
Задохнись (подавись),
Тресни в длину,
Пусть тебя найдут в каменной могиле!
Пусть перед тобой возникнет гора,
Пусть у тебя в животе бушует огонь!

ПРОКЛЯТЬЕ ЗАПРЕТНО

Раньше благопожеланий было очень много, люди знали множество благопожеланий и заговоров. Но были еще и проклятья, и люди, которые были большими мастерами проклинать. Таких людей народ не любил, считая, что проклинать кого-то — грех. Особенно не к лицу это было мужчинам, мужчины не произносили проклятий. А с женщинами что поделаешь, в горячке от обиды, наверное, не сдерживались. Мне доводилось слышать очень горькие проклятья, но о них я даже говорить не хочу.

ПРОКЛЯТИЕ

Пусть мольба его к Тейри не исполнится!
Пусть у него для упряжи не будет (даже) осла,
Пусть у него для продажи не будет коровы,
Пусть летом у него не будет пастбища,
Зимой — зимовья,
Пусть никогда не будет покоя!

Пусть загорится застреха его крыши,
Пусть он попадет в беду!
Пусть погибнут его родители,
А (самого) его найдут (мертвым) в пустом доме!

Пусть жена его бранится,
Пусть цепь его (надочажная) застынет,
Пусть в его кладовой будет пусто,
Пусть пища его станет ядовитой.
Пусть его единственной пищей будет вода!

Пусть одежда его будет без ворота,
Пусть в своем селе будет презираем!

Пусть никто не пойдет поздравить его,
Пусть труп его валяется на свалке!

Пусть лопнет его брюхо,
Пусть погаснет его очаг!

Пусть молния поразит его сыновей,
Пусть алмосту выщиплет ему брови!

Пусть на его могиле читает (заупокойную) монах,
Пусть к ней (могиле) ходит на поклонение старая ведьма!

Да увижу свои мольбы сбывшимися,
И да исполнится воля Тейри!

ЗАГОВОР ОТ КОРИ

К нам пришел какой-то красный мужчина,
У него красные чуваки, красные ноговицы,
Красные штаны, красная рубашка,
Красная шапка, красная шуба.

Под красным дубом
Я растворю красный сахар,
Разбрызгаю, как коровье молоко,
Твою болезнь отворю.

Произнося это заклинание, знахарь разводил огонь из дубовых поленьев и сжигал в нем волосы и ногти больного.

ЗАКЛИНАНИЯ ОТ КОРИ

Пришли семь красных мужчин,
Накинули на себя семь красных бурок,
Повязали семь красных башлыков.
Взяли семь красных уздечек,
Накинули на коней семь красных седел,
Сели на семь красных коней.
В семь красных туманов ушли.

* * *

Из троих стало девять,
Оседлали девять коней,
Взяли девять плеток,
Перевалили через девять гор,
Устроили девять стойбищ.

ЗАКЛИНАНИЕ ОТ ЗАВОРОТА КИШОК

Бывает, что человек мучается от заворота кишок. Тогда лекарь совершал действие, называемое «развязывание узла», — катал по животу больного тесемку, то завязывая, то развязывая ее, и приговаривал:

Завернул ты,
Завернул ты,
Не заворачивай,
Быть не заставляй,
Этого несчастного не убивай!
Пусть твой узел развяжется,
Пусть здоровье к тебе вернется!

ЗАГОВОР СНА

Когда рождался ребенок, резали для него лучшую пеструю овцу. Ее теплой кровью мазали лоб ребенка. Укладывая младенца в колыбель в первый раз, в нее перед этим пеленали кошку, приговаривая:

Пусть он (ребенок) будет сонливым, как ты,
Пусть твоя сонливость перейдет к нему,
Пусть глаза у него будут острыми, как у тебя,
Пусть жизнь его будет длиться (многими) седмицами!

После этого пеленали ребенка.

ЗАГОВОР СНА

Спи, дитя, сна тебе,
Мать сна твоего просит тебя (именем) матери,
Из Жангериша коровушка посылает (тебе) молоко.
Верь мне, мать сна твоего просит тебя уснуть,
Пусть дух-хозяин места не придет к тебе из темного леса!

ЗАГОВОР ОТ СГЛАЗА

Начинаю во имя Единого Тейри:
Белого барана голова, черного барана голова,
Дрожащая верхушка злака —
Но Тейри превыше всего!
Листок девясила,

Ветка тополя,
Иришки, Хумашки, Хашки –
Но Тейри превыше всего!
Приближается ветер, приближается ветер,
Верхом на своем воздушном коне,
Взяв свою воздушную плеть!
Головешка – в сглаз, сглаз – в головешку,
Пусть сглазится тот, кто сглазил!

* * *

Сглаза нет у меня – он есть у сына Дебеу,
Сглаза нет у меня – он у дочери Дебеу,
Пока из бурьяна не сделают лестницу и не взойдут по ней на небо –
Пусть сглаз не берет,
Пока решетом для ячменя не принесут воды –
Пусть сглаз не берет,
Пока не принесут воды в ведре без донца –
Пусть сглаз не берет!

* * *

Тейри! Моя мольба к Тейри:
Пока пахари, нанизав сливочное масло
На шампур, не изжарят шашлык,
Пока у осла не вырастут рога,
Пока беременная женщина не взберется на небо по лестнице –
До тех пор пусть сглаз не берет (этого человека)!
Белой овцы голова, черной овцы голова,
Дрожащая верхушка злака –
Но Тейри превыше всего!

* * *

Когда ребенок страдал от бессонницы или метался в горячке, брали три пшеничных колоска, их зерном обсыпали ребенка и говорили:

У кого (дурной) глаз – тот на улицу,
Пусть змея уползет в нору.

Вокруг я сложу забор,
Сплету свои волосы.

Рывком встань с колыбели,
Играя-смеясь войди со двора!

ПРИ ЗАБОЛЕВАНИЯХ СКОТА

Когда заболела скотина, лекарь брал с ее головы и хвоста волосинки и, держа их у морды животного, говорил:

Жерме (колбаса) Чоппа – твоя,
Вслед за Чоппа, козел, заходи!

Дойную корову не трогай,
Над упряжным волом не смейся.
Шерстистую овцу не губи!

Кызылкёза (Красноглазого) порази,
Часто его навещай!

Полагали, что болезни среди животных распространяет Кызылкёз (Красноглазый) – волосатое, обезьяноподобное, длинноволосое существо. Оно умело говорить и по-человечески.

ЗАГОВОРЫ ОТ УКУСА ЗМЕИ

Куфу, змея,
Ядовитая змея,
В свою нору уползи, змея!
Конь у него воздушный, плеть воздушная,
Сев на воздушного коня,
Достигнув Большой Медведицы,
С ладони,
Со сходящихся оврагов,
Из того аята (из Корана)!

* * *

Большая змея, ядовитая змея
Если прыгнешь – рыгни, змея,
В колючки уползи, змея!

* * *

Инанна къан тал талауат,
Уафи жалал жалауат.
Не кусай меня, кусай камень,
Пусть Аллах накажет тебя!
Уфу, змея, ядовитая змея,
Отдай то, что должна дать, змея,
В нору уползи, змея!

* * *

Ползу, растягиваясь, как веревка,
Кусаю больно, как собака,
Будьте готовы убежать вовремя,
Если укушу, то очень больно,
Изолью яд, от которого нет лекарства,
Жизни вас лишу!
Забери свой яд, змея.
Уху, змея,
Если не забереешь свой яд,
Да издохнешь сейчас, змея!

* * *

Красивая змея, уф, змея,
Свое войско построь, змея,
В свой чертог уползи, змея!
Посмотришь раз – белый журавль,
Посмотришь другой раз – белый лебедь,
Посмотришь третий раз – с оленьей грацией,
Посмотришь четвертый раз – (бесстрашная), как тигр,
Да треснешь ты пополам,
Жена твоя да оплачет тебя!

* * *

Уйди отсюда, уйди,
Доберись до своего нарядного замка!
Ход твой подобен полету орла,
Укус твой – как волчий.
Разишь ты, как стрела,
Твое дыхание подобно огню.

* * *

Группа всадников охраняет тебя,
Твоя золотая шуба блестит на солнце,
Ты в силах остановить медведя, волка,
Лекарство свое заberi с собой,
Доберись до своего нарядного замка!

ЗАГОВОР АККАЕВЫХ ОТ УКУСА ЗМЕИ

Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим!
Кровавая молния – твоя плеть,
Плетью своей ударила,
Ты родилась от девушки-булатницы (?)
Я пришла просить, чтобы ты отпустил,
(Я пришла), чтобы поклониться Табюлюку (?).

Из белого шелка твоя рубашка,
Тебя сопровождает группа всадников!

Растущий в горах пирият ёрюш (?),
Растущая на равнине красная пшеница,
Красная пшеница – как хлеб,
Длинная змея, широкая змея,
Отпусти его, а если не отпустишь,
То тресни и сдохни, змея!

ЗАГОВОР ГАЗАЕВЫХ ОТ УКУСА ЗМЕИ

Бисмиллахи-р-рахмани-р-рахим!
Засов ты или цепь?
Евангелие пришло, татыр (?) пришел,
Гуса (?) рыжего Иссы,
Фамильная гуса (?),
Кровавая плеть с ядовитым концом.

ЧЕГЕМСКИЙ ЗАГОВОР ОТ УКУСА ЗМЕИ

Бисмиллахи, одна змея,
В нору свою уползи, змея,
Знай, что делаешь, змея!

Ползешь ты, извиваясь, как веревка,
Больно кусаешь, как собака,

В густой траве ты любишь лежать,
Очень опасен твой укус.

На тебе кашемировая рубашка,
С тобой группа всадников.

БАКСАНСКИЙ ЗАГОВОР ОТ УКУСА ЗМЕИ

Уф, змея, куф, змея,
В свою нору уползи, змея,
Из своей норы выползи, змея!
Я тебе вреда не причиняю,
И ты мне вреда не причиняй!
Да растянешься в растяжку, змея,
Да растянешься рывками, змея,
Да зашипишь, лишившись яда,
Да позволишь вытянуть яд из этого несчастного,
Уфу, змея, куфу, змея,
Куф, змея!

* * *

Апу змея, супу змея,
Самая настоящая змея!

Свою ветряную плетъ возьми, змея,
Свою ветряную бурку возьми, змея,
На своего ветряного коня садись, змея,
В ветреную дыру вползи, змея!

Дасайгъанлы дасыт (?), змея,
В Дагестан уползи, змея!

ЗАГОВОР ЛОВЧЕЙ ПТИЦЫ

Кружи, мой орел, кружи,
Коли я пою песню!

Так кружи, да так, —
Словно колос, полный молочка!

Словно испугавшийся конь,
Словно испугавшийся конь!

Кружи, мой орел, кружи,
К моему подворью привяжись!

Так привяжись, да так, —
Словно дратва и чувяк!

Словно кочка на покосе,
Словно кочка на покосе!

Кружи мой орел, кружи,
Если не будешь кружить, помчусь,

Кроша ледники,
Пустив чубарого вскачь,

Поднимусь на каменные завалы,
Поднимусь на каменные завалы!

ЗАВЯЗЫВАНИЕ ПАСТИ ВОЛКА

От своего отца, Жазаева Кайсына, в детстве я слышал так. В Мёлюшкю, на одном из пастбищ, мы пасли довольно большую отару своих овец. Было уже довольно поздно, стемнело, надвинулся туман. Овцы наши остались вне кошары. Тогда отец сказал: «Давайте завяжем пасть волка». Он взял топор, трижды поплевал на него и воткнул в чурбан, стоявший перед кошарой. Но перед этим он трижды повторил следующее заклинание:

Ты хищник, ты кровник,
Да сведет твою челюсть,
Да сожмутся твои зубы,
Пусть Аштотур скажет: «Аминь»,
Пусть Апсаты одобрит (примет)!

* * *

Пусть волк на овец не нападет,
Пусть волк их не увидит,

Пусть по воле Тейри челюсть его сведет,
Пусть наши собаки его преследуют!

Дайте мне войлочную плеть,
Округу я обойду,
Вернувшись, плетью оземь ударю,
Сделаю так, что неназываемый сюда не придет!

После этих слов в землю вбивали железный гвоздь. В прежние времена считали, что железо является оружием Бога Огня и что оно предохраняет от порчи.

* * *

У балкарцев и карачаевцев в древние времена волк считался очень умным зверем, думали, что он знает, понимает человеческий язык. Скрывая имя, его называли «неназываемый», «имеющий душу», «клыкастый», «лесная собака», «кырышыр», «кашкыр». Перед тем как «завязать пасть волку», лезвие топора обматывали тряпкой, а затем втыкали топор в чурбан. Житель Верхнего Чегема Сарбашев Каншау однажды таким образом, взяв ножницы, завязал пасть волку. И своими глазами наблюдал, как волк приблизился к стаду и страшно мучался, не в силах схватить ягненка, так как не мог открыть рот. Тогда Каншау, чтобы избавить его от страданий, помахал ножницами, снял заговор, и волк, схватив ягненка, убежал.

* * *

Чтобы волк не тревожил стада, конец войлочной плети привязывали к палке, произносили заговор и втыкали палку глубоко в землю. Верили, что после этого волк не появится в этих местах.

* * *

Пусть лесная собака не показывается.
Удалится от нас,
Пусть воет, глядя на луну,
Исчезнет из этих мест!

* * *

Пусть ноги его сведет судорогой,
Пусть в глазах его зарябит!

Пусть он не найдет у нас ягод (?),
Пусть не сможет спастись от нас!

Пусть воет, глядя на луну,
Исчезнет из этих мест!
Хаптюш, хаптюш, хаптюш!

КОГДА КОРОВА НЕ ПРИНИМАЛА ТЕЛЕНКА

Ксею, ксею, ксею, ксею, ксею,
Коровушка, растящая сирот!
Ксею, ксею, мать сирот,
Если того (теленка) не примешь, получишь камнем (удар).

Ксею, ксею, ксею, ксею!
Если ты этого примешь,
Если ты этого выкормишь,
Мы его зарежем для знатных гостей,
За тобой будем ухаживать,
Потому что ты кормила сирот,
Потому что растила сирот.
Ксею, ксею, прими этого, душа моя!

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ЗУБОВ

Когда у ребенка выпадал зуб, он брал его в руку, дул на него и, произнеся заклинание, бросал в мышиную нору. Заклинание было такое:

Мышка, мышка,
Если ты дашь мне свой плохой зуб,
Я дам тебе этот свой хороший зуб,
Мой зуб очень хороший,
А твой зуб очень плохой.

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ ПОЛЕЙ

Грубые сыновья Дыдай,
Ледяные камни Папая,
Вы не бейте поля,
Не причиняйте вреда,
Бейте горный хребет,
Он ледяной и вы ледяные,
Ударьте и разбейте его!

ЗАКЛИНАНИЕ ПРИ КРОЙКЕ ОДЕЖДЫ

Когда кроили кому-нибудь одежду и были опасения, что материи не хватит, то разглаживали ее руками и произносили это заклинание, считая, что после этого материя растянется, затем начинали кроить:

Раздетый-разутый бедняк,
Дитя Тейри,
Сын народа,
Пусть его враги сгинут,
Пусть его Тейри ему поможет!

Бедный-несчастный на нее (одежду) рассчитывает,
Раздайся, раздайся,
Пытайся, пытайся,
Старайся выйти.

Раздетый-разутый
На нее рассчитывает,
Несчастный ждет свою одежду.

14. ПРАЗДНИКИ, ОБЫЧАИ

ОЗАЙ

Когда наступала весна, говорили, что наступил новый год. Название первого месяца года было месяц Тотура (март-апрель). Приход весны считался большой радостью. Что ни говори, а зима – трудный период,

тяжело приходится и людям, и животным. В это время, в месяц Тотура, взрослые парни и девушки, а вместе с ними и дети ходили от дома к дому, распевали песни, танцевали, играли, произносили благопожелания. Одежда их была разнородной – кто-то надевал шубу наизуворот, кто-то напяливал козлиную маску, в общем, старались одеться как можно более странно. Притворяясь голодными, выпрашивали:

Шертмен, шертмен,
Если отрезаешь для меня – отрежь большой (кусок),
Если же нет, порежь себе руку!

Этот обычай назывался «Озай» или «Шертмен». В каждом доме им что-нибудь подавали: бузу, пиво, вареное мясо, сыр – что-нибудь съестное. Если подавали щедро, колядующие восхваляли хозяев дома, не жалели для них благопожеланий, если же нет, то уходили, высмеивая их.

* * *

Существовал раньше обычай, называемый «Гюппе», весенний. Девушки и парни собирались в группы, веселились, ходили по дворам, произнося благопожелания. В каждом дворе их чем-нибудь одаривали, едой, питьем. Окончив хождение, они собирались у кого-нибудь во дворе, в доме и устраивали пирушку, ели-пили, что смогли насобирать, пели, танцевали. В большинстве случаев занимались этим ученики какого-нибудь эфенди, муллы.

ШЕРТМЕН – КОЛЯДОВАНИЕ

Этот твой месяц – месяц Тотура,
Пусть у тебя в доме будет медовое масло!
Пусть день ваш будет добрым, аланы,
Пусть юноши будут при скоте, пусть будут впереди!
Пусть весенний день твой будет к тебе добр,
И зимний день твой пусть будет сытым!

Бродим мы, колядуя,
Завернули в твой двор!

Этот день сделали праздничным:
Благодарение Тейри –
Дожили до лета.

В сытом доме пусть будет просеиваться мука,
В кладовой пусть будет просеиваться соль,
Пусть твоя дочь будет чесать шерсть,
Пусть Тейри будет милостив к вам!

ЗДРАВИЦА В ЧЕСТЬ САБАНТОЯ

Пусть весны наши будут дождливыми,
Пусть осени наши будут солнечными,

Пусть зимы наши будут снежными,
Пусть смерть наша придет нескоро.

Пусть загоны будут полны скота,
Пусть улья будут полны меда,

Пусть дети рождаются двойнями,
Пусть удачи проливаются осьмерицами,

Пусть не останется неокотившихся самок,
Пусть хищник не унесет детенышей,

Пусть дождливыми будут наши весны,
Пусть обильной будет наша снедь,

Пусть многочисленны будут стада,
Пусть буйно возрастут посевы —

Чтобы до макушек их рукой не дотянуться,
Чтобы под ними и змее не проползти!

Пусть даст Тейри
Волов сильных,
Коней резвых,
Винтовки меткие,
Коров удожных,
Овец с густой шерстью,
Арбы груженные!

Пусть льются благопожелания дождем,
Пусть много будет счастья и богатства!
Пусть наш Тейри даст блага,
Пусть никто из нас не испытает горя!

ПЕСНЯ САБАНТОЯ

Эй, праздник поля, праздник поля,
От отцов унаследованный праздник,
Пойдем на праздник поля,
Будем хлопать в ладоши!

Радость пахаря,
Лучший из обычаев,
Мы давно тебя полюбили,
Пришли сюда повеселиться!

Поставим на огонь котлы.
Соберем людей,
Понаблюдаем за борьбой,
Выберем самую красивую девушку!

Попросим у солнца ясности,
В играх будем искать добра,

Повеселимся на празднике поля,
Все устроим как надо!

Пусть никто здесь не устает,
Пусть веселье не прекращается,
Пусть наши дома будут с чердаками,
Пусть наша весна будет с травой,
Пусть наша зима будет снежной,
Пусть наша осень будет обильной!

Пусть с неба льется много дождя,
Пусть все поля утолят жажду,
Пусть лошади будут резвыми,
Пусть волы будут сильными!

Пусть с неба льется тепло,
Пусть Мать Огня даст нам тепло,
Пусть у нас (в домах) горят лампы,
Пусть на стойбищах топят кизяком,
Пусть поля будут орошены!

Котлы установлены в селе,
Котлы стоят на солнечной стороне,
Под котлами огонь разожжен,
Огонь пылает в лесу!

Подвешенный на толстой цепи,
Полный котел пусть будет ношей,
Потомство от каждого скота
Пусть для пасущих их станет имуществом!

Замечательными были скачки,
Борьба, состязания,
Праздник поля получился веселым,
Каждое сердце наполнилось радостью!

На празднике поля есть один старик,
Танцуя, он не знает усталости,
Схватив, он борет молодых парней,
Удостаивается похвал.

(Когда) он приходит на праздник поля,
Солнце светит, радуясь ему,
Свое поле он вспахивает первый,
Плуг глубоко врезается в землю,
Лошадь его не знает передышки,
След его вспашки – черный-черный.

Пусть праздник поля пройдет весело,
Пусть принесет он нам счастье,
Пусть молодежь приходит сюда,
Учится обычаям.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ МОЛОДЫМ НЕВЕСТКАМ

Во время праздника поля в Чегемском ущелье девушки, набрав воды, обливали ею молодых невесток и произносили благопожелание:

Пусть Элия будет благорасположен к тебе,
Пусть осветит он твое молодое лицо,
Пусть на месте, где ты ступишь, вырастет трава,
Куда ты шагнешь, там пусть растет пшеница!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПОДСНЕЖНИКУ

Подснежники выросли в месяце Тотур,
В холодном месяце,
Преодолев снег, продравшись сквозь почву
В холодном месяце.

Луна возликовала, солнце развеселилось
В холодном месяце,
Земля зацвела, набралась сил
В месяце Тотур, в холодном месяце.

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ТРЯСОГУЗКЕ

Трясогузка, осторожная птица,
Вернись на свое поле, трясогузка!
Ячмень и овес я посеял,
Улетев во здравии, во здравии вернись,
Вернись, наведив камень Чоппа,
Вернись, передав от меня привет
Залимхан и Малихан,
Если кто-то спросит обо мне – передай привет,
Того, кто не спросит, – обругай!

* * *

Трясогузка, трясогузка,
Здравствуй, в здравии пребывай!

Если кто-то спросит обо мне – передай привет,
Того, кто не спросит, – обругай!

Трясогузка, трясогузка,
Кто приветлив с тобой – с тем будь приветлив,
Кто обругает – того обругай!

Половина лепешки – тебе,
Целая лепешка – мне!

Здравствуй, трясогузка,
Трясогузка,
Принеси нам добрую весну!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ МЕСЯЦУ ХЫЧАУМАН (МАЙ)

Первый твой месяц Тотура – холодный месяц,
Ой, Тейри!
Второй твой месяц Тотура – мягкий месяц,
Ой, Тейри!
Твой месяц Хычауман – теплый месяц,
Ой, Тейри!
Пусть наш скот будет удоиным,
Ой, Тейри!
Пусть наши овцы будут шерстистыми,
Ой, Тейри!

ЗАКЛИНАНИЕ ДОЖДЯ

Дождь, дождь, лейся, лейся!
Дам тебе калач с маслом,
Лей, лей, пролился бы,
Дам тебе калач с яичницей,

Лейся, лейся, душа моя, лейся!
Совками муки тебе отсыплю,
Обратившись в птицу, сяду на токах!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ НОВОЙ ЛУНЕ

Луну я увидел,
Если со мной случится беда,
Пусть моим спутником будет вера!
Пусть моя темная могила станет светлой,
Пусть место моего погребения будет мягким (ватным)!
Душа моя (стремится) в рай.
Тело мое (стремится) в Каабу!
Пусть душу мою омоет вера,
Пусть тело мое омоет вода!
Иа Аллах, у тебя просим блага!

МЕСЯЦ НАРОДИЛСЯ

Месяц родился, месяц родился – на радость,
Месяц родился, пусть на добро родится он матери-земле,
Чтобы матери-земле, матери-земле дать сил!

Месяц, месяц наш пахарь,
Он пришел с семенами,
Он дал свет земле,
Месяц, месяц наш пахарь!

БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ ПЕРВОЙ ТРАВЕ

Когда наступала весна и появлялась трава, молодые невестки, женщины, дети собирались на полянке и устраивали «травную игру». Нарвав травы, они обсыпали ею молодых невесток, показывая этим, что желают им много детей, изобилия. Им, а также детям, дарили подарки. Произносили благопожелание:

Ой, травка, травка,
Тейри травы!
Пусть хорошая невестка
Будет свежа, как эта трава!

Ой, травка, травка,
Благословение травы,
Гвалт многих детей,
Полные сеновалы!

Ой, травка, травка,
Пусть Тейри ниспошлет нам блага,
Пусть будет играть «травная игра»,
Пусть сделавший подарок будет здоров!

О ЗИМЕ

Когда выпадал первый снег, дети бегали по улицам, распевая:

От Тейри пришло повеление,
И земля побелела, стала белой,
Гора побелела, стала белой!

Перед солнцестоянием бывает девять самых коротких дней. Про них говорили:

Девять дней, когда (даже) ягнята не наедаются,
Девять дней, когда ягнята не ложатся,
Девять дней, когда все оледеневает,
Девять дней, когда льды крепчают,
Девять дней, когда рассвет (никак) не наступит,
Девять дней, когда солнце не освещает!

А когда наступал «къыш чилле» (сорок самых холодных дней зимы), надо было говорить так:

Зимние чилле*, приходите с благом,
Долго не задерживайтесь, быстро проходите,
Чтобы люди и скот не страдали!

---

*Чилле – сорок самых холодных (зимние чилле) и сорок самых жарких (летние чилле) дней в году.

КЛЯТВА ПОД ПОСОХОМ

Двое сельских старейшин, держа «посох клятвы» за два конца, говорили:

Я даю клятву перед Тёре
В деле, которое предстоит нам сегодня,
Не отступать, не трусить,
Не щадить своей жизни!

После этих слов мужчины села проходили под этим посохом. Тех, кто нарушал свою клятву, в живых не оставляли. Таковых называли «обманувшими клятву».

Кроме этого, древние клялись и (очажной) цепью, говоря:

(Клянусь) истиной вот этой цепи!
Если же я обману, пусть меня покарает честь этой цепи!

КЛЯТВА С ТРАВИНКОЙ

В прежние времена бытовала клятва под названием «клятва с травинкой». Например, один из двух друзей, оказавшись в безвыходном положении, решившись пойти на опасное дело – в набег отправиться или нечто в том же роде и не в силах справиться с этим в одиночку, шел к своему другу и, протягивая ему травинку, спрашивал: «Желаешь ли ты подставить мне плечо?» Что у него за дело, он не говорил. Если друг соглашался, то отрывал половинку травинки, а если нет, то не притрагивался к ней. Тогда тот, кто протягивал травинку, сам разрывал ее надвое и, бросив на землю, уходил прочь со словами: «Коли так, то наша дружба отныне оборвалась».

КЛЯТВА ИЗБРАННЫХ В ТЁРЕ

Люди, избранные в Тёре, прежде чем начать свою работу, становились на священный камень, оголяли руки до локтей, а ноги до колен и приносили клятву:

Я, член Тёре,
Небом, что надо мной,
Землей, что подо мной, –
Клянусь!

Солнцем, Луной,
Почвой и водой своей земли,
Ее костями и камнями –
Клянусь!
Очагом и очажным камнем,
Зерном и травой своей земли,
Родственниками своими –
Клянусь!

Не нарушать свою клятву,
Держать свою клятву,
Быть честным перед народом и Тёре —
Клянусь!

КЛЯТВА ГЛАВЫ ТЁРЕ

Если я нарушу свою клятву,
Если я изменю своей клятве,
Пусть я сгорю в огне,
Стану кучей золы,
Пусть меня запрягут в ярмо,
Пусть меня привяжут к хвосту лошади,
И Тейри, и народ
Пусть презирают меня!

КЛЯТВА ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДОЗОРНОГО ОТРЯДА

Предводитель дозорного отряда выполнял указания главы Тёре. Он тоже должен был приносить клятву. Взяв в левую руку немного земли, а в правой держа кинжал, он перед обществом говорил так:

О Аллах!
Не дай мне нарушить мою клятву,
Чтобы я не опозорил
Свой род,
Своих родственников,
Чтобы вслед мне говорили плохое,
Чтобы мне не пришлось краснеть перед Тёре.

КАК ПРОИЗНОСИЛИ ТОСТ

В прежние времена был странный обычай. Люди, сидевшие за праздничным столом, как и сейчас, произносили тосты. Но тогда человек, произносящий тост, должен был говорить, стоя на одной ноге. Если он опускал ногу, тост заканчивался. Таков был обычай.

НАКАЗАНИЕ ЯРМОМ

В старые времена было много обычаев, были и отличающиеся от нынешних. Расскажу про один такой обычай, как я слышал от стариков.

Если человек совершал преступление, его соответственно наказывали — кого-то изгоняли из села, кого-то сажали в яму, кого-то привязывали к позорному столбу. Или брили ему половину бороды, сажали задом наперед на осла и водили по селу, на позор. Если же кто-то убивал невинного человека, того и самого убивали. А казнили таким способом: надевали ему на шею ярмо, привязывали его руки к этому ярму и сталкивали с горы в речку, — если до этого за ним не числилось никаких проступков. Если же это был преступник, который и до этого убийства совершал пре-

ступления, то, считая недостойным надевать ярмо, его руки привязывали к палке, продетой через подмышки, и сбрасывали в реку.

Жил в одном селении мужчина, был он человеком уважаемым. Как так случилось, неизвестно, но однажды он, поссорившись с кем-то, ударил и убил его. Собрался Тёре, его судили. По обычаю ему на шею должны были надеть ярмо. Но так как готового ярма не было, его руки просто привязали к палке и так столкнули в реку. Семья его и единственный сын после этого куда-то переселились.

Прошли годы. Однажды в поисках работы в селе появился привлекательный сильный мужчина. Был он кузнецом. Сельчане обрадовались, сказав, что он хорошо сделал, явившись сюда, так как их кузнец недавно скончался. Этот человек начал работать и добросовестно выполнял любой заказ. Но что странно, он не брал платы. Выполнив работу, он говорил заказчику:

— Мне не нужны твои деньги. Лучше иди, принеси и поставь вон там, на ровном местечке, один камень.

Люди так и делали. Камней становилось все больше, и через некоторое время там возник большой каменный холм.

Тогда, в один из дней, этот кузнец собрал там всех сельчан и сказал:

— Я — сын того человека, которого вы казнили по решению Тёре, (хотя) вы меня не узнали.

Ваш Тёре, спеша наказать моего отца, поленился изготовить ярмо, и его руки привязали к палке; его казнили позорной смертью, хотя до этого он не совершал никакого преступления. Я заставил вас сложить этот каменный холм, чтобы вы, глядя на него, вспоминали об этом и в дальнейшем не творили несправедливый суд.

С этими словами он ушел.

ОРАЙДА

В очень давние времена в наших горах происходили разные странные события. Одно из них заключалось в том, что, когда человек достигал определенного возраста его сбрасывали со скалы. Делалось это потому, что старому, ни к чему не пригодного человека считали обузой для села. Сына одного из таких стариков призывали к себе старшины села и сказали, что его отец уже достиг своего возраста, и что он должен решить с ним вопрос. Заметив, что сын вернулся с того сборища опечаленный, его отец, старик, спросил:

— Почему ты печален, сын мой?

— Мне велели убрать отца, мол, пожил достаточно...

— Если ты не желаешь моей смерти, — сказал его отец, — то, когда отведешь на скалу, чтобы сбросить меня, оставь меня в одной из пещер. Кто знает, может быть я и проживу там немного.

Парень, хоть и боялся послушаться решения села, но желая продлить жизнь отцу, отнес и спрятал его в пещере. Время от времени он относил ему еду. Однажды старик спросил:

— Что нового в селе, в обществе?

— Случился голодный год, отец, всех баранов-производителей пришлось прирезать, и теперь некого подпустить к отаре.

– Если так, то всех овец загоняйте в овчарню, в которой в прошлом году содержались бараны.

Парень настоял на том, чтобы село выполнило сказанное его отцом. Удивительно, но овцы весною дали приплод. Через некоторое время сын вновь сообщил отцу дурную весть:

– Случился засушливый, плохой год, в селе настал голод, все зерно съели, и теперь поля останутся незасеянными.

Тогда отец вновь научил его:

– Вспашите обе стороны дорог, ведущих с полей.

Сельчане вспахали обочины этих дорог – и осенью там выросла пшеница, которой хватило всему селу на семенное зерно. Тогда село стало присматриваться к парню.

– Где ты набрался таких разумений? – спросили старшины.

Но тот не испугался и твердо сказал:

– У тех стариков, которых вы сбрасываете со скалы! – и поведал им также, что своего отца он со скалы не сбросил.

– Мы сбрасывали их со скалы, а оказалось, что они и есть те, кто все знает, опора изобилия. Идите и приведите его! – велели они нескольким юношам. Того старика звали Ойра. Оказывая ему почесть, посадив его на коня, юноши при возвращении пели: «Ойра, мы везем Ойру, о, орайда!...» Село встретило мудрого старца с почетом, выйдя ему навстречу с тушей барана, зажаренной целиком.

После этого в горских (карачаево-балкарских) селениях дикий обычай сбрасывать стариков со скалы ушел в прошлое. Наверное, людям понравилось, когда несколько юношей хором пели: «Ойра, орайда!», поэтому то же самое стали петь, когда везли невест. От прежних стариков мне приходилось слышать, что таким образом «Орайда» стало вершиной торжества.

БОЖБА

В Карачае и Балкарии, чтобы заставить поверить во что-то или убедить в своей невиновности, клялись так: «Да поразит меня крест!», «Да поразит меня гром!», «Да поразит меня молния!», «Да поразит меня Байрым!», «Пусть проклянет меня Байрым!». Был и обычай клясться хлебом-солью: хлеб вытаскивали из золы, прижимали к груди и говорили: «Пусть поразит меня его святость!»

МЕДОВАЯ ЧАША

Раньше, когда молодая невестка рожала в первый раз и первенец был мальчик, делали жертвоприношение, устраивали торжество. Затем выводили молодую мать во двор и правую ее ногу или обе ноги окунали в чашу с медом. Полагали, что если сделать так, она родит еще много мальчиков. В некоторых селах ногу невесты окунали сразу же при вводе невесты в дом или во время обряда снятия головного убора. Во время снятия головного убора нельзя было, чтобы невеста стояла на голой земле, под ноги ей стелили овечью шкуру, желая, чтобы у нее было так же много счастья, достатка, как шерстинок на шкуре.

ЖЕСТОКИЕ ОБЫЧАИ

Хороших, правильных обычаев раньше было много. Но были и жестокие обычаи. Давно, в очень давние времена, как я сам слышал от стариков, если подозревали, что какой-то ребенок незаконнорожденный, его относили и бросали в реку. Если голова ребенка показывалась над водой, говорили: «Нет, он не незаконнорожденный», — и забирали домой. Если же ребенок тонул, говорили: «Он был не наш, он нам не нужен был».

Женщину, уличенную в прелюбодеянии, бросали в глубокую яму и заваливали камнями. В те времена и закон был строг, и люди были жестокосердны.

БОГИНЯ ПОЛЯ

В древние времена, перед тем как выйти на пашню, люди собирались у священного дерева, называемого Дерево Тейри. Когда солнечные лучи полностью освещали крону дерева, люди замолкали. Приводили черную козу, и один из стариков, держа ее за копыто, говорил: «Ора, Тейри, давай, Тейри, черную козу выбери, Тейри!» Затем, отпустив козу, он начинал танцевать вокруг Дерева Тейри. Если коза не отбегала, считалось, что Тейри выбрал ее, если же убегала, говорили, что Тейри не одобрил ее, что ее нельзя принести в жертву. Если коза убегала, люди говорили:

Коза убежала, коза убежала,
У черной козы — черная кровь,
Убежала, убежала,
У черной козы — черная кровь.

Тогда старший жрец приводил белую козу. Опять, держа ее за копыто, он говорил:

Ора, Тейри, давай, Тейри,
Белую козу выбери, Тейри!

Если коза не убегала, люди хором кричали: «Принял, принял, белую козу принял!», — а жрец подвешивал ее за заднюю ногу к ветке Дерева Тейри. В это время часть людей под звуки барабана и скрипки, держась за руки, начинала петь, плясать, а другая часть развешивала на ветках Дерева Тейри платки, отрезы, кушанья в передниках.

Затем жрец ставил по правую сторону от козы юношу и девушку, собирающихся сочетаться браком, а по левую сторону — лукошко с ячменем, воздевал широко расставленные руки к небу и говорил:

Прими, Дауле, увидь, Дауле:
Вот это — жертвоприношение тебе,
Вот это — ячменные семена тебе,
Вот это — людское семя тебе.

После этого перерезал горло подвешенной козы так, чтобы кровь брызнула и на брачующихся, и на лукошко. Немного крови набирал в чашку. Отрезав голову козы, он поднимал ее вверх и говорил:

Тейри обрадовался, повеселел,
Благословил наше жертвоприношение,
Да будет оно Тейри впрок!

Взяв голову козы, он шел на пашню и насаживал ее на высокий кол. К этому моменту на краю поля в ожидании стояла группа мальчиков и группа девочек. Жрец, подойдя к ним, спрашивал: «Готовы?» На что те хором кричали: «Готовы, мы готовы принять подарок Дауле!»

Тогда жрец подавал знак: «Один Дауле, один, два Дауле, два, три Дауле, три», — и как только он произносил эти слова, сначала девочки, а за ними мальчики устремлялись к этой голове (козы). Каждый мальчик гнался за одной девочкой. Догнав, он валил ее на поле, а сам бежал дальше; девочки оставались лежать на поле. Мальчик, который добегал первым, хватал голову козы, возвращался, ставил ее на грудь девочки, которую повалил, а сам оставался стоять перед ней со склоненной головой. Люди начинали кричать: «Богиня поля! Богиня поля!» Тогда этот мальчик приводил эту девочку и сажал на вершине холма, она же продолжала держать в руках голову козы.

Люди подходили к этой девочке по одному, склонив голову, становились перед ней и просили у богини поля, чтобы Эрирей пришел с изобилием, жаловались на нехватку земли, на то, что их дети голодают. Они обещали не забывать выделять ей долю, если богиня поля, пожалев (их) бедных, даст большую силу их крохотным полям. Оставляли перед ней свои подарки — иголки-нитки, зеркальца, кукол, носовые платки, шали, разные мелочи, сладости.

А обряд бракосочетания проходил так. Дружки парня сажали невесту на арбу, запряженную волами, а сами ехали следом. Став перед стариками, перед распорядителями, старший среди дружков заводил песню:

Ой, орайда, орайда, чье солнце светит,
Ой, орайда, орайда, что дал нам волосяной аркан!

А он (аркан) нас связал,
Вокруг пояса обвил нас.

Ой, орайда, издалека мы едем,
Говорим,
Ой, орайда, от голода умираем,
Говорим,
Нас никто не слушает,
Никто наши пояса не развязывает.

Жрец, взяв в руки «чашу жениха», выходил им навстречу и отвечал им тоже песней:

Ой, такие-сякие собаки,
Хорошие парни женятся, хорошенько выбрав!

Красивые девушки выходят за парней-нартов,
И потом живут без забот!

Белую козу Тейри благословил,
Мать Ветра на воздушную охоту умчалась.

Подоспел и Тейри Огня Аштотур,
Он разжег для нас праздничные костры.

Пока с вас не сняли волосяной аркан,
Пока перед вами не поставили доли мяса,
Если зять робок, пусть смущается,
Если хром, пусть опирается на здоровую ногу.

С этими словами жрец ставил «чашу жениха» перед старшим из дружков жениха на землю. Тот, сложив руки за спиной, опускался на колени, осторожно, стараясь не расплескать, отпивал бузу, и когда уровень ее понижался, взявшись за чашу зубами, поднимал ее вверх и брал в руки. Высоко подняв ее, он поворачивался вокруг себя, а затем отдавал дружкам. В это время один из дружков подводил невесту к группе девушек, стоявших отдельно, и оставлял ее с ними. Жрец подходил к распорядителям, сидящим на длинном поваленном стволе высохшего дерева, и со словами:

— Теперь, если уважаемые гости захотят, и распорядители согласятся, нужно было бы обвенчать парня и девушку, — просил у них позволения.

— Да, можно, разрешаем, —
говорили они.

Тогда жрец брал парня и девушку за руки, ставил их перед собравшимися и спрашивал:

— Тейри дал, что он дал?

Они отвечали:

— Золотой недоуздок, серебряный недоуздок!
— Девушка вышла замуж, девушка вышла замуж! —

говорили.

— Что есть у вышедшей замуж девушки?

— В одной руке золотой недоуздок,
В другой руке серебряный недоуздок!

— Что это за золотой недоуздок?
— Ее уважительность, воспитанность!

— Что это за золотой недоуздок?
— Ее умение смолчать (держат язык за зубами)!

Тогда жрец, начиная обряд, спрашивал у парня:

– Ал халасы, бал халасы (?),
Недоуздок на голове коня,
Чей это недоуздок?

Сам жених ничего не отвечал, один из дружков выходил вперед и говорил:

– Тот недоуздок принадлежит Тейри, а этот – Чоппа. А мы просим, чтобы боги (тейри) отдали их нам.

Тогда жрец снова спрашивал:

– Ал халасы, бал халасы (?),
Недоуздок на голове коня,
Чей это конь,
И кто его взнуздал?

Девушка, ухаживающая за невестой, выходила вперед и отвечала:

– Это конь Тейри. А затем – конь жениха. А взнуздал его Тейри. Я согласна, чтобы он снял с моей головы свой недоуздок.

Жрец в песенной форме произносил благопожелание:

Дальний тейри, ближний тейри,
У порога один тейри,
И это – жрец, умелец,
Голова коня – его очертания (?),
Верхушка злака – его пища,
Пусть у него будет дочь, сын!

С этими словами он соединял руки жениха и невесты. Все хором повторяли:

Жрец, жрец, умелец,
Голова коня – его очертания (?),
Верхушка злака – его пища,
Пусть у него будет дочь, сын!

Потом все вместе отправлялись к Дереву Тейри, жених и невеста – держась за руки. Там жрец, взяв чашку с кровью жертвенной козы, со словами: «Соединенное кровью не разъединится жизнью», – подносил их к жениху и невесте. Жених, обмакнув большой палец в эту кровь, прижимал его к стволу Дерева Тейри. Следом то же делала невеста. Дружки жениха становились в круг, положив руки на плечи друг друга, и начинали танцевать, припевая:

Дерево Байрым, Священное дерево,
Белой кобылице нужен жеребенок,
Ойра, Байрым, щедрая Байрым,
Ойра, ойра,
Ойра, Байрым, щедрая Байрым!

В это время жрец, взяв за руки жениха и невесту, входил в круг танцующих, брал в руки чашу с бузой и, став запевалой, в песенной форме отвечал им, а остальные подпевали:

– Источник семян – верхушка злака,
Ойра, ойра!
Глава семьи – самый главный,
Ойра, ойра!

Справа, слева – молодой лесочек,
В молодом лесочке какое дерево (растет)?
– Яблоня, яблоня!

Яблоневого дерево, белое дерево.
Что нужно невестке?

– На белом дереве белое яблоко,
На белой поляне старая бабушка,
Пусть она съест белое яблоко,
Пусть в здравом уме живет!

Кто охотится за белым яблоком?
– Девочка родилась, девочка родилась!

Справа, слева – молодой лесочек,
В молодом лесочке какое дерево (растет)?
– Яблоня, яблоня!

Красное яблоко выросло,
Его сорвало ветром,
Кто его нашел?
– Мальчик нашел, мальчик нашел!

Яблоневого дерево, священное дерево,
Белой кобылице нужен жеребенок,
Пусть съест красное яблоко,
Пусть живет с добром!
– Ойра, ойра, пусть живет,
Красные яблоки пусть ест!

Закончив петь-плясать, жрец давал отпить из чаши жениху и невесте, затем устраивали торжество. После того, как они допивали бузу, жрец произносил благопожелание:

Мы выпили бузу,
Мы услышали благопожелание,
Мы приняли решение,
Мы совершили намеченное,
А кто забудет (это решение), кто его нарушит,
Того пусть проклянет Тейри!

Все вместе повторяли: «Пусть проклянет Тейри!» После этого жених и невеста были свободны, присоединялись к остальным.

После окончания праздничной трапезы богиня поля кричала: «На пашню!» Жених запрягал волов; невеста босиком, подоткнув полы платья, вела волов на поводу, и все отправлялись на пашню. Когда богиня

поля приказывала: «Борозда!», — жених начинал пахать, а невеста вела волов. Дружки жениха шли по обе стороны борозды. Затем все расходились пахать свои наделы.

ГУТАН

В прежнее время несколько семей объединялось в полевое товарищество. Кто-то имел волов, кто-то плуг, кто-то постромки, и вот они, объединившись, выходили на пахоту. Но задолго до этого, осенью или зимой, специально для времени пахоты они приносили в жертву крупное животное и вялили его мясо. К примеру, во время молотьбы на току, после провеивания, семенное зерно засыпали в закрома. Чтобы сохранить его от мышей и кур, их аккуратно, гладко обмазывали (глиной.) Засыпая зерно, туда же клали вяленое мясо скота, предназначенное для времени полевых работ, прямо в ячмень, и закрывали. Когда загром наполнялся, зерно укрывали ячменной соломой и обмазывали сверху (глиной).

Весной, когда наступало время выхода на пашню, закрома вскрывали, зерно засыпали в кожаные мешки, вяленое мясо варили, готовили бузу и пиво. Утром они собирались в одном из домов, ели и пили. Это собрание называлось «Гутан». Знамя «Гутана» было зеленым. Зеленым оно было потому, что полагали — как зелены травы и деревья, пусть так же поднимутся и зазеленеют нивы, таков был смысл.

На таком флаге было изображение головы тура. К нему привешивали круглый калач, изготовленный из сырой ячменной муки. Этот калач надевали на рог самого сильного и красивого вола. И флаг, и калач укреплялись на ярме самой первой пары быков, отборных. А благопожелание было таково:

Да пройдем мы по борозде в радости!
Пусть каждое брошенное (зерно) станет тысячью,
Пусть дух Аллаха будет к нам благорасположен!
Пусть обильно взойдут, дожить нам в здравии,
Да взойдем мы, как это зерно,
Как дожили до черноты (вспаханного поля),
Так достигнем же мы и до его белизны (спелости зерна)!

ЗАРЫВАНИЕ В БОРОЗДУ

В первый день выхода на пашню в каждом селе устраивали различные игры, называемые «игра на поле», «одоление кукушки», существовали разные обряды. Первую борозду прокладывал всеми уважаемый щедрый человек. Когда мужчины доставляли на чей-нибудь участок соху, девушка или молодая женщина из этого семейства выходила на поле и несколько раз тихо произносила «гук-гук».

Тогда мужчины хватали одну из красивых девушек за руки, укладывали ее в свежую борозду и делали вид, что зарывают ее. Когда они начинали забрасывать ее землей, к ним подходили старики и просили, чтобы девушку отпустили. Освобожденная девушка возвращалась домой и начинала готовить пирожки, крашеные яйца, бузу. Эту бузу называли

«буза пашни». Когда садились покушать, мужчина, проложивший первую борозду, благодарил эту девушку за незабывание старых обычаев, а затем, обращаясь к божеству злаков Эрирею, произносил благопожелание. Потом каждый работник пил эту посвященную бузу, ел пирожки. А девушка, подойдя к волам, мазала им шею жиром, а на рога насаживала лепешки.

ЯЗЫЧЕСКОЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

В языческие времена в Карачае содержание свиней имело большой смысл, было почетно. Считали, что это священные, жирные свиньи Апсаты. Во многих домах прямо в центре подвешивали четыре, а в других и восемь свиных ножек. Кабанью голову клали над дверью. Смысл подвешивания ножек объясняли так:

Лошадь не скачет, не переходя в галоп,
Кто содержит свиней, голода не испытает,
Будет изобилен и хлебосолен.
Дом без свиней будет бескровным, бесхлебным. —

Так говорили древние карачаевцы. Кроме того, считался ценным и священным предметом кабаньей клык. Полагали добрым делом хранить его в сундуке или шкатулке. Говорили, что того, кто держит дома свиную или кабанью голову, бедность не постигнет и скот его не истощает.

В священный месяц года перед выходом на пахоту считали добрым делом отрезать кусок свиной кожи и бросить в огонь, чтобы услышать ее запах. Говорили, что этот запах доходит до Мира Сирот (мертвых) и становится там питанием (долей) нартов. А нарты просят у Истинного Тейри дождя на нивы. И Апсаты после этого удерживают (диких) свиней от поправы полей. Вот такие языческие рассказы я слышал от Чотчаева Махаммета.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА ОВЕЦ ИЗ ЗАГОНА

В прошлом, когда начинался окот овец, выделяя первинка из ягнят, мыли ему уши молоком. Совершали жертвоприношение, называемое «начатком приплода». Когда скот начинали выгонять из загон (пастись), резали первинка из скотины, именуя это «жертвоприношением загон», и старались раздать его мясо как можно большему числу соседей и людей в округе со словами: «Ешьте, произнеся благопожелание». Когда начинали перекочевывать на летние пастбища, молились так:

Выходим, выходим на горные дороги,
Шествуем, обратясь лицом к горам,
Нагрузив своим скарбом телеги,
Поднимаясь и спускаясь, пройдем мы через много ущелий,
Радуюсь, достигнем своего стойбища.
Тейри наш пусть дарует (стадам) густые травы,
Аймуш и Маккуруш пусть нам помогут!

СРОК ПОСЫЛКИ СВАТОВ

В языческие времена, когда дочь достигала совершеннолетия, ее заводили на крышу дома, справа от нее становился старший брат, а слева — ее сноха, и кричали. А кричали такие слова:

Дочь моя, дочь моя, красный камешек!
На красном камешке нет белых (метин),
У того, кто хочет взять ее, нет имущества (скота),
А если и есть, то нет огня,
У кого нет огня, нет и дров, —
Уйди, уйди, уйди!
А если не уйдешь, имя тебе будет «неприятель»,
Двор твой будет полон стариков,
Не ты нам нужен, нам нужен твой огонь.

Засылатъ сватов к этой девушке можно было только после такого оглашения.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЖЕНИХА

При сватовстве

С нами Тейри, полей, полей,
Нас послал бог полей, вот мы и пришли,
Есть у вас прекрасное поле, ай-е, ай-е,
В нашем хлеву ревет черный бык,
В нашем хлеву ревет черный бык!

Черный бык вышел на поле,
Рога у него серебряные,
Ноги у него быстрые,
Хребет длинный, шея сильная, ай-е, ай-е,
Ваше поле для него впору!

СВАТОВСТВО

Сваты:

— Жених, жених, жених он,
Родился в Уллу Каме,
Пояс ему затянул Байчи,
Умыла его Умай,
А талант у него — от Дебета,
И взгляд его приветлив!

Желает он стать зятем,
Имеет силу поставить дом,
Орас, дочь Талмаза,
Чтобы не пойти за него,
Что имеет против?

Мать девушки:

– Дочь моя, дочь моя – алый камень,
Алый камень без белого пятна,
В семье девушки – нет души (она в испуге),
У желающего взять девушку – нет защиты,
У кого нет защиты, у того нет имущества,
У кого нет имущества, нет настроения.
Хоть и нет, но все же отдадим,
Уважим мастерство парня.

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСТВА

В давние времена, до принятия ислама, бракосочетание проходило так. Жених свою левую руку ложил на правую руку жреца, а невеста свою правую руку на левую руку жреца. Затем жрец, благословляя их, говорил:

Ал халасы (?),
Бал халасы (?),
На голове коня недоуздок,
Пусть этот пойдет
И останется с этой!

Тейри дал золотой недоуздок,
Серебряный недоуздок,
Честь невесты,
Честь невесты.

В одной руке – золотой недоуздок,
В другой руке – серебряный недоуздок.
Честь невесты, честь невесты.

Хозяин коня – он,
Ее супруг – он.

ОЙ, ЛУК, СТРЕЛА, СТРЕЛА...

Когда заходит месяц, уходит и свет месяца,
Ой, лук, стрела, стрела!
Когда удаляется туча, удаляется и молния,
Ой, лук, стрела, стрела!

Когда уходит (умирает) муж, уходит и жена,
Ой, лук, стрела, стрела!

Когда уходит месяц, уходит и его свет,
Ай, благодарение, благодарение!
Когда уходит муж, уходит и жена,
Ай, благодарение, благодарение!

Коня без всадника не нuzдают,
Ай, благодарение, благодарение!
Безмужнюю женщину в общество не принимают,
Ай, благодарение, благодарение!

МУЖ И ЖЕНА

В Табутаме – две тамги, какие это тамги?
Две капли воды, упавшие с неба.

Которые сам Тейри украсил узорами,
Два ребенка, живущие в одном гнезде.

Если пересчитать перья в крыльях орленка –
Сколько их будет, если суметь?

Столько веков проживет на небе в радости
Добрая жена, умершая ради мужа.

Скрипка не играет, если у нее нет струн,
И арба не сдвинется, если у нее нет передних колес.

И жена не возрадуется, если у нее нет мужа,
И чести ей не будет, если не уйдет вместе с ним.

* * *

Отец даст дочери воспитание и честь,
Мать даст дочери локоть ткани.

И внук покажется ей слаще меда,
И брат встанет рядом с ней, как башня (защита).

Но все это ничего не стоит,
Если сравнить с тем счастьем, что дает ей (жене) муж.

* * *

Нет у нее родичей ближе мужа,
И друга любимого ближе мужа тоже нет.

Верви прочнее мужа,
Шейного сустава прочнее мужа
Нет у нее, если хорошо подумать.

Нет у нее злее врага, чем муж,
Нет у нее большего лже-друга, чем муж.

Более узловатой верви, чем муж,
Более мучающего шейного сустава
Нет у нее, если хорошо подумать.

ОБРЯДЫ, ИСПОЛНЯВШИЕСЯ ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Если говорить об обрядах, которые совершались в Карачае в прошлом, то один из них был таков. Когда наступала весна, небо становилось пасмурным и гремел (первый) гром, женщины собирались вместе и шли к молодым невесткам. Сыпали в воду только что взошедшую траву и обрызгивали ею невесток и (их) дома. При этом мы произносили благопожелания, желая им расцвести, как эти травы, а их детям расти (быстро), как они, просили Творца даровать им благо. Говорили так:

Да укоренишься, как трава,
Пусть скот твой и народ твой процветают,
На холмах и вершинах
Пусть резвятся твои ягнята!
Пусть бесы твои сгорят в Огненных Горах,
Пусть телки твои ревут у подножий гор!

После этих благопожеланий невестки с поздравлениями раздавали пришедшим подарки. Каждая дарила то, что позволяли ее достаток и имущество. Вещи, подаренные ими, привязывали к заранее заготовленной длинной жерди, которую несли, держа за оба конца, две женщины, и после невесток обходили и другие дома.

После первой грозы и дождя разжигали во дворах огонь и заставляли детей прыгать через него. Совершали это в надежде расплодиться, как травы, и с пожеланиями, чтобы молния их так же не обжигала, как этот огонь.

На могилах пораженных молнией также разжигали костры, но почему это делали, я не знаю. Увидев же летом первую радугу, говорили:

Пусть Тейри дарует нам вкушение пищи,
Пусть не ввергнет нас в горе потеря людей или скота.

МОЛЕНИЕ О ДОЖДЕ

Прежде, когда палило солнце и начиналась засуха, дома оставались только совершеннолетние девушки. Все остальные, стар и млад, — все поднимались на какой-нибудь высокий холм или гору. Поднимаясь, они все одевали свою одежду наизнанку. Старики несли в руках семь конских черепов. А женщины несли пойманную в воде желтоватую лягушку, разряженную в семь лоскутов разной материи. Мужчины насаживали конские черепа на палки и произносили молитву:

Серые туманы, клочковатые туманы.
Войдите в воды, туманы,
Войдите, окунувшись в воды.
Встряхнитесь, взобравшись на острые вершины!
Великий Тейри, Властительный Тейри.
Тучи ниспошли, Тейри,
Дожди пролей, Тейри,
Пусть богатырский табун твой насытится, Тейри!

Пусть нивы твои будут обилием для нас,
Пусть хозяин места не сглазит нас! –

так они молили, это я слышал в детстве от отца. А женщины, взяв желтоватых лягушек, молили так:

Сверкай, сверкай (молниями), клуби туманами,
Лягушки твои иссохли,
Пусть озера наполнятся и станут полны лягушек,
Пусть девушки-весла* омоют свои волосы в тебе!
Пусть с тобою вместе искупается и дева Уммахан,
Пусть тот, кто удерживает дождь, развеется,
разлетится, как зола!

МОЛЬБА К ТЕЙРИ

Тейри, Тейри, мы знаем твою силу, мощь,
Тейри, Тейри, мы молим тебя, ой, ой, молим!

Чтобы молнии засверкали, и все вокруг зацвело,
Чтобы жеребята рождались и бегали!
Эй ты, рожденный от солнечных лучей,
Владыка земли и вод!

Согревай, подобно солнечным лучам,
Пусть блеют белые ягнята.
Ороси всю землю!

Пошли нам дожди, снега, пасмурную погоду,
Сделай так, чтобы весь мир зазеленел!

* * *

Великий Тейри, Властительный Тейри,
Облака нам пошли, Тейри!

Дожди пролей, Тейри,
Табуны насыть, Тейри!

Сверкай, сверкай, Тейри,
Лягушачьи лужи высохли,
Волки твои воют!

Пусть озера наполнятся, и в них заведутся лягушки,
Пусть девушки-весла омоют свои волосы в тебе!

МОЛЕНИЕ К ОДИНОКОМУ ДЕРЕВУ

Раньше в Карачае моление о дожде совершали возле Одинокого Дерева. Обращались к нему так:

---

*Девушки-весла – атрибут моления: весло, наряженное в девичью одежду.

О Одинокое Дерево, дарующее жизнь дерево!
Орошающее нивы дерево!
Посылающее дожди дерево!
Весь мир страдает от голода,
Распахни широко двери дождя!

Пусть молнии засверкают, засверкают,
Пусть быстро начнется дождь!

МОЛЬБА К ЧОППА

Для вызывания дождя собирались мужчины, и те из них, кто был способен к колдовству, брали конский череп и по очереди, произнося языческие заклинания, бросали его в реку. После этого непременно шел дождь.

Чоппа, Чоппа, дождь, дождь,
Элия, Элия, лей, лей!
Козлобородый баран, олень,
Мышехвостый, лягушка, олень,
Элия, Чоппа – вода, вода!

Вода нужна барану,
Вода нужна лягушке,
Вода нужна кобыле,
Вода нужна ласке!

КЮРЕК-БИЙЧЕ*

Пелась в обряде моления о дожде

Вот прибыла Кюрек-бийче –
Мать Воды, возьми, возьми ее!

Ее щеки – полным-полны,
Мать Воды, возьми, возьми ее!

Ее пазуха полным-полна –
Вложи, вложи в нее тучу!

Мать Воды – щедрая, щедрая,
Засуха ушла, засуха ушла!

Пролей дождь на огороды,
Пролей дождь на огороды!

Оу-ий, Мать Воды брызгает водой,
Оу-ий, Мать Воды брызгает водой!

Дождь прольется, морося,
Трава вырастет, семена (мало-помалу),
Мы будем плясать «Кёбелей».

---

*Кюрек-бийче – богиня-весло, кукла.

Встали в ряд мы, Кюрек-бийче,
Чтобы просить у тебя дождя,
Чтобы просить у тебя дождя!

Хотим, чтобы дождь пошел,
Хотим, чтобы твоя беременная туча
Перевалила через горы!

Пусть пойдет дождь, морося,
Пусть ячмень идет горой,
А мы станцуем «Кёбелей»!

Вот прибыла Кюрек-бийче,
Мать Воды, возьми (ее), унеси,
Мать Воды, возьми (ее), унеси!

Земля намокла, намокла,
Кюрек-бийче намокла!

Вот здесь рядом она сама,
Вырезанная из (ствола) кизила,
Перевязанная бахромой!

Возьми ее, (а нам) дай дождь,
Унеси ее, а воду верни,
Земля просит, земля просит!

Кюрек-бийче, солнечная богиня,
Влюбилась в бога воды,
Влюбилась в бога воды,
И пришла к большой реке
Просить дождя.

Пришла просить дождя,
(Ведь) белые травы помертвели,
И зеленые травы помертвели,
Из-за этого Кюрек-бийче
И одела траур.

Великий Тейри, бог воды,
Поскорее пролей дождь,
Поскорее пролей дождь,
Позволь нашей богине
Скорее снять траур!

ЛОПАТА-БОГИНЯ

Когда долго не было дождя и наступала засуха, люди шли на берег реки и совершали обряд вызывания дождя. Брели цветные лоскутки и, поймав лягушку, наряжали ее и бросали в воду; купали осла. Женщины, набрав воды в ведра, обливали друг друга, старики совершали моление.

Это называлось «обмен водой». Лопату наряжали, как куклу, и женщины с детишками распевали песенку:

Лопата-богиня,
Мы просим дождь,
Мы сгораем, умираем,
Хотим, чтобы пошел дождь!

Собравшись вместе,
У Тейри дождя просим,
У Лопаты-богини просим!

Дождь приближается, морося.
Урожай придет горой!

МОЛЕНИЕ О СОЛНЦЕ

В прежние времена считали, что мальчик-первенец обладает особой магической силой, что когда он становится взрослым, его мольбы сбываются. Если, скажем, летом не переставая лил дождь, совершали моление. На берегу реки приносили в жертву животное белого цвета, и первенец произносил такие слова:

Я первенец, первенец,
Открываю свое лицо,
Разгоняю туманы!
Вошь и блоху,
Связав, в воду бросаю,
Выбираю солнце, а не дождь!

СОЛНЦЕ

Явись сюда, солнце Тейри, явись!
Верхом на красном коне своем явись!
Верхом на сером коне своем явись!

Твой сын упал с гор...

ПОКЛОНЕНИЕ ИДОЛАМ

У балкарского народа в древности было очень много идолов. Точнее сказать, каждый человек изготавливал себе идола – в образе коня, собаки, овцы, козы и тому подобные вещи. Потом он ставил его (идола) в каком-нибудь месте у очага или в середине дома. Люди (домочадцы) после трапезы или до нее били ему поклоны и обращались к нему с мольбами. Поклоняясь, они говорили такие слова:

Мой идол, сила моей души!
Ты ведаешь мои речи, мое сердце,
Пусть мольба моя дойдет от меня к тебе,
И ты да благословишь мою мольбу!

Эти идолы чаще всего подвешивались на центральных опорных столбах старинных жилищ вокруг светильников. Когда начала распространяться религия (ислам), люди стали прятать этих идолов.

Имя главного, старшего идола было Деуер. Когда приходили распространители религии, имя Деуера не произносили, а, чтобы они не поняли, говорили: «Центральный опорный столб дома сотрясается». А это означало: «Убирайте Деуера, прячьте».

ПОКЛОНЕНИЕ БОГАМ

В Верхней Теберде, по старинным обычаям, почитали и держали, хранили дома свиные ножки, шкуры, головы. Считали, что свинья, будучи жирной сама, благотворно повлияет на скот, а в дом принесет богатство, достаток, изобилие.

Имели хождение и другие обычаи. Так, в Хурзуке был так называемый Дырявый Камень. К нему привязывали козленка и его именем, его честью просили у Хозяина Земли в засушливый год травы, у Тейри Неба – дождя, у покровителя коз Маккуруша – потомства. Молили так:

Взошел, взошел я на вершины,
Поскользнувшись, упал я в яму,
В яме открылась дверь,
На лицо мое брызнуло в форме круга(?),
Круг это был или гюм(?) –
Это я не смог узнать.
На скалах юноши,
За поясами у них кинжалы,
Пусть кинжалы испачкаются маслом,
Пусть свиное копытце будет висеть у тебя на чердаке,
Пусть вкусный жир капает на камни очага!

В те времена под потолком подвешивали восемь свиных ножек. Голову (свиную) держали, чтобы в доме не иссякал достаток, чтобы скот был жирным.

Эти свиные ножки, головы я своими глазами видел в Хурзуке; как сейчас помню, что об этом же рассказывали моя мать и бабушка по матери.

ИСПЫТАНИЕ БОГОВ

Давным-давно, в языческие времена, богов было много. У каждой вещи был свой бог. Поэтому (человек) выбирал себе какого-нибудь бога, выпекал хлебец из определенного сорта муки и высказывал все, что у него на душе, свои надежды. После этого ставили хлебец перед собой, брали в руки, прикладывали к глазам, целовали. Если получали желаемое, бог считался хорошим. Если же нет, то начинали поклоняться другому. Это происходило в месяц хычауман (май), в период выхода на пашню.

ПОЧИТАНИЕ ШЕРСТИ

В Верхнем Учкулане первым поселился человек по имени Томай. Его жена Зайнаб была женщиной умной. Была у них девочка по имени Ок и мальчик по имени Гитче.

Чтобы защитить свое сельцо от врагов, Томай со своими товарищами часто отлучался из села и дома бывал редко. Жена его тяжело заболела и сказала ему:

– Томай, я хочу сделать завещание, возьми в руки немного шерсти.

Когда Томай взял немного шерсти и положил ее к себе на грудь, жена продолжила:

– Одежду нам даровал тейри шерсти. Мы ею клянемся. Она свята и хороша. Она согревает нас своим теплом. Ты возьми себе другую жену, но береги двух своих детей. Пусть твоя жена не бьет детей голой рукой – только обернув ее шерстью. Тогда тейри скота дарует вам скот, шерсть его будет одеждой, мясо – пищей.

Некоторое время спустя после смерти жены Томай женился во второй раз. Жена его, хоть и оказалась злой, но детей била только шерстью. А шерсть, помогая этим сиротам, заставляла Апсаты даровать скот. У них было столько стад, что под ними скрывалась земля. Вот тем, что развелось от них, мы питаемся и по сей день.

ПРИЧЕТИ

Ушел он, ушел он, о Тейри!
Ушел он, ушел он, о Тейри!
Ушел он, ушел он, о Тейри!
Ушел он, ушел он, о Тейри!

Ушел он, ушел он, о Тейри,
Туда ушел он, о Тейри,
Пусть придет он сюда, о Тейри,
Пусть родившись придет, о Тейри!

* * *

Ой, над горами завыл пес Аламана,
Ой, ой, иссохло большое дерево Исси-Тагы!

Ой, ой, кто теперь спустится вниз с кручи Кулемен,
Ой, ой, кто теперь будет делать для сельчан кривые серпы?

Ой, ой, над горами вскричал бог Аламан,
Ой, ой, в верхней части села рухнул наш истинный защитник.

Если рухнул он, пусть обрадуется ему Нижний мир,
Пусть скорее проложится его путь в Верхний мир!

* * *

Другое место избрал ты для жизни,
Пусть добрым будет строй той жизни,
Будем вкушать пищу, дарованную нашей матерью-землей,
Когда мы придем и встретимся там с вами!

Если ты не властен над своей плотью,
Труп твой останется в валежнике, в лесу,
Если бы алчный Аламан не явился прежде времени,
Были так полны вы жизни прежде, чтобы (никогда) не уходить.

Не дайте испытать нам такое, вернувшись вновь,
Здесь вас никто не ждет,
Находясь там, пойдете в долины,
Богам принесете жертвы.

Остался Исси-Тагы, твое святое пристанище,
(Которому) сами боги помогали стать селеньем,
Добрая душа, твоя Орас – сама твоя соседка,
Окончил ты свой путь, пусть труд твой будет (признан) добрым!

Когда ты вновь в эти места вернешься,
Когда Золотой Хардар дарует (тебе) новую жизнь, –
Станешь птицей, облетая выси,
Или пахарем, держащим соху!

* * *

...Начертив на земле круг, татарин (балкарец. – М. Дж.) острием своей палки проводит на нем крест-накрест две черты и став в середине круга, там, где пересекаются линии, произносит клятвенное обещание сказать судьям правду. Само название, которое такая присяга носит у горцев, указывает на ее христианское происхождение: татары говорят о ней не иначе, как о присяге крестом, называя ее «кач» (крест).

Наряду с присягами, общими для правонарушителей всякого рода, осетинам и татарам одинаково известны некоторые специальные: такова, например, присяга, приносимая в споре о границах, также та, к которой обращаются при краже баранов. Любопытно, что обе народности придерживаются в этом отношении буквально одного и того же ритуала. Осетин, которому назначена присяга, берет в руку камень или глыбу земли и несет ее на то место, где, по его мнению, должна проходить межа; и то же, до мельчайших подробностей, проделывает татарин, который при этом обнажает еще голову и правое плечо. Смысл этого последнего обряда будет понятен для нас, раз мы вспомним, что обнажение всюду признается за знак покорности, за открыто высказанное намерение стоять беззащитным, передать себя во власть другого, а такая готовность отдаться всецело на суд Божий и подвергнуться заслуженной каре за ложное заявление всего более приличествует присягающему.

В другом специальном виде присяги, приносимой, как мы сказали, в случае кражи баранов, следы языческого культа сказываются весьма характерно. Протягивая руку над бараном, осетин несколько раз призывает бога зверей (или Авсати – так называется он осетинами) в свидетели того, что он показывает правду. Татарин буквально делает то же, только вместо Авсати он призывает какого-то «Аймыш», с которым связывается у него представление о духе-покровителе животных.

...Самой важной присягой татары (балкарцы. – М. Дж.) считают присягу, произносимую на башне Татартюба, около Эльхотова по дороге из Пятигорска во Владикавказ – т.е. ту же, что и кабардинцы. Татартюб такое же мусульманское святилище для кабардинцев, как и для горских татар.

И. Иванюков, М. Ковалевский, 1886

15. ДРАКОНЫ

ДРАКОНЫ И ВЕЛИКАНЫ

Драконы (или аждахай) были огромны, видом своим напоминали змей. Говорили, что некоторые из них могли изрыгать изо рта огонь. Жили они в глубоких пещерах, под землей. Были среди них и умеющие летать. Всех их истребили нарты.

Кроме них, рассказывали о каких-то уродливых великанах (деуле). Они тоже обладали огромной силой, у них были клыки, как у кабанов, и длинные когти. Их тоже истребили нарты.

КАРАШАУАЙ И ДРАКОН

(Карашауай) снова отправился в путь, говорят,
Берега большой реки они достигли, говорят.

Одна женщина, взяв на руки восьмилетнего мальчика,
Плача, шла вверх по берегу реки, говорят.

– Почему ты плачешь, сестра? – он спросил.
– Исток реки охраняет, – говорит, – дракон, – говорит,
Если каждый день не даем ему такого (мальчика)
для пропитания, он не дает нам воду.

– А сегодня твоя очередь? – спросил (Карашауай).
– А сегодня моя очередь, и вот несу, – отвечает.
– Возвращайся-ка ты домой, сестра, – говорит.

– Если вернусь домой, не отдав (дракону) сына,
Люди убьют меня, – говорит.

Тогда, – говорит, – в тени гривы этой лошади
Побудь пока, – говорит.

К кусту боярышика он (Гемуду)
Двумя цепями привязал, говорят.

Гемуда так сказал, говорят:
– Подседельником одну руку обмотай, – говорит, –

Потником другую руку обмотай, — говорит, —
Когда дракон будет тебя втягивать, смотри, не упали!

Меч свой поперек поясницы держи, входи,
Прямо стоя входи в его пасть, — говорит, —
Что бы ни было, не упали внутри него! —
Так Гемуда его попросил, говорят,
А сам-то, говоря это, так расчувствовался, говорят.

Дракон втягивал, а Карашауай внутри него
Прямо стоя шел, говорят.

От треска костей дракона Гемуда
Одну цепь оборвал, только вторая цепь осталась, говорят.

И тогда Карашауай с задней части дракона,
Надвое его разрубив, вышел наружу, говорят.

Пролившаяся кровь несколько сел
И сотни людей унесла, говорят.

ХОХУРИ

Мне доводилось слышать от стариков, что на небе живет огромный волк — Хохури. У него очень длинная морда, зубы большие, острые, время от времени он пытается проглотить солнце, луну.

ПАУКИ И ЭМЕГЕНЫ

Во времена нартов были огромные, величиной с корзину, пауки. Жили они в окрестностях Тызыла, в местности, называемой Кердеуюкле. Там, рядом, есть еще большая возвышенность — Шаушюгют Сырт. Она очень крутая, по обеим сторонам ее большие овраги. Вот там эти пауки величиной с корзину и расставляли свои паутины толщиной с аркан, и, поймав попавших в них людей, высасывали из них кровь. В глубоких оврагах по обе стороны Шаушюгют Сырт и сегодня лежат кости, черепа людей, съеденных этими пауками. Советница нартов Сатанай услышала, что в тех местах пауки

Ловят в свои паутины людей
И высасывают их кровь.
Узнав об этом, она сказала нарту Сосуруку.
Сосурук со своим нартским войском отправился
в их (пауков) сторону,
Достигнув того места, в глубоком овраге он увидел паутины.

Пауки, заметив их, начали сражение,
Часть нартов погибла,
И все же победили нарты, истребили пауков.

Нарт Сосурук дал знать Сатанай,
Что пауков одолели,
Сатанай, придя туда, увидела,
Что те диковинные пауки-корзины
Все перебиты.
По велению Сатанай их паутину собрали,
Погрузили на лошадей, на подводы
И привезли в нартские села.
Из этой паутины соткали сукно
Для нартского войска.
Одежды из этого сукна не пропускали воду,
Их не пробивали стрелы.
Она (одежда) не изнашивалась, в морозы (в ней было) тепло,
В жару – прохладно.

Нартское войско однажды в набеге
Встретилось с большой толпой эмегенов.
Эмегены собрались было напасть на них,
Но озаряющее округу
Сияние одежды нартов
Ослепило им глаза, и они побежали.
Нарты, преследуя их,
Загнали в овраги в Шаушюгюте,
Где они истребили пауков.
Глупые эмегены
Начали поедать трупы перебитых нартами пауков и умерли.
С этого дня никто больше не видел эмегенов.

ПАУКИ

В древние времена, несколько сот лет назад, в верховьях Кёнделена жили огромные пауки-кровососы. Они ловили людей, всякого, кто встретится, и съедали. Не в силах с ними справиться, люди уходили высоко в горы и жили там, обустроивались возле родников. Делали они так потому, что эти пауки не могли ходить по склонам. Начав взбираться на склон, они сразу же срывались, скатывались вниз, такие они были тяжелые (неповоротливые). Сколько так продолжалось – не знаю, но люди спустились вниз, на равнину, только тогда, когда пауки исчезли.

А сами пауки вымерли или ушли в другое место, не могу сказать, не слышал. Кроме того, рассказывали еще о каких-то существах, которых называли *эмеуол* «кровосос, вампир», они тоже высасывали кровь людей, животных, а (потом) поедали их тела.

* * *

(Нарт Шауай вырос в трещине ледника).

– Через пять лет у вас все реки должны высохнуть, а вы будете радоваться, если выпьете глоток из грязной лужи. Вот тебе, отец, рыбий глаз. Возьми его и лижи, и тогда у тебя сила увеличится, – так сказал Генджакешауай отцу и дал ему белый камень.

... «Змей теперь мне делает кибэ (кольчугу). Я надену ее, как пода-

рок, на Махаре (местность), и тогда будет мне имя Генджакешауай (неизвестного значения). На вершине горы сидит двенадцатиголовый змей Сарубек, он то и выпивает всю воду. Когда я был в трещине, я питался молоком Сарубек; теперь же Аллах меня послал, чтобы я своим мечом убил Сарубек, — тогда воды везде будет вдоволь».

Так сказал Генджакешауай. Прошло 5 лет. Наступила засуха: Сарубек сушил землю. У нас и теперь говорят во время засухи: от дыхания Сарубек камни трескаются. Генджакешауай отправился на гору и убил двенадцатиголового змея и всю страну освободил от засухи.

А. Н. Дьячков-Тарасов, 1898

(Об озере Чирик-кёль.) ...Само озеро сделалось жилищем страшного чудовища, форму и вид которого рассказчик не мог описать; чудовище это сидело глубоко в озере, но стоило только кому-нибудь спуститься в воду, чтобы искупаться, или даже наклониться, чтобы выпить воды, как чудовище быстро поднималось со дна и пожирало смельчака, дерзнувшего нарушить покой его.

Впоследствии это чудовище опустилось в озеро и с тех пор не появлялось уже на поверхности. Много лет уже прошло с тех пор, говорил рассказчик; но несмотря на то, что даже самые древние старики не запомнят, когда чудовище явилось в последний раз, все-таки озеро служит для местных жителей, в том числе и нашего рассказчика, предметом суеверного страха.

Н. Харузин, 1888

16. ЭМЕГЕНЫ

АЛАУГАН И ЭМЕГЕНША

«В нартских селениях меня женщины не выдерживают, наверное, эмегенши выдержат», — подумал (Алауган) и отправился к эмегенам. В пути он заметил, что вдали шевелится что-то огромное, подобное кургану. Подойдя поближе, он понял, что это не человек. Присмотревшись получше, он увидел: какая-то эмегенша, закинув за спину груди, кетменем в сто сажений продырявила землю и пила жир земли.

* * *

(Алауган) оседлал Гемуду,
В поисках жены отправился далеко.

В пути какой-то курган заметил,
А это не курган, это эмегенша.

Подъехав поближе, увидел удивительное зрелище,
Не зная, что делать, замер.

Величиной с бревно (была) иголка в руках (эмегенши),
Словно аркан была нитка в иголке.

Во лбу у нее светился единственный глаз,
Когда она двигалась, под ней дрожала земля.

(Она была) нагая, со свисающим жирным животом,
Грудь (были) закинута за плечи.

Невиданно уродлив был ее вид,
Латала она трещины земли.

Иголкой величиной с бревно она сшивала землю,
Плотно сжав губы.

НАПИТКИ ЭМЕГЕНОВ

(Нарт Алауган, решив взять в жены девушку-эмегеншу, вместе с друзьями поехал в гости к эмегенам). Алауган и дружки остановились на большой равнине эмегенов. Эмегены помогли им спешиться и начали угощать.

Налив в пивной котел свои хмельные напитки, настоянные на конопле, чемерице, девясиле, эмегены подняли их при помощи жердей, принесли и поставили перед нартами. Эмеген тайком дал понять нартам: «Не пейте, не то потеряете рассудок, обезумеете». (И тогда) нарты стали пить сами и угощать эмегенов своим черным пивом, которое принесли с собой в бурдюках из зубровой шкуры. Но нарты пошли на хитрость и в пиво, которым угощали эмегенов, подливали молоко бесовок и настой азалии. Выпив это, эмегены обезумели, и часть их разбежались по лесу, а остальные затеяли драку между собой.

ОБЛИК ЭМЕГЕНОВ

Вот что я слышал об эмегенах от своего отца. Это были странные твари, которые жили давно, очень давно. Они были огромными, сильными, были похожи на людей, на змей и даже на медведей.

Одна их разновидность имела по пять-шесть хвостов, длинных, как змеи, толстых, а выше (пояса) напоминала людей, шкуры их были лоснящиеся и блестели, как змеинная чешуя. Шеи у них были длинные, на них разветвлялось по две, три, четыре или пять голов. Головы у них точь-в-точь напоминали головы мулов, а глаза, зубы и языки были, как у змей.

Вторая разновидность — эти были огромные, как бугры, безобразные, отвратительные, вонючие; пасти и щеки их были похожи на лягушачьи, ходили они на двух ногах, как люди. Были они волосаты, кожа в жестких складках, растрескавшаяся. Жили они в лесах, на болотах, в пещерах, голод их был неутолим. Ели они коренья, мясо, плоды. Были они глупы, разговаривали едва.

Третьи были шестипалыми, когти их были в точности похожи на барсучьи, такие же острые, а лапы как у медведей. Эти тоже ходили на двух ногах. Тело было покрыто длинной шерстью, как у козлов. Головы их были величиной с большие тыквы, лбы узкие, носов не было, одноглазые, и этот единственный глаз горел по ночам, как звезда Чолпан (Венера), а днем был весь красный и покрытый слизью. Рот был до ушей, верхние

зубы заходили за нижнюю, а нижние — за верхнюю челюсти. Эта часть эмегенов ожесточенно боролась с нартскими людьми. Любимой их пищей было мясо людей и ослов. Силой они превосходили нартов в десять раз. Но что толку, ни хитрости, ни умения у них не было. Наевшись, они засыпали на неделю, а проснувшись, в поисках пищи бродили двадцать дней.

Эта часть эмегенов плохо переносила холод. Поэтому зимой они спали в своих подземных берлогах пять месяцев. Весной они появлялись тощими, слабыми. Свежую траву они ели без разбору.

Как рассказывают, большинство эмегенов было истреблено нартами. Говорили, что остатки их, поедая друг друга, в конце концов погибли от голода.

НАРТ АЛАУГАН И ВОЙСКО ЭМЕГЕНОВ

...Мать девушек-эмегенш, взяв свой волшебный рог, понюхала воздух небес. При помощи (какой-то) трубки оглядела землю. Рассердившись, она сказала своим восьми дочерям:

Снаружи доносится запах человека, скажите своим войскам в пещерах: пусть они наденут орлиные крылья, как следует вооружатся, и все мы, во главе своих войск отправляемся в путь. Возглавлять войско буду я сама.

Заперев в пещере Дебета и его сыновей, собрав свои крылатые войска, они тронулись в дорогу. В пути они издалека заметили летящего Алаугана. Эмегенша приказала своим войскам: «Летите, сын Дебета Алауган приближается к нам в оперении Таурус-куш» (Таурус-куш — двуглавый орел, упоминающийся в преданиях. — М. Дж).

Крылатые войска (эмегенов), взмахнув крылами, с шумом и ветром устремились навстречу Алаугану. Алауган, убивая их ударами крыльев, устал. Тогда он вытащил свой меч и начал рубить эмегенов, (но в это время) к нему подлетел предводитель крылатого войска эмегенов и ранил его, укусив в руку.

Теряющий силы, почти отчаявшийся, Алауган вспомнил о порошке из костей эмегенов, который дала ему колдунья, и развеял его по воздуху. Все покрылось туманом, дымом. Ослепленные эмегены, не зная, куда лететь, ударялись о скалы и погибали.

ВОДЯНЫЕ ЭМЕГЕНЫ И КАРАШАУАЙ

Ударив плеткой Гемуду, (Карашауай) погрузился на дно (Черного) моря. В поисках дороги он набрел на водяных эмегенов. Он спросил у них, как пройти к Усхуртуковым.

— Вот через эту дыру вода проникает отсюда в Хазнарское море. На его берегах живут Усхуртуковы. Но мы отсюда не пропускаем ни одно живое существо, — ответили эмегены.

— Почему? — спросил Карашауай.

— Они нарты, когда они видят, что мы плаваем в море или выходим на берег, они называют нас «водяными свиньями», «водяными людьми» и убивают. Ты тоже похож на одного из них, — сказали они; глаза их засверкали, и рты широко раскрылись.

Карашауай взялся было за меч, чтобы уничтожить их, но Гемуда сказал ему:

— Ты не сможешь их убить мечом, у них нет плоти (мяса). Кроме плавников, все остальное тело у них состоит из костей. Эти кости ни стрела не пробивает, ни меч не берет; сияющие глаза их тверже алмаза, а внутренние органы у них в точности, как у рыб.

ЖЕЛМАУЗ

Когда луна затмевалась, раньше говорили, что её пытается проглотить Желмауз. В это время все жители села собирались, и кто стрелял из ружья, кто бил в медный таз, все кричали, орали, чтобы испугать Желмауза, разбудить двух собак, охраняющих луну.

Желмауз — это эмеген, огромный, с невероятной силой. От одного старика, жителя Хабаза, я слышал, в что одном из сел, кажется, даже в Хабазе, женщина родила ребенка, девочку. При рождении у нее уже были зубы. Тогда знающие люди сказали: «Это желмауз, ее надо убить». Такая в ней была сила, что вчетвером-впятером ее еле смогли задушить — она пыталась кусаться, редела, как бык.

СОСУРУК И ЖЕЛБЫДЫР

Нарт Сосурук и эмеген Желбыдыр враждовали между собой, воевали. Желбыдыр, будучи сыном Тейри Ветра, сильно досаждал нартам: насылал, когда хотел, из-за Коштан Тау ветер и валил их поспевающие нивы; зимой ветер уносил плодородную почву с полей, оставляя только песок и камни.

Таким образом среди нартов начался голод. Сами они остались без хлеба, их скот — без сена. Тогда нарты собрались, чтобы принять решение. Ничего не придумав, позвали Сатанай и спросили (совета) у нее. Она сказала:

— Одолеть Желбыдыра очень трудно. Он сын Тейри Ветра. В месяц Тотура он отправится просить у Тейри Ветра ветер, а у Апсаты — скот. У Тейри Ветра он возьмет мехи, раздувая их, найдет ветра и бураны. И таким образом он опять снесет почву с наших полей, разрушит наши дома.

А к Апсаты он идет просить скот, потому что в это время бывает голоден: если Апсаты отказывает ему, он начинает раздувать мехи, насыляет бураны, трава остается под снегом, и скот Апсаты гибнет.

СИЛА КРОВИ ЭМЕГЕНА

Нарты, живущие у Коштан Тау, по призыву Карашауа собрались на поляне в глубоком лесном овраге. Глава нартов Коштан Тау Сосурук повелел, чтобы зарезали большое количество скота и поставили мясо вариться в семидесяти семи котлах. В каждом котле варилось мясо семидесяти семи животных. Он также приказал, чтобы зарезали и двух слепых эмегенов, которых он привел (взяв в плен) с Коштан Тау, и сварили в отдельном большом котле. Каждый из нартов должен был съесть по одному маленькому кусочку мяса эмегенов. «Бульона выпейте по два

плотка, тогда ночами вы не будете страдать от холода. Возьмите с собой по одному газырю с кровью эмегена, тогда ваши пули (стрелы) всегда попадут в цель», — сказал он. — Кости (эмегенов) не выбрасывайте, (из них) выйдет по десять стрел на каждого. Сделайте стрелы и вложите в колчаны. Эти стрелы пробьют любой камень. Жиром из глазниц (эмегенов) смажьте свои глаза. Один ваш глаз будет ночью различать волосок, плывущий по реке, взглянув на небо, вы сможете увидеть, что есть и чего нету на звезде Темир-Казак, взглянув на землю, вы разглядите, что за чудеса происходят в утробе земли. Если же вы смажете глаза жиром из глазницы второго эмегена, то

Солнце не будет слепить вас,
(Глаз ваш) не будет чувствовать холода,
Откажется от дневного сна,
Вы никогда не промажете,
Стрелы ваши всегда попадут в цель.

А если смазать им меч, он любую вещь
Будет резать, как мыло, как сливочное масло, — сказал он. —
Кроме того, из кожи эмегенов
Вы сделайте чабуры,
Они не порвутся, не развалятся,
На камнях, в скалах, в горах, на льду не будут скользить,
В море, в реке не будут тонуть, —

так научив, он (Сосурук) подготовил большое войско и отправился к Дых Тау, где Карашауай сражался с эмегенами.

ТЕЙРИ И НАРТЫ

Могучий Ёрюзбек, будучи в набеге, однажды лег спать и ему приснилось, что село (его) заполонили голодные вороны, размыли потоки, что Тейри Земли повержен. Проснувшись, со словами:

Сон смутил мою душу,
Взволновал мой ум,
Наше село поразил Тейри Неба,
Он вверх Тейри Земли в земные глубины,
Села наши захвачены врагами,
Нам должно вернуться домой, —

он повернул свое войско обратно. По пути он прихватил с собой Сосурука, а подойдя сюда еще поближе, присоединил к себе войска Карашауая, и все собрались на равнине Бештамак.

Выйдя из Бештамака, могучий Ёрюзбек с войсками направился в свое село. Осмотрев его, он не нашел ни одного человека. Только ворона с пестрой шеей сидела на Нартском Камне и, повернувшись в сторону, противно каркала. Он быстро вернулся к войскам, и они отправились в ту сторону, куда смотрела ворона. Через некоторое время они достигли подножья какой-то горы. Темно стало — хоть глаз выколи. Уставшие, голодные воины не в силах были продолжать путь. Увидев это,

Нарт Ёрюзмек взмолился
К богу нартов — Тейри Земли,
Смазав свои глаза жиром эмегена,
Осмотрел земные глубины.

Он увидел, что бог спит глубоко под землей. Тогда, достав свой рог, которым пользовался для общения на дальнем расстоянии, он прокричал, обращаясь к Тейри Земли: «Наши воины проголодались, тягловый скот наш, оставшийся без выпаса, от голода не может двигаться. Бог Неба эмегенов преградил нам путь, спрятав от нас свет солнца и луны, помоги нам, дай нам пищи, умоляем тебя!»

Тогда из-под земли раздался голос Тейри Земли:

— Пусть твои воины запустят в небо по одной стреле. Если они вернутся назад, окрасившись кровью, значит, и солнце будет сиять, и луна будет всходить, и рассветы будут вставать, и дожди будут литься, — знайте тогда, что тейри эмегенов умер. Тогда и я дам волю травам, поля заколосятся, дам вам плодов со своих деревьев. Воины оденутся в одежды из шкур животных Апсаты. Тогда вы отправитесь своей дорогой, одолеете врагов, подождите до этого дня.

Тогда, чтобы испытать своих воинов,
(Ёрюзмек повелел им) выпустить в небо по одной стреле,
Стрелы вернулись, окрасившись в кровь.
Выстрелили, уперев свои луки в землю,
Стрелы вылетели с другой стороны земли,
Сверкая, как серебро.

Поразмыслив, они обрадовались, что поразили тейри неба, что теперь пойдут дожди, что ветер развеет туманы, что Тейри Земли жив, что стрелы их сверкают, что (Тейри Земли) даст им травы. Сначала лоно небес покраснело, как кровь, потом пошел кровавый дождь. Через некоторое время прогремел гром, земля забеременела; деревья зацвели, дали плоды; нивы заколосились, дали зерно; выросла трава, заготовили сено.

Животные Апсаты стали жирными,
Из их шкур сшили одежду, обувь,
Их мяса наелись, бульона напились.

(Оттуда нарты отправились к эмегенам. Там Ёрюзмек и эмеген Тёртлеме вышли бороться). Ёрюзмек был одет в кольчугу, подпоясан цепью, на руках рукавицы. Точно такие же железные доспехи были и у Тёртлеме. Они стали бороться. Сначала эмеген, схватив, приподнял (Ёрюзмека) и, бросив оземь, вбил его по колено в землю. Затем Ёрюзмек вбил эмегена в землю по пояс. На следующий раз эмеген тоже вбил Ёрюзмека в землю по пояс. Перед тем, как в очередной раз ударить эмегена об землю, Ёрюзмек взмолился к Тейри Земли. Тейри был на стороне нартов и сделал землю мягкой, как тесто. Эмеген провалился в землю по пояс. В тот же миг Тейри Земли, затвердев, как камень, сжал эмегена, у того из носа, рта хлынула кровь, и он скончался.

РАССКАЗ СТАРОГО ЭМЕГЕНА

...— Пока мясо варится, рассказал бы что-нибудь из жизни эмегенов, — попросил Ёрюзмек.

— Мы, эмегены, — начал он, — не умеем, как вы, носить одежду. Живем в пещерах. Если кто-то из нас болеет, мы делаем ему подстилку из хвороста или соломы, под голову кладем камень вместо подушки. Вместо лекарства даем пить человеческую кровь. Или бульон, в котором варилось человеческое мясо. Умерших мы не хоронили. Оставляли где-нибудь в лесу, а когда, желая поесть, к трупам приходил волк или медведь, мы убивали их и замечательно жили. А теперь эти маленькие человечки убивают нас, почти истребили. А недавно к нам, якобы за советом, пришли нарты и, обманув нас, заставили подраться друг с другом; мы и перебили друг друга. Теперь из нас остался только я, раненый. Я — последний из эмегенов, видимо, больше на земле никого из нас не осталось. Я много прожил, много горя испытал.

Тогда Ёрюзмек спросил:

— Сколько лет живут эмегены?

— В среднем, около трехсот лет, — ответил он.

ПЕСНЯ О СОСУРУКЕ

Нартские батыры с горы Гезам выехали,
Нартские батыры, оставшись без огня, стали мерзнуть.

Сосурук сел на Каратора,
Сказав: «Кто знает, может смогу раздобыть огонь», — уехал.

Добравшись до узкого ущелья,
В другом ущелье увидел отблески костра.

Нартский батыр, подъехав туда,
Увидел спящего эмегена.
Схватив головешку, отправился назад.

Искра попала в глаз эмегена,
Пусть врагу моему доведется услышать его слова:

— Нартов сын, как ты смел заявиться туда, где я сплю,
Как ты отважился заехать в страну эмегенов?

Мы хотим никого не оставить в живых в стране нартов,
Мы хотим уничтожить нартские аулы!

Мы хотим напиться их (нартов) крови,
Мы хотим сделать их детей рабами!
А Ёрюзмек — предводитель нартов?

— Ёрюзмек — предводитель нартов,
Он — опора страны нартов!

— Мы бы (давно) уничтожили страну нартов,
Потушили бы их очаги!

Но тейри мешают нам,
Они дают силу нартам!

Тейри Неба помогает нашим врагам,
Он покровительствует стране нартов!

ГИБЕЛЬ ЭМЕГЕНОВ

В давние-предавние времена жили нарты. Они были храбры и могучи. Их врагами на земле были эмегены. Они жили в долинах Кырк-Суу (Сорокаречье) у гор Ырхыз, Эки Башлы (Двуглавая) и Казман (Казбек) вперемешку с эмегенами.

Эмегены были сильными, огромными, безобразными и глупыми. Они ели змей, лягушек, диких зверей, коренья и лесные плоды. Любимой их пищей было человеческое мясо. Проголодавшись, они сорок дней без сна с шумом рыскали по глухим лесам. Если нечего было есть, они пожирали друг друга, нападали на нартские села.

Насытившись, они засыпали и, не обращая внимания на дождь, ветер, жару, спали три месяца. Разрушив берега, перегородив реки, они залезали в воду и загрязняли ее, чем очень досаждали нартам, злили их. Однажды, в некие времена, случились три года, которые называли «белыми годами». В эти три года не было дождей, наступила засуха, и в нартских аулах, и у эмегенов начался голод. Изголодавшиеся эмегены, нападая на нартские аулы, приносили им много бед.

Однажды нарты, чтобы спасти свои села от голода, вооружившись, разделились на две части и отправились на восток и запад. Защищать нартские села от эмегенов они оставили опытного, но очень старого нарта по имени Батырбаз. У Батырбаза было большое войско. У воинов были стрелы, но наконечники у одних были из кремния, у других — из мягкой бронзы. Тетиву луков они сделали из сухожилий зубров.

Столкнувшись однажды в густом темном лесу, нарты и эмегены начали сражаться. Сражение длилось долго. Обезумевшие от голода эмегены, размахивая вырванными деревьями, швыряя камни, начали теснить нартов. А стрелы нартов, попав в эмегенов, или гнулись, или отскакивали.

Тогда мудрый нарт Батырбаз передал в нартские аулы, чтобы они поставили на огонь котлы с отваром чемерицы и добавили туда вместо соли медный купорос, серу и девясил. Оставив котлы на дороге, по которой шли эмегены, они (нарты) убежали. Обезумевшие от голода эмегены с криком: «Вот мы и нашли еду!», — отталкивая друг друга, бросились к котлам и опустошили сто стоведерных котлов. Наевшись, эмегены сказали: «Ох-ох, теперь немного отдохнем», разбрелись по большой солнечной долине и улеглись спать.

Через некоторое время у них разболелись животы, начался понос. Вдобавок к этому у них начала кружиться голова, в глазах потемнело. Совершенно одурманенные, они стали избивать и убивать друг друга. Тела их посинели, волосы выпали, среди них начался мор, и они все погибли.

БИТВА НАРТОВ С ЭМЕГЕНАМИ

Эмегены вышли из глухих лесов,
Они напали на нартское войско.

Нартское войско вышло им навстречу,
Провизию свою оставив в гранитной пещере.

Нартские воины, разбредясь по глухому лесу,
Убивали эмегенов, истребили их.

Окрестности Кырк Суу (Сорокоречья) стали свободны от эмегенов,
На их (эмегенов) трупы сели вороны, вороны.

Червивые трупы эмегенов лежали, подобные курганам,
Вот от них-то произошли оводы, мухи, —
От трупов глупых эмегенов.

* * *

Нартское войско отправилось, разделившись на тумыны,
Ущелья Уллу Дых они заполнили, подобно туману.

Нартские дружины, разделившись на группы,
Взяли в окружение глухие леса.

Ёрюзмек, прочесав глухие леса,
Покончил с эмегенами, истребил их.

Нарт Ёрюзмек сражался девяносто дней,
Ему помогали и Тейри Неба и Тейри Земли.

Истребив эмегенов, отправились обратно,
Путь им преградили ледники Кёсе Тау.

Нарт Ёрюзмек со своей дружиной в поисках пути
Вышел к оврагу, заросшему соснами.

Там он увидел какое-то лежащее существо, которое
заполняло собой весь овраг,
Оно начало вырывать деревья и бросать в них (нартов).

Это была великая мать эмегенов,
Глубокие овраги были ее крепостями.

Туман над Кёсе Тау был паром от ее дыхания,
Кёсе Тау она использовала вместо подушки.

В пищу свою она добавляла человеческое мясо,
— Она, — говорили, — худшая из эмегенов.

Каждые три месяца она рожала сто эмегенов,
Проголодавшись, половину из них она съедала.

Некоторых (детей) оставляла в лесных оврагах,
И из нартских аулов она многих съела.

Единственный глаз ее ночью светился, как луна,
Когда она чихала, начинался дождь, подобный летнему ливню.

Ёрюзмек, увидев ее,
Натянул свой лук, выстрелил.

Стрела попала ей в сверкающий глаз,
Так погибла самая последняя из эмегенов.

* * *

Наряду с нартами предания упоминают о великанах — э м е г е н а х, отличавшихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью, у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались победителями, несмотря на то, что эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук.

* * *

Оседлав коня и надев на себя оружие, Алауган выехал из нартских селений. Долго ехал он по красивым нартским землям и наконец завидел вдали какое-то черное пятно, которое, по мере приближения его, постепенно все увеличивалось. Когда Алауган подъехал к нему на довольно близкое расстояние, то глазам его представилась громадной величины женщина — эмегена с откинутыми назад через плечо персями: она зачиная трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка — как аркан.

* * *

Эмеген. Слово это в буквальном переводе на русский язык значит «многососущий» (объяснение неверное. — М. Дж.). В мифологии горских татар под этим именем известны одноглазые исполины, скрывавшиеся в пещерах и занимавшиеся разведением коз. Злые и жестокие, они отличались необыкновенной прожорливостью и особенно любили лакомиться человеческим мясом: поэтому, людям, чтобы оградить себя от их нападения, приходилось вести с ними постоянную борьбу. Не отличаясь особым умом, эмегены легко поддавались обману человека, который благодаря своей хитрости, часто побеждал их. Эмегены были от одноглавых до тысячеглавых. Отрубленные головы их имели свойство сейчас же прирастать к туловищу; точно такое же свойство имели и остальные части их тела. Поэтому, чтобы лишить жизни эмегена, отрубленную часть его тела следовало немедленно сжигать. Жизнь эмегенов зависела также и от раз-

ных предметов, как, например, от оселка, черной палочки сандального дерева или пояса, носимых ими при себе; если эти предметы человеку удавалось уничтожить, то эмеген немедленно умирал. По преданиям горцев, за несколько сот лет до нашего времени в честь эмегенов пред их изваяниями приносились жертвы, чтобы расположить их к людям. По народному поверью, в настоящее время эмегенов в горах нет: они переселились куда-то за море.

Е. Баранов, 1897

17. ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

ВСПАШКА ПОЛЯ

В древности люди пахать землю не умели. Умением пахать поле обладал только Лесной человек. Люди отправились расспросить Лесного человека, но тот на вопросы отвечать не захотел. Чтобы он стал отвечать на вопросы людей, надо было его разозлить.

Люди так и поступили. Он разозлился и пошел домой. Но у него было обыкновение по дороге разговаривать с самим собой.

Он говорил так: «Ну и ну! Как вспахать землю? Возьми да и сделай соху; приделай корпус, приладь к нему сошник, прикрепил к дышлу ярмо, запряги двух волов и, глубоко вспарывая землю, разбивая комья, посеи семена, потом пройди метлой и отправляйся восвояси. О чем тут спрашивать? Ну и ну! Коли не знаешь, как пахать, чего спрашиваешь? А они все пристают ко мне. Хорошенькое дело получилось бы, если бы я выдал им тайну лесных людей. Не дождетесь!»

Люди вернулись, радуясь, и рассказали слышанное всем и каждому. Вот так началась вспашка полей.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Видимо, этот обычай существовал в очень древние времена. Весной на берегу реки, под каким-нибудь деревом, резали белого жеребца. Потом кого-нибудь наряжали на манер Лесного человека и выделяли ему долю мяса. Этот человек взбирался на дерево и оставлял это мясо там. После этого пели песенку:

Одноглазый Лесной человек,
Верный слову Лесной человек,
Обезьяноликий Лесной человек,
С медвежьим телом Лесной человек,
Хранитель леса Лесной человек.
Весной не влезавший на дерево,
Осенью не слезавший с дерева!

Не позволяющий рубить молодые деревца,
Не позволяющий убивать лесных животных!

Белого жеребца зарежем,
Лесного покровителя почтим,
Выделим ему долю!

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК И АБЕЕВЫ

Лесной человек показался одному из Абеевых двенадцать поколений тому назад. Его звали Чегембай. Разгневавшись на него, Лесной человек произнес проклятье: «В течение двенадцати поколений пусть ни в одной вашей семье не будет сыновей больше одного». После этого у Абеевых из поколения в поколение было только по одному сыну (в семье).

ОБЛИК ЛЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

То, что говорят о том, что у лесного человека на груди топор – вранье, это просто нарост. Слышал я от одного старика, Кипкеева Османа, тебердинца. «Пас я тогда коз, – говорит, – на Буруч-сырте. Однажды утром он вдруг встал прямо передо мной – огромный, высокий человек. На груди у него был нарост. Козы, всполошившись, убежали на гору. Взяться за винтовку я не решился. Так мы стояли долго, глядя друг на друга. Все тело его было покрыто черным-пречерным волосом, как и лицо. Потом, поглядывая на меня, он повернулся и стал уходить, а я пустился наутек». Так рассказывал Кипкеев Осман, а вралем он не был.

Рассказывали, что Домаш Боташев с товарищами на лесоповале (они тогда были заключенными) однажды поймали лесного человека. Говорили еще, что, когда они доставили его царю, он их за это освободил.

По рассказам, этот лесной человек был очень волосат, но топора на груди или чего-то в этом роде у него не было. На свете нет существа безобразнее его. Сам он огромный, очень огромный. Поодиночке лесные люди не живут. Речь у них как у птиц, разговаривая, они трещат, как сороки. Это рассказывал сам Домаш.

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК И ГУЁ

Отважный Гуё, сын Мекера – остроглаз,
Если есть прямая, по тайной тропе не ходит.

На скачках никому он не уступал,
В борьбе никто его на лопатки не клал.

Стрела его долетала до Гыпынай,
На спине он поднимал двухлетнего быка.

Когда он бил молотом, сотрясилось Чегемское ущелье,
Пика его разила волков.

Собравшись с силами, он перепрыгивал через реку Черек,
Стальной кинжал его перерубал бревна,
Туров (добытых) он спускал с высоких круч.

На волах возил он сросшиеся деревья,
Молодые рассветы свои он встречал в Мёлюшкю.

В спорах он определял правых и виновных,
Имя свое он прославил в пяти балкарских ущельях.

Гуё шел однажды по глухому лесу,
Рубя деревья в Мёлюшкю,
Ударами кинжала направо и налево.

Увидев это, со словами: «Ах ты, нечестивец!» —
К нему подошел лесной человек.

С головы до ног он был покрыт шерстью, подобной лесу,
Вытаращив единственный глаз, он спросил:

— Зачем ты истребляешь лес Мёлюшкю?!
Посмотрю я сейчас, какова бывает рубка!

Если не скажешь три правдивых слова, не отпущу, — сказал он, —
А если скажешь, не трону, — сказал он. —

Иначе оторву я твою глупую башку,
Раздавлю, как насекомое!

Гуё ответил, обмирая и потая:
— В жизни не пугался я так, как сегодня,

Не видел я на свете существа безобразнее тебя,
Если бы ты позволил, я бы ушел домой.

— Ты сказал правду, — молвил лесной человек, —
Сын Мекера свободен, — молвил он. —

А если он еще раз порубит мой лес,
Если он будет поступать (со мной), как с Апсаты, —

Сделаю так, что его труп съедят голодные волки,
Что его родные будут жить, горюя!

Иди своим путем, люби деревья! — сказал он,
Отпустил его лесной человек, не тронул.

Сын Мекера послушался разумного слова,
Чегемское ущелье заросло соснами.

АЖО И ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

В Верхней Маре жил охотник по имени Ажо. Отправившись на охоту, он возвращался не ранее, чем через сорок дней. Ночевал в пещерах, ни свет ни заря выслеживал зверей у солончаков, сидел в засаде у троп, которыми звери ходили на водопой. У речушек ждал момента, когда животные придут напиться воды.

Ажо был могучий волосатый мужчина. Он был хитер, а когда он кричал, крик его в точности напоминал крик Лесного человека. Известно, что охотник охотнику рознь и что верзилы обычно бывают добродушны, лежковерны, доверчивы. Но Ажо, как он ни был могуч, был жаден, добыв

на охоте тура, он никому из соседей не выделял долю. Когда его спрашивали: «Ажо, зачем ты убиваешь столько животных?» — он отвечал: «Я их ем!» Но сколько мог съесть неженатый, не имеющий ни сына, ни дочери Ажо? Туши убитых им животных портились, и он их выбрасывал. Поэтому от человека, проходившего мимо дома Ажо, еще два дня несло запахом тухлого мяса. Про Ажо в Карачае ходит много рассказов. На этот раз я расскажу вам, как хитрому Ажо удалось перехитрить Лесного человека. Дело было так.

Однажды на охоте Ажо убил тура, взвалил его на спину и вернулся в пещеру, где обычно ночевал. Разведя огонь, подождал, пока образуются угли. Недалеко были заросли самшита; нарезав веточек, он изготовил шампуры, насадил на них куски мяса и принялся жарить шашлыки. Великан Ажо отличался таким аппетитом, что иной раз ему мало было целой туши за раз.

Приготовив себе подстилку из зеленого типчака и поставив обжаренную тушу перед собой, он вдруг заметил, что у входа в пещеру остановился какой-то огромный зверь. Ажо насторожился, схватив лук, вскочил на ноги. Зверь, стоявший перед входом, уверенно вошел в пещеру. Это был еще более огромный и волосатый, чем Ажо, безобразного вида человек. Заостренный нарост на его груди выдавался вперед, как топор. Никогда ничего не боявшийся Ажо был в смятении. Он понял, что это Лесной человек. Но ничего не сказал и стоял в недоумении. Лесной человек, так же без спроса, как и вошел, сел перед обжаренной тушей и дал понять, что он проголодался. Жадный Ажо подал ему прожаренную лопатку. А сам, от изумления забыв про голод, уставился на это уродливое чудовище. Лесной человек не ограничился лопаткой, которую ему дал Ажо. Съев всю тушу и оставив Ажо только кости, он, не поблагодарив его, вышел из пещеры.

К досаде Ажо, лишившегося хорошо прожаренного на медленном огне, истекающего соком шашлыка, добавились страх и удивление, и он долго стоял посреди пещеры. Поразмыслив, он пришел к мысли, что в следующий раз Лесной человек может не ограничиться одним шашлыком, и съесть его самого. «Посмотрим, кто из нас глупее», — решил он, и на следующую ночь приготовился к его приходу. Постелив, он положил вместо себя чурбан, а на него, острием вверх, — свой нож, и все это накрыл своей буркой. Сам же затаился у входа в пещеру в зарослях можжевельника с ружьем наготове.

В какой-то момент он услышал, что это злобное существо с шумом и треском продирается через чащу, приближается к пещере. «Ага!» — подумал он и изготовился. Лесной человек, заметив при отблесках еще горящего костра чурбан, накрытый буркой, и приняв его за спящего человека, бросился на него.

Когда нож, торчащий под буркой, по самую ручку воткнулся в Лесного человека, он заорал так, что пещера содрогнулась, и показалась, что скалы сейчас обрушатся. Не дав ему опомниться, Ажо выстрелил ему в затылок. Подумав, что с Лесным человеком покончено, Ажо вышел из своего укрытия. Но очень скоро бедняга Ажо понял, что, несмотря на то, что в его живот вонзился нож, а в затылок попала пуля, Лесной человек не умер. Как только Ажо вышел из зарослей можжевельника, Лесной

человек вскочил на ноги и убежал в лес. Ажо пошел по его кровавым следам, но не нашел. Но много раз слышал его крики. А кричал он так:

— За то, что ты поставил не два ножа, а один, —
Да будешь ты не в силах держать нож в руках,
За то, что ты выстрелил не два раза, а один, —
Да будешь ты не в силах сделать глоток воды,
когда твои раны будут гореть, как у меня...

С тех пор, когда в верховьях Мары слышатся громкие крики, говорят, что это кричит Лесной человек, которого ранил Ажо.

МОЛЕНИЕ ЛЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Человек, человек, ничтожный человек,
Чтобы ты умер, не успев вырасти в человека!

Если уж стреляешь, так стреляй,
Выстрели еще раз!

А если не выстрелишь, стань трупом,
Стань трупом, с которого быстро снимут шкуру!

Если уж стреляешь, стреляй побыстрей,
Пусть две твои пули добьют меня!

А если не добьешь, пусть на тебя обрушится беда,
Пусть твой отец умрет, пусть твоя мать умрет!

Пусть твои дети познают горе,
А жена твоя пусть мочится кровью!

ПРОКЛЯТИЕ ЛЕСНОГО ЧЕЛОВЕКА

Человек, ничтожный человек,
Чтоб ты пропал, не став человеком,

Если ты встал на моем пути,
Если ты поразил меня (пулей).

Чтоб ты не смог живым добраться домой,
Чтоб ты был не в силах держать оружие!

Если уж стреляешь, выстрели еще раз,
Вгони в меня сразу две пули!

А если не вгонишь, — то скули, как я,
Пусть из твоего двора вынесут покойника!

Выстрели, выстрели еще раз,
Выстрели, хорошенько прицелившись!

А если не выстрелишь, пусть ослепнут твои глаза,
Пусть ты умрешь не своей смертью!

Твои собаки, которыми ты травил меня,
Твои сестры, твои дети —

Пусть они будут скулить, как я,
Пусть они умрут раньше меня!

ОХОТНИК И ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Давным-давно, очень давно, в Карачае, выше крепости Чуана, было расположено большое село. Там жил охотник по имени Чук. Однажды он в поисках добычи вошел в глухой лес в окрестностях Буруш Сырт. Через некоторое время он застрелил кийика и, содрав с него шкуру, повесил на дерево. Пока он занимался этим, стемнело. Решив переночевать там, охотник развел огонь. Только-только изжарились шашлыки, как из леса неожиданно-негадано вышел огромный Лесной человек.

— Пусть ночь твоя будет доброй, молодец, — сказал он, подходя.

— Да увидишь и ты добро, будь гостем, — ответил Чук, приподнимаясь.

Лесной человек, взяв без спроса, съел весь шашлык охотника. Закончив с шашлыком, он грубым тоном сказал:

— Почему ты, добрый молодец, без разрешения явился в наши края? Почему ты убил моего кийика?

— Я не знал, что этого нельзя делать, — сдержанно ответил Чук.

— В таком случае, скажи мне три истины. Если не сможешь сказать, я съем тебя так же, как съел твой шашлык. А если сможешь — ты свободен, — сказал Лесной человек и стал ждать ответа.

Смышленный охотник, не долго раздумывая, ответил так:

— Первое: никогда в жизни я не был так испуган, как сегодня...

— Верно, — сказал Лесной человек.

— Второе: я никогда в жизни не видел более безобразного существа, чем ты, — сказал Чук и смело посмотрел ему в лицо.

— Верно и это, — сказал Лесной человек.

— Третье: если я сегодня останусь жив, нога моя больше не вступит в этот лес, — сказал Чук.

— И это верно, — сказал Лесной человек и противно захохотал.

Стараясь не выказать страха, Чук молча подождал, пока Лесной человек не кончил хохотать.

Ты обещал отпустить меня домой, если я скажу три истины. Я могу теперь идти? — спросил Чук.

— Иди, — разрешил Лесной человек. — Прихвати с собой и убитого кийика. Но только помни: никому не рассказывай о том, что видел меня, что разговаривал со мной. Если расскажешь — узнаю. А узнав, найду тебя, куда бы ты ни скрылся. А найдя, проглочу в тот же миг! Не говори потом, что не слышал!

Юноша-охотник, забыв и про тушу кийика, не останавливаясь бежал до дому. День ото дня он становился все печальнее, все угрюмее. Ему хотелось рассказать кому-нибудь о встрече с Лесным человеком, а рассказать он боялся, и это сильно угнетало его. В конце концов он слег. К нему приглашали лекарей, знахарей, поили различными снадобьями. Но

ему ничего не помогало. Тогда пригласили одного знаменитого ясновидца. Осмотрев больного, тот понял, в чем дело.

— У него, — сказал он, — никакой болезни нет. У него за душой какой-то секрет, который он не может высказать. Как только он выскажет это, он будет здоров, как будто заново родится.

Сказав это Чуку и его родственникам, знахарь уехал домой.

— Скажи, что у тебя на душе, — просили родственники Чука.

Чук не соглашался. «Все равно мне умирать, выйду хоть на свежий воздух», — подумал Чук однажды и, еле волоча ноги, вышел во двор. Но не ограничился этим и с трудом, с передышками, пошел на берег реки. Там он все, что скрывал от людей, высказал большому пню. Вся тяжесть, лежащая на его сердце, перешла к пню, и тот раскололся надвое. А охотник с того дня стал здоров, как и прежде.

ЛИХОЙ ЧЕЛОВЕК

Давным-давно один мужчина отправился на охоту. Идя по большому лесу, он чутко прислушивался к каждому шороху, треску и, задумавшись о чем-то, заплутал. Когда он опомнился, уже стемнело. В ту ночь он остался там, на лесной полянке.

Он хотел подкрепиться и пожарил дичины; но только он разложил свою снедь на расстеленной бурке, раздался голос:

— Эй, это кто здесь расположился? — и появился Лесной человек.

Охотник, не растерявшись, не выдавая страха, ответил:

— Подходи, будь гостем! Отведай моей пищи! — С этими словами охотник встал, освобождая место; Лесной человек поздоровался с охотником. Они оба сели и, сказав «бисмилля», принялись за еду. Оба поели.

— Я заночую сегодня с тобой, — сказал Лесной человек.

— Конечно же, оставайся, будешь напарником, — ответил охотник.

— Как тебя зовут? — опять спросил Лесной человек.

— Меня зовут Былтыр («Прошлый год»), — ответил охотник.

Улеглись спать. Охотнику не понравилось все это, и, дождавшись, когда лесной человек захрапел, он тихонько встал со своего места. Положив на свое место высохшую корягу, он накрыл ее буркой, а сам взял в руку топор, спрятался за дерево и стал наблюдать.

В какой-то момент лесной человек проснулся. И сразу же, вскочив, прыгнул на бурку. Прыгнуть-то прыгнул, да что толку — под буркой никого не было. Лесной человек начал крушить все вокруг, недоумеая, как это он так некстати заснул и проморгал готовую пищу. Побежал туда-сюда, но никого не нашел.

Охотник стоял за деревом, выжидая. Когда лесной человек пробежал мимо него, он ударил его топором и ранил. Лесной человек взревел. Тотчас прибежали другие лесные люди.

— Что за крик, кто тебя ранил? — начали они спрашивать.

— Былтыр (Прошлый год)! Былтыр меня ранил! — вопил тот.

— Чтoб ты пропал, разве можно так кричать из-за прошлогодней раны? — сказали лесные люди и разошлись, улыбаясь и бормоча: «Чтoб тебя, дурака, деревом пришибло, вспомнил о прошлогодней ране. Дурак, он и есть дурак».

Раненый лесной человек, уйдя оттуда, зашел в какую-то пещеру. Охотник следил за ним и тоже вошел туда. Смотрит и видит: какая-то молоденькая женщина качает колыбель. А лесного человека нет.

— Где лесной человек, куда он делся? — спросил охотник. Женщина отказалась отвечать: «Не скажу, а то он меня прикончит». Тогда охотник начал обшаривать пещеру и обнаружил лежащего Лесного человека.

Лесной человек, заметив охотника, закричал этой женщине:

— Вот, вижу, вижу человека, ранившего меня!

— Никого нету, это тебе мерещится, — отвечала женщина.

Когда охотник, взяв в руку топор, встал над ним, Лесной человек понял, что ему не спастись. Он сказал охотнику:

— Так ты меня не сможешь убить. Не мучай ни себя, ни меня. В таком-то таком-то месте хранится большой черный сундук, найди и открой его; в сундуке лежит ларец, в этом ларце три вороны. Как только ты убьешь их, я умру. По-другому ты меня не убьешь, сколько бы ты меня ни резал, я все равно не умру, только буду мучаться.

Охотник послушался его и отправился в путь. С большими трудностями, не зная отдыха ни днем, ни ночью, он добрался до этого места. Открыв сундук, он достал ларец, но открывать не стал. Он развел большой костер и бросил ларец в огонь. Ларец был железный. Он раскалился докрасна. Подождав некоторое время, охотник откинул его крышку, издав далеко потянувшись палкой. Смотрит и видит, что все три вороны сгорели, превратились в пепел.

Вернувшись в пещеру, охотник обнаружил, что Лесной человек мертв. Эта женщина подбежала к нему.

— Как только ты смог его убить?! Он все был в радостном ожидании: «Как только он откроет ларец, вороны превратятся в охотничьих собак и растерзают его. И я тотчас же поправлюсь!» — сказала она.

— Он говорил правду. Трудно представить, сколько людей было растерзано, желая убить его так, как он говорил, — сказал он. — А теперь уйдем, пойдем к твоим родителям.

Женщина еще не успела ответить ему, когда, с треском разломав колыбель, ребенок лесного человека набросился на охотника. Охотник убил и его и тем самым сделал эту женщину свободной. Приведя, отдал ее в руки радостным родителям. Сам же отправился домой и зажил спокойно.

Решив, что люди более могущественны, чем они, лесные люди переселились куда-то в неведомые дали. И для людей настала спокойная жизнь.

ТЮКО И МЕДВЕДИ

Некий человек по имени Тюко убил девяносто девять медведей. В ночь, когда он убил последнюю медведицу и осиротил ее четверых медвежат, ему приснился сон, будто эти медвежата плачут. Их подобрал Лесной человек и откормил, вырастил; медвежата превратились в больших красивых медведей. Лесной человек обучил их и человеческому языку.

Однажды он им сказал: «Дети мои, теперь уходите. Где бы вы ни бродили, не показывайтесь на глаза человеку. Держитесь подальше от людей. И не старайтесь им отомстить, Аpsаты сам их проклянет».

Тюко проснулся в испуге и обнаружил, что все четыре медвежонка плачут у его двери. Быстро одевшись, он взял медвежат, отнес их к берлогу и стал жить там, ухаживая за ними. Как он и видел во сне, к году медвежата стали понимать Тюко, выполняли его указания.

Была осень. Однажды вечером трое медвежат прибежали в большом смятении и рассказали, что их брата схватили и унесли трое людей. Оставив их в берлоге, Тюко взял свой аркан, нож и отправился за охотниками. Охотники по очереди несли медвежонка, поэтому не могли передвигаться быстро. Километрах в двух от села Тюко нагнал их. «Как вам не стыдно, вы же знаете, что я их кормлю целый год», — сказал он.

Эти трое возмутились: «Сам ты убил девяносто девять (медведей), а для нас тебе и одного жалко?!» — и набросились на Тюко.

— Я хотел поговорить с вами по-человечески. Но раз вы не хотите, то получайте! — сказал Тюко и, страшно избив всех троих, освободил медвежонка.

В это время к присевшему Тюко подошел Лесной человек и со словами: «Ты хорошо сделал, Тюко! Я наблюдал за вами. Аpsаты тоже доволен тобой. А этих не убивай, не становись убийцей. Твоя кровь постепенно очищается», — обнял его.

— Иди, обрадуй своих братишек, — сказал Тюко медвежонку и выпустил его в лес. А сам, связав этих троих мужчин, спустился с ними в село. Собрав людей, он сказал: «Люди! Мы сами портим этот мир. Давайте не будем этого делать! Давайте будем слушаться Аpsаты, чтобы горы стали свободны от плача! Вы меня знаете. Я опомнился и покаяться, покайтесь и вы. А эти — они не люди; возможно, я слишком сурово обошелся с ними. Но ничего, поправятся. В другой раз в лес не сунутся».

После этого Тюко вернулся в лес и зажил с медведями. Когда Тюко постарел и ему пришлось покинуть этот мир, медведи, собравшись, рыдали, как люди. Похоронили Тюко там же.

«Если Аpsаты захочет, чтобы наш род не прерывался, Тюко воскреснет и вернется к нам. Без него нам не будет жизни в этом мире», — с этой верой медведи живут и поныне.

18. АЛМОСТУ

КАК ПОЯВИЛИСЬ АЛМОСТУ

Алмосту были в древности. Сегодня их почти не осталось. От своего отца Кочхара я слышал такое: «Они из той части, что появилась от смешения нарттов и эмегенов».

Среди нарттов был один гигант по имени Алауган. Если он брал себе жену из обычных женщин, она с ним жить не могла. По рассказам, он (в конце концов) женился на эмегенше (великанше). Она, став женой Алаугана, живя с ним, каждые два месяца рожала детей, двух-четырех сразу. Но всех рожденных ею детей она съедала.

И вот однажды, обманув жену-эмегеншу Алаугана, ее заставили рожать над отверстием очага. Когда она, родив троих детей, уронила их в очаг, одна из нартских женщин, схватив детей, пустилась бежать. Она

уносила их в сторону Минги Тау (гора Эльбрус), но по дороге устала, оставила двоих детей на земле, а одного положила на снежную гряду на Эльбрусе и ушла.

Двух же других детей, которых она из-за тяжести бросила в пути, унесла волчица в какую-то волчью стаю и там выкормила их своим молоком. Вот так и получилось, что от детей, вскормленных волками, произошли алмосту. По этой причине они стали длинноволосыми, волосатыми, могучими. Разговаривать они не могли, но человеческую речь разумели. Они не особо страдали ни от жары, ни от холода, не различали сырого и вареного. Жили они на пастушеских станах, в темных пещерах, в грязных и темных местах, питаясь остатками человеческой пищи, объедками.

Наши предки в прежние времена, из уважения к нартам, брали еду из котла сверху и выделяли долю. Эту долю относили и ставили под порогом или где-нибудь в хлеву, в углу или в щели забора. Алмосту приходил и съедал ее. Если еда ему нравилась, он произносил такое благопожелание:

Пусть твой очаг упрочится,
как звезда Темир-Казак («Железный Кол», Полярная),
Пусть твой Тейри пошлет тебе множество лучших
(животных) из стад Апсаты!

А проклиная, он говорил:

Пусть на твоём дворе не будет ни сенной трухи, ни пищи,
Пусть на твоей могиле будет только глина без камня!

И благопожелания, и проклятья алмосту сбывались непременно.

В тех местах, где есть алмосту, бесы не являются. По той причине, что бесов могут узреть только алмосту, и еще их видит волк. Алмосту, зная, что бесы стремятся навредить человеку, прогоняют их. А волк, когда бесовка рождает, уносит ее детеныша и съедает его где-нибудь.

ЖЕНА АЛМОСТУ

Говорили, что алмосту, как и люди, живут супружескими парами. Некоторые самки алмосту очень красивые, а некоторые — очень уродливы. В Верхнем Баксане одну красивую девушку алмосту сделал своей женой и каждую ночь ходил к ней. Родители ее знали об этом, но не в силах были что-либо сделать, боялись рассказать кому-нибудь. Это было огромное, сильное существо, эта дрянь. Говорят, когда приходил алмосту, эта девушка начинала плакать. Рассказывали еще, что когда балкарцев переселили в Казахстан, через два-три года алмосту появился там и каким-то образом разыскал эту девушку. Чем это все закончилось, не знаю.

АЛМАСТЫ

Когда я был пастухом, мы жили вместе с братом в одном стане. Алмосту не давал мне житья, приходил ночами, наводя оцепенение и сон.

Не осталось ни одного муллы, у которого моя мать не взяла бы по талисману, но я в них не верил, говорил: «Что алмасты до того, что он (мулла) написал какую-то бумагу?» Муллы же сразу узнавали об этом: «Он в талисманы не верит, потому они и не действуют». А это у меня никак не проходило, это состояние оцепенения. Тогда мать взяла у кого-то один талисман, и оцепенение прекратилось, прошло.

Алмасты я видел и сам, когда ночью ехал на коне в селение Жазлык к родственникам. Алмасты стоял у нижней дороги, внизу, был весь бурый. Волосы у него были, как у женщины, лица видно не было, весь он был покрыт волосом. Лицо было (большим), как корзина. Конь мой испугался, захрапел, еле-еле я удержался на нем и спасся. Алмасты все глядел, не двигаясь. Отец рассказывал, что однажды алмасты вскочил на круп его лошади и не слез до самого дома.

Алмасты живут и супружескими парами. Если они подружатся с каким-либо человеком, то никому, кроме него, добра не делают.

МЕСТЬ АЛМОСТУ

Однажды один балкарец отправился в лес. Когда он возвращался оттуда, на спину ему запрыгнул алмосту. Не желая слезть с него, он доехал до его дома. Тогда этот человек вырвал у алмосту один волосок. Этот волос он спрятал за голенище чупака. А если человек спрячет волос алмосту, тот ни за что не может его покинуть и начинает исполнять все распоряжения того человека. Зная об этом, человек, когда алмосту вышел из дома, спрятал вырванный им волос под очажным камнем. Это видела его маленькая дочь.

Долгое время алмосту исполнял все поручения этого человека. Но однажды он и жена куда-то ушли, и алмосту остался с детьми. Расспросив детей, он нашел свой волос под очажным камнем. Как только волос оказался у него в руках, алмосту, как рассказывают, побросал детей в котел с кипящей водой и ушел в лес.

АЛМОСТУ И ЛОШАДИ

Любимое занятие алмосту – кататься ночью на лошадях. Они проникают в конюшню, выводят лошадь, катаются, пока лошадь не выбьется из сил, и возвращают на место. А гриву заплетают в мелкие косички, и так туго, что их с трудом можно расплести, рассказывали старики.

Как-то раз, проходя мимо колхозной конюшни, я заметил, что там столпились пять-шесть человек. Заинтересовавшись, я подошел поближе и увидел, что они рассматривают лошадь. А та, бедная, сотрясалась от дрожи и была вся в мыле. Помню, говорили, что на ней всю ночь катался алмосту, и поэтому она в таком состоянии.

В роду Урусбиевых был один невероятно смелый, обладающий огромной силой человек. Столкнувшись однажды в лесу с алмосту, он, не зная почему, убил его, несмотря на просьбы не убивать. Перед смертью алмосту проклял их род: «Один год идите вперед, второй год – назад!»

Вот с тех пор один год у Урусбиевых все шло хорошо, они богатели, а на второй год они это богатство теряли. Проклятье алмосту всегда сбывается.

* * *

Вообще же они (карачаевцы. — М. Дж.), как и все народности, живущие в горах, очень суеверны, и рассказывают множество историй о демо-нах и коболядах, живущих в горах, о чем, например, свидетельствует сле-дующая история.

В одном лесу жил злой дух в образе женщины с очень длинными волосами, которого они называют на своем языке «салмасти». Один из жителей деревни поймал его примерно двадцать пять лет назад, взял его с собой домой и выдернул у него волосок, который он бережно спрятал, благодаря чему кобольд стал ему подвластен.

Однажды его господин приказал ему сварить бузу. Кобольд поста-вил котел на огонь и сварил просо. Когда напиток был готов, живущие в доме вышли, а в доме остались только двое маленьких детей. Дети попро-сили коболяда дать им что-либо поесть, и он обещал им это сделать, если дети скажут, где спрятан его волосок. Когда дети показали ему место, где был спрятан его волос, кобольд взял его себе и тем самым освободился от подчинения своему господину. После этого он бросил детей в котел с кипящим напитком и снова убежал в лес, где он и находится сейчас.

Г.-Ю. Клапрот, 1808

Алмасты это черный бес, с длинными волосами, он нагоняет на че-ловека ужас. Алмасты живет в сарае или на старой мельнице.

В. Прёле, 1909

19. ДУХИ, БЕСЫ

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ АЗМЫЧА

Говорят, и благопожелания, и проклятья Азмыча всегда сбываются. Об этом не раз приходилось слышать и одному пастуху из рода Уздено-вых. Этот Азмыч имел облик голого белокурого ребенка. И вот однажды пастух, пася своих овец, заметив на берегу реки такого ребенка, то ли силой, то ли попросив, привел его в свое село. Там он устроил у себя дома роскошный пир и пригласил на него всех уважаемых и пользующихся почетом людей, старейшин. Тут все обступили и пристали к этому Азмы-чу с просьбой сказать благопожелание. И Азмыч тогда выразил им три пожелания:

— Пусть род ваш размножится! Пусть вы не испытаете нужды! Пусть в вашем дворе всегда будет покойник!

Те люди удивились и спросили:

— То, что ты сказал в конце — это же проклятье, за что ты нас проклял?

— Нет, это не проклятье, — ответил Азмыч. — Если у вас будет много людей, будет много и покойников.

С этими словами он исчез.

АЗМЫЧ И БАЙЧА

«Азмыча никто никогда не видел, и каков он на вид, неизвестно», — говорили одни. «Нет, он похож на белокурую маленькую девочку», — говорили другие. Полагали, что он живет в безлюдных местах, среди скал, возле рек, в пещерах. Если он окликал путника, а тот отзывался, он уводил его и сбрасывал со скалы. При оклике его голос напоминал голос кого-либо из знакомых или родных того путника, этим он обманывал его. Вот поэтому отвечать на оклик Азмыча нельзя.

Байча тоже существо наподобие Азмыча. Оно старается вредить одиноким путникам. Окликает человека голосом кого-нибудь из его знакомых. Если Байча окликает грубо, знай — случится беда, если же окликает негромко, спокойно — это к добру, к радости. Услышав голос Байчи, надо сразу же позвать его в гости или же сказать: «Байча, Байча, медом благословись!» Услышав эти слова, Байча добреет и благословляет этого человека. А пожелания его всегда сбываются.

ПОМОЩЬ БАЙЧИ

Байча, если захочет, помогает людям. Помню, в молодости, пася овец, я прикорнул. Я был один на летнем пастбище. Вдруг какой-то голос совершенно отчетливо сказал мне: «Вставай быстро, овцы разбрелись». Проснулся, смотрю: уже темнеет, и овцы разбрелись по всей долине. Так, благодаря Байче, я, хоть и с трудом, смог собрать овец и вернуться в кошару. Еще чуть-чуть, и я не смог бы ничего сделать, стемнело бы.

Я слышал, что именем Байча называют духа земли, не знаю, правда ли это.

БАСТЫРЫК

У человека бывает состояние, называемое «бастырыклану» (*бастыр* «давить»). В этом состоянии человек не может двинуть ни рукой ни ногой, не может разговаривать. Такое случается и во сне, когда снится плохой сон: тебе страшно — а ты не можешь шевельнуться, тело сковано. Через некоторое время это проходит само собой. Говорили, что в это состояние человека повергает Бастырык, не знаю, дух ли это, бес ли...

Расскажу, что со мной случилось. В то время в Казахстане я охранял ночью совхозную конюшню. Поужинав, я присел в сторонке. Горел свет, лошади жевали сено, все было тихо. Вдруг через окно в конюшню вспрыгнула кошка. Думаю, пришла на мышей охотиться. А она, никуда не сворачивая, идет прямо на меня. И я тотчас же оцепенел, тело сковало, языком не пошевелить. Очнувшись через некоторое время, я осмотрелся. Лошади мирно жевали сено, никакой кошки не было.

БАСТЫРЫК И КАРА-КУРА

Бастырык для человека невидим, он сковывает тело человека, вводит его в оцепенение. Он может принимать любой облик — змеи, лягушки, других нечистых животных. Он сильно мучит детей. Если ребенок часто

впадал в оцепенение, в изголовье колыбели ставили хлеб. Бастырык съедал хлеб и больше не тревожил этого ребенка.

Есть еще какое-то существо Кара-Кура, из бесов. Если человек пугается, увидев во сне что-то страшное, говорят, что это сделал Кара-Кура. Его именем пугают детей.

БЕСЫ И СЮЙЮНДЮК

Некто по имени Сюйюндюк, сын Донду, заметив бесов, пляшущих на кладбище вокруг костра и вспомнив советы стариков, снял штаны и надел их на голову. Бесы завопили:

Ой, Сюйюндюк, сын Донду,
Ой, мы умылись, приоделись,
Нижнее сделавший верхним,
Верхнее сделавший нижним,
Сюйюндюк, сын Донду,
Мы разбежались по пещерам,
Дожили до недоброго дня! —

и разбежались, умчались прочь.

ОХОТНИК ЗАУРБЕК И БЕСЫ

Прежнее название Кёнделена было Тогалан. Тогалан был окружен такими густыми лесами — змее не проползти. Вот в эти времена в Кёнделен из Чегема переселилась одна охотничья семья. Охотников было четыре брата: Калмук, Байрамук, Баппу, Заурбек.

Младший из братьев Заурбек однажды отправился на охоту один. Углубившись в теснину Тызыл, он убил кийика и заночевал в глубокой пещере. Среди ночи его разбудил какой-то странный шум. Это напоминало шум спорящих людей, и он, ничего не разобрав, попытался опять заснуть. Но спор все разгорался, ему показалось даже, что его окружают. Поняв, что это бесы, Заурбек подумал: «Клянусь Тейри, я не дам им себя обмануть!» — и развел в пещере большой костер. Вырезав лопатку убитого кийика, Заурбек срезал с нее мясо полосами и стал жарить шашлык. Но — о чудо! — как только он поставил шашлык на огонь, кийик, ожив, вскочил и убежал прочь. Бесы затихли, как будто наблюдали за Заурбеком. «Что за чудеса, сколько лет я хожу на охоту, ни разу не видел такого дива!» — подумал Заурбек, немного струхнув.

— А что тут удивительного? — начали поддразнивать Заурбека бесы. — Вот то, что видел Калмук — это действительно удивительно!

Братья всегда рассказывали друг другу о том, что видели на охоте. Но сколько ни старался Заурбек, он не смог припомнить, чтобы Калмук рассказывал о каких-нибудь чудесах. Прервав охоту, Заурбек вернулся домой. Скрыв то, что с ним случилось в пещере, он начал допытывать Калмука: «Расскажи, какое чудо ты видел на охоте».

— Никаких чудес на охоте я не видел, — отвечал Калмук.

— Нет, видел! Если не расскажешь сам, я все сам узнаю у бесов, — сказал Заурбек, обеспокоив Калмука.

— Если я расскажу, ты обещаешь все это забыть? — спросил Калмук. —

Я дал слово никому не рассказывать о виденном, поэтому расскажу только тому, кто сразу все забудет.

— Забуду! — обещал Заурбек.

— Тогда слушай. В пещере, в которой ты ночевал, ночевал и я. Как и ты, я развел большой костер. Срезав мясо с лопаточной кости убитого кийика, я приготовил шашлыки, наелся и лег спать. В какой-то момент ночи меня разбудили приветливые голоса.

— Пойдем, пойдем, гостем будешь, у нас сегодня пирушка, — говорил один бес.

— Нет, не могу, у меня сегодня гость, я не могу его оставить, — отвечал второй.

Первый бес настаивал, мол, возьми с собой гостя и приходи. Изумленный, я озираясь по сторонам. Голоса бесов я слышу, а самих их не вижу.

— Пойдем, нас приглашают на пирушку, — сказал бес, который говорил, что у него гость. Смотрю по сторонам, никого не вижу.

— Кто это говорит? Я никого не вижу в темноте, — говорю.

— Пошли, пошли, — торопит бес. — Иди вслед за моим голосом. Вокруг не смотри, с кем бы ни встретился, не разговаривай.

Пошли. Вижу, пещера полна бесов. Мы сели на какой-то овальный камень. Посреди пещеры горит большой костер.

В это время пригнали трех кийиков. Всех их зарезали и, разделав, поставили вариться. Сварили. Смотрю, чуть поодаль расставлены длинные белые камни, вместо столов. Сварившееся мясо расставили на них. Собравшиеся жадно начали есть. Обглодав кости, складывали их в кучу в углу. Из напитков была буза, пиво. Предлагают и мне. Хочешь — мясо, хочешь — бузу. Но я ни к чему не притрагиваюсь.

Спрашивают беса, который меня привел:

— Почему твой гость не ест, не пьет? Он что, брезгует нами?

— Мой гость не набрасывается на еду, он ждет, пока ему окажут почести, — отвечает тот.

— Как только взойдет солнце, мы подгоним к нему жирных кийиков, — говорят.

Длиннохвостый, длиннобородый бес протягивает мне чашу с бузой. Я не беру.

— Чем мы не угодили этому сыну человека? — спрашивают бесы, уставясь на моего «хозяина» и уже начиная волноваться.

Тот опять повторяет:

— Он ждет, пока ему окажут почести,

Мы же сказали, что, как только солнце осветит солончаки, подгоним к нему жирных отборных кийиков.

По велению главного беса тот же длиннохвостый длиннобородый бес взял в одну руку чашу, в другую лопатку кийика и поставил передо мной. Я и на этот раз не притронулся ни к чему. Когда они обещали мне, что на рассвете они подгонят мне тех самых трех кийиков, я съел лопатку и выпил бузы. Только я успел доест и положить кость на стол, как собрали все обглоданные кости, завернули их в шкуру кийика и все тот же длинноногий бес хлестнул плетью набитую костями шкуру. Кийик тотчас же вскочил и убежал прочь. Точно так же собрали кости второго

кийика, завернули в шкуру и, встав над ней, все в один голос начали молить:

Шею твою резали – не перерезали,
Мясо твое ели – не съели,
Мясо – наше, кости – твои,
Вскочи и убеги, вскочи и убеги! –

а затем начали бегать вокруг шкуры. Плеть длинноногого длиннобородого беса переходила от одного к другому и каждый по очереди бил ею по шкуре. «Я не я, если не узнаю ваш секрет», – решил я и, воспользовавшись тем, что бесы были заняты своим колдованием, спрятал лопаточную кость за пазухой. Собрали кости третьего кийика, побросали на шкуру. Смотрят, лопаточной кости не хватает. Начали искать, все в пещере перевернули вверх дном. Куда там. Тогда вместо кости положили деревяшку, зашили шкуру, начали читать свои заговоры:

Шею твою резали – не перерезали,
Мясо твое ели – не съели,
А если съели, то не мясо – кость,
Не кость – деревяшку.
Вскочи и убеги, вскочи и убеги! –

Шкура с костями дергается, ноги скребут пол пещеры, но кийик не может встать на ноги. Бесы всполошились, начали опять читать заговор, на этот раз по-другому:

То, что мы зарезали, не кийик – дерево,
То, что мы ели, не мясо – кость!
Кость твоя не кость – деревяшка,
Вскочи и убеги, вскочи и убеги!

На сей раз кийик вскочил на ноги и скрылся в лесу. Как только оживший кийик убежал в лес, меня сморило, и я заснул. Утром, как только солнце начало освещать солонцы, я вышел из пещеры и увидел прямо перед собой трех кийиков. Я разделал их и посмотрел: у одного из них была деревянная лопатка! Вот что за чудо я видел.

ПОРЧА

Бесы – существа, старающиеся причинить вред человеку, и особенно им нравится сбивать его с правильного пути, побуждать к нехорошим поступкам. Если у них не получается, стараются высмеять человека, обмануть его. Я сам много раз слышал о таких вещах. (Скажем), идет человек ночью по пустынной местности, никаких домов, сел поблизости нет, вдруг замечает огни, подходит туда – а там сидят его родственники, знакомые, пируют; в котлах варится мясо. Он присоединяется к ним, пирует, ест-пьет, не знает уже, что делает. Проснувшись, озирается – вокруг ни души, а то, что он ел – навозные лепешки. Бесы обманывают путника, приняв облик его знакомых. Если повезет, он заметит их кривые ноги. В таком случае ему следует подойти к котлу и, набрав черпаком кипятку,

облить их: тогда они с визгом рассеиваются. А еще лучше, если он произнесет: «Бисмиллахий». У бесов пальцы на ногах смотрят назад, а пятки — вперед. Сами по себе бесы существа слабосильные, они только на хитрости горазды. Холод совершенно не переносят. Чтобы не произносить их имени, их называют «окоченевшие» или «кривоногие».

* * *

Говорили, что белые джинны предпочитают чистые места, а черные — грязные.

* * *

Когда предполагали, что человек пострадал от нечистой силы, брали камыш высотой в рост этого человека, читали заклинание, заворачивали этот камыш в какую-нибудь старую одежду этого человека и зарывали за домом. Верили, что после этого порча теряет свою силу.

* * *

Если в лесу, в горах или другом каком месте человек вдруг слышит возглас: «Эй, эй!», — он должен сразу же отозваться: «Хойт, хойт!» Считали, что в таком месте рождает бесовка. Если человек, услышав такой возглас, проходил, ничего не сказав, бесы проклинали его:

Пусть первый ребенок, родившийся у тебя, будет умалишенным,
А остальные — мертвыми!

* * *

Если на землю вылить кипяток, он обжигает джинна, и тот в отместку насылает порчу на ребенка.

КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ ПОРЧИ

Когда женщина рожала, чтобы не допустить бесов (в комнату), на порог острием наружу ставили шило. Купая ребенка, в тазик бросали что-нибудь железное. Как только ребенок родился, раскаляли на огне клещи, ножницы или нож и проводили ими по всем углам и щелям в комнате, чтобы изгнать бесов. Старую подкову прибивали над дверью или закапывали под порогом, чтобы защитить дом от болезней, от порчи. Верили также, что она притягивает к себе зло недоброжелателей.

Если человек где-нибудь падал и ушибся, на этом месте чем-нибудь железным чертили круг со свастикой внутри. Делали это потому, что считали, что в этом месте собрались бесы, которые и свалили человека, а после того, как начертили свастику, они (бесы) больше не смогут никому навредить. Если человек благополучно избегал какой-нибудь беды или живой-здоровый возвращался из дальних мест, железным предметом или угольком на стене чертили свастику, чтобы счастье его не покидало, что он счастливо отделался.

* * *

Когда болел ребенок, желая предохранить его от злых чар бесов, джиннов, и для того, чтобы ребенок излечился, его относили на кладбище, ставили на землю и делали семь шагов по направлению к дому. Потом возвращались и, забрав ребенка, отдавали его матери, которая все это время ждала за пределами кладбища.

СИЛА ЖЕЛЕЗА

Если человек падал или терял сознание, вокруг него железным предметом чертили окружность. В середине ее вбивали железный гвоздь. Потом разбивали об него куриное яйцо и говорили:

Пусть твой Тейри тебя больше не свалит,
Пусть твои болезни-недуги разобьются, как это яйцо,
Пусть улетучатся твои бесы и враги.

* * *

Если в порог вбить железный гвоздь без головки, то он, как магнит, будет притягивать к себе зло (букв. — яд, отраву) входящих в дом людей.

* * *

Когда умирал человек, детям давали прикусить что-нибудь железное, чтобы предохранить их от порчи.

* * *

Говорили, что молния поражает места скопления бесов. Во время грозы нельзя сидеть на пороге, там бывает много бесов. Молния (часто) попадает и в собаку, так как ее рот является мечом (?).

ЁРЮЗМЕК И БЕСЫ

Ёрюзмек был из узденей, говорят,
Он много трудностей испытал, говорят.

На нем волчья шуба нараспашку, говорят,
Его усы подобны курпею, говорят.

Храбрый Ёрюзмек на своем *Колане*
(«Пестрый» — кличка лошади. — Х. Дж.), говорят,
По большой степи ехал, говорят,
В этой большой степи он заметил отсветы костра, говорят.

— Я не знаю, чтобы здесь жили люди,
Подъеду-ка я к ним, — говорит, —
Узнаю, кто они такие,
Посмотрю, что они там делают.

До этих огней доскакал Ёрюзмек, говорят,
– Чтоб вам пропасть, это же «кривоногие», – говорит, –
Я на пир бесов попал, – говорит.

– Да будут удачными ваши дни, негодные!
– Спасибо, добро пожаловать, Ёрюзмек!

Если то, что на тебе накинута, не скинешь с себя,
То нас здесь не найдешь, – говорят.

– Чтоб вам пропасть, негодные, что вам моя волчья шуба сделала?
Снял с себя шубу, присоединился к танцующим, говорят.

Скажут: «Направо», – он идет (танцуя) направо, говорят,
Скажут: «Налево», – он идет (танцуя) налево, говорят.

Ёрюзмек на бесовском празднике веселится, говорят,
Их гармонистка ему приглянулась, говорят.

– Кого ты выбрал – та твоя, – сказали, –
Забирай ее с собой, – сказали.

– Не спросясь у Сатанай, я ничего не делаю, – говорит, –
Съезжу и спрошу у нее позволения, – говорит.

– До рассвета тебя подождем, – сказали, –
Не вернешься к этому сроку – нас не найдешь, – сказали.

Ёрюзмек к вещи Сатанай отправился, говорят.

ЁРЮЗМЕК И ДЖИННЫ

Ёрюзмек был из узденей,
Он много трудностей испытал.

Ёрюзмек отправился в путь,
(Перед отъездом) заздравную чашу поднял.

Сел на своего коня,
Что ему надо сделать, он знал.

Он долго скакал
И доскакал до высоких гор.

С высоких гор посмотрев,
Он в долине приметил огни.

– И поехать нельзя,
И не поехать нельзя, что же делать?

На правой лопатке у меня кач (знак, крест) есть,
Я дал клятву не избегать опасных мест
Из-за боязни.

Он помчался,
До этих костров доскакал.

СОСУРУК И БЕСЫ

Нарт Сосурук в путь отправился,
По большому лесу он ехал.

В большом лесу уперся в тупик,
Не знал, куда и как ехать дальше.

В этом лесу он заприметил огни.
«Ничего не бояться
Я поклялся именем Тейри.
Это бесовские огни,
Поеду туда – голодным останусь,
Не поеду – клятву нарушу.
Нет, испугавшись этих негодных, я не нарушу клятву».

Домчался он до этих огней,
Присмотревшись, его узнали:

«Рожденный из камня Сосурук,
По этим дорогам люди не ходят,
В этих местах люди не живут,
Откуда он взялся? – говорят. –

Мы его ненавидим,
На нем волчья шуба нараспашку».

– Оставил бы ты ее (шубу),
Ты видишь этих двух красавиц,
Которую выберешь, ту отдаем тебе.

Сосурук долго смотрел,
Наблюдал их веселье.

Затем он привязал своего коня,
Сбросил с себя волчью шубу.

Сосурук присоединился к танцующим,
Вышел в середину.

– Эй, пусть дела ваши будут скверны, негодные! –
Сказал им Сосурук, –

Разве так танцуют, ничтожества?
Смотрите сюда! – и он начал (танцевать).

Скажут: «Направо», — он шел (танцуя) направо,
Скажут: «Налево», — он шел (танцуя) налево,
А они (бесы) удивленно смотрели.

Половина ночи прошла,
Главный из них, старый бес,
Обратился к пирующим:

— Уже недолго до рассвета,
Мы отправимся своей дорогой,
А красавицу отдаем тебе.
Ты останешься с нею,
И плохо о нас не суди.

Отправились они,
Двое всадников, трое всадников...
Когда рассвело,
Я лежал один,
Обняв корягу.

Эй, негодные, собакой рожденные,
Как я дал себя обмануть
Таким ничтожествам, как вы!

НАРТЫ И БЕСЫ

Однажды нарты Ёрюзмек, Сосурук, Алауган, Ногайчик каким-то образом попали в плен к эмегенам. Их бросили в глубокую яму, чтобы они не смогли сбежать. Без еды, без питья нарты просидели в яме три дня и три ночи.

Ногайчик предложил:

— Они (эмегены) очень любят слушать игру на гармошке, дудке, звуки хлопков при танце. Давайте предложим им устроить красивый праздник с песнями, плясками. А там уже будем думать, что делать дальше.

Эмегены согласились посмотреть на нартский праздник и вытащили их из ямы. Алауган из стебля борщевика быстро смастерил себе дудку. Сосурук, взяв два камешка, бил ими в такт; Ёрюзмек, используя вместо струн волоски из хвостов черных жеребцов, сделал себе скрипку и играл на ней. Эмегенам так понравилось, как танцует Ногайчик, что они сами начали в такт хлопать в ладоши. Тогда старший эмеген приказал: «Дайте им покушать». Через некоторое время, когда стемнело, к веселью присоединились бесы, которые очень красиво танцевали. А звук от хлопанья эмегенов в ладоши напоминал раскаты грома.

Ёрюзмек, оставив свою скрипку, присоединился к танцующим и выбрал одну красавицу-бесовку. Танцуя с ней, он рассказал, что с ними случилось, попросил помощи. Это была очень красивая и умная бесовка, она обещала помочь им.

«Только вы не останавливайтесь до рассвета», — сказала она. Перед рассветом бесы приняли облики Ёрюзмек, Сосурука, Алаугана, Ногайчика и продолжали (вместо них) веселиться. А нарты тем временем добежали до речки и уплыли по ней.

Нарты благодарили Ногайчика, подняли в воздух, посадив на турьи рога. Но договорились женщинам не говорить о том, что попали в плен, чтобы те не надсмехались над ними.

ВОЙНЫ ДЖИННОВ

Белые джинны и черные джинны беспрестанно воюют между собой. Белые джинны на стороне людей, стараются им помогать, а у черных джиннов только одно в голове: как бы навредить людям, какие напасти наслать на них. Короче говоря, они непримиримые враги.

Однажды мы косили в верховьях Быллыма. Чуть поодаль был скалистый овраг. Был ясный, солнечный день. Мы тихо-мирно работали, как вдруг из этого оврага начали доноситься звуки сражения. Мы перестали косить, думаем, что стряслось. А там не стихают звуки выстрелов, крики. Сколько ни смотрим, никого не видим. Все вокруг, как и было: ясно, тихо. Тогда наш старший говорит: «Слышите? В овраге идет война между белыми и черными джиннами». Наверное, так и было, а то мы никого не видели. Потом мы ходили туда, рассматривали овраг, но ничего не нашли. А звуки выстрелов, крики отчетливо слышали мы все.

Еще я слышал, что если метнуть нож в маленький вихрь, на этом месте остаются капельки крови.

ЯЗЫК ДЖИННОВ

Разновидностей джиннов много, как и людских племен. Мусульманские джинны дружат с людьми, они иногда являются людям, сообщают им разное, что-то из этого правда, что-то нет. Сами они маленькие, но могут и увеличиваться в размерах. А речь их напоминает писк птенцов, только-только высунувших голову из яйца: «Чик-чик-чик», — не громче этого.

В молодости я мечтал выучиться и стать муллой. Про одну нашу родственницу говорили, что она ведунья, что ей помогают джинны. Я отправился к ней, чтобы узнать, будет ли толк от моей учебы, справлюсь ли я.

Когда я, войдя в дом, поздоровался, из-за стоящей возле стенки большой лари с кукурузой раздался какой-то громкий шум. Эта женщина засмеялась и говорит: «Это джинны отвечают на твое приветствие». В этот раз я был у нее недолго, но потом еще несколько раз приходил. В конце концов родственница сказала, что джинны сообщили ей, что мне не стоит тратить силы на учебу.

Тогда мне запала в голову мысль подружиться с джиннами. Я спросил об этом у той женщины. Она мне ответила: «Это не так трудно, очень скоро ты начнешь разбирать их язык». Голоса, раздававшиеся из-за лари, в точности напоминали писк цыплят. Кто знает, чем бы это закончилось, но однажды я, войдя в комнату, забыл поздороваться, и джинны обиделись и больше не разговаривали, когда я был в комнате.

ЗЕРНЫШКО МАММАШЕВЫХ

Маммашевы считались весьма зажиточным, быстро разбогатевшим родом. Фамилии, жаждавшие достатка, стремились взять у них что-нибудь, считая, что это помогает разбогатеть.

Как говорят в народе, предка Маммашевых благословил бес: «За то, что спас мое дитя от волка, и ты, и твои потомки живите богато, ни у кого ничего не прося».

Но почему-то впоследствии их достояние им не оказалось впрок.

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Тот, кто весной, в первую среду нового месяца, увидит на своем дворе первую ласточку, должен трижды повернуться на правой пятке слева направо. В ямке, образовавшейся под пяткой, окажется уголек. Этим угольком рано утром он должен начертить два круга вокруг глаз коровы, отпугивающейся в стадо. Вечером, когда стадо возвращается домой, этот человек, выйдя навстречу, заметит, что корова с кругами вокруг глаз, начерченными угольком, идет впереди стада. Между ее рогами будет сидеть кривоногий бес в шапке-невидимке. Человек, который схватит эту шапку и убежит, а затем сумеет удержать ее у себя до того мига, когда солнце осветит вершины гор, будет владеть ею вовеки и сможет, надев ее, никому не видимый, бродить, как говорят, где ему вздумается.

РОЖДЕНИЕ ДАУРБИЯ

Княжна Азиза была необычайно красивая женщина. В нее влюбился один джинн. Но он не знал, как достичь своей цели (овладеть ею). В конце концов, приняв облик голубя, он прилетел и сел ей на грудь. Голубь смотрел на нее, она на голубя, и (через некоторое время) она заснула. Как только княжна заснула, джинн достиг своей цели.

Джинн, опять приняв образ голубя, улетел; через некоторое время проснулась и княжна. Пробуждение ее было не таким, как обычно, она чувствовала себя разбитой. В конце концов она поняла, что беременна. «Что за чудеса, откуда взялась эта беременность, ведь никогда мужская рука не дотрагивалась до меня», — погрузилась она в размышления.

Беременность есть беременность, и княжне Азизе настало время рожать. Вокруг нее столпились служанки. Родился необычайно шустрый мальчик. Только успев родиться, он побежал. Служанки погнались за ним, но он не подпускал их к себе. Голышом выбежав на улицу, он подбежал к мальчикам, играющим в альчики. Увидев его, с криком: «Бегите, бегите, он идет, чтобы съесть нас!» — детишки, схватив свои альчики, разбежались. Служанки, окружив, поймали его. Приведя домой, они искупали его, спеленали, поднесли в первый раз к материнской груди. Мальчик начал расти на глазах. Назвали его Даурбием.

Когда мальчик немного подрос и окреп, он начал приворовывать. Увидев у кого-нибудь хорошую вещь, он без спросу брал ее, отнимал. Так он прожил некоторое время.

СЫН САЛЫМЧЫ ДЕУЕТ (ДАУУРБИЙ)

Никогда на улицу не выходила красавица Ак-бийче,
Но однажды вышла постирать,
И у нее оголилось колено.

Глядя с небес, ее увидели салымчыла (небесные духи),
Сильно они на нее позарились.

Оба они, превратившись в голубей, прилетели,
Оба они сели на ее колени.

Приговаривая: «Птенчики, птенчики», — она их гладила,
Ой, орира, (после этого) красавица Ак-бийче забеременела от салымчы.

Разродилась она, родила мальчика,
Назвали его Деует-батыр, сын салымчы.

На земле ни один зверь не мог его догнать,
А в небе ни одна птица не могла его догнать.

ЖЕК

Ветер дует, ветер дует, жек, жек!
Не перестает, не дает себя поймать, полоумный!

Если ты полоумен — то паршив,
Если паршив — то коротышка,
Если ты паршив, то коротышка!

Мой жек, мой жек,
Мой вихрь (букв. «бесовский ветер»),

Мой безрукий дурачок,
Ты пришел без дорог:

С сосцами без молока,
В мохнатых штанах,

Чернявый, краснобородый,
Сгусток тумана!

Дочь Скалы, смой, смой,
Мать Ветра, гони, гони!

ОРЮЗМЕК

Однажды Орюзмек сделал набег на плоскость, к ногайцам. Там он отбил небольшой табун лошадей и гнал его домой. На ночь он сделал из хворосту баз, куда загнал лошадей на ночлег. Не успел он сам расположиться для отдыха поблизости этого база, как невдалеке заметил костер.

Пошел он на свет этого костра. Здесь он увидел пляшущих чертей. Тогда он обнажает шашку и вступает в бой с нечистой силой. Он рубит направо и налево. Черти исчезают. Одержав таким образом победу, торжествующий Орюзмек возвратился к своему импровизированному ложу. Не успел он прилечь, как опять заметил пляшущих чертей вокруг костра. Тогда он подумал, что саблей чертей не изведешь, а надо придумать другие способы. Приблизившись к чертовской вакханалии, он был поражен красотой чертовок. Недолго думая, Орюзмек берет за руки двух чертовок, начинает с ними плясать и, увлекшись любовным соблазном преисподних красавиц, стал их прижимать к своей груди и целовать. Заметили это черти и предложили Орюзмеку жениться на одной из них, уверяя его, что она будет ему верна и будет жить в дружбе с его женой Сатанай.

Орюзмек с большим удовольствием согласился на предложение чертей и спросил их, что они возьмут в калым. Черти ответили, что в калым они возьмут три головы: первую — что под ним ходит (лошадь), вторую — что на голову надевают (шлем) и третью — что сбоку привешивается (сабля). Смекнул Орюзмек, что черти хотят его обезоружить и обессилить, чтобы легче закабалить его. Тогда он пускается на хитрость.

«Я согласен на ваше предложение, — говорит Орюзмек, — но дело вот в чем: на шлеме у меня изображение моего патрона, а дома у меня есть повелительница; без их совета я ничего не делаю, потому и должен поехать домой за советом; вы же скажите, где я вас найду?» — «Покуда роса не высохнет, мы здесь будем, а потом мы исчезнем, и нас не найдешь». Так ответили черти. Орюзмек, надеясь на быстроту коня, тотчас же поскакал домой.

Между тем жена Орюзмек, колдунья Сатанай, уже все знала о приключениях его и решила принять меры, чтобы отвратить Орюзмек от облюбванной им чертовки. Ночью прискакал Орюзмек и, полагая, что дверь сакли затворена засовом, стал стучать в окно, чтобы Сатанай егопустила. «Что за нахал в такую пору ночи стучится? Как будто любовник к своей любовнице. Если хочешь войти, то на то есть дверь».

Орюзмек вошел в саклю и так как он был очень голоден, то Сатанай сытно накормила и напоила его; под влиянием этой сытости и усталости Орюзмек заснул. Тогда Сатанай напустила на него иллюзию, которая заключалась в том, что как только просыпался Орюзмек, он видел на небе яркие звезды и думал, что, стало быть, еще ночь и к чертям успеет, а потому вновь засыпал. Когда же иллюзия была снята, Орюзмек увидел, что уже давно настал день, и о чертях нечего помышлять.

Н. П. Тульчинский, 1903

20. ОБОРОТНИ, ЯСНОВИДЦЫ

ОБОРОТНИ

Оборотни приходят к грудным младенцам, чтобы выпить их кровь. Чтобы опознать оборотня, наливали в чашу воду из семи источников и, держа ее в изголовье ребенка, вливали в воду расплавленный свинец.

Затем, разглядывая застывший свинец, определяли, какого оборотня испугался ребенок, в каком облике — змеи, лягушки, кошки — появляется оборотень, и держали эту воду рядом с ребенком.

Утром, найдя волосок с брови оборотня, узнавали, кому он принадлежит. Для излечения ребенка шли к этому человеку, чтобы он прочитал заговор и сплюнул в бутылку. Заговор был такой:

Чалла, чалла, чаллауан,
Сен кетгин, кьарт марауан!

(Седым-седым-седая,
Сгинь ты, старая змея!) — перев. приблизительный)

Если оборотень не соглашался, обращались к какой-нибудь пожилой женщине, жительнице этого села, чтобы она приготовила снадобье. Готовилось оно из чеснока, сливочного масла, серы, марены. Этой смесью в течение семи дней натирали тело ребенка. После этого оборотень оставлял ребенка в покое.

* * *

Одного ребенка моей бабушки убил оборотень. А со вторым ребенком было так: обнаружив, что оборотень в образе кошки сосет кровь младенца, поймали и ткнули ее (кошку) мордой в огонь, но она вырвалась и убежала. На другой день соседка ходила с замотанным лицом. Оборотнем была она.

ГОСТЬ ВЕДЬМЫ

Очень давно в верхнем Чегеме жила одна старуха по имени Мушай. В селе говорили, что она оборотень (обур). Некий старик, поверив в это, сказал: «Я не я, если это не проверю», — и отправился вечером в гости к Мушай. Мушай накормила и напоила гостя, потом приготовила ему постель в большом старинном балкарском доме, уложила его спать, а сама, в ожидании, когда он уснет, притворилась спящей.

Когда гость нарочно захрапел, чтобы она поверила, что он спит, Мушай тихо встала и подошла к очагу. Приподняв очажный камень, она достала из-под него большой черный кувшин. Беря из него какую-то черную мазь, она намазала ею лицо. Потом вошла в кладовую и вынесла оттуда метлу и войлочную плетть. Той же мазью она намазала и их.

Став под очажное отверстие, Мушай села на метлу. Как только она хлестнула ее плетью, как тут же вылетела наружу. В просторе небесной выси, кружась в ночной темноте и улетаая все выше, она направилась к каким-то горам.

За всеми действиями Мушай внимательно следил ее гость. Когда она улетела, гость взял и тоже намазал лицо той же черной мазью. Взял в руки войлочную плетть. Но метлы, чтобы сесть на нее, не нашел и после поисков обнаружил за дверью деревянное корыто. Усевшись в это корыто, он намазал черной мазью и его. Потом хлестнул корыто плетью. Корыто с сидящим в нем гостем стало летать по комнате. Оно ударялось то

об одну, то об другую стену. Долго так продолжалось, но в конце концов, направив корыто в очажное отверстие, он, как и Мушай, вылетел наружу, на воздух.

Окунаясь в тучи, корыто направилось к каким-то высоким горам. Достигнув их вершин, оно стало опускаться. В начале спуска этот гость заметил какой-то свет. Корыто приземлилось около источника этого света.

Смотрит, а вокруг большого костра сидят девяносто девять женщин. Жарко горит огонь. На огне кипит большой котел. Гость тихо подошел и сел возле них. Среди женщин он приметил и Мушай. Все сидевшие там были оборотнями. Им не понравилось, что гость Мушай прибыл туда вслед за ней, и они, кривясь и морщась, косо посматривали на нее. Но ничего поделать не могли.

После того, как мясо сварилось, котел сняли, а мясо разложили на расстеленной человеческой коже. Его разделили на девяносто девять частей, и предводительница оборотней Каракаш («чернобровая») сказала:

— Ну что ж, гость, да постигнет тебя беда, ты теперь узнал, чем мы занимаемся. Никому ничего не говори. Ешь свою долю, насыщайся, но смотри, не сломай какую-нибудь косточку. После трапезы все кости верни обратно.

Гость, решив посмотреть, что будет дальше, сделал вид, что ест доставшуюся ему долю — ребро, а сам спрятал его.

Когда все закончили есть, то отнесли и отдали кости Каракаш. Она посчитала их. Не хватало короткого ребра из левого бока. Стали они охать, но ребро не нашлось. Делать было нечего, они собрали кости в кожу и подули на нее. Кожа вспухла и приняла облик человека.

Все сели на свои метлы и вернулись к себе. Два оборотня, подняв того принесенного в жертву человека, полетели сквозь облака, чтобы доставить его туда, откуда взяли.

Мушай и ее гость тоже вернулись и легли на своих постелях. Наступило утро, и ближе к обеду гость Мушай вышел на сельскую площадь. Увидев там старика, приехавшего из другого селения, он поздоровался с ним. Кряхтя и постанывая, старик ответил на его приветствие. Тогда гость Мушай спросил:

— Почему ты стонешь, гость?

— Сам не знаю, вчера я был у Омара в гостях. Снились мне какие-то кошмары, наутро проснулся в оцепенении. А теперь левый бок не дает покоя.

От этого и умер через некоторое время гость Омара. Говорят, что он и был тем человеком, которого оборотни зарезали и ели в ту ночь на вершине горы.

ОБОРОТНИ

Была в нашем селе одна видная девушка. Не осталось ни одного стоящего парня, который не сватался бы к ней. Но ей никто не был по сердцу. Сватали ее и уздени, и князья, и богачи, но никто не смог добиться ее согласия. Я же был простым пастухом, и мне и в голову не приходило даже просто заигрывать с ней.

Однажды, наблюдая за пасущейся отарой, я взглянул с пригорка и заметил на берегу реки трех женщин, идущих вверх по течению. «Кто видел, чтобы в этих местах ходили женщины, — удивился я. — Я не я, если не прослежу за ними».

В укромном местечке оврага женщины разделись догола. Одежды свои спрятали. Я запомнил это местечко. Повалаявшись в песке, женщины превратились в волков и направились по направлению к овцам. «Идите-идите, я знаю, что делать», — подумал я и побежал к месту, где была припрятана их одежда. Я забрал одежду этих старух и перепрятал. Вернувшись к отаре, я заметил, что волки волокут вниз по склону худую овцу. «Ладно, посмотрим, чем это закончится», — подумал я и пошел к овцам.

Услышав через какое-то время оклик: «Тотурук, ой, Тотурук!», — я взглянул в ту сторону и увидел три головы, торчащие из травы.

— Да перейдут твои болезни на нас! Мы виноваты, прости нас на этот раз! Одну ошибку и Аллах прощает. Пожалей ты нас, старух!

— Я вас знать не знаю. Что вы от меня хотите?

— Всего-то одну худую овцу мы у тебя забрали и ту вернули, вот посмотри, — сказали они, указывая на овцу, присоединившуюся к стаду. — Отдай нашу одежду, да будем мы жертвой тебе!

— Не видел я никакой вашей одежды.

— Кроме тебя, здесь никто не ходит. Никто, кроме тебя, не мог знать, где спрятана наша одежда. Если ты отдашь нашу одежду, мы сделаем все, что ты хочешь.

— Чем вы отблагодарите меня, если я верну вам одежду? — спросил я.

— Я, — сказала первая, — одену тебя с ног до головы.

— Я, — сказала вторая, — дам тебе верхового коня вместе с седлом и уздечкой.

— А я, — сказала третья, — сосватаю тебе без калыма самую видную в селе девушку — Айжарык.

Я вернул женщинам одежду, а они сдержали свое слово. Когда я, надев одежду, подаренную мне одной из них, вышел на улицу, люди подходили ко мне и кланялись, думая, что идет горский князь. А когда я проезжал верхом на лошади с серебряным седлом и уздечкой, мало кто в селе мне не завидовал. На такого парня и Айжарык не могла не обратить внимания. Как только я послал сватов, мне ответили согласием.

ЯСНОВИДЕЦ

Люди все разные, у каждого человека своя судьба, свой талант. Это дается от рождения, по воле Аллаха Всевышнего. И сила не поровну распределена меж людьми. Вот были же силачи, исполины. Не знаю, рождаются ли такие люди сейчас, но раньше были. У таких людей есть лишнее ребро. Кроме того, у особо сильных людей не бывает ребер, а только одна сплошная кость. Но я расскажу о другом.

Раньше были, да и сейчас есть провидцы, знахари, ведуны. Некоторые из таких людей, хотя у них и нет образования, избавляют людей от болезней, которые не в силах вылечить доктора. Они разбираются в лекарственных травах, знают, когда нужно собирать каждую из них — утром, в полдень, ночью, вечером. А знают они это потому, что им помогают

джинны. Некоторым помогают белые джинны. Они заставляют такого человека лечить больных, приказывают ему. А иногда, если ведун отказывается, ленится, начинает отлынивать, джинны даже избивают его. Другим помогают черные джинны, бесы. Эта группа вредит людям, занимается колдовством. Слово *билгич* означает джинна, который дает знания, умение таким людям; если говорят, что у человека есть *билгич*, это означает: у него есть помогающий ему джинн.

Также я слышал, что у таких людей есть «войлочная книга» и «войлочная плеть», и именно благодаря этим предметам проявляется их дар.

Как это происходит? Вот в нашем селе, в Холаме, был один парень. Я тоже знал его. Не замечал, чтобы он чем-то отличался от других. Потом в какой-то момент он переменялся; как это произошло, почему, не знаю. Он перестал общаться с людьми, ни с кем не разговаривал, а иногда исчезал куда-то на два-три дня. Родственники, друзья искали способы помочь ему, но ничего не могли сделать. Так продолжалось некоторое время, а потом он вдруг исчез совсем. Его искали, но никаких следов не нашли.

Все уже думали, что он погиб, сорвался где-нибудь со скалы и его съели дикие звери, когда он вдруг объявился, не помню уж, через сколько месяцев. Совершенно здоровый, в ясном уме. Где он пропадал столько времени, чем занимался, он не говорил, только отшучивался. А потом прошел слух, что он ясновидец, знахарь, лечит больных. Так он и жил, пока не умер. А дар у него был. Видимо, он получил его, когда где-то пропадал.

ИСЧЕЗНУВШИЙ ЮНОША

Один парень пас в горах коз. Скучая, он сидел под деревом и играл на дудке, когда перед ним откуда-то возник какой-то могучий старик. С белейшей бородой, в белом чекмене. Что этот старик сказал козопасу, никто не знает, но в тот же день парень исчез и объявился через три года уже ясновидцем, знахарем. К нему даже из дальних сел приезжало множество народу с просьбой избавить от болезней. Говорили, что он даже язык растений знал. Этот рассказ я слышал от покойного отца.

ПОРЧА, СГЛАЗ

То, что сглаз существует, это совершеннейшая правда. Сила сглаза велика, сглазу подвержено все, даже камни, деревья, медь, что уж говорить о человеке. Сглазить могут только некоторые люди, не все. Это свойство, передающееся по наследству, оно не зависит от того, хорош человек или плох.

В нашем селе был один старик, добрейший человек, но сглазом он обладал — упаси Аллах, очень «дурной глаз» у него был. Он сам об этом знал и старался ни на что не смотреть, помню, ходил все время, уставясь в землю. Увы, если бы все люди, обладающие сглазом, были такие.

Я не верю, что сглазить можно от зависти. Человек может, радуясь, сглазить даже собственную лошадь или своего ребенка. Когда на что-то смотришь и оно тебе нравится, чтобы не сглазить, надо произнести: «Тюу,

машалла!» А если что-то сглазили, скажем, скотину, то этот человек с «дурным» глазом должен был тотчас же плюнуть на нее или даже помочиться.

При родах, если подозревали, что у кого-то из присутствующих женщин «дурной глаз», незаметно для нее выдирали волосок или ниточку из одежды и сжигали рядом с роженицей. Чтобы сберечь от сглаза, к хвостам животных и веткам деревьев привязывали цветные лоскутки. Есть люди, способные снять сглаз с помощью обряда оплевывания: они читают заклинания, периодически дуя на больного и имитируя сплевывание. Сами они во время обряда беспрерывно зевают, из глаз у них льются слезы.

Есть люди, которые могут насылать порчу, это тоже правда. Это тоже могут не все, только обладающие даром. Раньше очень боялись порчи, боятся и сейчас. Говорят, что насылание порчи – большой, непрощаемый грех, людям, занимающимся этим, уготовано место в седьмом слое ада, самом глубоком. Говорили еще, что дети их обязательно станут калеками. Но были и люди, которые обладали даром помогать людям, лечить их от болезней. Сила их тоже велика.

В нашем селе, в Верхнем Баксане, был один кузнец. В детстве, помню, мы своими глазами видели, как он, не прикоснувшись рукой, сбросил с чердака высохшую шкуру. Мы стояли, оцепенев от изумления, когда эта шкура вдруг с шумом начала двигаться по направлению к нам. Мы бросились бежать, и вряд ли нас догнал бы и всадник! А кузнец хохотал нам вслед.

Про этого кузнеца рассказывали историю. Своими приворотами он мог влюбить в себя любую женщину. Одна молодая невестка услышала об этом, не поверила и высказалась в том духе что, мол, попробовал бы он соблазнить ее. Слухи дошли до кузнеца и тот, взяв себе в свидетели несколько человек, отправился в кузницу, взял кусок железа и начал стучать по нему молотком, произнося какие-то заклинания. Спрятавшиеся свидетели слышали, как скрипнула дверь, и увидели, что в кузницу вошла та самая молодая невестка. А кузнец, убедив всех в своем могуществе, бросил эту железяку в воду. Молодка сразу же пришла в себя и побежала домой.

* * *

Ребенок мужского пола, родившийся первым в семье, обладает большой магической силой. Его называют «тунгуч». Если до него мать уже рожала девочку или же у нее был выкидыш, ребенок уже не считался «тунгучем».

ФАМИЛЬНЫЕ ЗАПРЕТЫ

Как я слышал, у каждой фамилии (рода) были свои запреты. Как они появились, видимо, знают они сами, я же расскажу, что знаю. К примеру, Гогуевы в Карачае не употребляли в пищу уши зарезанных животных. Непеевы не трогали змей, это было их табу.

Много раз слышал, что для Журтубаевых были запретны кладь. К любой вещи, найденной в захоронениях, будь то золото или серебро, они

не притрагивались. Слышал я такой рассказ. Однажды, в древние времена, один из Журтубаевых, возвращаясь с кошары домой, над высоким обрывом увидел висящий на ветке кустарника золотой кувшинчик и принес его домой. Домашние обрадовались, что он нашел такую дорогую вещь. Но, увы, в ту же ночь у того человека отнялась одна сторона. Утром он сказал родным: «Не знаю, во сне это было или наяву, но передо мной всю ночь стоял какой-то старик с длинной белой бородой. Он гневно сказал мне: «Я — известный всему миру златокузнец Кыден! Если не хочешь, чтобы и ты, и твои родные погибли, пусть кувшинчик, найденный тобой, немедленно отнесут и поставят на место!» Услышав это, они испугались и отнесли кувшинчик обратно. После чего тот человек сразу же выздоровел.

Существовали и запретные дни, это, видимо, тоже имело какой-то смысл. Во вторник не начинали никакое дело, у нашего народа этот день считается плохим. Не отправляйся во вторник и в дорогу, поездка твоя не будет удачной.

* * *

Куртха. Это слово буквально значит — хитрая. Обыкновенно принято им обозначать хитрую, жадную, корыстолюбивую женщину, нечто вроде русской ворожеи.

Обур. Это слово выражает собою понятие о злом, коварном существе, находящемся в сношении с чертом; оно посредством волшебных чар старается причинить человеку как можно больше вреда, особенно тому, который отличается своею правдивостью. Обур это то же, что русская колдунья, ведьма. Обурами бывают исключительно женщины. Ночью, выйдя на реку, сняв с себя одежду и вывалявшись в песке, они превращаются в волков, хватают баранов и пожирают их; принимают они также вид кошек, собак и др. зверей для того, чтобы легче причинить человеку или его скоту, за исключением лошадей, всяческий ущерб. Вообще обуру дана большая власть над человеком, но только не над жизнью его: обур может испортить здоровье человека, лишить его благосостояния, но не в силах прекратить его жизнь. Обуры обладают способностью не только ходить по земле, но и летать по воздуху; для этого они садятся верхом на лопату (деревянную) или веник, поливают их волшебной жидкостью черного цвета и вылетают в трубу. Каждую пятницу, ночью, обуры слетаются на вершину Эльбруса, захватив с собой спящего человека; раскладывают костры под медными котлами, убивают человека, мясо его бросают в котлы и, пока оно варится, с песнями пляшут вокруг них. Поевши мясо, они складывают кости в кучу, дуют на них, и человек оживает, хотя по-прежнему продолжает находиться во сне. Затем обуры относят человека на то место, откуда он был взят. Проснувшись наутро, он чувствует во всем теле боль, но о своем пребывании в руках обуров ничего не знает. Если человек долго болеет, то говорят, что обуры сосут из него кровь. Избавиться от наваждения и козней обуров можно, повесив на шею изречение из Корана, зашитое в трехугольный мешочек из сафьяна (амулет).

Е. Баранов, 1897

21. ДОЛАЙ И ИНАЙ

ДОЛАЙ, ДОЛАЙ

Долай, Долай, ты мой бог!
Я кипяток не добавляю,
Добавляю холодную воду,
Много масла сбиваю,
Собираю провизию на зиму.
К тебе с мольбой обращаюсь:
Чтобы в здравии мы ели твоё масло,
Чтобы я мог содержать в чистоте
Загоны для своего скота!
Чтобы твои коровы были удойнными!
Чтобы обильными были вымена,
Чтобы дети наедались масла,
Дарованного тобой!
Пусть в дворах у нас будет изобилие,
Пусть земля твоя будет сытна!
Обильным маслом
Да наполнится мой рот,
Когда я говорю: «Долай»,
Пусть мой рот наполняется медом!

ДОЛАЙ

О пахта, нам дарованная,
(Сильные), как у зубра, плечи утомляющая,
Кто масло не сбивает («долай» не делает), тот домовитым не станет,
А пахта, если так делать, то собьётся,
Айран и масло вступят в схватку.

Пахта, пахта бурлит,
Коровы приближаются, как табун тарпанов*.
Пусть в пахту угодит валун,
Пусть к нам в руки попадет эта пища оленей.
Крупнее оленя – зубр,
А олень в безводных местах не водится,
А если и водится, то не очень раскормится.

ДОЛАЙ

О пахта, пахта булькающая,
Еда наших коров – борщевик,
Да получим мы полные чаши масла.

Пахта, пахта булькает,
Коровы приближаются, как табун тарпанов.

---

*Тарпан – породистая лошадь.

Впереди их идет черная корова,
Внутри (бурдюка) – молоко черной коровы,
Снаружи – шкура черной козы,
У меня с ним (бурдюком) связаны хорошие надежды.

Собьются полные чаши масла
Из того, что находится внутри (из сметаны).

ДОЛАЙ

Эй, сбивающие масло, они
Смелые пастухи,
Пусть в здравии доживут до весны
Сбивающие масло пастухи.
Пусть толстыми станут
Батраки, работающие на одно пропитание.
А пахта из источника пахты.
Коровы идут
Из лесного ущелья.
О, пахта так булькает,
О, душа моя, пахта,
Коровы приближаются,
Как табун тарпанов.
Снаружи –
Бурдюк из шкуры рыжего козла,
Внутри –
Простокваша (из молока) черной коровы.
Эй, я пропою
Причет масляной пахты,
О, душа моя, пахта,
Масло пусть разорвет
Чрево плохой хозяйки.

ДОЛАЙ

О пахта, такая ли масляная пахта!
Я скажу вам сказку масляной пахты.

Пахту мы будем сбивать,
Сядем за чаши с маслом.

Масло чашами мы получим,
Поставим их перед старшим (в коше).

От них он нас двойными долями оделит,
Заставит нас бегом исполнять свои поручения.
Если мы не станем исполнять его поручения бегом,
Он полоснет нас по ногам гибким прутом.

Ну же, если сбиваешься, сбейся, бурдюк,
То, что внутри тебя, – простокваша (из молока) черной коровы,
То, что снаружи, – кожа рыжей козы.

Ну же, если сбиваешься, сбейся, бурдюк,
Если не собьешься, у тебя отрежут рукав,

У меня отрежут ухо,
И оба бросят с одной скалы.

Становище наше наполнилось знатными гостями,
Ну же, если сбиваешься, сбейся, бурдюк!

Хозяйка дома у нас – великанша с орлиной головой,
Что ни попадется, все ест сама.

Я расскажу вам о (нравах) плохой женщины:
У очага ее будет кал ребенка.

О хорошей женщине расскажу я вам:
У хорошей женщины в сундуке будет бязь,
Будет беседа с лучшими.

Расскажу вам о нравах хорошего мужчины:
У хорошего мужчины беседа бывает с лучшими,

Из бревен он построит просторный хлев,
Разведет и заполнит его скотом.

О пахта, так она булькает,
Коровы наши приближаются, как табун тарпанов.

Ну же, если сбиваешься, сбейся, бурдюк,
Желтым маслом полнись, бурдюк!

ДОЛАЙ

О пахта, пахта, океан масляной пахты!
Коровы приближаются, как табун тарпанов,
Козы приближаются, как опадающая листва.

О пахта, пахта, бурдюк с маслом,
Бурдюк цельный, не имеющий изъянов.

В нем больше масла, чем айрана,
В нем больше цельности, чем изъянов.

О, из тебя мы получим масло чашами,
Поставим их перед старшим (в коше).

Старший наш оделит нас двойными долями,
Заставит меня исполнять свои поручения бегом,
Если я не буду исполнять его поручения бегом,
Он полоснет меня по ногам гибким прутом.

О пахта, такая масляная пахта!

В наш дом явились знатные гости,
О душа моя, тебя дожидаясь, чуть не умерли (с голоду)!

Эй, если сбиваешься, сбейся, бурдюк,
Если не собьешься, у тебя проткнут рукав,
А у меня отрежут ухо.

Их обоих привяжут вместе,
И разведут под ними жаркий огонь.

Пусть подует ветер и заскрипят деревья,
Пусть он принесет стадам добрую долю.

О пахта, булькай вот так,

Я спою песню-плач пахты,
Если не собьешься, пусть сведет твой незаконнорожденный живот!

Внутри этого (бурдюка) – масло (из молока) черной коровы,
Снаружи – бурдюк из (кожи) рыжей козы.

О пахта, пахта, масляная пахта!

Эй, на суходоле будет резвиться гусь,
В камышах будет кричать журавль,
Эй, до девицы дорвется жених.

Кто узнает, что у них внутри (в сердце)? –
Это узнает младенец в колыбели, мальчик,
Узнает старец, сидящий на сельской площади.

Эй, на суходоле два гуся,
Один пестрый, другой серый,
Оставь пестрого и возьми серого.

Честь матери передастся ее дочери,
Честь отца – его сыну.

Если у отца родится хороший сын,
Он на широкой равнине построит хлев,
Разведет и наполнит его скотом.

Если у отца родится плохой сын,
Оставшееся от отца богатство он
Растратит с гулящими девками,
Свой хохол на макушке
Заставит расчесывать женщин.

Пусть жена, не заботящаяся о пастухе (своем муже),
Ляжет спать весной, а проснется осенью,
А после этого будет ухаживать за ним, как должно.

Пусть жена, не заботящаяся о скотоводе,
Умрет недоброй смертью,
Пусть саван ее будет из дерюги, изготовленной из сванской конопли!

Эй, пусть у жены, заботящейся о пастухе (муже),
До пят свисает шаль из мизере (ткань),
Пусть хорошим будет здоровье ее любимого!

Пусть до пят свешивается ее лента для волос,
Пусть ее окружают чернобровые снохи!

Пусть добрым будет ее век,
Из чистого шелка пусть будет ее саван!

ИНАЙ

Ну же, Инай, Инай!

Если бы я была дочерью Инай,
Она меня одела бы в белое и синее,
Душу мою сделала бы угодной Аллаху-Творцу.

Пусть звуки инай (песни) разносятся из нашего дома,
Пусть звуки плача доносятся издалека.

Если (долго) катать, сукно станет плотным,
Если не сможешь катать, плетень засмеет.

Пусть сукно уплотнится под ногами, передо мной,
Пусть плетень засмеет моего врага, моего кровника.

ИНАЙ

О Инай, моя песня инай,
Пусть в здравии живет тот,
О ком я со сломленным сердцем буду плакать!

Песню вплетают
Молодые косари в оплакивание,
Мустафа, сын Гырына.
Как в твоём овальном брюхе уместилось
Три бараньих курдюка?

О инай, моя песня инай,
Пусть в здравии живет тот,
О ком я со сломленным сердцем буду плакать!

* * *

Ой, Инай, Инай,
Хорошая весть пришла в полдень.

Если (долго) катать, сукно станет плотным,
Если не сможешь катать, плетень засмеет.

Если будешь дочерью женщины, катающей сукно,
Она тебя оденет в белое и голубое,
К тебе будет благосклонен Великий Тейри.

Ой, Инай, Инай,
Хорошая весть пришла в полдень.

Мой сын вялит зубровые туши,
Он очень спешит надеть тебя,
На летних пастбищах готовит загоны для скота.

* * *

Ой, Инай, Инай, Инара, говорят,
Да получим мы в полдень хорошую весть!

А каков человек, который наденет это?
На Тёре он – с железным посохом,
В горах он ходит легко, как птица,

Ружье у него с золотой насечкой,
Жена у него чернобровая,

Мимо цели он не стреляет,
За целый месяц странствий не худеет,

Он может оседлать необъезженного жеребца,
Лучезарен для родителей!

Ой, Инай, Инай, Инара, говорят,
Да получим мы в полдень хорошую весть!

А каков человек, который наденет это?
На собраниях он степенен,
Когда пасет табун – он остроглаз,

Предпочитает ездить по ночам, а не днем,
Поле свое пашет на четырех парах волов,

Рассвет не застаёт его в постели,
Четыре села он спасает от позора!

Таков человек, который оденет этот чекмень,
Да будет его путь освещен солнцем счастья!

ИНАЙ

I

Петь «Инай» – дело воспитанного,
И тот, кто оденет это (бурку), – из таких:

В сражениях он – с железной палицей,
На скалах он – птиценогий (цепкий),

Привязывающий ремень к винтовке с позолотой,
Накидывающий на чернобровую девушку покрывало (невесты),

Седлающий необъезженного коня,
На должном месте основывающия село, —

Мост через бурную реку,
Защитник семи селений!

II

Ой, это Инай, Инай, Инай!
Если бы была дочерью Инай,
Если бы была достойна двора Инай,

Она меня разодела бы в белое и синее,
Влюбила бы в меня всадников-молодцев!

Ой-ей, если бы я была дочерью Инай,
Я перевалила бы через гору,
И пролилась дождем на луг,
На котором косит мой любимый.

Эй, катайся, войлок, катайся,
Ой, все плотнее становясь, катайся!

Пусть звуки (песни) «Инай» разносятся с нашего двора,
А звуки бедствий — издали!

Будешь валять, шерсть сваляется,
Не сумеешь — плетень засмеет!
(На котором валяют войлок).

22. БОГИНИ-МАТЕРИ СТИХИЙ

АЖАМ-БИЙЧЕ

Голова Ажам — пламя,
Из спины ее проступает вода,
Пылает она (голова), как лес в Муху.

Ажам обросла рыжим волосом,
Подошвы ног ее толсты,
Поясница — ее уязвимое место.

За поясом у нее топор играет,
Бездействовать не дает,
Увидеть ее (Ажам) невозможно.

Ажам явилась в село,
Свистом дала знать о себе,
Нрав человеческий ей ведом.

Пусть имя Ажам славится,
Пусть сама она днем показывается,
Пусть села приносят ей богатые жертвы!

Ажам не причиняет зла людям,
Как ей поступать, знает сама,
К чему ей земные блага!

КАЯ КЫЗЫ – ДОЧЬ СКАЛЫ

Кая Кызы была очень красивым существом, к тому же она была замечательная певица; когда она начинала петь, горы ей вторили. Она была любительница пошутить, повеселиться. Заметив, бродя среди скал, человека, идущего по дороге распевая, Кая Кызы передразнивала его, пока тому не надоедало петь. А иногда она передразнивала саму себя. Оттуда и присловье: «Как Кая Кызы, передразнивающая саму себя».

АММА-ЧОККА

Амма-Чокка было имя женщины-повелительницы птиц, всех пернатых; она жила в лесу. Все они (пернатые) были покорны воле этой лесной женщины. Сама она была красива, стройна, людям показывалась в зеленом платье. Я слышал давно, что именно она была женой Апсаты.

ОЛУЯ

Мать Воды – в глубокой воде, олуя, олуя,
Порадуй меня пеленанием ребенка, олуя, олуя!

Твоей косе мы поклоняемся, олуя, олуя,
Молим дать нам потомство, олуя, олуя!

Ты (словно) земляника, спеющая на скале, олуя, олуя,
К тебе явились мы, моля дать детей, олуя, олуя!

Голос, доносящийся из родника, олуя, олуя,
Мы зачали от тебя, олуя, олуя!

В бегущие струи реки, олуя, олуя,
Окунаешься ты, много знаешь ты, олуя, олуя!

Мать Воды, Бог Земли, олуя, олуя,
Пусть дадут нам здоровье и уют, олуя, олуя!

Князю Аттыу – новое потомство, олуя, олуя,
Даст Мать (Воды), даст Уммай, олуя, олуя!

Тетива, которую натягивает Мать Воды, олуя, олуя, –
Гнездо, до которого с земли не дотянуться, олуя, олуя!

Луна круглая, Солнце круглое, олуя, олуя,
Нам нужна Мать Воды, олуя, олуя!

Аттыу – дерево, выросшее в горах, олуя, олуя,
Чтобы развести огонь, нужно кресало, олуя, олуя!

Родится нам дятел, олуя, олуя,
Он и станет искры мечущим кресалом, олуя, олуя!

ПЛАЧ ПО УТОПЛЕННИКУ

Мать Воды Дамметтир
Обманув, тебя сгубила,
Черной дымкой заволокло твои глаза,
(Мать Воды) зазвала тебя в ледяную воду.

Лежбище Матери Воды находится под водой,
Обманула она тебя, заманила к себе,
Ударив, опрокинула тебя на речные камни.

Пестрая ворона страшно прокляла тебя когда-то,
(И) речные водоросли стали твоей пищей,
Речные камни стали для тебя подушкой.

Тейри Воды невлюбил нас,
Мать Воды высосала кровь моего сына.

Черная ворона села на притолоку,
Черная кровь пролилась на камни твоего дома.

Нам осталось только рыдать, оплакивать тебя,
Баграми вытащили тебя из-под воды.

Став трупом, ты ушел в могилу,
Ушел ты к Тейри Земли, поспешив.

Друзья-товарищи твои приходят на оплакивание,
Родственники твои умирают от плача.

Оплакивание, ой, оплакивание, оплакивание!
Плачут твои друзья,
Да помогут Тейри Земли, Неба, Воды!

Тейри Земли расскажешь про мои рыдания,
Я, твоя мать, плачу, разрываюсь,
Дни мои стали черным-черны.

МОЛЬБА К ЭНЕКЕЙ

Мать Воды Энекей,
Кланяясь Энекей,
По ногам камнями ударяя!

Кость в воде не ломается,
Сердце матери безутешно.

Идем его разыскивать
И плачем, плачем.

ПЕСНЯ-ПЛАЧ ПО ЮНОШЕ ИЗ РОДА ГЕМУЕВЫХ

Сто пятьдесят лет назад жил в Думале симпатичный ладный парень из рода Гемуевых. Он утонул в реке во время весеннего разлива. Люди долго пытались найти его тело. Потом прошел слух: этот видный парень приглянулся одной из дочерей Матери Воды, и она обманом заманила его в воду. Три сестры долго еще оплакивали его. А это поминальная, которую они сочинили:

Водяным девушкам (русалкам) ты дал себя обмануть, глупый,
Глаза себе дал затуманить, несчастный.

Красивыми речами заманили тебя, потаскухи,
Увидят еще, что мы с ними сделаем.

Девичий аромат ударил тебе в нос,
Руки их обвили тебе шею.

Сладкими речами завела тебя в реку,
В глубь утащив, засмеялась, обернувшись к тебе.

А ты, несчастный, поверил ей, пошел (за ней),
Не в силах выбраться, остался под водой.

Чернее темной ночи были ее глаза,
Слаще весеннего меда были ее речи.

Речные камни стали твоей постелью,
В пещере под водой остался ты лежать.

Многих матерей заставила рыдать эта шлюха,
От скуки выходя на берег реки.

Речами завлекая стройных парней,
Заставляешь их, несчастных, жевать водоросли.

Заставляешь их, несчастных, глотать речную пену,
Заставляешь (их) сестер испытать горечь рыданий,
Заставляешь (их) матерей многие ночи рыдать.

Пусть Великий Тейри отнимет твою душу,
Пусть твое красивое тело исчезнет бесследно!

Пусть Мать Воды будет искать и не найдет тебя,
Пусть много дней (она) не прикоснется к пище!

Пусть чернее темных ночей будут твои дни,
Пусть оплачут тебя твои сестры!

Пусть несчастными будут для тебя рассветы,
Пусть Великий Аллах не даст успокоения твоему телу!

МАТЬ ВОДЫ ДАММЕТТИР

Утверждали, что в каждой реке живет своя мать воды. А главная среди них – Дамметтир. Ее еще ласково называли Мать Воды Анекей. Их боялись и строго наказывали детям, чтобы те не смотрели долго с моста в реку, чтобы мать воды не утащила их к себе. Если кто-то тонул в реке, чтобы разыскать тело, брали дудку, петуха и ходили по берегу реки. Верили, что в том месте, где лежит тело, петух начинает кричать, а дудка перестает звучать.

Я также слышал, что сели, наводнения тоже насылают Мать Воды. Говорили, что перед такими явлениями река начинала издавать какой-то шуршащий, шелестящий звук, и это, мол, и есть голос Матери Воды. В первый раз переводя маленького ребенка через реку или проходя с ним по мосту, надо было бросить в воду яйцо, иначе ребенок мог утонуть в реке. Мне доводилось слышать, что в воде живут *суердинле* «водяные юноши» и *суу кызла* «водяные девушки», русалки. Утверждали еще, что существуют водяные быки, водяные волы. Весной, когда реки начинают течь бурно, с громким гулом, говорили, что это ревет речной бык. Говорили еще, что есть Кая Кызы, красавица с приятным голосом. Она обитает среди скал.

МАТЬ ВОДЫ И ДВА БРАТА

В балкарском народе до сих пор не забыта легенда о Матери Воды. Как только образовывалась новая река, так являлся ее хозяин, защитник чистоты вод. У Матери Воды были очень красивые стройные дочери, о которых балкарские юноши слагали песни. Если повстречавший такую девушку парень был смел, он проводил весь свой век в покое, во взаимной любви с ослепительно прекрасной женщиной, во взаимопонимании.

Если же парень был малодушен, трусоват, он (после этой встречи) всю жизнь не мог избавиться от хворей, пребывая между жизнью и смертью.

Но как ни прекрасны были те девушки, никто не мог сравниться по стройности с Матерью Воды. Когда она показывалась из вод, казалось, что по всей округе от ее красоты разливается сияние. Когда она расчесывала свои ярко-голубые длинные волосы, струи, стекавшие по ее косам, как струи дождя по оврагам и склонам, стекали в реки. Она могла, всем отказав в своей воде, обречь всех на засуху. И тогда ее сердце могли смягчить только женщины. Они собирались со всего села, делали деревянную куклу, наряжали ее и ходили с ней из дома в дом. Всю дорогу они обливали себя, куклу и дворы, в которые они входили, водой. Потом они шли на берег реки и молили ее хозяйку дать воды для дождя. Затем они бросали куклу в реку и устраивали совместное купание. Когда женщины направлялись к Матери Воды, мужчины старались не попадаться им на

глаза. Потому что встречного мужчину они бросали в реку в дар Матери Воды.

Недалеко от места обитания Матери Воды жили два брата. Оба они были чабанами. Старший брат был прекрасен обликом и бесстрашен. Младший же таким красивым не был. Зато вся округа заслушивалась, когда он начинал петь, подыгрывая себе на кыл кобузе (разновидность мандолины. — Х. Дж.).

Однажды, погнав овец на водопой, они увидели на берегу Мать Воды. Сердце старшего брата, едва он взглянул на нее, охватила любовь. Парень тоже понравился Матери Воды, и она увела его в воду. Овцы, обратившись в рыб, уплыли вслед за ними. Младший же брат, глаза которого ослепли от лицезрения красоты Матери Воды, лишившись и брата, и овец, вернулся в село слепцом.

После этого прошло много лет. Младший брат стал народным певцом. Он пел о заветных чаяниях народа, его горестях и о своей скорбной судьбе. Люди всем сердцем сочувствовали любимому певцу. Но еще больше за него болела душа покровителя овец Аймуша. Однажды он, обратившись в пичугу, подлетел к старшему брату, отдыхавшему на берегу, и обо всем ему рассказал. Тот, не зная, как ему быть, заплакал. Потом поклонился Аймушу и попросил: «Помоги, скажи мне, как вернуть свет очам моего брата». «Хорошо, — ответил Аймуш, — скажу.

Мать Воды из всех богатств, которыми владеет,
Более всего дорожит одним камнем, по форме
напоминающим яйцо.

Если провести им по глазам слепца,
Калека начинает видеть свет мира.
Если найдешь этот камень, сможешь спасти брата», —

и с этими словами Аймуш улетел. Старший брат отыскал этот камень и верхом направился в село.

В это время народный певец, сидя под деревом, пел песню о настоящей мужской дружбе, и люди внимали ему. Слушая его и кляня себя за то, что забыл о младшем брате, старший брат подошел к нему и провел камнем по его глазам. Младший брат вновь стал видеть свет мира. Братья обнялись. В это же время овцы, обращенные когда-то Матерью Воды в рыб, одна за другой стали выходить из воды. Заметив пропажу рыб, Мать Воды хватилась своего камня, стала искать его. Но где бы она его нашла? Тогда она стала бить поклоны Элие и молить его: «Помоги мне, убей старшего брата, совершившего предательство!» Элия исполнил ее мольбу, поразил парня, и тот упал навзничь. Люди собрались и похоронили его, навалив на него груды камней.

ЦЕНА ВОДЫ

В горских (карачаево-балкарских) селениях из покон веков было принято беречь диких животных, воду и землю. Об этом есть такое повествование.

Однажды в бескрайние, безграничные степи откуда-то вторглись вражеские войска. Под копытами их коней содрогалась земля. Множество

выпущенных ими стрел затмевало лик солнца. Вода в реках обратилась в кровь. Спасаясь от этого бедствия, часть жителей той местности устремилась в горы.

Обживаясь в тесных горных долинах, в первое время они тосковали по степям. Потом привыкли. Стали налаживать свою жизнь. Жили хорошо, умели беречь воду и землю.

Бьющие из земли источники они обкладывали камнем, окружали изгородями, чтобы их не топтал скот. Когда шли дожди и выпадали обильные росы, чтобы предотвратить вред почве, скот не пасли ни на крутых склонах, ни на ровных местах. Чтобы сберечь травостой, кошары не переносили с места на место, соль высыпали всегда на одних и тех же местах. Никогда не выворачивали и не выбрасывали дерн, не истребляли зверей и птиц. Хлестнуть плетью по земле, ударить скотину по голове, плюнуть в воду считалось самым большим позором.

Был только один человек, по имени Маймул («обезьяна»), который все эти вещи почитал ни за что и творил что хотел. Его скот вытаптывал во время водопоя землю вокруг источников, обращая почву в грязь, так что из-за вони невозможно было подойти туда. Но Маймул не обращал на это внимания — вокруг на все четыре стороны источники и пастбища, они не иссякнут и не кончатся, поэтому он, обратив один источник в болото, отправлялся к другому.

Однажды в селении был пир. Вволю напившись бузы, Маймул пошел на берег, к тому месту, где сельчане брали воду, по нужде. Случилось так, что в этом месте в ту минуту отдыхала Мать Воды.

Разгневанная тем, что сделал Маймул, Мать Воды покинула горский (карачаево-балкарский) народ. Тотчас все источники иссякли, смолкли струящиеся потоки, обмелели большие реки. От страшной жары раскалывались камни, земля покрылась трещинами, трава выгорела. От голода и жажды стал гибнуть скот. Звери и птицы ушли далеко от гор. В поисках воды охваченные паникой люди днем и ночью рыли колодцы, но утолить жажду не могли — чем глубже они копали землю, тем глубже в нее уходила вода.

Однажды вечером, когда немного спала жара и с гор повеяло прохладой, собрался сход. Собрался для того, чтобы судить Маймула, который в нарушение обычаев превратил почву вокруг родников в болото и навлек на людей такое бедствие. Сельчане постановили изгнать Маймула и его семью из села.

Забрав с собой мать, жену, двух сыновей и дочь, Маймул наутро покинул селение. Начиная с того дня каждый сельчанин был обязан не только не отвечать на его приветствие, но и убить его, если встретит в окрестностях села.

Чтобы вызвать дождь, сельчане поймали большую лягушку, девушки обрядили ее в платице, украшенное позолоченной мишурой, и пустили ее в жиденский ручеек, но это не помогло. Искупав осла, водили его по высохшим источникам. Приносили в жертву Матери Воды ягнят и козлят, но с неба не упало ни капли.

Самый почитаемый в селении старец, собрав триста камешков и прочитав над каждым заклинание, бросил их по одному в русло реки, но гром не прогремел, и молния не сверкнула.

Жители долины много раз, собравшись, обращались с мольбой к Тейри:

— О Тейри, обладатель великой мощи, ниспошли нам тучи, наполненные влагой, чтобы острые вершины гор распарывали их животы и на нас излилась их вода! — но и эти мольбы не помогли.

Как раз в это время некий хан, прознав, что в горах живет народ, который до сих пор не подчиняется ему, послал войско для его покорения.

Маймул, который пас овец на краю долины, первым заметил приближение врага. Он посадил свою дочь на коня и отправил ее в село известить о тревоге, а сам с сыновьями, зная об узком проходе в долину, куда трудно было пройти и одному человеку, решил заманить туда вражеское войско. Он добился своего. Повернул туда это войско, и началась схватка: пока Маймул сражался с одним противником, остальные, не в силах ничего предпринять, ждали в бессильной злобе в теснине.

Услышав о неприятеле, жители долины, все кто мог держать в руках оружие, поднялись как один. Они подоспели к тому моменту, когда Маймул и его сыновья уже погибли. Не сумев опрокинуть горцев, враги удалились восвояси. Погибших похоронили; вместе с ними погребли и Маймула с сыновьями, считая, что он своей кровью искупил вину.

Через семь дней после этого сражения случилось чудо. Сначала на небе появился меч Тейри — радуга. Затем голубая полоса радуги опустилась на плечо Минги Тау, сгустилась, раздулась, стала холодной водой и, стекая с гор, превратилась в девять рек девять долин: Тейри кол, Чучхур, Уллу Кам, Гоначхир, Теберда, Баксан, Шау кам, Чомарт кол, Кума вновь наполнили русла.

Пропитавшись водой, ожила земля. Утолив жажду, горцы поклялись беречь и почитать воду.

МОЛЬБА К МАТЕРИ ВОДЫ

Прежде, если человек тонул, искали стебель аниса, растущий на месте, где не слышен шум воды. У дудки, сделанной из такого стебля, сильный красивый звук. Разыскивая утопленника, люди несли в руках петуха и играли на дудке. Возле места, где находился труп, петух начинал кричать, а дудка переставала играть — так я слышал от стариков. Тогда, обращаясь к Матери Воды, молили:

Ложь Матери Воды находится в воде,
У бедного мертвеца нет другого выхода.

Вот и петух призвал его душу,
Мать Воды, теперь в нем крови не осталось,
Дай, дай (нам его), и мы уйдем.

У древних была и песня, которая называлась «Водяной кюй» (кюй — поминальная песнь. — Х. Дж.), в моей памяти остались только вот эти слова из нее:

Мать Воды Мамметтир,
Вели исполнить свою волю!

Человек утонул в твоей воде,
Скорее верни его обратно!

Упал ты (в воду), обманутый Матерью Воды,
Лежишь ничком в речной тине.

Найдись, найдись, бедное дитя,
Мы усердно ищем тебя среди камней.

Дудка наша перестала играть,
Мать воды Мамметтир
Вернула нашего покойника.

Могила нашего покойника выкопана,
Покойника нашего (Мать Воды) здесь явила.
Пусть Тейри Земли светлой сделает твою могилу,
Его мать, укрепи, бедная, свою душу.

Дудка наша, играя верно, обнаружила его,
Матери его дала вкусить яд плача.

ТЕПАНА

С давних пор «Тепана» является любимым танцем балкарцев. Один человек становился возле большого костра, чтобы вести пляску. Остальные, сколько бы их ни было, двигались вокруг огня, став в круг. Стоящий, распорядитель пляски, начинал петь песню, а стоящие вокруг двигались, вторя ему. Если их голоса не нарушают строя, песня и пляска, создавая лад, являют для слушателей и зрителей замечательное зрелище. После пляски парни переходят к состязаниям в борьбе, поднятии тяжелого камня, лазании по шесту. Такие игры продолжались по два-три дня.

А Тепана для этого веселья!
Ойра, ойра, Тепана!
Мы пришли на угощенье!
Ойра, ойра, Тепана!
А Тепана свята!
Ойра, ойра, Тепана!
Почитайте Тепану!
Ойра, ойра, Тепана!
Почитайте Тепану!
Ойра, ойра, Тепана!
Забирайте вправо, вправо!
Ойра, ойра, Тепана!
Левые ноги поднимайте!
Ойра, ойра, Тепана!
Над коленями их приставляйте!
Ойра, ойра, Тепана!
Влево, влево забирайте!
Ойра, ойра, Тепана!
Правые ноги поднимайте!
Ойра, ойра, Тепана!

Над коленями их приставляйте!
Ойра, ойра, Тепана!
Веселимся, душу тешим!
Ойра, ойра, Тепана!
А Тепане – родниковую воду!
Ойра, ойра, Тепана!

В это время шапа (прислуживающий за столом) приносил стол. На нем стояла большая черная чаша, полная пива или бузы, на ней два-три пирога, на них кусок мяса. Парни садились, ели и пили. Потом вставали, снова начинали плясать «Тепану».

Подали (нам) еды и питья!
Ойра, ойра, Тепана!
Уважил нас!
Ойра, ойра, Тепана!
Потребовали «Тепану» (сплясать)!
Ойра, ойра, Тепана!
А Тепана неустанна!
Ойра, ойра, Тепана!
Без веселья что не устанет?
Ойра, ойра, Тепана!
Пойте Тепану!
Ойра, ойра, Тепана!
А Тепана веселится!
Ойра, ойра, Тепана!
Сил не жалеет!
Ойра, ойра, Тепана!
Тепане – сил-мощи!
Ойра, ойра, Тепана!
Этого веселья не лишайтесь!
Ойра, ойра, Тепана!
А веселитесь – к веселью!
Ойра, ойра, Тепана!
Будьте щедры на угощенье!
Ойра, ойра, Тепана!
Живите с Тепаной!
Ойра, ойра, Тепана!

ТЕПАНА

Ойра, ойра, Тепана!
Ойра, Тепана!
Пусть пол комнаты будет каменистым (чистым)!
Ойра, Тепана!
Пусть у снохи вашей будет сын!
Ойра, Тепана!
Если будет сын, пусть не один!
Ойра, Тепана!
Пусть ноги ее мужа будут чисты!
Ойра, Тепана!

ТЕПЕНА

На «Тепена» – веселье!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – решенья!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – скачки!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – состязания!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – метание камней!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – перетягивание каната!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – красивая девушка!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – бравый парень!
Ойра, Голлу!
На «Тепена» – выборы жениха!
Ойра, Голлу!
Приходите на «Тепену»!
Ойра, Голлу!
Покажите свою силу!
Ойра, Голлу!
Не обращайтесь внимания на дожди!
Ойра, Голлу!
Не жалеете скота для убоя!
Ойра, Голлу!
Пейте черное пиво!
Ойра, Голлу!
Поднимите золотую чашу!
Ойра, Голлу!
Произносите благопожелания!
Ойра, Голлу!

ОГОНЬ

Гори, гори, не гасни,
Тебе пищей – моя душа!

Гори всегда, свети всегда,
Всех, кто в пути, привечай,

Не угасая, продолжайся,
Оставайся в моем очаге.

Когда мужи отправились в путь,
Когда они завалили зубра,

Они с наслаждением зажгли тебя,
Произнесли и благодарение,

Верхнее и крепкое,
Костистое и поминальное —

Все бросили тебе,
С наслаждением, с мольбой возжгли тебя,

Ты же дай им тепла,
Дай их лицам обаяние!

Моя душа тебе покорна, —
Ты же стань им спутником!

МАТЬ ВЕТРА

Мать Ветра, насколько я слышал, живет на краю земли, в большой пещере в высоких горах. Ветры — ее проказливые дети, они живут вместе с матерью в этой пещере; есть у нее и дочь-красавица по имени Суичмез («не пьющая воды»). У пещеры, в которой они живут, есть дверь из очень крепкого металла. Ветры (постоянно) хотят вырваться за дверь, но мать их не пускает. Потом, когда им сильно наскучит, она открывает дверь и выпускает их наружу, когда по одному, а когда и всех вместе. Когда они, вволю порезвившись, наигравшись, устают, то возвращаются к себе в пещеру и отдыхают. О Матери Ветра была и песня:

Мать ветра Химикки, —
Помело за дверью,
Приходи, Химикки, приходи,
Плохое возьми с собой,
Хорошее оставь мне... —

Остальные слова я забыл.

ЗАКЛИНАНИЕ ОТ ВЕТРА

Если зимой поднимался сильный ветер, начиналась долгая буря, сельчане собирались, резали белого вола и обращались к Матери Ветра и ее сыну с мольбой о прекращении бурана. Мой дед знал эти мольбы-заклинания все до одной. А у меня в памяти остались только эти слова:

Сын ветра Гылан,
Не вей свой буран,
Не губи наш скот,
Жертвы мы принесем,
Тебе долю выделим!

СУИЧМЕЗ

Спрашивающая у отца совета,
Следы ее ведут на гумно,
Для подруг она — образец,
В руках у нее шитье,
Имя ее — красавица Суичмез!

Пусть о колесо раскручивает веретено,
Пусть на току веет зерно,
Выросшая на наших глазах, резвясь,
Та, кого любят и земля, и небо,
Имя ее – красавица Суичмез!

Пусть соседи, округа радуются,
Наблюдают за ее игрой,
Да будут медовыми их хозяйства,
Все смотрят с завистью на нее,
Имя ее – красавица Суичмез!

Красотой равная Суу Кызла (русалки),
Танцующая резвее ветра,
Питающаяся горной брусникой,
Пьющая мед вместо воды,
Имя ее – красавица Суичмез!

От работы она не устает,
В танцах не утомима,
Не поддается унынию,
Подруг не признает,
Имя ее – красавица Суичмез!

Суичмез – красивейшая из девушек,
Рыжие волосы ее расчесывает ветер,
Глаза ее волнуют душу,
Завораживает и речами,
Имя ее – красавица Суичмез!

Пусть она будет выделяться среди девушек,
Пусть в честь ее произносят здравицы,
Пусть ее восхваляют,
Пусть лучшие парни заискивают перед ней,
Имя ее – красавица Суичмез!

* * *

Су-анасы. Это слово в буквальном переводе значит «мать воды»; есть также су-атасы, т.е. отец воды; местопребывание их в реках, озерах. Существа они вообще добрые – спасают утопающих: су-анасы – детей и женщин, а су-атасы – мужчин. Если же из людей кто утонет, то говорят, что утонувший чем-нибудь рассердил су-атасы или су-анасы, смотря по тому, кто утонувший: мужчина или женщина.

Е. Баранов, 1897

23. БАЙРЫМ, УМАЙ, САТАНАЙ

ПОКЛОНЕНИЕ БАЙРЫМ

Люди ходили на поклонение к камню Байрым. С собой они брали половину бараньей головы, мозговую кость (*ашыкъ илик*), бараний бок, три овальных калача, лепешки, вату. Один калач съедали, а два других не трогали; мясо тоже съедали, а кости зарывали там же. От оставшихся калачей отщипывали по кусочку и разбрасывали по земле.

Если человеку не верили, говорили: «Поклянись, держась за над-очажную цепь».

ПОКЛОНЕНИЕ БАЙРЫМ

К камню Байрым ходили просить дать девочку, мальчика. Ходили в лунную ночь. Несли мясо, яйца, масло и другую пищу. По пути обходили вокруг старых (нартских) могил. Затем вскрывали одну из них и клали в нее вареное яйцо, ковш молока, три пирога с мясом, долю просяной или крупяной каши. Добавляли к ним какую-нибудь серебряную или золотую вещицу. Дважды произносили такие слова:

Мы молим святую Байрым-бийче,
Байрым, молим Тейри, заклиная его именем нартов,
Ай-лай-лай, Тейри, лай-лай, лай-лай.

БАЙРЫМ-БИЙЧЕ

Раньше в горских (карачаево-балкарских) селениях были камни, посвященные Байрым-бийче. Бездетные женщины готовили и носили туда угощенья и молили Байрым дать им ребенка. Желающие иметь мальчика дарили Байрым стрелу, а девочку – шелк. Именем Байрым клялись. Верили, что человека, нарушившего (эту) клятву или принесшего ложную клятву, постигнет большая беда. Поэтому, если человек, обвиняемый в чем-либо, обращаясь к Байрым, три раза повторял, что он невиновен, его прощали. Существовало и проклятье: «Пусть Байрым разрушит твой дом!»

ПАЛОМНИЧЕСТВО К БАЙРЫМ

Байрым-бийче, божественная владычица,
Я прошу у тебя ребенка,
Умоляю, смиренно молю,
Ягнят в жертву принесу.

Байрым-бийче – дарительница,
Дарующая земле дождь, мужчине силу,
Верую в твою божественность,
Освети, да пребуду я в этой вере.

Стрелы (пули) я принесла, рядками
На белом камне их разложила,
Стрелы (пули) – твои, сын – мой,
Стрелы (пули) твои, сын – мой!

Шелк принесла я отрезами,
На синий камень их положила,
Шелк – твой, дочь – моя,
Шелк – твой, дочь – моя!

Байрым-бийче, божественная владычица,
Окажи мне милость, богиня!

МОЛЬБА К БАЙРЫМ-БИЙЧЕ

Ночь Байрым, святая ночь,
Умоляю тебя, смиренно молю,
Прошу у тебя ребенка,
Ребенка своего к груди прижать
Стремлюсь, умираю!

Ночь Байрым, святая ночь,
Обогащу твою дарующую руку,
Волосами своими подмету
Дорогу, которой ты ходишь!

Усыпающая очаги звездами,
Дарующая земле дождь, мужчине – силу,
Байрым-бийче, перед святостью твоей преклоняюсь,
(букв. – «святость твоя на моей макушке»),
Искренность моя – в груди! (букв. – «в моих легких – Х. Дж.)

Стрелы я принесла,
На белый камень их положила
Рядками,
Стрелы – твои, сын – мой,
Стрелы – твои, сын – мой!

Шелковые отрезы я принесла,
На голубой камень положила,
Шелка – твои, дочь – моя,
Шелка – твои, дочь – моя!

О, если даруешь, даруй мужчине (силу),
Если не даруешь – провались!

УМАЙ-БИЙЧЕ

Нарты – слуги (рабы) Тейри,
Нарты – его смелые дети,
Нарты – мать их волчица,

Больше всего они почитают Умай-бийче.
А Умай-бийче – это дочь Тейри,
А Умай-бийче – диво дивное:
Ее тело – тело маралухи,
Ее поступь – как полет звезды,
Ее рога – словно прилипший (ко лбу) полумесяц,
Ее глаза – словно утренние звезды,
Трехногая дивная Умай.
Трехногая белая олениха Умай!

УМАЙ-БИЙЧЕ

Нартские сыны (букв. «сыны солнца») – солнцелики,
Нарты – смелые всадники,
Нарты – верные клятве!

Их родная мать – волчица,
Их родной отец – Доммай-тейри («бог зубров»),
Их любимица – Умай-бийче.

А Умай-бийче – дочь Тейри,
А Умай-бийче – диво дивное:

Ее волосы – словно черный туман,
Движется она, танцуя на ходу,

Ее тело – словно тело лани,
Ее поступь – словно полет звезды,

Ее рог – словно прилипший (ко лбу) полумесяц,
И крылья – словно крылья орла,

Ее очи – словно спелая смородина,
А взгляд – словно утренние звезды!

БАБУ-БИЙЧЕ

Бабу-бийче, Уммай, Уммай, муж умер,
Бабу-бийче, Уммай, Уммай, муж умер.

Муж умер, в Эремее повалилось дерево.
Пусть в Эремее поваленное дерево не зацветет.

Бабу-бийче, Уммай, Уммай, пусть не зацветет,
Пусть его старшая жена не родит сводного ребенка.

Пусть простая жена его одна не суетится,
Пусть в Эремее безмужних женщин не останется.

ПРЕКРАСНАЯ САТАНАЙ

Солнечными и лунными лучами порожденная,
Не было на свете никого красивее ее.

Днем – как солнце, ночью как луна сияла,
У увидевшего ее слепило глаза.

Заговорам, заклинаниям научила она женщин,
Ее мольбы исполнялись.

От ее слюны закипали родники,
Ее моча размягчала медвежьей шкуру.

Дуновение ее остужало раскаленное железо,
Она предугадывала речи, мысли любого человека.

Она могла видеть, что происходит на звездах и под землей,
С живущими там во сне вела беседы.

ПОХИЩЕНИЕ САТАНАЙ

Солнце – отец Сатанай,
Луна – родившая ее ласковая мать.

У Луны ее похитил Тейри Моря,
Имя его было – Водяной Желмауз.

Тейри Моря спрятал ее на острове,
Скрывал ее там много лет.

Луна затмилась, лик ее потемнел,
Сердце ее изнывало.

Из-за этого затмеваются Луна и Солнце,
Из-за этого дрожат, содрогаются,

Свет свой не посылают они на землю,
Плача, собирают вокруг себя звезды.

На землю они с высокого неба смотрят,
Спрашивают, где находится Сатанай.

Что с ней, где она – не могут узнать,
А спросить у Желмауза они не решаются.

Когда Луна плачет, из глаз ее льются дожди,
Когда Солнце раскаляется, на земле горят травы.

Водяной Желмауз спрятал Сатанай, не отдает,
На острове ее никто не может видеть.

Поверхность острова он окутал туманом,
Сам же ушел под воду и лег на дно морское.

За Сатанай ухаживала Мать Воды,
Своей рукой расчесывала ее золотые волосы.

И все же в горе проходили дни Сатанай,
Горе приносили ей морские рассветы.

Несколько лет она провела в слезах,
А однажды ночью решилась бежать.

Размалевав лицо, пошла она на берег моря,
Отыскала березовую доску и села на нее.

Руки и ноги в весла превратив, гребла она,
Ветры, подгоняя, вынесли ее к земле.

Алмосту, увидев, подобрали ее,
В дремучий лес привели, поставили перед ней кушанья.

Алмосту давали ей кушанья из кореньев,
Почтительно, доброжелательно к Сатанай отнеслись.

Алмосту не умели разговаривать,
К Сатанай они хорошо относились.

Однажды, когда бежали (куда-то),
Они наткнулись на какой-то холм.

От этого холма несло запахом враждебным запахом,
Старый алмосту (от этого запаха) потерял сознание.

Остальные разом побежали назад,
Рассыпались по дремучему лесу.

Большой холм оказался старым эмегеном,
Семьсот лет жил он в лесу.

Сатанай не смогла убежать,
И старый эмеген хотел ее поймать.

Тогда Сатанай взглянула на него, открыв лицо,
Единственный глаз эмегена ослеп (от ее сияния).

Единственный глаз его перестал видеть,
Разъярившись, он схватил огромные камни,

Ничего не видя, он швырял камни,
Комья земли глотал он (от злости).

Пошел он вслепую и с крутой скалы сорвался,
Тело его огромное о речные камни разбилось.

Юная Сатанай осталась одна,
Совсем одна в дремучем лесу, раздетая.

Долго шла она по дремучему лесу, спотыкаясь,
В поисках спасения взывая к Тейри Земли.

Красота ее озаряла камни, горы,
Все любовалось ею.

При виде Сатанай реки останавливались,
И ночами были светлыми равнины, горы.

Так Сатанай долго бродила, не находя поселений,
Не имея ни крошки хлеба, чтобы поесть.

Блуждая, она пришла в какое-то нартское селение,
На окраине села ее увидела ведунья.

Ведунья взяла Сатанай с собой,
В чулане своем поселила.

Скрывая от всех, ведунья ее вырастила,
(Потом) Ёрюзмеку о девушке намекнула.

Отдала ее в жены Ёрюзмеку,
Ёрюзмек мудрости у нее набирался.

Сатанай стала матерью нартов,
А Ёрюзмек стал отцом нартского войска.

ВЕЩАЯ САТАНАЙ

Сатанай – жена нарта Ёрюзмека. Сама она была красавица из красавиц, мудрейшая из мудрых, расторопнейшая из расторопных, мастерица из мастериц. Ее вырастила главная ведунья страны нартов – женщина по имени Тохана.

До Сатанай нартские женщины не имели понятия о кройке и шитье. Кроме того, в нартских селах ели мясо, поджаривая его на открытом пламени. Сатанай научила их варить мясо. Нартов, не умевших есть зерновые, кроме как в чистом виде, она научила перемалывать зерно при помощи ручной мельницы и печь из муки хлеб. Не проходило дня, чтобы Сатанай не научила нартов чему-нибудь новому. Однажды Сатанай соорудила ткацкий станок, чюйке, чоллак, кисиу тарак, жия тарак*, веретено и научила нартских женщин пользоваться ими.

Вещая Сатанай знала язык всех растений, трав, деревьев. Она готовила из трав снадобья для заболевших нартов. Говорят, Сатанай нашла и траву бессмертия, но ее она и сама не съела и другим не дала.

Однажды она отправилась в заросли камыша на берегу моря и наложила ядовитых змей. Сжимая их за шеи, она собрала их яд, принесла и

*Чюйке, чоллак, кисиу тарак, жия тарак – детали ткацкого станка

отдала кузнецу Дебету. Дебет закалял изготовленные им наконечники стрел, мечи, смазывая их этим ядом. Раненный такой стрелой или мечом опухал, синел, чернел и умирал.

ПОЧЕМУ СОЛНЦЕ ПЕРЕД ЗАКАТОМ ЗАМИРАЕТ

Когда солнце приближается к закату, оно не закатывается сразу, а на некоторое время останавливается, замирает, как будто в ожидании чего-то. Почему это так происходит?

Сатанай-бийче еще в девичестве была рукодельницей. Она была такой расторопной, что каждый день шила одно отборное платье. Среди нартских женщин не было мастерицы шить лучше ее.

У нартов был мастер, изготавливающий седла. Он тоже готовил по одному седлу в день. О расторопности Сатанай были наслышаны все нарты. Однажды, увидев Сатанай за шитьем, этот юноша предложил ей:

— Давай устроим состязание между нами.

Сатанай сказала:

— Я могу за день сшить платье.

— А я могу за день изготовить седло, — сказал парень.

Они поспорили. На следующий день, как только выглянуло солнце, они взялись за дело. Стараясь не проиграть, оба работали очень споро. Иголочка в руках Сатанай двигалась так быстро, что порой раскалялась и прожигала материю, но она продолжала работать, не обращая на это внимания. Перед самым закатом парень полностью изготовил седло и встал. А у Сатанай оставалось еще немножко работы. Опасаясь, что не успеет закончить до заката, она обратилась к солнцу и попросила:

— О, сотворенное нам на радость солнце, задержись ради меня на немножко!

Солнце не закатилось сразу, а немного задержалось, глядя в глаза Сатанай. Сатанай быстро закончила шить и надела готовое платье.

— Нравится? — спросила она у парня, поворачиваясь вокруг себя и показывая ему платье. Удивленный расторопностью Сатанай, тот воздал ей хвалу:

— Вот про таких женщин говорят, что у них из десяти пальцев капает мед!

С этих пор и повелось, говорят старики, что солнце перед закатом на некоторое время замирает.

ЦВЕТОК САТАНАЙ

Сатанай была так ослепительно красива, что могла соперничать с солнцем в небе. Брови ее были словно чернь на серебре, глаза сияли, густые волосы искрились на солнце, тело было стройное. Обладающая несравненной красотой, Сатанай тем не менее не ставила себя выше других, и ее ничуть не заботило то, что на свете может быть кто-то красивее ее.

Сатанай любила отдыхать на зеленых берегах Кубани, стирать белье, купаться. Голубые волны реки, нежно обнимая, лаская, целуя ее стройное тело, приучили ее к себе. Когда Сатанай плавала, как сазан, в тихих заводях Кубани, солнце останавливалось и завистливо разглядывало ее, а цве-

ты склоняли свои головки к воде, чтобы Сатанай обратила на них внимание.

Дикие стада, пасущиеся в лесах, собравшись на солнечных полянках, восхищенно смотрели на купающуюся Сатанай и не трогали цветы, растущие там.

Когда Сатанай-бийче входила в воды Кубани, в лесах переставали выть звери, в небе не летали птицы. Сама вода тоже замирала, говорили старики. Если во время прогулок по берегу она замечала цветок, она ласкала его, как ребенка. Увлекаясь цветами, она, бывало, уходила довольно далеко от берега.

Ей нравились все цветы, но один из них пришелся ей особенно по сердцу. Увидев такой цветок, она иногда долгое время проводила рядом с ним, а иногда выкапывала и сажала у себя во дворе. Будучи в отъезде, она скучала по цветку, как по близкому другу и спешила вернуться домой. Цветок тоже был удивительный: с закатом солнца он закрывал свой глазок, а с рассветом просыпался.

Сатанай-бийче иногда разговаривала с ним даже во сне. Видя такую безмерную любовь, эти удивительные цветочки, растущие на большой равнине в месте соединения Уллу Кам и Уллу Хурзук, называли цветком Сатанай. С давних пор растут они на равнине, где зарождается Кубань. С закатом солнца они смыкают глазки, а когда солнце утром начинает освещать вершины гор, открывают глаза и ищут Сатанай. Так говорят.

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК НАРТЫ ПЕРЕСЕЛИЛИСЬ С ЗЕМЛИ НА НЕБО

Сатанай — мать нартвов. Не являлся на свет человек, который был бы прекраснее ее, мудрее ее. Это она одарила весь свет мудростью и честью. Сатанай знала, что было, что есть и что будет. Отец и мать ее — Солнце и Луна, а родилась она на небе. Говорят, что с неба ее забрал Тейри Земли, попросив отдать ее на воспитание. Но иные говорят: «Нет, ее похитил Желмауз, потому-то и затмеваются Луна и Солнце. Вспомнив Сатанай, Солнце начинает жечь, опалает землю, иссушает воды, заставляет сякнуть моря. Когда затмевается Луна, льют дожди, начинается половодье, бурлят реки».

На земле Сатанай растила Мать Воды. Она очень любила Сатанай, сама за ней ухаживала. Говорят, что и именем Сатанай ее нарекла она. Когда маленькая дочь Луны и Солнца, вспомнив о них, начинала плакать, Мать Воды давала ей поиграть своими прекрасными самоцветами, яхонтами и алмазами. Из них Сатанай больше всего любила играть красными кораллами (сата). Потому и назвала ее Мать Воды Сатанай.

Убежав от Желмауза, Сатанай пришла в нартское селение, где стала женой самого их смелого и сильного батыра — Ёрюзмека. Прошло много времен, в течение которых Сатанай правила нартами. Они, борясь на земле со своими врагами, истребили эмегенов, которые прежде не давали покоя людям. Покончили они и со злобными драконами. После этого, когда у них врагов не осталось, по повелению Тейри Неба они сели на орлинокрылых коней и по воздуху улетели на небо. Таков был исход нартвов с земли.

После того, как нарты переселились на небо, Сатанай осталась на Земле одна. На земле остались и святые могилы нарттов.

Годы, проведенные (на земле) после ухода нарттов, Сатанай называла «безликими». Жить среди других народов одной, без нарттов, ей было тяжело. Но все же Сатанай многому научила земных людей. Дала им зерно и научила готовить хлеб и бузу, дала кремневые камешки и научила разжигать огонь. Обучила женщин, раскладывая камешки, толковать будущее, находить похищенное, съеденное волками, пропажу, уметь готовить из трав снадобья, знать все тайное благодаря хитрости и снам. Научив их способам побеждать всех врагов, она назвала тех женщин «куртха» (ведуньи).

Кроме того, она образовала из старых женщин нечто, называемое обурами. Она научила их принимать облик кошек, сов и прочих зверей, в кого те желали обратиться, облик тех они и принимали. Из числа этих обуров недобрые по ночам пробирались к детям людей, которых они не любили, и высасывали их кровь в облике кошек. Являясь к ним во сне, они их пугали. Такое состояние человека называется «бастырыклану» (придавленность, оцепенение).

Мужчин Сатанай научила гадать по лопаточной кости (жертвенного животного), чтобы, поглядев на нее, предвидеть изменения погоды, сражения, положение дел в мире, его состояние.

Потом Сатанай обратилась к Тейри Неба, Земли и Воды с мольбой: «Заберите меня из мира, где нет нарттов, теперь на земле больше нет насилия». И однажды ночью, во сне, она услышала голос: «Поднимись в нартское святилище в горах, там Тейри Неба спустит к тебе шелковый аркан и заберет тебя к себе». Вещая Сатанай поднялась в святилище на горе, которое она видела во сне и о котором ей было сказано. Как только она поднялась, (с неба) опустилось на шелковом аркане нечто подобное орлиному гнезду. Немедля она улеглась в это орлиное гнездо, и аркан, свиваясь, унес ее на небо. Сатанай и сейчас пребывает на небе, повелевая летающими по воздуху на орлинокрылых конях нартами.

24. БОГИ ЗЕМЛИ, ВОДЫ, ВЕТРА, ОГНЯ; ДУХИ-ХОЗЯЕВА МЕСТНОСТИ

СВИСТУН

Балкарцы, карачаевцы верили раньше в существование домового. Для него оставляли кушанья, айран, чтобы он поел. Вот, говорят, у Ульбашевых был такой домовый, в Верхней Балкарии. Они называли его свистуном. Он часто любил пошалить — съедал всю еду, выпивал айран, сметану. Тогда старики собрались и приняли решение втайне от него переселиться в Кашхатау. Когда они закончили свой совет, раздался голос свистуна: «Вы думаете, я не найду дорогу в Кашхатау?!»

После этого старики, поняв, что от свистуна им не избавиться, старались всячески угождать ему.

МЕСТЬ ДОМОВОГО

Домовой охранял дом и живущих в нем людей, предупреждал их о надвигающейся беде. Но его нельзя злить, а то он отомстит. Вот, говорят, у Бозиевых был удивительный фамильный источник. Из этого источника шла не вода, а молоко, чистое белое молоко. Так они жили, блаженствуя, пока однажды не обидели чем-то домового. Он, разозлившись, произнес проклятие, и молоко в источнике превратилось в воду. Так я слышал.

ОБЛИК ДОМОВОГО

Среди домовых бывают мужчины и женщины. Мужчины-домовые длинноволосы, волосаты, поэтому-то, скрывая настоящее имя, их и называют «волосатый» или «длинноволосый». Иногда они (домовые) являются перед человеком в девичьем облике, с волосами до пят, иногда же они похожи на старух. Тогда живущие в доме их ласково называют *амма* «бабушка». Называют их иногда и «хозяином жилища».

ДУХИ-ХОЗЯЕВА МЕСТНОСТИ

У каждого места есть свой дух-хозяин. Он может навредить человеку, если не вести себя подобающе. Если же человек хороший, бережно относится к земле, воде, дух-хозяин места помогает ему. Дети такого человека растут без проблем, скот не болеет, не срывается со скалы. И здоровье у такого человека бывает хорошее.

А есть еще такие места, где не то что жить, даже подходить к ним нельзя. А если подойдешь, случится какая-нибудь беда: или упадешь и покалечишься, или заболеешь чем-нибудь. Такие места называют «захваченными бесами». А если есть нужда непременно надо туда сходить, надо взять с собой что-нибудь железное.

Поэтому раньше, когда человек выбирал место для строительства дома, он сначала выпускал в этом месте попастись вола или корову и наблюдал. Где они ложились отдыхать, там и старались поставить дом. Звери, животные каким-то образом чувствуют, знают добрые места.

Поэтому и пастухи, перегнав скот на новое пастбище, в первую очередь устраивали жертвоприношение в честь хозяина местности, чтобы он не вредил им. Добравшись до пастбища, они резали овцу, брызгали на землю ее кровь и бульон от сварившегося мяса; оставляли в определенном местечке и долю мяса. Если не сделать так, не почтить «хозяина местности», то он наслет болезни на скот и на людей. В таком случае надо было принести жертву и совершить моление, а после того, как болезни прекратятся, принести в жертву еще одного барашка.

ПОМОЩЬ ХОЗЯИНА МЕСТНОСТИ

Пастухам, пахарям, бережно относящимся к земле, воде, пастбищам, «хозяин земли» оказывал помощь. Я слышал рассказ про одного пастуха из Чегемского ущелья. Он пас крупный рогатый скот своих односельчан, хорошо себя вел: не засорял источники, бережно относился к земле, не

пас скот два дня подряд на одном и том же месте. Однажды он обратил внимание на то, что коровы ложатся отдыхать на одном и том же холме. Видать, умный это был парень, он пошел и выкупил то ли у сельчан, то ли у какого-то конкретного хозяина этот холм. И заплатил немного: кому был нужен какой-то там холм?

Построил он на том холме дом, обзавелся семьей. И в скором времени сравнялся богатством с князьями, сыновья у него выросли здоровыми, работающими, здравомыслящими. Так ему помог хозяин местности.

АУАЛ И АСТАЛ

Жили (некогда) два брата, Ауал и Астал. Они трудились с утра до вечера, очищая земли у подножья гор от камней. Но вот придут они утром, глянут, — а земля опять полна камней. Тогда они, жалуясь, сказали:

Эх, мир, каменный мир,
Такой к нам враждебный мир!
Скажи, что нам делать, мир?
Весь мир принадлежит Дауле,
Много у него зерна,
Много помощников-пахарей.
Он не приходит к нам сюда,
Насыляет камни, насыляет камни,
Он видит, он видит!

Богат, богат наш Дауле,
Но ничего не дает, ничего не дает (нам)
Наш щедрый хозяин.
Много, много у тебя земли,
Быки твои подобны зубрам —
Запряги их и приезжай, запряги и приезжай,
Нам хоть как-то помоги,
Если не поможешь, мы умрем,
Тебя возненавидим.

Пусть придет Дауле, пусть придет Дауле,
Пусть увидит он эти камни,
Пусть поднимет (и уберет) самые тяжелые,
Если не уберет, пусть его беда постигнет,
Пусть Тейри пошлет ему горе,
А к нам проявит свою щедрость!

Их мать, увидев мучения сыновей, сотворила мольбу, и камни превратились в зерна. И тогда эти юноши сказали:

О пашня, пашня Дауле,
Велико твое умение, Дауле,
Запряги своих могучих (быков), Дауле,
Ячмень свой посеи, Дауле,
В здравии достигни осени, Дауле!
Мы собираем, мы собираем (урожай),

Засыпаем твои дары в ларь,
Вот снопы – их даруешь ты,
Лари полны – ты видишь (это).
В одном твоём снопе – целый ларь зерна,
В одном твоём ларе – целый год изобилия.
Ты щедр, ты щедр,
О пахарь, о Дауле!
Ты прознал, ты прознал,
Ты привел своих быков,
Ты изготовил соху,
О пахарь, о Дауле!
Окажи и нам помощь,
Ты – вещий, ты – Дауле!
Сделай одно зернышко тысячью,
Отяготи нас ношей богатства,
О пахарь, о Дауле!

ЧЕРНЫЕ ВОЛЫ

А душа моя – черный скот,
И они родятся у кого-нибудь везучего!

Эй, бог Дауле, родятся,
Руки и лицо твоё они умоют в сливочном масле.

Эй, они они рано утром поднимутся,
И приготовят себя к гумну.

Молотильный камень они будут тянуть и вращать,
Эй, бог Дауле, вращать!

Когда лето настанет, эти (волы) уйдут на пастбище,
Там отдохнут эти, эй, повеселеют.

Будут лежать, вытянув мощные ноги,
Будут есть типчак в густой траве,
Эй, бог Дауле, будут есть!

САУМАН

На перевале Дуут был раньше Запретный камень. Каждый прохожий в знак почтения что-нибудь оставлял на этом камне: деньги, одежду, еду и просил для себя добра, помощи, счастья. Если человек что-то забирал с камня, взамен оставлял что-нибудь другое. Говорили, что этот камень почитался потому, что на нем любил отдыхать сын Тейри Земли Сауман.

ИМЕНЕМ ДАУЛЕТА

Даулет – бог земли, могущество его велико. Чтобы пашни взошли обильно, ему поклонялись, обращались с мольбами, приносили жертвы. К Даулету же обращались с просьбами даровать много детей, дать им здоровья. Обряд бракосочетания тоже освящался его именем. У каждого села

было и свое священное дерево. Два человека, держась за концы, поднимали вверх ветку, срезанную с этого дерева, а молодожены проходили под нею. Жрец или один из стариков спрашивал у девушки: «Ты согласна?». Девушка отвечала: «Согласна, клянусь Даулетом», а парень говорил: «И я (согласен)».

МОЛЬБА, ОБРАЩЕННАЯ К ДАУЛЕТУ

Эй, пахарь,
Долина Алау почернела,
Над верхней горою облака,
Над нижней горою облака,
Долина Алау почернела.

Облака опускаются на нижнюю гору,
Пробуждаются насекомые,
Пробуждаются семена.
Ячмень посеял для пропитания,
Ячмень посеял для пропитания,
Для насекомых,
Для прочитавшего Коран,
Для застенчивой Майрусхан,
Для крымского хана, собирающего дань,
Под верхними облаками,
Под нижними облаками,
Зерно — для тейри животных,
Зерно — для тейри дома.

Мы встали, мы проснулись,
В каждом колосе — семь зерен,
В неуродившемся — два.

В гнезде десять птиц,
В дороге сто десять всадников,
Всем им сладко зерно.

Пахарь, божественный пахарь,
Тысячами способов нам помогающий,
Борозда почернела,
Взгляни на нее поскорее.

Наши спины притомились,
Руки стали, словно каменные,
Пришли мы к тебе голодные,
Не оставь наши нивы бесплодными!

ОТЕЦ ВОДЫ СЮЛЕМЕН

Отец Воды Сюлемен,
У воды я кости прошу.

Село ночью не спит,
Никто не отдыхает.

Тебе тоже не дадут спать,
Не дадут спокойно жить.

Несчастливая мать его рыдает,
Рвет волосы на голове.

Будет обвинять тебя,
Будет неутешна.

Отец Воды Суулемен,
Точащий нож на молоко (злобящийся на молоко),

Покойников ищут,
А ты не отдаешь.

Давай же, окажи нам помощь,
Отдай то, что мы ищем и уходи.

МОЛЬБА, ОБРАЩЕННАЯ К СУУЛЕМЕНУ

Вечером старались не подходить близко к реке, чтобы Мать Воды не причинила вреда. А если были вынуждены, перед тем, как набрать воды, произносили мольбу:

Отец Воды Суулемен,
Я прошу у тебя водички,

Сегодня в доме моем тесно,
У меня гости.

В неурочное время я пришел,
Мне известно твое могущество.

Ты живешь сытно,
У меня нет другого выхода,

Если ты дашь (воды), я уйду радостный,
Приготовлю угощение для гостей!

ЭРИРЕЙ

Эрирей, Эрей тучный,
Эй, отчего кренишься, ты, негодное дерьмо!

Вышагиваешь ты, словно конь,
Кренишься, как дряхлый старик.

Рога твои пригодны для изготовления лука,
Туша пригодна для разделки на (много) частей.

Кто насытится Эриреем —
У того куры будут нести по два яйца сразу,
У того дети будут иметь большой каравай.

И вы, петухи, тоже наешьтесь.

Конных рывком стаскивают с коней,
Пеших укладывают набок.

Эрирей, Эрей тучный,
Состаришься – на отчизне.

Если у плохого человека родится хороший сын,
Он из бревен построит большой хлев,
Наполнит его скотом.

Если у хорошего человека родится плохой сын,
Он заставит женщин в доме расчесывать свой чуб,
Большое богатство, оставшееся от отца,
Растратит на приезжих распутниц.

О Эрирей, Эрирей,
Эрирей – это благо,
Подавать больному – это благодеяние.

Давать богатому – ради богатства,
Давать бедному – ради жизни.

Эр-рейти, о душа моя,
Если будешь лениться, работа не заладится,
У старухи зубов не бывает.

Рано встающий сытым будет,
Опаздывающий дерьмом будет.

Будешь работать, не ленясь, посчитаем (тебя) мужчиной,
У того, кто не ленится, работа работой,

У того, кто не будет лениться,
Таким же хорошим будет и тело.

У ленивого тело хорошим не будет,
У ленивого работа работой не будет.

У того, кто не ленится, работа будет спориться,
У ленивого работа будет умирать.

ЭРЕЙ

Эр-рейти, о душа моя,
Если будешь лениться, работа не заладится,
У старухи зубов не бывает.

Рано встающий сытым будет,
Опаздывающий дерьмом будет.

Будешь работать, не лентясь, посчитаем (тебя) мужчиной,
У того, кто не ленится, работа работой,
У того, кто не будет лениться,
Таким же хорошим будет и тело.

У ленивого тело хорошим не будет,
У ленивого работа работой не будет.

У того, кто не ленится, работа будет спориться,
У ленивого работа будет умирать.

ЭРИРЕЙ

Пение «Эрирей» – утеха мужчины,
Не уметь этого делать – двойная досада.

Что падает вниз – то наше,
Что останется наверху (солома) – то ваше.

Голую спину вошь заест,
Оставшуюся на улице (скотину) собака съест.

Твою родительницу (корову) зарежу на курман-байрам,
Телка твоего продам недругам.

ЭРЕЙ

Это Эрей, Эрей, Эрей,
Пусть полнится наш ток!

Наполним кожаные мешки,
Утолим голод и жажду!

Снимем нартский урожай для бузы,
Будем подобны нартам!

Это Эрей, Эрей, Эрирей!
Эй, много даруй (зерна),
Святой Эрирей, щедрый Эрирей!

ЭРИРЕЙ

О Эрирей, Эрирей!
Ток готовлю, как утоптаный снег,
Ваши хвосты – как золотые колотушки.

Совершаете эрирей (обмолот),
Не выпив даже капли воды,

Работаете до вечера,
Не зная устали, утомления.

О Эрирей, Эрирей,
Не болейте, не подышайте,
Тяготы большей, чем эта,
В жизни своей не знайте.

Желтеют ячменные стебли,
На ногах ваших золотые зерна.

Эти зерна станут нартской снедью,
Закрома наши наполнятся крупным зерном.

О Эрирей, Эрирей,
Не понимающий Эрирея, несчастный,
Еще не испивший воды черный вол,
Его погоняющий – я бедняга.

ЭРИРЕЙ

О, Эрирей – это благо,
Давать бедным – это благодеяние.

Дающий бедным – ради жизни,
Эй, давать богачам и князьям – ради богатства.

Эй, пусть богачи и князья станут жертвами за тебя, вол,
Пусть дни наши проходят с пением «Эрирей»!

«Эрирей» будет петься всем народом,
С ветром, веющим зерно.

Эй, душа моя, око мое, черные животные –
(Люди) умоют лица и руки медом –
Такие (волы) рождаются для самых везучих (хозяев).

Топча гумно, топча гумно,
Пусть усталый ляжет один из вас, –
Пусть дом ваш наполнится счастьем!

Они встают рано утром,
Они рождаются для самых счастливых (хозяев)!

А летом они уйдут на пастбища,
Там будут лежать, вытянув ноги,
Будут пастись по ложбинам.

На ленивице никто не женится,
А если и женится, не полюбит.

Вставайте, уже рассвет,
Уложим снопы на гумне,
Еще до полудня наберем две кучи соломы,
Они (быки) ее растеребят.

ЭРИРЕЙ

По воле Эрирея пришла весна,
Обнажая черноту земли, уверенно пришла,
Тяни, мой вол, тяни!

Эй, на твоей шее – золотое ярмо,
Полное лукошко – на моей груди,
Тяни, мой вол, тяни!

Эй, такие животные больше не родятся,
Такие борозды – беременные,
Тяни, мой вол, тяни!

Зерно упадет (в землю) с рассветом,
Борозда родит души (злаков),
Тяни, мой вол, тяни!
Твои рога тяжелы (для тебя),
Мои пятки в мозолях,
Тяни, мой вол, тяни!

Эй, пахарю (даруй) телесное здоровье,
Нам бедным – здоровье душевное,
Тяни, мой вол, тяни!

Эй, пусть животное Даулета утомится,
Пусть день его жреца будет светлым,
Тяни, мой вол, тяни!

Эрирей явится с ветром,
Будем веять зерно всем селом,
Тяни, мой вол, тяни!

Эй, если Эрирей даст, все сладится,
Вспашем полем и отдохнем,
Тяни, мой вол, тяни!

ПЕСНЯ ПАХАРЕЙ

Я спою (вам) песню, волы:
Не уставайте, не утомляйтесь,
Мою работу завершите!
Пусть то, что я делаю вместе с вами, взойдет изобильно,
Чтобы под ними не пройти и перепелке,
Чтобы до их верхушек не достать рукой,
Чтобы зерна не смог унести ветер!
Осенью, если живы будем,
Каждое зернышко соберу я, ликуя,
Накормив своих голодных детей,
Буду веселиться, напевая «Чоппа-Чоппа»,
Насыплю (зерна) и вам,
И сам наемся, как и вы!

ЭРИРЕЙ

I

Это Эрей, Эрей, Эрей,
Он прочит нам богатство.

Это Эрей, Эрей, Эрей,
На току прибывает зерна.

Это Эрей, Эрей, Эрей,
Глава эрирея (молотьбы) – Эней (?).

Эрирей подобен пучку колосьев,
Подобен серпу, выкованному Дебетом.

Эй, Эрирей подобен волку,
Его окончание – шкуре зубра!

Его рост – густому камышу,
Его жатва – скачке на жеребцах!

Эй, Эрирей будет петься (всем) селом,
Вместе с ветром, провеивающим зерно.

II

Эй, с бледно-желтой речкой,
С желтогривым жеребенком,

Подобный колосу, полному молочка,
Подобный желтоухому коню,

Настал Эрирей, обильным настал,
Тучным сделал он скот Даулета.

Эй, повелел запрячь желтоголовых быков,
Велел высыпать зерно на току.

Эй, пусть животные Даулета утомятся,
Пусть воссияет солнце Байчи!

Эй, если Эрирей ниспошлет, оживем,
Поле сделав черным (вспахав), отдохнем!

ЭРИРЕЙ

Эй, Эрирей, это Эрирей,
Разве так делают теперь эрирей (обмолот)?
Нет никого, кто не может так делать, (но) разве кто-то плачет?

Разгуливающие богачи, эй, несчастны,
Несчастны эти толстяки!

Спину плохо одетого вошь заест,
Эй, не отделяйся, черный вол!
Отделившегося в плохом месте собака съест.

Если бедный будет ходить на гумно,
Привыкнет прислоняться к двери богача,
То, наевшись, не сможет уже уйти оттуда и станет рабом (прислугой).

Эй, Эрирей, у не получившего выгоды от работы на гумне
Масло сердца в воду превращается.

Выполняющий эту работу мой красивый черный вол,
Что падает вниз – то наше,
Что останется наверху (солома) –
То пусть будет ваше.
Пусть эта работа не будет тебе в тягость,
Мы ее поровну делим,
Заниматься этим в нынешнее время – большое благо.

В жертву я принесу твою мать,
За вышитый бисером платок продам твоего телка.

Если мы будем это делать (молотить),
И Золотой Хардар будет помогать нам,
Если наполним свои дома
И дворы (зерном), –

Разве не станет у нас много еды,
Эй, разве не станет у нас меньше врагов,
Разве не станем мы
Ровней богачам?

ЩЕДРЫЙ БАЙЧИ

Щедрый Байчи, бог полей,
Широк твой лоб,
Светел месяц твоего рождения!

Оплодотвори черную землю,
Изгони прочь иссушающий ветер!

Щедрый Байчи, бог полей,
Широк твой лоб,

Пусть повеление твое будет о сытости,
Пусть будет зерном то, чем ты велишь наполнить лари!

Все и вся видящий Тейри,
Земле уют дающий Тейри,

Дай прорасти моему благопожеланию,
Ниспошли дождь с высот!

ГУМНО

Утро настало, эй, аланы, вставайте,
Разложим снопы на гумне,
И еще до обеда
Возьмем (наполним) несколько ларей.

Парами волю будут молотить,
Ломая колосья, будут топтать,
Будет молотильный камень кататься туда-сюда,
Будут увеличивать кучи зерна.

Пусть будут спелыми ячменные колосья в загоне!

Дающий вязать самые толстые снопы,
Дающий возить их на парах волов,
Дающий возводить кучи (зерна) на току,
Дающий так махать лопатами (при провеивании),
(Да будет благословен Эрирей!).

ЭУЮЛ

Говорили, что есть божество, повелевающее дождем, ветрами, снегом, морозом; имя его было Эуюл. К нему обращались с мольбой: «Эуюл, да стану я жертвой тебе, не оставляй меня в пути, когда насылаешь дожди, ветра!» Про него есть такой рассказ.

Тейри и Аpsаты, посоветовавшись, разделили мир, каждый взял себе, что ему по душе. Тейри досталось небо и звезды, а Аpsаты стал покровителем гор и обитающих там животных, зверей.

Про Эуюля даже не вспомнили, есть он или нет.

— Я управляю ветрами, повелеваю дождями, снегопадом. Почему же вы двое даже не вспомнили обо мне и разделили весь мир? — воззвал Эуюл к Тейри.

— Не только ты один, но и Мать Ветра, Аймуш, Байчы, Элия тоже остались в стороне. Что же ты обижаешься? — резко ответил ему Тейри.

— Это неправильно, Тейри! Если меж нами возникнут недоразумения, роду человеческому придется туго. Если мы повелеваем семью слоями неба, семью слоями земли, если мы даруем жизнь животным, насекомым, они будут относиться к нам соответственно нашему поведению. Давай не будем так делать. Хотя мы и стоим ниже тебя, каждый из нас создан для того, чтобы вращать одно из колесиков жизни, — выразил Эуюл то, что было у него на сердце и приготовился выслушать Тейри.

— О чем ты болтаешь? Пора бы тебе уже уяснить разницу между собой и мной! Если будет надо, я сам смогу повелевать дождями и ветрами! Захочу — ниспошлю, не захочу — значит, нет! — раздался голос свыше.

После этого Эуюл прекратил дожди, Аймуш перестал даровать изобилие, Мать Ветра повелела ветрам не дуть, Байчы посеял раздор меж людьми; все насекомые исчезли, леса высохли, реки обмелели, зерно перестало расти, животные стали помирать. Тогда люди, принеся жертвы, с воплями начали молить: «Тейри, Элия, Эуюл, Аpsаты, Аймуш, Байчы, мать Ветра, да станем мы жертвами вам, если так будет продолжаться, вы осиротите

землю, все люди и животные вымрут!» После этого творцы семи слоев земли и семи слоев небес посоветовались, и на земле все опять начало цвести.

– Тейри, ты видел, что будет, если я стану упираться? Давай лучше договоримся, и пусть на земле опять зазеленеют леса, потекут ручьи, черви и жуки будут копошиться в земле, будут дожди и снегопады, а люди и животные начнут плодиться. Мы же будем наблюдать за ними и радоваться, – горделиво сказал Эуюл. «Что ты упрямишься, как Эуюл, делай, что тебе люди говорят!» – так старики иной раз поучают молодежь. Подумайте сами: хотя Элия и будет гроыхать в небесах, если Эуюл не ниспошлет дождь – разве не высохнут леса и не вымрут животные? А тогда не будет работы для Апсаты, и солнце Аймуша закатится, земля опустеет. И какой толк тогда от луны, от звезд? Вот так все взаимосвязано в этом мире, каждая мелочь для чего-то нужна, в любой маленькой вещи ощутим великий замысел.

КОЛИЧЕСТВО БОГОВ

Раньше у нашего народа был один обычай: весной шли к Одинокому Дереву, подвешивали к его ветке вниз головой «козленка Чоппа» и начинали танцевать вокруг него. Если козленок блеял, верили, что урожай будет хороший, если же нет, значит, год будет неважный. Потом этого козленка закалывали и разрывали на части.

После того, как заканчивали засеять и бороновать поле, исполняли песню «Эрирей», то же самое делали и при веянии зерна. Подбрасывая лопатой зерно вверх, кричали: «Горий, Горий, приди, приди!», – призывая ветер. Видимо, это был бог ветра. Старики говорили, что наш народ поклонялся двадцати двум богам.

25. АПСАТЫ

Эти дикие животные – туры, олени, дикие козы, косули – все они соблюдали порядок, исполняли повеления Апсаты. Считалось плохим предзнаменованием убить белого кийика Апсаты.

Проклятие Апсаты сбывалось. «Пусть тебе встретится Апсаты!» – так иногда проклинали. У Апсаты были красивые дочери. Они мстили охотникам за истребление их скота, уводили их в горы и доли, сбрасывали со скал. Сам Апсаты не бог, он просто друг Тейри, его приближенный.

ПЕРЕД ОХОТОЙ

Охотники на ночлеге, перед выходом на охоту, разжигали костер и устраивали магический обряд поклонения Апсаты посредством огня. Они становились вокруг костра, представляли, что какой-то камень или деревянная чурка – это кийик, и делали вид, что гоняются за ним, избивали его под магическую песню. Эти песни охотники сочиняли сами, исходя из особенностей местности и из того, какие животные там водятся. Есть, например, такая магическая песня:

Гори, мой огонь, гори,
Гори, гори, не гасни!

Я развел его в честь Аpsаты,
Да будет душа моя жертвой ему!

Гори, освещай,
Того, кто на тропе, дай разглядеть!

Того, кто в овраге, дай разглядеть!
Продолжай гореть,
Будь всегда в моем очаге!

И кийика, и зайца,
И зубра, и кабана
Дай вот так поразить!

Чтобы ты осветил наш путь,
Чтобы ты освятил тушу жертвенного животного,
Разожгли мы тебя,
И ты бурно пылаешь!

Подгони к нам животных,
Зубров, оленей,
Журавлей, пернатых,
Тех, что на вершинах, и тех, что прячутся,
Костистых, мясистых!
Любя тебя, с мольбами разожгли мы (огонь),
Аpsаты мы сказали:
«И огонь — твой, и мы — твои,
А животные в горах — тем более твои!

Пусть у тебя будет много скота,
Да захочешь ты их нам даровать,
А оставшийся скот пусть
Быстро тучнеет,
Да будет славиться твоя щедрость!»

ОХОТНИЧИЙ ОБЫЧАЙ

В одиночку на охоту не ходили, в крайнем случае вдвоем. Встречались и охотники-одиночки, но это был обычно какой-нибудь известный абрек. Ходить на охоту одному было слишком самонадеянно. Выходили из села тихо, незаметно. Обычно до рассвета, чтобы даже собаки на них не лаяли. Останавливались в какой-нибудь заброшенной кошаре или стойбище. На скорую руку перекусывали — кусочек сыра, сушеного мяса, утоляли жажду. Потом в один голос произносили мольбу:

Неспящий, неотдыхающий Аpsаты,
Мы пришли, открой нам тропы, открой нам тропы.

Выходя, оставляли двери жилища или загона открытыми. Если ночевали под открытым небом, чертили на земле неполный круг, концы линии не соединяли, как бы оставляя дверной проем. Этим они выражали свое желание, чтобы за ними не закрывались двери, чтобы они живыми вернулись домой.

Охотничьи заклинания, то есть мольбы к Аpscаты, у каждой группы охотников были свои. Кроме того, дойдя уже до места охоты, совершали ряд действий, без выполнения которых охота не будет удачной. Первым делом смотрели на Венеру. Она должна была быть прямо над ними. К ней, как и к Аpscаты, обращались с мольбой, чтобы она не распугала дичь, чтобы ветер не сносил их стрелы (пули) в сторону. Благодарили ее, воздавали хвалу за то, что они, не заплутав, добрались до места, что рассвет не застал их в пути. Затем разводили костер, брали дымящиеся головешки и раскладывали их на камнях своих укрытий. В это время говорили:

Пусть не гаснет огонь,
Пусть (Аpscаты) не встретит скупо,
Пусть не закатится Венера,
Пусть не загрязнится вода!

Пусть солончаки не покроет туман,
Пусть щедрым будет рассвет Аpscаты!

Затем прятались в укромном месте и ждали, когда кийики выйдут пасться.

УСТАНОВКА ЧУЧЕЛА

Были у охотников и другие обряды, например, «установка чучела». Охотники-сваны в Загорье изготавливали чучело, убив волка и сняв с него шкуру чулком. Собравшись на охоту, без излишней суматохи резали годовалого валушка. Снятую чулком шкуру набивали соломой и забирали с собой. Голову и лопатку его посвящали Аpscаты. Чучело устанавливали в пределах досягаемости стрелы, рядом с ним клали и «долю Аpscаты». Во время выполнения этого обряда пели:

(Это) голова черной скотины,
Пища щедрого бога!

Выделяем тебе из того, что ты даруешь нам,
Почитаем тебя,
На тебя, ойра, надеясь,
На щедрость твою надеясь, пришли мы!

Если дашь нам жирного кийика,
Голова его — наша, шкура — твоя,
То, что охотник добудет — от тебя,
Его благопожелания — тебе!
Белый Аpscаты, чуткий Аpscаты,
Даруй нам жирные туши, Аpscаты!

Хвала, хвала Апсаты, хвала!
Руки свои простираю к горам,
Ноги свои обмораживаю на солончаках!

Если хочешь дать, заверни кийиков сюда,
Если не хочешь дать, держись подальше от охотников!
Хвала, хвала Апсаты, хвала!
Хвала, хвала Апсаты, хвала!

ОХОТНИЧЬИ ОБРЯДЫ, ПРИМЕТЫ

Если перед охотой не искупаться, удачи не будет.

Боясь, что охота будет неудачной, о месте и дне охоты охотник никому не сообщал.

На охоту отправлялись до рассвета, стараясь никому не попасться на глаза.

Если по дороге охотнику попадался заяц или кошка, он возвращался назад.

Охотник дома доставал стрелу (пулю), произносил заклинание и только после этого отправлялся на охоту.

Провожая охотника, домашние желали ему: «В добрый путь, чтобы ты вернулся с полными руками, живой-здоровый!»

Охота была делом тайным. Если кто-то, встретив идущего на охоту, спрашивал его: «Куда идешь?», тот возвращался обратно, считая, что охота будет неудачной.

Верили, что есть дни, неудачные для охоты. Для каждого охотника это были разные дни, каждый сам знал свой «запретный» день.

Если у охотника возникали подозрения, что его сглазили, что он не так хорошо убивает (животных), как раньше, он брал у муллы оберег, заговаривал воду, брызгал ею на ствол ружья и говорил: «Аллах, сделай так, чтобы дела сглазившего меня не устроились, пусть кровь животных, в которых я стреляю, брызнет так же!»

Встретив возвращающегося с добычей охотника, люди говорили:

Эй, добычлив, добычлив будь всегда,
Пусть дорога твоя будет мягкой (из ваты),
Пусть дом твой будет полон радости! —

и, нарвав травы у дороги, обсыпали ею охотника.

Если охотник, возвращаясь с добычей, не выделит долю (хоть малую) встречному человеку или соседям, удача отвернется от него.

Охотник не должен был делиться добычей с нечестным человеком. В противном случае Апсаты мог на него разгневаться.

Охотника, убившего больше тысячи голов, ждало разорение, или же он погибал трагически.

ОХОТНИК И КАЯ КЫЗЛА («ДОЧЕРИ СКАЛ»)

Однажды, когда я на охоте заночевал в пещере, случилась такая история. Я разжег большой костер, сделал себе подстилку из мягкой травы и лег. Днем я много ходил, устал и поэтому быстро заснул. В какой-то

момент мне почудилось, что я сижу дома, а в дверь входят моя сестра и девушка, к которой я сватался. Вскочив, я подошел к ним, приветливо поздоровался. «Пойдем с нами», — сказали они. Не спрашивая куда, я в большом смятении отправился с ними.

Мы долго шли по каким-то незнакомым мне местам. «Проводи нас до прохода в скале и возвращайся», — сказали они. Обрадованный, я проводил их. Как только, шагая впереди них, я дошел до расщелины, кто-то окликнул меня: «Э-эй!», и я очнулся. Смотрю — я стою над обрывом, и рядом — никого. Я никогда не был лунатиком, то есть у меня не было привычки ходить во сне, охотой занимаюсь с ранней молодости. На заплетающихся ногах я еле добрался до пещеры. Я понял, что меня выманили из пещеры «дочери скал». С тех пор я точно убежден в их существовании.

ЖАНЫБЕК И МЕДВЕДЬ

Охотник Жаныбек, сделав большую пещеру над солончаком своим жилищем, каждый раз, выходя на охоту, останавливался там на два-три дня. Кругом, куда ни посмотри, были только крутые склоны с солончаками. И отец его, и дед были охотниками; начав ходить с отцом на охоту с возраста, когда смог натянуть тетиву лука, Жаныбек хорошо знал все тайны этих мест. Стрелял он без промаха.

Между хищником и охотником должно быть некоторое пространство, тогда в случае чего охотник может каким-нибудь образом спастись, если же хищник нападает внезапно, он обычно и побеждает. Жаныбек, придя на место, сразу же разводил перед пещерой большой костер, чтобы не напали волки, и, сделав себе пышную подстилку, лежал, пока не потухнет огонь. В селе ходили слухи, что Жаныбек во сне общается с богами (тейри). Правда это или нет, кто знает. А охотник Жаныбек уже об этом ничего не скажет.

Правда то, что, ранив однажды пятигодовалого тура, он спрыгнул за ним со скалы. Некоторые говорили, что тогда при падении он сломал себе плечо, другие же утверждали, что Жаныбек не падал, а парил и ничего не ломал. Как бы там ни было, Жаныбек не нашел под скалой ни живого, ни мертвого тура. Видимо, поэтому он отрицал, что прыгал со скалы. А когда разговор заходил о полете со скалы, он отмалчивался.

Что правда в рассказах про Жаныбека, что нет — неизвестно. Но, поднявшись по склону Итерги, среди красных скал любой человек и сегодня может увидеть «пещеру Жаныбека», в которой еще сохранилась труха от его подстилки. Именно там, в пещере под красными скалами, Жаныбек встретился с Апсаты. Когда Жаныбек вслед за раненым туром прыгнул со скалы (когда рассказывавший мне эту легенду Байтоков Аслан, сын Зекерии, сказал «прыгнул», сидевший тут же Таушунаев Абдулкерим поправил его — «воспарил»), плечо он, может, и не сломал, но ушибся. Он долго искал тура, но не нашел и крайне усталый еле добрался до пещеры, где безвылазно пролежал несколько дней. В один из этих дней к нему и явился Апсаты. Будучи столетним старцем, уже на пороге смерти, между сном и явью, подтвердил Жаныбек правдивость этой истории.

— Этот, — говорил он, скрывая имя Апсаты, — этот сам явился и встал

передо мной! И был под ним не пол пещеры, клянусь Аллахом, не пол, а золотой престол! Один бок его блестел, как золото, другой был белее снега. Гляну с этой стороны – тот бок белый, гляну с той стороны – этот бок. Рога его упирались в потолок пещеры, а морда у него туриная, ан нет, зубриная, да вроде бы и не зубриная, а человеческая, и опять-таки, нет – медвежья.

А он усмехается, топчет на золотом престоле.

– Ну, что, охотник, – говорит он человеческим языком, – костры разводишь, скот мой на солончаках пугаешь, стреляя из лука. Я пришел остановить тебя.

– Как же ты меня остановишь, если я охотник волей Тейри, если я родился охотником, – отвечаю я.

А этот-то, этот-то разглаживает свою бороду, сворачивает ее в клубок и помещает между рогами.

– Я покажу тебе, как останавливаю, – говорит он, и поворачивается в сторону.

Я выхватываю кинжал, смотрю – а его нет. А по ту сторону костра стоит огромный медведь.

Не выпуская кинжала из рук, Жаныбек подался назад и прижался к стене. В тот же миг могучий медведь перепрыгнул через костер и бросился на него. Не будь Жаныбек так ловок и быстр, медведь размазал бы его по стенам пещеры. Но Жаныбек отпрыгнул в сторону, и медведь ударился о стену сам. Хоть это и зверь, ему стало больно, и он взревел; не зря, видимо, и говорят, что медведь раньше был человеком, а потом одичал.

Воспользовавшись замешательством медведя, Жаныбек по рукоятку воткнул ему в бок свой кинжал. Как только Жаныбек выдернул кинжал, медведь снова прыгнул на него, как будто и не почувствовал удара. Будто подброшенный кем-то, Жаныбек отпрыгнул назад и опрокинулся на спину по другую сторону костра. Пока он поднимался, медведь заговорил по-человечески: «Я тебе не Апсаты, чтобы терпеть, что ты вытворяешь на моей земле!» Сейчас, при отсветах костра, Жаныбек ясно различал медведя и слушал его, стоя на коленях.

– Небесный Тейри мне свидетель, я тебе не враг, – сказал Жаныбек, желая избежать поединка с медведем. В охотничьем роду Жаныбека не было принято убивать медведей, их почитали за умных животных. – А если иной раз приходилось нарушать родовые традиции, это меня беспутал, – сказал Жаныбек, не теряя бдительности.

Но медведь не оставил своего намерения разорвать его. Он выжидал момента, чтобы снова прыгнуть на Жаныбека. Жаныбек дал ему прыгнуть и воткнул свою руку ему в горло. Взревев громче медведя, он вскочил медведю на спину. В то же время свободной рукой он воткнул ему в шею свой кинжал. От рева медведя содрогнулись скалы, он рывком скинул с себя Жаныбека. Но Жаныбек, одна рука которого торчала в пасти медведя, устоял на ногах. Несмотря на то, что медведь скинул его с себя, Жаныбек продолжал наносить ему удары кинжалом в шею. Все было в крови, Жаныбек озверел от запаха крови и видел происходящее, как в тумане.

– Отпусти, дай мне уйти, – сказал наконец медведь.

– Ты сам не захотел, когда я предложил помириться. Тейри, по воле

которого мы сразились, не даст нам помириться. Я нарушил родовые традиции, ранил тебя. Один из нас должен умереть. Не я, а ты начал эту войну.

Жаныбек еще не кончил говорить, когда медведь прыгнул и подмял его под себя. Своими страшными передними лапами он хотел не разорвать, а до смерти измять Жаныбека. Но было похоже уже, что не Жаныбек хочет вырваться из объятий медведя, а медведь хочет спастись от него. Кровь кого-то из них брызнула на костер, повалил черный дым. Жаныбек высвободил вторую руку и наносил уже удары кинжалом в живот. «Будь ты хоть обломком скалы, я все равно одолею тебя, медведь», — сказал Жаныбек. Медведь начал слабеть и еле двигался. Встав на задние лапы, он взревел и в последний раз бросился на Жаныбека; но получилось так, что перед пещерой уже не было кострища, а был там престол Апсаты, и оба они, медведь и Жаныбек, повалились на него. Апсаты пригнул Жаныбека под брюхо, а медведя поднял на рога и отбросил; тот с шумом рухнул на пол пещеры.

— Ты охотник, которого я ожидал, — сказал Апсаты Жаныбеку. — Я заставил тебя сражаться с самым могучим зверем лесов. Теперь ты свободен, я даю тебе право убивать любое животное в лесу. Но только до тех пор, пока ты не станешь злоупотреблять этим и убивать без нужды.

Сказав это, Апсаты исчез. Жаныбек остался в пещере и лечил свои раны черной смолой, сочащейся из расщелин скал. Он снял шкуру с медведя, расстелил ее на пол пещеры и спал на ней. По выздоровлении он принес в жертву Апсаты зубра.

Рассказавший мне эту историю Байтоков Зекерия, отец Аслана, своими глазами видел эту шкуру в пещере Жаныбека.

ТОХТАР И ДОЧЬ АПСАТЫ

У Апсаты есть бесчисленное множество дочерей. Они в образе диких животных пасутся высоко в горах, в образе «кая кызла» (дочери скал) веселятся среди скал. Бывает и так, что, приняв человеческий облик, они привлекают охотников. «Дочери скал» и дочери Апсаты — одно и то же. Красотой с ними не сравнится никто.

В нашем роду было много прославленных охотников. Мой дедушка Алимырза говорил, да и отец мой Исса не раз повторял, что эта история не сказка, а самая настоящая быль.

Наш родовой дом стоял на извилистом берегу реки на окраине леса. У нашего предка в пятом поколении, считая от моего отца, — а это получается Голаев Гола, все родившиеся дети умирали от кори. Гола уже смирился с этим, решив, что такова, видимо, воля Аллаха, когда под старость лет у него родился мальчик. В надежде, что хоть этот выживет, ему дали имя Тохтар («удержится»). Такой был красивый мальчик, что наглядеться было нельзя. В это время был жив еще отец Голы Томпа. Чем больше становился мальчик, тем красивее он становился, и Томпа, боясь сглаза, не выпускал его на улицу. Повзрослев, Тохтар начал выполнять всякую работу по дому.

Однажды, собираясь на пашню, Томпа подозвал к себе Тохтара и сказал:

— Я иду на наш участок в Верхней Маре. Ты, когда закончишь здесь свои дела, тоже подходи туда. Будешь идти лесом, смотри, если с кем-нибудь встретишься, не здоровайся и не отвечай на приветствие.

— Хорошо, — ответил Тохтар.

— Особенно опасайся хозяйки леса, ее красота сгубила многих парней.

Тохтар, покончив с домашними делами, вышел в путь. Привыкший беспрекословно выполнять указания старших, юноша торопливо шел по лесу, не забывая наставлений своего деда, когда лесная чаща раздвинулась и оттуда вышла красивая девушка. Черные-черные густые волосы ее, стекая по спине, достигали земли.

— Доброго пути, юноша! — сказала Лесная Девушка, красота которой отражалась в воздухе, и казалось, что девушек несколько. Она подошла и стала рядом с Тохтаром. Тохтар, не говоря ни слова, начал уходить.

— Кто ты, юноша, освещающий мой лес, словно солнце? — спросила Лесная Девушка.

Тохтар, как будто робея смотреть на красоту девушки, опустил голову, и, казалось, даже не дышал.

— По виду ты мужчина, но уж очень ты робок, — начала поддразнивать Тохтара Лесная Девушка. — Или ты заметил во мне какие-то недостатки и это тебя смущает?

С этими словами Лесная девушка стала перед Тохтаром, приняв грустный вид, опустив голову. Тохтар уже хотел ей ответить, но вспомнил слова деда: «Смотри, ни с кем не здоровайся и не отвечай на приветствие», — и продолжал хранить молчание. Он повернулся и хотел уйти. Но Лесная Девушка стала перед ним и не пустила.

— Не пропущу, если не скажешь, куда идешь, — сказала она, окутывая его своими волосами. Затем обняла его и спросила: «Неужели ты брезгуешь мной? Или в тех местах, где ты бываешь, девушки красивее меня?»

Сказав это, лесная богиня откинула волосы назад и обратила свое ослепительное лицо на Тохтара; в глазах ее блеснули огни.

— Я дочь владыки Махарского соснового леса, — сказала она. — Сокровища мои не поместятся в озеро Хурла-кёл, их больше, чем травы в Гоначхире, сокровища мои выше сосен в Махаре! Отец все отдал мне. Женись на мне! Я укурю тебя своими волосами, буду твоим светочем в ночи, сияние зубов моих будет освещать тебе путь! Глаза мои будут твоими путеводными звездами! У тебя будет все, что захочешь, не будет мужчины, счастливее тебя!..

Тохтар не обращал внимания на речи Лесной девушки. В голове у него была одна мысль: «Как избавиться от этой напасти?» Поняв это, Лесная девушка забеспокоилась, воздела руки к небу и взмолилась:

— О мой лес, о повелитель моего леса, приди, вразуми этого мужчину!

Пальцы ее начали излучать свет, каждый светился разным цветом. Они как будто то растворялись в воздухе, то вновь отрастали. Лесная богиня сжала их в кулак и ударила Тохтара в грудь; затем вновь воздела их к небу. Тохтар понял это так, что она просит взять ее в жены на десять лет, и начал колебаться. Подняв руку, он показал ей пять пальцев.

Так они проспорили долго. Лесная богиня взмахнула рукой, и рядом с Тохтаром выросли и зашумели кроной в поднебесье четырнадцать

сосен. Тохтар развел руки и обхватил три дерева. Лесная богиня выбрала меркой свои волосы и обвила ими пять деревьев. Тогда Тохтар обхватил одно дерево. Волосы лесной богини укоротились, и она едва смогла обхватить ими три дерева. Отчаявшись, Лесная богиня воздела к небу единственный палец. Тохтар посмотрел и увидел, что никаких сосен рядом с ним нет. Он очень удивился и, придя в себя, побежал прочь от лесной богини.

В тот день Тохтар до вечера работал с дедом на пашне. По приходу домой, сославшись на усталость, он сразу лег спать. Но сон не шел к нему. Вдруг он почувствовал, как что-то холодное коснулось его руки. Посмотрев, он увидел, что в его постели, освещая черный матрас, лежит большая змея. Тохтар, вздрогнув, соскочил с постели. Лечь обратно в постель он боялся, сказать домашним тоже не решился. Так он еле дождался утра. Уже на рассвете, когда он прикорнул на немного, змея проникла к нему внутрь.

Через короткое время Тохтар проснулся. Ничего не подозревая, принялся за работу.

С этого дня всегда спокойный, уравновешенный Тохтар начал без видимой причины худеть. Через несколько дней его нельзя было узнать. Когда его расспрашивали, он огрызался. Он начал грубить даже своему деду Томпе.

Через несколько дней Тохтар отправился в Махарскую долину и пробыл там допоздна. Вернувшись поздно, он не стал ужинать и сразу лег. Но заснуть ему не удавалось, под матрацем не прекращалась змеиная возня. Эту ночь он провел еще хуже, чем предыдущие. Когда рассвело, он осмотрел матрас, но никаких змей там не нашел.

В тот день Тохтар опять, никого не спросив, ушел в Махарский лес и долго бродил, надеясь увидеть ту девушку. Вдруг длинная черная змея сорвалась с тонкой стройной сосенки и, блеснув в воздухе, как черное серебро, обвилась вокруг его шеи. Затем, соскользнув на землю, поползла перед ним. Тохтар, сам не зная почему, пошел за ней и в глубокой лесной чаще увидел удивительный замок. Войдя внутрь, он увидел Лесную богиню, лежащую на шелковом ложе.

— Явился ты? Или не явился ты? — странно заговорила она. Затем приказала змее покинуть его тело. Змея выбралась через рот Тохтара наружу и выползла из дворца. К Тохтару сразу же вернулось его спокойствие, умиротворенность.

— Все золото дворца, все мое царство — твое! — сказала Лесная богиня. — Возьми меня в жены, возьми! Осчастливь нас обоих!

— Беру! — ответил Тохтар.

Дед и отец Тохтара долго ждали его возвращения. Томпа, любивший его больше всех, не стерпел и пошел его искать. Много ли, мало ли он искал, но однажды набрел на маленькую полянку в лесу. Присмотревшись, он заметил на траве женское платье. В платье были завернуты оленьи рога, полные молока. Принюхавшись, он почувствовал запах Тохтара. Поняв, что его мальчик где-то рядом, Томпа начал кричать, звать его. Лес как будто оглох, и Томпа сам перестал слышать свой крик. Рога выпали у него из рук, и молоко пролилось на траву. Женское платье, лежащее на траве, зашевелилось. Из-под него появилась Лесная богиня. Но не ее ис-

кал Томпа. Хорошенько присмотревшись, он заметил среди травы еще какую-то одежду. Это была мужская рубашка. Из-под нее появился юноша и встал рядом с Лесной княгиней.

— Что ты здесь ходишь, что тебе надо? — закричал он, обращаясь к Томпе.

— Тохтар, любимое мое дитя, пойдем домой, — сквозь слезы проговорил Томпа и бросился к нему.

— Не пойду! — отрезал Тохтар. — Не пойду! Уйди, убирайся с моих глаз!

— Я без тебя не уйду! — ответил Томпа.

— Тебе сказали уйди, ты что, не слышал? Я тебе тоже говорю, уходи! — закричала Лесная богиня.

— Я никуда не уйду! — стоял на своем Томпа.

— Я задую тебя, если не уйдешь, — сказала Лесная богиня.

— Не уйду и не испугаюсь! — ответил Томпа, приближаясь к ним. — Тохтар — единственный мой выживший внук! Пошли домой! Разве ты забыл нас?

Лесная богиня с изменившимся лицом встала между внуком и дедом и не давала им слышать друг друга. Потом она сбросила Томпу в кишащее змеями и лягушками болотистое озеро.

В ту ночь в охотничьем семействе Голаевых никто не спал. В какой-то момент, когда огонь в очаге только-только погас, стало видно, что в чулане что-то светится. Заглянув туда, хозяйка дома, Гелля (бабушка) замерла от удивления: весь пол был устлан женскими волосами. Эти волосы были настолько густые и длинные, что, не помещаясь в чулане, выбивались наружу, во двор. Это были волосы Лесной богини.

Гелля поняла, что и Лесная богиня, и ее внук Тохтар находятся здесь, в чулане. А свет, который она заметила, исходил от зубов Лесной богини. Старушка сходила домой и вернулась, прихватив с собой ножницы. Она срезала волосы Лесной богини и вернулась в дом, таща огромную копну волос. Тотчас она поставила на огонь котел с водой и бросила ворох волос в кипяток. Котел сразу наполнился серебряными монетами. Как только бабушка опорожнила котел, он наполнился монетами снова. До утра бабушка наполнила серебряными деньгами все сундуки, которые нашлись в доме Голаевых.

Лесная богиня проснулась утром и встала. Голова была непривычно легкой. Дотронулась руками — волос нет. Чуть не лопааясь от досады, она разбудила Тохтара.

— Кто срезал мои волосы? — завопила она.

— Я срезал! — ответил Тохтар, понимая, что это сделала бабушка и не желая выдавать ее.

— Ты?

— Кто же еще?! — ответил Тохтар. — Кто еще, кроме меня мог прикоснуться к твоим волосам?

— Если это так, то пусть будет у тебя собачья жизнь! — прокляла Лесная богиня охотника Тохтара. — Пусть никогда на охоте перед тобой не появится дичь. Пусть жена твоя будет бесплодна!

После этого Голаевы бросили заниматься охотой. И захудалым родом мы стали из-за проклятия Лесной богини. Запрет хозяйке дома обрезать волосы снохе тоже появился в Карачае с той поры.

ЛЕСНАЯ ДЕВУШКА И ОХОТНИК

Давным-давно жил могучий охотник по имени Лаула. Да еще какой это был охотник — стрелы (пули) его никогда не улетали в пустоту, он никогда не возвращался домой без добычи. Он жил до сорока лет холостым, а когда мать затевала разговор о женитьбе, отвечал: «На равнине нет девушки, на которой я мог бы жениться, а в горах я не видел девушки, которая смогла бы стать твоей снохой».

Когда, отправляясь на охоту, Лаула проходил по селу, его дразнили:

(Тот), чьи стрелы не попадают (в цель),
Кого ноги не держат,
Кто ночует в пещерах,
Кто, дожив до сорока лет,
Остался без жены!

Лаула только улыбался в ответ. А когда он возвращался с охоты, у него была не только туша за спиной, но и к поясу были привязаны тушки куропадок, перепелок. Их он раздаривал встречавшимся ему на пути женщинам, девушкам. Лаула отправлялся на охоту ночью, и рассвет встречал над солончаками. Подстрелив кийика, он спускался в овраг, на берегу певучего ручейка готовил себе шашлык, наедался, отдыхал и только после этого отправлялся в путь.

Однажды Лаула, немного прикорнув, встал и у истока горной речушки заметил нечто странное: какая-то женщина с доходящими до пят волосами вышла из леса и села на берегу. Села и стала мыть голову в ручейке. Лаула смотрел, как она моет голову, и капельки воды, стекавшие с ее блестящих, как золото, соломенных волос напоминали ему серебряную пыльцу, осевшую на золоте. «Что за наваждение? Или это знамение Апсаты? Сон это или явь?» — подумал Лаула, стоявший от изумления как вкопанный.

А девушка, закончив мыть голову, вытащила из расщелины скалы большой гребень, расчесала свои волосы, сплела их в косы и, спрятав опять свой гребень в расщелине, скрылась в лесу.

В тот день Лаула не ушел, подняв свою добычу, домой, как это делал обычно. Он заночевал в лесу под большим деревом, а утром пошел на прежнее место и стал ждать, не появится ли Лесная Девушка опять. Ждал он не напрасно: девушка в то же самое время вышла из леса, разделась и вошла в воду. Как только она ступила в ручей, воды в нем прибывало, и девушка довольно долго плескалась там. Волосы девушки, струясь по воде, скрывали ее наготу и, сколько ни старался Лаула, он не смог заметить ни пяди ее обнаженного тела. Но он увидел другое чудо: когда девушка, выйдя из воды, села на камень и тем же гребнем начала расчесывать волосы, они начали густеть и вскоре под ними не стало видно самой девушки. Лаула решил подойти к ней и познакомиться, но по мере его приближения она отдалялась, и Лаула так и не смог к ней подойти.

Ни в тот день, ни в последующие дни она не дала ему подойти к себе. Как только он приближался, она удалялась, исчезала, и Лаула ловил руками воздух. Девушка настолько ему понравилась, что он забыл и про охоту, и про то, что дома его ждала мать. Лаула гнался за ней по берегу

горного ручейка до самого истока, но не смог ничего сделать. В конце концов, присев на камень, где обычно сидела девушка, он понял, что надо найти какой-то другой способ поймать ее.

Спрятавшись в укромном месте, он стал дожидаться прихода девушки. Она пришла и села как всегда. Готовясь помыть голову, расплела косы, и ее волосы волнами легли на ее колени. Лаула в это время подкрался сзади, схватил ее за волосы и вытащил нож, чтобы обрезать их.

Девушка, поняв, что попалась, взмолилась:

– Не обрезай мои волосы, охотник, я сделаю все, что ты скажешь?

– Тогда, – сказал охотник, – пойдем со мной, станешь снохой моей матери!

Девушка, ни слова не говоря, пошла с ним, и со склоненной головой стала перед его матерью.

– «На равнине нет девушки, на которой я мог бы жениться, а в горах я не видел девушки, которая смогла бы стать твоей снохой», – говорил я, но вот увидел эту девушку и привел ее, чтобы сделать твоей снохой, если она тебе понравится.

– Если пришла, пусть с добром придет,
Пусть скорее переступит через порог,
Пусть не видит, что творится по ту сторону ворот, –
Сказала мать охотника
И ввела ее в дом,
Уважив ее, все в доме вверила ей.
Лесная девушка
Быстро прижилась в доме,
Любая работа спорилась в ее руках,
Всем соседям она полюбилась,
Троих сыновей родила.

Об одном только она никак не могла забыть – о своем гребне, который хранила в расщелине скалы. Она тосковала по нему, и стоило ей вспомнить о нем, как посуда выпадала у нее из рук и ломалась. Волосы у нее стали выпадать, редеть. А сходить туда она боялась мужа. И все-таки однажды, дождавшись, когда муж ушел на охоту, она отправилась к тому ручейку. Как только она дошла до этого места, она снова помолодела, волосы у нее стали густыми, волнистыми. После этого лесная девушка стала часто ходить туда. Мать Лаулана, скрывая от него частые отлучки снохи, говорила: «Она домоседка, как бы долго ты не задерживался на охоте, она все тебя дожидается, никуда не выходит».

Однажды Лаула вернулся с охоты раньше обычного. Смотрит – жены нет дома. Мать начала говорить, что, наверное, вышла куда-нибудь по делу. Все же Лаула что-то заподозрил и начал искать ее. Он быстро добрался до лесного ручья, где она мыла голову. Видит – жена его там. Прижав к груди свой гребень, она произносила заклинание:

Мой роговой гребень, мать моих волос,
Мой роговой гребень, мать моих волос,
Расчесывай, расчесывай, солнечные лучи расчесывай,
Мои волосы – твои, твоя святость – моя!

Мой роговый гребень, мать моих волос,
Мой роговый гребень, мать моих волос,
Расчесывай, расчесывай, солнечными лучами сияй,
Расчесывай, расчесывай, солнечными лучами сияй,
Мои волосы – твои, твоя святость – моя!

Лаула тихо подошел к жене и сердито спросил:

– Что это за дела, ты что, не можешь дома голову помыть?

– Мыла бы я голову дома,
Если бы Мать Воды давала мне воду,
Мыла бы волосы дома,
Если бы зубчики (этого) гребня не были солнечными лучами! –

недовольно ответила лесная девушка.

– Ну, если этот гребень не дает тебе сидеть дома, я его разломаю сейчас по зубчику! – сказал Лаула, выхватил у нее гребень и, вытащив свой охотничий нож, срезал все зубчики, разломал руками основание и бросил в огонь.

Сделав это неблагоприятное дело, он обернулся и увидел, что густые, ниспадающие волнами волосы его жены поредели, побелели, а лицо ее сморщилось, как у столетней старухи. Она посмотрела на Лаулу и прокляла его:

– Если из-за тебя закатилось мое солнце, то пусть солнце не освещает твой путь, пусть твоя пуля никогда никого не поразит, пусть в твоём дворе не приживется ни одна рогатая скотина! С голоду не умри, но и сытой жизни не увидишь!

После этого потомки Лаулы никогда не могли выбраться из нужды.

ОХОТНИК БАППУ

Давным-давно, очень давно, когда Солнце обитало на вершине Минги Тау в своем Солнечном дворце и оттуда освещало округу, когда Луна каталась по земле серебряным кольцом, когда леса были настолько дремучи, что змее не проползти, тогда в глубине (ущелья) Адыр Суу в Тайной Пещере жил он, охотник Баппу. До него охотой никто не занимался, он был первый охотник. Низкорослый и худощавый, он догонял кийиков, мог перепрыгивать через бурные реки. Несмотря на невзрачный вид, Баппу обладал такой силой, что мог, схватив за заднюю ногу, свалить зубра. Также был он ловок и быстр. Он легко взбирался на крутые скалы, а когда влезал на дерево, под его тяжестью не гнулись самые верхние ветви дерева. Вот таким был самый первый охотник в Большом Баксане – Баппу-Силач.

Была у Баппу и охотничья собака, по кличке Жетсе-Иймез (Догнав-Не-Отпустит). Это была не простая собака. В глухом лесу она различала звук падения листочка, шорох ползущей змеи; также она могла предугадывать будущее. Но это было не самое удивительное качество этой собаки. Шерсть ее зимой была белой, весной – зеленой, осенью – золотистой, а поздней осенью – серой. Но и это еще не все. Самым удивительным было то, что одно ее ухо могло светиться ярко, как огонь. Баппу-Силач

первым делом освежал подстилку своей собаки, утеплял ее конуру, кормил ее и только потом заботился о себе.

Однажды поздней осенью, когда шерсть Жетсе-Иймез начала принимать серый окрас, Баппу забрался в самую глубь Адыр Суу, оттуда перебрался на Минги Тау, а затем долго бродил по его склонам, скалам, ущельям, оврагам с журчащими ручьями, теснинам, лощинам, поймам рек, долинам. На равнине он поймал куропатку. Убив кийиков, он высушил, развесив на скалах на сквозняке их туши, мозговые кости отдал Жетсе-Иймезу, для себя пожарил шашлык из легких и посидел в пещере под каменным завалом. Он начал петь; песней его заслушались и сам Апсаты, и его животные. После этого он начал готовиться ко сну.

Луна серебряным кольцом совершила еще один круг во вселенной, и наступила осень. Когда Солнце в своем Солнечном Дворце обернуло свое лицо на юг, Баппу вышел на охоту. Жетсе-Иймез бежал впереди, Баппу шел за ним. Через плечо у него был перекинут лук, отделанный серебром, одет он был в короткий полушубок, на ногах – чабуры из кожи зубра. В окрестностях Минги Тау для Баппу не было ни незнакомых мест, ни тайных звериных троп. Он ходил долго, очень долго, но не устал. Да, сам он не устал, но собака его устала. Что удивительно, опытнейшему охотнику не попалось на глаза ни одно животное, а Жетсе-Иймез не смог никого выследить. «Что за чудеса?» – обескуражено думал Баппу. От постоянного напряженного взглядывания у него устали глаза, звенело в ушах. Пусть такое случится с охотником, которого невзлюбит Апсаты!

Не понимая, что происходит, Баппу взглянул на свою собаку. Она, тихо скуля, улеглась у его ног. Спустившись ниже солончаков, они остановились на ночлег на равнине. Ухо Жетсе-Иймеза начало светиться и осветило равнину. Заметив при этом свете на вершине Минги Тау дворец Апсаты, окруженный ледовым забором, Баппу сотворил мольбу:

О, Апсаты с золотой головой,
О, Апсаты с серебряными копытами,
О, Апсаты гостеприимный,
О, Апсаты с красивым голосом!

Дал бы ты нам (добычу), пожалел бы мою собаку,
Устала она, бегая голодной.

Пусть в твоих лесах не гибнет ни один охотник,
Пусть у него не будет такого неудачного дня (как у нас)!

Не успел он проговорить это, как на другом конце равнины разверзлась земля и вырвался огонь; тепло его достигло Баппу, а сам огонь взобрался на камень и разгорелся, достигая небес. Баппу обрадовался, решив, что на равнине есть еще охотники, и это они развели костер. Обгоняя друг друга, Баппу и его собака побежали по направлению к камню, на котором пылал костер. Жетсе-Иймез – впереди, Баппу – за ним.

Только они добежали до камня, мечтая согреться, как пылающий камень начал катиться вниз, рассыпая вокруг себя искры. Баппу, наблюдая это, чуть не сходил с ума, а камень продолжал извергать потоки огня. В какой-то момент Баппу обнаружил, что и он сам, и его собака находятся в

огненном потоке. Он хотел схватить собаку и вызволить ее из огня, но никак не мог поймать ее, а, протянув руки, видел, что они начинают пламенеть. Так они через обрывы, через крутые солончаки, через теснины и овраги бежали до подножья Адыр Суу. Там он увидел, что это не потоки огня, а женские волосы! Баппу протянул руку – и в руках у него оказались женские косы. Так это продолжалось, и Баппу никак не мог понять – это женские косы струятся за огнем, или огонь струится за женскими волосами.

Продолжая держать в руках женскую косу, Баппу дошел до какой-то скалы. Там он увидел, что огонь уже горит на вершине скалы, а в руках у него нет ни косы, ни огня. Что странно, от костра ничего не воспламенялось. Даже густые, высохшие на корню травы рядом с ним не возгорались. Так продолжалось некоторое время: огонь полыхал на вершине скалы, Баппу и Жетсе-Иймез стояли под скалой. Вдруг костер обрушился со скалы и упал рядом с охотником. Баппу внимательно посмотрел на него и увидел, что это не огонь, а концы девичьих кос. А на вершине скалы, там, где только что пылал костер, сидит красивая девушка. Будто серебряный круг Луны остановился на краю скалы. Девушка, посмотрев на Баппу, улыбнулась и начала петь:

Я – та косуля, за которой ты гнался,
Красотой я равна стройной сосне,
Когда ты стрелял в меня,
Рядом с тобой была твоя охотничья собака.

Я – летучая косуля, ты – преследователь,
Поймать меня ты не в силах,
Под лопатку меня поразила
Твоя не знающая промаха острая стрела.

Попав, стрела твоя обожгла меня,
Твои смеющиеся глаза влюбились в себя,
Давай же теперь, Баппу, давай же
Станем одной семьей.

Убегая от тебя,
Преодолевая высокие склоны, я устала.
Я тебя обогащу,
Ты будешь доить белых маралух.

Возьми же меня в жены, возьми, Баппу,
Если хочешь меня утешить, взберись сюда,
Усталое дитя природы
Ищет места для спокойной жизни.

Если не захочешь жениться на мне,
Кого ты сможешь выследить в лесу?
Тебе будет не в кого стрелять,
Лишишься ты и своей собаки.

Если не захочешь жениться на мне,
Пусть огонь перед тобой погаснет,
Пусть впереди тебя будет неприступная скала,
И дорога сзади тебя пусть оборвется!

Услышав это, Баппу в первую очередь посмотрел на уши своей собаки. Одно ухо ее было бело, как снег, другое – красное, как огонь. Это означало, что Жетсе-Иймез находится в сомнении. Сомневался, стоит ли ему взбираться на скалу и сам Баппу, поэтому, глядя на сидящую наверху девушку, он сказал:

Если косуля, за которой я гнался, – это ты,
То я взберусь к тебе,
Лицо твое, излучающее свет,
Рассмотрю поближе.

Скала, на которой ты находишься – очень высока,
Скажи, как ты туда смогла забраться?
А вдруг ты не лесная девушка, а бродячий дух, джинн,
Или же обман зрения?

Баппу не верилось, что какая-нибудь из хитрых дочерей Аpsаты, влюбившись в охотника, станет сочинять такие песни. Собака Баппу, двигая ушами, подтверждала его сомнения.

– Я не верю тебе. Если это правда, спустись сюда сама, – прокричал Баппу. Девушка наверху молчала. Баппу добавил:

– Если Жетсе-Иймез не будет лаять, а уляжется у твоих ног, я поверю тебе.

И прислонившись к скале, Баппу спрятался от девушки. Через некоторое время он услышал, что девушка плачет.

Из-под лопатки моей сочилась кровь –
Но я тебя не прокляла,
Окрашенную моей кровью стрелу
К Аpsаты не отнесла.

Стрела твоя, попавшая в меня,
Это не стрела – а твое удальство,
От него я вспыхнула, как огонь,
Пусть же тебе захочется самому ко мне подняться.

Я подгоняла к тебе добычу,
(Даже) сама становилась твоей мишенью,
И я устала, я не хочу больше бегать от тебя,
А ты не ссылайся на свою собаку.

Если ты решишься, как мужчина,
Я приставлю лестницу к скале,
Проложу для тебя ступеньки
И за руку вытяну тебя сюда!

Баппу, решив, что один раз рожденному один раз и умирать, оставив собаку внизу, начал взбираться на скалу. Собака, недовольная этим, начала скулить:

Не ходи ты туда, не ходи,
Не ходи, не соблазняйся зря,

Она не приставит лестницу к скале,
Не проложит для тебя ступеней,
Обманет и запрет тебя в каменных завалах.

Увидев, что лесная девушка спустила вниз свои косы, сделав из них лестницу, Баппу, не послушавшись своей собаки, начал взбираться на скалу по ней. По мере его продвижения вверх лестница под ним исчезала. Взобравшись на скалу, Баппу увидел, что там нет никакой девушки. Он был там совершенно один. Он понял, что обманут, что Жетсе-Иймез был прав. Но что уже было делать несчастному охотнику? Да если бы он еще был свободен! Лесная девушка пропала не просто так, перед своим исчезновением она привязала своими косами его к скале. Оставшаяся под скалой собака бегала взад и вперед, не зная, чем помочь своему хозяину. Она начала скулить:

Сверкает молния, гремит гром? —
Нет, это воет Жетсе-Иймез.
Льет дождь как из ведра? —
Нет, это плачет Жетсе-Иймез.

Неприступна скала, и лишен возможности двигаться Баппу. Задрав голову вверх, воет Жетсе-Иймез:

Почему ты стоишь, Баппу,
Нет ли у скалы уступов?
Или ловкость твоя покинула тебя,
И оцепенело твое тело?

Руками, валившими зубров,
Ты не можешь порвать девичью косу,
Твой отчаянный крик
Не доносится сюда.

Привязанный к скале Баппу слабо различал звуки своей собаки, воющей внизу, но сам ей не мог ответить, язык его онемел. Он желал, чтобы его собака, много раз выручавшая его, и на этот раз спасла его. Собака старалась чем могла помочь хозяину. Ее правое ухо светилось белым светом, указывая ему путь; левым ухом, горящим, как огонь, она старалась согреть его. В конце концов собака сама взобралась на скалу. Она еле двигала языком от голода. Баппу был в том же состоянии, привязанный.

Собака, немного передохнув, начала грызть девичьи косы, которыми был привязан Баппу. По ночам она грызла их при свете своего горящего левого уха, днем теребила косы, чтобы их можно было разорвать. Много дней и ночей она так трудилась, но все было без толку — разорванные ею косы опять срастались.

Собака не отступала, косы все срастались, и так продолжалось сорок дней и ночей. В конце концов Жетсе-Иймез перегрыз-таки косы, ставшие оковами, и уже освободил хозяина, когда внезапно появилась та девушка. Испугавшись, что он опять попался, легконогий Баппу бросился бежать и спастся. А Жетсе-Иймез зацепился зубами за косы и не смог

скрыться. Дочь скал не простила ему, что он освободил ее пленника, и обратила его в камень. Если пойти в ущелье Адыр Суу и посмотреть на скалу Гемурух Кая снизу, то на ее вершине и сейчас можно различить волосатую собачью морду. Отсюда пошла и поговорка: «Собака жизнь отдаст за хозяина».

ТЕЙРИ ЛЕСА

Тейри Леса – добрый бог,
И бог Апсаты – он наш!

Туманы прогони прочь,
Смажь наши пересохшие губы маслом,
Будь дарующим!

О бог, Тейри Леса,
Не заставляй нас впустую натягивать лук,
Стрелять в пустоту,
Не заставляй нас ложиться (спать) голодными!

Дай нам тушу подмышку,
Без добычи не оставь в нужде!

О Тейри Леса, бог животных,
Для смотрящего рассеяй тьму,
Выцеливающему даруй от своих щедрот!

Лесное божество Апсаты,
Пусть добро несут твои ноги,
Не наказывай нас (пусть не коснется нас твой посох).
Гонящий кийиков на водопой,
Знающий охотничьи тропы,
Вещий Апсаты, будь щедр!

Если то, чему суждено убыть, не убыдет,
Не прибудет то, что должно прибыть.

Заряженное ружье
Когда-нибудь да выстрелит.

ГУЖДАР

(Одно из многих имен Апсаты. Гуждаром называют и тура-вожака стада).

Эй-хей, Гуждар, по чьей воле кийики резвятся на солончаках,
Чья мощь беспредельна, чьи тропы – высоко в горах,
Нам нравятся твои жирные кийики!

Лук натянул я – не промахнусь,
Эй-хей, Гуждар не пожалеет для нас жирного кийика!

Не пожалей, не пожалей для нас одно животное,
Я выстрелю, а ты дай мне возможность (попасть)!

Говорю тур-вожак – а ты Апсаты,
Говорю Апсаты – а ты тур-вожак,
На рога свои ты наматываешь облака!

Стрела вылетела, стрела вылетела – кийик, кийик
Упал вон там, под лопатку попала (стрела)!

Эй-хей, Гуждар, бог Гуждар, щедрый Гуждар,
Выдели из своего стада долю для десяти охотников.

Прямо ли летит стрела – (зависит) от тебя,
Упадет ли кийик – (зависит) от тебя.

Длиннотелого, ялового кийика (дай нам),
Справного, равного зубру.

Эй-хей, Гуждар, направь к нам туров,
Чтобы одним выстрелом мы свалили семерых!

Натянув луки, выйдем к солончакам,
До восхода солнца устроимся в укрытиях!

Дай стрелам возможность прямо лететь,
Будь щедрым, освети наши лица (радостью)!

Эй-хей, Гуждар, направь кийиков к солончакам,
Чтобы охотники ели доли масла,
Животное, которое ты нам даруешь, дай возможность убить!

Эй-хей, маржа*, Гуждар, даруй нам добычу,
Даруй нам добычу, молим тебя!

ДА ПРОЯВИТ ОН ЩЕДРОСТЬ

О Апсаты!
Я вышел на охоту, чтобы ты дал мне что-нибудь,
Где твои стада,
Олени, маралы?

Я готов сразиться с медведем,
И с зубром поговорить с помощью лука,

А тебе, о Апсаты,
Я готов пожертвовать душу и тело;

Если ты дашь (добычу) – буду почитать тебя,
Не дашь – умру от голода!

---

*Маржа – призывный возглас.

Если я умру, что будет с моими детьми?
О Апсаты, подумай об этом,
Умоляю, подумай об этом!

Пока на землю не опустилась тьма,
Пока на лужайках не поспели коренья,

Дай нам, если хочешь, что пожелаешь дать,
Прояви уважение к охотникам!

Разве не слышишь, что я выпускаю стрелу, обратившись
с мольбой к тебе,
Чтобы щедрым был дар Апсаты,
Чтобы щедрым был дар Апсаты!

АПСАТЫ

Был некто, называемый Апсаты,
Были животные, сотворенные Аллахом,
Живший, поклоняясь ему (Апсаты),
Охотник был несчастным существом.

У Аллаха скота было много,
Апсаты и охотник были равны,
Если Аллах захочет дать, —
Что зависело от Апсаты?

МОЛЬБА ОХОТНИКА

(Апсаты) — бог всех обитателей леса,
У Апсаты золотая шкура!

Нету стад, до которых не доходило бы его слово,
Если он не захочет, не стоит заходить в узкие ущелья!
На скалах видны его следы,
В дворцах живут его дочери.

У него есть много что дать, если захочет,
Если не захочет, нож твой не перерубит былинку.

Без воли Апсаты нельзя входить в узкие ущелья,
(Без его воли) не выследить ни одного кийика.

Мы пришли, взывая к Апсаты.
Чтобы он позволил нам охотиться в его лесу, полном животных.
Если он позволит нам охотиться в его лесу, полном животных,
Рывком закинуть на плечи (тушу) серны,

Мы будем воздавать хвалы Апсаты,
Скотину бога (Апсаты) неоскверненной будем кушать!

МОЛЬБА

Эй-хей, пестролобый, пестроногий Апсаты!
Смотрим и видим множество твоего скота,
Если ты не дашь нам из них, то мы умрем от голода!

Эй-хей, пестроголовый, с могучей грудью Апсаты,
Есть у тебя бессчетное количество скота,

Их так много, что ты не можешь удержать их,
Открой нам свои двери, если есть возможность!

Из множества своего скота выдели нам долю,
Дай нам наестся, чтобы мы возблагодарили тебя!

Богатые семейства зарезали по яловой корове,
Нас, бедных, оставили на твое попечение.

ЫНДЫРБАЙ

У Апсаты много дочерей, сыновей,
Ындырбай среди них старший.

В горах находится его замок,
На спине у него есть серое пятно.

Родившийся от Апсаты немощный Ындырбай,
Не даст он охотнику ничего, не унизив его.

Заперты его неприглядные ворота,
Ложе его – черная, свалывшаяся шерсть, покрытая вшами.

У отца Ындырбая много имущества,
Обитает он в неприступных для охотников местах.

Бессмертный Апсаты ничего не доверит Ындырбаю.
Если граница владений проходит под солончаками,

Если я захочу, взлечу на камень Апсаты,
Оттуда – на вершину соседней горы,

Увижу на солончаках стада животных,
Если Аллах позволит, отделию свою долю,
А Ындырбаю пожелаю здоровья!

ГИМН АПСАТЫ

Хвала нашему щедрому богу,
(Хвала) Апсаты – богу, пасущему стада!

Пусть будет у него много стад,
Пусть они ходят на солончаки!

Пусть у них будут лопатки тяжелы от жира,
Пусть он нам дарует по восемь голов разом!

Если он даст восемь, то пусть будет владыкой восьми гор,
Пусть восемь охотников будут прислугой у его сыновей!

Если восемь кийиков подстрелим у солончаков,
То воздадим хвалы Апсаты!

Его лицо излучает солнечный свет,
Его следы не дадут сбиться с пути!

Его дочь дарует нам чаши с маслом,
Оленуха приведет нас в тихое пристанище,
Напоит нас молоком из своего налитого вымени!

Ай-е, Апсаты, ай-е,
Не оставь охотников без добычи!

МОЛЬБА ОХОТНИКА

О Апсаты, божественный Апсаты, ой-эй,
Почему твоя колдунья-дочь хромает, ой-ей?
Почему трусоватый Ындырбай из каменных завалов
Наблюдает за нами, ой-эй?

Почему ты, подобно козлу-вожаку, взбираешься
на груды камней, ой-эй,
Ой, Апсаты, божественный Апсаты, ой-эй,
Скрывая свои следы среди скал,
Почему ты думаешь, что охотники не найдут в горах троп, ой-эй?

Ой, Апсаты, божественный Апсаты, ой-эй,
Ты видишь — мы идем, взывая к тебе, вознося мольбы,
Не трогаем твоих дочерей в башнях.

Дай нам заметить на солончаках твои следы,
Дай животным спуститься на водопой,
Дай нам выпить молока белой оленихи!

МОЛЬБА К АПСАТЫ

Нет стад, до которых не доходили бы твои слова,
Без твоего позволения
Не стоит заходить в тесные ущелья.

Велики твои владения,
У тебя есть много, что дать, если захочешь.

Взываю к тебе, обращаюсь с мольбой:
Не считай охотников своими кровными врагами,
Не будь скупым — у тебя полный лес скота!

Твои дети сыты, тревог у тебя мало,
Мои дети голодны, жена — беременна.

Кто добудет им еды (поставит на огонь котел),
Если ты меня оставишь ни с чем,
Если погубишь меня несчастного, сбросив со скалы?

Ой-ий, Апсаты,
Да будет душа моя жертвой твоим золотым рогам,
Будь щедр к моим детям!

Девять наперстков пороха у меня в кармане,
Девять готовых пуль у меня в винтовке.

Если ты даруешь мне жирных кийиков, я вознесу тебе хвалы,
Ты верни меня живым домой осенью.

Кийиков, оленей не спугни передо мной,
Не ставь препон на моем тяжком пути.

ОХОТНИЧЬЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЕ

Смелый охотник, в добрый путь отправляйся,
Пусть добрая скотина Апсаты попадетсЯ тебе,
Бродя, да не столкнешься ты с его (Апсаты) злом!

Одна из его дочерей — о двух личинах,
Средняя дочь его — трехногая.

Ее волосы черные черным туманом
Заволакивают солончаки, равнины.

Отправляйся в путь, зная, помня обо всем этом,
Не выпускай из рук своего ружья,
Да не столкнешься ты с насилием Апсаты!

ПРОКЛЯТЬЕ АПСАТЫ

Когда луна закатывается, исчезает и ее свет,
Ой, лук, лук, стрелы, стрелы!

Когда облака рассеиваются, исчезает марево,
Ой, лук, лук, стрелы, стрелы!

Когда охотник стреляет, стреляет и Элия,
Ой, Элия, Элия!
А на Апсаты — чума!

Когда тейри захочет — стрела летит прямо,
Ой, Элия, Элия!
А на Апсаты — чума!

МОЛЬБА

Оуй, Апсаты, наш белобородый тейри,
Стань нашим гостеприимным хозяином!

Даруй нам много безветренных дней,
Позволь нам уменьшить количество твоего скота,
И нас, несчастных охотников, прими радушно
(букв. – сделай для нас свой лоб широким)!

Оуй, Апсаты, если ты позволишь уменьшить количество твоего скота,
Если встретишь несчастных охотников радушно,
То все мы вернемся (домой) с тушами яловых (кийиков),
О щедрости твоей рассказывая всем!

АПСАТЫ

Вариант, записанный Кязимом

Апсаты круторог, волоок,
Он не направит стада (свои) по неверным тропам.

Походка его подобна полету орла,
Тесные овраги, вершины – его пристанища.

Вершины гор, ойра, высоки,
Охотник возвращается радостный.

На спине у него, ойра, ружье,
Так он говорит про Апсаты:

День, в который Апсаты пожелает даровать, подобен молоку,
День, в который отказывает, обрекает бродить, как собак!

Если хочешь даровать нам, не заставляй нас быть
в твоём тесном стане,
Не забывай, мой тейри, как ты можешь быть щедр!

Тесную крышу своего стана сделай широкой,
Богатства здешние приумножь.

У тебя скота – словно деревьев в дремучем лесу,
Не оставь, тейри, наших детей голодными!

Если ты оставишь наших детей голодными,
Кто тогда позаботится о них?

Ружейное масло мое – воск,
Пусть изо рта кийиков хлынет кровь! –

С такими словами (охотник) отправится в путь,
На рассвете прильнет к своему ружью.

Уши Апсаты станут торчком,
Ойра, притворится он щедрым, добрым.

Охотника заведет он на высоты,
А турам, кийикам скажет:

– Поднимаясь к солончакам,
Затаимся, спрячемся от охотников!

Если мы не будем таиться от охотников,
Если не направим их по неверным тропам,

Они выследят нас, догонят, словят,
Молодые кийики будут глотать сгустки крови!

На солончаках нет никого храбрее Апсаты,
У охотника, надеющегося на него, нет ума.

У Апсаты глаза остры,
Несчастный охотник наткнется на гибельную тропу.

Слова Апсаты – властны,
У его телят в теснине – золотые хвосты.

У Апсаты есть дочка Гошала,
Туrows случают с яловыми козами.

Другую его дочь зовут Жансюер,
У тура из-под лопатки брызнет кровь.

У тура из-под лопатки брызнет кровь,
Подающего бедному возлюбит, ойра, душа!

У Апсаты есть сын Ындырбай,
Не дающий парням вовремя встать.

У Ындырбая есть оленье стада,
Двойнями приносят они приплод.

В двух оленей сразу не прицелишься,
Быстроногого козленка может догнать Ындырбай.

Благообразен сын Апсаты,
Пусть у дочерей Апсаты будут козлята-двойняшки!

Несчастный охотник, взобравшись на гору, осмотрелся,
Посчитал кийиков.

(Пусть) козлята будут прыгать с камня на камень,
(Пусть) туры будут отрыгивать кровью.

– У тура нет зуба, кроме одного,
Если Аллах даст, то Апсаты до нас дела нет!

Мы выходим на утреннюю охоту,
Нам нужны оленье рога для охоты.

Нам нужен скот для жертвоприношения,
Голову тура я сбросил в туман.

Так сказав, бедный охотник присел,
Наполнил свой белый башлык колбасками.

ДВА ОХОТНИКА

Ой-эй, в верховьях Хурзука – белые скалы,
А Баток-охотник – в полушубке, в чабурах.

Пригласив князя Мызы на туриную охоту,
Он ушел, оставив дома молодую жену.

Они остановились в кошаре,
А потом вышли на оленье тропы.

Окопавшись, они спрятались в каменных завалах,
На рассвете увидели группу туров.

Приметили белого тура-вожака,
Быстро зарядили свои винтовки.

Вершина каменного завала – престол Апсаты,
Рога белого тура горели огнем.

У них возник спор: стрелять или не стрелять,
Стоит ли губить белого тура.

Князь Мызы попросил не стрелять,
Баток настаивал, чтобы выстрелить.

Князь Мызы убрал свое ружье,
Баток, прицелившись, выстрелил в белого тура.

Охотники быстро вскочили на ноги,
Удивляясь тому, что белый тур исчез.

Долго шли по его кровавым следам,
(Но) белый тур не попался им.

Они, обозленные, вернулись назад,
Охотник Баток сожалел, что погорячился.

– Белый тур, видимо, сын Апсаты,
Теперь он нас накажет, –

Сказал князь Мызы и посмотрел на молодого Батока,
На солончаки уже опустилась тьма.

– Оставим на сегодня охоту, – сказал он, –
Не заходя в село, пройдем лесом, – сказал он.

Молодой Баток так сказал князю:
– Эй-эй, Мызы, возвращаться с пустыми руками – позор!

И Баток начал спорить с Мызы,
Что надо (еще раз) пойти по следам белого тура.

Не согласился с ним бывалый (букв. – нартский) охотник Мызы,
Привыкший ночевать в каменных завалах, в пещерах.

– Аpsаты наблюдает за нами со своего престола,
Он делает так, когда он не хочет дать.

Покоримся воле Тейри,
Чтобы дома твоей жене не пришлось плакать.

– Не верю я ни в Аpsаты, ни в Тейри,
Ни в (священные) камни, ни в другие чудеса, –

Сказал Баток, рассердившись на своего друга,
Дал понять своей собаке, что продолжит охоту;

Ругал он охотников-язычников,
Трогаясь в путь в одиночку:

– Я рос, не веря во всякие пустяки,
Убивал всех попадавшихся животных, не разбирая,
белое оно или черное,
И только у Аллаха просил себе прощения!

Подбадривая себя так,
Отправился он по следам белого тура.

По камням, по уступам высоко он взобрался,
Чтобы там, окопавшись, осмотреться.

Вдруг показался белый тур,
Баток настроился убить его.

Выстрелил он, лежа за камнем,
Пуля его вернулась обратно.

(Пуля) отскочила от рога тура,
Свалила молодого охотника лицом вниз.

ОХОТНИК И ЕГО МАТЬ

– Не спеши, дитя мое,
Дождись рассвета,
Дождись, когда кийики улягутся на солончаках!

– Если я буду женщиной, не способным ходить на охоту,
О мать моя, что скажут люди,
Что они скажут?

И, наверное, неважные охотники те смельчаки,
Которые выходят на охоту после рассвета.

– Нет у тебя брата, чтобы разыскивать тебя,
Нет у тебя сестры, что оплачет тебя, разрывая себе лицо.

– Дай мне слезть с лежанки, мать,
Дай зашнуровать свои засохшие чабуры,
О мать моя, дай зашнуровать.

Если я зашнурую их, они мне пригодятся,
Уж очень высоки солончаки в верховьях Мускока.

– А если ты поскользнешься в верховьях Мускока, кто тебя поддержит?
Кто утешит твою несчастную мать, когда она будет рыдать?

Подошвы чабуров моих прошиты сухожилиями,
Они не дадут мне поскользнуться,

Они помогут мне, и я настигну тура,
Обеспечу свою бедную семью едой!

– Подожди, не уходи, дитя мое,
Мне снились плохие сны,
Будто я в твоей комнате пела, танцевала.

– Я – твоя единственная опора,
А у Апсаты много дичи в темных лесах,
Много, мать моя, ой, много,

И я сверну шею пятигодовалому туру,
Чтобы на свадьбу сварить мясо, пожарить шашлыки!

– Да не увижу я свой сон сбывшимся,
Раз уж не могу тебя остановить, да не умру я от горя,
сожалея, что не удержала тебя!

– О мать моя, мать моя, я не смог догнать тура,
Поскользнувшись, я схватился за мох,

Поскользнувшись, я схватился за мох,
Схватился, мать моя, ой, схватился,

Ой, мох, на камне растущий, меня не удержал,
Сбылся, мать моя, сон, который ты видела!

– О дитя мое, дитя мое, кто изготовит для тебя погребальные носилки,
Кто распрямит твоё могучее тело, положив на (носилки)?

Кто будет в силах, не пожалев, зарыть тебя в черную землю,
Когда я буду рыдать, кто мне сможет вернуть
тебя (вытащить из могилы)?

МЫЗЫ-БАТЫР

Такой был охотник Мызы-батыр, молодой храбрец,
Хоть и молод – он был главой охотников.

Руки его были привычны к луку,
Пятигодовалых оленей высматривал он среди камней.

До зари он добирался до Мускока,
Крутые склоны преодолевал, не поскользнувшись.

Сирот наделял он кусками туши,
В зимние морозы возвращался с охоты в заснеженном полушубке.

Такой был охотник Мызы-батыр, молодой храбрец,
Хоть и молод – он был главой охотников.

Апсаты он почитал как тейри,
Пяти тейри он выделял положенное.

Стрела его переваливала через семь гор,
Одной стрелой он поражал семь оленей.

Мызы-батыр вышел в путь, развел огонь,
Напевая песню, подумал про себя:

– Смел я и удал, я – сын Апсаты.
Одинок я в горах Мускока.

В трех загонах три коровы мои готовятся отелиться,
Три жены мои пеленают троих моих сыновей,

Три сына мои седлают трех коней,
К трем дочерям моим пришли сваты.

Для трех сватов нужно три скота для убоя,
Трехлетний жеребенок мой ржет в долине, обратив голову сюда.

Если ржет он, я отправлюсь в путь, оседлав его,
Приготовлю семь мест, чтобы окопаться, для охоты на семерых оленей.

С семи гор выглядывают семь кийиков,
Мызы-батыр пересчитывает свои стрелы.

Считай-не считай, а не все семь стрел одинаковы,
Скупой Апсаты недалеко от кийиков.

Мызы-батыр не уступит летящему орлу,
Для жертвоприношения семь голов – не много.

Как случилось, что ты лежишь, вытянувшись у Черного Камня,
И кровь твоя мешается с водой родника?

Пегий твой конь без седока ли бегают?
Охотничий пес твой (в село ли) бежит с вестью о беде?

Если так, то три квартала взвоят (от горя),
Три жены твои зарыдают, завопят.

* * *

Пегого коня своего я оседлал до рассвета,
Поднялся на каменные завалы над Мускоком,

На крутых завалах я не заметил диких стад,
О скупой Апсаты, ты не дал мне покою!

Я достиг вершин Мускокских гор,
Стрелу выпустил в изображение (?) скупого Апсаты.

На седловине показался пятнистый кийик,
Сердце мое, несчастного, прикипело к нему.

Начал стрелять я, но стрелы мои, ой, не попадали,
Погнался за ней, но она меня не подпускала.

На нижней долине мой охотничий пес беспокойно залаял,
У пегого коня моего оборвались путы.

Этот пестрый кийик показался на седловине —
И солнце мое погрузилось в черный туман.

У пестрого кийика обращайтесь внимание на заднее копыто,
Если целитесь, цельтесь ему под лопатку,

Я был охотником, в верховьях Махара мне не было равных,
Не нашел я способа справиться с пестрым оленем.

За заднюю ногу хотел я схватить его,
Но не копыто это оказалось, а рог, погубивший меня.

Рога пестрого оленя, что меня убили,
Пусть дед мой возьмет себе, разозлив Апсаты.

Ищите меня на вершине Мускока,
Окровавленные рога поставьте над косогором.

Мать моя, ой, мать моя, кто теперь будет ездить на моем пегом коне?
Моего рыжего охотничьего пса кто теперь будет любить, как я?

Мать моя, ой, мать моя, к совету твоему не ходить
на охоту, а жениться,
Пусть теперь прислушаются живые.

ГОШАЛА И ГОГУЙ

Я лег спать, и мне приснился сон, предрекавший беду,
Привиделся мне козел, бляевший, повернувшись в сторону моего дома:

– Если ты предпочел не ходить к Хурла-кель (на охоту),
А лежать в объятиях молодой жены, –

То не охотник ты, а ровня женщинам, сидящим дома,
И не стоит тебе подходить к диким стадам, спускающимся к озеру.

Так ко мне обратился белый козел на человеческом языке,
И я вскочил, думая схватить его.

Из табуна я выбрал трехлетнюю кобылицу,
При лунном свете отправился охотничьей тропой.

У изгиба скалы передо мной появился кийик,
Такой кийик да повстречается моему врагу!

А это был не кийик, а златокосая красавица,
Убегала она, не оставляя следов на уступах скал,

Золотые косы ее свисали со скалы,
Копыта ее высекали искры.

Вокруг нее столпились Кая Кызла («дочери скал»),
А она жалобно говорила, обратившись вниз:

– Я не кийик, я – красивая дочь Апсаты,
Я устроила тебе западню, чтобы ты не смог вернуться назад.

Услышав имя Гошала, собираются все кийики в горах,
В моем золотом дворце поместится все твоё село.

Я влюбилась в тебя, и в силу своей любви
Я буду поить тебя молоком моей матери – Белой Маралухи.

Если хочешь на мне жениться, вспрыгни на скалу,
И придешь по моим следам прямо во дворец.

Сиянием своим Гошала освещала скалы, по которым шла,
Красота ее утомляла глаза.

Ослепленный (ее красотой), я не знал, куда идти,
Беспомощно я посмотрел на свою трехлетнюю кобылицу.

Трехлетняя кобылица – она всегда знала, что у меня на душе,
Когда я собирался на охоту, она сама прибегала,
не дожидаясь, когда я позову.

Прядя настороженно ушами, она посмотрела в сторону Гошалы
И перечислила все, что я должен сделать:

– Ты так скажи ей, этой златовласой красавице:
«Я не прочь жениться на тебе, Гошала,

Но у меня нет возможности идти за тобой,
Я не могу приставить к скале лестницу, чтобы взобраться на нее».

А еще скажи: «У меня есть жена, на которой я женился по любви,
Мое золото, которое я не променяю ни на одну девушку».

Если скажешь так, Гошала придумает что-нибудь,
Если же соблазнишься, это плохо закончится.

Я не прислушался к словам кобылицы,
Хотя, может быть, она была права.

Лицо красавицы Гошалы излучало свет,
Она стояла на уступе скалы и звала меня:

– Косы мои станут лестницей для тебя,
Пальцы мои станут ключами для дверей дворца.

Если не взберешься (ко мне) – да не будешь тогда
ты охотником Гогуюм,
Да не будут в силах удержать ружье твои меткие руки!

Красавица Гошала посмотрела, где можно легче взобраться,
Золотые косы свои распустила, расчесала.

– Если не трус ты, коли есть в тебе мужество,
Коли есть в тебе уважение к женщине, –

Я спустила вниз свои волосы, сделав их лестницей,
Ты обязан, если мужчина, взобраться сюда,

(Чтобы) увидеть огонь, разожженный моими руками,
(Чтобы) войти в каменный дворец, став моим мужем!

– Не отзывающийся на призыв – да не увидит удачи,
Не будь я охотник Гогуй, если не поймаю тебя!

Трехлетнюю кобылицу я расседлал,
Спустилась лестница, и я начал взбираться по ней.

Высока была скала и неприступна,
Над ней было только необъятное небо.

По лестнице поднялся я, как по тропе,
Трехлетнюю кобылу оставил внизу и лишился ее.

На вершине скалы я не увидел Гошалу,
Свою красавицу-дочь Апсаты не отдал за меня.

Трехлетняя кобыла ржет под скалой,
Черномордый охотничий пес мой, не знает, куда бежать.

Повернув назад, я спрыгнул со скалы,
Не достигнув земли, начал кровью рыгать.

По горным тропам бегают Гошала,
Мужественных охотников губит она, соблазняя.

Глядя с вершины скалы, она усмехается,
Черномордый охотничий пес мой лижет мои раны.

Ой, мать моя, плачешь ты, наверное, по мне,
Узнать бы, кто это говорил со мной во сне.

Плохую шутку сыграла со мной Гошала,
Недобрый голос меня во сне окликнул,

Обманул меня, соблазнил, в ненужный путь отправил.
Ой, мать моя, поскользнулся я,

И лежу теперь под скалой, оглохший,
Кто осмелится сказать об этом моей матери?

Мать моя, пока трехлетняя кобылица моя не станет
матерью целого табуна,
Пока мой грудной ребенок не спросит обо мне,

Носите по мне траур, а потом
Богатое имущество раздарите людям.

Мерлушковый тулуп мой пусть носит мой младший сын,
Молодая невестка твоя пусть сгорает от горя в холодной комнате.

Ружье мое с золотой насечкой пусть заряжает мой старший сын,
Пусть он в эти горы не ходит охотиться.

А если придет, пусть не встретится с Гошалой,
Пусть Аллах избавит его от такой смерти!

БЕЛАЯ КОЗА, СЕРАЯ КОЗА

Белая коза, серая коза, —
На охоте вы для меня особые:
Дочери Аpsаты,
На плоскогорье, с красными шеями!

Из-за чести белой козы,
Из-за песни серой козы,
Я не замешкался на круче,
Чтобы не смочь подняться высоко.

При одном восхождении – белая коза,
При другом восхождении – серая коза,
Глаза мои уже не ослабли,
Дороги вниз уже не видно.

Камни и травы зреть
Уже не в силах увидеть дорогие мне глаза,
Я прошу Апсаты:
– Погляди сюда с выси!

Погнался я за белой козой,
Погнался я за серой козой,
И глаза мои ослепли,
И ноги мои вздулись буграми.

Открой мне пути к свободе,
Исцели мои руки,
Стрелы пускающие руки,
Мои сильные руки!

Да излечишь ты мои ноги,
Мои онемевшие ноги,
Дай увидеть мои любимые
Места, где находится селение!

Верни моим глазам,
Девушкой любимым глазам,
Их яркий свет,
Их добрый свет!

Белую козу подои два раза,
Серую козу подои семь раз,
Наполни свою каменную чашу,
Прими меня в гости, и –

Утром я выпью один раз,
Вечером я выпью один раз,
И, став, как прежде, здоровым,
Спустишься с вершины!

ВОЗМЕЗДИЕ

Самка-кийик, не зная страха,
Пасется, присматривая за детенышами,
Видит она, как они спускаются
Друг за дружкой к водопою.

У края оврага большой камень,
За ним прячется охотник.
Самка-кийик, встревожившись,
Подзывает к себе детенышей.

ДВА
утом
чи о
окру
белу
он п
лые
цвет
от ко
лась
ли ко
рук.
колок
17 э

Раздался выстрел, и пуля
Попала под лопатку самки-кийик,
Детеныши разбежались,
Кровь пролилась у подножья горы.

К самке-кийик пришла беда,
Не убегает она от охотника,
Пулю, разорвавшую ее печень,
Видел и Апсаты.

Самка-кийик кровью рыгает,
Видит подбегающего охотника.
— Где-то блеет козленок,
Не меня ли он подзывает? — подумала она.

Храбрый охотник вытащил свой нож,
Приставил его к шее самки-кийик,
Поскользнувшись в лужице крови,
Сам напоролся на свой нож.

Это не дикие ли козлята
Ищут на вершине холма свою мать?
Эти мужчины в дальнем селе
Не склеп ли сооружают?

Над солончаками Апсаты
Не по самке-кийик ли горюет?
У края оврага охотничий пес
Не по хозяину ли скулит?

На кладбище в дальнем селе
Готов ли уже склеп?
Над каменными завалами Апсаты
Не козлят ли пасет?

ДВА ОРЛА

В давней давности жил один смелый охотник по имени Таулан, не-
утомимый, неудовлетворяющийся (добытым), удачливый. Из своей добы-
чи он всегда выделял долю соседям, чтит старших. Все люди, соседи, вся
округа очень любили Таулана.

Однажды, шагая по лесу, охотник увидел возле родника какую-то
белую козу. Стараясь не спугнуть ее, он медленно поднял ружье. Только
он прицелился, глядь — а вместо козы стоит прекрасная девушка! Свет-
лые волосы, заплетенные в две косы, на золотом поясе сверкают само-
цветные камни, лицо белое, как молоко, светлые глаза, длинные ресницы,
от которых на лицо падает тень...

Как только охотник опустил ружье, девушка исчезла и опять появи-
лась коза. Прицелился снова — появилась девушка. У охотника задрожали
колени. Глаза словно заволокло пеленой, и ружье выпало у него из
рук. В лесу послышался смех, и девушка голосом, напоминающим звон
колокольчика, сказала:

— Эй, парень, ты меня не бойся. Ты в гостях, ты гость Апсаты!

Еле-еле собравшись с мыслями, Таулан спросил:

— Кто ты — белая коза, на которую охотятся, или самая прекрасная девушка на свете?

— Я дочь Апсаты — Фатима, — сказала девушка.

И охотник, и Фатима полюбили друг друга с первого взгляда. Охотник стал редко показываться в своем доме. Каждый день, отправляясь на охоту, он все чаще появлялся с пустыми руками: перед ним в горах паслись огромные зубры, но он их не видел, встречался ему медведь, но он не стрелял, не желая оборвать его жизнь, не поднимал он оружия и на коз и оленей, — а вдруг я целюсь в Фатиму, казалось ему.

Но любовь принесла им больше тревог, чем радости. Оба они знали, что человеку не дозволено соединиться с небожительницей. Поэтому охотник скрывал свою любовь от своих родных. Фатима же не сказала о своей любви своему отцу. Наконец они решились бежать в дальний край, где их не достигала бы власть тех, кто жил в этой местности.

Фатима оделась в мужскую одежду, голову повязала башлыком. Оба они сели на коней и пустились в бегство. Но какая одежда могла скрыть точеную фигуру, красоту и очарование девушки? Звери и птицы тут же обо всем известили Апсаты.

Разгневался Апсаты и послал своих слуг в погоню.

— Догоните и убейте беглецов! — так он повелел.

Фатима и Таулан ехали по безлюдным местам. Заметив преследователей, они взобрались на неприступные скалы, оставив коней в долине. Отсюда виднелся перевал, а далее — теплое море. Там, у той черты, которой достигали его волны, кончалась власть Апсаты.

На вершине горы посланцы Апсаты настигли их. Фатима и Таулан спрятались на скале среди камней. Но улары, заметив девушку и парня, подняли крик. Всадники, которые проехали мимо, не увидев их, вернулись обратно на крики птиц и обнаружили беглецов. Они схватили их и сбросили со скалы.

В это мгновение кольнуло сердце Апсаты: сжалившись над дочерью и смелым охотником, он обратил их в орлов. Гордые птицы, не успев коснуться груди камней, взмахивая крыльями, полетели в направлении солнца.

С тех пор, когда орлы летают над горными утесами, улары, боясь мести, разбегаются в разные стороны и прячутся в расщелинах скал.

КАК АПСАТЫ ОБМАНУЛ ЭЛИЮ

В одно из древних, очень древних времен бог охоты Апсаты жил возле Минги Тау. В то время жил там и один пророк по имени Элия. В ту пору Апсаты был еще молод. А у Элии-пророка была прекрасная, сверкающая, как звезда, дочь, увидев которую невозможно было оторвать взгляд.

Не ведая о существовании этой девушки, Апсаты знал, что Элия живет там же, недалеко, но знаком с ним не был. Да и не стремился с ним познакомиться.

— К чему мне пророк, я владелец всего скота в этой окрестности, я же один из богов, — ответил он, когда услышал, что здесь есть такой пророк.

Прошло немало времени, и однажды Апсаты услышал удивительный рассказ о дочери Элии-пророка. С тех пор он потерял покой. Много разных хитростей, много поводов он придумал, чтобы увидеть дочь пророка. Но способа встретиться с ней он так и не смог найти. Тогда, потеряв надежду встретиться с ней наедине, он однажды сказал своим ближним:

— Элия — пророк. Им пренебрегать нельзя. Я хочу с ним познакомиться, пригласить его к нам в гости. Но если не пригласить с ним и его дочь, он нас осудит и может даже вовсе не прийти. Поэтому следует пригласить и его дочь. И как можно скорее, — добавил бог охотников.

Вскоре их пригласили. Элия, который и до этого хотел познакомиться с Апсаты, явился в гости без долгих уговоров, вместе с дочерью. Апсаты устроил для них большой пир и веселье, принес в жертву много скота.

Дочь Элии так понравилась Апсаты, что он во что бы то ни стало решил жениться на ней.

Сказать об этом в первый же день он не решился, но на следующий день нарочно встретился с Элией и стал настаивать:

— Отдай свою дочь за меня.

— Отдам, — ответил Элия, — если и ты дашь мне то, что я скажу.

— Скажи мне, что это. Если оно находится в моих владениях, я найду и дам его тебе.

— Ну, что же, скажу, — и с этими словами Элия отвел его в Уллу-Малиен-Дурку и, показав ему огромную поляну посреди густого леса, сказал:

— Видишь эту поляну? Если ты заполнишь эту поляну дикими парнокопытными и отдашь их мне, я отдам тебе свою дочь.

Апсаты, уповая на то, что он бог охоты, сказал: «Сейчас же соберу и отдам», — и рьяно стал собирать туда разных животных. Собирал он их день, собирал другой, собирал третий. Собирал их с утра до ночи, но заполнить поляну не мог. Она, как и говорит ее название (*уллу* — большая, великая. — Х. Дж.), была местом, которое вмещало много, очень много животных. Апсаты собирал их и на четвертый, и на пятый день. Но поляна не заполнялась. Тогда он решил пойти на хитрость: он загнал туда же волков и медведей. Собранные там олени, туры, косули и другие парнокопытные, вдруг заметив ворвавшихся хищников, кинулись бежать от них и взбираться на скалы, окружавшие поляну.

Тотчас же Апсаты побежал, позвал Элию и, показывая на животных, выбегавших из Малиен-Дурку, сказал:

— Видишь, сколько скота собрал я для тебя? Они, не уместаясь из-за великого их множества, переливаются через край.

И Элия-пророк, не разгадав хитрости Апсаты, выдал свою дочь за него.

(В другом варианте легенды Элия, поняв, что Апсаты обманул его, выбил ему один глаз).

ОХОТНИК БОЛАТ

У Апсаты есть дочка Мёলেখан,
Ослепительна ее красота, невероятно красивое (она) создание.

Тропы ее пролегают в горах,
Пазуха ее полна уловов.

К охотникам она не плохо – хорошо относилась,
Когда приходил охотник, она знала, как ему угодить.

Когда она хотела помочь, ее лицо было открыто, щедро,
Когда не хотела – в ущелье не найти было даже зайца.

Была она красивее белого снега в горах,
Самой красивой из всех дочерей Аpsаты.

Однажды заметила она охотника,
Удалого парня, потомка храбрецов.

До рассвета добирался он до солончаков,
Нипочем ему была крутизна склонов.

Солнечные лучи, выглянув из-за гор,
Будто вплетались в косы Мёлехан.

Болат было его имя, которое будет славиться,
Был он из рода Борлаковых.

Однажды Болат увидел золотого кийика (Мёлехан),
Она, казалось, сама шла к нему.

Вложив стрелу, натянул он свой лук,
Но какая стрела поразит такую девушку!

Изготовившись, выстрелил он второй раз,
Выбрав самую острую стрелу.

Мёлехан поймала стрелу,
На солнце вышла Мёлехан.

Болат живо закрыл глаза,
Ему показалось, что это – сорвавшаяся с неба звезда.

– Если трус ты, то побежишь (по склону) вниз,
Если смел ты – откроешь глаза, –

Сказала кийик, возвращая ему стрелу.
Но не таков был Болат, чтобы убежать.

Охотник Болат стал, широко расставив ноги,
Схватив, взял девушку подмышку.

– У Аpsаты есть девушки-кийики,
На солончаках, высоко в горах их следы.

Я не такой глупый охотник, чтобы не знать этого,
Пока я жив, ты не отвадишь меня от охоты!

– Если захочу, еще как отважу,
Будешь ты хром на одну ногу.

Не хвались зря, подумай о своем здоровье,
Апсаты – владыка гор, не ты!

Нам известны привычки Апсаты,
Он ничего не дает, не получая платы.
Тем не менее, мы постоянно ходим на охоту,
И встречаемся с кийиками, с такими красавицами, как ты!

Красавица Мёлехан, распустив волосы, засмушалась,
Рассерженное лицо ее прояснилось.

– Если дочка Апсаты полюбит охотника,
Сможет ли он уйти от нее?

– Разница между охотником и кийиком велика,
То, о чем ты говоришь, не любовь – неволя!

– Я не кийик, я младшая дочь Апсаты,
Ты не даешь мне покоя, преследуешь меня.

Если полюбишь меня так же, как я тебя, то возьмешь меня (в жены),
И обоснуешься в моем белом дворце.

Если же нет, скалы запрут тебя,
И ты не увидишь больше своей жены.

Стану я непреклонной, как скала,
И ни один кийик не встретится на твоем пути,
чтобы ты мог поразить его!

Охотник Болат остался в скалах,
Сделав Мёлехан своей любовницей.

Когда он возвращался с охоты, собиралось все село,
Расхваливали принесенные им туши.

Охотник из охотников был Болат-батыр,
Село его наполнилось дичиной.

Если он выходил на охоту, привозил целый воз (добычи),
Если не выходил, то делился охотничьим мастерством.

Печальна была жена Болата,
Не радовало ее золото Мёлехан.

Топаз было ее имя,
Жила она, души не чая в муже.

Когда Болат-батыр задержался на охоте,
Когда его отсутствие повергло в уныние все село,

Жена отправилась искать его
И узнала, что у него есть любовница.

Болат-охотник слишком долго задержался на охоте,
Что делать, такова была воля Мёলেখан.

На скале над солончаками стоит белый замок,
Там Мелехан нежится в объятиях Болата.

Замок излучал свет, и, выйдя к нему,
Топаз без спросу вошла внутрь.

У Мёলেখан на шее золотая цепочка,
А на груди у нее – Болат-батыр.

Густые волосы ее стекали на пол,
Парчовые тесемки ее накидки были развязаны.

На земле не рождалась другая такая женщина, как Топаз,
Бросилась она к девушке, желая задушить ее.

Но, очарованная ее красотой, остановилась,
Приметила бурку, которую она сама сваляла для мужа.

Прояснилось ее грустное лицо,
Решение простить поселилось в ее душе.

Мёলেখан увидела ее сдержанность,
Поняла, что она (Топаз), хотя и сердится, но простит ее.

Красивые волосы свои, собрав, расчесала,
Развязала узелок у себя в сердце.

Она отпустила охотника,
Полюбив охотника, она полюбила и его село.

Мёলেখан чувствовала себя обязанной ему (Болату),
С тех пор (благодаря ей) удача всегда сопровождала охотникам.

У Топаз дом стал полная чаша,
В довольстве стала она жить-поживать.

АЖО-БАТЫР И АПСАТЫ

I

Ажо-батыр был единственным сыном (в семье),
Ему исполнилось семнадцать лет.

Он родился среди ледников Черной долины,
Ажо гонялся там за дикими козлятами.

На скачки его выставляли вместе со всадниками (пешком),
Бегал так, что никто не мог его остановить.

Ни скалы, ни утесы для него не были помехой,
Не было круч, на которые он не мог взобраться.

Ночью он ночевал в пещерах,
Положив голову вместо подушки на камень.

Когда Ажо-батыру исполнилось семнадцать лет,
Он боролся с сыном Апсаты.

Сын Апсаты – Ындырбай,
Сил у него – как у жеребца, водящего табун.

Схватил он подмышки Ажо-батыра,
Хотел бросить его на тропу под скалой.

Напрягся он так, что под ногами потрескались камни,
Но не сдвинулся с места Ажо-батыр.

«Раз уж Ындырбай сам затеял это,
То не оставляю я, не переломив ему хребет», –

Решил Ажо-батыр и схватил Ындырбая за поясницу,
Схватил и сдвинул его с места.

Увидевший это с каменных завалов Апсаты
Ринулся на помощь Ындырбаю.

Тут встал Ажо-батыр перед Апсаты,
Удивил его своим дерзким ответом.

– Я – сказал он, – родился в Черной долине,
Купался в трещинах ледников.

В Черной долине я гонялся за дикими козлятами,
В десять лет я задушил теленка зубра.

Нынче мне исполнилось семнадцать лет,
Настало мне время начать выходить на охоту.

Отец мой – черный камень в Черной долине,
Мать моя не княгиня, служанка.

Не я его задел, а Ындырбай – меня,
И я не успокоюсь, не сломав ему хребет!

Просто так захотелось твоему Ындырбаю
Преградить мне путь.

Он схватил меня, благо силы у него есть, подмышку,
Хотел бросить меня на каменистую тропу.

И чего я должен теперь бояться?
У меня нет угодий, кроме мест, где я охочусь.

У Апсаты было тысячи обликов,
Один из них – животное о четырех ногах.

Другой (его облик) – седобородый старик.
Был он много знавшим, мудрым нартом.

А если хотел, он превращался в тура,
(И) сбрасывал охотников с круч!

Не понравился Апсаты, который был видом подобен,
Небоязливый вид молодого Ажо.

Отправил он (Апсаты) Ындырбая в свой стан,
Не дал понять Ажо-батыру, что решил отомстить ему.

II

В селениях Большого Баксана такого не видели,
И в сказках о таком не слышали –

Таким охотником стал Ажо-батыр,
(Туши) кийиков складывал он рядами,
Не знал он жалости к животным.

Овчинный полушубок не снимал он с себя,
Не боялся он рассердить Апсаты.

В лесах он резал самцов зубров,
Оставляя Апсаты их кости.

Скупой Апсаты разгневался на Ажо,
Не знал он, как загубить этого храбреца.

Охотнику Ажо был ведом его (Апсаты) нрав,
На солончаках он был очень осторожен.

Ходил он, сделав свои ноги конями,
Поклялся он не дать Апсаты одолеть себя.

Руки его были его мечами,
В скалах он вырубил ступени.

Из одного корыта с собаками ел он,
Спал он в пещерах, полных вшей.

Охотясь, он ел лисиц, барсуков,
Дни и ночи проводил он на охоте.

Кол в девять саженой длиной – это была его стрела,
Руки его были его луком.

Из шкур девяти зубров девять кожаных веревок
Он сделал таких, что никто не придрался бы.

Когда было нужно, он свешивал их с круч,
Натягивал между двумя вершинами.

Из девяти веревок сплетал он девять лестниц,
Взбирался на кручи, слезал с них.

Старый Апсаты наблюдал его дела,
Не в силах одолеть его, умирал от злости.

– Если ты родился от черного камня в Черной долине,
Если не оставляешь в покое ни одно мое животное,

Если из многих способов моих ни одно не действует против тебя,
Если ты силой превосходишь моего сына,

Если надежды моих дочерей не сбываются,
Если Ажо творит свои дела, не спросясь меня,
Если я не в силах остановить его –

Пусть тогда в этих горах не произносится мое имя,
Пусть не останется здесь ни одного четырехногого животного!

Пусть твои веревки не достанут до вершин гор,
Пусть они не свешиваются со скал, став лестницей для тебя!

Пусть твои девятисаженные стрелы не летят,
Пусть твои руки будут не в силах держать лук!

Пусть у Черного камня не останется ни одного родника,
Пусть родившая тебя будет рыдать так же, как Белая Маралуха! –

Такое проклятие произнес Апсаты,
А затем повелел своим животным:

Одно из них пусть станет черным камнем в Черной долине,
Другое – женщиной-служанкой, родившей его,

Еще одно лучезарной девушкой,
Другое – звездой, льющей свет с небес!

Еще одно – пусть превратится в трехлетнюю косулю,
И пусть Ажо, ударив, переломит ей шею!

В это время примчится Белая Маралуха,
Если кто и сможет обмануть собаку-охотника, то это она!

Ажо начнет преследовать ее,
Будет мчаться за ней, не оглядываясь.

И вот тогда Ажо увидит чудеса:
Черный камень в Черной долине сдвинется с места,

Густые волосы свои превратит в туман его мать,
Женщина-служанка, не узнав свое дитя.

Дочь моя направит на него солнечные лучи,
Заставит бегать по выступам скал.

Жадного охотника заманившая,
Подставив себя, сорвавшаяся с кручи,

Косуля оживет и убежит,
Пропасть (перед ним) она разверзнет.

III

Ажо-батыр лежал в пещере,
Горел огонь, он (Ажо) пел старинные песни.

Одна песня была про Желжалка (Ветрогривого),
В другой он воспевал своего охотничьего пса.

— Овчинный полушубок носил, не снимая, — он стал узок мне,
Часто задевал я Апсаты и настроил его против себя.

В Черной долине пасся породистый жеребенок,
Побежав, он обгонял (летащих) орлов.

Породистого жеребенка вырастил я и сделал конем,
Поклялся до смерти не расставаться с ним.

Подхвостник из гранитного камня сделал,
Для удил черное железо разыскал.

Ветрогривым называя, гладил его под гривой,
На крутых тропах, скача от горы к горе, я его испытал.

Увидев на солончаках дикое стадо, я говорил:
«Бей, моя плеть, скачи мой конь!» —

И в один скачок он допрыгивал до солончаков,
Туши кийиков раскладывал рядами.

Такова была одна из песен Ажо,
Который был сыном черного камня.

Тут он застрелил пятигодовалого оленя,
Наступило ненастье, разгневался Элия.

Белая Маралуха примчалась, стуча копытами,
Начала оплакивать пятигодовалого оленя.

Ажо-батыр увидел Белую Маралуху,
Ветрогривого, расседлав, пустил пастись,

Из рук своих он сделал лук,
Вложив стрелу, изготовился стрелять.

Белая Маралуха приблизилась к охотнику,
Так говоря, начала причитать:

– Пятигодовалый олень был вожаком стада,
Твои тропы всегда были обгарены кровью!

Как мой пятигодовалый олень лежит,
Так и ты, Ажо, да будешь лежать в луже своей крови!

Да не будешь ты охотником, если не сможешь поймать меня,
Да не увидишь ты добычи, если не сможешь свалить меня!

Ойра, тогда начала убежать Белая Маралуха,
А Ажо-охотник начал в нее стрелять.

Ой, стреляет он, а стрелы его не долетают,
Охотничий пес его на ногах не может держаться.

Трехногим было это животное – это был сам Апсаты,
По скалистым тропам ему было легко передвигаться.

Убегая, он добежал до Черной долины,
Черная долина начала содрогаться.

Черный камень в Черной долине преобразился,
Женщина-служанка превратилась в собаку.

На скалы упал солнечный свет,
Ажо заметил там красивую девушку.

Рядом с трехногой Белой Маралухой стоя,
Она была похожа на беспримесное золото.

– Ветрогривый конь мой да не будет называться конем,
Если он вас быстро не догонит,

Охотничий пес мой да не будет называться псом,
Если он меня к вам не приведет! –

Поклялся тогда бесстрашный Ажо
И, вскочив на коня, туда помчался.

Вместо Белой Маралухи увидел он пятигодовалого оленя,
Ай, тоба, тоба*, что за чудеса, удивился он.

---

*Тоба – междометие, выражающее удивление, недоумение.

Пятигодовалый олень, которого он сбросил с кручи,
У которого из-под лопатки хлестала кровь,

Был жив, как прежде,
И, несомненно, он был теперь его врагом.

Пятигодовалый олень на вершину запрыгнул,
А Белая Маралуха, усмехаясь, в теснину зашла.

Внизу скулил его охотничий пес Желжетмез («кого не догонит ветер»),
Не хотел, чтобы Ажо пошел за Белой Маралухой.

Белая Маралуха шла, подавая ему знак,
Просторна была ее тропа, достигала небес.

Ажо преследовал ее, почти догоняя,
Перепрыгивал он через непроходимые кручи.

Казалось ему, что сейчас он догонит и схватит ее,
Что вернется назад, взвалив на плечи тушу Белой Маралухи.

Из Черной долины донесся до него громкий голос,
Что нет ему пути ни вперед, ни назад.

Прилетев, на уступ скалы приземлилась черная ворона,
Прокричала, что нет ему тропы к Белой Маралухе.

Смотрит он вверх и видит — пусто в небесах,
Смотрит он вниз и видит — нет никого на земле.

Смотрит он направо — там высокая гора,
Смотрит он налево — там крутой солончак.

Не слышит он ржання Ветрогривого,
Вой Желжетмеца до него не доносится.

Ищет он и не находит своих веревок,
Хочет двинуться, а ноги его не ходят.

На вершине пятигодовалый олень мычит:
— Попробуй, свали меня, если ты мужчина!

Это все я — и поборенный тобой Ындырбай,
И черный туман, окутавший тебя в Черной долине!

С нашим отцом, Апсаты, ты не считался,
Убивал животных без разбору — и жирных, и худых.

Ходил ты, делая себе мосты из веревок,
Косил наших животных, как траву.

Животные Апсаты были для тебя забавой,
Проливал ты их кровь, словно воду.

Кровь наша потоком струилась по солончакам,
И конь твой, и пес твой, и сам ты губили нас, словно мор.

Пусть же теперь восторжествует правда Апсаты,
И ты будешь лежать в Черной долине, успокоившись!

Черный камень (в Черной долине) был твоим отцом,
Стань же теперь черным камнем ты сам!

Ветрогривый – пусть он станет утесом слева от тебя,
Желжетмез – пусть он станет эхом справа от тебя!

В тот же миг Ажо-батыр превратился в камень,
И Апсаты (снова) предводителем своих стад.

И сейчас еще люди приходящие в Черную долину,
Желая узнать прошлое,

Могут видеть на травянистой вершине горы
Камень, напоминающий летящего человека.

Справа от него стоит высокий утес,
Слева слышится эхо.

МЕСТЬ АПСАТЫ

Это случилось давно. В те времена реки были больше, чем сейчас, а леса – гуще. Тропинки от одного села к другому были настолько узкими, что навьюченные животные ходили по ним с трудом.

В то время карачаевцы, прежде чем отправиться на охоту, просили у владыки зверей и птиц дать им добрую пищу для котла: жирного кабана, крутовый тура, оленя с ветвистыми рогами. Мудрый и суровый Апсаты давал им столько добычи из своих стад, чтобы и люди не голодали, и звери в лесах не редели.

Единственным человеком, который никогда не возвращался домой с пустыми руками, был Бийнёгер, сын Гезоха. Начиная от Минги Тау и до Кызыл-су, притока Большого Инжикани, ни один зверь не мог спастись от пули Бийнёгера. Он не знал усталости, не испытывал одышки на самых крутых тропах. Ни разу у него не дрогнула рука, когда он целился в зверя, страх ни разу не проникал в его сердце при встрече с огромным медведем или когда он преследовал стаю волков. Когда на него кинулась дважды раненая рысь, Бийнёгер левой рукой схватил ее за горло, отвернул клыкастую пасть в сторону и вонзил кинжал в ее сердце.

Хитрый Бийнёгер иногда истреблял целое стадо коз, преградив им путь в узком проходе между скал. Незаметно подкравшись к турам, отдышавшим на краю скалы, Бийнёгер старался выстрелить так, чтобы убитый им тур, падая, увлек за собой в долину и других туров. Выкапывая на звериных тропах ямы и маскируя их травой и ветками, он ставил ловушки. Дикие свиньи, преследуемые собаками, падали в них целыми стадами. Подкараулив на берегу, он убивал их стрелами, на зверей с ценным мехом, расставлял капканы. Чтобы звери не учуяли человеческого

запаха, он шел от одного капкана к другому, прыгая с камня на камень, и потом отбрасывал их подальше.

Так много истреблял зверей Бийнёгер, что не в силах был сдирать их шкуры: падаль издавала зловоние, становясь пищей голошеих грифов.

Старики в селе гордились охотничьим искусством Бийнёгера. Его неутомимость и смелость на охоте стали известны и за пределами Карачая. Но старики часто предупреждали Бийнёгера, что за истребление зверей сверх необходимого их владыка Апсаты когда-нибудь отомстит ему. Бийнёгер выслушивал стариков без возражений, но стоило ему скрыться с их глаз, как тут же снимал с плеча винтовку и, находя следы зверей, убивал их до тех пор, пока у него не кончались порох и пули.

В наших горах есть источники с соленой водой. Все травоядные время от времени ходят к этим источникам. И не только они, но даже бело-грудые лесные голуби пьют эту воду. Весной, чтобы соль впиталась в съеденную ими траву, туры, дикие козы и олени спускаются к этим источникам, забыв об осторожности.

В тот день было то же самое. Когда солнце стояло еще высоко, нарушая шагами лесную тишину, к источникам пришла одна прекрасная олениха. Пугливо оглядевшись по сторонам и не заметив спрятавшегося Бийнёгера, она припала к воде. Был конец месяца Тотура (март-апрель), и олениха готовилась дать приплод. Настоящий охотник в эту пору олених не убивает. Но Бийнёгер не знал жалости. Грянул выстрел, и олениха, сраженная пулей, упала. Когда она заметила охотника, идущего к ней с ножом в руке, из-под ее густых ресниц полились слезы. Задрожала земля, затрепетали ветви деревьев, небо потемнело, покатались камни. Раздался голос Апсаты:

— Когда же ты насытишься нашей кровью и плотью?!

— Не боюсь я тебя, хиляк, убивал и буду убивать твоих зверей! — ответил ему Бийнёгер и начал снимать шкуру оленихи. Потом он наполнил свои переметные сумы мясом оленихи, положил их на спину лошади и отправился домой. Никто не преградил ему путь, и ничего не случилось ни с ним, ни с его конем.

Возгордившись, считая себя равным знаменитым нартам, Бийнёгер решил жениться на дочери князя. Девушке было уже немало лет, но никто к ней не сватался. Князь впал в раздумье: как быть, как отдать свою дочь безродному охотнику; но если не отдать, то она и вовсе останется дома. После долгих размышлений, не думая о попрании княжеской чести, он позвал к себе Бийнёгера и сказал ему:

— Выдавая дочь за тебя, я оказываю тебе великую честь. По обычаю, заведенному в Карачае, калым за девушку из благородной фамилии состоит из пяти частей: пяти холопов, пяти котлов, пахотного поля, двух коней, двух волов. Но такой калым платят юноши-аристократы, а ты из черного люда, поэтому я, чтобы не уронить свою честь, хочу взять с тебя такой выкуп, какой не берут ни ногайские мурзы, ни кабардинские князья, ни владетель Сванетии.

Бийнёгер упал духом — откуда ему взять такое приданое? Князь, глядя на приунывшего охотника, усмехнулся:

— В качестве калыма я потребую от тебя только одно — приведи и загони в мой двор златорогого, о трех ногах оленя, и этого достаточно.

Такой калым — дело неслыханное от веку. Все знают, что в облике такого оленя является сам Апсаты. Разве найдется человек, который посмеет поднять руку на владыку лесов, зверей и птиц! Тогда Апсаты обрушат бедствия не только на того человека, но и на весь народ.

Вечером в большом бревенчатом доме собрались мужчины, родичи. Старики-аксакалы, сидя возле очага, греют остывающую кровь. Держа руки на рукоятках кинжалов, стоят вокруг них те, чьи бороды еще черны. Остальные неподвижно стоят у порога.

Долго пытались старики уговорить Бийнёгера не пытаться платить калым златорогим оленем и не свататься к дочери князя. Бийнёгер, выслушав решение собравшихся, сказал:

— Нет, никогда не отступал я от задуманного, не исполнив его. Я и златорогого оленя добуду, и дочь князя введу в свой дом, и тем прославлю свое имя, а вы отговариваете меня из зависти.

Сшил он себе новые чабуры, отлил стальные пули, наготовил пороха, наточил кинжал, положил в сумки вяленого мяса и, перекинув через плечо винтовку, отправился на поиски оленя. Все лето и всю осень он скитался по лесам и горам. Износил он девять пар чабуров, ночевал в расщелинах скал. Страдал от голода, на ветру и солнце весь потемнел, как сафьян. В бороде его появилась седина, а оленя он еще и в глаза не видел. Но вот однажды, когда выпал снег, он заметил на нем следы трехногого оленя. Три дня шел Бийнёгер по этим следам, но оленя не увидел, а следы вели все дальше и дальше. Лес остался далеко внизу. Кругом только черные скалы, ни единой души, а на снегу — следы златорогого оленя. Видно, что он двигался, перепрыгивая с вершины на вершину. На седьмой день, в одно холодное утро, Бийнёгер настиг оленя.

Белоснежный, огромный, о трех ногах олень стоял на вершине скалы и смотрел на заснеженные горы и глубокие долины. С его крутых переплетающихся золотых рогов на горы и леса изливался свет, и этот свет освещал долины и согревал бродящих по ним зверей.

Бийнёгер поднял ружье. Но не успел он нажать на курок, как олень гулко ударил копытом по скале, заполнив всю долину грохотом; снега и льды на поверхности гор стали сползать в долины, льды стали трескаться, скалы раскалываться. Этот грохот был слышен от Минги Тау до Теплого моря, снежная пыль поднялась до самого неба, а потом олень перескочил с одной стороны долины на другую и скрылся в скалах. Сколько ни искали сельчане Бийнёгера, не смогли найти.

Так мстят горы тем, кто бездумно истребляет зверей, птиц и деревья.

БИЙНЁГЕР

I

Гезох, сын Гезоха, был князем,
В Гестенти не было ему равных.

Его село было расположено у каменистого подножья скалы,
Тесные дороги его размывали потоки.

Было у него ружье «Алтынлы» (с золотой насечкой),
Когда он выходил на охоту, в Большом Баксане было для него тесно.

Было у него три сына – Кайсын, Омар, Бийнёгер,
Трое храбрецов, не ведавших страха.

Къайсын присматривал за скотом,
Омар был любителем разъезжать по городам.

Младший сын Бийнёгер был баловнем,
На затылке у него был бугорок, не ямка.

– Бугристый затылок – признак щедрости, –
Говорили жители Гезохова селения.

– Мой Бийнёгер – бедовый, – говаривал Гезох, –
Кто сможет его удержать, не пускать в горы, когда он подрастет?

Бийнёгер знать не знал об этих разговорах,
На рассвете он выходил из башни.

На равнине он состязался в стрельбе из ружья,
Видевшие это диву давались.

Стан его был строен, как рукоять плети,
Был он широкоплеч, с узкой талией, да и силой обладал немалой.

В храбром роду охотников Гезоховых
Рос он, храним от всех невзгод.

II

Время шло, состарился Гезох-охотник,
Имя его стало позабываться меж людьми.

Пегого коня своего отправил в табун,
Призвал к себе своих сыновей.

Гезоху-охотнику не было равных в горных ущельях,
Кто смел его послушаться?

Три сына его – трое мужчин, все здоровяки,
Красивые, стройные.

– В роду Гезоховых я был единственным (мужиной),
Вас – трое, вы остаетесь вместо меня, –

Сказал охотник, строго глядя на сыновей,
Решив высказать свою последнюю волю.

– Скот разводя, будет мирно жить Кайсын,
Короткокопытый пестрый конь мой пусть достанется ему.

Средний мой сын Омар, я беспокоюсь о тебе,
Слишком молодым ты познал далекие края.

Оставь ты похождения, осядь дома,
Излишняя распущенность плохо кончается.

Если возьмешься за ум, решишь вернуться –
Половина земель моих и скота пусть будут твои.

Если же вернешься из далеких краев, пресытившись,
Будучи уже ни к чему не пригодным, –

То не будет тебе ни скота, ни дома;
Как бы ни было велико (к этому времени) мое богатство.

Тебе же, младший мой ребенок, мой Бийнёгер,
Достается мое ружье и мой старый охотничий пес.

Золоченое ружье береги, как память обо мне,
Охотничьего моего пса отличай от других (лучше ухаживай).

Хотя вряд ли он (пес) долго проживет,
Вряд ли он, как раньше, поводя ушами, пойдет на охоту.

У твоих дядей по матери есть собаки этой породы,
Они, наверное, не пожалеют для тебя щенка!

Ружьем своим ты не злоупотребляй,
Без нужды ни одного кийика ты не губи.

Век мой прошел на охоте, и ни одного животного Апсаты
Я не убивал понапрасну.

И он (Апсаты) не оставлял меня без добычи,
Не смог запретить мне заходить в его лес.

И ты, молодец, в меру убивай животных,
Почитай Апсаты, выделяй его долю.

Не превращай охоту в забаву,
Не раскаляй ствол ружья без нужды.

III

Когда Гезох-охотник, сын Гезоха, скончался,
Приходящие на похороны видели (одного) Бийнёгера.

Хоть он и был младшим, он принимал соболезнования,
Омара не было, он где-то был в отъезде.

Кайсын ходил за скотом (в горах),
Да его особо никто и не искал.

Доблестный Бийнёгер проводил отца (в последний путь),
Достойно справил поминки.

Забрал он после этого отцовское наследство —
Ружье с золотой насечкой, рыжеухого охотничьего пса.

Семь гор он обходил, словно одну,
По семи горам он летал, словно орел.

На семи горах он убивал семь зубров,
Селение Гезохово насыщал он дичиной.

Бийнёгер душой прикипел к охоте,
Он не давал даже отдохнуть своему псу.

Пес, который за один раз ловил семь оленей,
Стал настоящим другом молодого охотника.

Рыжеухому не нравилось, если Бийнёгер поступал неправильно,
Он сволакивал с горы кийиков, подстреленных Бийнёгером.

Пса своего он любил, как себя,
Казалось, он хотел перебить всех кийиков.

Удовольствие доставляла Бийнёгеру стрельба из ружья,
Забыл он наставления отца.

Окопавшись, он сидел в засаде у солончаков,
Среди завалов убивал животных без счета.

Апсаты терял терпение,
Кийики-матери, рыдая, проклинали его.

IV

И проклятье их настигло Бийнёгера —
Старый пес его сорвался с крутой скалы.

Бийнёгер соорудил для него погребальные носилки,
Горевал он, как в день похорон отца.

Лег он спать, и сон ему приснился,
Беду ему пророчил этот сон.

(Во сне) сначала завыл под скалой его старый охотничий пес,
Затем восстал из могилы его отец Гезох.

Появление их было плохим предзнаменованием, говорят,
Они ушли, оставив его одного, говорят.

В небе погасли звезды, говорят,
И вдалеке показались огни, говорят.

Бийнёгер собрался идти туда,
Охотничий пес, залаяв, не пустил его.

Храбрый охотник стал искать отца,
Спросил, что его тревожит.

«Эй, дитя мое, – сказал Гезох, – хожу я потому,
Что в горах не стихают ружейные выстрелы.

Творятся дела, которые заставляют меня страдать,
Лес наполнился трупами кийиков.

Мать-кийик сторожит свои стада,
Плачет и не находит своих козлят.

Пока я не верну их, оживив,
Пока не заслужу прощения у Апсаты,

Мать-кийик не дает мне успокоиться,
Спокойно смотреть в окошко склепа на горы».

Бийнёгер стоял не в силах вымолвить ни слова,
Тело его ловкое оцепенело.

Тут он заметил Апсаты,
Натравил своего старого пса на него.

Старый пес не бросился на Апсаты,
Скала разверзлась, и пес ушел в проем.

Следом за ним ушел и Гезох-охотник,
Понял Бийнёгер, что остался один.

Скупой Апсаты свивал волосяной аркан,
Вокруг него все было залито кровью.

V

Бийнёгер проснулся весь в поту,
На взмыленном коне примчался в Бабугей.

В Бабугее жила девушка, к которой он сватался,
Красавица Бабух обладала даром ясновидения.

– О душа моя, белолобая моя любовь,
Ночью мне приснился сон, доставивший страдания! –

Пожаловался ей Бийнёгер,
Рассказал ей свой сон.

– Сначала завыл мой старый охотничий пес,
Затем встал из могилы мой отец.

Оба они мне пророчили плохое,
Оставив меня, они ушли в скалу, –

Полностью пересказал свой сон Бийнёгер,
Покаянно посмотрел на красавицу Бабух.

Густоволосая жительница Бабугея Бабух,
Не было красавиц, равных ей.

Бийнёгер любил ее безмерно,
И для Бабух свет не был мил без Бийнёгера.

Будущее она предвидела без труда,
Не могла она избавить Бийнёгера от страсти к охоте.

– Не ходи больше на охоту, – сказала ему невеста,
Гордость его задевая, –

Дай молодым животным пастись на солончаках,
А сам дострой свой каменный дом.

Был у охотников обычай –
Давали они обет не стрелять без нужды в животных.

Ты забыл об этом так же, как забыл
Наставления своего отца.

Остановись хоть теперь, дай своему отцу (спокойно) лежать в могиле,
Дай зажить ранам Аpsаты!

Пусть черный ствол твоего ружья покроется ржавчиной,
Пусть не в нем, а в очаге твоём полыхает огонь!

Если не дашь зажить ранам Аpsаты,
Волосной аркан его не на оленью,

А на твою шею наматается,
Дивиться на тебя соберутся семь селений.

VI

«(Если) храбрый охотник, сын Гезоха Бийнёгер,
Который на горы взбирается, словно белка,

Который в семи горах семь буйволов разделявает,
Который Гезохово селение дичиной насыщает,

Который подвязывает свои чабуры кожаными ремешками,
Который знает язык зверей, как Аpsаты,

Послушавшись речей женщины, толкующей сны,
Потеряет свое доброе имя среди односельчан,

Забросит свое золоченое ружье за притолоку
И будет сидеть, погрузив свои ноги в золу (очага), –

Не станет ли он посмешищем для села Гезохова,
Не перестанут ли брать его себе в друзья?

Да и родственникам жены будет стыдно за меня, подумают, что я трус,
Что это Апсаты меня вынудил бросить охоту».

В таких сомнениях пребывал Бийнёгер.
Тогда Бабух спросила его:

– Охота – почтенное занятие, это всем известно,
Но кто сказал, что нельзя жить, не будучи охотником?

Худею я, тебя ожидая, а годы идут;
Ты же годами не спишь в своей постели!

В селе, где ты живешь, не все охотники,
Брось охоту и ты, послушайся своего отца, послушайся меня.

Если же не послушаешься, распушу свои волосы,
Буду носить траур по живому тебе!

VII

У женщин слово тверже клятвы,
Как же быть, – думал Бийнёгер печально.

Бийнёгер перестал ходить на охоту,
Строил дом, устраивал свою жизнь в селе.

Был уже назначен срок свадьбы,
Хотел он привезти из Бабугея жену.

Поэтому вышел он, говорят, чтобы пройтись по становищам Кайсына,
Выбрать скот для убоя на свадьбу.

В то время как Бийнёгер выбирал скот,
Сельчане ходили повидать вернувшегося Омара.

Омар был на ярмарке,
Сельчане слышали, что он болен.

– Доблестный Бийнёгер, если ты не вернешься скорее,
Омар умрет, ты должен что-нибудь сделать, –

Сказал ему, примчавшись, гонец;
Доблестный Бийнёгер пришел и увидел его (Омара).

Эй, на вершине Чайнашки черный паук живет,
Тело несчастного Омара страшная болезнь гложет.

– В бурных реках резвящийся, словно рыба,
На солончаках не дающий покоя диким козлятам,

Младший брат мой, если ты не изыщешь какого-нибудь способа,
Не принесешь лечебных плодов с какого-нибудь дерева в Гезох Кая,

На мои вопли соберется все село,
Куда бы отрезать и бросить этот проклятый мочевого пузырь?

Расспрашивают и не могут определить, что у него за болезнь,
Мечется в бреду, и не решаются зайти к нему.

Эй, несчастный Омар, не знал он, что его ожидает,
Гулял он, пока не заразился плохой болезнью.

В басият коши* собирают умелых знахарей,
Они готовят разные снадобья.

Они-то готовят, но злая болезнь, сжигающая промежность Омара,
Не хочет покидать его дом.

— Храбрый Бийнёгер, если ты не сделаешь что-нибудь,
Если золоченое ружье твое покрылось ржавчиной,

То твой брат Омар не избавится от этой собачьей болезни,
А, наверное, нет таких гор, на которые ты не взобрался бы ради него.

Эту болезнь не излечат ни снадобья, ни травы,
Заболевший ею без оленьего молока не выздоровеет.

Если что-то поможет, то только оленье молоко,
А поймать оленуху сможет пес брата твоей матери.

VIII

Чтобы Аллах наказал гуляку Омара,
Лучше бы он вернулся домой, завернутый в саван.

Добрый Бийнёгер в печаль погрузился.
За советом к Бабух обратился.

Пока Жетегейле (Большая Медведица), семь кругов сделав, не погасла,
И над Гезох Кая не начало светлеть,

Бабух пыталась его отговорить,
Зная, что случится, она так говорила:

— Бийнёгер мой, княжеской клятвой ты связан
(букв. — на твоей шее княжеская клятва),
Наказ моей несчастной (покойной) матери у тебя за пазухой!

Ты не послушаешься женщины,
А не послушавшись — не достигнешь желаемого!

---

*Басият кош — княжеский стан, где молодежь периодически проходила военную подготовку.

Белую оленуху доит сам Апсаты,
Каменная чашка его наполняется раз в три дня.

Молока не даст он тебе, каменную чашку не опорожнит,
Если он и позволит, Белая олениха не даст тебе себя подоить.

Назвав тебя «нарушившим клятву», тебе никто не даст собаку,
Брат твоей матери не примет тебя даже как (простого) гостя.

Рукояти плети подобная (стройная) моя талия ссохнет,
Стану я уцербной, как мужчина, нарушивший клятву.

Не обрекай меня оставаться в холодном доме,
Не обрекай меня плакать, подобно журавлю со сломанной ногой.

Такие дела так просто не делаются,
Подоить оленуху – это не то что сон увидеть (не так же легко).

Все, кроме тебя, знают это,
Нет хуже козней знакомого врага!

Стройной сосне подобный, встал Бийнёгер,
Долго он молчал, затем сказал:

– Если ради брата я не выйду на охоту,
Не устрою западню дойной оленухе,

Как я потом покажусь в селении Гезоховом,
Как я потом смогу называться братом Омара?

В нужный день брат подобен башне (является опорой),
Когда речь идет о жизни и смерти, один человек подобен тысяче!

Бабух, душа моя, дай мне зашнуровать свои чабуры,
Пришей петли и дай мне надеть мой овчинный полушубок!

Из-за притолоки дай мне достать золоченое ружье,
Дай мне пойти к дяде по матери, чтобы попросить собаку!

В горских селах не бывает разговоров, чтобы не упоминался Апсаты,
Если я не выдою белую олениху, мне нет дороги домой!

IX

Бийнёгер явился к дяде по матери,
Он попросил у него охотничьего щенка.

– Был у меня (пес), завещанный отцом,
Но, увы, рыжеухий пес скончался.

Дядя по матери не почтил его, как гостя,
Не то что охотничьего, простого щенка не дал.

К доблестному Бийнёгеру он с такими словами обратился:
– Распутному Омару охотничий пес не поможет,

А кто ради Омара просит пса, пусть сам станет псом,
А тот, кто настроил тебя на эту охоту, пусть сгинет со света!

Упрямый Бийнёгер сильно опечалился,
К Кубадиевым отправился просить собаку.

Кубадиевы же – род, любимый Тейри,
К гостям они бывали щедры.

Молодого Бийнёгера они приняли, как гостя,
Из охотничьих собак они дали Бийнёгеру, выбрав, пса.

Х

Глубь Гезох Кая была узкой тесниной,
У Апсаты был там замок.

Двери замка были привязаны неохватными веревками,
Верхушка замка скрывалась в облаках.

У семи арканов семь железных петель,
На семи дверях семь изображений рогов.

Апсаты сидел внутри замка,
Белая оленуха была рядом с ним.

Девять сыновей его владычествовали в семи горах,
Девять дочерей его на равнине разматывали семь клубков (шерсти).

Красавица Жумарук (Улар) – младшая из дочерей,
Певунья, шалунья, доносица.

Прилетев, начала в замке петь,
О плохом она им сообщала:

Песня Жумарукъ

По непроходимой скальной тропе,
Там, где ни одна живая душа не ходит,
Свободно, словно ветерок,
Легкой походкой,

Мимо священного пристанища
Матери кийиков Белой оленухи,
По крутой тропе, по которой наш отец Апсаты
Поднимается к солончакам,

С охотничьим псом (по кличке) Желаяк (Ветроногий),
Который по ветру чует животных,

По седловине, где козлята друг за дружкой
Спускаются к водопою,

Сюда идет Бийнёгер,
Он видит наши следы,
Если мы что-то не предпримем,
Он прольет нашу кровь.

Пока былинки на пастбищах медоносны,
Пока есть возможность жить,
Пока перевал покрыт снегом,
Непроходимым для Бийнёгера,

Как только закатятся Жетегейле (Большая медведица),
(Давайте) отрежем ему пути,
А сами убежим!

XI

Апсаты-покровитель оглядывает солончаки,
Пересчитывает своих кийиков.

Считает он и видит, что уменьшилось их число.
— Да не явится к нам охотник Бийнёгер!

Животных не оставил он в лесах, лощинах,
Птиц не оставил он в предгорьях, на вершинах.

Значит, снова он взял в руки оружие,
Он собрался нас истребить.

Будь его воля, на солончаках не мычал бы (ни один) олень,
А теперь, значит, он идет сюда, чтобы подоить олениху! —

Так сказав, Апсаты к Белой оленухе обратился,
Плохое для Бийнёгера решение принял.

— Много у тебя возможностей, мать кийиков — Белая коза,
Уведи его за собой и запри (в скалах), чтобы он не смог выбраться!

Если он довел нас до того, что мы готовы покинуть эти места,
Если он додумался до того, что хочет уже доить нас, —

Пусть у Бийнёгера не будет сил стрелять,
Пусть у него не будет сил, чтобы бежать, повернув назад.

XII

Когда, белея, показалась Вечерняя звезда,
Когда у подножий гор разлилась темнота,

Бийнёгер вышел в путь, сев на коня,
Надев полущубок, кожаные штаны.

Ветроногий пес его бежал рядом,
Следы вынюхивал он на горных тропах.

К рассвету он поднялся до Ындак Башы.
Ветрогривого расседлав, пустил пастись.

Развел огонь, почтил Апсаты,
Там же залег он в засаде.

Смотрит он направо – крутые солончаки,
Смотрит он налево – глубокие ущелья.

Как будто вымер горный лес –
Не видно ни одной козы, ни одной дойной оленухи.

Семь дней, семь ночей он прождал,
(Но) не появилось ни одного животного ни на
солончаках, ни в долинах.

Храбрый охотник понял, что случилось что-то неладное,
Спустился в овраг, к роднику.

Наклонившись, он напился из родника,
Заснул там и увидел сон.

Белая олениха бежала среди скал,
Она не была похожа на других.

Тоньше кончика стрелы были ее ноги,
Упав, она сразу вскакивала на ноги.

Длинношеяя, длиннотелая, большеглазая,
В погоне за ней не угнался бы не только человек, даже ветер.

По скалам, достигающим небес,
Бежала она, сливаясь с облаками.

Доблестный Бийнёгер погнался за нею,
Почти нагнав, думая, что вот-вот схватит ее за ногу,

В вышине заметил он замок,
От замка вниз шла узкая тропинка.

Кийик бежала так, что три ее ноги не касались земли,
Скалы содрогались, замок же был неподвижен.

Отчаявшись догнать ее, Бийнёгер зарядил
Свое золоченое ружье, чтобы застрелить оленуху.

Смотрит он и видит, что никакой оленухи нет,
А Кая Кызла («дочери скал») смеются, пуская его по чудным тропам.

Бийнёгер остановился, пораженный этим,
Они (кийики) не давали ему возможности выстрелить.

Смотрит он и не видит (своего) ветрогривого коня,
Смотрит он и не видит (своего) ветроногого пса.

Эти девять девушек – якобы убежавшие от него кийики –
Смеялись, видя его состояние.

Золотые двери белого замка распахнулись,
Трехногая коза забежала внутрь.

Бийнёгер во сне дивится своему сну,
Думая об этих девяти «дочерях скал».

Вода в роднике расступилась, оттуда вышел,
Торопясь к нему, старый старик.

Белобородый, в руках у него посох,
Вот что он сказал охотнику:

– Бийнёгер, чьи стрелы никогда не пролетают мимо,
Аллах-Творец невлюбил твою душу!

Не ходи ты за Белой оленухой.
Не бери в руки ружье, чтобы выстрелить (в нее).

Если пойдешь (за ней), ты не вернешься назад,
Без воли Апсаты для Белой оленухи нет смерти!

Белую оленуху доит сам Апсаты,
Каменная чашка его наполняется раз в три дня.

Этим молоком он поит козлят,
А из оставшегося молока сбивает масло.

Добавив (в воду) масло, он варит оленьи рога,
Задумайся, гость, он пробавляется этим!

Ветрогривого коня ты в ложбинах не расседывай,
Не делай так, чтобы твой ветроногий пес вернулся домой без хозяина.

Не верь тому, что говорят колдуньи Гезохова села,
Не утруждай себя, думая, что сможешь поймать и подоить олениху.

Длинный посох свой я отдам тебе,
И да увижу, что, опомнившись, ты избежал несчастья!

ХІІІ

Упрям был Бийнёгер, не отступал от задуманного,
Животных Апсаты в горах он настрелял без счету.

Он и во сне был так же решителен,
Посланцу сна так он ответил:

— Ну и что с того, что ее доит Апсаты?
Я поймаю ее, загнав, доведя до хромоты!

Нечего и говорить о том, что у Апсаты достаточно
сил для насилия,
(Но) мне нет дороги назад, пока я не подою белую оленуху.

Если я не подою, изловив, Белую оленуху,
И этим не угожу брату Омару, —

Как я смогу показаться перед односельчанами?
Чем оправдаюсь тогда?

— Тогда пусть Аллах пошлет тебе несчастье, —
Сказал посланец сна, и объяснил ему, куда идти. —

Пойдешь к верховьям Чаты-суу,
Там разожжешь огонь, переночуешь.

За утесом ты остановишься,
Приметишь в стаде трехногую козу.

Пасясь, она подойдет к утесу,
Опершись грудью о камень, она выставит свое полное вымя.

Хватай тогда ее за заднюю ногу,
И быстро повали на камень.

Если сможешь схватить ее за заднюю ногу,
Если сможешь быстро повалить ее на камень, —

Значит, ты победил, добудешь оленьё молоко,
Если же нет, то останешься ты среди скал.

XIV

Бийнёгер рассказал свой сон бегущему ручью,
Ветроногого известил о том, что произойдет.

Потом поднялся к верховьям реки,
Укрылся в засаде за утесом.

Пасясь, туда подошла трехногая коза,
Опершись грудью о камень, она выставила свое полное вымя.

Бийнёгер схватил ее за правый сосок,
Трехногая коза отбросила его прочь.

В тот же миг все вокруг покрылось туманом,
Трехногая коза исчезла.

Когда созвездие Большая Медведица закатилось
И начало светать,

Бийнёгер вышел на охоту,
Укрылся в засаде.

Много ли, мало ли он прождал,
Но ему пришло в голову:

Если это – трехногая лань,
Кто же тогда красавица Мёলেখан?

Если это – красавица Мёলেখан,
Кто же тогда сам Апсаты?

Былинки пастбищ были медоносны,
Была возможность жить,
Когда Бийнёгер выходил на охоту,
Кийикам на солончаках было тесно.

Бийнёгер, вскочив, побежал,
Над Темирезом нашел ее следы.

Трехногая коза оставляла три следа,
Гнаться за ней Бийнёгеру было тяжко.

Гоняясь за ней, он поднимался на острые пики,
С Темиреза он перебрался в Большой Холам.

Над Усхуром он заметил дикое стадо,
Оттуда он перебрался на плоскогорье Адай.

Трехногая коза, добежав, вскочила на камень Азуу,
Бийнёгер уцепился за выступ.

Ищет Бийнёгер и не может найти дорогу туда,
И пес, который (обычно) шел по следу, не бросается на эту косулю.

Трехногая коза смотрит оттуда на Бийнёгера,
Бийнёгер стоит ослепленный.

Начала она говорить на человеческом языке,
Превращаясь поочередно то в девушку, то в кийика:

– С горы на гору перелетавший, словно орел,
Дорогу в год длиной без отдыха преодолевавший,

Доблестный Бийнёгер, не можешь ты теперь преодолеть кручу,
Не можешь словить трехногого кийика!

Стреляешь ты, но пули твои не долетают,
Преследуешь ты, но преследуемая не дает тебе приблизиться.

Я взбираюсь на горы, покрытые ледниками,
Убегаю по выступам скал.

Коль мужчина ты, то догонишь и подоишь меня,
Преследуя меня, преодолеешь семь гор.

Усмехается она, глядя на охотника,
Бийнёгер неотступно преследует ее, задыхаясь.

— Если не в силах я
Поймать тебя и подоить,

Да не будет имя мое — Бийнёгер-охотник,
Пусть в Гезоховом селении имя мое произносят с позором!

Эта клятва придала сил Бийнёгеру,
Спрыгнул он вниз с каменного завала.

Через семь дней достиг он острых скал,
Цепляясь, взобрался он наверх.

Трехногую заметил он над Муху,
Оттуда погнал ее в сторону Ламута.

Исхудавший, изможденный, остановился в Хурейите,
Она Бийнёгера близко к себе подпустила.

Показалось Бийнёгеру, что еще один прыжок,
И он поймает ее, подоит и выпьет молока,

И прыгнул он, как лев,
Но будто что-то его придавило.

А придавила его не кийик, а черный камень,
Ах, где бы ему набраться прежних сил!

Дойная оленуха прыгнула,
Перебралась через большую реку и ушла в Большой Лахран.

Удальцом рожденный сын Гезоха Бийнёгер,
Не было в мире уловов, неизвестных ему.

Перевязавшись арканом, другой конец веревки он, перекинув за реку,
Обмотал вокруг дерева.

Залез он в бурлящую реку
И выбрался на крутой скалистый берег.

Солнце отражалось в копытах оленухи,
Она была совсем близко.

«Лови», — приказал он, но Ветроногий остался стоять,
Нажал на курок, но золоченое ружье не стреляло.

Трехногая оленуха смотрела с Большого Лахрана,
Не боясь, не убегая, она проклинала охотника:

– Поклялся ты, что не будешь ходить (на охоту), и нарушил клятву,
С утеса наблюдая, выследил нас,

Животных истреблял ты, подобно обвалу,
Матери нашей столько страданий доставил –

Ты что, посчитал, что горный лес – твой отчий дом?
Или что Гезох над нами княжил?

Никак ты не напьешься нашей крови,
Не перестанешь преследовать, убивать нас.

Так будь же, Бийнёгер, не охотником, (а покойником),
Пусть, как мы, изнывают от горя потомки Гезоха!

Говорящая это была девушка, одетая в шелка,
Вершины гор, доходящих до неба, были покрыты льдами.

– Скажи мне, кто ты – бес или джинн,
Или ты дойная оленуха, которую я ищу?

Если ты дойная оленуха, дай мне потянуть за твой правый сосок,
Если ты дикая коза, дай выстрелить в тебя!

– Я не кийик, чтобы ты выстрелил в меня,
Я не дойная оленуха, чтобы ты потянул меня за правый сосок!

Я – Жумарук, младшая дочь Аpsаты,
Да оmoется тело твое твоей же кровью!

Я – Жумарук, любимая дочь Белой оленухи,
Да закает на ружье твое кровь из твоего сердца!

От тебя убегая, я исхудала,
Да погрузишься ты в воду, словно камень!

Несчастный охотник, три месяца ты гоняешься
за семью дочерьми Аpsаты,
Принимая их за одну козу!

Семь дочерей (у Аpsаты), я, Жумарук, младшая из них,
У всех у них я на побегушках.

Нравится тебе преследовать кийиков среди скал –
Мы тебя и заставили бегать три месяца!

Теперь настала ее очередь –
Это наша родная мать Белая оленуха.

Жумарук улетела, испарилась,
Исчезла из вида Бийнёгера.

Бийнёгер стоял под горой,
Сверху его оведал холодный ветерок.

Смотрит он и не может увидеть вершины скалы,
Крутая она, неприступная, без выступов.

Белая оленуха на ней – словно облако,
Тело ее волнами ходит.

Легконогое, остророгое,
Грызущее льды ледников,
Щиплющее мох на камнях,
Жиреющее, вольно пасясь,

С вожакom-гуждаром впереди
К водопою спускающееся,
Без счета, без числа, без хозяина –
Кто видел такое стадо?

По выступам скал,
По местам, где никто не ходит,
Мимо священного стойбища
Трехногой Белой оленухи,

Бежал, гнался за ней (Бийнёгер),
Прицеливался, стрелял;
Охотничий пес его Ветроногий
Взял след

И у крутой скалы,
В местах обитания Аpsаты,
Бийнёгер увидел стадо,
Отделил (от стада) оленуху,

Загнал ее в пещеру,
Направил туда своего пса.

Олениха была, словно обрыв (?),
Подбрюшье ее было, как снег,
В глазах ее, подобных озерам,
Словно два мира отражалось.

Бийнёгер удивился,
Собака попятилась назад,
Пещера озарилась светом,
Оживила природу.

– Если ты такой (умелый) охотник,
Если я для тебя – дойная скотина,

Над этим высоким обрывом
На камне Апсаты

Я обнажу свою грудь,
Спущу к тебе лестницу,

Взберись (сюда), если сможешь, охотник,
Посмотрю я, каков ты!

Ветроногий пес нехорошо так воет,
Бийнёгер в смятении, не знает, что делать.

Стреляет он, но пули не долетают,
Хочет идти, но ноги его не держат.

Пес его у ног вьется, заговорив по-человечески,
Не хочет его туда пускать.

– Не ходи, не ходи! – повторяет он, скуля,
Сумев заговорить по-человечески.

Доблестный Бийнёгер, отогнав его, присел,
Наполнил свой белый башлык снежными комьями.

Снежные комья он стал лепить к скале,
Нашел способ взобраться к белой оленихе.

Взобрался он на скалу,
Горький день настал для сына Гезоха-охотника.

По снежной лестнице взобрался он на скалу,
Схватил Белую Оленуху за заднюю ногу.

Белая Оленуха отбежала,
На каменном завале остановилась и сказала:

– Ты преследуешь, я убегаю,
Ты стреляешь, я спасаюсь.

Если теперь свой путь,
Вправо ли, влево ли,

Я не пройду, будучи хромой,
Оставаясь трехногой, –

Пусть надо мной будет высокое небо,
А склоны превратятся в долину.

Если, настигнув, не поймает меня,
Испытывая удовольствие, не поймает меня,
Пусть и небо и земля будут твои!

Доблестный Бийнёгер продолжал преследовать ее,
Решив, что или поймает ее, или умрет.

С нижней стороны его – обрыв, глубокий, как море,
С верхней стороны – зеленеющая равнина.

По обе стороны от него – крутая гладь, где не устоять,
Перед ним высокий обрыв.

Доблестный Бийнёгер в тупике оказался,
С такими словами к Аллаху взмолился:

– Воздвигни перед белой оленихой высокую гору,
Преврати темный лес в загон, в котором я мог бы поймать ее!

Сделай горы врагами трехногой оленихи,
Пусть задуманное скупым Аpsаты не исполнится.

Не исполнились мольбы доблестного Бийнёгера,
Дороги его отрезаны, застрял он над Капчагаем.

XV

Олениха-мать теперь не убегает от него,
Близко стоит, не обнажая свое белое вымя,

Неприступные скалы наполнил он своим криком,
Устал, изнеможен был несчастный Бийнёгер.

Смотрит вверх он – и только небо над ним,
Смотрит вниз – и не может различить камней в долине.

На скале Капчагай нет места, чтобы поставить ногу,
На неприступной скале нет выступа, по которому
могла бы проползти змея.

Убегавшая оленуха смотрит с каменного завала,
Несчастный Бийнёгер перечисляет свои невзгоды:

– За семь месяцев на семь гор я взобрался,
Такого удивительного кийика, как ты, я не видел.

Пуля моя под лопатку тебе не попадает,
Красная кровь твоя на камни не струится.

Охотничий пес мой, догнав, не может словить тебя,
Доблестный Бийнёгер стал твоим пленником.

Кто ты – та, что довела меня до такого состояния,
Та, что сделала скалу Капчагай неприступной?

Трехногая коза превратилась в девушку с распущенными волосами,
Место, где она сидела, синим льдом покрылось.

– Если спрашиваешь, кто я такая,
О Бийнёгер, душу которого невзлюбил Аллах-Творец,

Говорю тебе: я не кийик, я дочь-красавица Апсаты,
Да не вернешься ты назад живым, если не оставляешь нас в покое!

На солончаках нам нет от тебя жизни,
Преследовал нас, убивал, никак не насытишься нашим мясом!

Семь месяцев я заставила тебя бегать по семи горам,
Так я наказала своего кровного врага.

Больше ты не поднимешь ружье на оленя,
Не натравишь своего пса на раненых (животных)!

Я сделала свое дело, теперь ухожу,
Перед уходом скажу тебе «благопожелание»:

Пусть под тобой будет море (воды), пусть оно будет бурливо,
Пусть над тобой будет только небо, куда не долететь орлу!

За спиной твоей пусть будет скала, чтобы ты еле мог двигаться,
Дней твоей жизни там пусть будет много!

Глядя вверх, чтобы ты видел только небо,
Глядя вниз, чтобы ты не мог различать камни в долине.

Повернувшись в одну сторону, чтобы ты не видел, куда поставить ногу,
Повернувшись в другую сторону, чтобы ты хватался за ногу!

Пусть твоей любимой девушке не доведется шить
«рубашку для жениха»,
Пусть до нее не долетит клоч волос с твоей головы.

Пусть твои сестры не смогут оплакать тебя,
Пусть твои невестки никогда не снимут траур.

С одной стороны под Бийнёгером обрыв оказался,
С другой стороны – над ним только небо, куда не долететь орлу.

За спиной его стена, так что он еле мог двигаться,
Дней его жизни там оказалось много!

Полушубок его на куски разорвался,
Кожаные штаны его истрепались.

XVI

В селение Гезохово с горестной вестью гонец прискакал,
Сельчане собрались на поляне перед Мусоком.

Омар согласился со сказанным Бийнёгером,
Приехал в Бабугей с (горестной) вестью.

Постучался в двери березового сруба,
Там он нашел красавицу Бабух.

XVII

В Бабугее варили свадебную бузу,
У Гезоховых брали скотину за калым.

Красавица Бабух расчесывала густые волосы,
Высматривала, не едет ли ее Бийнёгер.

Соткав сукно, она шила «рубашку для жениха»,
Бийнёгера любила она больше жизни.

Омар ее мечтам положил конец,
Заставил вздрогнуть население Бабугея.

Бабух отправилась (в путь), сделав свои ноги конями,
Дав клятву, что умрет там же, где умрет ее Бийнёгер.

Говорила, что недостойная та женщина,
Которая не вынесет страданий ради мужа.

Она и через высокие горные перевалы прошла,
И через бурлящие реки перешла.

Шла она, сделав из своих густых волос бурку (прикрываясь ими),
Из глаз ее лились слезы.

Руки свои сделала она плетью для своих ног,
Впереди всех идущих она шла.

Добралась Бабух до неприступной скалы,
Тяжело было ей видеть Бийнёгера!

– Пусть Апсаты, пожалевший тебя для меня,
Умрет худшей смертью, чем ты!

Просила я, но не смогла тебя удержать дома,
Столкнулся ты с жестокостью Апсаты!

Глаза мои не нагляделись на тебя,
Обняв, к груди своей не прижала я тебя!

Теперь ты обнимаешь желтый камень,
Не выйдя замуж, я стала вдовой!

Бийнёгер слышал ее слова, ее плач,
Говорил ей, чтобы она помогла ему, спасла его.

– Пятнадцать дней я здесь прожил,
Отрывал и ел мышцы своих рук.

Когда мой охотничий пес залаял, глядя на меня,
Когда я увидел, как он страдает от голода,

Я не упрекнул его: «Эх, мой легконогий верный друг,
Зачем ты не набросился на моего кровника Апсаты?»

Срезав мякоть со своих бедер, я его накормил,
Вместе мы прожили пятнадцать дней.

Летящему журавлю подобная, добрая моя,
Нет ли у тебя способа спасти меня?

– Если суждено мне с тобой жить в этом мире,
То на крыльях любви ты опустишься (на землю).

Не заставляй ты своего пса там скулить,
Не заставляй ты своих родных умирать от страданий!

Золоченое ружье взяв за ствол, швырни-ка вниз,
Суконной рубашкой, которую я сама тебе сшила,

Завяжи-ка глаза свои, в которые я не могла наглядеться,
Как подобает мужественному охотнику, спрыгни-ка сюда!

Белую грудь свою я подстелю на место, куда ты упадешь,
Для белого башлыка твоего я свяжу новые тесемки!

Так ему сказала красавица Бабух,
Густые волосы свои ворохом она распустила,

Белую грудь обнажив, она на каменном завале
Бийнёгера ожидала.

Мужественный Бийнёгер недолго размышлял,
Первым делом он золоченое ружье швырнул.

Следом сам у узкого уступа спрыгнул,
Незамедлительно он кровавые сгустки стал изрыгать.

Взбираясь на скалу, был он подобен каменному крюку,
Спустился он, подобен комку шерсти.

Чубчик его упал перед красавицей Бабух,
Пусть такой день доведется испытать моему кровному врагу.

БИЙНЁГЕР

Сын Гезоха, родившийся смелым Бийнёгер,
Возлюбивший смелость, презиравший трусость.

В воде не тонувший, в огне не сгорающий,
Никогда не лгавший, никому вреда не творивший.

Старший брат твой Омар заболел «собачьей болезнью»,
От безысходности он родственников-друзей собирает.

Он умирает, говорят, в горячке мечется,
Перед смертью хочет друзей своих увидеть.

Если он болен, душа моя, что же может помочь ему,
Как можно победить «собачью болезнь», какой способ найти?

Родственники-друзья собрались, увидели, как он тяжело болен,
Сели на коней, отправились в горы и доли.

Лекарство разыскивая, алан, не ложимся ни ночью ни днем,
Но лекарство, которое ему бы помогло, ни в горах,
ни на равнине не можем сыскать.

Разъезжаем, аланы, разыскиваем лекарство для него,
Лекарств много разных находим, но не знаем,
которое ему может помочь.

Бийнёгер отправился к ведунье,
После долгих просьб она разложила свои
камешки (согласилась погадать).

Камешки ведуньи в три рядка уложились,
– Нелегко будет достать лекарство, – сказала она, – тяжело будет,

Есть то, что может помочь ему, это молоко белой оленухи,
Поймать ее сможет охотничья собака твоего дяди по матери.

Если ты, храбрец, не пойдешь (добывать молоко), то останешься жив,
Если же нет, то брат твой пойдет тебя разыскивать.

Бийнёгер отправился к дяде по матери просить собаку,
Омар же остался, томясь по оленьему молоку.

Он пришел в гости к дяде по матери,
Стал он поводом для разговоров в горных селах.

Бийнёгеру снилось ночью, что он точит свой меч,
Встав утром, он попросил у дяди собаку.

Дядя не отнесся к нему, как к гостю,
Оказался дать племяннику охотничью собаку даже на время.

Кто не дал тебе собаку, пусть сам станет собакой, какая нужна тебе,
Пусть сгинет со свету, как отважный Бийнёгер!

– Зря я понадеялся на такого родственника,
Этот очаг (дом) я не буду считать себе близким (родным).

Обидевшись, став врагом (им), ушел я оттуда,
Клянусь тейри, я не вернусь домой живым, не подоив белую оленуху!

Грустно идя, он повстречался с Кубадиевым,
Узнав историю Бийнёгера, он сказал ему:

– Есть у нас, душа моя, суки, привезенные из Жемегея,
Их щенки становятся охотничьими псами, способными идти по следу.

Кубадиевы не доводятся Бийнёгеру родственниками,
Во дворе у них резвятся, душа моя, охотничьи собаки.

Тогда пошел к Кубадиевым просить собаку,
Они в это время мяли коровью шкуру на кожемялке.

Кубадиевы приняли его, как гостя,
Дали ему двух собак по своему выбору.

Забрав их, Бийнёгер вернулся домой,
Дал привыкнуть к своему двору, к своим словам.

Я, отправляясь на эту охоту, поздоровался со стриками и сказал им:
«Я доберусь до лощин, где пасутся олени!»

Старики, ответив на приветствие, вознесли мольбы за меня,
Пожелали, чтобы я вернулся, достигнув своей цели.

Шел я, приветствуя окрестности, овраги,
Посмотрел вверх, на ущелье, где бродят олени.

Отпустив собак, я начал свою охоту,
Взобрался на высокие скалы Большого Баксана.

Эй, на вершине горы бродя, я притомился.
Когда совсем уже обессилел, встретился с тем, что искал.

На пути моем возник тур-вожак,
Пусть бы он встретился семи моим кровникам!

Тотчас все вокруг окуталось дымкой, погрузилось в туман,
И тур-вожак мой исчез.

Он явил передо мной кийика с плоскими челюстями,
Убегая от меня, она забралась на вершину, недостижимую для стрел.

Ойра, я бегом взобрался вслед за нею,
На крутой скале, поразив в шею, свалил ее.

Эй, по горным вершинам рыская, я устал,
Издалека я приметил трехногую оленуху.

Трехногий тур-вожак вновь возник передо мной,
Пусть такие дни настанут для моих врагов, моих кровников!

Отойдя на немного, он обернулся ко мне,
А вот каков был, друзья мои, этот тур-вожак:

Лоб его сиял, словно льды Минги Тау,
Грациозен он был, словно девушка, танцующая на пиру.

Строен он был, словно девушка, затянутая в корсет,
Проклятия (же) его – словно соль на рану.

Чуб его сиял, словно осколок стекла,
Копыта его были остры, словно шильца для прошивки кожи.

Рога его были, словно шампуры для мяса,
Бег его по горам напоминал полет орла.

Ойра, рога его были словно шампуры для мяса,
Казалось мне, что все это я вижу во сне.

Бел он был, словно выдоенное молоко,
Заставил бегать за собой, словно бродячую собаку.

Только заметив его, я, не медля, выстрелил,
И хоть я прицелился хорошо, увидел, что пуля попала в землю.

Тут она начала убегать,
Взобралась на отвесную скалу.

Стал я эту оленуху преследовать,
На ходу зарядил свое золоченое ружье.

Не отставая от нее, я взобрался на скалу,
В жизни своей я не видел более красивого существа.

Она удалялась, не замедляя ход, не давая мне возможности выстрелить,
Не давая возможности нацедить молока в мою фляжку.

В погоне за ней я взобрался на крутую скалу,
Эй, одну из своих собак я привязал за повод к своему поясу.

Так оленуха взобралась на Гезам Кая,
Я продолжал ее преследовать, а она все убегала.

Выбившись из сил, я сел и начал раздумывать.
Свой охотничий башлык я наполнил комьями снега.

Комья снега лепил я к скале, делая из них ступеньки,
Пока взобрался наверх, все истратил.

298

Ты не сможешь меня поймать, оставь напрасные надежды,
Пожалеешь, бедняга, не заставляй меня проклясть тебя!

Глядя на нее, я долго сидел в раздумье,
Полы своей черкески наполнил комьями снега.

Комья снега прилепляя (к скале), я подобрался к ней поближе,
И тут она начала меня проклинять:

– Я – Фатима, красавица-дочь Апсаты,
Если ты не оставишь меня в покое, да не вернешься ты назад живым!

Гоняешься ты, никак не оставишь меня в покое,
Пьешь ты нашу кровь, никак не напьешься!

Ешь ты, и все никак не насытишься нашим мясом,
Не даешь ты нам спокойно жить среди скал!

Не оставляешь ты нас в покое, пусть же тебя самого
не оставит в покое Творец,
Пусть же твоей кровью не напьются вороны и вóроны.

И все же я скажу тебе «благопожелание»,
Перед солнцем я тебя вот так горько прокляну:

Место, где ты будешь жить, да будет тесным, как могила,
Под тобой пусть будет обрыв, куда невозможно будет спрыгнуть!

Да будет под тобой внизу бурливое море,
Над тобой пусть будет только небо, куда не взобраться!

Пусть снизу до тебя не будут доноситься (даже) крики,
Пусть сверху до тебя не достанут все веревки мира!

Пусть по обе стороны от тебя будут неприступные скалы,
Пусть дней твоей жизни в пещере Гуртай будет много!

Если ты не оставляешь нас в покое, пусть до тебя
никто не сможет добраться,
Пусть о твоей участи будут судачить и стар и млад!

Проклятие исполнилось, и стал я гостем пещеры Гуртай.
Стал я поводом для разговоров стариков и молодых.

Встретился я с кийиком, подобным бесу,
Зачем я, преследуя ее, взобрался на эту кручу?

Охотничий пес мой лаял, не зная, что делать,
Видел он, в каком беспомощном положении я оказался.

Как и сказала оленуха, подо мной стало бурливое море,
Эй, а надо мной – только чистое небо.

В связке они взобрались на вершину этой крутой скалы,
Да придастся сил сыну горца, выросшему в горах!

Плохая весть дошла и до матери Бийнёгера Кябахан,
Придя, она вздымала руки к Бийнёгеру.

Кябахан, видя свое дитя, плакала,
Протягивая к нему руки, она причитала:

– Эй, душа моя, дитя мое Бийнёгер, это я, твоя мать, пришла,
Увидела твои страдания своими глазами.

Я бежала, спешила, душа моя, сделав ноги свои конями,
Ах, сделав руки свои плетью, я себя подгоняла!

Слезы мои лились, как ручеек со скалы,
Когда дождь начинался, я густыми волосами своими прикрывалась!

Молоком своим прошу, послушайся меня,
Решишь, мой горный орленок, и спрыгни со скалы!

– О мать моя, душа моя, не мучь себя напрасно,
– О мать моя, душа моя, жизнь сладка, я не спрыгну!

Бросают ему веревки, связав их вместе, (но не достают они),
Добавляют к ним перевясла, свив их из травы.

Много способов, много уловок они применяли,
В конце концов, ничего не добившись, разъехались.

Брат его Умар не отходит оттуда,
Но Бийнёгер по-прежнему не хочет его послушаться.

Его брат Умар сказал ему: «Я скажу тебе, что я сделаю,
если не спрыгнешь:
Старшую дочь твою я продам на восход,

Младшую дочь твою я отправлю на закат,
Жену твою буду держать вместо служанки!

Малолетнему сыну твоему отрежу голову,
Скот твой, твое имущество до последнего растрочу!»

– От этих слов твоих для меня нет толку,
Больше, я прошу тебя, не уговаривай меня!

Сюда я взобрался, но спуститься я не нахожу способа,
Я хочу жить, я не сброшусь со скалы!

В Бабугее есть у меня красавица-любовница,
Я хотел бы ее увидеть, мне много чего есть ей сказать!

Если вы сообщите ей, она быстро явится,
Если есть возможность спасти меня, она найдет его!

Приведите ее, и что она скажет, то я и сделаю,
Если она скажет то же, что и вы, я спрыгну со скалы!

Брат его Умар согласился с ним,
Взяв с собой товарищей, отправился в Бабугей.

Гостями заявили они в Бабугей,
Рассказали они историю Бийнёгера.

– В Кабарде живущая сноха моя, вставай,
Брат мой Бийнёгер готовится умирать!

Любовница (Бийнёгера) до самого утра готовила разные кушанья,
Поклялась она, что умрет там же, где Бийнёгер.

Отправилась она, сделав ноги свои конями,
Яхонтовыми волосами своими укрываясь вместо бурки.

Слезам она омочила перед своего платья,
Тонкие руки свои она сделала плетьюми.

Кто сможет перечислить все тяготы мира?
Эй, твоя красавица-любовница спешит к тебе, Бийнёгер!

Плакала она, бежала бегом к Бийнёгеру,
Вся в поту, разгоряченная, добежала до Черного обрыва.

До заката солнца она добежала до Бийнёгера,
Увидев его, начала возносить мольбы.

Сладкоречивая, удивительная была это женщина,
По Бийнёгеру томясь, так она говорила:

– С другого конца земли я примчалась, запыхавшись,
Поклялась я, что окончу жизнь там же, где ты!

Князь над князьями, милый мой, отважный сын Гезоха,
Дашь ты повод недругам для злорадства!

Взобрался ты на недоступную высоту,
Как же тебя угораздило встретиться с этой
«неправильноногой» бесовкой-кийиком?!

Дотянуться бы мне до тебя своей рукой,
Да сбудутся, душа моя, мои сегодняшние мольбы!

Эй, не будь малодушен, возьми себя в руки,
Спрыгни, не оставляй свое мертвое тело на скальном уступе!

Если не прыгнешь, труп твой исключют черные птицы,
Любимые друзья твои будут жить, сгорая от горя!

Ах, не мучь ты своих родственников, друзей понапрасну,
Завяжи ты себе глаза белой рубашкой, которую я сама тебе сшила!

Золоченое ружье, взяв за конец, швырни ты вниз,
Спрыгни на белую грудь мою, которую ты любил ласкать!

Золоченое ружье, взяв за конец, швырнул он вниз,
Сняв рубашку, завязал ею себе глаза.

Смерть не испугала, не удержала его,
Собрав последние силы, Бийнёгер прыгнул со скалы.

Не пожалев своей жизни, он прыгнул с крутой скалы.
Вот где пришлось ему испытать свое мужество.

Перед ними опустилась макушка головы Бийнёгера,
На этом закончилась охотничья жизнь Бийнёгера.

Когда ты взбирался (на скалу), ты был подобен железному крюку,
Спустился оттуда ты, несчастный, разваливаясь,
словно начинка пирога.

– В Бабугее остались мои старики (родители),
словно выгоревшая трава,
Вырываю я и бросаю свои волосы в родник!

Отважный из отважнейших, сын Гезоха Бийнёгер,
Аллах-Создатель, говорят, невлюбил твою душу!

Ах, один только чубчик твой опустился перед
твоей женой,
Взяв свои ножницы, вонзила их себе в живот твоя любовница.

Высоко вознес ты человеческое достоинство,
Об этом поют песни старики в горных селениях.

Пока не стемнеет, люди оттуда не расходятся,
Каждый день собираются и смотрят вверх.

Высоко, оказывается, замок дочери Апсаты.
Вот что случилось, алан, с храбрым сыном Гезоха!

БИЙНЁГЕР

Смелый охотник, ой, да сын Гезоха Бийнёгер,
Восходивший на все вершины на свете.

Чья пуля не пролетала даже мимо птичьего глаза,
Кто умел говорить на языке животных, как Апсаты.

Как ты ни бился, не дают тебе села на княжение, Бийнёгер,
Твою душу невзлюбили и Тейри, и Апсаты.

Кто не горел ни в огне, ни в пожаре,
Кого не брала даже стрела.

Кто резвился в бурных реках не хуже любой рыбы,
Кто разлучал оленят с их матерями.

С берега Чайнашки, эй, смотрит тур с огромными рогами,
А князь Бийнёгер целится в него с башни Карчи.

И вот раненый тур, истекая кровью, приходит к Апсаты,
А тот в лунном свете пересчитывал свои стада.

Плача-рыдая, эй, он приходит к Апсаты,
О том, что сделал Бийнёгер, ему рассказывает.

Апсаты же знает слабые места охотников,
Он Бийнёгера жестоко наказать решает.

Эй, как ты ни старался, не дают (тебе) села на княжение, Бийнёгер,
Восходивший на все вершины на свете.

В Большой Балкарии не находится селения,
в котором ты мог бы княжить,
На «Голлу» места не находится для тебя, чтобы сидеть в почете.

Тёре княжичу уважения не выказывает,
От обиды Бийнёгер удаляется (из села).

Любимое животное Апсаты ты ранил,
И о том, что тебя теперь ожидает, ты не ведаешь.

Турьи раны Апсаты заговаривает, перевязывает,
А на Бийнёгера у него кровь горит и кипит.

Детей своих он собирает и так повелевает:
– Отомстите Бийнёгеру! – говорит, –

Истребляет он животных у подножий гор и в лощинах,
Истребляет птиц в лесах и рощах.

И вот однажды Бийнёгер на охоте видит недобрый сон.
И понимает, что его брат Омар заболел собачьей(?) болезнью.

От этой болезни нет лекарства, кроме трав,
Заболевший ею без молока оленихи не исцеляется.

В Басият-кала собрали всех искусных ведуний,
А они, раскладывая камешки (гадая по ним), так сказали:

– Помочь ему может молоко белой оленихи,
А поймать ее может собака его дяди по матери.

Но когда я пришел к ним, клянусь Тейри, они меня,
как гостя, не почтили,
Для охоты с собакой щенка мне не дали.

Обращаясь ко мне, они так сказали:
– Кто просит собаку, Бийнёгер, пусть станет таким же псом, как и ты!

Кто тебе ответил так, эй, пусть пропадет, как Бийнёгер!
Кто не дал тебе собаку, пусть станет худшей из собак!

В древней Балкарии пятнистых (догов) не осталась
таких, чтобы ты смог поймать олениху,
В Большом Баксане людей не осталось, у кого
ты смог бы попросить пса.

Оттуда вернулся я и пришел во двор Кубадиевых,
А Кубадиевы оказались людьми, к которым благоволил Тейри.

Они же меня уважили, как человека, (верующего) в Тейри,
Выбрали и дали (мне) лучшего охотничьего пса.

Брат мой Омар, уповая на меня, плачет:
– Изыщи способ поймать белую олениху! – говорит.

Отправляясь на охоту, я поклялся перед старцами:
– Молоко оленихи принесу я в дар брату!

Медленно шагая, дошел я до камня Боташа,
Сел там и много дум передумал.

Там подошел ко мне один старый чабан, с ним мы посоветовались,
Обращаясь ко мне, так он попросил:

– Бийнёгер, чьи стрелы никогда не пролетают мимо,
Своей белой бородой я заклинаю тебя:

Повернувшись к белой оленихе, ты лука да не натянешь,
Прицелившись в нее, стрелу да непустишь!

Пустишь в нее стрелу – в село свое живым не вернешься,
Будешь жить, изнывая от тоски по родным и друзьям.

Оттуда я, карабкаясь, поднялся к поляне, где было лежбище оленей,
Удобно устроился, чтобы метиться в оленях и коз.

Долго я высматривал, ничего не заметил на той поляне,
Хоть и с трудом, но взобрался на Дых-тау.

Трехногая, златорогая олениха тут появилась предо мной,
Пусть бы встретилась она, эй, моим семи кровникам!

Подивился я чудному облику оленихи,
Ни разу я не видел на свете такого дива:

Одна ее нога была длиннее двух других,
А рога ее были, эй, подобны двум шампурам.

Оба рога, эй, светились, как звезды,
Облик ее ослеплял глаза человека.

Не успел я прицелиться, все вокруг покрыл туман, марево,
И олениха моя исчезла из виду.

Олениха ушла из гор Малкара в Холам,
Оттуда перешла она в горы Чегема и Баксана.

Три месяца искал я, но своей оленихи не нашел,
Иногда по целым дням не садился, чтобы поесть.

В горах Большого Баксана (наконец) я ее заметил,
Следом за ней на Минги Тау я начал подниматься-восходить.

Олениха взбиралась на горы, покрытые ледниками,
Взлетала на выступы скал и ложбины.

По крутым горам Большого Баксана я скитался,
Но других кийиков, других олених не нашел.

Долго мучался я, близко к ней подобрался,
Сдержал я клятву, которую дал старцам.

— Ату! — сказал я, но мой охотничий пес не побежал,
И когда натянул свой лук, он не выстрелил.

Тогда вновь я стал преследовать ее, не останавливаясь,
И понял, что это не олениха.

Олениха поглядела на меня с раздвоенного утеса,
И на языке животных так со мной заговорила:

— Князь из князей, эй, Бийнёгер, что ты делаешь?
Ты ли тот, кто меня преследует неустанно?

Ты был тем, кто заставлял животных плакать,
А я была той, кто охранял их от тебя.

Вернись обратно, не мучайся напрасно!
Раскаешься, несчастный, не дай мне обмануть тебя!

— Кто ты, я ищу возможность подоить тебя,
Больше не обманывай, заклинаю тебя именем Тейри!

Кто ты, не скрывай, объяви мне себя,
За что ты мучаешь, зачем обманываешь меня?

Кто ты – бес или джинн,
Или ты – олениха, которую я искал, чтобы подоить?

В горных селениях ждут (меня) родные,
Молю тебя, услышь мои слова!

Брат мой Омар не может подняться с постели,
Без молока оленихи не может жить дальше.

Если ты кийик, дай прицелиться и выстрелить из лука,
Если ты олениха, которую можно подоить – дай мне потянуть за соски.

Но если нет, и ты не бес и не джинн,
Дольше не мучая, дай мне идти своей дорогой.

Олениха гневно посмотрела на меня,
С раздвоенного утеса так со мной заговорила:

– Верна я клятве, которую дала своему отцу!
Если не боишься, поднимись-ка, о Бийнёгер, ко мне!

Если смелый охотник, князь Бийнёгер – это ты,
Если прекрасная Байдымат, дочь Апсаты – это я,

Ты меня преследовать не перестал,
Сколько ни ел, нашей кровью не насытился.

Пусть же вокруг тебя туман будет, марево будет,
А брат твой Омар от той собачьей болезни пусть излечится!

Да проживешь ты на этом выступе скалы много дней
Да будешь есть, отрезая, мясо своих рук!

Пусть под тобою высь будет, неприступной будет,
Пусть над тобою скала будет, небо будет!

Пусть обе стороны от тебя неприступно будет,
так, чтобы и змее не проползти,
Пусть дней твоей жизни там много будет!

По слову ее вокруг меня стали скалы, стали неприступные,
Дней моей жизни там много было.

Смотрите-ка на сон его брата Омара –
На шестой день поисков набрел он на него.

Не зная, чем помочь, он устремился в Холам,
Всех людей из Холама собрал он туда.

Из Малкара, Чегема, Баксана все до одного явились,
Бийнёгера на выступе скалы они увидели.

Много способов, много уловок они применили,
Не в силах помочь, ушли обратно.

АПСАТЫ

С гор глядят дочери гор (козы, лани и пр.),
Если Аллах даст, охотники целятся.
А если Аллах не дает,
Сердца ноют от голода.

Мы собрались в тесном стане Апсаты,
И коль мы собрались в его тесном стане,
Отяготи нас, Аллах, тяжелыми тушами.

Высоко находится лежбище рыжего оленя,
Угодила бы ему в грудь пуля из черной винтовки.
Тур твой, верно, круторог и большеглаз –
Его большие глаза дал бы нам съесть,
Душу нам, Аллах, дал бы отвести.

Рога его дал бы нам срезать, как сухое дерево,
Горло его перерезать, (толстое), как пастушеская кадка.

Все мы идем,
Если нам не пошлешь (добычу), с голоду умрем.

Рассветает, встанем же,
На обреченного оружие снарядим.

Охотник наш – ранней зари птаха,
Его пища – прокисшая печень да холодная вода.

Нет души несчастнее охотника,
Смерть настигает охотника в скалах,
Саваном его становится его одежда.

АПСАТЫ

Эй же, молодцы, рассветает, поднимайтесь,
Эй, поднимайтесь, на обреченного готовое оружие снаряжайте!

Ой, орайда, обреченному дайте вкусить смерть,
Эй, дайте вкусить, дайте молодому охотнику выстрелить без спешки!

Твой молодой охотник – птаха горы Гадын,
Орайда, мерзлая печень, холодная вода – вся его пища!

Орайда, огромного тура предназначивший для одной пули,
Орайда, огромный тур, взобравшись на камень, вскинется,
Орайда, через подмышку его искрой пройдет пуля.

Орайда, дай сделать его подмышку подобным решету для ячменя,
Орайда, дай срезать его рога, как сосновое дерево!

Орайда, дай свалить его, как сухое дерево,
Орайда, дай перерезать его горло, (толстое), как пастушеская кадка!

Эй, благодарение (тебе), о, дай возможность,
Добрый бог, за одну охоту добыть десять (туров)!

О божественно щедрый, эй,
Эй, мы пришли кто откуда,
Вот собрались, лежим, уместившись в твоём тесном стане.

Орайда, мы лежим, уместившись в твоём тесном стане,
Орайда, добрый бог, угости же нас сегодня,
Орайда, нагружая тяжёлыми тушами, нас измучай!

Орайда, над нами поперек тянутся синие горы,
Орайда, пусть Аллах даст нам полные башлыки (нутряного) сала!

Орайда, твой тур – с красивой, блестящей, сивой бородой,
Орайда, а охотник твой сегодня подобен матала (?)!

Орайда, дай погладить бороду тура, вели так,
Орайда, обреки Апсаты на громкий плач!

Орайда, у нашего козла нет зубов,
Орайда, у кривого Апсаты над твоим скотом воли нет!

Орайда, молодая коза придет и заблеет,
Орайда, взобравшись на большой камень, (тур) вскинется,
Орайда, Аллах сделает нам его доброй ношей.

Орайда, вот спускается бедный охотник,
Орайда, сегодня он прячет глаза,
Орайда, опираясь на туры рога.

Орайда, когда он ударяет посохом о камень, вылетят искры,
Орайда, если молодой охотник отправится в горы, он обретет почет.

Орайда, над нами алеет (звезда) Чолпан,
Даст Тейри, Чолпан развеет туманы,
Орайда, а печаль сердец сегодня Тейри развеет.

Молодой охотник, карабкаясь, на вершину горы взошел,
Орайда, наши горы освещены звездами.

Орайда, на вершине горы будет, наверное, огромный тур,
Говорю «огромный», а сегодня просто тур (хотя бы).

Тур твой, наверное, с короткими ушами,
Козы твои, наверное, с двумя козлятами (каждая),
Орайда, одна из них самка, другой самец.

Орайда, самок оставил бы ты сегодня на расплод,
Орайда, божественно щедрый даритель, самцов для гостей зарезал бы!

Орайда, дни наши сделал бы короткими,
Орайда, в нашем стане дал бы кипеть котлам с маслом.

Орайда, мы пришли к тебе, бог, поклоняясь,
Орайда, (да будет тебе) благодарение, если спустимся вниз,
спотыкаясь о туры головы!

АПСАТЫ

Эй, негодники, слушайте песню об Апсаты,
Мы идем к жилищу щедрого бога.

Эй, негодники, вставайте рано утром,
На обреченного оружие снаряжайте.

Туров позволил бы спустить вниз к утру и (подвесить) на столбах,
С песней мы собрались кто откуда,
Пришли и поместились под твоим золотым подолом.

Да угостишь нас под своим золотым подолом,
Да измучаешь нас, нагрузив тяжелой кладью.

Смотрим мы и видим множество твоего скота,
Если не уделишь нам из него, с голоду помрем.

Стадам Апсаты нет счета,
Из множества своего скота выделил бы нам долю!

Князья и богачи зарезали по яловой корове,
Нас бедных оставили на твою милость.

Силуэт горного козла подобен обрыву,
Да позволишь нам разрезать его нутряное сало, подобное снегу.

Есть у Апсаты три сына,
Очень щедр его младший сын.

Младшего его сына зовут Дыгылмай.
Пусть подстреленный нами тур упадет, не сделав и шага.

Труд наших ног пусть в этих скалах не останется,
Пусть подстреленный нами рухнет, не уйдет.

Есть у Апсаты рыжеволосые дочери,
Уходят вдаль следы множества его скота.

Вершины твоих гор до середины покрыты снегом,
На вершине горы дай нам убить живого (тура).

Предназначенного тобою нам приблизь к нам,
Непредназначенного удали с глаз наших долой.

День, в который пожелаешь даровать, подобен надоенному молоку,
День, в который отказываешь, обрекаешь бродить, как собак.

Пусть в подмышку старого козла угодит пуля,
Пусть распогодится, пусть будет ясный светлый день.

АПСАТЫ

Орайда, пусть день мой будет в трудах,
Дай нам котлы с кипящим маслом,
Дай нам пожевать (мяса) с кровью!

Для парней в стане — мясо в чугушке,
Орайда, день мой труден,
Огромного тура дай освежевать!

Орайда, день мой труден,
Пусть он даст нам (тура) с толстой шеей.
Твой тур какая жертва!

Горло дай ему перерезать, толстое, как пастушеская кадка,
Бок ему позволь пробить (пулями), как решето!

Высоко бывает крепость (лежбище) тура,
Это у его крепости железные врата,
Это у его детеныша золотая колыбель.

Перевязь его колыбели — золотой обруч,
Дай нам оборвать золотые перевязи,
Дай спустить тура вниз по кручам!

Рассветает уже, душа моя, молодцы, вставайте,
На обреченного оружие снаряжайте!

Пусть мне встретится обреченный твой (тур),
Пусть не даст (Апсаты добычи) моему врагу-кровнику!
Если пошлешь добычу, подгоняй ее ко мне!

Дай изломать его тяжелое тело,
Чтобы кровь из его легких потекла, бурля,
Дай ударом изломать его тяжелое тело!

Есть у тебя скот в каждом овраге,
Дай же, да стану я жертвой за тебя!

Дай же скотину свою, которую пожелаешь дать мне,
Которую не пожелаешь, убери с глаз долой.

Охотник — ранняя птица,
Прокишшее легкое, холодная вода —
Наслаждение твоего охотника.

Нет души несчастнее охотника –
На шее у него железное ярмо (винтовка),
За пазухой подгорелый хлеб.

Ущелье, заросшее березой, тесная лощина,
Трех-четыре туров дал бы нам в одну ходку!

Твой тур – круторогий, большеглазый,
Будет наш он, (ведь Апсаты) не знает лжи, верен слову.

Дай перевязать круторогого кожаными ремнями,
Пусть тур с шестью отростками на рогах достанется шестерым!
Будут вершины гор неприступны,
Да не оделишь одинаковой долей хорошего и плохого (человека)!

Его (тура) силуэт подобен обрыву,
Его нутряное сало бело, как снег.

Пусть он (Апсаты) даст выпустить его внутренности на снег,
Пусть он позволит разом свалить трех-четыре (туров)!

Удобным бывает лежбище старого козла,
В бок ему угодит пуля из черной винтовки,
Не забываю я вкус его мяса.

Каков твой тур, предназначенный в жертву? –
Козы твои становятся тяжелой ношей,
Козлята становятся пищей в котле (наполняют его),
Пусть нам будет приготовлен круторогий (в добычу)!

Душа моя, молодцы, рассветает, отправимся же,
Если повезет, возьмем свою долю!

Будет (его мясо) радостью для парней в стане,
Будут (его рога) развлечением для стариков на сельской площади.

Орайда, день да порадует меня,
Дай нам котлы с кипящим маслом!
В каждом овраге у тебя множество скота,
Дай же нам выбирать из множества твоего скота!

Уходят вдаль следы тура
И рыжеволосых дочерей Апсаты (коз, оленей),
Нам помогли оставленные ими следы.

Будет девица-заря Гошала (дочь Апсаты),
К туру добавят еще и яловую козу.

Твой тур – с короткими ушами,
Каждая твоя коза – с двумя козлятами,
Из этих козлят частью одарил бы ты нас!

День, в который ты пожелаешь дать нам добычу, подобен молоку,
Когда не желаешь, обрекаешь бродить, как собак.

Позволь нам выследить козлят-двойняшек,
Чтобы на усах остывали кусочки жира.

ПОКЛОНЕНИЕ АПСАТЫ

Осенью в Хурзуке подвешивали (на дереве) козленка, заставляли его блять, как только он заблеет, женщины, девушки, мужчины становились в круг и, поочередно поднимая вверх то левую, то правую ногу, начинали двигаться, наклоняясь взад и вперед со словами:

Амма Чокка,
Чокка Чокка,
Золотая шапочка,
Девушкам — золотые галуны!
Скот наш дарован Тейри,
Всем нам скот дарует Апсаты,
Дарует коз и овец,
У него кийики,
Не забывайте о доле для Апсаты!
Его враг — рысь-кровопийца,
Ой, Чокка, ой, Чокка,
Амма, Чокка, ой, Чокка!

Через некоторое время козленка резали и варили, и все, кто там присутствовал, отведывали столько, сколько приходилось на каждого. Говорят, что это празднество было молением пастухов и охотников перед Апсаты с просьбой не допустить уменьшения поголовья скота.

РАССКАЗ ОБ АПСАТЫ

Апсаты — хозяин диких парнокопытных. Его дочь зовут Байдымат. Имя его жены я забыл. Как рассказывали люди, он сам ухаживал и лечил раненых охотниками туров. Жилище его, в котором он вкушал еду и питье, находилось посреди незримых для глаза гор, а пройти туда можно было только через дыру в скале. Вот там он и перевязывал лекарственными листьями раненых животных. Название этих листьев, говорят, «собачий язык» или «змеиное жало».

А повелительницей тех, кто пас этих животных, была его дочь Байдымат. Тех охотников, которые ранили много животных, они иногда поражали молниями. Его дочь была красавицей. Голос ее был как пение дудки, как журчание воды. Когда она начинала петь, стада животных собирались вокруг нее и слушали.

Очаг его был огромен. Котел у него был из глины или камня, цепь (надочажная) у него была красной и от огня не темнела.

Над Апсаты смерть не властна, его дочь и жена живы, жив и он сам. И по сей день он является повелителем зверей. Охотники поклонялись Апсаты. Почитали его, слагали о нем песни, обращали к нему благопожелания.

АПСАТЫ И ПЕВЕЦ ТАУКАН

В древние времена произошла эта история. В один из дней никому неизвестная женщина, придя откуда-то, родила в лесу на поляне ребенка, а сама умерла. К этому месту подошел Апсаты, увидел случившееся, и как только он ударил ногой об землю, земля разверзлась и поглотила труп этой женщины. По велению Апсаты туда прибежала косуля, подставила свое вымя и накормила ребенка молоком. И в дальнейшем эта косуля не давала ребенку голодать.

А осенью некий охотник Хату, бродя по лесу, нашел этого ребенка. И тут же послышался голос, подобный грому: «Я – Апсаты! На тех, кто ослушается меня, я насылаю большое горе. Забери этого ребенка к себе домой, ухаживай за ним, расти его, как собственного сына».

Хату послушался Апсаты и вернулся домой, забрав мальчика. Он дал ему имя Таукан. Хату был добрый человек, но не такой была его хозяйка, она не обрадовалась ребенку. Она ежедневно проклинала Апсаты, а Хату доводила упреками. Узнав об этом, Апсаты послал медведя, и он растерзал жену Хату. Бедный охотник погоревал, но что было делать? Однажды, когда он сложил поминальную песню и сидел, наигрывая на скрипке, к нему подошел Таукан и попросил, чтобы тот дал ему попробовать сыграть. Как только Таукан взял в руки скрипку, она сама начала петь и смеяться.

Через несколько лет мальчик вырос и стал замечательным певцом. Он ходил из одного селения в другое и так жил. Он думал, что он сын Хату. Но кто-то рассказал ему, что его нашли в лесу. Узнав, кто он такой на самом деле, Таукан сотворил молитву к Апсаты, чтобы тот явил ему образ матери. Тогда облачко над скалой опустилось на землю и из него вышла женщина в белых одеждах. Когда обрадованный Таукан, раскинув руки, хотел подбежать к ней, женщина исчезла. Сколько ни взывал (к Апсаты) Таукан, больше мать ему не показывалась.

Однажды к князю – старшине села, где жил Таукан, явились высокие гости. Кубадий позвал на торжество Таукана и сказал ему, чтобы он спел для гостей песню о героических делах Чёпеллеу, деда Кубадия. О том, что никаких героических дел за Чёпеллеу не числилось, что он был труслив, что однажды в минуту опасности он бежал, бросив своих товарищей, было хорошо известно и Таукану и гостям.

– Нет, Кубадий, сегодня у меня очень плохо на душе, я не смогу петь, – попытался отказаться Таукан,

– Собачий сын, какое мне дело до твоей души? Слышишь ты, найденный под кустами! – закричал разъяренный Кубадий.

Услышав эти обидные слова, Таукан вскочил и разбил свою скрипку об стенку. Слуги князя набросились на него и, жестоко избив, выбросили на улицу. Раненый, еле передвигая ноги, ползком Таукан направился к горам. Там, в каком-то местечке, к нему явилась мать, заплакала, взяла его на руки и исчезла.

А ночью Апсаты, мстя за Таукана, обрушил большую скалу, и она задавила князя и его гостей. Всю ночь дул ветер, бушевала вьюга. На рассвете сельчане отправились искать Таукана, но никаких следов его не нашли. В какой-то момент, когда они присели отдохнуть, издали послы-

шалась песня; они узнали голос Таукана. С тех пор он бродит по горам, поет свои песни. Для него нет смерти.

Старый Хату пошел в горы разыскивать Таукана и долго его звал. Услышав это, Аpsаты разгневался и грубо прикрикнул на него; охотник тут же упал без сознания. Очнувшись, не помня себя от страха, Хату кое-как спустился в долину, а на следующее утро его обнаружили мертвым. Старика похоронили. После этого Таукан сложил поминальную песню, и односельчане еще много дней могли слышать, как он оплакивает Хату.

ОХОТНИЧИЙ ГИМН

Орайда, на горе будет у охотника жилище,
Под горой ждет его стадо туров.

Орайда, пусть на охотника лихорадка не нападет!
Орайда, вот вышел охотник, привыкая к охотничьей тропе,
Когда над стойбищем вращается колесо вселенной!

Орайда, пусть никто об охотнике не отзовется плохо!
Орайда, на горах трава не растет так обильно,
Но стадо Аpsаты пастбищ не выбирает!

Орайда, пусть охотнику половодье путь не преградит!
Орайда, отправимся мы к диким животным в гости,
Пусть Аpsаты нам поможет, и мы тогда не ославимся!

Орайда, смотритель за бесхозным скотом – Аpsаты!
Орайда, не торопитесь на склонах, где не растет трава,
Где не пройдет человек, если только не на спор.

Орайда, на вершинах гор обожжет холод снегов!
Орайда, отправимся же на Гюльчю-Баши веселиться,
Умеющий играть на гылгыне охотник будет радоваться.

Орайда, пусть безрадостное утро для охотника не наступит!
Орайда, пусть поет он перед богом охотников,
Пусть избирает себе в спутники только лучших.

Орайда, без хорошего напарника охотнику не обойтись!
Орайда, на горе будет у охотника жилище,
А животных, (пасущихся) без присмотра он не будет
истреблять равнодушно.

Орайда, пусть будет охотнику хвала в этом мире!
Орайда, поглядите на лощины, по которым он бродит,
Вы подивитесь тому, что он испытал.

Орайда, да не укорит охотников Тейри!

ПЕСНЬ ОБ АПСАТЫ

Они уходят, сюда гоните их, молодцы.
Коротко дал бы завязать их длинные ноги!

Кровью из их легких и печени дал бы залить камни,
Аллах, не пожалей для нас животных Апсаты!

С высот глядят рыжеволосые дочери Апсаты,
В ту сторону ведут, молодцы, следы круторогих.

Нет никого несчастнее молодого охотника,
Нет скота, не дарованного нам Аллахом.

У молодого охотника на шее железное ярмо,
Подгорелый калач у него за пазухой.

Подгорелый калач дал бы окунуть в сливочное масло,
Не одного, а сразу пятерых-шестерых дал бы свалить!

О Аллах, вершины гор твоих в дымке,
Даруй нам (туров) с замшелыми рогами!

О Аллах, день, в который даруешь, подобен надоенному молоку,
День, в который отказываешь, возвращаешь (ни с чем),
заставив бродить (без толку), как собак.

ПЕСНЬ ОБ АПСАТЫ

Эй, у охотника, говорят, эй,
Железное ярмо на шее, эй,
Эй, подгорелый калач у него за пазухой.

Подгорелый калач дал бы обмакнуть в сливочное масло, эй,
Эй, туров, говорят, эй,
В то время дай свалить во впадины от сугробов, эй!

Эй, пусть скорее даст Аллах, побольше даст,
Пока его солнце не село, пока его пастух не уснул (Апсаты),
(хотя бы) козленка!

Эй, Аллах пусть еще даст скорее,
Охотники твои – ранней зари птахи,
Эй, подгорелый калач – наслаждение охотника.

Охотники твои подобны мингрельским коням (т.е. выносливы),
Эй, козленок,
Туры твои обитали на большом склоне, остробородые.
Эй, о Апсаты,
Эй, он старому и молодому давал одинаковую долю.

На горных вершинах паслись твои стройные прекрасные животные,

Эй, Аллах, говорят,
Не могу остановить их, преградил бы ты (Апсаты) им путь!

Эй, туго связать позволил бы
Их стройные прекрасные тела,
Ай, на плоские камни дал бы брызнуть
Алой крови из их печеней!

Эй, дождь пошел, пусть солнце выглянет,
И навстречу солнцу в тот же момент пусть кровь брызнет!

Ай, на охотника, вдалеке убившего тура,
Падет же в тот момент проклятие Аллаха!

Эй, Апсаты, говорят,
День, в который даруешь, бывал, как молоко,

В день, в который отказывал, (ты) прогонял прочь, до вечера измучив,
Меня бедного, как собаку.

Эй, если посылал козленка – была ручная кладь,
Если посылал козу – бывала ноша для плеч.

Эй, если посылал тура –
Нужны были тогда тягло и ремни.

Эй, дал бы нам ломать рога,
Как высохшие деревья,

Эй, колбасы бы ты сделал тогда, охотник,
Толщиной в жестяные ведра!

Эй, рога бы тебе ломать, эй,
Убив на рассвете,
И лежать (отдыхая) рядом!

Эй, двум друзьям вместе бы отправиться,
Бродя (в поисках), залечь бы за камнем на заре!

Эй, если убиваешь – убей, (мое ружье),
Если не убьешь, сохранило бы себя,

Эй, если бы убило, принес бы я (тура), взвалив (на себя),
Не убило бы – вернулся бы, неся только тебя.

Эй, ружье мое с золоченой полкой,
Где мое балкарское ружье с золотой насечкой?

Эй, в Загорье
В поисках туров оно ушло к Великому Апсаты.

Эй, ружье мое с золотой насечкой,
Заржавело, когда нужно стрелять, оно осекается.

Эй, старый тур, о Апсаты,
В то время на вершине горы не лежит.

Эй, пусть Аллах больше даст, скорее даст,
Чтобы дорассветный труд меня, бедного, не пропал даром,

Эй, придется мне тогда вернуться,
Не достигнув своей цели.

Эй, убил ты тогда, убил,
На двух навьюченных (конях) полностью привез (добычу)!

Эй, что же нам с нею делать?
В горах и на равнине кому ее разослать?

Эй, у того Апсаты, говорят,
На вершине горы была крепость из камня,

Эй, стол твой кровью ли запачкали, о Апсаты,
То, что мы сделали, добро ли, верно ли было?

Эй, белобород был Апсаты:
— Пока ты не вернешься, исполнив обещанного,

Эй, охотник-коротыш, не спеши, — говорит, —
Пока мы не скажем тебе то, что хотим!

ПЕСНЬ ОБ АПСАТЫ

Эй, у Апсаты скота много, да силы нет, эй, силы нет,
Если Аллах пошлет, Апсаты теперь до нас дела нет.

Эй, эй, охотники будут подобны мингрельским коням (т.е. выносливы),
Эй, тур твой будет с блестящей бородкой.

Блестящую его бородку нам бы дал бы погладить, эй, погладить,
Старую козу по туру заставил бы плакать, эй, дара!

Эй, о-орайда, душа моя, затрат много,
Когда убьем тура, будет у нас много радости.

У охотника да на шее железное ярмо,
За пазухой у него подгорелый калач.

Когда он взобрался на синие горы, в лице у него не было ни кровинки,
Несчастнее охотника души не являлось (на свет).

Эй, туры такие большеглазые, говорят,
Эй, эти охотники не знают обмана, слову верны.

Эй, двух-трех да по одной лощине дал бы спустить,
Подгорелый калач за пазухой охотника

Эй, в жир, в масло, душа моя, дал бы обмакнуть, говорят.
Наши младшие (шкуру) чулком снимать не умеют,

Снимать чулком да научил бы их, говорят,
Трех четырех по одной лошине дал бы тащить, говорят.

Эй, твой тур, душа моя, в лежбище, говорят,
Эй, на лежбище тура,
Эй, мое солнце, навел бы, говорят, эй, навел бы.

Очень высоко башня Сары Чу (старого вожака), говорят,
Убив тура, несет, наверное, его
Сын какого-то счастливца, говорят,
Эй, сын, говорят, ох.

ЖАНТУГАН

В селении Баксан стало обыкновением охотиться на оленят,
А Жантуган не пощадил в Тар Аузе ни одного медвежонка.

В горах Баксана убавилось скота Аpsаты,
Жантугана ждало проклятие Аpsаты.

Жантуган разгневал дочерей Аpsаты,
Молодые охотники, не топчите следы, оставленные белобородым.

И Жантугана настигло, должно быть, проклятие Аpsаты,
Сам вернулся (домой) его верховой конь.

Молодые охотники, не топчите следы, оставленные Аpsаты,
Не давайте обмануть себя дочерям Аpsаты.

На снегу и земле легко исчезают следы их копыт,
Охотников легко настигают дочери Аpsаты.

Быстрее стрелы и ветра поступь Аpsаты,
Как утренние звезды сияют оба его рога.

Молодые охотники, не топчите следы, оставленные Аpsаты,
Не навлекайте на себя проклятий его рыжеволосых дочерей.

Аpsаты очень чутко сторожит своих оленей, свой скот,
Очень жестоко взыскивает с охотников за их кровь.

Аpsаты верен своему стаду, своему слову,
Плохого охотника быстро замечают его очи.

А Жантуган вознамерился ждать на берегу Адыла,
Перед камнем Карчи он поклялся добыть белую олениху.

Из-за злого нрава заставляя плакать оленят и медведиц,
К словам Карчи не прислушивался Жантуган.

Аpsаты был защитником животных,
На выступе скалы остался труп Жантугана.

ЗАВЕЩАНИЕ ОХОТНИКА

Жили-были два охотника. Умирая, один из них завещал своему другу обучить его малолетнего сына охоте. Прошло несколько лет, прежде чем тот вспомнил о завещании друга. «Пойду-ка я, узнаю, как там этот мальчик», – решил он и отправился к нему. Явился он туда и нашел мальчика 12–13 лет, в крайней нужде. «Возьми отцовское ружье, пойдем, добудем дичины», – сказал он. Навьючили они осла и отправились на охоту. Достигнув какого-то места, охотник сказал:

– Теперь, мальчик, иди по этой дороге, остановись и жди меня. А я добуду дичины и привезу к тебе.

Уже стемнело, и мальчик расположился возле дерева Раубазы. Находясь там, он вдруг услышал голос:

– Эй, Раубазы, Апсаты совершает жертвоприношение и просит тебя прийти.

– Не могу я прийти, гость у меня, – ответил Раубазы.

– Возьми гостя с собой и приходи – так говорит Апсаты, – сказал тот же голос.

Тогда из дерева вышел какой-то человек и подошел к мальчику. «Пойдем, мальчик, к Апсаты», – сказал он, и они отправились к Апсаты. По дороге он предупредил мальчика:

– Апсаты спросит тебя, зачем ты пришел. Он предложит тебе попросить у него что угодно, столько или столько скота, но ты не соглашайся. Тверди одно: «Даруй мне приплод одного года».

Когда они добрались до места, там оказалось множество народу, варилося мясо, слышался громкий говор. Увидев мальчика, Апсаты спросил:

– Раубазы, что это за человек?

– Он сирота, пришел попросить у тебя скотину, – ответил Раубазы.

– Дам тебе столько-то и столько скота, – предложил Апсаты.

– Нет, Апсаты, я же сиротка, не пожалей для меня приплода одного года, – не согласился мальчик.

– Тебя этому кто-то подучил. Но, как бы там ни было, дам тебе, – сказал Апсаты.

Потом они ушли. Мальчик пробыл под деревом до рассвета. Утром же он покинул это место. Когда он шел, ведя осла и неся отцовское ружье, навстречу ему выскочили дикие козлята. Мальчик начал стрелять и убил трех или четырех. Когда он их собрал и стоял, не умея освежевать, вернулся охотник ни с чем.

– Что это ты делаешь? – спросил он.

– Попались навстречу, когда я шел, вот я и настрелял, – ответил мальчик.

– Одарил тебя Аллах, но не знаю чем, иди в добрый путь, – сказал охотник и отправился своей дорогой.

В последующие годы мальчик ходил на охоту, козлята подрастали, он их добывал, креп и постепенно стал на ноги. А когда он постарел, и глаза его перестали видеть, однажды невестка его сказала:

– Ой, дедушка, в нашем дворе стоит дикая коза.

– Скорее направь дуло моего ружья в ее сторону, – велел старый охотник. Выстрелил старик и свалил козу. А потом и сам упал и умер.

ПЕСНЬ ОБ АПСАТЫ

Дочери Апсаты – рыжеволосые княжны,
Добавят к туру яловую козу.

Если к туру не добавить козу, ноши не получится,
Если не убить девять круторогих, проку не получится.

Круторогих, круглоглазых
Дарует (нам) верный слову своему доброму Аллах.

Апсаты – из древних великих нартов,
Пусть Аллах дарует нам беззубого старого (тура).

С верхней стороны над нами – множество узких лощин,
Пусть дарует нам Аллах девять круторогих разом.

Сын Апсаты – Тугулбай,
Подстреленный тур пусть не удержится на ногах.

Горы наши покрыты сумраком,
Пусть Аллах пошлет нам к восходу солнца (тура) с замшелыми рогами.

Пусть на утренний костер наш брызнет жир,
Пусть перед восходом солнца в Рыжего Козла угодит пуля!

Дал бы (Апсаты) стащить Сары Чу с его башни,
Дал бы отвести стесненные души,
Сжать в руке его круглые глаза!

Не скрывай же множество своего скота в укромном ущелье,
В день милости своей не отпускай (нас) с пустыми руками!

День милости твоей подобен молоку,
День же немилости твоей плох, как пес.

Да позволишь привязывать голову (тура) к головам,
Да позволишь выбирать из стад своих мощных животных.
Да позволишь связывать шматами сало!

ГОСТЬ АПСАТЫ

Давно, очень давно, все животные были дикими. Присматривал за ними Апсаты. От них и произошли домашние животные. Но я до сих пор думаю, что на земле нет ни одного уголка, где не водится скот Апсаты. И сейчас всех диких животных, бродящих на воле, называют стадом Апсаты. Нельзя, однако, бездумно истреблять их – мол, это стадо Апсаты, не беда, еще у какой-нибудь козы будет козленок. Таких людей Апсаты проклиняет. А его проклятье обязательно сбывается.

Я расскажу одну легенду. Она об Апсаты. Там Апсаты плачет. Мой отец часто рассказывал ее, называя: «Плач Апсаты по Тегею».

У Апсаты был сын Атыл и дочь Байдымат. Порой встречались они с людьми. Однажды юноша по имени Тегей, отправившись с отцом на охоту, повстречал Апсаты.

— Сынок, — сказал отец, — сегодня путь наш добрым не будет. Идущие вон там — Апсаты, его сын и дочь.

— Почему ты так говоришь, отец? В чем они нас могут обвинить, если мы возьмем только то, что нам необходимо? Я не думаю, что Апсаты такой жадный, — сказал сын.

— Сам увидишь.

Долго они бродили, устали, ничего не добыли и пошли обратно.

— Отец, в следующий раз ты позволишь мне пойти на охоту одному? — спросил Тегей.

— Одному ходить в горах трудно, сынок, — сказал отец.

— Как бы трудно ни было, хочу попробовать, хочу испытать себя. Буду делать все, что ты скажешь, только позволь мне попытаться пойти одному, — настаивал Тегей.

— Да минет тебя скорбь, как ты пристал. Но если не можешь оставить свое намерение, что ж, иди, но помни: после того, как роса высохнет, в ложбину, поросшую типчаком, не входи, из любопытства по выступам скал не ходи, пытаясь пройти во что бы то ни стало...

На следующий раз Тегей отправился на охоту один. Ходил, ходил и вновь повстречался с Апсаты.

— Доброй дороги, юноша! — сказал Апсаты.

— Спасибо! Доброй дороги и вам! — ответил Тегей, пытаясь скрыть свою робость, но это от Апсаты не укрылось.

Расставшись с ними, Тегей, не зная, куда и как идет, припозднился. Голодный и озябший, он прикорнул было под каким-то камнем, как подошел Атыл.

— Одинокому человеку, если он не уверен в себе, в горах ходить трудно. Отец послал меня сказать, чтобы ты пришел и стал нашим собеседником, — сказал Атыл.

Тегей встал, взял свой лук и саблю и отправился с ним. Увидев не-вдалеке под огромной отвесной скалой множество туров, которым не было ни числа, ни счета, он пришел в изумление. Еще больше он удивился тому, что животные не боялись и не убегали, что козлята спокойно резвились, перескакивая с камня на камень.

— Это еще что, дальше находится стадо оленей, вот чему ты изумишься, — сказал Атыл.

Дошли дотуда. Никогда дотол не видевший такого количества животных в одном месте, Тегей подивился и им. Они тоже не испугались, не перестали жевать жвачку и даже, подбегая к Атылу, обнюхивали полы и рукава его одежды.

Некоторое время спустя они достигли места, где жил Апсаты. Апсаты встал и приветливо встретил ночного гостя. При этом он заметил, что Тегей растерялся еще больше.

— Посидите здесь, — сказал он и, оставив Атыла и Тегея сидеть на подстилке, отошел в сторонку. К ним, держа в руках многоцветную чашу, полную оленьего молока, подошла Байдымат, дочь Апсаты. Увидев ее, Тегей встал, принял из ее рук чашу и стал пить. Ночь была лунная, и все время, пока он пил, Тегей не сводил глаз с девушки.

В свете ясной луны щеки девушки казались цвета красной меди,
Их огонь коснулся сердца Тегея,
Утолив жажду, он вернул чашу девушке:

Вы днем и ночью живете вместе с кийиками,
На плывущую луну, обращающуюся под великолепием неба,
Взираете, не опуская ресниц,
Легко проходите горы, куда не могут забраться и герои,
Терпением и разумом своим изумляете мир, —

сказал он. Ночь прошла в беседе с Атылом.

С той поры Тегей зачастил в стойбище Апсаты один.
Все больше он влюблялся в Байдымат.
Даже если и не добывал кийика
И домой ничего не приносил,
Возвращался с радостной душой.

— Сынок, не встретилось ли тебе какое-нибудь животное? — спрашивал отец.

— Они ушли за перевал, отец, — отвечал он.
И хоть Тегей не добывал в горах кийиков,
Он уходил туда и возвращался через несколько дней.
Стадо Апсаты, вместе с Атылом,
Он перегонял с горы на гору,
И так они стали верными друзьями.

Всеведущий Апсаты, который одобрял чувство Тегея, ведал и о том, что Байдымат тоже любит Тегея.

— Сегодня я хочу испытать ваши силы, — сказал он однажды Тегею и Атылу.

Вы подниметесь на вершину горы по одной тропе, будете бороться и состязаться в беге. Кто из вас победит, тот живым приведет из гор неприученного тура. Так я узнаю, кто из вас сильнее, проворнее, выносливее.

В первый день было восхождение на вершину. Атыл и Тегей двигались, перескакивая с одной труднодоступной кручи на другую, то одним, то другим путем карабкаясь, и, наконец, вернулись. Но Атыл вернулся чуть раньше и известил отца.

На второй день они пустились бегом, но не смогли обогнать один другого, пришли вровень. На третий день их ожидало самое трудное испытание — борьба. Атыл и Тегей подпоясались перевязками, вышли в центр (стойбища) и начали схватку. Юноши пробуют бросать друг друга, тянут то вправо, то влево, то через колено, то через бедро, но ни один не одолевает. Животные смотрят на них, собравшись вокруг, куропатки прекратили свое пение.

Взирает на них Апсаты,
Любуется ими Байдымат,
Так они боролись до самого вечера.
Тогда Тегей, продолжая кружить,

Поднял Атыла на колено,
Подвел и бросил его перед Апсаты.

Апсаты, хоть ему и было немного досадно, признал победителем Тегея. Они встали, и Апсаты от всего сердца поздравил юношу. А утром, едва рассвело, Тегей отправился ловить тура. С трудом он взобрался на высокий утёс, а оттуда добрался до широкой поляны. Туры лежали, пережевывая жвачку.

Тегей выбрал из них трехгодовалого тура с большой головой. Заметив, что Тегей приближается, самец свистнул, стадо все поднялось и помчалось за вожаком. Тур перепрыгивает со скалы на скалу, с утеса на утес. Оба устали, и тур и Тегей. Так они достигли тесного ущелья. Тегей, подбираясь все ближе, бросился к туру. Тот отпрянул и прыгнул с вершины вниз, а вместе с ним полетел вниз и Тегей.

– Байдыма-а-ат! – крикнул он, падая со скалы. В тот же миг из низовий налетел сильный ветер, прогремел гром, все вокруг осветилось вспышкой молнии. Густой туман окутал скалы, и стало темным-темно.

Услышав крик Тегея, Байдымат бегом примчалась к подножью горы. Она застала его с разбитым телом, но еще живого. Охваченная горем, зарыдала она, не зная, чем ему помочь. Плач Байдымат размягчил даже скалы, привел в трепет вековые березы.

– Эй, молодой Тегей, луч ясного солнца,
Где мне тебя искать теперь?
Где искать, где искать, говорю.

Эй, гордыня даже коню не пристала,
Отчего же в тебе она прижилась?
Прижилась, прижилась, говорю.

Скала Сары-кая сторожит туров,
А беспечных она сбрасывает и укладывает ниц.
Укладывает, укладывает.

Отчего ты проявил гордыню, Тегей?
Поспорил, но приза не получил, говорю.
Не получил, говорю.

Не получил он, бедный, не получил,
А если бы проиграл, то остался бы жив, говорю,
Эй, остался бы жив, говорю.

Эй, Атыл, а ты почему не прикладывал свою силу?
Если бы ты поборол Тегея,
Вместо него ловить тура отправился бы ты,
Тура ты своими руками поймал бы, говорю,
Поймал бы, поймал бы, поймал бы, говорю.

А тур не смог бы спастись от тебя,
Э-ой, бедной душе его, бедной душе его (горе), говорю,
Тогда Тегей остался бы жив,
Остался бы, бедный, остался бы, бедный.

Будет гореть-пылать от скорби душа (моя),
Будет спрашивать-вопрошать: «Где Тегей?»,
Будет, бедная, будет, говорю.

Туда же прибежали Атыл и Аpsаты,
Безмерно горевали, скорбели они.

— О Тейри, почему ты не дал балкарцу пожить с нами? — вскричал Аpsаты.

Тело юноши Аpsаты
Поднял из-под скалы,
Согласно их обычаю, Тегея похоронили
В одной могиле с туром.

После этого Аpsаты воссел на камень и сложил по Тегею такую поминальную песнь (кюй):

Взойти туда велел я тебе,
Эй, плач, плач, плач,
Горестен был для меня твой крик,
Эй, плач, плач, плач.

Грязные туманы закрыли видимое,
Эй, плач, плач, плач,
Душу молодого Тегея они поглотили,
Эй, плач, плач, плач.

Вырастет ли теперь юноша, подобный Тегею?
Эй, плач, плач, плач,
Придет ли к нам он из предгорий?
Эй, плач, плач, плач.

Слушайте, скалы мои, сыны мои!
Эй, плач, плач, плач,
Сердце мое словно застыло,
Эй, плач, плач, плач!

Видите, как погиб этот батыр?
Эй, плач, плач, плач,
Который шутил-веселился передо мной,
Плач, плач, говорю я.

(Батыр) Который приходил ко мне,
спрашивая: «Чего бы ты поел, Аpsаты?»,
Эй, плач, плач, плач,
И он разбился на выступе скалы, как бревно,
Плач, эй, плач.

(Батыр) Который освещал гору, как отблеск молнии,
Это плач, плач, плач, говорят,
Который извлекал слова свои со дна сердца,

Неизбывная скорбь по сыну гор охватила меня,
Слышишь ли, о Тейри!
Эй, плач, плач, плач.

Из глубин земли кипень ледников извлекающий,
Драконов (от страха), подобно седым вебрям,
реветь заставляющий Тейри,
Моя дочь навеки одела траур,
Эй, плач, плач, плач,
Открыв лицо, на лик солнца не смотреть обречена она,
Эй, тесный мир, плач.

Я же теперь пробью сплошную скалу,
И буду лежать там (в щели), горюя.
Эй, плач, плач, плач.

Эй, если из двоих один умрет, другой останется,
Если Тегей погиб, что от него осталось?
Плач, плач, плач, а-ой!

Пусть есть у него родители,
Кто возьмет его верхового коня, его полушубок?
Эй, тесный мир, плач.

Не слышали его родители этого вопля,
Не придут ли и не потребуют ли они у нас своего сына,
Не станут ли они враждовать с Апсаты за свою кровь?
Эй, тесный мир, плач.

А был он любимцем всей нашей семьи,
Его долю мужчины подавали на легком камне,
Эй, тесный мир, плач.

Молодой Тегей остуился на выступе скалы,
Не удержался, не остановился над ущельем,
Эй, горькой смертью погибший молодец!

Упал к подножью горы Тегей, разбившись,
Теперь лежит под землей, окоченев,
Эй, преходящий мир, суетный мир!

АПСАТЫ

Мы умираем от голода, исхудали,
То, что намерен дать нам, дай, пока еще светло.

Мы умирает от холода вьюги,
То, что намерен дать, дай нам поблизости.

Орайда, орайда, душа моя, скажи,
Кто может быть более несчастен, чем охотник?

На шее у него длинное ружье,
Обгорелый хлебец у него за пазухой.

Дай нам свалить тура в ущелье,
Дай нам обмакнуть хлебец в жир,
Пусть дикий козленочек горько зарыдает!

Тур на большом камне вскинется,
Глаза его смертной пеленой покроются,
Под лопаткой у него дымок появится (от выстрела).

Глядя вслед ему, заплачет мать,
Раны его, перевязав, не исцелить.

Кровь брызжет из него, как из шелкового сита,
Шея его, подобная пастушеской кадке, перерезана,
Дай нам рога величиной с сосновое дерево!

Вершины гор твоих – белые святилища,
Наш охотник вернется, радуясь.

На утесах гор твоих лежит белый снег,
Берега рек твоих размыты водой, обрывисты.

У животного, которого ты дашь нам, будет много белого жира,
Если же не дашь (ничего), то услышишь много попреков.

Дочери Апсаты – княжны,
Случают туров с козами.

Эй, побыстрее вставайте,
Смазывайте ружья, заряжайте их.

Я скажу вам, каков бывает хороший охотник:
Рассвет он встречает на горных отрогах,

На рассвете он подстрелит тура,
Угостит друзей кусками жирного мяса.

Я скажу вам, каков бывает плохой охотник:
Другу он предложит только засохший хлеб,

Проспав, он встретит рассвет в стане.
Утром горы осветит солнце,
Кому хочется возвращаться с гор с пустыми руками?

У тура из-под лопатки брызнет кровь,
Охотник будет цедить масло в свой котел.

Тур ударится головой о камень,
Сорвавшись со скалы.

Когда он упадет, у него не будет ни одного зуба,
Если пуля (стрела) попадет, то Апсаты до этого дела нет.

Если пожалуются «Убежали они», —
Он повернет их назад.

Кровь из легких их размажется по камням,
На кольях будут развешаны их туши.

Туры твои короткоухи.
У коз твоих — козлята-двойняшки.

Самок оставляешь для развода,
Самцов режешь для гостей.

У туров твоих шеи, как у быков,
Дай нам таких жирных на убой!

«Орайда» хороша на весельях,
Голова тура (хороша) в котле!

На вершинах гор твоих дождливо,
Дай нам одного с замшелыми рогами.

Не прячь от нас свои многочисленные стада,
Не выпроваживай нас из своих пещер без ничего.

Научи молодых охотников делать бурдюки,
Дай нам сволакивать туров в долину, в ущелья.

В первую ночь угости нас птицей,
Утруди тяжелой ношей.

Чтобы хозяйку дома угостить челюстью (козы),
Чтобы детей угостить ножками (козы).

ОТВЕТ АПСАТЫ ОХОТНИКУ

Знаем мы вас, охотников —
Осторожно выглядывающих из укрытий.

Вы делаете сиротами детенышей,
Мы не любим таких.

Не моргая, вы отслеживаете,
Спрятавшись за камень, смотрите.

Выбираете между жирными и худыми,
Смотрите на нас, как на врагов,
Заставляете тревожно биться наши сердца.

Гоняете нас, заставляете скакать с горы на гору,
Заставляете реветь, подобно раненому медведю.

Проливаете нашу кровь на землю,
Мы ни в чем не виноваты, зачем вы так делаете?

Жирных туров в живых не оставляете,
Испокон веку нашей кровью не насытитесь.

Не истреблять нас вы не можете,
Не думаете о том, что нам тоже хочется жить.

Убиваете грациозных матерей,
Делаете сиротами малышей.

Истребляете туров-отцов,
Не говорите, в чем наша вина.

Ложимся мы на самых вершинах гор,
Испуганно убегаем, завидев птицу.

Друг друга сталкиваем с круч,
Скажите, в чем наша вина?

Паслись на солнечном склоне, резвились,
Вдруг один из вас, охотников,

Начал стрелять, орать, что есть сил,
Прямо вон над той белой речушкой,

Рядышком с Красной скалой,
Перебил он их всех.

Девять туров осталось на выступе скалы,
Какие блага он этим приобрел?

АПСАТЫ И ЖАДНЫЙ МУЖЧИНА

Однажды Апсаты решил сходить в гости к людям и пришел в одно село. Сельчане, хотя и не подозревали, что это Апсаты, старика с большим посохом, с длинной белой бородой встретили радушно, уважительно. Он остановился в доме одного сельчанина. Но оказалось, что такого жадного человека, как хозяин дома, свет не видывал. У него было много коз, а он зарезал кошку и, сварив, поставил ее перед гостем. Но только рука Апсаты коснулась ее, кошка ожила, соскочила на пол и сказала: «Ты видел, Апсаты, он чуть не накормил тебя моим мясом!» Апсаты, удивленный и разгневанный, обратясь к небу, вознес мольбу:

— О Великий Тейри, я прошу тебя, преврати весь скот этого алчного человека в дикие стада!

В то же миг все большое стадо коз этого человека одичало и ушло в горы.

АПСАТЫ И ОХОТНИК

Знаете, а ведь айран первым сделал Апсаты. Когда он увидел, что люди ради мяса убивают, истребляют диких животных, он использовал их молоко и дал знать, что в нем больше проку, чем в мясе.

Поймав одного охотника, который убивал, истреблял, уничтожал всю попадавшуюся ему живность, Апсаты однажды привел его в свое стойбище:

— На, сукин сын, пей это! Разве это не полезнее, чем мясо, которое ты поедает? А теперь иди. Расскажи односельчанам. Это называется айран. Готовьте его так-то и так-то! — и прогнал охотника.

ОХОТА НА ЗУБРОВ

Зубр, зубр, зубр на Доммай-Сырте резвится,
Зубр, зубр, зубр — большие глаза его мерцают.

Зубр, зубр, зубр на зеленой траве пасется,
Выпучив свои большие глаза, округу пугает.

Луки снарядим, отправимся охотиться на зубров,
Большие реки перейдем, достигнем Доммай-Сырты.

Недобрые птицы досаждают, над нами кружа,
Пусть порхает черная ворона, беды к нам не подпускает.

Апсаты противостал нам, не пускает в леса,
И ни один охотник не режет (уже) зубра.

У белобородого мы просим жирного зубра,
Зубров любим больше своей души.

ЛЮБОВНЫЙ ПЕРЕПЕВ

Девушка-всадница:

Вершина Бештага — плоская, под нею — обрыв,
Там туман, застилающий это безлюдное место,
Туман ли над холмом или марево,
Тешущий камни парень жених ли?

Парень-каменотес:

Над холмом не туман и не марево,
Девушек, засматривающихся на парня-мастера, немало,
Но поверить, что кто-то наяву приехал
К месту его работы на коне, он не решается.

Девушка:

Что туманом сгустилось над холмом,
То не волосы ли девушки, сидящей на коне?
Что на черном камне отпечаталось узором,
То не щипцы ли для огня, принадлежащие подъехавшей всаднице?

Парень:

Отрезанные от Ак-кая (скала), словно комья пастушеского сыра,
Валуны на что-нибудь годятся?
Куда смотрят, интересно, гордые девушки в Бештаге,
Подпоясанные кямарами (пояс с украшениями)?

Девушка:

На плоской (вершине) Бештага есть туман,
Есть жених, строящий дом над обрывом,
Если он жених, то в Аланской стране
Есть та, что туго затянула свой пояс, чтобы стать ему женой.

Парень:

Если есть в Аланской земле туго подпоясанная,
Тейри направит ее в новый дом,
Если есть одинокий молодец, готовый жениться,
То он поспешит построить жилище в Бештаге.

Девушка:

Если бы я была дочерью Апсаты, если бы я была,
Мой отец исполнял бы мое слово не медля,
Если бы я пустила желтую стрелу из лука,
Она обязательно попала бы в героя-жениха.

Моя шея как шея белой дрофы,
Не явится ли солнечный луч, чтобы ее коснуться?
Если ноги белой лани поскользнутся,
Твоя шея не удержит ли веревку, привязанную к ней?

Парень:

Если бы ты была дочерью Апсаты, ты была,
Твой отец твои слова здесь исполнить бы не смог,
Если бы ты явилась сюда с желтой стрелой на плече
И пустила ее, она бы меня не убила.

И если бы как восходящая луна, ты взошла бы над кручей,
С шеей, подобной шее белой дрофы,
И подошла бы, чтобы набросить на мою шею веревку,
Я не дал бы себя поймать, пока не умер бы, иссохнув.

Девушка:

Если некий путник обоснуется в горных селеньях,
Его честь будет ставиться в пример,
Но если он один меж огнем и водой,
То, стараясь шагнуть вперед, он споткнется.

Мой аргмак кроваво-гнедой масти, с белой звездой,
Я дала слово не глядеть на других коней,
Молодец-гость, если ты смел, если смел,
У меня есть возможность не выходить за другого парня.

Парень:

В Бештаге кипят пять источников,
Путники (?) не ходят туда из-за их горечи,
За случайного парня, играющего с камнями,
Девушки не идут из-за того, что у него дома.

Но пусть я умру, красавица, если с самого начала
На руку не намотаю твои волосы, подобные холму,
Выбери же камень для основания моего жилища,
И я посмотрю, явилась ли ты, чтобы создать семью!

НАСТАВЛЕНИЕ

Есть следы кийиков,
У Апсаты есть дочь...
У охотников есть соизволение
Преследовать ее.

Как только пройдешь теснину
И достигнешь верхнего выступа,
Дорога в скалах станет узкой,
Охотник остановится – некуда идти.

Взбираясь, вверх поднимется он,
Бегом спустится вниз,
Поймет, что застрял,
И затоскует о родном селении.

Как только дева подойдет туда,
Как только, увидев (его), удивится,
Его участь будет решена –
Дорога назад для него будет отрезана.

Это не пустой разговор –
Если божество схватывает, то крепко.

КАЙБЕРГЕН*

Ой-эй, ой-эй, в горах будет высокий путь,
Кто же будет тверже скал?
Твердому дарующий сил вдвойне –
Это и есть кийик Кайбергена.

Ой-эй, ой-эй, у одинокого много врагов,
Кто же более одинок, чем охотник?
Хранящим душу несчастного
Будет небо, где пребывает Тенгири.

Ой-эй, ой-эй, Кайберген-тейри – один,
А сыновей у него – тысяча,
Кто, кроме божества,
Может направлять оленей?

---

*Одно из имен Апсаты

Ой-эй, ой-эй, смелый сердцем умирает один раз,
Кто видел душу, которой не суждено умереть?
Кроме одного божества в лесу,
Кто дарует охотнику свой скот?

26. АШТОТУР

МОЛЬБА К АШТОТУРУ

На камне Тотура, на камне Аштотура –
Огонь, огонь, огонь!

Огня, огня, Аштотур!
Явись, явись, Аштотур!

Если не вспыхнешь, умрем,
Тебя невзлюбим.
Огня, огня, огня!

АШТОТУР И КНЯЗЬ БАТОК

Был некто по имени Газаев Алчагир,
Брата его матери звали Ахмат.

Свой скот он гнал и продавал в дальних краях,
Ахмат пришел к нему и попросил дать ему скотину.

Скотины не дал Ахмату Алчагир,
Тогда Ахмат пришел к князю Батоку.

– Алчагир мне скота не даёт, – сказал он, –
Ко мне он, как к брату, не относится, – сказал он.

– Но что я могу поделать с этим? – спросил Баток.
– А должны мы, Баток, сделать так:
Найдём большой табун Газаевых,
Пойдём и угоним его.

Князь Баток ехал, гоня табун.

Ахмат и князь Баток ехали-ехали,
Ехали и достигли седловины Мыстыла.

Алчагир, взглядываясь, из сарая их увидел:
– Один из них – наш бездельник Ахмат, эй, эй,

Предводитель их – князь Баток, пролиться бы его крови,
Аштотур, тебе поручаю табун, эй, эй!
Они едут, чтобы угнать у меня коней,
Именем Тейри прошу у тебя помощи.

Они ехали и достигли Места-Где-Спешиваются.

Ахмат сказал: «Баток, мы достигли Места-Где-Спешиваются,
Если не сойдем с коней, отсюда невредимыми не уедем.

Не пройдем же мимо Аштотура, не поклонившись ему,
Сойдем с коней, почти его».

– Эй, Ахмат, да сгинет твой дух,
Ты меня с коня сойти не заставишь ради Аштотура!

Хлестнув коня, он подъехал к камню Аштотура,
И сказал: «Аштотур, если ты мужчина, выйди-ка сюда!
Твоя шашка не будет сечь сильнее моего кинжала,
Твой лук не будет пробивать лучше моего!

Если ты мужчина, выйди сюда!» – сказал он,
И погнал табун дальше.

Вот Баток гонит через камень Аштотура табун,
Хлестнув камень плетью, насмехается:

– Я угоняю твой табун, если ты мужчина, выходи сюда!

В это время из-под камня вылетела какая-то оса,
Эта оса налетела на князя Батока.

Оса налетела и ужалила князя в кончик носа,
Носу князя нанесла тяжелую рану.

Из носа Батока стали падать черные черви,
Баток спрашивает: «Ахмат, почему со мной случилось такое?»

– Баток, тебя поразил Аштотур, вернись,
поклонись ему! – говорит (Ахмат).

Баток, повернув табун обратно, поклонился Аштотуру:
– Прости, провинился я! – сказал, обращаясь к камню. –

Если отпустишь меня живым, я подобные дела оставлю,
В пищу тебе зарежу белых быков с черными ушами.

Бросив табун там, он проехал через Капчагай,
Доехав до дому, тут же расстался с жизнью.

АШТОТУР И КНЯЗЬ БАТОК

Алчагир не выделяет для Ахмата долю,
Алчагир не почитает Ахмата, как брата.

Ахмат пошел пожаловаться к князю Батоку:
– Брат мой не выделяет мне долю,
Не почитает меня, как брата.

– Да пропадут эти большеногие
(букв. – с большими чабурами) балкарцы!
Родственные секреты чужим выдают,
Жаловаться приходят к князю Батоку.

Что ты хочешь, чтобы мы сделали, Ахмат? – спросил (Баток).

– У Газаевых много лошадей, много табунов,
Пойдем, угоним табун, – сказал Ахмат.

Князю Батоку понравилось это,
Набрал всадников из кабардинцев и отправились.

Доехали до летних пастбищ,
У Мыстыла нашли табун,
Начали угонять его.

Глядя из коша, Алчагир
Увидел угоняемый табун:
– Эй, ребята, на наш табун
Напали конные враги!

В бинокль посмотрел я:
Один из них – наш Ахмат с золоченым ружьем,
Все же остальные – промышляющие угоном лошадей.

Аштотур, тебе поручаю я табун,
Не упусти его, – сказал (Алчагир).
Гоня табун, прошли мимо Аштотура.

– Эй, чтоб тебя, Аштотур!
Доверившись тебе, табун
Мы дали угнать, – сказал (Алчагир).

Оседлал коня он,
Взял ружье и тронулся в путь.

Над Аштотуром поднялось маленькое облачко,
Оно над табуном
Летело некоторое время.

Внутри облачка летела какая-то желтая муха,
То на глаз, то на нос князя Батока она порывалась сесть.

– Кыш, муха, клянусь Аллахом Единым,
Я тебе что-нибудь плохое сделаю! – сказал (Баток).

Там, заставив задохнуться, князя Батока
Убила желтая муха.

Табун оставив там же, у Мыстыла,
Дружина уехала, забрав (тело) князя Батока.

АШТОТУР

Аштотур – это название одного большого камня на восточной окраине Верхнего Чегема, за скалой Донгат. В том камне пребывал Тотур, страж охотников. Отправляясь на охоту, каждый охотник оставлял возле этого камня часть своей провизии и одну пулю со словами: «Пусть моя пуля попадет в цель». Возвращаясь с охоты, головы добытых животных также оставляли Аштотуру. Почему оставляли именно голову? Да потому что он (Аштотур) является заместителем Апсаты, он наш глава, а главе полагается голова – так они верили.

Осенью, перед тем, как выйти на охоту, возле камня Аштотура устраивали жертвоприношения и просили:

Ты – страж Апсаты.
Тебе ведома речь животных,
Ты ведаешь, сыты мы или голодны.
Дай побольше (туров) с замшелыми рогами,
Извести (о нашей мольбе) Апсаты,
Благослови нашу мольбу!

Древние чегемцы поклонялись Аштотуру и очень боялись его. Не то что нанести какой-либо вред этому камню, даже проходить возле него старались тихо. Всадники же проходили мимо него, спешившись. Даже сейчас в народе бытует такое присловье:

Выше сойди с лошади,
Ниже сойди с лошади,
У Аштотура сойди с лошади с молитвой!

Верили также, что Аштотур является повелителем волков. Скот древние балкарцы поручали ему. Поэтому пастухи также жертвовали ему мясо и пули.

ПРАЗДНИК АШТОТУРА

В первый месяц Тотура (март), считая, что Тотур родился в этом месяце, к камню Аштотура на рассвете собирались все женщины, девушки и мужчины села. Они справляли праздник первого дня месяца Тотура. В тот день они произносили такую молитву:

Над нами Тейри Неба,
Прямо под нами – Тейри Земли,
Они нам то помогают, то бранят нас,
Если совершаем зло, осуждают нас,
И наши тела тогда сводит судорогой,
Мы пришли с мольбами,
Хотим, чтобы вы благословили их!
Мы кланяемся Тотуру,
Тотур, помоги своему народу!

Святая Байрым, о святая Байрым,
Передай и ты (деве) Мариям,
Пусть она призрит на Майран (?),
Благослови все наши мольбы!

ПОКЛОНЕНИЕ АШТОТУРУ

Аштотуру поклонялись тайно. Осенью группа охотников приходила к его камню, каждый по одному разу стрелял в цель, и все пели:

Мы просим огня, Аштотур,
Если не дашь, не будем любить тебя,
Не будем почитать!

Хамза будет ходить на охоту,
Будет носить свою прямостволку.

Остроухих будет убивать,
Непромахивающуюся свою (винтовку) будет носить.

Пули его будут быстро настигать (жертву),
Оставят землю без ушастых.

* * *

До принятия ислама балкары поклонялись деревьям, камням и различным божествам-покровителям, в честь которых строили святилища. Нам рассказывали кабардинцы в сел. Заюково, что их старики помнят, как балкары молились перед березой. «Священные» деревья обычно именовались *иман терек* («дерево веры» — Х. Дж.). Около сел Шаурдат еще недавно стояло такое дерево. Оно называлось Раубазы. У сел. Верхний Чегем под горою, что между рр. Чегем и Джелги (Желгъы), есть камень Авсолту (Аусолтуу), которому раньше поклонялись.(...)

Вблизи того же селения в местности Шегишти (на горе, что на левых берегах рр. Чегем и Думала) есть другой камень, носящий название Аш-Тотур. Там в старину приносили жертвы. Между прочим, у Аш-Тотура устраивали жертвоприношения, связанные с совершеннолетием юношей. Жители у камня часто находят наконечники стрел — это, очевидно, остатки жертвоприношений. Проезжая мимо этого камня, всадник всегда спешился.

Рассказывают, что однажды ехали мимо балкарец и кабардинец. Балкарец сошел с коня и предупредил о том же своего спутника. Но тот отказался: «Я князь, — говорил он, — и ничего на свете не боюсь!». В доказательство своего бесстрашия он выстрелил в «священный» камень и поехал дальше. Вдруг показалось облачко, которое все увеличивалось и приближалось к кабардинцу. В середине облачка была какая-то пчела. Когда облачко окутало кабардинца, пчела ужалила его в ноздрю. Через некоторое время нос распух, завелись в нем черви, и кабардинец умер.

До сих пор в Баксанском и Хуламском ущельях есть селения, носящие имя Тотур. Давно уже было обращено исследователями внимание на

связь балкарского Тотура с осетинским покровителем волков Тотуром и христианским святым Федором.

На той же горе, где находится камень Авсолту, есть второй «священный» камень Байрам-таш. Под этим же именем были известны и другие древние святилища Балкарии. На горе, что между правым берегом р. Чегем и левым берегом р. Думала, имеется, кроме Аш-Тотура, и другой камень, также считавшийся «священным». На нем, по рассказам, видны отпечатки рук и ног «святого» Пайханпар. Этот же или другой соседний с ним камень имеет вид почти перерезанного пополам. По легенде, когда Пайханпар молился, он привязал повод своего коня за этот камень. Конь ходил, и повод почти перерезал камень.

Л. И. Лавров, 1939

ИМПРОВИЗАЦИЯ ОХОТНИКА

Ой, княгиня Фатима, баксанский праздник!
Поступь охотника пусть будет тверда,
Пущенная им пуля пусть не сбивается;
Сбившаяся пуля пусть в почки попадет.
Пусть прямо идет, пусть в сердце попадет,
Когда предполагаешь неудачу, пусть в легкие попадет,
Подстреленный зверь пусть кувырком скатится.
Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне дергающего белую отаву,
Дай мне, пока не высохнет кровь,
Дай мне, пока пастухи не улягутся,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!
На горе ходящего пусть хребет перебьется!
Пусть находящегося в балке ноги перебьются!
О, дай в лошадь величины ушастую лань
И кабана с клыками дай,
Дай оголенного оленя!
Убивающий пусть убивает,
Не убивающий пусть тоже убивает
И пусть Бог отовсюду счастье несет!

ОХОТНИЧЬЯ ПЕСНЯ

Орайда! Пошли в дом Апсанты.
Охотнику удачный день есть молоко щедрого бога.
В неудачный день охотник подобен бесприютной собаке.

Орайда! Собрались мы с разных мест,
Под золотой подол мы вместились.
Если вместились, то угости-ка
И тяжелой добычей утруждай-ка!

Орайда! Рассвело, ребята, вставайте,
Смертельное оружие приготовьте:

Подыдемся и выйдем на горы,
Обрызгаем кровью черные камни.

Поднявшись вверх, не возврати нас на коне к детям;
Пошли жаждущему молодцу жирную добычу.
Наш рот наполнит она жиром
И с обоих усов пусть жир капает.

Не догоняешь, передних не останавливай – иди-ка,
Обрызгай камни кровью из легких,
Утоли жиром жаждущие души.

Пусть черное ружье попусту не гудит.
Делаемые нам благодеяния не забудь.

У Апсанты есть много добра,
На это добро мы смотрим, его мы видим;
Завидуя ему, мы умираем,

Когда говорят: жалки-жалки,
Кто же жальчее охотника?
Черствая лепешка за пазухой.

В тесных местах много добра таится,
Соблазняя нас, на коне пустыми возвращает.

Козлиная борода, желтый козел,
Дай нам потешиться его мясом!

Орайда! Мы идем в горы,
Если идем, так одари нас,
Дай нам в жертву старого козла.

Старый козел для нас теперь призрак в тумане,
Жир живота его белее снега.

Орайда! Дай нам разрезать гортань, как режем барашек.
Дай нам пробить бока, как просяное сито.

Дай нам из его кожи к кольцам приделать ремни.
Дай щенкам остаток ремней на кошу трепать.

Пусть тянутся улоулар для дичи
Наверху – на горах моросит.

Дай нам двурогого, обросшего мхом,
Голову с округленными большими глазами.

Большие глаза руками вырвем,
Наши души потешим желтым козлом.

Орайда! Пусть жир остывает на усах.
Пусть вьюки тянутся неделю.

У Апсанты есть девицы с большими бровями,
На белых горах значатся их следы.

В голову тура ударить – дело доброе.
Кто славит бога, тому бог счастье даст.

Возрадуются малыши, коптящие на кошу дичь.
Чтобы в «нагыше» старики голову дичи вкушали.

Дай Бог такого, чтобы годен был для копчения
И шкура служила бы «тулуком».

Туры – козлиные уши!
Самцов Апсанты гостям отдает,
Маток для размножения оставляет,
Щедрый бог ходящему дает,
Прибывших гостей с почетом принимает.

Раз Апсанты дает, то пусть дает,
А те, кому не дает,
Пусть, волоча ремни, возвращаются.

Покуда головы туров не падут, дом сыт не бывает,
Покуда большие головы не падут, кош сыт не бывает.

ДРУГОЙ ВАРИАНТ

Орайда! Подыдемся в горы не торопясь.
Орайда! Много добра твоего в нашу сторону сгони.

Орайда! Я выстрелю. Пусть катится, в корчах сгибаясь,
И к малышам на кош я в радости вернусь.

Орайда! Ой, пошли, когда же пошлешь,
Напугав, к нам (зверей) и останови!

Орайда! Разукрась камни кровью из его легких.
Пусть он, ревя, отдаст нам свою золотую душу.

Пусть его туша уложится на ременные веревки.
Орайда! Пусть дождь пройдет и солнышко проглянет.

Из паха тура пусть кровь брызнет.
Пусть на кошу, в лучах солнца сало искрится.

Орайда, душа! Рассветает, ребята, вставайте,
Для смертного оружие готовьте,
Тура в пах бейте.

Орайда, душа! Остерегайтесь предрассветного сна.
Пусть головою тур ударится о твердую скалу.

Орайда! Забрались на горную вершину.
Вершины гор тянутся цепью.

Орайда! На кошу хорошему и дурному одинаковый пай.
Орайда! На горе разыгрался желтый тур;

Рога у него величиной с локоть.
Легкие и печень рогатого тура охотнику.

Орайда! У того бородатого мать – желтая коза.
Да заплачет мать бородатого,

Да погладим его бороду козлиную;
Козлиная бородка – выпуклые глаза.

Орайда! Его выпученные глаза вырвем,
С его башни стащим его,
Над ним успокоим наши души.

Идут туры к своему пристанищу,
А охотник к месту выстрела приближается.

Орайда! Пусть его (тура) рога снимутся;
Они лишь годны на продажу.

Орайда! Идем и в удобные места станем.
Ты (Апсанты) не дашь нам с голоду и ходьбы умереть.

Твои милости мы душевно почитаем.
Когда взойдем на высоты, дай нам желтого козла.
Когда спустимся на плоскость, дай нам десятиотрог оленя.

Орайда! Высоты – убежища тура.
Пусть поразит его крепкий яд черного ружья.

Взошли на вершину, на вершине моросит.
Мы же идем, на Бога одного уповая.

Вышли на вершину, на вершине по пояс снег.
Орайда! В угнетенном духе не возврати нас.

Орайда! Да пожуюм окисшие печени.
Орайда! Из гурта – гурта мы выберем
И с головами туров позабавимся.

Пусть на кошу в котлах кипятится их сало.
У Апсанты младший сын Тугулбай.

Охотником простреленная дичь пусть тут же упадет.
Орайда! К упавшемутуру присоедини яловку-козу.

Тур головой ударился о каменный мыс.
Какую же дичь бог дал молодцу?

Дичь скрылась в тумане.
Пусть скорее туманы рассеются.
И тоскливые чувства скорее исчезнут.

О, дай нам без жалоб,
Прими нас, как добрых гостей!

Орайда! Если пришли – угости-ка;
Нас, несчастных, большою одари добычей;

Предназначенное счастье не удержи-ка.
Орайда! Положи-ка на ремни дичь частями.
Пусть остатки от фадана щенки на кошу потреплют.

Когда говорят: несчастный-несчастный,
То кто же несчастнее охотника?

Топчет он все дорожки и тропинки.
Ни одной не оставляет балки, не заглянувши туда.

Подобен он курице желтого света.
Кислая печень, холодная вода –
Вот удовольствие неприхотливого охотника.

Больше оленя – зубр.
Дурному человеку счастье в руки не дается,
И на плетень его галка не садится.

В гурте – гурте много добра
Для охотника удобно пасется,
Вкушая траву, предсмертную пищу.

Апсанты! Твое добро со мною равно подели.
Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет он охотником.

Если же тот молодец сделается охотником,
Его постигнет смерть в горах
И носимое убогое платье послужит ему саваном.

Свет девица-красавица Гамалар!
К туру козу-дуру присоединяют.

Тур – козлиная борода,
Тебя убивши, молодец
Заслуживает большой похвалы.
Если Бог дает, косому Апсанты дела нет.

*Из тетрадей Н. И. Урусбиева
Публикация Н. П. Тульчинского, 1903*

27. АЙМУШ И ЕГО БРАТЯ

МАККУРУШ

Маржа, длиннобородый Маккуруш!
Маржа, куцехвостый Маккуруш!

Маржа, остророгий Маккуруш!
Маржа, легконогий Маккуруш!

Родниковые воды пьющий Маккуруш!
Впереди козлов ходящий Маккуруш!

ЛЕГЕНДА О МАККУРУШЕ

Я расскажу вам легенду о Маккуруше,
Как мне доводилось ее слышать,
Как об этом повествуется
В сказках, в преданиях, в песнях.

Тело его было больше,
Чем у самого большого буйвола.
Рога его (были) в десять раз
Больше, чем у козла.

Маккуруш явился в Минги Тау
С равнины,
Он обосновался здесь,
Предпочтя горы всем другим местам.

Прыгнув с Минги Тау,
Он приземлялся в Чегеме,
Вторым прыжком
Он оказывался в Малкаре.

Судя по легендам,
Это был огромный козел,
Его станов сторонились
И медведи, и барсы, и волки.

Боясь его, волчья стая
Забивалась в глубокие норы,
Если они шалили,
Он быстро их настигал.

Поддев на рога, его (волка)
Отбрасывал на версту,
Если же медведь вредил,
Он разрывал ему промежность.

Однажды, придя издалека,
Барс прятался в горах,
Много бед он принес
Диким козам, скоту.

До ушей Маккуруша
Довели козы:
Боясь барса,
Мы больше не ходим к опушке леса.

Услышав об этом, козел,
Оставляя везде свои следы,
Отправился в глубокое ущелье,
Думая найти его (тигра) там.

Дошел до поляны Милиян,
Оттуда перешел в Мурдар Агач,
Осмотрел оттуда округу,
Прыгнул в Тихтенген.

Не торопясь, он оглядел
Ущелья, горы, реки,
Загоны, коши, леса,
Заметил убегающего оленя.

Маккуруш быстро прыгнул,
Поравнялся с оленем,
Увидел большого барса,
Показал ему, кто чего стоит.

Барс прыгнул в его сторону,
Хотел укусить,
Козел, прыгнув, ударил,
Барсу туго пришлось.

Рассвирепел он,
Прыгнул он еще раз,
Снова ударил козел,
Барс подумал:

«Он отличается от других козлов,
Откуда он здесь взялся?
Удары его ломают кости,
От шагов его трясется земля.

Глаза его, как утренние звезды,
Полету стрелы (пули) подобен его бег,
Откуда он здесь взялся?» – подумал он
И распрощался с жизнью.

Маккуруш отправился своей дорогой,
Спокойствие воцарилось в тех местах,
Больше не тревожили волки,
Медведи, рыси.

Маккуруш был хозяином
(Пространства) среди двух гор,
Охранял стада коз
На Минги Тау и Казман Тау (Казбек).

АЙМУШ И ОВЦЫ

Я расскажу вам правдивую историю про Аймуша,
Вникните внимательно в самую красивую из историй.

Аймуш был младшим в семье,
Трое остальных выбрали себе дело по душе.

Самым старшим был Хау, он был распорядителем,
Вторым был Маула, он был тяжел, он стал пастухом.
Третий, Зомахай, нарядившись, проводил время на пирушках.
Аймуш был легок, ему досталось пасти овец.

Аймуш пас овец одного богача,
Я расскажу вам, что с ним приключилось.

Однажды отара его спускалась к загону,
Последним, еле плетясь, как больной, шел ягненок.

Мать его, обернувшись, заблеяла,
На своем языке подозвала его к себе.

Ягненок отвечал матери блеянием,
Аймуш прислушивался, понимая их язык.

Овца сказала ягненку: «Пошли, пошли, не отставай,
Не то отстанешь и станешь пищей для волка».

Ягненок отвечал: «Благополучие этого стада давит мне на спину,
И я не могу идти быстрее».

Аймуш, услышав это, отметил ягненка,
Когда настала осень, взял его себе в уплату за работу.

День ото дня у него стало прибывать скота,
Жизнь Аймуша стала не та, что прежде.

В скором времени скот его уже не помещался в округе,
Пастбищами его стали окрестности Тьупсюз Кёл (Бездонное озеро).

Скот его плодился, наполняя склоны, ущелья,
Аймуш пас их, сидя посередине.

На дудке своей играл он красивые протяжные мелодии,
Скот не разбредался далеко, слушая его игру.

Удалившуюся овцу он останавливал игрой на дудке,
И к месту ночевки он собирал их при помощи дудки.

Перевалившие за хребет овцы,
Услышав звуки дудки, возвращались назад.

Однажды, когда его скот расположился у озера,
Из озера вышел баран – удивительно было его тело.

Шесть рогов было у этого барана, сам он белый-белый,
Все шесть рогов его были золотые, очень красивые.

Выемки на его рогах напоминали чернь на серебре,
Шерсть блестела, словно оперение павлина.

Выйдя из озера, он направился к овцам,
Овцы испугались, Аймуш вскочил, закричал.

Повернув назад, баран бросился в озеро,
Ушел под воду, где жил до этого.

Овцы Аймуша ринулись за этим бараном,
Играя на дудке, он еле их остановил.

Аймушу безмерно понравился этот баран,
Он стал ждать, не появится ли он снова и
не присоединится ли к его овцам.

Он стал искать себе чабана, который пас бы овец, не пугая,
Договорился в селе с одним парнем взять его в батраки.

К отаре своей приставил Аймуш этого парня,
Посадив его рядом, научил, что ему делать.

Собрав своих овец, поручил Аймуш стадо этому парню,
А сам ушел в свою кошару, неподалеку оттуда.

Батрак пас овец, стоя, не присаживаясь,
В скором времени тот баран опять вышел из озера.

Выйдя, он сразу направился к овцам,
Когда овцы испугались, парень закричал.

Повернув назад, баран бросился в озеро,
Вошел в свой дом, где жил от веку.

Овцы ринулись вслед за бараном,
Парня, который хотел их остановить, они опрокинули с ног.

Он не умел остановить их, как Аймуш, игрой на дудке,
Стоять и смотреть на это диво он не мог.

Остановить овец у батрака не хватило сил,
Как он ни старался, ничего не смог поделать.
Только одного хромого ягненка смог удержать,
Когда Аймуш появился, (парень) был готов
провалиться сквозь землю от стыда.

Язык отнялся у него, парень не мог разговаривать,
Аймуш забрал ягненка у него из рук.

Забрав ягненка, он тут же сбросил его в озеро,
Прыгнув за ним, и сам он ушел под воду.

Аймуш и его стадо погрузились в это бездонное озеро,
С этого дня Аймуш живет в этом озере.

БЕЛЫЙ БАРАН

Отрывок

Златорогий баран,
Белый-белый,
С золотыми рогами
Желтыми, очень нарядный.

Завитки его шерсти,
Словно чернь на серебре,
Шерстинки сияют,
Как перья павлина.

Трава на берегу озера
Ходила волнами,
Нивы колыхались,
Радуюсь этому чуду.

Глаза его сияли, словно звезды в небе,
За ячменными полями он присматривал(?).

В озере он плавал свободно, как бобр,
На земле мнил себя царем.

Прыгнув, он достигал Пятигорья,
Плавно, не торопясь
Опускался у озера Мажар Кёл.

Белее снега
Была его шерсть,
Ярче льда блестели
Его золотые рога.

АЙМУШ И МАГУЛА

Первым на свете дудку изобрел Аймуш. У него было много овец. Они собирались вокруг него на звук дудки. Однажды одна из его овец отстала (от стада) и окотилась ягненком с четырьмя рогами. Когда ему (ягненку) исполнился год, он стал ходить впереди стада, стал вожаком.

Магула — брат Аймуша. Как-то, отправляясь домой, Аймуш поручил овец Магуле, наказав ему не окрикивать собак, если те начнут лаять. Магула забыл об этом и накричал на собак. И тогда баранчик прыгнул в озеро, а следом и овцы. Утром Магула пошел к Аймушу и рассказал о случившемся. Аймуш пришел к озеру, заиграл на дудке, и овцы вышли. Но Магула сказал благопожелание, и овцы прыгнули обратно и исчезли, а следом за ними и Аймуш. Дудка, посох и чабуры его остались там. Один черкес, проходя, взял его дудку и стал искусно на ней играть. Абазинец взял его посох — они умело владеют посохами. А третий взял его чабуры.

АЙМУШ

Были три брата — Суйкун, Гожуна и Аймуш. Лишившись отца, они жили со своей матерью на берегу одного большого озера.

Аймуш в детстве играл на берегу, собирая белые, синие и черные камешки, представляя их стадом: одни камешки — коровы, другие — овцы, третьи — волки. Много ли, мало ли прошло времени, Аймуш окреп и нанялся в работники к одному богачу. Когда они стали договариваться о плате, ему послышался голос: «Пойди и осмотри стадо, там среди крупных овец будет одна худая пестрая ярка. Скажи, что в уплату возьмешь только ее. Ни на что другое не соглашайся».

Аймуш так и сделал, стал жить, пася овец. Однажды знакомый голос снова сказал ему: «В ночь случки овец к тебе явятся два ангела, и ты в ту же ночь заберись на чердак, зажги лучину и заиграй на дудке, но повернув ее обратной стороной. Услышав ее звук, ангелы подойдут и поправят дудку. Но ты снова поверни ее обратной стороной. Тогда они ударят тебя и свернут челюсть. Ты же продолжай играть на дудке с обратной стороны. Тогда они ударом свернут тебе челюсть в другую сторону, но ты продолжай играть обратной стороной. Третьим ударом они вправят твои челюсти и поправят дудку. Теперь ты играй, как положено. Тогда ты узнаешь речь всех зверей на свете».

Недолгое время спустя, исполняя то, что сказал голос, явились два ангела и совершили с Аймушем то, что ему было предсказано. Аймуш также делал то, что ему было велено. С того дня Аймуш познал речь всех зверей на свете.

У Аймуша было две собаки, Бойнак и Карауз. Они не расставались с Аймушем и особенно чутко охраняли пеструю ярку. Когда истек срок найма и Аймуш собрался уходить, пестрая ярка сказала ему:

— В этом стаде у тебя нет другого скота, кроме меня. Две твои собаки, маленький котел и я. Возьми нас и уходи.

И Аймуш, гоня перед собой пеструю ярку, с котлом за плечами, Бойнаком и Караузом, которые шли следом, прибыл к озеру Хурла-кель. Выбрав себе место для жилья, он поставил стойбище, в котором была

только пестрая ярка. И здесь она начала часто котиться. Год ли прошел, два ли — но когда передняя часть стада Аймуша пила воду у Мырзамбек-ачы, задняя часть еще находилась у Хурла-кель. Сам он садился на берегу и играл на дудке, слушая, как его овцы и собаки разговаривают друг с другом.

Однажды Аймуш увидел, что из Хурла-кель вышел какой-то златорогий баран, который вошел в стадо и стал бодать его баранов. То же самое повторилось и на второй, и на третий день. Он появлялся ночью, избивал баранов, спаривался с овцами, а днем уходил в озеро.

Как раз в то время, когда происходило все это, к Аймушу пришел его брат Суйкун и сказал: «Так, мол, и так, в селении свадьба, и ты непременно должен быть там». Аймушу идти туда не хотелось. Но все же, чтобы не расстраивать брата, собрался. «Заклинаю тебя именем Аллаха, — сказал он брату, — ты остаешься здесь, не подходи к отаре, не паси ее, просто отпусти собак. Они не дадут стаду потеряться. Если заметишь что-либо странное, ни о чем не беспокойся».

Суйкун пробыл там день. Ночью он увидел, как тот же баран вновь ворвался в отару. На вторую ночь он также следил за ним. Но на третий раз, нарушив волю Аймуша, он натравил собак, и те набросились на златорогого барана.

В это время какая-то птица известила Аймуша, который одной рукой играл на дудке, а другой вел под локоть девушку в абезехе (танец):

Прибившуюся (к твоей отаре) овцу не трогавший Аймуш,
К товарищам не питавший зла Аймуш,

На Одинокое Дерево не влезавший Аймуш,
Не мочившийся стоя Аймуш,
Все овцы (твои) бросились в озеро.

И прибившуюся овцу ты тронул,
И злобу к товарищам познал,

И на Одинокое Дерево ты влез,
И обратясь вверх ты помочился.

Все овцы бросились в озеро.

Златорогий белый баран
Теперь на берегу вряд ли появится,

Разъяренные псы (на него) набросились,
И не произошло случки,

Все овцы бросились в озеро.

Тогда Аймуш, подоткнув полы своей одежды, стремглав пустился к своему стойбищу. Когда он подоспел туда, оставалась только одна овца, да и та вот-вот хотела прыгнуть в озеро. И Аймуш схватил, говорят, дудку. Услышав его игру на дудке, единственная овца заблеяла и повернула обратно. Но Аймуш, сказав: «Иди, уходи и ты», — проводил в озеро и ее.

Суйкун же, не уходя, а только сделав вид, что ушел, спрятался и наблюдал, что произойдет. Аймуш обошел вокруг Хурла-кель и стал играть на дудке. Сначала приплыл ослепительно белый златорогий баран. Следом за ним строем стали выходить из озера и остальные овцы. Увидев это, Суйкун побежал к ним, думая, что овцы вернулись. Овцы, заметив его, испугались. Первым прыгнул обратно белый баран. За ним отправились и овцы.

Тогда Аймуш отправился домой, попрощался с матерью и вернулся в свое стойбище. Сняв рубаху, он завязал себе глаза. Закинул свой маленький котел за спину и, накинув на собак веревку, потянул их за собой и скрылся в Хурла-кель.

С тех пор на поверхности озера стала появляться линька. Люди, проходившие, бывавшие там, замечая это, удивлялись. Потом люди собрались, посоветовались и привели с собой трех лучших пловцов из трех народов, отобрали в жертву нескольких быков, и все вместе отправились к Хурла-кель.

Как только зарезали одного быка и положили его мясо в котлы, так сразу же отправили под воду одного из пловцов. Когда жертвенное мясо сварилось и котлы сняли с огня, пловец вынырнул из воды.

— Ну, и что ты там увидел, молодец? — спросили у него.

— Вот, — сказал пловец, — нырнул я и достиг дна Хурла-кель. Ниже вода стекала мощным потоком в отверстие величиной с отверстие очага, а дальше, как я ни старался, проникнуть не смог.

Тогда вошел в воду второй пловец. Долго ли его ждали, мало ли — через какое-то время вернулся и он. А народ сидит на берегу, ждет его. Смотрят — а его ягодицы сплошь в рваных ранах.

— Ну, молодец, что ты видел? — спросили у него.

— Вот, — сказал второй пловец, — как и говорил мой предшественник, легко достиг и я того самого отверстия величиной с отверстие очага, куда мощным потоком устремлялась вода. Дальше пришлось очень трудно. Но все же я проник туда, спустился. Если спускаться, то в такое место! Издалека я увидел Аймуша, который пас своих овец на какой-то прекрасной поляне. Но он, только заметил меня, сказал: «Откуда взялся здесь этот негодяй?!» и натравил на меня своих собак, а те, пока я успел достичь Хурла-кель, догнали меня и изорвали мои ягодицы в клочья. С большим трудом успел я спастись от них и выплыть.

Старики опечалились и погрузились в раздумья, но тут подошел младший пловец и сказал им:

— Зарежьте быка цвета воды. Мясо его сварите в девяти котлах. Две почетные мозговые кости бросите для собак Аймуша. Дочиста съедите мясо с лопаточной кости и также бросите ее в озеро. Если она потонет, знайте, что я не всплыву, если же не потонет и останется на поверхности озера — ждите, я вернусь с вестью об Аймуше.

С этими словами он нырнул в Хурла-кель вниз головой. Прямоком он стал спускаться к Аймушу. Если идти, то в такое место! Посреди ровной долины протекала река, по обоим берегам ее тянулись лужайки, устланные зеленой травой. На одной стороне (паслись) белые овцы с золотыми рогами, на другой лежали черные овцы с белыми ягнятами. Они то паслись, то отдыхали, а за это время трава вырастала вновь, в рост овцы, говорят.

— Вот, юноша, так и живу, — сказал Аймуш. — А теперь возвращайся, с тех пор, как ты сюда явился, прошло сорок дней. А там это сорок лет. Эти подарки для людей возьми с собой. Покажи им, скажи, что у овец Аймуша вот такая золотая шерсть.

Когда младший пловец вышел из Хурла-кель, кости быков, которых зарезали перед его уходом, уже были покрыты плесенью. А дома уже готовились справлять по нему поминки. Собравшиеся на его поминки принесли жертву и выслушали его рассказ.

АЙМУШ

Давным-давно, в давней давности, был один пастух по имени Аймуш. Последнее место его пребывания было у озера Хурла-кель. С самого детства он ходил за скотом. Не осталось ни одной горы, реки, местности, где бы он не побывал. В его руках спорилась, ладилась всякая работа. И была у Аймуша замечательная дудка. Ее звуки передавали красоту жизни, вкус прохладных ветерков, движение журчащих струй, (падающих) с камня на камень. Его овцы, понимая речь этой дудки, на каком бы холме ни сидел Аймуш, собирались и паслись вокруг него.

И вот с каких-то пор из Хурла-кель стал появляться красивый белый баран с витыми рогами, который ходил среди овец Аймуша и возвращался обратно.

Однажды осенью, во время случки (овец), семья Аймуша послала за ним его младшего брата, велев передать ему, чтобы он приехал в село и женился. Аймуш дожид неженатым до сорока лет. Мальчик передал брату, с каким поручением прибыл. Уходя, Аймуш сказал ему:

— Ночью овцы испугаются. Не выходи и не кричи на них, укройся с головой и лежи.

Когда ночью овцы всполошились, мальчик не выдержал. Забыв наказ брата, он вышел и закричал. Тотчас от отары отделился белый баран с золотыми рогами, сверкая, как солнечный свет, и мгновенно перепрыгнул через изгородь. Овцы стали прыгать за ним. Все они помчались к Хурла-кель. Мальчик, плача, старался остановить их, но ничего поделать не смог.

Аймуш, увидев во сне все, что случилось с отарой, быстро оделся и, накинув на шею башлык, прибежал туда. Когда он подбежал к стаду, первые овцы уже подошли к озеру. Аймуш догнал отару и поймал одну ярку. «Что для меня жизнь, если я расстанусь со своей отарой?!» — и с этой мыслью Аймуш сам прыгнул в озеро. Раздался плеск, пошли волны, слышался как бы вздох скота, но потом все прекратилось, застыло.

С тех пор каждую весну на поверхности озера появляется линька, а каждую осень — шерсть. Старики говорят, что Аймуш пасет своих овец на дне этого озера. И сегодня в горных селениях поют песню о чабане Аймуше:

Суйкун был легок (на ногу) — и был козопасом,
Тохуна был ладен — и был строителем домов,

Магула был тяжел — он был пастухом коров,
Аймуш был дудочником — он был чабаном.

О Аймуш, Аймуш,
На Одинокое Дерево не влезавший Аймуш,

Прибившуюся овцу не трогавший Аймуш,
На товарищей зла не таивший Аймуш!

И на Одинокое Дерево ты влез, Аймуш,
И прибившуюся овцу ты тронул, Аймуш.

АЙМУШ И ТАУЛУ

В местах, где росла густая трава, где били из земли ключи с водой такой холодной, что от нее ломили зубы, пас Таулу отару. В первый раз отец привез его в стойбище, когда ему было семь лет. С тех пор вот уже тридцать лет Таулу ходил за стадом. Может, и нашелся бы на свете еще один такой искусный чабан, а может быть, и нет. И вряд ли Таулу любил своих сыновей больше, чем своих овец. Когда летними ночами угонщики начинали рыскать в поисках добычи, Таулу, взяв ружье, охранял отару, не смыкая глаз. Жизнь была нелегка, но все же семья его жила, не зная голода и холода.

Но как ни трудился Таулу, отара его не увеличивалась. Известно, что скот без соли обойтись не может, а соль Таулу получал в обмен на овец. За пастбища он отдавал в уплату валухов. Немало скота приходилось отдавать и князю.

Иногда Таулу обращался к покровителю овец Аймушу с мольбой даровать хороший приплод, сделать шерсть овец густой, охранить их от падежа и хищников. Видя, что Таулу любит овец, трудится изо всех сил, Аймуш пришел к его отаре. Было это утром. Когда Таулу начал выгонять овец на пастбище, одна из овец громко заблеяла, а ей отозвалось все стадо. Таулу взобрался на большой камень посреди зеленой лужайки и заметил оттуда огромного барана. Шерсть у него была длинной, густой, серебристой, рога золотыми. Боясь спугнуть нежданно свалившееся на него счастье, Таулу застыл на месте.

Начиная с того дня, златорогий баран являлся каждое утро и отводил отару на самые хорошие места для пастбы, к целебным источникам, к солонцам.

С того дня, как явился к нему Аймуш, ни одна овца в отаре Таулу не болела и не терялась. Голодные волки и рыси обходили его стадо стороной. Весной каждая овца окотилась двумя ягнятами, а некоторые и тремя. Спустя некороткое время стадо увеличилось, овцы стали тучными, крупными, с густой шерстью.

Работы у Таулу стало много, и он нанял пастуха, у которого не было своего скота и который доводился ему родственником. Когда отара его увеличилась до тысячи голов, он устроил жертвоприношение. И когда их стало две тысячи, и когда три. У него было уже больше двадцати пастухов. Теперь он все время старался найти причины для того, чтобы недоплатить им во время выдачи жалованья. Каждый месяц он давал им только одну овцу (для пропитания). Сам он пасти стадо перестал. Забыл он и о том, что такое пастушеский посох и коса. Теперь он верхом на

скакуне с золоченой сбруей, в плотно подогнанном чекмене ездил в гости к друзьям и родичам.

Жили его пастухи хуже собак. В стойбище Таулу всегда заявлялся в дурном настроении. Бранил пастухов, обвиняя их в обжорстве и лени. Из-за своей алчности он окончательно лишился человеческого достоинства. Когда он попытался прибрать к рукам большую часть летних пастбищ и полей, старики пригрозили ему, что изгонят из села, но Таулу не оставил своего намерения довести поголовье своего скота до десяти тысяч и стать самым богатым человеком в горах. Может быть, Таулу и добился бы своего, но однажды златорогий баран, которому не нравилось происходящее, куда-то исчез и больше не вернулся.

Овцы, лишившись своего предводителя, стояли, сбившись в кучу, не паслись и не пили воду, и только блеяли, как ягнята, потерявшие матерей. Ослабевшие от голода овцы стали легкой добычей хищников, а часть пала от болезней.

Весной ни одна овца не принесла двойню, хуже того, были и вовсе неокотившиеся, а ягнята, что родились, были поздними. Отара Таулу стала таять, как снег под лучами жаркого солнца. Не зная, что делать, Таулу стал злобным, как зверь. Не помнил ни одного доброго слова. Забыл он даже свою любовь к овцам. Однажды он от злости рубанул подвернувшегося ягненка пашкой и переломил ему бедро. Таулу освежевал ягненка и положил мясо в котел, когда раздалось резкое блеяние златорогого барана. Овцы отозвались на него таким печальным блеянием, что разжалобили бы любого человека. Сверкая на солнце золотыми рогами, баран подошел к самому краю высокой скалы. Все стадо — за ним. На краю скалы он проблеял еще раз и кинулся вниз, отара бросилась за ним. Таулу, пытаясь остановить бегущее стадо, побежал за ним, хватал овец за ноги, избивал их, но не смог остановить ни одну. Овцы попрыгали одна за другой со скалы и, не достигнув дна долины, превратились в облака и поднялись в небо.

Таулу уже хотел вслед за ними броситься вниз, но опомнился. На одно мгновение ему показалось, что горы и небеса стали рушиться, ему почудился свист холодного ветра. «Зачем расставаться с жизнью ради них, счастье не в богатстве, ведь как счастлив я был в молодости, когда пас своих овец!» — сказал он сам себе. И, вспомнив то время, он бросился со скалы на торчавшие внизу, как высохшие деревья, острые камни.

С тех пор иногда из-за той стороны Кавказских гор появляются белые облака, кружат над Бийчесыном, плывут куда-то над Хурзуком и Уччуланом, а затем исчезают. Люди говорят, что эти облака — овцы алчного Таулу. А некоторые утверждают, что когда овцам надоест летать, они присоединятся к отаре самого лучшего чабана.

АЙМУШ

Однажды, заметив на улице мальчика, который играл с овечьими катышками, воображая их овцами, один проезжий богач, решив, что в этом мальчике что-то есть, сказал ему: «Мальчик, если ты хочешь стать чабаном, поезжай со мной». Договорившись с его родителями, богач нанял его на работу на пять лет. Мальчика звали Аймуш.

Древние пели о нем:

Суйкун был легок (на ногу) – и был козопасом,
Тохун был ладным – и был строителем,

Магула был грузен – и был пастухом коров,
Аймуш был дудочником – и был чабаном.

Пять лет для некоторых людей что целый век. Аймуш сильно вырос и повзрослел. Пас отару, играя на дудке. Однажды, заметив во время пастбы набежников, которые приближались, чтобы угнать скот, Аймуш стал отгонять своих овец подальше. Один маленький ягненок не мог идти быстро, и он (Аймуш) шел, подталкивая его то посохом, то коленом: «Ну же, негодный ягненок, враг близко, надо бежать!» «Я бы и рад, – вдруг заговорил ягненок, но на мне грузом лежит счастье всей отары, я не могу его нести...» И Аймуш понес его на руках. Так они через некоторое время спаслись от врагов.

Ягненок вырос и стал крупной пестрой красивой овцой. Когда Аймуш, взобравшись повыше, начинал играть на дудке, эта овца завораживала всю отару обратно.

Когда срок найма истек, начали делить скот. Он и богач должны были поделить отару пополам. При дележе пестрая овца досталась богачу. Аймуш сказал, что его любимый ягненок попал к нему, и стал просить отдать его в обмен на двух других овец. Богач, может быть, проведав что-то об этой овце, не согласился. В конце концов бедный Аймуш предложил за нее всех своих овец. И только тогда богач вернул эту овцу.

Ведя овцу на привязи, Аймуш медленно стал спускаться, удрученно думая: «Смотри, как вышло: проработав пять лет, как я приду с единственной овцой, что скажу?» Но тут ягненок сказал: «Иди, не бойся, овцы найдутся». В верхней части Карачая в горах есть озеро Хурла-кель, к нему он и направился. «На берегу этого озера, – велел ягненок, – построй загон на пятьсот голов». Аймуш исполнил это. Загон получился большим, просторным, и вот однажды из озера вышел какой-то баран с золотыми рогами и спарился с овцой. Утром глянул Аймуш – а загон полон овец. Наверное, Аймуш стал дивиться, что овца оказалась такой ценной, потому что она сказала ему: «Не говори никому о том, что видел, и не окликай барана!»

Родственники Аймуша, услышав о том, что он получил свою плату, послали к нему одного из его братьев. Пришел он и видит, что у Аймуша на берегу Хурла-кель большое стойбище.

Когда Аймуш отказался гнать скот в селение, брат сказал ему: «Сходил бы ты в село, повидался бы с отцом и матерью, привел бы свою одежду в порядок, а я буду пасти овец до твоего прихода». Поскольку он настаивал, Аймуш собрался в путь. «Коли так, – сказал он, уходя, – помни, что хищников здесь нет, но овцы иногда пугаются. В этот момент, прошу тебя, не окликай их. И еще – утром не поднимай отару, крикнув «хыр-рейт», просто открой загон, они выйдут сами». И Аймуш ушел. Прошло два-три дня, брат его встал до рассвета, чтобы выпустить отару, и вдруг овцы чего-то испугались. Забыв о предупреждении Аймуша, он крикнул: «Хей!» Тотчас же из середины стада выбежал златорогий баран и прыгнул в озеро. За ним и пестрая овца. Следом стали входить в воду и

остальные овцы. Не зная, что и думать, он изо всех сил пытался отогнать остальных (овец) от озера, но ничего не смог поделать.

Аймуш, которому приснился недобрый сон, чувствуя, что случилась беда, встал ночью и спешно побежал к озеру. Когда озеро уже виднелось, он заиграл на дудке. И последний оставшийся на берегу ягненок остановился и стал прислушиваться к мелодии. Но, не увидев Аймуша, нырнул и он. Аймуш сказал: «Да, брат мой, погубил ты меня, желаю тебе добра, себе — блага!» — и, повязав глаза башлыком, прыгнул в воду. Не стало ни овец, ни Аймуша.

Говорили, что люди опускались в озеро и искали его на дне. Что они там видели, не знаю, но слышал от древних стариков, что каждую весну на поверхность всплывала линька овец, помню их слова до сих пор.

О Аймуш, Аймуш,
На Одинокое Дерево не влезавший Аймуш,

Прибившуюся овцу не трогавший Аймуш,
На товарищей зла не таивший Аймуш,

И на Одинокое Дерево ты влез, Аймуш,
И прибившуюся овцу ты тронул, Аймуш, —

была такая замечательная поминальная песня (кюй).

АЙМУШ

На Одинокое Дерево не влетающий Аймуш,
На товарищей зла не таящий Аймуш!

Прибившуюся овцу не трогавший Аймуш,
Грубого пастуха не любящий Аймуш!

Глаз не смыкающий Аймуш,
Просителя одаривающий не одной овцой Аймуш!

Ленивого пастуха не любящий Аймуш,
Овечье стадо с посохом не пасущий Аймуш!

Прибившуюся овцу не трогающий Аймуш,
Грубого пастуха не любящий Аймуш!

Губы ягнят от язв оберегающий Аймуш,
Суягных овец не подгоняющий Аймуш!

Ягнят по утренней росе не выгоняющий Аймуш,
Грубого пастуха не любящий Аймуш!

На товарищей зла не таящий Аймуш,
На Одинокое Дерево не влетающий Аймуш!

Из стебля борщевика твоя дудка, Аймуш,
У берега Хурла-кёл следы твоих ног, Аймуш!

В горах Баксана весть о тебе, Аймуш,
На берегу Кубани твои стада, Аймуш!

Златорогий белый баран, Аймуш,
На берегу озера остановится Аймуш!

Если хочешь одарить, одари нас, Аймуш!

Без тебя нет нам никакой помощи, Аймуш,
Приди же в наше стойбище, Аймуш!

ЗУБ СТАРУХИ

Однажды над селом, которое располагалось между Эльбурганским лесом и Малым Зеленчуком, появилась черная туча, напоминавшая очертаниями дракона и закрывавшая все небо. Воздух потемнел и стал тяжелым. Люди не могли открыть глаз и погрузились в сон. Уснули все — молодые и старые, мужчины и женщины, собаки, кони, куры, вороны.

Когда туча рассеялась и люди проснулись, ни в одном очаге не было ни искорки огня. Сельчан охватил ужас. «На нас вот-вот обрушится какая-то страшная беда», — сказали старики. Умолк смех девушек и детей, мужчины, держа оружие наготове, неусыпно несли охрану за селом. Чтобы враг не застал их врасплох, везде выставили караульных. Чтобы вовремя подоспеть им на помощь, если от них придет весть, настороже были и соседние села.

Но беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. Однажды утром обнаружилось, что зреющие нивы вытоптаны. Люди гадали, чей это мог быть табун и кто табунщик. Когда же внимательно рассмотрели следы, они не поверили своим глазам: все поля были вытоптаны одним конем, а следы невиданно громадных копыт говорили о том, что это был жеребец. Жеребец стал появляться из Эльбурганского леса каждую ночь, пастись на полях, поедать цветущие колосья, вытаптывать остальное и уходить. К тому же он раскидывал скирды сена, убил всех жеребцов, а кобыл куда-то увел за собой.

С наступлением зимы начался голод — проклятый жеребец оставил людей без хлеба, а скот — без сена. Его не смогли поймать даже самые искусные табунщики, ни с помощью капканов, ни расставляя луки-самострелы. Этот жеребец мчался так стремительно, что обгонял летящую стрелу, слышал каждый ночной шорох лучше совы, глаза его были острее, чем у ястреба, а запахи он чуял лучше охотничьих псов.

Когда ни одна уловка не помогла, выкопали глубокую яму в том месте, откуда жеребец выходил из Эльбурганского леса. На дне ее установили стоймя три острых камня, а верх ямы прикрыли плетнем, надеясь, что жеребец упадет в нее и напорется на них. Но труды их оказались напрасными. Один из сельчан, выехав из стойбища ночью на арбе, заблудился и рухнул в эту яму. Два быка издохли, а сам он стал калекой.

Однажды вечером сельчане собрались у дерева, которому они поклонялись, и, посвятив богу-покровителю коней Зейгуну молодого вола белой масти, принесли его в жертву. Затем они обратились к нему с мольбой

убрать от них куда-нибудь подальше жеребца, причиняющего им разорение.

Но Зейгун их мольбам не внял. Жеребец продолжал творить всяческие беды. Днем и ночью, обходя вокруг селения, он вытаптывал пастбища и разгонял стада. Люди, не в силах справиться с ним, сложили руки и только ждали. Вскоре они дошли до нищеты. Нужно было сниматься и переезжать в другое место.

Все старики и самые умные люди в селе собрались вместе. После долгих размышлений они решили спросить совета у одной старухи, которая жила в соседнем селе, в местности Жако-баши. Никто не знал, откуда и кто она родом. Во рту у нее был единственный, но очень большой зуб. Говорили, что ее сила в этом зубе. Лицо у нее было такое безобразное, что внушало людям страх, но сердце у нее было мягкое, чистое, к тому же она была мудра. Она умела останавливать кровь, если кто-то получал рану, лечить переломы и вывихи, принимала роды. Умела подчинять своей воле животных. Чтением заговоров она могла убить змею или остановить лошадей на скаку. Гадала, раскладывая горошины.

Много людей приходило к ней, прося избавить от страданий, и она помогала всем. Люди в благодарность снабжали ее дровами и пищей, с наступлением холодов одаряли ее теплой шубой и толстыми войлочными коврами, на которых она могла бы сидеть. Вот к этой старухе и отправились сельские старики, прося помощи. Старая ведунья погрузилась в раздумье. Было видно, что она хочет помочь им, но боится жеребца. И все же старуха согласилась.

Ведунью привезли к полю в тот момент, когда там пасся жеребец. Старуха закричала так пронзительно, что все вокруг зазвенело, а конь рванулся было бежать, прыгнул раз, но второго прыжка сделать не смог, его ноги увязли в земле. Он заржал что есть мочи, напрягая все силы, вырвался, и, лягнув старуху в лицо, выбил ее единственный зуб. Но, уже умирая, она успела сказать нужные слова. Только она их произнесла, как жеребец провалился в землю, а на поверхности осталась только его голова.

С тех пор прошло много веков, но люди не забывают старуху, которая оказала им благодеяние.

ЛЕГЕНДА ОБ ОЗЕРЕ ЧИРИК-КЁЛЬ

Ежегодно, раннею весною в марте месяце, на поверхности этого озера замечается в довольно большом количестве овечья шерсть. По поводу такого странного явления у горцев существует следующая легенда.

Много лет тому назад в Балкарском обществе жил горец, которого так обидели его же однообщественники, что он принужден был покинуть свое общество и спуститься к озеру Чирик-кель. Здесь он построил кош и стал пасти единственную, уцелевшую у него пару баранов. Каждый день он жаловался на свою горькую судьбу и думал, как бы это ему не умереть с голоду.

Однажды, когда он, по обыкновению, жаловался на свою судьбу, явился к нему горный джинн, т.е. дух. «Слышал я твои жалобы, — сказал он горцу, — и, зная, что тебя обидели злые люди, решил помочь тебе. У тебя будет очень много баранты, ты будешь очень богат, но только ты должен свято

исполнить мое приказание. Что бы ты не увидел ночью во время течки баранов, ты не кричи и никому об этом не говори». И горный дух исчез.

Пришло время течки овец. Вот однажды, ночью, горец видит, что из озера вышли два барана с золотою шерстью и начали пастись вместе с его парой баранов. На следующую весну его овцы окотили по две ярки каждая. Во время течки бараны опять вылезли из озера, и так продолжалось каждый год в течение многих лет. Стадо горца так расплодилось, что он давно потерял счет баранам. Показалось ему трудно стеречь одному такое огромное стадо, он нашел себе работника, которого ко времени течки баранов отпускал домой.

Однажды горец оставил у себя работника на зиму. Подошло время течки. Раз ночью проснулся работник, увидел в стаде баранов с золотою шерстью и крикнул: «Хозяин, смотри, что в твоём стаде делается!». Едва он крикнул, как бараны кинулись в озеро, а за ними и все стадо. Так и погибло в озере такое громадное стадо, и горец остался самым бедным человеком. С тех пор каждую весну на поверхность всплывает шерсть погибшей баранты.

Е. Захарович, 1897

АЙМУШ

Предание о горном озере Хурла-кёль

В отдаленные времена на вершинах Хурла-джалпаки жили четыре брата: Аймуш, Сикун, Сиймуш и Сийнух. Первый из них занимался овцеводством, второй козловодством, третий вообще скотоводством и четвертый хлебопашеством. Все они поочередно гоняли своих животных в ущелье Индыш поить кисло-соленою водою, которая и по настоящее время пользуется уважением скотоводов.

В один прекрасный день Аймуш, возвращаясь с Индыша по направлению к горному озеру Хурла-кёль, вел за собою свое многочисленное стадо овец, оберегаемых и подгоняемых пастухами. В эту ночь он решил, по обычаю, украсть в жены одну из горских красавиц, уже заранее намеченную им. День был на исходе и солнце клонилось совсем уже к западу. Вдруг Аймуш слышит какой-то таинственный голос, произносивший его имя; он, моментально прервав свою песню, огляделся во все стороны и увидел летавшего над собою черного ворона необыкновенной величины, который говорил:

— Аймуш! Не противоречивший никогда братьям, не принимая в свое стадо ни одной чужой овцы, не бравши за руку ни одной сероокой красавицы, что ты теперь замышляешь? Ты хочешь оскорбить своих братьев, взявши вопреки их желанию себе жену, гордую красавицу. Покайся, пока еще есть время, и принеси в курманлык имеющегося у тебя самого лучшего белого черноухого валуха; в противном случае, по воле Сердцеведца, ты жестоко заплатишься за свой легкомысленный поступок.

Но Аймуш, подозревая в говорящем вороне злого духа, гордо отверг его совет и продолжал свой путь. Подойдя к озеру, он остановил на ночлег свое стадо на зелено-бархатной, просторной поляне под надзором своих пастухов; сам же отправился домой с целью в эту ночь непременно ис-

полнить свое давно лелеянное намерение. Из дому он послал для главного присмотра за овцами своего любимого брата-пахаря, приказав ему не производить в эту ночь никакого шума, какой бы переполох ни произошел в его стаде.

Сийнух, придя к братнину стаду, поместился на ночлег около озера, а пастухам приказал лечь с противоположных сторон вокруг стада. В самую полночь вдруг он слышит сквозь сон сильный гул, просыпается и видит страшный переполох овец в стаде и между ними бегущего необыкновенной белизны барана с огромными золотыми рогами, издававшими какой-то фосфорический свет. От удивления и страха Сийнух, забыв приказание брата, закричал во все горло. Золоторогий баран тотчас же стремительно бросился в озеро, а за ним, с неменьшей быстротой, последовало и все стадо. Сийнух от изумления стоял, как каменный и очнулся только тогда, когда уже последние овцы исчезали под водою озера. Очнувшись, он успел схватить и удержать за ногу лишь одного самого тощего ягненка.

После столь необычайного происшествия Сийнух отправился домой и известил своего брата обо всем случившемся. Аймуш, только что похитивший невесту и ласкавший себя сладкою надеждою провести остаток ночи в ее объятьях, услышавши о гибели своих овец, которые составляли все его богатство, забыл и свою невесту, и все окружающее, и стремглав бросился на место катастрофы; тут он увидел одних только пастухов, со страхом посматривавших на озеро, где погибли все овцы. Не имея сил вынести столь тяжкое испытание, Аймуш, как безумный, с раздирающим душу криком, бросился сам в озеро и скрылся на глазах пастухов в тех же таинственных волнах, где погибло все его стадо.

Некоторые карачаевцы и до сих пор убеждены, что Аймуш и по настоящее время жив, невредим и разгуливает со своим стадом под озером в каком-то подземном царстве; говорят, что и по сию пору во время весенней стрижки овец шерсть овец Аймуша показывается на поверхности озера.

М. Алейников, 1883

ОЗЕРО ЧИРИК-КЁЛЬ И ПРЕДАНИЕ О НЕМ

...Странное, трудно объяснимое явление наблюдается на этом озере: ежегодно, в конце марта месяца, на поверхности его появляется в большом количестве овечья шерсть. Если допустить, что показывающаяся на озере шерсть — остаток шерсти после мойки ее, то, во-первых, озеро для этой операции, благодаря своей глубине и крутизне берегов, не представляет ни малейших удобств; во-вторых, горянкам нет никакого расчета спускаться с гор с шерстью к озеру за 15–20 верст, когда у них река находится вблизи аулов. Пастухи же со своей барантой никогда не останавливаются кошами около озера, так как местность вокруг него и пролегающая здесь проезжая дорога в Балкарию неудобны для этой цели, да, кроме того, пастухи питают к этому озеру чувство суеверного страха. Для объяснения этого странного явления скорее можно допустить, что шерсть появляется на поверхности озера от разлагающихся на дне его трупов

баранты, которая, надо полагать, когда-то была загнана сюда бурей или снежной метелью и погибла в большом количестве. У горских же татар по этому поводу существует следующее предание.

Когда-то, очень много лет тому назад, в Балкарском обществе жил один человек, которого обижали все, кто только хотел: отняли у него единственный клочок земли, растащили все домашнее имущество: скот, одежду, котлы, так что у него, кроме пары овец, никакого другого имущества не осталось. Тогда этот человек подумал: «Если я останусь еще жить в обществе, то у меня отнимут и последнюю пару овец; нужно уходить отсюда». И он ночью спустился с гор к озеру Чирик-кель, где построил себе балаган и стал пасти свою пару овец. Он никак не мог забыть обиды, причиненной ему жителями Балкарского общества, и часто, сидя на берегу озера, роптал на свою несчастную судьбу. Однажды, когда, по обыкновению, он печалился о своей незавидной доле, к нему явился горный дух и сказал:

— Оставь свою печаль! Я знаю, что ты много перенес от людей горя, но за свое терпенье ты будешь вознагражден. Только, смотри, не удивляйся и не рассказывай никому о том, что ты будешь видеть на берегу озера. Затем, то, что здесь будет происходить, должен видеть один человек, но не два и не три вместе.

Сказав это, горный дух исчез. А человек до самого вечера сидел на берегу озера и размышлял о словах духа. Настала ночь; человек развел костер и лег около него спать. Просыпается он в полночь и видит, что из озера Чирик-кель вышел баран: шерсть у него была золотая и блестящая, как солнце. Начал этот баран пастись и играть с двумя овцами бедного горца, а затем обратно ушел в озеро. Весною каждая овца окотила по две ярки. Баран с золотой шерстью появлялся из озера каждый год летом, а на следующий год весною все овцы приносили по две ярки и, таким образом, в течение многих лет у пастуха расплодилось столько овец, что он давно потерял им счет.

Скучно ему стало жить в одиночестве, и он нанял себе пастуха из жителей Балкарского общества, причем предупредил его, чтобы тот по ночам, когда проснется, не смотрел на озеро, а если что и увидит среди овец необыкновенного, то не шумел бы и не будил его, хозяина.

Пастух обещал в точности исполнять это приказание, но в первую же ночь, проснувшись и увидев среди овец барана с золотой шерстью, испугался и принялся будить хозяина. Тот, хотя и проснулся, но не поднимал головы и не смотрел на овец. Наконец, когда пастух очень настоятельно стал упрашивать его взглянуть на то, что происходило в стаде овец, он не вытерпел. И в тот же миг баран с золотой шерстью бросился в озеро, а вслед за ним шарахнулось туда и все стадо овец и погибло.

И стал горец еще беднее, чем был раньше. Шерсть же погибшего стада каждый год весною выплывает на поверхность озера, а с наступлением лета исчезает до весны следующего года.

Е. Баранов, 1903

КОГДА СОЛНЦЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С МАТЕРЬЮ

Когда Солнце подросло, оно сказала матери:

— Мама, позволь мне теперь ходить одному. До каких пор ты будешь водить меня за руку?

— Хорошо, пусть будет так. Ходи один. Но что бы ни случилось, не бойся. Глаза твои будет застилать туман, вьюга будет бить тебе в лицо. Тебе доведется много чего увидеть: будет трястись земля, будет греметь гром, сверкать молнии, но ты не пугайся. Будут рушиться скалы, будут обвалы, лавины — не робей и тогда. Научись побеждать все это и освещать землю. Чем лучше ты будешь освещать землю, тем больше будут тебя любить люди, — сказала мать, все больше удаляясь от солнца. — В добрый путь, сынок! В первый месяц зимы я снова с тобой встречусь. Не робей!

После этих слов матери у Солнца стало грустно на душе. «Как тяжело расставаться с матерью. Зачем я сказал ей, что хочу ходить один. Рядом с ней я был в безопасности, на сердце у меня не было никаких тревог. Как плохо получилось. Как я буду скучать по матери, когда снова встречусь с ней, буду спать, положив голову на ее колени», — думало Солнце.

Солнце постепенно приноравливалось, взбиралось все выше и выше, темное время укорачивалось, светлое время удлинялось, мир начал согреваться. Оно прятало туманы в морях, посылало на землю дожди, не обращая внимания на гром и молнию, делало свое дело. Год получился хороший, выросла обильная трава, леса загустели. Леса и горы стали полны диких животных, началась радостная жизнь. Солнце радовалось своим делам:

— Спасибо моей матери! Всему она меня научила. Я насылаю дожди, прогоняю туманы, выращиваю на земле растительность, люди радуются этому. Я могу останавливать молнии, держать небо ясным!

Шло время, настала весна, а за ней пришло и лето. Воды в реках поднялись, с гор потекли потоки. Но люди научились не бояться таких вещей. Солнце знало это. Снова светлое время начало укорачиваться, темное удлиняться, наступила осень. Стало холодать, черные туманы заволакивали солнце, начались дожди вперемешку со снегом. «Природа отнимает у меня силы, преграждает мне путь. Оказывается, Тейри не позволяет все время делать то, что хочешь», — думало Солнце.

Настал двадцать шестой день первого холодного месяца зимы, и Солнце встретилось со своей матерью.

— Здравствуй, сынок, дай посмотрю на твое лицо. Ты исхудал, глаза запали. Заметно, что ты устал. Но ты учишься. А это лучше всего, — сказала мать.

И заплакала она, и долго плакала. Тогда заплакало и Солнце. Вдруг похолодало, и слезы Солнца, превратившись на холоде в снежинки, начали падать на землю. А горячие слезы его матери лились так обильно, что не успевали замерзнуть и падали на землю дождем. До утра шел дождь вперемешку со снегом, и люди сказали:

— Сегодня Солнце плачет, встретившись со своей матерью. «Сердце матери — в ребенке, сердце ребенка — в степи». Никогда ребенок не полюбит мать так же сильно, как мать — ребенка!

Каждый год отличается от другого, день не похож на день, Солнце делает свое дело, помня о наставлениях матери, меняется мир, меняется жизнь, и все в мире переплетено, как стебли вьюнка.

СТРАЖИ ЛУНЫ

По верованиям наших предков, туманные темные пятна на луне — ее стражи. Их зовут Адилбай и Башилбай. Они охраняют луну от Желмауза.

* * *

Темные пятна на луне — две собаки, охраняющие ее: Албарс и Шалбарс.

* * *

Когда луна затмевалась, стучали в барабан, сделанный из красной или желтой меди. Он был весь медный, размером со среднюю бочку.

ТЕМИР-КАЗАК — ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Темир-Казак был ангелом. Пророк спросил его: «Какая из звезд тебе нравится?» Звезду, на которую указал ангел, пророк назвал его именем.

ТЕМИР-КАЗАК И ЖЕТЕГЕЙЛЕ — ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА И БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

Жетегейле и Темир-Казак враждуют. Однажды Темир-Казак ударил и отломил кусок от Жетегейле. Вот поэтому крайняя звезда в созвездии Жетегейле такая бледная. Чтобы Жетегейле не подрались, между ними стоят Сарайган и Тарайган. Темир-Казак стоит на своем месте недвижно. А Жетегейле безостановочно вертятся вокруг него, желая убить. Темир-Казак добрая звезда, она указывает людям дорогу.

САРЫТОН — «ЖЕЛТОШУБАЯ»

Это название одной яркой звезды на небе. Она показывается на юге в месяцах апостолов (ноябрь, декабрь) по ночам, сверкая желтым цветом. Она рождена солнцем, ее мать — Солнце. Мать выдала ее за звезду Чолпан. Сарытон поклонилась солнцу и попросила дать ей золотую шубу. Вот поэтому, после того, как она обрядилась в золотую шубу, она и стала казаться нам желтой. По той же причине ее и называют Сарытон, а также *Алтынтон* «златошубая».

Говорили, что если месяцы восхода Сарытон туманны, то лето будет дождливым, что может распространиться чума. Поэтому по ночам, обратившись к Сарытон, приносили животных в жертву, возливали кровь их на нартские (древние) могилы, мясо съедали, а кости бросали в воду со словами: «Сарытон, дочь Солнца! Помоги, сохрани от бед!» – так молили древние.

БОЮНСАЛА – СОЗВЕЗДИЕ ЯРМА

Ярмо – это созвездие зерновых. Почему эти звезды названы Ярмом? Когда они в сумерках останавливались на западе, в тот период выходили на пахоту. На быков надевали ярмо, потому и называли эти звезды так. Если в тот вечер, когда восходило созвездие Ярма, их заслоняло облако или туман, верили, что год будет дождливым и урожайным. Тогда говорили: «Пусть год наш будет плодотворным, с добрым зерном!» – приносили в жертву овцу возле нартских могил и, брызгая (на них) ее кровью, приговаривали: «Благодарение нашему Тейри, корпус сохи!»

* * *

Созвездия ярма называли так потому, что промежутки между звездами в ней напоминают дырки в ярме. Они расположены близко друг к другу. Крайняя звезда бледная. Она стала такой после того, как ее ударил то ли Тору Айгыр (Гнедой Жеребец), то ли Сары Айгыр (Светло-рыжий Жеребец). Созвездие Ярма состоит из трех больших и трех маленьких звезд.

КЕРИУАНКЫРГАН – ПОГУБИТЕЛЬНИЦА КАРАВАНА

Поздно вечером, когда скот уже загнан в стойбища, а люди поужинали, немного к югу от востока, освещая эту сторону неба, восходит огромная яркая звезда. Это не звезда, это планета, Юпитер. Старинное название его по нашему – Онгак. Современное карачаевское его название – *Кериуанкырган* «Погубительница каравана». У карачаевцев есть интересная легенда, объясняющая происхождение этого названия. Эту легенду я слышал в детстве от своего отца Абдулкерима. Судя по этой легенде, дело было так.

Некогда один богатый человек, сосватав за своего сына невесту в далеком селе, послал людей, чтобы привести ее. Забрав девушку и все, что отец дал за ней приданого, караван повернул назад. Настала ночь, и усталые путники, сделали привал; попрятав все имущество, которое везли с собой, в пещерах и других укромных местах, они начали готовить еду.

– Продолжим свой путь на рассвете, когда взойдет звезда Чолпан (Венера), – решили они и легли спать. Через некоторое время караульные заметили, что над горами восходит огромная яркая звезда.

– Эй, аланы, светает, утренняя звезда уже взошла! – сказали они и разбудили своих товарищей. – Давайте трогаться, пора отправляться в путь.

Погрузив свои вьюки, караван покинул свою удобную стоянку и тронулся в путь. Через некоторое время небо потемнело, погода испортилась, налетел сильный ветер, начался буран. Стало темно, хоть глаз выколи, не видно стало дорогу. Холод усиливался. Погонщики заблудились. Не зная, куда приткнуться, растерялись. Холод, буран, бездорожье, сугробы доконали их, и все они погибли.

Звезду, которую они приняли за Чолпан (Венеру), которая не вовремя вывела их в путь и погубила, народ назвал Погубительницей каравана. Говорили, что в древние времена была песня «Погубительница каравана – обманная звезда». А слова «кериуан» и «карауан» означают одно и то же.

НАЗВАНИЯ ЗВЕЗД

Была такая поговорка:

Взошла Чолпан (Венера) – наступило утро,
Закатились Плеяды – земля замерла (затвердела).

Илкерле (Плеяды) – это созвездие, группа звезд, они появляются осенью. Созвездие Ярма видно постоянно, так же и Вечернюю звезду. Кёгет Жулдуз (Звезда Плодов) можно видеть осенью, она появляется в определенный месяц, затем постепенно закатывается. Кой Жол (Овечья тропка, – Млечный путь) – это длинная цепь звезд. Если Жылкы Жулдуз (Звезда табуна) восходит на юге, дождя не будет.

* * *

Названия звездам дали, видимо, уподобив их чему-нибудь. Есть созвездие Чёмючле (Ковш, – Северная Корона), состоящее из пяти-шести звездочек, оно напоминает ковш, из которого пьют воду. В Карачае их называют, кажется, Чара жулдузла (Чаша). Их можно видеть посередине небосвода.

* * *

Сюрюучю жулдуз (Пастушья звезда) – звезда, которую иногда можно наблюдать в пору, когда дни становятся длиннее.

По Темир-Казаку раньше ориентировались в дороге. Есть еще звезда Ылышык. Ылышык – это большая рыба.

* * *

Кёгет Жулдуз (Звезда Плодов) появляется на небе осенью и весной, когда начинает расти трава, под утро. Иногда называли еще звезды Тору Айгыр (Гнедой Жеребец) и Сары Айгыр (Светло-рыжий Жеребец).

* * *

«Да умру я, не увидев созвездия Илкер (Плеяды), если я вру!» – была раньше такая клятва, смысл которой был: «Да не доживу я до вечера». Клялись также Вечерней звездой.

* * *

Мырытла (Сошник, Лемех, – Малая Медведица) – группа звезд, они перемещаются вместе. Восходят рано. Когда я ночью смотрю в окно и вижу, что Мырытла над моим домом, я говорю себе, что ночь уже на исходе.

* * *

В разговорах стариков встречались названия многих звезд, созвездий, причем про каждую из них существовала и какая-нибудь легенда. Легенды я позабыл, а в памяти остались только названия некоторых звезд: Эгер итле (Гончие псы), Жылкы жулдуз (Звезда Табуна), Ыркын ыз (?), Кериуан жулдуз (Звезда Караванов), Жыйын жулдуз, Сабан жулдуз (Звезда Полей)... Было еще что-то, связанное со змеями: Гитче Жилиян (Маленькая змея), Уллу Жилиян (Большая змея), Суу Жилиян (Водяная змея). Перед тем, как отправиться на охоту, произносили молитву, в ней упоминались Дагазала (?). Есть еще две звезды, которые называют Орак жулдузла (созвездие Серпа). Они появляются во время жатвы. И еще есть Ёксюзле жулдузу (Звезда Сирот), она одна.

* * *

Есть группа звезд, широко раскинувшихся по небосводу. Их называют Гидала (Топор, – созвездие Ориона). Если приглядеться, они напоминают топорик с двумя лезвиями, одно из которых обращено вверх, другое – вниз, оно побольше. А посередине между ними три-четыре звезды, расположенные рядышком.

ЗВЕЗДНАЯ ПЕСЕНКА

Жетегейле – семь звезд,
Сарайганла – две звезды,
Темир-Казак – сама звезда.

Боюнсала – шесть звезд,
Чолпан – золотая звезда.

Созвездие Юлкер, Чолпан сынгар(?),
Кара Айгыр, Сары Айгыр,
Кто сможет семь раз повторить?

Пока Юлкер не закатится, земля не затвердеет,
Пока Чолпан не взойдет, не рассветет.

Чолпан – глава звезд,
Темир-Казак – недвижимый камень неба.

Пока Жетегейле не пройдут семь кругов, рассвет не настанет,
Не достигнув конца пути, человек не возвращается,
Кто не сможет семь раз повторить?

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Говорят, первоначально Вечерняя звезда была матерью охотника. Давным-давно, в те времена, когда на берегу реки Кам обитали нарты, жил один охотник по имени Окулай. А был он таким охотником, что никогда не промахивался и охотился только в тумане. По рассказам, его узнавали даже звери. Когда Окулай находился на охоте, ни один из них не выходил из своей норы. Но все равно Окулай без добычи не оставался.

И вот в какой-то из годов Окулай вышел на охоту и долго бродил. Но ни одно существо, которое можно было бы поразить стрелой, ему не встретилось. «Все, проклял меня Апсаты, не будет мне пути», – решил он и повернул обратно. Стал он думать, чем бы он мог прогневить Апсаты. Но никаких причин найти не смог.

Той же ночью, когда Окулай вернулся без добычи, он увидел сон. Во сне ему явился некий вестник и сказал:

– У истока реки Кам в пещере Жекеме есть стрела, пусть Окулай возьмет ее и выходит на охоту с ней. Пока он не найдет эту стрелу, пусть не охотится ни на одно животное, не смотрит ни на одного человека и не возвращается домой – так велел передать Апсаты, – и с этими словами вестник исчез.

После этого охотник Окулай лишился покоя. Не мог теперь ни спать, ни есть. Однажды его мать, тревожась, спросила его:

– Окулай, душа моя, я вижу, что моя снедь тебе не нравится, что случилось?

– Мать моя, мне приснился сон, и если он правдив, почему я ничего не делаю? А если это был сон пустой, почему я стал таким? – сказал Окулай.

– Расскажи мне, дитя мое, свой сон, ведь твоя мать была в селениях нартов толковательницей снов.

Окулай рассказал матери свой сон.

– Дитя мое, сын мой, из пещеры Жекеме назад пути нет, и еще ни один человек из нее обратно не возвращался, – охваченная горем, сказала его мать.

– Мать моя, если я не пойду туда, то умру дома недоброй смертью, – сказал Окулай.

Поняв, что сын не откажется от своего намерения, мать сшила для него чухаки из шкуры сорокагодовалого тура, штаны из барсучьих шкурок, перепоясала его кожаным ремнем, положила ему в переметные сумы еды на сорок дней и ночей и проводила в дорогу до утренней росы.

– Я добуду стрелу и вернусь с ней жив и здоров, а ты каждый вечер гляди мне навстречу, – сказал Окулай и ушел.

Сорок дней ждала мать Окулая своего сына. Потом ждала его сорок лет. А после того, как он не возвратился, взмолилась к Тейри Неба:

Вышний Тейри,
Дольний Тейри,
Этот камень мой,
Этот камень твой,
Скорей, скорей, я тоже твоя...

Тотчас мать охотника Окулая вознеслась к небесам. Тейри Неба сделал ее Вечерней звездой. По сей день она восходит после того, как солнце зайдет и на землю начинают опускаться сумерки. Она еще не потеряла надежду на возвращение сына, глядит ему навстречу. И пока восходит Вечерняя звезда, путники не останутся в дороге.

ХВОСТАТАЯ ЗВЕЗДА (КОМЕТА)

Иногда, растянувшись по небу, появляется хвостатая звезда. Это нехорошее предзнаменование. Когда появляется хвостатая звезда, на земле обязательно случаются какие-нибудь бедствия, или война, или засуха, или эпидемия.

Нехорошим знаком являются и солнечные и лунные затмения. Их пытается проглотить эмегенша по имени Желмауз. Возможно, она и проглотила бы их, но Солнце и Луну охраняют две собаки. Их называют Темирсолтан и Бийсолтан; правда, некоторые утверждали: «Нет, их зовут Ындырбай и Зулай». Стоит им заснуть, как тут же появляется Желмауз и начинает заглатывать Солнце или Луну. В это время люди начинали стрелять из ружей, всю шуметь; стараясь разбудить (стражей) кричали: «Ындырбай, Зулай, просыпайтесь!» От одного человека я слышал и другое поверье. Будто бы темные пятна на поверхности луны — это силуэт ее обезьяноподобного охранника.

ЖЕЛМАУЗ

Давным-давно жили муж с женой. У них было девять сыновей, а дочки не было. Восемь сыновей жили в селе вместе с родителями. Девятый сын, самый младший, был в горах со скотом. По прошествии времени их мать родила дочку. Все были рады ей, обхаживали ее. Услышав, что мать родила девочку, младший сын пришел домой и попросил у нее:

— Покажи мне сестричку.

— Смотри, сынок, смотри, — сказала она и показала девочку.

Увидев девочку, сын сказал матери:

— Избавься или от нее, или от меня.

Мать ответила:

— Я согласна лишиться всех вас в один день, лишь бы ее мизинчик не пострадал.

— Тогда и дом, и скот, и все имущество пусть будет вам на пользу, мне же пусть будет на пользу дорога, — сказал младший сын и ушел.

Шел он, шел и вечером, уже уставший, заметил вдалеке дым. Подойдя туда, он нашел дом, в котором жили слепая старуха и слепой старик.

Возьмите меня к себе в сыновья, — попросил у них юноша. — Буду беспрекословно слушаться вас, делать, что скажете.

Старики, не веря, что им может так повезти, сказали:

— Откуда нам такое счастье?

Юноша убедил их в том, что говорит искренно. Старики взяли его в сыновья. Старик сказал ему, что он должен делать:

— У нас есть сто коз, другой скотины нет, ты должен ходить за ними, — и объяснил, где ему их пасти.

Юноша начал пасти коз в местах, указанных стариком. Но однажды он погнал коз в другое место и вышел к красивой лужайке. Каких только фруктовых деревьев там не было: яблони, сливы, груши.

Он оставил коз пастись, а сам взобрался на дерево и ел яблоки, когда появился пятиголовый эмеген.

— Ох, чтоб ты пропал! Как ты пробрался в места, куда и птицы не залетают? — сердито спросил он.

Юноша, не обращая на него внимания, продолжал есть яблоки. Тогда эмеген попросил у него:

— Перепрыгни на ту ветку и достань мне вон то яблоко.

Юноша перепрыгнул на другую ветку, сорвал яблоко, выбранное эмегеном, отдал ему и сам спрыгнул на землю.

Только он спустился с дерева, эмеген спросил у него:

— Бороться будем или стреляться?

— Стрелять могут даже женщины, будем бороться, — ответил юноша.

Они начали бороться. Юноша, приподняв, ударил эмегена оземь и тот по горло ушел в землю; одним ударом он снес ему все пять голов. Вечером, гоня скот обратно, он прихватил одну из голов с собой и, придя домой, с грохотом забросил ее на чердак.

На следующий день юноша погнал своих коз на то же место. Он опять сидел на дереве и ел фрукты, когда появился другой эмеген. Он был такой же, как и первый. Юноша отрубил его головы тоже, одну из них принес вечером домой и забросил на чердак. И на третий день юноша погнал коз туда же. Опять он ел фрукты, когда появился эмеген. Юноша и ему отрубил головы. Одну из его голов он так же, с грохотом, забросил на чердак.

Старуха спросила у юноши:

— Что это ты с таким шумом забрасываешь на чердак?

— Несколько коз подохло, это их головы, — ответил юноша.

— Да так ты скоро всех наших коз закончишь, — рассердилась старуха.

Старику не понравилась ее грубость, и он как следует отчитал ее:

— Старая ведьма, какое тебе дело, пусть хоть всех их за один день закончит!

На пятый день юноша погнал коз на то же самое место, но на этот раз никто его не потревожил. Погнав коз в долину, он заметил вдалеке дымок, пошел туда и увидел замок; в замке, закинув свои груди за спину, сидела эмегенша и чесала шерсть; перед ней стоял котел, в котором варилась буза. Открыв дверь и увидев эмегеншу, юноша сразу окликнул ее:

— Ай, матушка, матушка!

— Ай, дитя, дитя, — откликнулась эмегенша. И добавила:

— Быстро ты стал моим сыном, не то увидел бы ты, что я с тобой сделала!

— Быстро ты стала моей матушкой, не то знал бы я, что с тобой сделать! — ответил юноша.

— Ты посиди здесь, сынок, мне надо помолоть немножко крупы, — сказала эмегенша и вышла. Выглянув тайком, юноша заметил, что эмегенша оселком точит зубы. Увидев это, юноша выскочил во двор, ударил

мечом и снес ей четыре головы, а пятую оставил. Тогда эмегенша попросила его:

– Не срубай мою последнюю голову, я сделаю все, что ты скажешь.

– Я знаю, что моих родителей ослепили вы, – сказал ей юноша.

– Ах, сынок, только не лишай меня последней головы, (я скажу тебе, что надо делать): в том доме есть сундук, в сундуке есть ларец, в ларце – ртуть, а в ртути – глаза твоих родителей: черные – отца, пестрые – матери, – сказала эмегенша.

Юноша вошел в дом и вытащил из ртути глаза стариков. Затем вышел и срубил оставшуюся голову эмегенши. Собрав свое стадо, он вернулся к старику и старухе. Ночью все легли спать, заснули. Утром перед восходом солнца юноша вывел отца на завалинку и вставил его глаза на место. Затем позвал мать, вставил на место и ее глаза. Старики начали обнимать, ласкать его, чуть не языком облизывать.

Прошло некоторое время, и юноша обратился к ним с просьбой:

– Я хотел бы пойти и хоть издали посмотреть на свое родное село.

Услышав это, старики опечалились. Но, не желая огорчать его, сказали:

– Сходи, можешь взять с собой из имущества все, что хочешь.

Юноша попросил у отца:

– Дай мне свой кошелек вместе с тем, что в нем находится, а больше мне ничего не надо.

В кошельке ничего кроме ножика, оселка и шила не было. Забрав эти предметы, которые были ему нужны, юноша отправился в путь. На подходе к селу он остановился и посмотрел сверху на село. Он увидел, что все дома, за исключением их собственного, разрушены. Более того, в селе не слышно было даже собачьего лая. Юноша направился к своему дому. В доме он не нашел ни единой души, кроме сестры. Увидев брата, сестра обрадовалась, начала обнимать, ласкать его.

– Все село переехало, оставив меня одну, – сказала она.

Но юноша не поверил ей; увидев сестру, он уже понял, что стряслось с селом.

Сестра сказала: «У меня ничего готового, (чтобы покушать), нет, надо помолоть немножко крупы», – и вышла.

Выглянув в окно, юноша заметил, что девушка точит свои зубы. Увидев это, он бросился бежать. Девушка начала преследовать его, и он выбился из сил. Тогда он взмолился к Аллаху, достал из кошелька оселок и сказал:

– О Аллах, преврати это в скалу, непреодолимую для девушки!

Оселок превратился в скалу. Юноша продолжал убегать. Девушка прогрызла в скале дыру, пробралась в нее и опять погналась за юношей.

Юноша опять выбился из сил. Тогда он достал из кармана ножик, бросил его на дорогу и взмолился к Аллаху:

– О Аллах, преврати это в железную скалу, чтобы она не смогла через нее пробраться!

Юноша опять продолжал убегать, не надеясь, что железная скала защитит его. Железную скалу девушка тоже прогрызла и продолжала гнаться за юношей. Убегая, юноша опять обессилел, вытащил из кармана шило и взмолился:

— О Аллах, преврати это в высокое железное дерево толщиной в девять-десять обхватов, а меня усади на его верхушке!

Все случилось так, как он просил у Аллаха, и девушка, подбежав, начала грызть ствол железного дерева у основания. В это время откуда-то прилетели вороны. Юноша попросил у них:

— Передайте моим родителям, пусть они пришлют сюда охотничьих собак, она собирается меня съесть.

— А что ты нам выделял, когда убивал кийика? — равнодушно ответили они и улетели.

Девушка уже до половины перегрызла ствол, когда прилетели голуби.

— Передайте моим родителям, пусть они пришлют сюда охотничьих собак, она (девушка) собирается меня съесть, — попросил у них юноша.

— Сейчас же передадим, — ответили они и улетели.

Девушка успела перегрызть ствол и повалить дерево, когда подоспели охотничьи собаки. Увидев их, девушка настолько испугалась, что взмыла вверх и начала улетать. Охотничьи собаки полетели вслед за ней.

Говорят, и сейчас причиной лунных и солнечных затмений является эта девушка-желмауз. Как мы этого не видели, так же пусть не увидим болезней и горестей.

СОЛНЕЧНЫЕ И ЛУННЫЕ ЗАТМЕНИЯ

У одного известного человека был взрослый сын. Потом у него родился еще один ребенок, девочка. Сын, увидев в колыбели безжалостное лицо девочки, сказал родителям:

— Надо избавиться от нее, не то потом придется пожалеть.

Мать и отец сильно рассердились на сына. А когда он стал настаивать, сказали ему:

— Исчезни лучше ты, а от нее мы не хотим избавляться.

Парень ушел из дома.

Однажды в каком-то большом лесу он набрел на рожавшую барсиху и помог ей разродиться. Барсиха родила трех барсят, одного из которых подарила ему в благодарность за помощь. Парень не удовлетворился этим и второго барсенка взял украдкой. Забрав их с собой, он ушел и обосновался в каком-то месте. Он ухаживал за барсятами, и они стали огромными эгерами*.

Однажды парень вынужден был расстаться со своими эгерами, и перед расставанием они, заговорив по-человечески, сказали ему:

— Мы расстаемся с тобой. Ты возьми у каждого из нас по волоску. Если когда-нибудь попадешь в безвыходное положение, подпали эти волоски. Мы тотчас явимся к тебе и спасем от любой беды, — и дали ему по волоску.

Через некоторое время юноша явился в родное село. Идя к своему дому, он встретил из жителей одного единственного кузнеца и спросил его:

— Эй, что здесь произошло, где люди?

— Твоя сестра — желмауз, — ответил кузнец. — После твоего ухода она

---

*Эгер — охотничий пес.

постепенно съела всех жителей села. Остались только твой отец, твоя мать и я. Меня она оставила, чтобы я точил ей зубы.

Юноша отправился к отцу с матерью. Увидев его, они огорчились:

– Зачем ты вернулся?

В это время в дом вошла его сестра.

– Вернулся, братец? – спросила она.

– Вернулся, вернулся, – ответил ей юноша.

Его сестра-желмауз вышла, потом зашла обратно и спросила:

– Брат, на чем ты приехал?

– На коне, – ответил он.

– Сколько ног у твоего коня? – спросила она.

– Да было четыре, – ответил юноша.

Девушка снова вышла, вернулась и спросила:

– У твоего коня было три ноги?

– Да, – ответил юноша.

Девушка снова вышла, зашла и спросила:

– У твоего коня было две ноги?

– Да, – ответил он.

Девушка опять вышла и вернулась.

– Брат, у твоего коня была одна нога?

– Да.

Тогда девушка-чудовище дала ему в руки таз, сказала:

– Стучи в него не переставая, так, чтобы я слышала, пока я не вернусь, – и вышла. В это время к юноше подошла мышка, дала ему шило, гребень, зеркальце, забрала у него таз и, заговорив по-человечески, сказала:

– Я буду вместо тебя стучать в таз, создавать шум, а ты возьми эти вещи и беги. Когда сестра начнет тебя настигать, ты брось (на землю) зеркальце и скажи: «О Аллах, сделай это морем!» – и оно превратится в море. Когда желмауз снова начнет тебя догонять, брось (на землю) гребень и скажи: «О Аллах, сделай это костяным замком». Если, разрушив костяной замок, она снова начнет тебя догонять, ты брось (на дорогу) шило, оно превратится в железный забор. Пока она разломает железный забор, ты будешь уже далеко.

Юноша сделал все, как сказала мышка. Но желмауз все-таки догнала и поймала его. Попав в безвыходное положение, понимая, что сестра-чудовище не оставит его в живых, юноша стал думать, как ему подпалить волосы своих эгеров. Он попросил у сестры: «Позволь мне сотворить намаз в два земных поклона». Девушка не возражала. Тогда юноша подпалил волосы своих эгеров. Тотчас примчались эгеры и набросились на девушку. Поняв, что на земле ей от них не спастись, она хотела улететь на небеса. Эгеры, догадавшись об этом, вцепились ей в бока, и она взмыла в небо, подняв их с собой.

Девушка-чудовище жива и поныне. Иногда она набрасывается на солнце или луну, желая поглотить их, но эгеры сразу вцепляются ей в челюсти. Утверждают, что именно из-за нее происходят солнечные и лунные затмения.

ПОЧЕМУ ИДЕТ ДОЖДЬ

Дождь льется из облаков. Помню, что ответили мои покойные отец и мать, когда я спросил у них, как это происходит: «Дождевые облака – это кучи хорошо взбитой шерсти. Они окунаются в море, а затем, плывя по небу, над каким-нибудь местом стряхивают с себя впитанную воду».

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Когда гремел гром и проливался первый дождь, люди собирали воду и мыли ею голову, ноги. Верили, что этот дождь оживляет всю природу, дает здоровье. Этот дождь называли «лейсан».

* * *

Говорят, что на луне есть две собаки и один юноша. Этот юноша держит обеих собак врозь. Если он не будет держать их врозь, они начнут грызться друг с другом.

* * *

В давнее время яркость солнца и луны была одинаковой. В то время людям было трудно, они не могли спать, работали днем и ночью. Тогда, чтобы люди не мучались, Аллах послал ангела, и тот отнял часть света луны и прибавил его солнцу. С тех пор люди не мучаются из-за сна: бывают и ночь, и день.

* * *

О громах говорят: «Он гремит, когда Аллах гневается».

* * *

О радуге говорят: «Если через радугу (меч) перепрыгнет юноша, он превращается в девушку, а если через нее перешагнет девушка – превращается в юношу.

Когда встает радуга (меч), карачаевцы говорят: «Радуга встала, божество умерло».

В. Прёле, 1909

...Голова Джелмаус была некогда отрублена нартот Кыйынлы, теперь она пытается проглотить луну; если бы ей это удалось, тогда она проглотила бы и все человечество.

В. М. Сысоев, 1913

ДЖЕЛМАУС

В незапамятные времена в одном ауле жил какой-то богатый князь. У этого князя однажды родилась дочь, по имени Джелмаус, и в ту же ночь из дома родителей ее таинственно исчезли теленок и одно ведро воды.

Домашние княжеской семьи немало были удивлены этим необъяснимым исчезновением, но, чтобы не подать повода к различным толкам, решились сохранить это в тайне от других.

Но с этой первой роковой ночи исчезновение телят и воды стало повторяться каждую ночь и у других жителей аула, так что все они не на шутку переполошились и стали доискиваться причины этого явления. Сначала они думали, что какой-нибудь из диких зверей истребляет их скотину, но никакое из предпринимаемых ими средств к отысканию его не привело к цели; между тем как за исчезновением мелкого скота в скором времени стал исчезать и крупный. Поэтому они пришли к убеждению, что скот их пропадает от какой-нибудь сверхъестественной силы, и снова стали доискиваться, где начало этому злу.

Вскоре стало известным, что у князя не очень давно родилась дочь и что она растет неимоверно быстро. Это обстоятельство дало повод к заключению, что новорожденная княжеская дочь не простая смертная, а эмеген, что это она пожирает скотину и что от нее нужно ожидать еще больших бед; избавиться же от нее уже не было никакой возможности, так как она была в то время настолько сильна, что могла любого взрослого человека моментально разорвать на части.

Один из братьев Джелмаус, Киилы, желая избежать угрожающей ему со стороны сестры опасности, отправился на берег Черного моря и там поселился; а для того, чтобы чем-нибудь поддерживать свое существование, стал заниматься рыболовством. Однажды он поймал необыкновенной величины рыбу и внутри нее нашел, к своему удивлению, двух еще живых борзых щенят, которых стал кормить и лелеять, и тем приготовил из них для себя двух верных друзей. Теперь он уже мог оставить рыболовство и заняться охотой, которая ему более нравилась. Охота его была очень удачна, так как собаки были настолько ловки, что даже ловили на лету птиц. Новым занятием охотник наш вскоре скопил себе некоторое состояние и обзавелся оседлостью.

Но Киилы томила неизвестность о родине; ему очень хотелось посетить ее, и наконец он решился привести в исполнение свое желание, только не знал, взять ли с собою собак для защиты на случай несчастья, или же оставить их для присмотра за домом. Вскоре собаки сами вывели его из затруднительного положения, посоветовав ему оставить их дома, а взять с собою немного их шерсти, при этом они сказали ему, что стоит только ему, в случае несчастья, бросить эту шерсть в огонь, как они немедленно явятся ему на помощь.

Киилы очень обрадовался этому, оставил своих друзей дома и с спокойным сердцем один отправился в путь. Но, прибыв на родину, он был крайне поражен тем, что не нашел там никого, кроме кузнеца и своей сестры.

Джелмаус встретила его с великою, по-видимому, радостью, коня его поставила в конюшню, самого же отвела в дом. Разложивши на очаге огонь для приготовления угощения, она зачем-то вышла во двор. Через несколько времени, возвратившись обратно в саклю, она спросила брата, как это он приехал на лошади о трех ногах. Киилы сначала принял эти слова за шутку и заметил, что лошадь его достойна не насмешек, а похвалы, так как она сослужила ему великую службу. Когда же сестра заявила

самым убедительным тоном, что она не шутит, Киилы, удивившись ее словам, вышел к лошади и, к своему несчастью, убедился, что она действительно о трех ногах. Догадавшись, кто был виновником такого зверства и для какой цели, Киилы с большим усилием подавил свое негодование, соединенное со страхом, и старался казаться равнодушным, чтобы отклонить от себя подозрение сестры и не дать ей заметить, что он желает ускользнуть от ее наблюдательного глаза и ищет случая как-нибудь спастись.

Спустя немного времени Джелмаус в другой раз вышла из сакли и, возвратившись назад, объявила брату, что его лошадь осталась только о двух ногах. Тут Киилы стал следить за выходом сестры и узнал, что она после съедения каждой лошадиной ноги бегала к кузнецу точить свои крепкие стальные зубы. Тогда ему стало ясно, почему она оставила в живых кузнеца, тогда как всех других пожрала. Между тем Джелмаус еще два раза выходила на двор и, возвращаясь в саклю, говорила, что лошадь Киилы осталась то об одной ноге, то, наконец, совсем без ног.

Бедный Киилы, сильно встревоженный, все придумывал различные способы, как бы хоть самому-то избавиться от своей кровожадной сестры, но мысли его от страха путались, сердце трепетало, и он, наверно, не мог бы ничего придумать и был бы съеден своею сестрою, если бы к нему не явилась на помощь мышка. Дело в том, что когда Джелмаус вышла в последний раз, чтобы пожрать уже туловище лошади, мышка, выскочившая из подполья, посоветовала ему немедленно отправиться в такое место, где бы ему не угрожала никакая опасность, а сама обещала в то же время на вопрос его сестры, куда он ушел, — обманывать ее до трех раз, указывая ей ложно разные пути.

Киилы, поблагодарив мышку за ее к нему сострадание и добрый совет, не медля ни минуты, отправился в путь.

Эмегенша, управившись с остатками коня, вошла в саклю, чтобы уведомить брата об исчезновении его лошади, но, не найдя его, пришла в бешенство и пристала к мышке с вопросом, куда он скрылся. Мышка верно исполнила свое обещание: три раза Джелмаус бегала за братом в разные стороны и только в четвертый раз бросилась уже без указания по настоящей дороге.

Киилы, выбившись из сил и потеряв всякую надежду на спасение, решил наконец призвать на помощь своих собак. Верные собаки явились в пору, ибо Джелмаус уже приближалась к нему с налитыми кровью глазами и открытой пастью. Тогда Киилы велел своим собакам броситься на Джелмаус, и тут-то пошла общая свалка и отчаянная борьба, в которой ничего нельзя было разобрать, только клочья летели вверх и кровь брызгала во все стороны.

Но как эмеген ни была сильна, однако собаки одолели ее и разорвали на куски; осталась только одна голова с стальными зубами, не поддававшаяся никаким усилиям собак и все еще отбивавшаяся от них. Желая уничтожить ее окончательно и разорвать надвое, собаки схватили ее — одна за волосы, а другая — за нижнюю челюсть; голова же вдруг закачалась и, поднявшись вверх, улетела вместе с собаками на луну.

С тех пор голова эмегена сделалась вечным врагом луны, а собаки — вечными ее стражами: круглый год они не смыкают глаз и оберегают

луну от головы эмегена и только один раз в течение года, утомившись, засыпают. Голова эмегена, пользуясь этим случаем, набрасывается на луну, отчего та темнеет; тогда карачаевцы, видя такое явление, тотчас же начинают стрелять в воздух и как можно громче кричать, чтобы разбудить верных стражей. Проснувшись от выстрелов и криков, собаки оттаскивают эмегена в сторону, и луна снова светлеет.

М. Алейников, 1883

29. ЭЛИЯ, ЧОППА, ШИБИЛЯ

ШИБИЛЯ

11

Шибиля, Шибиля, Шибиля
Над вершинами гор играет,
К нам беды не подпускает.

Одна щека твоя — день,
Другая щека твоя — ночь,
День твой — сюда, день твой — сюда,
Ночь твою — прочь, ночь твою — прочь!

ИМЕНЕМ ЭЛИИ

Я слышал от стариков, что в древние времена балкарцы и карачаевцы поклонялись Элие. Когда приносили клятву, говорили: «Уас Элия, гезе къачы, Татартюп!» (Святой Элия, крест, Татартюп!). Эта клятва считалась одной из самых сильных.

ЭЛИЯ — МОЛНИЯ

Элия, Элия, мой тезка Элия,
Высекающий в небе молнию,
Стремящий по земле реки!

Прошу, когда настанет жатва,
Когда колосья дадут молочко,
Когда приготовим место для молотьбы
И я запрягу красных быков, —

Да превратишь свои аулы в селенья,
Да угомонишь свои дожди,
Да утишишь свои громы,
Да подашь уверенность моим пахарям!

ШИБИЛЯ — МОЛНИЯ

Белый Шибиля, синий Шибиля,
Скорый на дожди Шибиля!

Над вершинами гор ты резвишься,
К нам беды не подпускаешь.

Одна щека твоя — на груди солнца,
Другая щека — на берегу озера (небесного)!

Твое солнце (дай) нам, твое солнце — нам,
А твои озера (пусть изольются) в море!

ПОРАЖЕННОЕ АЧ-ЭЛИЕЙ

Из-за Черной скалы появляющийся Элия,
На Бостане восседающий Элия!

Из-за Белой скалы появляющийся Элия,
Обратно удаляющийся Элия!

На лету освещающий окрестность Элия.
Явлением своим глаза слепящий Элия!

Воссев, на округу сияние изливающий Элия,
Возвращаясь, землю сотрясающий Элия!

К хорошим людям благосклонный Элия.
Небу и земле свет дарующий Элия!

Пляшущего человека очень любящий Элия,
На высокой скале в ладоши хлопающий (в такт) Элия!

Сидя там, на дудке играющий Элия,
Тех, к кому благосклонен, чутко оберегающий Элия!

В небесных просторах свободно передвигающийся Элия,
Среди богов считающийся самым почитаемым Элия!

Хлопая в ладоши, воду в котлах проливающий Элия.
Играя на дудке, зверей плясать заставляющий Элия!

Придя в гнев, камни и леса сжигающий Элия,
Придя в гнев, людей разоряющий Элия!

Чегемцы поклоняются Элие,
Пищу-снесь приносят Элие,

Их шайых о нем знал многое,
Возрев на него, так обратился к нему:

— А мы тебя очень любим, Элия,
Почести и уважение часто воздаем тебе, Элия!

Упитанный скот приносим в жертву, Элия!
Священную долю (твою) мы оставляем, Элия!

Остроглазый, белобородый Элия!
В коричневой шубе, тонкостанный Элия!

Духом подобный туче, длиннорукий Элия!
В небесных просторах вольно скользящий Элия!
Место, где садится, делающий светлым Элия!

Но жители Думалы его долю еды не приносили,
Ему, как другие селения, почестей не оказывали.

И Элия, пролетая, поразил (это селение) с высоты,
И место, которое поразил, сжег, своротил в сторону.

Собрались туда старцы и шайыхи,
И назвали то место «Пораженное Ач-Элией».

ЭЛИЯ

Нартские батыры поют, глядя в небо, Элия!
Воззри сюда, нас выслушай, к тебе обращаемся мы, Элия!

В стране нартов все до одного собрались вместе, Элия!
Народ жаждет поклониться (тебе), покажись же, Элия!

В Хурс-Халыне без тебя мы веселиться не можем, Элия!
Без тебя и охотиться на зубров мы пойти не можем, Элия!

Кто, кроме тебя, осветит нам наш путь в ночи, Элия!
Кто без тебя может отправиться в ночной набег, Элия!

Кто без тебя может ночью пускать стрелы, Элия!
Чья стрела может угодить в цель без тебя, Элия!

Без тебя и вкусный сыра (пиво) пить не можем, Элия!
Если не видим тебя, для нас рассвет не встает, Элия!

Старцы наши, умирая, обращаются к тебе, Элия!
Вознося мольбы, умирают, надеясь на тебя, Элия!

На вершине неба вместе с Тейри живешь ты, Элия!
С нартами вкушаешь ты шашлык из зубрятины, Элия!

Все мы, нарты, кланяемся, обращаясь к тебе, Элия!
Все мы радуемся, надеясь на тебя, Элия!

В Стране Нартов уже долго длится война, Элия!
Кони наши притомились, что нам делать, Элия!

Нарты непрерывно стреляют из луков, Элия!
Стрелы сыпятся, словно град, Элия!

Они издают шум, подобно шуму орлиных крыльев, Элия!
Они все вонзаются во (вражеские латы), Элия!

Копья (нартгов) пронзают скалы, Элия!
Мечи их сносят головы врагов, Элия!

Распахнутся ли с громом небесные врата, Элия!
Враги рассеются ли, словно птичьи перья, Элия!

Играя в небе, светлые врата распахнул ты, Элия!
Вражеское войско одним ударом рассеял ты, Элия!

Взирая на тебя, мы просим дать нам мощи и сил, Элия!
Никого, кроме тебя, так любить не можем, Элия!

Есть (у врагов) желание поджечь Страну Нартов, Элия!
Народ Страны Нартов весь поднялся по тревоге, Элия!

Мы нынче собрались на нартский Тёре, Элия!
Мы теперь важные решения примем, Элия!

Со стороны Адыл-су (Волги) на нас движется враг, Элия!
Без тебя сможем ли мы остановить его, Элия!

На вершинах гор нартвы строят крепость, Элия!
Нартские крепости высятся, словно гора Дых-Тау, Элия!

Нарты сегодня вступили в битву, Элия!
А их жены ждут их, Элия!

Нартские батыры из битвы вернутся ли, Элия!
Обретет ли Страна Нартов покой и тогда отдохнут ли они, Элия!

Черная ворона будет нашим спутником, Элия!
К тебе полетит она, чтобы подать весть (о нас), Элия!

ЭЛИЯ И ЁРЮЗМЕК

Элия и Ёрюзмек очень любили друг друга, хотя и редко встречались. Среди нартгов равным себе, своим другом Элия считал только Ёрюзмека. Их встречи редко кто мог видеть.

В Чегемском ущелье есть белая-белая гора, которая называется Элия. Подъехав к этой горе, Ёрюзмек выпустил в небо три стрелы. «Если Элия (сейчас) летает по небу, он услышит звук моей стрелы, по звуку второй стрелы он поймет, что я его жду, а по третьей определит, где я нахожусь», — подумал он.

Он убил дикого козленка, приготовил шашлыки и только хотел их расставить на плоском камне, как светлые белые горы стали еще светлее. Глубокое темное ущелье как будто осветилось солнцем. Птицы, присевшие отдохнуть на ветках, встрепнулись, олени замычали, волки завыли. Прилетев, Элия опустился на землю рядом с Ёрюзмеком. Они обнялись. Ёрюзмек сказал:

— Элия, брат мой, уже меня начала одолевать старость, я много тягот

перенес на земле, пришлось мне испытать и голод, и неволю. В нартском племени я создал войско, одолеть которое никто не в силах, водил его за собой. Я сделал так, что споры разрешаются не с помощью кинжалов, а на Тёре. Мы почти покончили с эмегенами. Теперь, если есть такая возможность, я хотел бы покинуть землю и перебраться на небо, к своим родителям.

– Что ж, – сказал старый Элия, – ты прав. Но и на небесах вопросы решаются на Тёре. Я схожу туда, узнаю мнение богов и дам тебе знать.

С этими словами Элия улетел на небо. Шло время, но Элия не давал о себе знать. Ёрюзмек на том же самом месте выпустил в небо три стрелы, но Элия не появился. Через некоторое время он опять поехал туда. Элия все не откликался. Поехал он в третий раз, выпустил три стрелы, приготовил шашлыки, стал ждать. На этот раз Элия спустился с небес. Они поздоровались, сели, поели-попили. Потом Элия сказал:

– Ёрюзмек, я сказал о твоей просьбе богам. По их мнению, тебе еще рано переселяться на небо.

– Почему? – спросил Ёрюзмек.

– Я скажу тебе, почему. Ты с самого детства жил среди людей, и ты перенял у них многие недостатки. Они могут проявиться на небесах. Ты научил людей многим ремеслам, ввел много хороших обычаев. Но сердце твое еще недостаточно очистилось. Потерпи еще немного.

Сказав так, Элия улетел, а Ёрюзмек остался на земле.

ПЕСНЯ-ПЛАЧ ПО УБИТОМУ МОЛНИЕЙ

Тейри Неба выпустил свою огненную стрелу,
Его огненная стрела в тебя попала.

Твое нартское тело почернело, обгорело,
Тейри Неба невзлюбил тебя,
Тейри Земли приютил тебя.

Раньше вокруг погибшего от удара молнии собирались, пели, танцевали. Этот обряд (адет) назывался «саранча».

Ой, саранча, саранча,
Мы пришли на саранчу,
Стали в круг, твоей могиле поклонились,
(Теперь) уходим домой.

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ЧОППЕ

Паломничество к Чоппе – обычай, тянувшийся из рода в род. Люди шли к камню Чоппы и совершали жертвоприношения. Кто хотел иметь детей – молил даровать детей, когда не было дождя – молили о дожде, когда не было солнца – молили о солнце. Ели мясо принесенных жертв и принесенную снедь. В качестве доли Чоппы оставляли (у камня) половину головы жертвенного животного, бедренную кость, ребра и три продолговатых хлеба. Оставляли также кусочки ваты. Мясо съедали, а кости закапывали в землю.

Вот это из молитв, которые произносили во время паломничества к Чоппа:

Ойра, Чоппа, правая нога!
Ойра, Чоппа, левая нога!
Ойра, Чоппа, станем и мы семьей!

Ойра, Чоппа, щедрый – ты!
Ойра, Чоппа, ты помоги!
Ойра, Чоппа, мы во тьме – дай света!

Ойра, Чоппа, богатство твое – что море!
Ойра, Чоппа, а мы молим о двойне!
Ойра, Чоппа, помоги!

Когда молили о дожде:

Ойра, Чоппа, после Тейри – ты Тейри!
Ойра, Чоппа, прогони жару прочь!

Ойра, Чоппа, ойра, Чоппа!
Ойра, Чоппа, утоли жажду земли!
Ойра, Чоппа, милосердный мощный бог!

Ойра, Чоппа, ячмень горит, что нам делать?
Ойра, Чоппа, приближается дождь моросью!
Ойра, Чоппа, урожай (ячменя) идет горой!

Ойра, Чоппа, ойра, Чоппа!
Ойра, ойра, приближается дождь моросью!

ПАЛОМНИЧЕСТВО К ЧОППЕ

Во времена до принятия Карачаем (исламской) религии на правом берегу реки Махар был лес. Люди шли в этот лес каждую неделю, в среду, и, обходя шестьдесят раз вокруг нескольких деревьев, пели:

Чоппа, Чоппа!
Пусть Тейри наш пошлет нам жирное мясо!

Пусть в масле будут губы,
Пусть у снох будут сыновья!

Пусть Тейри пошлет нам благо,
Пусть в нас будет бодрость,
Чоппа, Чоппа!

* * *

Раньше, когда человека поражала молния, вокруг него собирались люди, танцевали, исполняли песни, обращались к Чоппе с просьбами. Еще осенью, во время молотбы, пели:

а к
Давать богатому — ради выгоды,
Давать бедному — благодеяние!
Эрирей Чоппа, мой Эрирей Чоппа!

ЗАТМЕНИЯ ЛУНЫ И СОЛНЦА

О том, что происходит во время затмения Луны, балкарский народ в прошлые века высказал много разных суждений и создал много образов. Когда луна затмевалась, верили, что ее проглатывает Желмауз. У луны четверо охранников, стражей. Они всегда охраняют луну от Желмауз. Иногда они, неся охрану луны, засыпают, и тогда пребывающая в ожидании голодная Желмауз начинает заглатывать луну. В этот момент заметившие это с земли люди испытывают сильный страх.

Чтобы спасти ее от Желмауз, били в котлы и тазы, стреляли из ружей. Используя что угодно, издавали большой шум, будили охранников луны, и те, проснувшись, отнимали луну у Желмауз. После этого, когда Желмауз уходила, говорят, луна появлялась, оживала.

Как рассказывал Эдоков Ибрагим, сын Омара, в языческие времена в Верхнем Чегеме в святилищах висели колокола, в них били, и их звоном будили стражей луны. Совершая обход вокруг святилища и поклоняясь Тейри Неба, возносили такую мольбу:

Чоппа, Чоппа, мы сбились в одну кучу,
Тейри Неба, мы сбились в одну кучу.

Святилищу мы бьем поклоны, молясь,
Если луна затмится, мы останемся
во тьме, (будем ходить) спотыкаясь.

Белого валуха с черными ушами принесем мы в жертву,
И тебе выделим твою долю.

Тейри Неба, рабов своих лунного света ты не лишай,
Желмауз к лунному диску ты не подпускай!

Чоппа, Чоппа, перед тобой мы склонились,
Громко плача, тебе бьем поклоны.

Солнце затмевается реже, чем луна. Почему это так, никто не знает. К солнцу Желмауз не может даже приблизиться. Ведь солнце — это расплавленная и кипящая красная медь, а кипеть ее заставляет Тейри Огня. Оно согревает своих рабов на земле и оберегает их своим светом. Способов помочь солнцу во время затмения немного. Но в древности, когда солнце затмевалось, собирали колдунов и ведуний и, согласно их указаниям, приносили в жертву скот, а их жир сжигали на вершинах высоких скал. Они считали, что когда запах горящего жира распространится по всему лицу небес, затмение прекратится. Когда затмение случается летом, земля плачет, воет, звери, деревья и травы молятся. Если же затмение происходит зимой, реки замерзают, скот ревет, все погружается в печаль. Тогда за него (солнце), как и за луну, возносят мольбу, но слова ее я забыл.

«ЧОППАЧЫЛА»

Когда заканчивались осенние работы, балкарцы и карачаевцы собирались у святилищ на праздник «Чоппа». Это был большой праздник, большая радость. Резали скот, варили бузу, пиво, ели, пили. После этого начиналось веселье, танцы. Молодые люди устраивали скачки, боролись, состязались в метании камней. В Чегемском ущелье этот праздник проходил в местечке, которая называется «Чоппачыла». Вначале глава Тёре становился на большой камень и произносил благопожелание:

Тейри Чоппа, даруй нам жизнь,
Из своих богатств дай нам отведать!

Пусть наш Чоппа даст богатый урожай зерна,
Пусть он нам благоволит!

ПРАЗДНИК ЧОППЫ

Шкуру жертвенного козленка набивали соломой и ставили на священный камень. Затем женщины и мужчины брались за руки, подпрыгивая, ходили вокруг камня и кричали: «Эллири Чоппа, Эллири Чоппа». Затем становились на колени, два раза проводили руками по лицу и три раза целовали шкуру (чучело) козленка. Затем, подпрыгивая на месте, все хором кричали:

И справа Дауле,
И слева Дауле,
И на небе Дауле,
И на земле Дауле!

Потом опять начинали бегать вокруг того камня и кричали: «Эллири Чоппа, Эллири Чоппа». В заключение устраивали веселье, ели мясо жертвенного козленка. Праздник заканчивался молитвой жреца Чоппы. Оно было такое:

Амма богъа дуб,
Бии байан ши,
Шейркъят улу иман,
Иманым джумел болду. — (значение неясно. — Х. Дж.)

* * *

После окончания пахоты весь Карачай собирался на плоскогорье между Карт-Журтом и Жазлыком. Это место сейчас называется Байрам («праздник»). Приносили жертвы, веселились.

Ставили вертикально три длинные жерди, связав их верхушки вместе. К ним подвешивали козленка, посвященного Чоппа. Если он в это время блеял, считали, будет хороший урожай на полях. Если же не блеял, то полагали, что зерно не уродится. Потом начинали тянуть козленка Чоппа в разные стороны и разрывали его на мелкие части, что шерсть, что шкуру, как это делают казахи на кёкпаре (козлодрании), но только они

это делают верхом на лошадях, а карачаевцы делали пешими. Это был их сабан той («праздник поля»), когда заканчивали пахоту. Туда приводили и молодух, (которые) оставляли на камне Байрам полотенца или ниточки.

Совершали там и другие действия. Зарезав козленка, готовили шашлыки, потом становились в круг, чтобы никто не видел, и говорили: «Даем долю Тейри», — а потом со словами: «Тейри уже съел свою долю», — делили остальные шашлыки между собой.

Песню «Эрирей» пели и во время боронования, это такая песня пахарей.

У нашего народа было двадцать два божества, как говорят. Слышал я и такое речение:

Бог семьи — отец,
Бог отца — князь,

Бог князя — небо,
Бог неба — горы,
Бог гор — дождь,
Бог дождя — туча,

Бог тучи — Шибиля,
Бог Шибили — Элия,

Бог всего — Солнце.

* * *

...В Карачае мною собраны в 1914 году подробные сведения относительно «Чоппы». У карачаевцев под названием «Чоппаны ташы», т.е. «камень Чоппы», были известны священные камни, почитаемые народом. «Чоппа», по убеждению карачаевцев, был каким-то богом, к которому обращались во всех важных случаях жизни. Ежегодный праздник Чоппе устраивали весной. Около камня Чоппы ставили из жердей козлы и к поперечной перекладине их подвешивали за ноги серого козленка. Козленка раскачивали за рога, он кричал, а молящиеся устраивали вокруг хоровод и пели песню «Эллири Чоппа». По окончании церемонии козленка варили и ели.

Ясно, что Чоппа — имя божества, и притом божества грома и молнии, так как и у карачаевцев к нему был присоединен Илия, почему в песне мы имеем «Эллири Чоппа».

Г. Ф. Чурсин, 1925

30. СОЛНЕЧНЫЕ БОГИ

МОЛЬБА

Владыка Солнца, Владыка Земли — Ра, Ра,
Дай силу пришедшему ко мне мужчине!

Перевалив через гору, пришедшему ко мне мужчине,
Перейдя реку, пришедшему ко мне мужчине!

О Владыка Солнца Ра, Ра,
Дай ему (ровную) поступь,
Ведай о его доле,
А моей груди дай тепло!

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Полную до краев застольную чашу
В руки возьмем же,
Весело зашагаем по борозде,
Засеем отборным зерном,
Получим зерен без меры —

Словно льющий с неба дождь,
Словно трав, растущих из земли,
Словно кустов в лесах.
Словно звезд на небе, которым нет счету!

Дышло (твоей) сохи скрипит,
Сзади нас Золотой Хардар подгоняет.

Эй, маржа, не дай сошнику нашему заржаветь,
Не дай провести борозды вкривь и вкось!

Брошенным нами зернам не дай остаться бесплодными, дай им рост,
А зимой дай двойные (плетеные) лари обмазывать!

ЗОЛОТОЙ ХАРДАР

Спокойно стоящая чаша,
Возьмем ее в руки,
Оближем языком,
По зернышку посеем,
Несметное количество кожаных мешков (зерна) соберем!

Дышло твоей сохи скрипит,
Сзади Золотой Хардар погоняет.
Засеиваешь ты свое поле,
Борозды вкривь и вкось не проведем,
Когда настанет осень, из красной пшеницы
Будем кушать чуреки!

Так мы будем ходить,
Много добра с поля получим.
Подобно растущему в лесах густому кустарнику,
Получим мы урожай ячменя, пшеницы.

Плугу твоему я не дам заржаветь,
Твоего рябого вола не позволю пустить на мясо.

Соху твою на дрова не пущу,
Посеянное тобой зерно не оставлю бесплодным!

ХАРДАР

Верьте моей клятве,
Клянусь образом этого Хардара!

Наш бог-владыка – Золотой Хардар!
Наш бог-владыка – Золотой Хардар!

Наш бог-владыка – Золотой Хардар!
Наш бог-владыка – золотой баран!

Хозяин земли – Золотой Хардар!
Богатство земли – Золотой Хардар!

Защитник земли – Золотой Хардар!
Любимец людей – Золотой Хардар!

Безмерно чтимый – золотой баран!
Безмерно чтимый – золотой баран!

ЗОЛОТОЙ ХАРДАР

Бог луны, бог богатства,
Золотой Хардар – наш (бог),
Зло изгонит он прочь,
И к щедротам будет склонен!

О Хардар, не покидай нас,
Не дай жерновам крутиться впустую,
Не ввергни (нас) в пляску сомнений,
Если в селе совершится воровство!

Убереги нас от небрежной работы,
Не обрекай на поиск окольных путей,
Не дай нам строить ложные мосты,
Чтобы нас не коснулась пята врага.

Большие огни воспламени по обычаю,
Никого без опоры (корня) не оставь ни с чем,
Идущему наощупь дай свет очей,
А зрящему – место прибытия!

Бог луны, бог солнца,
Золотой Хардар – наш (бог),
Могущественный бог, светлый бог,
Будь к нам щедрым, бог!

НАРТСКИЙ ПРАЗДНИК «ГОЛЛУ»

Отрывки

Закончился год, и наступил месяц Тотура,
Весь нартский народ собрался на «Голлу».

Девяносто Тейри воссели на девяноста вершинах,
Воссели на Казман тау (Казбек) и на Дых тау.

К ним все нарты до единого явились,
Сойдя с коней, их приветствовали.

И барабанщик, и ряженные вскочили,
Подпрыгнув, они выразили свою радость.

На «Голлу» сидели и Тейри,
Им подали (нарты) темное пиво.

Старый Элия поднял свой посох
И сказал нартам так:

– Нас прислал к вам Тейри Неба,
Он желает испытать вашу силу.

Пусть ваши всадники поскачут по каменистым дорогам,
Остальные пусть состязаются в метании камней.

Устройте скачки, боритесь,
Стреляйте по далеким мишеням.

Возьмите свои стрелы, копья.
Метайте их в разные стороны.

Пусть молодые парни отправятся охотиться на зубров,
Дети пусть устроят детские игры.

Пусть ваши девушки танцуют «Чоппа»,
Пусть ваши старики произносят здравицы.

В роду эмегенов есть великан по имени Тауас,
Ему места на земле мало.

Кто больше всех на себя надеется, тот пусть вытащит свой меч,
Испытает его (в бою) с Тауасом.

А Ёрюзмек пусть подойдет и встанет рядом со мной,
А потом, если в силах, пусть поборется с Губу-батыром.

Так сказал он и подозвал Ёрюзмека,
А Ёрюзмек крикнул стрелкам-охотникам:

– Проходите мимо волков с приветствием,
Старому волку выделите особую долю (из добычи)!

По горе Казбек они ходили,
Вернулись, убив зубров, оленей.

Старый Дебет произнес тогда здравицу,
Злосычный Гиляхсыртан произнес проклятие.

Нарт Ёрюзмек убил оленя,
Нарт Сосурук принес огонь.

Нарт Алауган поставил на огонь котел,
Карашауай раздувал мехи.

Сатанай сварила пиво,
Агунда сняла котел с огня.

Ногайчик убил зубра,
Рачыкау поднял знамя.

Начались там нартские игры,
Тейри радовались, наблюдая их.

Каждый, кто считал себя нартом, испытал себя в метании камней,
В этом состязании победил Алауган.

В метании камней победил Алауган,
На скачках первым был Гемуда.

Повскакали нарты на коней,
Большие, дальние скачки устроили нарты.

Нарт Ёрюзмек показал удивительную забаву,
На пегом своем коне запрыгнул на вершину Дых тау.

С Дых тау он перепрыгнул в Ырфык Ыз,
По дорогам Ырфык Ыз скача, напылил.

Отставший было Колан («Пегий» – кличка лошади) пришел первым,
А Гемуду никто не заметил.

Смотрят и не могут найти Гемуду,
Без Шауая не начинают состязание по стрельбе из лука.

А Гемуда заскочил на Луну,
Скача, напылил на Луне.

Гемуда на Луне устроил скачки,
От этой пыли Луна потускнела.

Шауай не возвращался, все ждали его,
Потом начали стрелять, направив луки в небо.

Стрелы улетели в небеса,
Достигли жилища Тейри Солнца.

Тейри Солнца испепелил эти стрелы,
Повелел им прекратить (стрельбу).

Наточили свои мечи о камни,
Попросили у Тейри Неба сил, мощи.

Неспешно вытащили свои мечи,
Мечи их разрубали высохшие деревья.

Копья свои они направили на Луну,
Метнув, попали ими в лунные горы.

Карашауай собрал эти копья,
Связав их вместе, забросил в Нартию.

Сделав так, он вернулся назад,
Глядя на него, возрадовался старый Дебет.

Нартские юноши подошли к Дебету:
— Наш старший, наш господин, — сказали они, —

Мы знаем, что равных тебе по мастерству нет,
Но мы хотим, чтобы и ты показал какую-нибудь игру (утеху).

Старый Дебет тотчас направился к табуну,
Из табуна выбежал один белый жеребец.

Быстро вскочил Дебет на него,
И жеребец взлетел на вершину Минги тау.

Старца жеребец испытал на вершинах гор,
Почувствовал, что он остался нартом.

Вернулся обратно к нартам отец нартов:
— Неук этот, — сказал он, — совсем неплох.

А теперь поробую толкнуть камень, — сказал он,
И Сосурук принес и подал ему большой валун.

Взяв камень, толкнул он его далеко,
Камень ударился о скалу.

И несокрушимая скала рассыпалась, словно куча золы,
Посреди нее открылся путь, по которому могла проехать арба.

Совершив это, нарт вернулся к старикам
И сказал: «Я нарт, хоть и стар!»

Нарт Гезох прыгнул в реку Черек,
Начал плыть против течения.

Ногайчик укрощал неуков,
Боги с одобрением смотрели на него.

Эмегены наблюдали, завидуя,
Сердца их разрывались от злости.

На нартский «Голлу» прибыл и Тауас,
Увидел, что и Сосурук был там.

Сосурук подошел к богам,
Попросил у Элии позволения побороться.

Через недолгое время Тауас выбился из сил,
Упал на траву на берегу реки.

Последним заявился Губу-батыр,
Его прислал сюда Кюйсюз Тейри («безжалостный»).

Они начали бороться с Ёрюзмеком,
Безжалостно они сдавливали друг друга.

Схватка их продолжалась три дня и три ночи,
Нарт Ёрюзмек уложил Губу на лопатки.

Нарты, поклонившись Тейри, попросили:
— Показали бы и вы какую-нибудь забаву!

И Тейри, одобрив это,
Поглядели друг на друга: «Кто начнет?»

Кюйсюз Тейри («безжалостный») не медля пришел туда
И спросил: «Кто тот, что осмелится состязаться со мной?»

Так, держа в руках свой кинжал, спросил он,
И тогда Элия встал со своего почетного места.

И началась там великая битва, игра,
Продолжаясь с утра до ночи три дня.

Кинжалы их сверкали, как солнце и луна,
От их шагов сотрясались горы и скалы.

Кинжал Элии был очень горячим,
Ему он достался от Кайнар-тейри.

От его прикосновения воспламенялись камни и деревья,
И, не выдержав (его жара), Кюйсюз Тейри бросил свой кинжал.

Кюйсюз Тейри не вынес этого позора,
Не мог он смотреть на народ нарттов с поднятой головой.

Кюйсюз Тейри избрал для себя бегство,
Удалился в другое место, на другое небо.

А Элия вложил кинжал в ножны,
И нартский народ охватило великое ликование.

К старому Дебету подошли нартские юноши
И попросили его спеть какую-нибудь песню.

Сначала он спел песню ворон,
Потом запел песню воронов.

Потом зазвучала для народа нарттов речь барсов,
А следом была спета и волчья песнь.

Нартские юноши хором стройно подпевали ему,
Закончив петь, затеяли танцы и пляски.

Тейри бесов явился к Элия и попросил:
— Допусти нас на «Голлу».

Элия дал им дозволение,
И все бесы и джинны примчались туда.

Ёрюзмек предстал перед богами,
Рядом с ним стояли девять певцов, девять ряженных,

Девять дудочников, девять барабанщиков,
Девять копьеносцев, девять лучников.

И начались там бесовские пляски,
Повсюду зазвучали бесовские наигрыши.

Ёрюзмек закинул на плечи двух красоток,
Два дня не переставая плясал бесовские пляски.

Скоморохи повскакали на своих коней,
Показали джигитовку.

Нартский «Голлу» бесы посмотрели,
А на рассвете отправились своим путем.

Так прошел нартский «Голлу»,
Нартскому народу доставил он великое веселье.

Вернулись и Тейри на светлые небеса,
Рассказали Тейри Неба о том, что видели.

ГОЛЛУ

Раньше, в древние времена, балкарцы устраивали весной, в месяц Тотура, большой праздник под названием «Голлу». В это время продолжительность дня и ночи равны. По мере приближения этих дней люди начинали спешно готовиться к празднику, особенно молодежь. Девушки гладили свои обновы, юноши кто тренировался, кто кормил своего коня жареной кукурузой, и много еще чего делали. Кроме того, каждое село варило к празднику бузу, пиво, готовило скот на убой.

Была еще так называемая «ночь вставания нартов», когда, как говорили, нарты выходили из могил. А выходили они для того, чтобы посмотреть, как живут их потомки, чем занимаются. Считалось, что каждый из нартов посетит какой-либо дом, поэтому для них готовилось угощение. Кроме того, в каждом доме была большая кукла, напоминающая человека, ее устанавливали у очага, а перед ней ставили кушанья: мол, когда наш нартский предок придет, его душа вселится в эту куклу и отведаст угощения. Называлась эта кукла «царь очага».

Потом люди из всех сел отправлялись на этот праздник, на «Голлу», добирались, кто как мог. Все они, мало ли много ли их было, съезжались на равнину Зына в Верхней Балкарии, там был сбор. Резали скот, ставили вариться мясо, устраивали веселье. Каждый, кто считал себя балкарцем и имел возможность, приходил туда. Там не делали разницы между князем, холопом, батраком, богачом. Кроме того, было еще одно правило: пришедшего с оружием изгоняли с праздника. Если человек не умел себя вести, затевал драку, ему связывали руки и ноги и бросали куда-нибудь под кусты: пусть подумает, поймет, где он находится.

На «Голлу» выбирали самую красивую девушку. Люди располагались кругом, а девушки, стоя посередине этого круга, исполняли песню «Голлу»; в это время распорядители верхом на лошадях осматривали девушек и каждый выбирал одну из них. Девушка, признанная на «Голлу» самой красивой, пользовалась большим почетом, уважением.

Если парень и девушка, влюбившись друг в друга на Голлу, объявляли о своем желании пожениться, никто не мог воспрепятствовать этому, считалось, что их повенчал сам Голлу. А обычай был такой. Девушки на выданье брали по очереди заздравную чашу и передавали ее своим избранникам. Парень должен был выпить и вернуть чашу девушке. Это считалось помолвкой. Свадьбу справляли потом. Кроме этого, юноши состязались — в борьбе, в метании камней, в стрельбе из лука и винтовки, устраивали скачки. Победителей награждали подарками, а они раздарили их девушкам, детям, женщинам.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА «ГОЛЛУ»

Собирались на «Голлу» один раз в год, в начале весны. Этот месяц мы называли месяцем Тотура. В середине месяца Тотура народ собирался вместе и становился на краю пахотного поля. Там были мужчины, женщины, старики, юноши, были и дети. Приходили туда и люди из окрестных селений. Обращались к Голлу с мольбой даровать в этом году хороший урожай на полях. Подвешивали большие котлы, жарили целиком туши жертвенных животных. Привозили бузу и сыра (темное пиво). Потом, когда все люди окрест собрались, выбирали главу. Он назывался «тёречи» («распорядитель»). Он искусно играл на дудке. Когда он начинал играть, люди, взявшись за руки, становились в круг. И так, держась за руки, они начинали плясать под мелодию дудки. Когда тёречи во время пляски говорил: «Левая нога», поднимали левые ноги выше колена, когда он говорил «Правая нога», — правые. Или он говорил: «Нагнитесь!», — и они нагибались. Если же он велел им выпрямиться, встать, они выпрямлялись. Так они плясали, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону. И все вторили словам распорядителя.

Они славословили Голлу и обращались к нему с просьбами. Просили Голлу дать обильный урожай. Скажу те обрывки, что остались в памяти:

Ойра, Голлу, ойра, Голлу!
Ойра, Голлу, ойра, Голлу!

Ойра, Голлу, светлый Голлу!
Ойра, Голлу, имеющий в руках богатство!

Пусть обильно взойдут поля!
Пусть люди не знают нужды!

Пусть полными будут колосья ячменя и овса!
Дай нам вязать снопы большие,
Закончив жатву.

Дай нам возить их на парах быков,
Дай нам громоздить холмы (зерна) на гумне,
Дай нам веять отборную пшеницу лопатами.

Дай нам осенью взмахивать лопатами на гумне,
Пусть лари наши будут полны зерна!

Когда они уставали от пляски, то садились и отдыхали, а потом опять плясали. Группами отведывали от туши жертвенного животного, жаренной целиком. Это было очень большое празднество. Кроме этого, устраивали много игр. Толкали камни, состязались в беге, боролись.

ТАНЕЦ «ГОЛЛУ»

На «Голлу» собирались в первый месяц Тотура, весной, до начала пахотных работ. Резали скот, приносили бузу, пиво. Когда все собирались, распорядитель начинал наигрывать на дудке мелодию песни «Голлу». Взявшись за руки, люди становились в круг и начинали петь и танцевать. Распорядитель, стоя посередине, руководил ими. Если он говорил: «Налево», — люди двигались в левом направлении, если говорил: «Направо», — в правом. Танцевали до усталости, а потом, отдохнув, начинали сначала.

Этот праздник длился целую неделю. Состязались в беге, стрельбе из лука, в метании камней. Если во время празднования «Голлу» парню приглянулась какая-нибудь девушка, он снимал свою шапку и надевал ей на голову. Считалось, что после этого они обвенчаны, родители не имели права возражать.

Там есть один холм, люди собирались туда, юноши и девушки вместе; девушки танцевали, а наблюдавшие выбирали из них самую воспитанную, самую красивую. Ее называли «девушкой, избранной на Тёре».

ГОЛЛУ

А «Голлу» будут плясать красивые девушки!
Ойра, Голлу!
А с увлечением будут петь старые женщины!
Ойра, Голлу!

Кто туда не явился, тех бранят!
Ойра, Голлу!
Все возвращаются с «Голлу», радуясь!
Ойра, Голлу!

О нем (о празднике) рассказывают в селениях!
Ойра, Голлу!
Веселью на «Голлу» завидуют (те, кто там не был)!
Ойра, Голлу!

На «Голлу» люди берут пример (с лучших)!
Ойра, Голлу!

Пусть имя Голлу не исчезнет!
Ойра, Голлу!
Пусть его прекрасный облик не забудется!
Ойра, Голлу!

* * *

В прежние времена проводили празднество «Голлу». Однажды туда на веселье явился какой-то парень. Был он оборван. «Дайте ему бузы», — сказали (старшие). Из-за того, что он был одет в рванье, ни одна девушка не захотела с ним танцевать. Тогда он вдруг скинул лохмотья — и весь оказался одетым в золото и серебро! Потом он пригласил на танец избранную им девушку, сплясал с ней, вскочил на коня с залысиной на лбу, подхватил эту девушку и был таков. Его преследовали, но догнать не смогли. Тогда они сказали: «Пусть его лошадь, подобная лысой горе («къашха тау»), лишится хозяина!» С тех пор наше селение называется Къашхатау.

КАК ПЕРЕСТАЛИ ПРАЗДНОВАТЬ «ГОЛЛУ»

Ежегодно, весной, люди собирались на празднование «Голлу». Это была большая радость. На этом празднике не было разделения на князей, холопов. Это был большой праздник, веселье. По окончании праздника отправлялись в Татартюп, творили моление, и только после этого расходились по домам.

Однажды на этот праздник заявился какой-то юноша в рванье, никому неизвестный. Посадив за праздничный стол вместе со всеми, его накормили, напоили. Потом началось веселье, танцы. Этот парень пригласил на танец какую-то княжну, но она отказала ему: «Стану я танцевать со всяким оборванцем!»

Ничего не сказав, парень ушел оттуда, а через некоторое время появился верхом на коне, и одежда его сияла, как огонь. Подъехав, он схватил эту девушку, кинул ее поперек седла и умчался. После этого, говорят, люди перестали собираться на «Голлу».

* * *

Все базианцы (балкарцы. — *М. Дж.*), конечно, были прежде подданные грузинских владетелей. Они тогда сделались христианами греческого исповедания, что доказывают несколько старых церквей, находившихся в сих округах, празднование воскресных дней, наблюдение великих постов и употребление в пищу свиного мяса. Такая каменная церковь, вышиною в три сажени, находится в Чегемском округе близ Уллу-Ельша. Беременные женщины обыкновенно обещаются заколоть возле нее животное и отдать его на торжественное съедение. Впрочем, не знают тут никакого кумирслужения или многобожия, а веруют в единого Бога, подателя всех благ. Некоторые из знатных приняли мало-помалу магометанскую веру, но не имеют ни мечетей, ни мулл.

И. Гюльденштедт, 1772

* * *

Балкары, населяющие высокие горы по ту сторону Кабарды, говорят на тюркском языке и являются язычниками.

Ян Потоцкий, 1798

* * *

(О балкарцах). Простой народ не имеет, собственно говоря, никакой определенной религии; они почитают Бога, называемого не Аллах, а Тегри, который является творцом блага, а также пророка Илью. Они утверждают, что он часто является на вершине самой высокой горы; они приносят ему с пением и танцами в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво. Они также едят свинину и имеют священные источники, в соседстве с которыми не осмеливаются рубить деревья. Я ничего не мог узнать об их обычае предсказывать успех предприятия и вообще будущее, кроме того, что они, как и многие другие татарские народности, бросают лопатки овец в огонь и предсказывают потом будущее по получающемуся рисунку.

* * *

Все карачаевцы были прежде язычниками, подобно балкарам и чегемам; теперь, однако, между ними не встречается другой веры, кроме магометанской.

Г.-Ю. Клапрот, 1808

31. МИР, ВРЕМЯ

КТО БОЛЬШЕ?

В древние времена жил в наших местах один огромный вол. В то время не было в округе равных ему по величине. Глаза у него были величиной с тележное колесо, а ресницы в пядь длиной. Если он забредал в теснину, рога его задевали ее края и обрушивали скалы. Шагая, он приминал огромные деревья, словно травинки. Он был настолько тяжел, что ноги его увязали даже в твердой земле. Если он начинал пить воду из реки, вода в ней иссякала, и оголялись камни. В жаркий день он хвостом отмахивался от мух в Пятигорье, а языком лизал льды на вершине Минги тау.

В то время в этих местах обитал еще один огромный орел. Как среди животных на земле не было равных тому волу, так среди птиц в небесах не было равного этому орлу. Когти его были как радуга, а яйца величиной с Минги тау. Когда он взлетал, он заслонял солнце и большая часть Кавказа оказывалась в тени. Если, рассердившись, он взмахивал крылом, ветром разрушало скалы, сносило камни.

Шли годы, и вол постарел. Зубы у него выпали, и он не мог уже пережевывать пищу. Совершенно обессилев и будучи не в силах прокормиться, он скончался у подножья горы. Как говорится: «Мертвый – пища для живого», – и к его трупу стали собираться птицы, животные. Каждый урвал себе по куску, могучее тело вола растерзали, а останки истоптали. В это время на трупный запах с шумом прилетел этот орел. Схватив когтями лопатку вола, он поднялся в небо.

В это время в этих местах пас свое стадо один могучий юноша. В его стаде был огромный козел-предводитель. Когда шел дождь или выпадал град, и сам пастух и все его стадо прятались под бороду этого козла.

В тот день, когда умер вол, шел проливной дождь. И юноша, и его стадо укрылись под бородой козла. Козел, стоя, дремал.

Орел, несущий в когтях лопатку, думал, где бы ее съесть, и, приняв рога козла за дерево, приземлился на один из них. Козел, даже не почувствовав, что на его рог кто-то сел, продолжал дремать. Голодный орел начал раздирать лопатку. Пастух спал и видел сны, стадо лежало, жуя жвачку; все ждали, когда закончится дождь.

Через некоторое время пастух проснулся и, высунувшись из-под бороды козла, взглянул на небо, чтобы узнать, закончился ли дождь. Испугавшись его, орел взлетел в небо. Лопатка соскользнула с рога и попала пастуху в глаз. Парень не понял, что это была лопатка, и, подумав, что попала соринка, начал тереть свой глаз. Нельзя было сказать, что глаз сильно болел, но до самого вечера он слезился. Придя вечером домой, он сказал матери: «Соринка что ли мне в глаз попала, что-то он у меня слезится», – и показал глаз матери. «Да, соринка», – сказала мать и, вытащив лопатку из глаза своего сына, отбросила ее подальше. Шли годы, шли дни, лопатку занесло землей, на ней выросла трава, и она превратилась в большую поляну. «Какое красивое место, основать бы здесь село», – думали люди. И со временем там так и сделали. Воды, дров, еды – всего было вдоволь, и село процветало.

Но однажды люди проснулись и увидели, что двери, окна их домов смотрят в другую сторону. Горы, склоны, которые были за селом, были теперь перед ним. Солнце начинало восходить там, где обычно заходило. Пораженные жители села собрались вместе, но не знали, что и сказать. В конце концов старики пришли к выводу, что причиной этому явилось землетрясение. Но село поворачивалось и на другую ночь, и на третью. Тогда народ решил:

— Надо подежурить и узнать, почему каждое утро двери и окна наших домов смотрят в другую сторону.

Ночью все мужчины села вышли и стали сторожить село. Среди ночи явилась огромная лисица, дернула за краешек лопаточной кости, торчащий из-под земли, и село переместилось.

Увидев это, жители поняли, почему село каждую ночь поворачивается. Узнав, что виной всему лисица, рассерженные жители окружили ее. Кто дрыном, кто лопатой они принялись избивать ее и убили на обочине села. Всем селом они содрали шкуру с одного ее бока, но, как ни старались, столько человек не смогло перевернуть ее на другой бок. Притащив шкуру в село, они поделили ее, и всем мужчинам досталось столько, что хватило на оторочку шапки. А про бедную женщину, живущую в хлеву, и про ее сыночка никто и не вспомнил.

Встав утром, эта женщина с веретеном в руках погнала свою корову на выпас и дошла до окраины села. Увидев мертвую лисицу, она своим веретеном небрежно попереворачивала ее, рассматривая. «Интересно, не сгодится ли на шапку для ребенка?» — подумала она, сама содрала шкуру с того бока, с которого не смогли содрать все жители села, принесла домой и примерила на голову своего мальчика. Но если одной половины шкуры хватило на шапки всему селу, то другой половины не хватило даже на оторочку шапки ее новорожденного мальчика.

— Сами вы все приделались, а моему сыночку даже на шапку не оставили, — высказала она обиду жителям села.

— А что делать, мы всем селом взяли полшкуры, и твоему сыночку одному оставили столько же, — возразили они.

А теперь скажите, кто из них больше: вол, который хвостом отмахивается от мух в Пятигорье, в то время как языком лижет льды Минги тау; орел, яйцо которого величиной с Минги тау; козел, под бородой которого укрывались пастух и все его стадо; лисица, которая, желая погрызть лопатку, перемещала целое село на другое место и полшкуры которой хватило на шапки всему селу; женщина, которая веретеном переворачивала на другой бок лисицу, которую не могли перевернуть все жители села вместе, или новорожденный мальчик, которому половины шкуры не хватило на оторочку шапки?

КТО БОЛЬШЕ?

Быка, в тени которого могло отдыхать сто голов крупного скота, унес орел и съел, устроившись между рогами козла из стада старого пастуха; козел в это время жевал жвачку, а старик-пастух прятался от дождя под его бородой. Когда он выглянул, чтобы посмотреть, не перестал ли дождь, лопатка быка попала ему в глаз. «Соринка что ли попала», — подумал

старик и начал тереть свой глаз. Вечером, вернувшись домой, он попросил сноху: «Посмотри, кажется у меня соринка в глазу». «Как же я ночью ее увижу, утром посмотрим», — ответила сноха.

Утром две снохи старика — одна с метлой, другая с лопатой — начали вычищать глаз старика и вытащили лопатку.

Обтерев, они отбросили лопатку в сторону; ее (постепенно) занесло землей, и образовалась большая красивая долина. Сто семей взяли там участки и построили сто домов.

Один край лопатки торчал из-под земли; какая-то лисица повадилась каждую ночь приходить и грызть ее и, дергая, поворачивала село из стороны в сторону, беспокоя людей. Ее застрелил охранник села. Все жители собрались и ободрали шкуру с одного ее бока, а с другого не смогли, потому что лисица была настолько тяжела, что всем селом не смогли перевернуть ее на другой бок. Этой половины шкуры хватило на безрукавки всему селу.

Эту полуободранную лисицу заметила одна женщина, которая прогуливалась, прядя шерсть, и подумала: «Тоба, тоба, почему ее ободрали только с одного боку? Если я обдеру ее, получится безрукавка для моего сына». Она своим веретеном перевернула лисицу на другой бок и рывком содрала оставшийся кусок шкуры. Этого куска как раз хватило на безрукавку для ее сына.

Этот сын ее умер, его похоронили, но, видимо, нехорошо закопали, и его череп торчал наружу.

Десять кабардинцев ехали на подводах, припозднились, увидели глазницу этого черепа и подумали: «Ярабий^{*}, какое прекрасное место для ночевки». Они загнали свои подводы, волов в глазницу, развели огонь, приготовили ужин и спокойно отдохнули до утра.

Утром рано, когда они еще находились там, парень-пастух, проходя мимо, ради забавы просунул свой посох в другую глазницу, приподнял ее и, забросив на плечо, стал подниматься вслед за овцами в гору. Он вспрыгнул на камень, и череп, соскользнув с посоха, упал на землю. И люди, и волы, и повозки, которые были в другой глазнице, выпали наружу, разбились, покатались вниз по склону.

И вот теперь нарты не могут решить, кто из перечисленных мной, больше: бык, козел или пастух?

МИРОВОЕ ДЕРЕВО

Это я слышал давно от стариков в поселке Гягиш (Эльбрус). Они рассказывали, что где-то в самом центре земли растет преогромная ива, крона которой достигает небес, звезд. Листья у нее золотые. Когда рождается человек, на этой иве начинает расти листок, а когда человек умирает, этот листок опадает. Говорили также, что это дерево железное.

ЗОЛОТОЕ ДЕРЕВО

Из колыбельной

Пусть во дворе твоём Золотое Дерево укоренится,
Пусть подъезжающие будут привязывать к нему своих коней!

---

^{*}Ярабий — слово, выражающее любопытство, удивление. (досл. «О мой Господь»).

Листья его копотью покрыты бывают,
В тени его тысячное войско отдыхает.

Верхушка его звезд достигает,
Корни его из Ташлы-Сырты выглядывают.

КАП ТАУЛА – ОГРАЖДАЮЩИЕ (КАВКАЗСКИЕ) ГОРЫ

Земля совершенно круглая. Она окружена горами. Они называются Кап Таула (ограждающие горы). Мы живем посередине, окруженные горами. За Кап Таула живут бесы, джинны, эмегены. В давние времена они приходили оттуда, вредили людям как могли и возвращались обратно. Небо тоже опирается на эти горы, вроде крыши. Под землей тоже есть мир, там живут такие же, как мы, люди. Там тоже есть и Солнце, и Луна. Так я слышал в молодости от стариков.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ЦЕПИ СУДА

В какие-то времена, вероятно, в те века, когда карачаевский народ пребывал в язычестве, кто знает когда, с неба на землю свисала цепь. Ее называли Цепью суда. В те века еще не было суда по закону, и эта Цепь Суда служила народу удивительную службу.

Те, на ком была вина, своровавшие или ограбившие, убившие человека и другие виновные люди, если клялись, (что невиновны), а потом брались за свисавшую цепь, то таковых цепь наказывала параличом.

С теми же, кто никому не причинял беды и вреда, когда они, клянясь, брались за цепь, ничего не случалось. Вот так Суд Цепи избавлял общество от преступников.

С одним бедным горцем случилось так, что вечером у него не оказалось муки даже на один хлеб. Что делать, он не знал. Сосед-богач, на которого он батрачил, подолгу ничего не платил ему за работу, мучил его каждый год.

Тогда он, дождавшись, пока все в селе заснут, встал и забрался в дом богача. В доме он тихонько вывернул одну из петель сундука. Нагнувшись, он взял горсть золотых монет и вернулся к себе. «Великий Тейри, ты меня, наверно, простишь, ты же видел, что я не жадничал, из целого сундука с золотом я взял столько, сколько мне нужно. Ты видишь сам, что мои дети мучаются от голода», – с такой мольбой он направился к дому знакомого мясника. Посреди ночи он разбудил его, дал ему немного золота, купил баранины и заторопился домой, чтобы накормить своих детей.

Мясник заподозрил неладное: «Эге, этот бывалый человек пробрался в чью-то сокровищницу, потому-то и пришел», – подумал он. Бедному горцу выражение лица мясника тоже не понравилось: «Кажется, он понял, откуда я взял золото, – сказал он себе. – Что бы придумать такое, чтобы избавиться от беды? Что, если богач, проведав о моем воровстве, отведет меня к Цепи Суда, заставит поклясться и взяться за цепь, а та меня парализует?»

На рассвете бедный горец взял свой посох и высверлил в рукояти полость. В полость он положил золото, а потом приделал рукоять на место.

Наутро мясник явился в дом богача и спросил: «Так, мол, и так, этот бедняк сегодня ночью заплатил мне золотом и купил у меня мясо. Может, это золото он у тебя украл? Цела ли твоя казна?» Богач пошел, поглядел на свой сундук и увидел, что задняя петля вывернута и целой горсти золота не хватает.

— Никаких сомнений, это дело рук горца-бедняка! — разъярился богач и устремился напрямиком к его дому.

Оба напрямиком направились к цепи. Народ тоже отправился за ними поглазеть на зрелище. Бедняк стал божиться и клясться перед народом, пытаясь уверить в том, что он не брал золота, но никто его клятвам не поверил. Тогда бедняк сказал богачу: «Подержи мой посох, пока я не пойду и не встану под Цепью Суда, поклянусь и намотаю цепь на свою руку, чтобы убедить тебя», — и протянул ему свой посох. Тот взял. Тогда бедняк встал под Цепью Суда и сказал:

— О Великий Тейри, я и своровал, я и вернул хозяину, и теперь ты сжался надо мной. Я берусь за цепь, уповаю на тебя, не парализуй меня, не обращай в золу и уголь!

Страшась, он взялся дрожащей рукой за цепь. Взялся и стоит, цел и невредим. Народ обрадовался — оказывается, бедняк ничего не украл, а его обвинили зря.

— И здесь обманули меня! — разгневался Тейри. — Этот богопротивный народ нашел способ избавиться даже от Суда Цепи!

После этого Тейри на глазах у народа, со звоном смотав цепь, забрал ее обратно на небо. После этого вместо Суда Цепи стали производить суд по закону.

МИРОВОЙ ОКЕАН

По древним верованиям горских народов, солнце опускается на морское дно. В это время оно своим жаром иссушает моря. Вот поэтому землю не затапливает водой. Если бы солнце не погружалось в море и не иссушало его, землю затопило бы, и на ней не было бы жизни. Это море не неподвижно, оно течет куда-то, подобно реке. Само же солнце, когда погружается в море, остывает, не то оно сожгло бы, испепелило бы всю землю.

ДРЕВО ВРЕМЕНИ

Характер человека меняется сообразно возрасту. Исходя из этого, уподобив его повадки животным, говорят:

- (В) пятнадцать — козленок,
- (В) тридцать — лев,
- (В) сорок — тигр,
- (В) шестьдесят — медведь,
- (В) девяносто — глупец.

А год уподобили огромному дереву и составили загадку:

На одном дереве — 12 веток,
На каждой ветке — 30 листьев,
Одна сторона каждого листа — черная,
Другая — белая.

(другой вариант):

На одном дереве — 12 веток,
На каждой ветке — по 30 листьев,
А на каждом листке —
По одной белой
И по одной черной тле.

ВЕСЬ МИР УМЕСТИЛСЯ В ШЕЛУХЕ ПРОСЯНОГО ЗЕРНЫШКА

В один из жарких летних дней два парня работали на гумне. И вот они, усталые, присели на кучу соломы и начали спорить.

— Есть у времени начало? — спросил один.

— Нет, ты оставь это, а лучше скажи, есть ли конец у дали?

— У времени нет ни начала, ни конца, — сказал один.

— У дали нет ни конца, ни края, — сказал второй. Но и время, и даль можно, сжав, уместить в кулаке.

— Нет, это невозможно.

— Возможно. Весь мир уместится в шелухе вот этого просяного зерна.

— Клянусь Тейри, не уместится!

— Клянусь Тейри, уместится!

Переспорить друг друга они не смогли, устали и прекратили спор.

Один из них набрал два ведра воды, поставил их на берегу, а сам решил быстро искупаться. Живо раздевшись, парень-работник нырнул в воду. Но вынырнуть не смог и исчез. Река долго несла его и выбросила на берег в образе кобылы. Эта кобыла пристала к табуну, и за три года ожеребилась тремя жеребятами и выкормила их.

Но потом эта кобыла, отправившись с табуном к водопою, исчезла и вынырнула в другом месте в образе коровы. Эта корова в течение трех лет трижды телилась, давала молоко, а однажды, отправившись с другими коровами на водопой, исчезла.

Река несла ее и выбросила на берег в каком-то месте. Там корова превратилась в женщину, которая потом вышла замуж. За три года родила троих детей и стала хозяйкой дома. Но однажды она отправилась с другими женщинами искупаться и вынырнула в том же месте, где вошла в воду в первый раз, снова превратившись в парня. Два ведра стояли там же, полные воды. «Сильно ли я задержался?» — подумал он и торопливо, взяв ведра, вернулся на гумно. Его товарищ, когда он вернулся, уже начал беспокоиться и глядел ему навстречу.

— Алан, что ты делал до сих пор? День проходит, если не постараемся, свою работу закончить не сможем, — сказал он.

— О том, что я делал, и не спрашивай. С тех пор, как я с тобой расстался, я три года был кобылой и трижды жеребился. Три года был коровой и трижды телился, и меня доили. А три года был женщиной и родил троих детей, — рассказал свою историю парень.

— Но ты же спорил, что мир не уместится в шелухе просяного зерна. Как же ты теперь убедишь меня в том, что пока я сделал один круг по гумну, прошло девять лет?

— Теперь я поверил, — сказал парень.

ПОЧЕМУ С НЕБА НЕ СЫПЛЕТСЯ МУКА

Когда нам было лет 12–13 и мы смотрели, сидя под навесом, как падает первый снег, одна из наших старух сказала: «Прежде, давно, очень давно, вместо этого снега с неба падала мука. Но однажды некая женщина проявила невоспитанность и, набрав горсть этой муки, подтерла промежность своего ребенка. Великий Тейри, разгневанный ее поступком, прекратил выпадение муки и стал насыпать снег».

После этого, хоть и снег был нам приятен, помня слова старика, мы всегда проклинали эту нехорошую женщину.

ОТЧЕГО ИССЯКЛО МОЛОКО

В прежние времена вскипевшее молоко заполняло весь котел. Одна женщина, не зная об этой особенности молока, когда оно стало подниматься, боясь, что оно убежит, стала нещадно дуть на него. Молоко обиделось, осело и иссякло. Вот поэтому дуть на молоко предосудительно.

ПОЧЕМУ МОРЕ СОЛЕННОЕ

Давным-давно жили два брата — один богач, а другой бедняк. Однажды бедный брат отправился к богатому и попросил дать ему тарелку крупы. Богач отказал. Бедняк вышел из его дома опечаленный и шел по дороге, как вдруг ему встретился какой-то человечек с хлебцем в руке.

— Что ходишь? — спросил человечек.

Парень рассказал ему о своей бедности — так, мол, и так.

— На, возьми этот хлебец и ступай в Загорье (Тау Арты, кар.-балк. название Закавказья). Там живут маленькие люди.

Бедный брат перевалил в Загорье и встретил тех самых маленьких людей. Они разговорились и познакомились.

— Дай нам это! — попросили они у него хлебец все вместе.

— Отдам, отдам, если вы дадите мне то, что я хочу, — сказал парень.

— Говори, дадим тебе все, что ты пожелаешь, — сказали маленькие люди.

— Отдайте мне вашу чудесную мельничку!

Отдали. Бедный брат взял мельничку и вернулся домой. А это была такая мельница (ручная): что ты пожелаешь, то из нее и появлялось. Благодаря мельничке бедный брат разбогател.

Богатый брат стал завидовать обогащению бедного брата. Он украл мельничку, сел на какой-то корабль и пустился в бегство.

Он попросил у мельнички всего и сразу и стал крутить ее. А мельничка стала безостановочно извергать соль. Не уместаясь на корабле, соль стала пересыпаться за борт в море. И вот вдруг поднялась буря, и корабль,

который под тяжестью груза соли плыл еле-еле, утонул в море. Но говорят, что мельничка на дне моря и по сей день безостановочно извергает из себя соль. И соль эта, растворяясь, все время делает все море соленым.

БАЛДРАЖЮЗ

«Будь там, будь здесь, но в балдражюз будь дома!» – так говорится в поговорке. Балдражюзом называют одну неделю весны в период равноденствия, когда стоит непогода. Говорят, что балдражюз сокрушается: «Эх, если бы не запах весны, бьющий в ноздри, я бы заморозил дровосека на заготовке дров, водоноса – на речке, косаря – на покосе, свернул бы рога пятилетнему быку!»

ПРИМЕТЫ

Раньше, начиная сев, старались, чтобы зерно попало в землю до обеда. Считалось плохой приметой засеивать поле после обеда. Засеивать поле поручали молодому человеку. Считали, что поле, засеянное старым человеком, даст плохой урожай.

* * *

Пеленки и одежду грудного ребенка не оставляли на улице.

* * *

В период между вечерним и ночным намазом детей не выпускали на улицу. «Ранним рассветом драконы рыдают, синим вечером волки воют», – говорили старики.

* * *

«Аллах разделил день на три части: для работы, для отдыха, для служения Аллаху», – говорили старики.

* * *

Новое дело было принято начинать в понедельник, четверг или воскресенье.

* * *

Говорили, что, начав любое дело в понедельник, добьешься успеха.

* * *

«В понедельник не беритесь за иголку, не занимайтесь шитьем, (не то) на скот нападут волки», – говорили старики.

* * *

В понедельник и четверг хорошо заниматься кройкой одежды. В среду одежду не кроили, считая его тяжелым днем.

* * *

Во вторник и среду не очень желательно было выходить в дорогу.

* * *

Во вторник старики не разрешали сажать дерево и начинать постройку нового дома.

* * *

Во вторник не выходили на поле, считая его «жадным днем».

* * *

В среду не перегоняли скот на другое пастбище.

* * *

Невесту старались ввести в дом в пятницу.

* * *

В пятницу не работали. Особенно нежелательно было пряхть.

* * *

Если в пятницу покушаешь еды, которая оставалась в посуде, неприкрытой крышкой, в доме не будет достатка.

* * *

Говорили, что если ребенку дать имя в воскресенье или субботу, его жизнь будет счастливой.

* * *

Если в субботу дашь кому-нибудь огня (на растопку), жена будет сварливой, изобилие в доме иссякнет.

* * *

Если пострижешь ногти в субботу, исчезнет достаток.

* * *

Некоторые фамилии в субботу не резали скот, считая, что в таком случае на скотину нападут волки.

* * *

Почему-то не любили, если ребенок рождался в первую среду нового месяца.

* * *

Балкарцы и карачаевцы считали, что любое дело, большое или малое, пойдет удачнее, если начать его в новолуние. Окончание работы тоже

старались приурочить к новолунию. Не любили заканчивать работу в последние дни месяца.

* * *

Первые волосы ребенка старались постричь в новолуние.

* * *

Считалось очень плохой приметой в новолуние сердиться на кого-нибудь, затевать ссору.

ВТОРНИК – ДЕНЬ ГЕОРГИЯ

Вторник однажды послал гонца к Аллаху с вопросом:

– Отчего Он сделал так, что люди его, вторник, так невзлюбили?

Аллах ответил:

– Если я и сделал тебя таким никчемным в этом мире, то в мире ином я сделаю так, что всех умерших во вторник людей, не допрашивая, пропущу в рай и этим возвышу тебя, – и с этими словами отправил гонца обратно.

ДВЕНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЖИВОТНЫЙ ЦИКЛ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРЦЕВ

- 1996 – Чычхан жыл – год Мыши
- 1997 – Сыйыр (Ийнек) жыл – год Коровы
- 1998 – Къаплан жыл – год Тигра
- 1999 – Къоян жыл – год Зайца
- 2000 – Балыкъ жыл – год Рыбы
- 2001 – Жилиян жыл – год Змеи
- 2002 – Ат (Бис) жыл – год Лошади (Кобылы)
- 2003 – Къой жыл – год Овцы
- 2004 – Маймул жыл – год Обезьяны
- 2005 – Къуш жыл – год Орла
- 2006 – Ит жыл – год Собаки
- 2007 – Тонгуз жыл – год Свиньи

Про каждый из этих двенадцати годов было присловье. Годы Зайца, Змеи, Лошади считались плохими годами, в эти годы случался голод, разные бедствия. Говорили, например: «Год Зайца – голодный год». Урожайными, сытыми годами считались годы Коровы, Свиньи, Собаки, Тигра: «Год свиньи – изобильный год», «Год Коровы – спокойный год».

НАЗВАНИЯ МЕСЯЦЕВ

Акътон ай (белошубый), Башил ай (месяц св. Василия) – январь
Бурул ай, Байрым ай (месяц Байрым (св. девы Марии) – февраль
Балдыр ай, Тотурну ал айы (первый месяц Тотура (св. Федора) – март

Луккур ай (месяц сохи), Тотурну арт айы – (второй месяц Тотура) – апрель

Готман ай (неуклюжий месяц?), Хычауман ай – май

Башкъусхан ай (месяц цветения), Никкол ай (месяц св. Николая) – июнь

Бузчачар ай (градоносный), Элия ай (месяц Элии (св. Ильи – ?) – июль

Къыркъар ай (месяц стрижки) – август

Къыркъауз ай (месяц св. Георгия) – сентябрь

Согъум ай (месяц осеннего забоя скота), Этыйыкъ ай – месяц жертвоприношений) – октябрь

Аргъыш ай (месяц заготовки хлеба на зиму), Абустолну ал айы (первый месяц Апостолов) – ноябрь

Алтайгъыр ай, Абустолну арт айы (второй месяц Апостолов) – декабрь

32. ЧЕЛОВЕК

ЗЕМЛЯ

После того, как сотворил мир, Великий Тейри спросил у воздуха: «Каким ты будешь?» Он ответил: «Каким захочу, таким и буду!» Так же ответила и вода. Земля же ответила: «Какой ты скажешь, такой и буду». После этого Тейри почтил землю и сотворил из нее человека.

Поэтому земля отличается от воздуха и воды. У земли есть сок, питающий все живое. Раньше у земли было много сока, поэтому и травы, и деревья, и животные, и люди были огромными. Но постепенно сок земли иссякает, и все живое мельчает.

РОЖДЕННЫЕ ИЗ РАКУШКИ

Адам, мужчина, родился из ракушки, вышел из нее. А Хауа Тейри создал, взяв у Адама ребро с левого бока. Они жили как муж с женой, и Хауа родила двадцать пять сыновей и двадцать пять дочерей. Они тоже обзавелись семьями, и от них произошло человечество.

ЧЕЛОВЕК

Когда Тейри создал человека, в его теле было 444 косточек и хрящей и 4440 кровеносных сосудов. Душа человека в его крови, все передается по крови, от родителей. Адам и Хауа раньше жили в раю. Потом, после изгнания оттуда, они долго не могли найти друг друга. Помогла им встретиться ласточка. Поэтому ласточку нельзя трогать (убивать).

ДУША

Движителем всего, основой жизни является душа. Она есть и у человека, и у животных. Сама душа находится в крови, поэтому, когда человек истекает кровью, он умирает. Некоторые утверждали, что душа есть и у деревьев, трав, не знаю, правы они или нет.

Помню, косили мы однажды, а один прохожий посмотрел на нас и сказал: — Оуй, сколько душ вы губите!

На что наш старший засмеялся и возразил:

— А ты попробуй прожить, не губя их, если силен!

Человек — самый главный из всех живых существ, он царствует над всем миром. Поэтому и говорят: «Бог животных — человек».

АДАМ И ХАУА

После того, как Всевышний Аллах сотворил Адама и Хауа, он показал им рай и сказал: «Все это, все, что здесь находится, — ваше, находится в вашей власти. Ешьте и пейте, что хотите, гуляйте, где хотите. Но вот на растущее здесь пшеничное поле не заходите и зерен той пшеницы не ешьте».

Какое-то время Адам и Хауа жили так, как велел Всевышний Аллах, но однажды не удержались и, любопытствуя, почему Аллах запретил им эту пшеницу, пошли (на поле) и стали есть пшеничные зерна полными горстями; и тогда Аллах спросил их: «Что это вы делаете?» Они оба испугались и спрятали зерна, которые были в их горстях — между ног и подмышками. Тогда Аллах велел им: «Шагните-ка и подойдите ко мне». Только они направились к Нему, зерна посыпались, и дело стало ясным. За это Аллах изгнал их из рая. С тех пор на тех местах, где они прятали зерна, у каждого мужчины и каждой женщины стали расти волосы, так как все люди являются потомками Адама и Хауа.

ДАРЫ ТЕЙРИ

Мир, землю, воду, небеса, животных создал Тейри. В конце он создал человека и сделал его хозяином всей земли. Потом он подумал: «Каждое животное, каждый зверь каким-либо способом добывает себе пропитание. Труднее всех приходится человеку, надо ему помочь», — и сделал ему семь подарков.

Первый его подарок был талант. Человек, лишенный таланта, не может толком ничего сделать. Нет людей, у которых не было бы никакого таланта, поэтому каждый должен заниматься тем, к чему у него есть способности. А для того, чтобы человек знал, что делать, что говорить, разуместь, Тейри дал ему ум. Глупый человек мало чем отличается от животного, он похож на спящего на ходу.

Третьим подарком Тейри человеку было мужество. Жизнь — штука тяжелая, трус не способен ничего сотворить, и жизнь его не жизнь, а существование. Человек, имеющий мужество, полагается и на себя, и на других, воодушевляет своих друзей, родственников.

Тейри дал еще человеку чувство меры. Во всем нужна мера. Любое дело при чрезмерном усердии, несоблюдении меры может обернуться обратной стороной. Не лучше этого и дело, не доведенное до конца.

Не ограничившись этим, Тейри дал человеку совесть. Бессовестный человек подобен скоту, что бы он ни сотворил, он не знает за собой вины, не краснеет, сердце его непугливо.

Надежда, цель — один из самых ценных подарков Тейри. Человек, не

стремящийся ни к чему, не желающий ничего добиться, не понимает смысла жизни, живет безвкусно.

Самый большой подарок Тейри – это вера. Человек без веры лишен опоры; замысли он какое-нибудь преступление, кого он постесняется – он, не стесняющийся Аллаха? Он не ведает, что после смерти душе его придется держать ответ, и делает (в этой жизни) все, что ему хочется. Кто не носит в сердце Аллаха, у того не бывает человечности.

ХАБИЛ И АБИЛ

Тейри создал Адама и Хауа из глины. Хауа рожала близнецов, каждый раз мальчика и девочку. За первого родившегося мальчика, его звали Хабил, они хотели выдать девочку, родившуюся второй, а за мальчика, родившегося вторым, Абиля – девочку, которая родилась первой. Сестра Хабил была очень красива, и он не захотел отдать ее за младшего брата. Когда Хабил, убив Абиля, чтобы не отдавать за него сестру, стоял над его телом, не зная, что делать, он увидел, как ворона закапывает в землю своего вороненка. Тогда он похоронил брата и сам женился на своей сестре-близняшке.

ПРОСЬБА НАРТСКИХ ЖЕНЩИН

Известно, что у женщин каждый месяц бывают кровотечения. Но раньше, во времена нарттов, это было присуще не женщинам, а мужчинам. И однажды, когда на них напали враги и нартты готовились к сражению, у их предводителя началась эта болезнь. Нарты не знали, что делать. Тогда нартские женщины обратились с мольбой к Тейри: «О, Тейри-Создатель, заведи эту тягость у мужчин и взвали на нас!» С тех пор это бывает у женщин.

ЗВЕЗДА СУДЬБЫ

Говорят, у каждого на небе есть своя звезда. Если во время его жизни она светит ярко, все у него идет на лад, все получается. Если же она тускнеет, то все у него не ладится, он начинает болеть, в любом деле начнутся помехи. Эта звезда падает за год до смерти человека. Поэтому говорят: «Звезда его смерти погасла». Заметив падающую звезду, никому нельзя говорить об этом, это плохая примета. Иногда у человека в ушах появляется какой-то шум. Это значит, что умер какой-то твой знакомый, и его звезда пролетела рядом с твоей, это шум его звезды.

ОРЕЛ-БОГООТСТУПНИК

Давным-давно был один орел-богоотступник, Анко. Он похвалился перед царем: «Я сделаю так, что двое людей, которым предназначено быть вместе, не будут вместе». Тогда царь сказал: «В четверг родятся мальчик и девочка. Им предназначено жить вместе. Попробуй, если сможешь, помешать судьбе!»

Прошло время, и, как и говорил царь, в четверг в одном городе родился мальчик, а в другом городе родилась девочка. Их показали Анко: «У них одна судьба!» Орел Анко днем и ночью беспрестанно наблюдал за ними. Царь сказал Анко:

— Если ты сможешь изменить их судьбу, все, что ты пожелаешь из того, что есть на земле, — твое. Если же нет, я прикажу заковать твои крылья и ноги в кандалы и забросить тебя за Кап Тау (окружающие землю горы), где ты и проведешь свой век, не имея возможности выбраться оттуда.

Услышав слова царя, Анко еще более укрепился в своем намерении.

Однажды, когда девочке исполнилось лет девять-десять, Анко, подлетев, схватил ее, поднялся в воздух, отнес ее в совершенно безлюдное место на расстоянии в год пути и оставил в пещере среди скал. Девочка стала жить в пещере.

Теперь перейдем к мальчику. Он сказал отцу:

— Отец, дай мне хорошее оружие и хорошего коня!

— Что ты будешь с ними делать? — спросил отец.

— Мне надоело сидеть тут и копать в золе, я хочу побродить по горам, развеяться!

Парень отправился в путь. Он странствовал в течение года и дошел до леса, посредине которого высилась огромная скала. Такая высокая, что не видно было вершины. В ближайшем окружении не было видно ни жилищ, ни людей. Парень заметил в скале пещеру. Он поднялся туда и встал удивленный: на полу пещеры высилась целая гора костей. «Я проехал расстояние в целый год пути, так не уйду же отсюда, не узнав, что за зверь живет в этой пещере», — сказал он сам себе.

Он прирезал своего коня, выбросил внутренности, а сам влез в шкуру и зашил ее, оставив только маленькую дырочку, чтобы видеть происходящее. Он наблюдал в глазок, когда прилетел невиданной величины орел, схватил тушу коня и поднялся в пещеру.

Это была ночь, когда юноша и девушка должны были соединиться. Анко, оставив мясо коня на пропитание девушке, полетел к царю.

Он сказал:

— Вот, я изменил предначертание, сегодня пятница, ночь венчания.

Царь послал своего слугу к отцу юноши.

— Где твой сын? Его требует к себе царь! — сказал слуга царя отцу юноши.

— Мой сын отправился на охоту. Сегодня ночью исполняется год, как он уехал. Под ним была лошадь с лысиной на лбу, кроме того, у него было оружие, мой золотой лук. В ожидании его глаза мои ослепли.

Вернувшись, слуга передал царю слова отца юноши.

Царь спросил у Анко:

— В тех местах, где ты бывал, ты не заметил охотника на лошади с лысиной на лбу?

— Нет, в местах, где я бывал, я такого охотника не заметил. Среди скал, где я живу, под пещерой я увидел тушу гнедого коня с лысиной, отнес и оставил ее в пещере, а охотника не видел. — ответил Анко.

Царь тотчас приказал:

— Возьми с собой двух моих слуг и быстро привезите сюда этого коня.

Анко, посадив слуг царя себе на спину, улетел. Расстояние в год пути он преодолел за час. Под скалой они ничего не нашли. Анко залетел в пещеру и быстро вылетел оттуда, чтобы слуги царя не видели скрываемую им девушку. Взяв коня и слуг, он полетел обратно, к царю.

Царь призвал к себе отца юноши и показал ему коня. «Это конь моего сына!» – сказал отец юноши и заплакал.

Он начал гладить шкуру коня и обнаружил на животе шов. Шкуру распорол и увидел там спящих юношу и девушку. Их вытащили оттуда и в ту же ночь обвенчали.

Таким образом, орел Анко не смог изменить судьбу. Дав слово, что никогда не перейдет по эту сторону Кап Тау, он улетел за гору. Его теперь называют орел-богоотступник.

КТО ПОБЕДИТ?

Холод, Сон и Голод заспорили. Холод сказал: «Сильнее меня на свете нет никого, и того, кого я не смогу победить, не победит никто».

– Нет, – сказал Сон, – я сильнее тебя, и того, кого не смогу победить я, не победит никто.

– Я сильнее вас обоих, сильнее меня на свете ничего не являлось, – так сказал Голод.

И когда они, не зная, где испытать свою силу, стали бродить по окрестностям, то наткнулись на мальчика, сидевшего между двух стад в сенной трухе и дрожащего от холода. «Вот мы и нашли того, на ком можем испытать свою силу! – сказали спорщики. – Ну-ка, Холод, примись за него!»

Они дали ослабевшему от голода мальчику, сидевшему в сенной трухе, кусок хлеба и решили, что победителем будет тот, кто заставит его забыть о еде.

Буран, кружась и воя, как пес, покрыл всю округу инеем. Мальчик, поочередно грея за пазухой озябшие ручонки, не переставая грыз свой хлебец. Голод обрадовался: «Теперь ты видишь свою силу, Холод? Ну, как, приятель?»

– А теперь испытаю свою силу я, – сказал Сон. Взялся он за мальчика, и вот тот сел на кучу трухи, задремал и выронил свой хлебец. Так победа досталась Сну.

ЗЕМЛЯ И ТЕЙРИ

После того, как Тейри создал мир, шло время, и люди начали возделывать поля, раздирать землю плугами. Земля сильно страдала, и она пожаловалась Тейри на людей:

– Зачем они меня мучают, сдирают мою шкуру. Скажи им что-нибудь!

Тогда Тейри сказал ей так, принял такое решение:

– Правда, тебе приходится трудно, и так будет продолжаться долго, до светопреставления. Но все, порожденное тобой, вышедшее из твоего лона, вернется в тебя. Поэтому терпи.

Так он ее утешил.

БОРОНОВАНИЕ

Прежние люди не только не умели бороновать, но даже не знали, что такое борона. Однажды два соседа посеяли пшеницу, но у одного поле взшло лучше, чем у другого. Тот позавидовал и ночью, взяв грабли, отправился на хорошо взошедшее поле. Там этот завистливый человек, шагая назад и вперед, прочесал граблями поле соседа до полной черноты. «Пусть мое лицо будет черным (т.е. его вымажут сажей в наказание за позорный поступок. — *Х. Дж.*), если на твоём поле проклюнется хоть один колосок!» — сказал он сам себе.

Но поле взшло еще лучше и осенью дало небывалый урожай. На другой год завистливый сосед пробороновал граблями и свое поле. Заметив, что его поле тоже обильно всколосилось, он рассказал о своем поступке, совершенном из зависти, на основной площади. После этого каждый человек стал свое поле бороновать.

* * *

(Ниже приводятся тексты нартских сказаний в переложении В. Гатцука, знавшего карачаево-балкарский язык. Вероятно, он намеревался создать сводный текст «Нартиады» и включил в карачаево-балкарские сказания детали из других вариантов эпоса; по этой причине в текстах вместо Тейри фигурирует кабардинское божество Тха, кабардинское же название горы Эльбрус — Ошхамахо и упоминаются «Царехова кольчуга» и «Бидасов шлем» из осетинского эпоса. — *М. Дж.*)

ПРО ПЕРВОГО НАРТА ДЕВЕТА ЗОЛОТОГО

Господин над богами, Тха великий, всемогущий,
Так сказал-подумал, озирая мир, им сотворенный:

«Вот, мной создано небо — оно вышло из уст моих дыханья;
А по небу бродят тучи — то дым моей трубки;

А сквозь дым вьются искры — блестящие, чистые звезды;
Вот — кругом земли — беспредельное море.

Повелел я — и быстрые реки зашумели,
Разлились по земле, что я сделал из клочка моей кожи,

Прорвались сквозь горы, что я создал из осколка моей кости...
Дал земле я травы, из волос моих выросли деревья.

Вот летают птицы, рыщут вольные звери.
Неужели все это я оставлю эмегенам?

Все отдам на радость тем злым великанам,
Что из моей желчи против моей воли народились,

Против воли моей народились,
Назло мне по земле расплодились.

Так говорил-думал Тха великий, всемогущий,
Озирая с грустью мир земной, цветущий.

И тогда у бога в сердце, что печалью омрачилось,
Новое создание для земли родилось;

Нартов род могучий тот начал человек,
Для него своего сердца часть великий Тха отсек.

Золотым Деветом назвал он того первого нарта,
И его поселил у подножья великой горы Ошхомахо,

Обучил его хитрому делу – добывать железо.
Из земли добывать, с углем в сталь обжигать,

И оружие из стали ковать.
И сработал тот вечный коваль Царехову кольчугу,

Еще выковал дивный шелом, что Бидасовым назван,
Да и шашка-сырпын – тоже старого Девета изделие.

Под шеломом тем витязь ужасен врагу,
В непробивной той кольчуге сердце труса к бою рвется;

Той старой шашкой я, старый слепец, рассеку
Великана-гору, что Гурджишь (Казбек) зовется.

СЫНОВЬЯ ДЕВЕТА – ГУ И ЦЕХНИ

Старому нарту Девету Золотому –
На почет старику, на крепость его дому

Даровал Тха великий девятнадцать сынов,
Девятнадцать сыновей, удалых голов,

Всемогущих нартов, славных удальцов.
Старшему сыну, Алавгану – после всех жениться,

Про него и слово пусть после говорится...
А скажу-ка я про первое горе, что на человека пало:

Про несчастную долю молодцов Гу и Цехни,
Сыновей Девета, по Алавгане старших.

Ой вы, славные молодцы, вы нарты лихие!
По вас плакала земля, плакали камни и пески сухие:

Первая тут людская кровь пролилась,
Тут на друга-брата родная рука поднялась.

Гу, второй сын Девета, пас отцовское стадо;
Цехни – третий, – ходил со стрелами и с луком,

По горам ходил, по лесам бродил,
Птиц, зверей бил; старика-отца дичиной кормил.

Раз, за общей едой, у семейного огня
Стал Цехни похваляться,
Похваляться стал и над братом смеяться:

«Эх, и зорок же мой глаз, верны мои стрелы:
На седьмой горе я нынче оленя заприметил,

А с шестой – и стрелой его отметил.
Вот, тебе бы, брат Гу, да за зверем пойти,

Ты, должно быть, у стада-то сидючи,
Да вокруг себя, на овец лишь глядячи,

И подслеповат стал и на слух не без изъяна.
Эй, гляди, украдут у тебя лучшего барана!»

На ту шутку старший брат меньшому ласково ответил:
«Ох ты, сокол мой зоркий, волк мой быстроногий,

Уж куда мне, убогому, – да с тобой равняться!
Мое дело спокойное: где тут вору взяться».

Темной ночью, сквозь чащу кустов
Цехни к стаду ползет;
Он змеей ползет – ветки не двинет, стебля не качнет.

«И потешусь же я завтра над братом,
Как он хватится искать своих баранов!»

А пастух привычный, Гу не дремлет, не спит,
У костра сидит – чутким ухом стадо сторожит.

Ему чудится шорох. Где шорох – он не знает;
Хоть не знает, а разумом смекает:

«Это брат мой Цехни к стаду подползает!
Хочет он надо мной, над старшим, посмеяться.
Дай-ка сам я над ним подшучу – заставлю испугаться».

И, вскочивши, крикнул Гу – словно гром грянул,
От того богатырского крика скалы песком разлетались.

И свой лук натянувши, пустил черную стрелу без прицела;
Понеслась стрела, словно буря, взвыла, заревела.

А нартовскому кличу, вою черной стрелы
Чей-то стон протяжный ответил из чалы (плетня).

На колени себе голову положивши,
Держит Гу холодеющее тело:

Насквозь братнина грудь оперенной стрелою пробита,
И ключом на ранах светло-алая кровь –
Словно пена, вскипает...

Нет у слез у нартов, голоса для плача,
Им, железногрудым, не дал Тха и речи,
Чтоб печаль и горе высказать словами.

А по милом брате, по любимом друге тяжело Гу тоскует.
К его телу холодному всей грудью припал,
Припал и горюет:

Нет слез, нету слов, тяжело сердце бьется,
Заплакать бы, зарыдать бы – иль грудь разорвется.

И владыка богов, Тха великий, всемогущий,
Его горю исход положил, дал волю оплакивать брата:

Обратил он Гу в белую чайку,
В быстроскрылую чайку морскую с светло-алою грудью, –
Как была его грудь алой братниной кровью залита, –

И с тех пор над волнами красногрудая чайка летает,
Одинокое летает – по убитом брате жалобно рыдает.

КАК ВОШЛО ЗЛО В НАРТОВСКИЙ РОД

Вы скажите мне, предвечные горы,
Тайну глав своих хранящие от века исполины,

Ты поведай мне, вод земных владыка,
Говорливый старик – полное неведомого море, –

Не свои вы мне тайны расскажите,
Вы откройте мне тайну чужую:

Как родилось зло среди чистых нартов?
Злобу, зависть, черную измену

Кто занес, посеял в тот род беспорочный,
Что из сердца Тха великого родился?

Ревом волн мне отвечало море,
Мне в ответ вершины гор загрохотали:

«Впору нам беречь свои-то тайны,
Об чужих и знать нам нет охоты!

А спроси, старик, коль хочешь, ветра,
Он из края в край земли летает,
Знай летает – все чужое знает».

– У старого нарта, у Девета Золотого
Девятнадцать сынов народилось
(Дочерей считать – не нартово дело).

Как вступал молодец в мужеский возраст,
По обычаю ему голову брили,

Надевали оружие, на коня садили, –
И теперь ведь у нас так же ведется...

Только, вот какой еще был у нартвобычай:
Когда молодцу голову брили,

Наделяли оружием, на коня садили –
В ту пору не его, а младшего брата женили.

И выросли братья, сыновья Девета Золотого,
Все переженились, у них дети и внуки родились;

Лишь старшему, Алавгану, все жениться пора не пришла,
Все пора не пришла, хоть давно уж она и ушла.

Половина волос у нарта побелела,
Сетью старости лицо его покрылось,

Одинокый, сумрачный он бродит,
Словно зубр-одинец заматерелый,

И в своем роду уж нет ему невесты.
Дразнят дети старика холостого:

«Слышно, нарт, ты прясть уж научился;
Ткать учись – без бабы сам стань бабой,
Чтобы голым щеголять не довелось!»

А большие, меж собою ссорясь,
«Счастье Алавгана» – как проклятье сулят.

Не стерпел Алавган такого поруганья,
И пошел старый сын к древнему Девету.

Войдя, шапку снял, перед постелью стал
И отцу поклонился, так речь держал:

«Отпусти меня, батюшка, на дальний Север ехать,
Избивать безбожных эмегенов.

Надо мною уж люди смеются,
Что я, дома сидя, просидел свою нартовоудаль».

Сыну Алавгану так Девет ответил,
И был мудр тот ответ прозорливого старца:

«Коли едешь ты, сын, в наезд на эмегенов,
Заслужить коль хочешь перед Тха-владыкой,

Что, создав нас, крепко заповедал
Не щадить того проклятого отродья, —

Я на тебя дам мое благословенье,
Дам благословенье — а с ним все вооружение:

Шлем Бидаса, Царехову кольчугу
И сырпын, богатырскую шашку, —

Я для старшего в роде их сковал-сработал.
И коня я дам тебе — вещего Гемуду.

Скован конь тот мной из черной стали,
Оживлен Тха-владыки дуновеньем
И стоит — ждет хозяина — в глубоком подземелье...

Все я дам тебе. Ты же дай мне клятву,
Что из стороны безбожных эмегенов

Никого сюда не приведешь живого, —
Приведешь ты гибель нартовскому роду.

Дай мне клятву, сын. И клятву ту исполни,
Хоть меня, вернувшись, в живых уже не застанешь!»

И Алавган старику-отцу поклялся,
Отъезжая, дал ему крепкое нартовское слово,

Что из стороны безбожных эмегенов
Ничего он к нартам не ввезет живого.

То не черная туча с гор несется,
Над холодной степью, молнией блистая,

И не гром гремит сквозь завыванье бури, —
То могучий нарт на коне своем вещем Гемуде
Беспощадно громит эмегенов.

Его шашка — сырпын, как молния, блещет,
Словно гром, гремят его удары,
Сквозь предсмертный вой и стон сраженных.

Поднялись в степи горы из трупов,
Разлились в ней реки — реки черной крови.

Вдаль, на страшный Север, в мертвые пустыни,
Обезумев, бегут живые эмегены,

А за ними, как день за ночью,
Неотступно идет и неизбежно
Мчится нарт Алавган на чалом Гемуде,

И свистящим, ярко блещущим сырпыном
Рассекает на части отсталых.

У широкой реки, у славного Идиля
Натянул нарт Гемуде поводья:

На ту сторону, в песчаные пустыни
Нет пути – кому жизнь надоела...

Осадил коня. Глядь – в пещере под обрывом
Притаились трое великанов:

Старик с сыном прячут котел древний, закопченный,
Не велик котел и не мал:

Сорок быков в нем сварится;
С сорока котел медными ушками,

А старуха вход в пещеру зашивает;
Камень с камнем сшивает, иглой быстро точает, –
А игла-то с вековую сосну...

Крикнул нарт на коня, из ножен шашку вырвал
И помчался вниз к прибрежной пещере.

Вдруг на середине той реки Идиля
Поднялась над водой голова девы-эмегены, –
Точно угли, под ресницами очи сверкают...

«Слушай, нарт Алавган, не губи моих близких, –
Говорит ему та красавица-дива, –

Я к тебе, старику холостому выйду,
Не побрезгаю твоею седою бородою, –

Так и быть, бери меня женою,
Хоть на свете нет меня красивее и стройнее!»

Ничего ей старый нарт не ответил,
Покосился на нее исподлобья,

И смахнул, – слегка лишь двинув шашкой,
С шеи голову сына-эмегена.

Из воды красавица по пояс показалась;
Словно тополь, ее стан высок и строен,

Белей горного снега ее тело, –
Она молит нарта, к нему руки простирая:

«Хоть отца-то с матерью оставь мне,
Нарт могучий. Пожалей их старость!

Погляди; иль я тебе не нравлюсь?
Где ты видел лучше грудь и шею,

Стан стройнее и круглее руки?
Эта грудь к тебе крепко прижмется,

Эти руки вокруг шеи твоей обовьются,
Вся твоей я буду!». Но нарт не поддался,

Оторвал насильно взор от искушенья
И, нахмутив брови, стиснув гневно зубы,
Старика-эмегена разрубил с размаха...

Застонала красавица, громко зарыдала,
И, на камень из воды поднявшись,
Вся Алавгану показалась.

«Господин мой, вот — я твоя рабыня,
Если мать хоть, старуху, пощадишь ты...

Если ж нет, я тотчас кинусь в воду:
Утонув, красоту свою рыбам отдам я,
Они все ж не холоднее тебя, камня!»

Закружилось все в глазах у Алавгана,
В голове его словно молоты забили, —

И рукою за грудь ухватившись,
Там, где сердце, что птичка, трепетало, —
Так промолвил старик языком иссохшим:

«Пусть живет. Пусть старуха уходит!
Только ты приди! Приди ко мне скорее».

Лишь сказал Алавган те речи,
Вдруг кольчуга грудь его сжала,

Его голову шлем отвернул от девицы,
И сырпын сам в руке на старуху поднялся,

А отцовский конь, вещий Гемуда,
Сильно в камень копытом ударив,
Ему молвил человеческой речью:

«Помни, нарт, ту великую клятву,
Что отцу ты дал перед отъездом...»

Но уже девица к берегу подходит,
На песок выходит, наготой блистая...

И презрел Алавган ту великую клятву,
Что он дал отцу, из дому уезжая,

Сломал старый нарт свое крепкое слово:
Эмегену-деву на руки хватает,

К груди прижимает, на коня сажает,
Чтоб везти ее в нартовскую землю,

Чтоб отродье безбожных эмегенов,
На беду, ввести в свой чистый дом женою.
На коня он с собой сажает эмегену.

Не сдержал того бремени Гемуда,
Словно лук, его стальной хребет согнулся,

Задрожали, подогнулись его ноги,
И промолвил конь речью людскою:

«Господин мой, сын безгрешного Девета,
А обоих вас нести мне не по силам!

Ты послушай, нарт, мое доброе слово:
Чем хребет мой сломать под эмегеной,

Ты меня нагрузи дорогой добычей, —
Тем котлом с сорока медными ушками,
Что старик-эмеген в пещере спрятал.

В тот котел и мяса класть не надо:
Лишь водой налить да огонь разложить, —
Сорока быков наполнится он мясом,

И покуда в доме Алигата, —
В доме старшего над нартами рода, —
На святой цепи котел висит прикован,

Будет крепко племя славных нартвов,
Да и голода мук не узнает».

Пока речь ту держал вещей Гемуда,
Эмегена не промолвила ни слова,

Только, злобно глазами сверкая
На него, скрипела белыми зубами.

А как смолк он, она так сказала
Алавгану, криво усмехнувшись:

«Все, бывало, муж давал за жену выкуп,
А теперь — жена дает за мужа!

Что ж, бери котел мой: без него-то,
Видно, нарт, жены ты не прокормишь!»

Принял нарт Алавган совет Гемуды,
Из пещеры котел чудесный вынул

И, взвалив его себе на плечи,
Словно раб, пошел, от бремени сгибаясь
У ноги чаровницы-эмегены.

А красавица, с гордою усмешкой,
На коне, красуясь, госпожою едет...

Ой, спасибо тебе, милостивой смерти!
От чистого ..... тьмой закрывшись,
Ты позор тот от него закрыла!

В. Гатцук, 1906

БАЛКАРСКАЯ ЛЕГЕНДА О ТВОРЕНИИ ЖЕНЩИНЫ

(Примечание Г. Малявкина о балкарцах: «Официально они считаются исповедующими магометанскую религию, но по своим верованиям и суевериям они ближе к языческому мировоззрению с примесью христианских и магометанских извращенных религиозных верований»).

В далекую прошлую пору, когда еще только зачинался свет, Творец мира – Аллах сотворил весь видимый мир, и, наконец, в последний день своего творения сотворил и человека – мужчину. Ходит человек по первозданному саду, распоряжается всем, над всеми дана ему власть...

Темная сила, глава шайтанов (чертей, – он уже существовал тогда) – Ибелиз – был однажды у Аллаха и начал подсмеиваться над ним... «Эко, – говорит, – творил, творил, столько времени, а кончил все же несовершенным созданием: и некрасив, и груб, и толстая кожа на всем теле, и неуклюж твой человек... Только и отличается от животных, что говорит... Что это за лице! Что за движение! Нет, это не совершенство... Вот я сотворю полное совершенство. Завидно будет тебе».

Так хвастливо говорил глава шайтанов Аллаху. Аллах же ничего не ответил. «Посмотрим, – думал он, – как ты обойдешься без меня». Действительно, Ибелиз начал создавать существо высшее, чем мужчина... Взял так же, как и Аллах, глину и вылепил из нее полное совершенство: чудные очертания лица, совершенные контуры всего тела, прекрасные руки с длинными тонкими пальцами. Лицо отливало нежно-розовым румянцем. Тонкая, почти прозрачная кожа с мелкими синими жилками покрывала роскошное тело. Да, это было чудо творения, полная противоположность мужчине! Совершенный образ красоты, – это была первозданная женщина.

Но какое уныние! Ибелиз не мог вдохнуть жизнь в свое творение. Безжизненны, мертвы были черты великолепно изваянного лица, очаровательного стана. Много времени промучился глава шайтанов над ожив-

лением своего творения, но нет, он не в силах был дать ему жизнь. Грусть и бесконечная злоба охватили его. «Как! — думал он, — неужели же я должен поклониться Аллаху и попросить его силы для оживления моего создания?! Нет, я сам оживлю его». И вновь бесплодные мучения... Чудное создание поэтической мечты не оживало, а безжизненным пластом лежало, как прикованное к той земле, из которой оно было сотворено...

Ибелиз решил тогда прибегнуть к хитрости. Начал он подсматривать за Аллахом (своеобразный взгляд на взаимные отношения двух сил. Этот взгляд свойственен, скорее всего, конечно, язычникам). И вот он увидел, что Аллах оживляет свои творения через «дудочку»... Сначала Ибелиз стал просить у Аллаха дудочку. Но Аллах прогнал его. «Ты, — говорит, — задумал без меня, без моего произволения дать жизнь, вот видишь, что ты не можешь этого сделать... Ты сам творение, — как же ты решаешься творить...»

Злобный дух, однако, не попросил прощения у Аллаха... Душа его была мрачна. Светлые движения ей не были доступны. Он так и остался непокорным, но своего дела не оставил... Однажды Аллах отдался отдохновению, и Ибелиз, следивший постоянно за ним, украл дудочку и дунул в свое создание... Встало чудное, поэтическое творение и начало по воле темной силы смущать мужчину... Гибнут целые тысячи людей от действия этой носительницы шайтановой силы... И еще больше погибло бы людей, если бы не божья дудочка... Злой дух шайтана очистился, проходя через дудочку.

— И потому-то у женщины тело дьявольское, а дух Божеский, — с убеждением произнес горец.

Г. Малявкин, 1893

КАРАНДАШИ ЭЛТУРГЕН КАБИЛЬ

Шакман кладет последний поклон, подходит ко мне. Долго смотрит на месяц и как бы про себя говорит:

— Идет, идет, и нет конца его пути таусулмагъан сафар (нескончаемому странствию).

— Кто? — спрашиваю я.

— Карандаши эльтурген Кабиль (братоубийца Каин), — отвечает он и, указывая рукой на месяц, говорит:

— Посмотри, как он согнулся...

Я всматриваюсь в темные пятна на месяце и мне начинает казаться, что я вижу на нем очертания человеческой фигуры — огромной и как бы согнувшейся.

— Видишь? — спрашивает Шакман.

— Вижу, — отвечаю я. — Но как попал Каин на месяц?

— Божья воля на то, — вздыхает Шакман и рассказывает легенду о том, как впервые пролилась на земле человеческая кровь.

Строен был Авель, как молодое деревцо, лицом красив и нежен душой. Пас он овец отца своего, и когда играл на свирели, с гор спускалась девушка и, стоя в отдалении, слушала его игру.

Видел цветок в степи? На него была похожа девушка, и вспыхивали

ее щеки, блестели черные глаза, когда Авель улыбался ей. Но пуглива, как серна, была она, и едва приближался к ней Авель, она, прыгая с камня на камень, уходила в горы и пряталась в пещерах их.

Подобно старому дубу, был крепок Каин, брат Авеля. Большая сила была в нем, и звери лесные и степные боялись его, потому что, искусно метая тяжелые камни, убивал он их. Возделывая землю, он был лицом черен, как земля. И увидел он девушку гор, красотой ее поразился.

— Возьму ее в жены себе, — сказал он и бросился к ней, чтобы схватить ее, но она быстро скрылась в горах.

И спрятался Каин в высокой траве, притаился и ждал девушку.

И заиграл Авель на свирели, звуки ее достигли гор, и девушка, пугливо озираясь, спустилась в долину.

По траве пополз Каин, потом вскочил на ноги, к девушке кинулся. Громко вскрикнула она в испуге, заметалась, к горам своим побежала. А Каин уже настигал ее.

И стало жаль Авелю девушку, взмахнул он длинной палкой, бросил ее под ноги брату, и споткнулся Каин, чуть было не упал, а тем временем девушка успела подняться в горы. Гневом закипело сердце Каина, зарычал он и руку на брата поднял. Как лань бегал Авель и от гнева брата на горах спрятался. И, не видя его, громко закричал Каин:

— Брат Авель, брат, рожденный моей матерью, послушай меня.

И голос Авеля с гор отвечал:

— Говори, брат...

И Каин сказал:

— Не будем ссориться из-за женщины, брат мой; пусть Бог скажет, чьей женой она должна быть: принесем мы жертвы свои, и чья жертва угодна будет Богу, тот и возьмет себе в жены женщину гор. Сойди ко мне, брат, Бог свидетель, не трону я тебя.

И Авель поверил Каину, сошел с гор, молодого барашка в жертву принес, и жертвенный огонь пожрал его.

И Каин принес жертву от плодов земных, которые возделывал. И не горели дрова в его жертвеннике, только дымили, и целые оставались жертвенные плоды. Омрачилась душа Каина, и в гневе ударил он камнем брата и убил его, и пролилась на землю кровь Авеля, заплакала, застонала жалобой к Богу. Набежали черные тучи, засверкала молния, и голос Бога, подобный грому, воззвал к братоубийце:

— Каин, Каин! Зачем ты убил брата своего Авеля?

И не смея лица своего поднять, отвечал Каин:

— Господи, не я убил брата Авеля, он сам убил себя...

И в гневе великом Бог сказал Каину:

— Да будешь ты проклят! Иди, и нет прощения твоему греху!...

И поднял Каин тело брата своего, возложил на плечи свои и пошел. Кончился день, настала ночь, а Каин все шел и шел и тело Авеля нес. День сменялся ночью, ночь — днем; время бежало, как воды горного ручья; проходили годы, века, тысячелетия, а Каин все шел с ношею своею и не было смерти ему, и голода не чувствовал он, и ноги его усталости не знали. И всю землю обошел он. Была измучена душа его, и не было у него слез, чтобы обмыть муки ее. И к Богу взмолился он:

— Господи! Господи! Велик мой грех, но и страдания мои велики: нет

меры, нет конца им. Тысячи лет прошли, всю землю я обошел, а душа моя полна мук. Знаю, нет прощения греху моему, но дай мне, Господи, в утешение слезы горючие.

И услышал Бог мольбу Каина и сказал ему:

– Вижу страдания твои, Каин, и даю тебе в утешение слезы кровавые. Всю землю ты обошел, обойди месяц, звезды, солнце, и простится тебе грех твой...

И силой слова Божья перенесен был Каин на месяц и ходит он там тысячи лет и в тоске плачет кровавыми слезами.

Шакман умолкает, смотрит на месяц, высоко поднявшийся над далеким лесом.

– Оттого месяц красный бывает, что кровью Каина он залит, – говорит Шакман. И фантазия, навеянная легендой, уносится с земли в иной, неведомый мир, где одинокий с отчаянием в душе тысячелетиями бродит проклятый Богом человек.

А ночь задумалась над серебристыми горами, над заснувшей долиной.

Е. Баранов, 1912

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АК-СУЕК

(Легенда записана в Хуламе. В прежнее время горские таубии именовались *ак-сук* (*ак* – «белый», *сук* – «кость»).

В давно минувшие времена, когда нынешние обитатели горных ущелий рр. Баксана, Чегема, Череха и Урвани были все равны и за отсутствием высших сословий не имели над собою никакой власти, жил в одном из указанных ущелий вдовец-старик с единственной дочерью. Старик был набожный, богобоязненный и нравы и обычаи страны оберегал в неприкосновенной чистоте. Он часто посещал кладбище и так его полюбил, что почти ежедневно ухаживал за ним: расчищал дорожки, выдергивал сорные травы, поправлял могилки и надгробные камни и т.п.

Однажды при своих обычных занятиях на кладбище старик в одном небольшом углублении, образовавшемся от размыва горных потоков, нашел человеческий череп. Подняв его, старик прочитал на нем надпись: «При жизни мой обладатель погубил сто душ и мне, мертвой голове, роком предопределено погубить тоже сто душ...». Призадумался старик над этой зловещей надписью. «Нет, не бывать этому душегубству, думал про себя старик; но как это сделать? Одно средство остается: уничтожить череп, обратить его в пепел и этот пепел развеять по ветру».

Зажег старик костер, и когда он изрядно разгорелся, бросил туда череп. Запылал череп ярким серебристым огнем; и к крайнему изумлению старика, череп почти весь истлел, только одна небольшая часть кости никак не могла сгореть, а напротив, чем больше горела, тем все белее и белее становилась. Делать было нечего, пришлось вынуть из огня белую кость и уничтожить иным способом, ибо так оставить – значило бы потворствовать предопределенному злу. Тогда старик истолок остаток черепа в мелкий порошок, завернул его в тряпку и отдал своей дочери на сбережение, крепко-накрепко заказав хранить его, как зеницу ока.

Вскорости после происшествия с человеческим черепом набожный старик по примеру благочестивых мусульман отправился в Мекку на поклонение гробу Магомета. Покуда старик молился Богу в Мекке, в это время его дочь сильно заболела; с течением времени болезнь все больше и больше обострялась. Неимоверные страдания, причиненные болезнью, внушили бедной девушке мысль, что она уже не выздоровеет и должна умереть. «Если это так, то чем скорее, тем лучше, — думала она, — по крайней мере избавлюсь от невыносимых мучений». Она вспомнила о порошке белой кости и, полагая, что это не что иное, как сильный яд, развела его в воде и выпила смесь. Белая кость совершила двойное чудо: больная не только не умерла, но быстро стала выздоравливать и, окончательно выздоровевши, забеременела.

Это последнее обстоятельство как громом поразило несчастную девушку. Как! — она, скромная девушка, дочь благочестивого и высоконравственного отца, и вдруг беременна! Что скажут на «нагише» мужчины и у родников женщины? Несчастная жертва белой кости считала себя окончательно погибшей. И действительно, как только беременность стала заметна, а прикрыть ее не было возможности, пошли в народе пересуды и сплетни всякого рода.

В это злосчастное для бедной девушки время возвратился с богомолья ее отец. Он обомлел от ужаса и горя, увидев свою дочь в таком непривлекательном положении, а тут еще к его услугам подросли кумовья и кумушки со своими сплетнями, приукрашивая их выдумками возмутительного характера. Блюдя чистоту нравов, старик пришел к заключению, что такое ужасное, неслыханное преступление может быть искуплено только смертью, и он решил сам убить свою дочь, о чем ей и объявил.

«Да, отец, я заслужила назначенную тобою казнь, не исполнив твой завет; но прежде чем казнить, выслушай меня и суди». И бедная девушка рассказала, как было дело. Тогда отец пощадил свою дочь.

Когда настало время, девушка родила прекрасного мальчика. Мальчик, подрастая, все хорошел и хорошел на радость матери и деда. В школьном возрасте мальчика отдали в ученье в город, где жил царь, к одному опытному учителю. Мальчик был очень понятливый, учился прекрасно, и учитель не мог на него нарадоваться.

Однажды уличные мальчишки поймали в реке золотую рыбку и понесли ее в подарок к царице. Узнавши об этом, царица послала гонца спросить, не к мужскому ли полу принадлежит рыбка, и если к мужскому, то она отказывается принять ее, ибо она дала обет кроме мужа не видеть не только мужчин, но и животных, принадлежащих к этому полу. Рыбка оказалась самцом. Когда рыбка узнала об отказе царицы принять ее, она высоко вспрыгнула вверх, шлепнулась опять в чашку с водой и умерла.

Такое необычайное происшествие с золотой рыбкой сделалось известным царю. Он захотел узнать причину смерти рыбки, для чего созвал ученых и в том числе учителя мальчика. Царь категорически объявил ученым, что если они не разгадают причину смерти рыбки, он их казнит. Ученые просили отсрочку, которую и получили. Долго ученые ломали свои головы, но из этого никакого толку не выходило: загадка оставалась неразгаданной. Учитель, весь углубленный в книги, ища решение задачи, совсем забросил учение с мальчиком.

Однажды мальчик обратился к своему учителю с следующими словами: «Скажи, учитель, какие причины тому, что ты уже давно перестал со мною заниматься и с глубокой думой все роешься в ученых книгах? Скажи, в чем дело, — может быть, я помогу тебе». Учитель рассказал своему ученику историю с золотой рыбкой и с грустью прибавил: «Теперь настал срок дать ответ царю, но так как задача осталась нерешенной, то наши головы падут от руки палача». — «Не кручинься, мой дорогой учитель, решение задачи для меня ясно; поведи меня к царю, и я ему разгадаю загадку». Учитель в словах мальчика видел не более как похвальбу, но так или иначе, а хуже того, что уже есть — не будет; поэтому он решил взять мальчика в царский дворец.

Наступил срок, и ученые с поникшими головами и сильной тревогой явились во дворец и с трепетом ожидали выхода царя. Туда же пришли учитель со своим учеником. Вышел царь и строгим голосом обратился к ученым, спрашивая, разрешили ли они заданную задачу. Тогда учитель, выступив вперед, с низким поклоном обратился к царю с речью: «Государь, решение заданной нам задачи настолько просто, что не заслуживает, чтобы ученые люди занимались такими пустяками, ибо каждый мальчик может легко разрешить эту загадку, в доказательство чего вот мой ученик ее разгадает».

Изумленный такой неожиданностью, царь приказал мальчику рассказать то, что он знает.

«Государь, — сказал мальчик: — прошу, не добивайтесь горькой для вас истины, но если вы настаиваете, то я не иначе передам это вам, как с глазу на глаз, без посторонних свидетелей». Еще более изумленный, царь приказал всем присутствующим удалиться. Тогда мальчик так сказал: «Государь, рыбка поведала мне следующее: «Когда я узнала, говорила рыбка, что царица отказывается меня принять, потому что я самец, я была крайне огорчена и опечалена. Что я могу, маленькая ничтожная рыбка, сделать дурного царице, которая, прикрываясь благочестием и целомудрием, развратничает в роскошных чертогах, устроенных под дворцом, с прекрасными юношами, число которых сто? Я не могу, подобно людям, пережить такое лицемерие и добровольно лишаю себя жизни». С этими словами рыбка подпрыгнула высоко вверх, ударилась о чашку с водой и умерла. Вот и теперь, государь, прибавил мальчик, все фрейлины твоей царицы в числе ста — переодетые юноши».

Разгневанный царь немедленно сделал обыск, и все сказанное мальчиком подтвердилось. Тогда царь приказал сто юношей казнить, а жену привязать к четырем неукам-лошадям, которые разорвали ее на куски. Само собою разумеется, царь щедро наградил мальчика и отпустил его с миром. Таким образом, что было предопределено надписью на человеческом черепе, пунктуально сбылось. По окончании учения мальчик уже взрослым молодым человеком вернулся в горы, куда уже достигла весть о его умных подвигах. Свой народ принял его с большим почетом, сделал его старшиною. От него пошли «Ак-суеки», что значит белая кость.

Н. П. Тульчинский, 1903

33. ЗОЛОТАЯ ЧАША, ЗМЕИНАЯ БУСИНА

ЗМЕИНАЯ БУСИНА

У змей есть царь, его называют Малике-маран или Шах-маран. У него во рту или на голове есть змеиная бусина. Бусина эта чуть больше плода шиповника, синевато-зеленая, в крапинку. Если взять эту бусину в рот, то начнешь понимать речь любого зверя, и они также поймут твою речь. Стоит только приложить ее, она заживляет любую рану, излечивает любую болезнь.

Змеиный царь небольшой, кожа у него красноватая. Сам он не ползает, а возлежит в хрустальной тарелочке, которую целый год носит на голове другая змея. В определенное время года змеи собираются вместе и начинают драться, выяснять, кто станет змеиным царем в будущем году, кто будет обладать бусиной. Которая из них побеждает, та и становится царем. Отнимать эту бусину у змеиного царя нельзя, он должен отдать ее сам. Надо бросить перед ним красную тряпицу или бечевку, тогда змеиный царь сам выплевывает бусину и уползает.

Говорят, такая бусина была в роду Абдуллаевых из Верхнего Баксана. Многие пытались купить ее, предлагали за нее породистого жеребца, но те не соглашались.

АГУНА

...Через несколько дней Сосурук, взяв себе в товарищи четырех нартов, зашел в замок эмегена, перерыл его сокровищницу и, собрав все, привез нартам. Нарты, вручив Сосуруку чашу мужества Агуна, устроили большое торжество.

НАРТСКАЯ ПАЛКА (ЧАША)

Чаша мужества Агуна

В древности были нарты,
Самым главным у них
Был Деует.
Он, сжимая, выдавливал
Из камней железо.
Этот умелый кузнец
Знал язык трав, животных.

Однажды Деует для нартов
Изготовил палку (чашу).
Она была из красного дерева,
Эту палку (чашу) не любили эмегены,
Убегали от ее запаха,
Потому что, насколько я слышал,
Эта палка (чаша) на эмегенов
Насылала болезни.
Она была для них отравой,

А для нартов — лекарством.
Нарты, выходя с этой палкой (чашей),
Сражались с эмегенами.
Эмегены умирали, говорят, от яда этой палки (чаши).
А на битву нарты
Выходили с такими словами:

— Красная палка (чаша), ядовитая палка (чаша),
Эмегена свали, палка (чаша)!

Пусть расстанутся с жизнью, едва их коснешься,
Испусти свой яд, прикоснувшись к ним!

Ты — палка (чаша) нартского Тейри,
(Ты) — копыто коня Дулдур,
(Ты) — челюсть старого оленя!

Эмегены, пусть вас смерть истребит,
Пусть ваш род исчезнет,
Пусть нартские селения отдохнут от вас,
Пусть иссохнет ваш корень!

Красная палка (чаша), рази, палка (чаша),
Эмегенов уничтожай, палка (чаша)!

Было и благопожелание нартов этой палке (чаше):

Красная палка (чаша), благословенная палка (чаша),
Палка (чаша) — благословение Страны Нартов,
Нартским селениям помогающая палка (чаша)!

Уничтожающая мор,
Дарующее отдохновение от бед,
Истребляющая наших врагов,
Заставляющая их выть, как голодных волков!

Пусть завяжется узел голода,
Пусть его пояс стиснет его поясничный позвонок,
Пусть эмеген покинет верховье реки!

Ты палка (чаша), дарованная нашим Тейри,
Любимица Страны Нартов!

Изготовленная нартом Деуетом,
Изгоняющая болезни,
Палка (чаша) жизни, любимая больше души,
Ты любимица народа нартов!

ЖИН ТАУ — ГОРА ДЖИННА

Давным-давным-давно в каменных замках, в сёлах и городах, расположенных в долине Лаба, жили люди. Пропахивая на крутых склонах поперечные борозды, они закладывали поля, из желтой меди изготавлива-

ли котлы, а из глины — посуду. По берегу реки, а в некоторых местах через скалы они проложили широкую дорогу. Путешественники, объездившие полмира, вступив в долину Лаба и увидев горные луга, вдохнув воздух сосновых лесов, услышав звон ручейков, начинавших журчать от дуновения ветерка, веющего с белоснежных горных вершин, повстречав гостеприимных людей, начинали распрягать своих лошадей и устраивали незапланированный привал. А потом в своих далеких странствиях рассказывали об этой удивительной долине.

Живущие в долине прикладывали много сил, чтобы содержать дороги в порядке: очищали от снега, камней, наносимых потоками, строили мосты через бурные реки, защищали купеческие караваны от грабителей.

Если в местах, где стояли караульные, зажигался огонь, люди знали, что приближается враг, и все мужчины, взяв в руки оружие, щиты, выступали навстречу врагу. У них были железные шлемы, железные мечи, копья, и они в каждом сражении одолевали врагов. Слухи о храбрости и мужестве живущих в долине распространились по всему миру, и все перестали с ними враждовать. На берегах большой реки воцарилась мирная жизнь, но счастье длилось недолго.

Откуда-то из жарких мест явился джинн с золотым посохом. Он обосновался у места слияния речушки, текущей по ущелью, с большой рекой.

Джинн днем отдыхал, а ночью занимался набегничеством: брал в плен людей, отнимал зерно, скотину, ковры, котлы, грабил купцов. Сопровождавшихся ему он убивал, остальных делал своими рабами. Красивых женщин и девушек продавал в далекие страны, а мужчин заставлял копать пещеры и строить под землей замки. Каждую ночь в долине слышны были крики взывающих о помощи людей. Люди не раз выходили на борьбу с ним, но каждый раз победителем выходил джинн. Смелчаки впустую махали мечами — золотой посох ослеплял их, а выпущенная из лука стрела отскакивала от него и поражала выпустившего ее. После каждого сражения в долине увеличивалось количество могил и уменьшалось количество сел и городов; и с каждым разом увеличивалась дань, которую платили джинну.

Все свое богатство джинн обращал в золото и добавлял его к своему посоху. Посох его был столь огромен и так сиял на солнце, что джинну не стоило никакого труда выигрывать сражения — стоило ему только направить свой посох на дерзнувших сразиться с ним, и свет посоха испепелял их.

Долина обезлюдела. Перестали ездить купцы, путешественники, они выбрали себе другие дороги. Поля не возделывались и заросли травой.

Дороги размыло водой, мосты снесло. Эта горькая весть дошла до матери нартов — мудрой, доброй Сатанай. Она послала на помощь своего сына Дауата.

Для схватки с джинном Дауат заказал себе меч из черного-пречерного железа. Дауат и джинн сошлись рано утром у подножья горы, там, где сейчас расположено селцо Рожкау. Словно птица, взлетев на гору, джинн начал сбрасывать оттуда камни. Спасаясь от камней, конь нарта скакал по вершинам гор; Дауат осыпал джинна стрелами величиной с жерди.

Взошло солнце. Обрадовавшись, джинн своим посохом направил солнечные лучи на нарта, но его черный железный меч погасил их. Изловчившись, Дауат своим мечом нанес удар по посоху джинна. От звука этого удара потрескались вершины гор, искры сверкнули, словно молнии, а посох джинна распался на куски. Утративший свою силу джинн растворился в воздухе, исчез. Мало-помалу люди стали возвращаться в долину, но таких красивых городов, как раньше, не построили. По их дорогам не ходили уже богатые купцы, не колосились, как прежде, нивы. А осколки золотого посоха джинна люди добывают и сегодня, промывая песок, глину. После смерти джинна его сокровища, хранившиеся в подземных замках, превратились в камни, а гору эту стали называть Горой Джинна.

ЗОЛОТОЙ КОВШ

Время нартов было временем, когда люди были счастливы. Жители Кавказа не убивали ни диких, ни домашних животных, трава оставалась зеленой целый год. Не было болезней, больно жалящих людей слепней. Красивые, смелые, добрые, трудолюбивые нарты не зарились на имущество других народов, защищали свой скот, свою землю, свои дома.

Обладатель несметных богатств Иблис, вредивший жителям гор чем только мог, мечтал о том, чтобы разрушить страну нартов. Насылал на них облака, наполненные градом и снегом, выпускал огненные стрелы-молнии. Насылал ураганы, жестокие морозы, засуху. И тем не менее ничего не мог поделать с нартами. Нарты преодолевали любые трудности. Когда солнце начинало выжигать нивы, траву, леса, нарты рыли канавы и орошали поля. На зиму заготавливали достаточное количество сена. Когда реки выходили из берегов, жили в пещерах, а чтобы не страдать от холода, всегда сохраняли огонь.

Силу нартам придавал золотой ковш. Вода, налитая в этот ковш, придавала выпившему ее силу, мощь, сметливость. Наполненный водой, он сам вздымал в воздух и подлетал ко рту человека, говорившего правду, лжецов же он даже близко к себе не подпускал. Слухи об удивительном ковше распространились по всему миру (букв. — по всем четырем мирам). Многие мечтали завладеть им. Из чужих краев стекалось множество врагов, от топота копыт сотрясалась долина, летали стрелы, слышался скрежет мечей. При нашествии врагов нарты отставляли соху, бросали другие свои дела и, взяв в руки оружие, начинали сражаться. Количество мечтавших прибрать к рукам золотой ковш не уменьшалось, а потому и сражениям не было конца.

Желая спрятать золотой ковш так, чтобы ни единая душа не смогла его найти, нарты решили построить замок на выступе крутой скалы у истока реки Амгата. К замку взбирались по лестнице. А место, где была приставлена лестница, днем и ночью не моргая охраняли караульные.

В замке нарты поселили девушку по имени Ай (Луна). Ковш девушка положила в сундук. Ночью она на нем спала, а днем сидела на нем и пряла ровницы из шерсти золотого барана. Золотыми нитками девушка нашивала на праздничную одежду нартов родовые знаки. Девушка вставала с сундука единственно для того, чтобы сходить к реке и помыть

шерсть. Так как в замке не было других женщин, Ай порядком скучала. Так прошло много лет. Слухи об удивительном замке распространились по свету. Больше не было желающих завладеть удивительным ковшем. В горы пришло спокойствие. Но коварный, жадный Иблис задумал прибавить к рукам этот ковш.

Однажды Ай спустилась к реке Амгата и начала мыть шерсть. Иблис в это время проходил по берегу. Заметив девушку, он подобрался поближе, спрятался за камень и долго не мог оторвать от нее глаз, любуясь ее красотой. Он был очарован девушкой. «Может, украсть ее?» — пришло ему в голову. Но затем он подумал: «Нет, надо влюбить ее в себя, тогда через нее я и до золотого ковша доберусь».

Иблис ударился об камень и в мгновение ока превратился в красивого парня. Ай, увидев его, собралась было убежать или позвать караульного. Но замороженная красивыми, вежливыми словами парня, немного постояла, слушая его. Перед уходом она дала понять парню, что каждый день в обед она приходит сюда мыть шерсть или стирать одежду. С этого дня в образе красивого парня Иблис начал встречаться на берегу реки с девушкой, а через некоторое время начал говорить ей о своей любви.

Первое время Ай не придавала значения его словам, затем начала прислушиваться, а вскоре его речи начали так ей нравиться, что она боялась, как бы он не замолчал. Только расставшись, она спешила снова встретиться с ним. Едва рассветет, она выходила из замка и начинала с нетерпением высматривать красивого юношу.

В одну из встреч юноша сказал, что он не сможет днем прийти сюда, но вечером подойдет к подножью скалы. Девушка сообщила ему, что на ночь ворота замка запираются, что перед заходом солнца лестницы вытягивают наверх, а потому нет никакой возможности выбраться из замка. «Не беда, ты стань на стену замку, опусти вниз свои косы, и я взберусь по ним», — ответил юноша.

Девушка сделала так, как он сказал. Когда в замке все успокоилось, девушка опустила вниз свои косы. Иблис нарезал из лещины жердочек, и, вставляя их между двух кос, сделал себе лестницу, по которой взобрался на стену замка. Оба они вошли в комнату, где Ай пряла золотые ровницы. Юноша выразил желание выпить воды из золотого ковша. Ай принесла ему воды в волшебном ковше нартов. Иблис, не мешкая, принял свой обычный облик, засунул ковш за пояс, схватил девушку, спрыгнул со стены, сел на своего крылатого коня и умчался.

Пока стража, поняв, что случилось, суежилась, седлая коней, Иблис успел далеко уйти. От его богатырского коня не осталось даже следа. К счастью, в руках у Ай остался клочок золотой шерсти, и она, отщипывая от него куски, бросала их на землю, чтобы нарты узнали, куда поехал Иблис. Вся дорога от земли до неба освещалась кусочками шерсти золотого барана. Только слепой не заметил бы их. Тем не менее кони нартов поднялись на небеса, сами же богатыри остались на земле.

Они пускали стрелы, но стрелы не долетали до Иблиса, а только, задев синь небес, отколупывали от нее куски. Упав на землю, эти куски превратились в ярко-голубые озера. Пускали нарты и огненные стрелы, но они, не долетая до Иблиса, теряли свою силу и падали на землю.

Ай, от обиды на свою судьбу, безудержно плакала. Иблис хотел сде-

лать ее своей женой. Согласно лучше умереть, Ай бросилась вниз. Но Иблис не дал ей упасть на землю и превратил ее в Луну. А ковш Иблис спрятал на небесах. Золотой ковш находится в семи днях езды на коне от созвездия Жетегейле (Большая Медведица).

Оставшись без золотого ковша, нарты исчерпали свои силы. Иблис посеял между ними алчность, лень, коварство. Нарты пытались бороться с этим, но проиграли. Каждый из них любой ценой старался урвать себе побольше скота, земли, и таким образом между ними начались раздоры. Истошив свои силы в сражениях между собой, многие из них погибли, а некоторые превратились в горы, которые мы сегодня называем Машук, Минги Тау, Мусса-Ачытара, Тегин, Казбек, Ушта.

Старики говорили, что у самой красивой балкарки (карачаевки) родится мальчик-богатырь. Он достанет из-под развалин замка Амгата лук нартов и стрелой собьет с небес золотой ковш. Когда ковш упадет на землю, люди выпьют из него нартской воды, между ними наступит взаимопонимание, и они будут жить в мире.

ВЫШЕ ПОЯСА – ДЕВУШКА, НИЖЕ – ЗМЕЯ

Давным-давно жил бедный парень по имени Темрюка. Однажды он, странствуя, забрел в одно село. Побыв там немного, он сказал сельчанам:

– Мне нужно как-то кормить себя, дайте мне работу.

Стал он пасти скот. Сельчане сказали:

– Надо тебе стать семейным, – и женили его. Прошло некоторое время. Однажды Темрюке показалось, что жена его плохо себя чувствует, и он спросил:

– Что с тобой, ты болеешь?

– Да, – ответила она, – у меня будет ребенок.

Через некоторое время она умерла при родах.

По обычаям того села, вместе с умершей женой должны были похоронить и мужа.

Темрюка был поражен, испуган. Как он ни просил, его отвели и вместе с трупом жены сбросили в глубокую яму. Но перед этим в руки ему дали кусок хлеба и чашу с айраном. На этом он продержался несколько дней.

Однажды он услышал, что из угла раздаются какие-то звуки. Подойдя поближе, он увидел, что волчья стая грызет кости умерших. Он испуганно отскочил назад, а потом начал кидать в них чем попадая. Волки, рыча, побежали по какой-то тропе, ведущей вверх и пропали. Подойдя туда, парень увидел, что в том месте, куда убежали волки, пробивается свет. Он направился по тропинке туда. Пройдя немного, он вышел наружу и, обрадованный, пошел в противоположном от села направлении.

Шел он, шел и, сильно устав, присел на пригорке отдохнуть. «Куда бы теперь пойти?» – думал он, как вдруг заметил вдалеке какой-то огонек. – «Будь, что будет, пойду туда, там наверняка кто-то живет», – решил он и направился в ту сторону. К вечеру он добрался туда. Посреди большой долины стоял замок, окруженный железной загородкой.

– Эй, есть тут кто? – закричал он.

Из замка вышло существо, которое выше пояса было девушкой, а

ниже – змеей. Темрюка онемел и стоял в полной растерянности. Девушка спросила:

– Что ты ходишь, бродишь, откуда ты взялся? Никогда еще в места, где я живу, не ступала нога человека.

– Я – бедный странник, скитаюсь, спасая свою жизнь, – сказал Темрюка.

Девушка поверила ему.

– Заходи, я помогу тебе, чем могу, – сказала она. – Теперь ты меня увидел, но если расскажешь кому-нибудь об этом, смерть твоя будет быстрой. Я одинока, и ты одинок. Люди обязательно будут спрашивать, не видел ли ты такую-то девушку, но ты не говори им обо мне.

Темрюка довольно долго прожил с этой девушкой.

– Мне надо идти, – сказал он однажды и собрался в дорогу.

Шел он, шел и пришел в село, где жил раньше. Никто его не узнал. Но эфенди, желая узнать, кто этот незнакомец, раскрыл свою книгу (Коран), чтобы погадать. И сразу же узнал, кто он такой и откуда пришел; узнал он и то, что юноша видел удивительное существо, которое выше пояса было девушкой, а ниже – змеей. Собрав народ, эфенди сказал:

– Этот человек видел то самое диво дивное, которое мы ищем и не можем найти.

– Где ты ее видел, говори, – приказали ему.

– Да нет, откуда, не видел я ее, – стал все отрицать Темрюка.

– Нет, ты видел ее, говори! – стали они настаивать. – И пригрозили: «Если не скажешь – убьем».

Поняв, что он ничего не скажет, его привели к виселице и уже хотели выбить из-под ног стул, когда юноша сказал:

– Постойте, я все расскажу.

– Тогда давай, веди нас к ней, – сказали они.

– Нет, лучше я пойду сначала один, задержу ее до вашего прихода, чтобы она не скрылась куда-нибудь, – сказал юноша. Он поклялся, чем только можно, чтобы их убедить, и они поверили. Вернувшись к девушке, он рассказал, что случилось.

– Я знала, что это произойдет, – сказала девушка, – что рано или поздно меня поймают. Ты тоже несчастный, одинокий человек. Меня уже все равно убьют, так пусть уж хоть ты проживешь. Вот тебе мое завещание: когда меня захотят убить, горло мне перережь ты сам. Потом, аккуратно расчленив, поставь мясо вариться. Сними первую пену с бульона и напой ею всех этих ханов, князей, всех тех, кто не давал тебе покоя. Ни в коем случае не пей сам. Вторую пену полностью выпей сам. Выпив ее, ты узнаешь язык всех зверей и птиц, обитающих в семи небесных и в семи земных слоях, языки всех народов, населяющих землю, станешь самым могущественным человеком, царем.

Темрюка сделал, как она сказала, и стал ханом этой страны.

ПРОРОК ДАНИЯЛ И ЗМЕИНЫЙ ЦАРЬ

Этот рассказ я слышал от наших стариков. Давным-давно несколько ребят в одном месте то ли работали, то ли играли, как бы там ни было, был там большой камень, и они сдвинули его в сторону. Смотрят – ка-

кая-то дыра. Один из тех ребят, Даниял, влез в эту дыру и заметил там пещеру; он стал по ней идти и попал в еще более просторную пещеру. Она вся была красиво убрана, да так, что не придерешься. В ней находились две змеи. Одна из них, заметив Данияла, обращаясь к нему, сказала:

— Да, добрый молодец, очень плохо, что ты пришел сюда и увидел меня. Как я ни прятался от людей, не смог я от них избавиться.

Даниял, хоть и удивился тому, что змея говорила человеческим языком, но спросил:

— Что же плохого в том, что я тебя увидел? И почему люди так стараются тебя найти?

И тогда змея сказала:

— Я — змеиный царь, потому меня люди и ищут люди. А кто ищет усерднее всех, так это царь, который правит вами ныне. Нет угла на земле, в который не заглядывали бы его слуги.

Тут надо сказать и о том, почему он его искал. Змеиного царя зовут Шах-Маран или Малике-Маран. Говорят, что тело человека, который его увидит, покрывается красными пятнами. Верили, что человек, который поймает Шах-Марана, сварит его и выпьет бульон, не умирает, живет вечно. Потому царь и разыскивал этого Шах-Марана.

И вот что еще сказал змеиный царь Даниялу:

— Ты меня видел, тело твое покроется красными пятнами. Если слуги царя заметят это, они схватят тебя и учинят допрос. Я знаю, что ты добрый человек. Поэтому прошу тебя, когда купаешься, купайся в укромном месте, чтобы тебя никто не видел. А раздевайся (перед сном) в темноте.

«Так и буду делать», — пообещал Даниял и вернулся к своим товарищам. С тех пор он купался в самых укромных местах. Но однажды его все-таки кто-то заметил и донес царским слугам. Данияла схватили, привели к царю и стали допрашивать. Но он отказался отвечать. Тогда схватили и его товарищей, а они сказали — так, мол, и так, он спускался в какую-то дыру под камнем, может быть, там и увидел змеиного царя. Взяв с собою Данияла, слуги царя пришли к тому камню. Поняв, что дела не поправишь, Даниял сказал им:

— Теперь вы прознали мою тайну. Вам в пещеру входить незачем, лучше я пойду один. Увижу змеиного царя и послушаю, что он скажет. А потом я принесу или его самого, или бульон из его мяса.

Слуги царя возражать не стали. Даниял вошел в ту пещеру и нашел там змеиного царя.

— Ну, что же, Даниял, — сказал царь, — я знал, что дело кончится этим. Ничего не поделаешь, пришел мой смертный час. Но я не хочу, чтобы меня убили царские слуги. Послушай внимательно, что я скажу тебе. Вели слугам царя принести бутылки, котел и дрова, разведи здесь огонь, подвесь котел и налей в него воды. Я сам прыгну в кипящую воду. Потом ты разлей бульон из моего мяса по бутылкам и дай ему осесть. После этого выпей сверху жидкого бульона и дай его выпить тем, кто тебе по душе. А осадок, гущу дай выпить сначала царю, а потом его слугам.

Даниял в точности исполнил все, что велел Шах-Маран, и стал бессмертным, а затем и пророком. А злобный царь и его слуги, выпив той гущи, все погибли.

КОТЕЛ «ТАЙПОК»

Это я слышал от отца своего отца, (Османова) Омара. В старые времена во дворе Абаевых в Верхней Балкарии стоял огромный медный котел. Откуда он взялся, я не знаю, но стоял он там с очень давних пор. Как бы там ни было, был он предметом почитаемым. Поэтому в нем, задав корм, держали заболевших овец, ягнят, считая, что так они быстро выздоравливают. Омар говорил, что в котел помещалось двенадцать овец. Котел был не очень глубоким, но широким, сделан он был из толстой меди. Называли его «Тайпок казан» (котел «Тайпок»). Долго он стоял, но потом медники, приехавшие из Дагестана, разрезали и изготовили из него разнообразную утварь. Но, может, это и неправда. Я слышал также, что его спрятали в каком-то укромном месте.

ЗНАМЕНИЕ

У балкарцев раньше было три необыкновенно больших котла, один из них был особенно огромен. Говорили, что в нем помещалось мясо девяти быков.

Как я слышал, все эти три котла где-то спрятали, зарыли. Старики говорили, что если их откопать, это будет предвестием большой беды. Один из них, который поменьше, еще до войны кто-то откопал, и на селение Шики сошел селевой поток, люди сильно пострадали.

Если же найдут и откопают самый большой котел, то в скором времени начнется светопреставление. Не потому, что его откопали, а просто это будет знамением близкого светопреставления.

«АТАЙТМАЗ» КАРЧАЕВЫХ

Однажды Карчаев Канда, житель селения Сауту, после стрижки своих овец и очистки их шерсти, решив посмотреть, поднялась ли трава на Сукан-баши, чтобы пасти отару там, закинул бурку и ружье на спину и отправился в путь. Когда он, поднявшись по местности Дюрмет, достиг места, называемого Атла Учхан, вдруг начался ливень, несмотря на то, что светило жаркое солнце. Канда, спасаясь от дождя, стоял под скалой, и тут заметил, что с неба спускается нечто удивительное, освещающая окрестность. Это нечто, тихо опускавшееся с неба, было похоже на большой мяч, а с четырех сторон у него были четыре цепи длиной в хват, выпускавшие, как и сам предмет, белое сияние. Увидев такое, пораженный Канда, побежал и расстелил бурку примерно на том месте, где этот предмет должен был опуститься. Как он и думал, чудесный шар плавно опустился прямо на его бурку. Дожидавшийся этого момента Канда связал вместе все четыре угла бурки и взял шар на руки. Когда этот смельчак стоял, обхватив его, шар взлетел вверх и вновь опустился, но Канда все же не выпустил его из рук. Когда шар поднимался в небо, Канда поднимался вместе с ним, затем опускался и поднимался снова. Что только не приходило ему в голову: «О Господи, это нечто живое или неживое? Если неживое, то почему старается одолеть меня? Что послал мне Аллах так неожиданно-негаданно? Я-то думал, что встречу какого-либо зверя».

Не зная, радоваться ему или нет, Канда свернул с пути, взвалил его (шар) на спину и вернулся домой. Шел он по дороге, думая только о том, как бы добраться поскорее, потому что предмет, похожий на мяч, все время трепыхался и утомил его. «Что подумают люди об этом – поверят ли, что я поймал его? Если же я развяжу бурку, вдруг он возьмет да и улетит? К тому же, кто его знает, беду он принесет моему селению или благо?» – думал он.

Когда Канда пришел в Сауту, односельчане с удивлением смотрели ему вслед: «Что это он притащил?» Не решаясь оставить этот предмет снаружи, во дворе, он внес его в дом. Семья Канды, не зная, что сказать и что делать, стояла в изумлении. Сам он решать не стал, решение приняли самые видные старцы селения. Оно было таково: хорошенько почистить и прибрать почетное место в большом балкарском доме, обить стены войлочными коврами, постелить на пол шерстяной матрац, и держать его (шар) в этом помещении. До тех пор никто к нему не прикасался, не двигался и он. Концы его цепей прикрепили к крюкам так, чтобы они не слетели. Сыновья Канды – Тенгиз, Каншау, Таукан, Аттуу, Заттуу – а также его дочери, думая о том, как хранить это, ходили вокруг него. Пришедшие посмотреть на чудо, возвращались, произнося благопожелание: «О Аллах, пусть вместе с ним в наше селение придет великое благо!»

Карчаевы, в знак почитания его, начали совершать жертвоприношение – весной ягненка, а осенью овцу. Достаток этой семьи с того момента все возрастал и увеличивался. Когда они готовили еду, первым чтили его (шар): перед ним ставили тарелку с пищей, как перед собой. Не потому, что думали, что оно будет есть, а из почтения. Когда готовили новое блюдо, меняли пищу и перед ним. Когда в Сауту привозили невесту, при ее вводе в дом жениха она обязательно, в знак почитания, посылала разные мелкие подарки – иначе ее схватывали судороги и она долго не могла прийти в себя. Присланные ею подарки (галантерея) развешивали на крючках там же, где находился шар. Когда привозили новую невесту, прежние подарки убирали в сторону.

Сельчане всеми мерами старались проявить свое почитание этого предмета, все более считая его святее святого. Когда к Карчаевым приходил кто-либо по какому-либо делу, он не уходил со двора, не войдя в дом и не взглянув на него. А называли эту вещь «Атайтмаз Карчаевых» (*атайтмаз* – букв. «чье имя не произносится». – Х. Дж.).

Так проходили дни и годы, и эта семья жила, не зная горестей, по меркам того времени, в довольстве и достатке. Когда мужчины, пася скот, отправлялись в дальние места, они поручали шар женщинам. То, что ни одного из новорожденных не касалась болезнь, что ни одна скотина не пала ни в самые трудные весны или осени, что ни один из взрослых не умирал рано (преждевременно), они объясняли покровительством «Атайтмаза». Когда сыновья Канды возвращались откуда-либо, издалека, и собирались дома, прежде всего они представляли перед ним, чтили его.

Но однажды «Атайтмаз» по временам начал двигаться, утратив покой, и заставляя людей тревожиться. В такие моменты цепочки, испускавшие удивительный блеск, начинали звенеть. От их звона люди, спавшие в доме, иногда даже просыпались. Не зная, что могло так обеспокоить «Атайтмаза», сыновья Канды осенью совершили жертвоприношение

раньше обычного срока, объяснив собравшимся людям причину этого. Тут случилось то, чего никто не ожидал: когда люди ели мясо жертвы, шар, издав какой-то звук, отделился от цепей, на глазах у людей сделал (в воздухе) круг и тихо вылетел в отверстие очага. Люди, выскочив из дому, плача и скорбя, не зная, что предпринять, стояли, глядя ему вслед. «О Аллах, мы ни один день не омрачились к нему, ставили его честь выше самого почтенного из нас. Чем мы прогневили его?» – печалились Карчаевы. «О Аллах, избави мое село и семью от этой горести!» – молил Канда. Их душевной боли не было предела. Затем они вошли в дом и сидели перед цепями, говоря: «Чем мы обидели вас? Что вас так беспокоило? Чем мы вам не угодили?»

После того, как шар улетел, старшие женщины дома, не доверяя цепи молодым невесткам, раз в год мыли цепи в молоке. Сыновья Канды думали: «Почему он улетел от нас? Наверное, черные дни теперь и наступят...»

Недолгое время спустя умер Канда. Его сыновья разделились, каждый взял свою долю имущества, оставшегося от отца. Мир изменился. Произошла революция... Весь их скот – коров, овец, лошадей – забрали в колхоз. Жамбота и Тембота, внуков Канды от его младшего сына Заттуу, объявили кулаками и угнали в Сибирь.

Это было в 1934 году. Трогать цепи до тех пор никто не решался. Когда оперуполномоченный Рамазан Имангулов снял их с крючков, его запястья свело судорогой. Но он не успокоился на этом и, говоря: «Они должны находиться в музее», – увез их. До этого произошел и другой случай. Молодой карачаевец, обучавший детей арабской грамоте, попытался бросить в огонь одну из цепочек, и ему тут же искривило шею.

Раскулаченные Жамбот и Тембот через несколько лет все же вернулись домой, слабые и больные, с опухшими руками и ногами, и сразу слегли. В их доме милиционеры уже устроили конюшню; тех, кто приносил им еду, они заносили в черные списки. Через некоторое время умерла жена Тембота, затем его сын Малик. Услышав о его смерти, скончался и сам Тембот. Дочь Жамбота Сахмимай, ее семеро детей и муж погибли, когда войска НКВД уничтожали все население Сауту. Сам Жамбот и его жена Айшат умерли от болезни на жарких берегах Сыр-Дарьи, в период выселения нашего народа.

Х. Карчаева, 1995

* * *

После обычных приветствий нарты продолжали прерванную беседу. Они считались своими подвигами. Каждый из них рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок «агуна» (правильно: чаша. – *М. Дж.*), который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывающим, был правдив, то после рассказа этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край. Когда дошла очередь до Рачикау, то и он рассказал свой подвиг; по окончании его рассказа бочонок три раза наполнился и три раза через край перелилось из него питье.

С. Урусбиев, 1881

34. ЗОЛОТОЙ ДЕБЕТ

ЖЕЛЕЗО

Почитание железа пошло от Дебета. Пока не было железа, алмосту, бесы, джинны и прочая нечисть держали людей в страхе, одолевали их. После того, как нарт Дебет начал выжимать, выплавлять из камней железо, эта нечисть стала избегать яда железа.

Поэтому-то балкарцы прибавляли к своим дверям куски железа, старые подковы. Они верили, что если сделать так, в двери не смогут проникнуть недруги, бесы, джинны, болезни. В изголовье колыбели тоже ставили железную вещицу, чтобы предохранить ребенка от порчи. Полагая, что железо способно вбирать в себя яд болезней, его ставили и рядом с больными.

Места, где есть железо, часто поражает молния. Верили, что железо и молния дружат между собой. Железо притягивает к себе бесов, джинов и убивает их. Молния знает об этом и, попадая в железо, испепеляет нечисть.

РОЖДЕНИЕ ЗОЛОТОГО ДЕБЕТА

Младенчество его прошло в ядре звезды,
В сыновстве его опекала Мать Земли.

А звезда расколола черный камень,
В ране камня разожгла голосистую душу.

Железной была его, дарованная Тейри, кожа,
Растили его, кормя горячими угольями.

Вызвал он зависть у нартов, поедая угли,
Порадовал старцев, жуя железо.

В высоком собрании его особо почтили,
Недруги (его) смертной пеной (испаринной) изошли.

— Эй, (зерна) для бузы с плевелами не смешивайте,
А если и смешаете, ступу не ломайте!

Бога Огня, нарта Дебета найдите,
Его долю жертвы на солнце поджарьте!

В круглых трубах пламя от углей,
Черное золото, если его коснется его рука, не будет ржаветь.

А колени твои — из твердого железа,
Ладонь твоя вмещает, как «жора батман» (мера сыпучих тел. — Х. Дж.).

Эй, живи же, светя, как ясная луна,
Закаляя мечи для земли нартов,
Подвешивая оружие на ереженах! (кольца, служившие вместо ножен)

Мизинец свой он делал самострелом,
И лучи солнца его любили.

Ыкыдан (?) его измерен был лучом солнца,
Проливаемый им пот служил вместо точила.

Одним движением он вытягивал незакаленный кинжал,
В раздражении вынимал он и сильную душу,
Звезды подвесил он (на небе) крест-накрест.

Пот с него лился градом.
Межа он раздувал своим дыханием.

Резкими рывками растягивал он железо и булат,
Силой-мощью равен был он Тейри Солнца.

Выжал он черную кровь плотной земли,
Выпил ее и свернул крылья ветру.

РОЖДЕНИЕ НАРТСКОГО КУЗНЕЦА ДЕБЕТА

Давным-давно, когда (люди) жили в пещерах,
Когда корыто было каменное, а сито деревянное,

Тейри Неба женился на Матери Земли,
Прогремел гром, и земля зачала.

Девять лет и девять дней она была беременной,
Потом земля разверзлась, и родился Дебет.

Мать Воды взяла и омыла его,
Реки в рот ему направила.

Мать Воды стала его воспитательницей,
Она вырастила его, и он исполнился мудрости.

У того Дебета сердце было из огня,
Из стали была каждая часть его тела.

Жиры его растягивались, как тетива,
А если нужно, они стягивались обратно.

Каждый его сустав раскрывался, как дверная петля,
А если он не хотел, закрывалась обратно.

Душа-кровь его составила из огня,
От прикосновения его рук краснели и плавились камни.

Тейри Огня научил его речи огня,
Тейри Земли научил его речи камней,
Тейри Воды посылал ему пищу и питье.

Дебет однажды отправился в нартские горы,
Беседуя с камнями, там долго задержался.

С ними он советовался и решал,
Набрав камней, он домой вернулся.

Камни эти он рукой размял,
Все, что содержится в каждом из них, почувствовал.

Он ел камни, словно хлеб,
Проверил он, что содержится во многих камнях.

Тейри Огня помогал Дебету
Из многих камней изготавливать, что он хотел.

Железо для него было все равно, что тесто,
Что он хотел, то и делал с ним.

Он знал речь огня, воды, земли.
Будучи нартом, он стал кузнецом.

Видел он, что содержится в каждом камне,
Он плавил камни, и они становились, как вода.

Ковал он панцири и щиты,
Проник он в суть мастерства,
Камни с гор он жарил, как шашлык.

Он изготовил первым кожаный мех,
Он явил на земле железо,
Он начал жечь каменный уголь.

Поставив свою кузницу на пути к Тырмы тау,
Железо он растягивал руками, словно смолу.

О таланте того Дебета прознали (все),
Сотни нартов дали ему заказы.

С Тырмы тау он спустил руду,
Делал стрелы и одевал (нартов) в латы.

По эту сторону гор Дебет ковал железо,
В мастерстве он превосходил всех нартов.

Каждый день он изготавливал сто мечей,
Много оружия он изготовил для нартского войска.

Мечи его рассекали камни, словно мыло,
А стрелы его пробивали Минги тау.

Доспехи его меч не брал,
И стрелы их не пробивали.

Дебет здесь, по эту сторону гор,
Изготовил и доставил (нартам) много оружия.

Потянувшись рукой по ту сторону гор,
Он закалял его (оружие) в Черном море.

Сырое железо превращал он в сталь,
Изготовил для нартского войска и много луков.

Генжетая (коня) он заковал в броню,
Проверил ее, выстрелив из лука.

Стрелы его пробивали Минги тау,
Достигали они Черного моря.

Мощь оружия нартского войска возросла,
Мечи их рассекали скалы.

Народ нартвов совершил много подвигов,
Все снаряжение доставлял им Дебет.

Дебет был тем, кто явил железо,
Кто повелел учиться кузнечному делу.

СОТВОРЕНИЕ ДЕБЕТА

Тейри! Я твой раб, и к тому же – нарт!
Тейри! Тебе я присягнул, на одного тебя уповаю!

Тейри Воды (из воды) сотворил и влил в меня кровь,
Тейри Неба дал мне душу.

Тейри Земли насыщает меня пищей,
Дает на заклятие животных Апсаты.

Все мы, нарты, произошли из твоей крови,
В нартах повторился каждый сустав твоего тела.

Кланяюсь, склонившись, как ивовый прут,
«Тейри!» – произношу я всегда, радуясь.

* * *

Тейри Неба вложил в меня мою душу,
Из стали он сделал каждый мой сустав и часть тела.

Перед его волей склонились все боги,
Приходя по одному, они навестили меня.

Тейри Огня сжал меня в объятиях,
Часть своего огня вложил в мое сердце.

Тейри Солнца испустил свои лучи,
Его лучи коснулись каждой части моего тела.

Тейри Луны своим сиянием сделал мое тело желтым,
Его сияние осветило мою плоть.

Тейри Воды напоил меня родниковыми водами,
И каждый мой сустав растянулся, расширился.

— Кланяемся Дебету! — сказали камни.
— Кланяемся! — сказали звезды в небе.

НОЧИ ПЕРВОТВОРЕНИЯ

Падучих звезд бывает много поздней осенью, в два месяца Апостолов (ноябрь и декабрь. — Х. Дж.). Это искры, вылетающие, когда нартский кузнец, богатырь Дебет кует железо. Но были времена, когда звезд на небе не было. В эти времена и периоды ночи были очень темными. Такие темные ночи называли «ночи ассуат» («ночи первотворения»). В период тех веков нарты дрались, боролись со львами, тиграми, эмегенами и лесными людьми, алмосту. Они валили деревья и утесы, поднимали камни, испытывая свою силу.

Среди нартов был один, считавшийся богатырем, по имени Дебет. Он знал речь всего, (что есть на свете). По рассказам, Дебет, посоветовавшись с нартами, отправился к горе Кармур. Набрав там камней всех видов, он стал, проверяя, давить их руками, и, наконец, когда он сжал в руке один темный тяжелый блестящий камень, из него закапало железо.

Для Дебета Тейри Солнца делал камни мягкими, как тесто. Дебет вернулся оттуда, рассказал обо всем этом нартам и велел им привезти и собрать в одном месте те железные камни. Потом он выкопал в земле глубокую яму, стал давить те камни руками, чтобы железо стекало в нее, и сделал высокую наковальню. Затем сделал колотушку, чтобы ковать железо. Эта колотушка была молотком.

По подобию двух борющихся друг с другом змей, он изготовил клещи, чтобы держать железо. Изготовил он и мехи из шкур зубров и, раздувая с их помощью жаркий огонь из каменного угля, стал плавить камни на огне. После того, как он расплавил камни на огне и отделил железо (от пустой породы), он выковал для нартов мечи, наконечники стрел, боевые топоры; каждый день он выковывал по сотне мечей. Закалял он их в красноватой воде горного родника. Этот родник назывался «родник Бора».

Когда Дебет ковал железо, искры прилипли к небу и стали звездами. Первозданные ночи стали светлыми.

Когда Дебет полностью обеспечил нартов изделиями из железа и те уже не знали, чем занять его, он сказал: «Я не смогу жить на земле без дела», — смастерил крылатую арбу и улетел, говорят, на небо. Говорят еще, что он и сейчас живет там, работая кузнецом у жителей солнца и неба. Как и на земле, на небе он кует железо. Когда он ударяет по железу, искры падают на землю. Их мы называем «падучими звездами». Дебет жив, он трудится на небе кузнецом.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

В древние времена Тейри в дар людям спустил с небес волшебную книгу. В ней были расписаны все знания, все умения мира. К сожалению, люди не смогли ее сохранить, каждый хотел сам владеть ею. В результате всем досталось по отрывку. Некоторые утверждают, что книга сама распалась на куски, когда упала с неба. И по сей день все новое – самолеты, машины, корабли – делают при помощи этой книги, их изобретают люди, сумевшие сохранить у себя ее странички.

ПЕСНЬ О НАРТСКОМ КУЗНЕЦЕ ДЕБЕТЕ

Эмегены враждовали с нартами,
Старались побольше им навредить,

Когда в домах оставались одни беспомощные
Старики и женщины,

(Эмегены) задерживали чистые реки, текущие с гор,
Нарушали покой нартских сел.

Нартские юноши не мирятся с насилием,
Таких (насильников) они не оставляют в живых.

Могучие нарты не обделены мужеством,
Под ними – нартские кони, словно выкованные из стали.

На уме у них (эмегенов) – только насилие,
Оно, словно аркан (на шее),

Не дает свободно дышать (нартским) мужам,
Преждевременно напоминает о смерти.

Нарты, оставшиеся без воды, без скота, без детей,
Устремились на нечестивых (эмегенов),

Без счета героически погибают
И в долинах, и на горных вершинах.

Мужества им было
Не занимать.

На сельском ныгыше сидят старики,
Нарты, способные выжать воду из камня.

Седобородые старцы держат совет,
Принимают такое решение:

– Садитесь на коней, отправляйтесь в путь,
Разыщите нарта-кузнеца Дебета.

Этот Дебет ударом (кулака) разбивает камни,
С Минги тау забрасывает их в море.

Весом с зубра,
Длиной – длинее горного ущелья.

Шириной – шире санного пути, –
Пусть Дебет выкует для нартов такой меч.

На рассвете нарты отправились в путь,
За очень нужное дело они взялись.

Они едут без остановки днем и ночью,
Невзирая на голод, на усталость коней.

Проехали они долгий, длинный путь,
Но Дебета, о котором говорили старики, не нашли.

В один из дней юноши после долгого пути,
Подъехав к подножью Минги тау,

Остановились у реки отдохнуть,
Решили они там переночевать.

Уставшие в дороге кони нартов
В путях пасутся в росистой траве,

Нарты, не спавшие много ночей,
Спят, завернувшись в бурки.

Наутро нарты тронулись в путь,
Искали, искали и достигли одной пещеры.

В этой пещере они увидели нарта,
Увидели и поздоровались с ним.

Нашли его, руки его – из железа,
А зубы его разгрызали даже камни.

Десять пальцев его – из стали, что тверже чугуна,
Таковы были они по его чудесной судьбе.

Все кончики пальцев его были ярко-желтыми –
Это были бронзовые ногти Дебета.

В железных руках его была нартская мощь,
Ничего не стоило ему брать уголья руками.

Руки его были привычны к раскаленному железу,
Мог он разрывать и гнуть
Пылающее в огне железо.

Сотрясал он землю, когда шагал, спеша,
А когда бил кулаком по железу,

Искры разлетались, как звезды.
От грохота разбегались эмегены.

Нартский кузнец с гулом раздувает меха,
Быстро изготавливает и отдает железные изделия.

Огромным телом обладает кузнец,
Его грудь подобна скале.
Даже у слона не увидишь такого могучего тела.

Шея у него круглая, как дубовая колода,
А в работе он очень проворен.

Железо раскаляет он в огне,
Еще пылающим берет его руками,

Бьет по нему тяжелым кулаком,
И острый меч вытягивается, как змея,
Потом, потянувшись, окунает его в море.

Так остывает и закаляется меч,
И работа тотчас закончена.

Кузнец, отойдя от нарттов назад,
Попробовал ударить по крутой вершине горы.

Ее вершина в тот же миг обрушилась,
Огромная гора раскололась надвое.

— Пусть этот меч будет (моим) даром нарттам,
Пусть он будет молнией для такой дряни, как эмегены! —

Сказал он и вручил оружие гостям,
Крепко пожимая им руки.

— Долгих лет тебе жизни, машалла! —
Сказали нарты благопожелание, радуясь окончанию работы, —

Меч, выкованный кузнецом Дебетом, у нас в руках,
Теперь ни один враг не встанет у нас на пути.

Дебет — это отец всех кузнецов,
В этих горах было его жилище (башня).

Он варил железо для нарттов,
Одевал их в скованные из железа латы,
Мастерством своим внушил к себе любовь всех нарттов.

Для нартского войска он изготавливал стрелы,
Стрелы его пробивали камни и горы.

Не вырастал на земле никто, подобный Дебету,
Его щиты не брал меч.

Его мечи рассекали горы,
Первым коня подковал Дебет,
А потом это стало обычным делом в народе.

Подковал он всех коней в войске нартов,
Порадовал юношей, девушек, старцев.

Отделил он железо от камня,
Нартскому миру дал он железо,
И народ, увидя, перенял все у него.

КОНЬ ДЕБЕТА

В древние времена жил один
Великан по имени Дебет,
Сам он был нартом.
В одиночку он доходил на востоке до Темир-Капу,
А на западе —
До ледового моря.
Его конь перешагивал через горы,
Горы оставались под животом его лошади,
Словно бугорки.

Когда он подъезжал к реке или морю, воздух, бьющий из одной его ноздри, замораживал воду, образуя мост, по которому он мог пройти.

Другой ноздрей он напускал туманы, дожди, растапливал льды, приносил весну. У нарта Дебета было девятнадцать сыновей.

35. ТЕЙРИ

БОГ СОЛНЦА КАЙНАР

Тейри Солнца сотворил Солнце. Тейри Земли сотворил Землю. Третьими были сотворены моря.

После сотворения неба и земли между ними сотворился человек. Тейри Неба, Земли и Воды посоветовались, и Тейри Воды обязался обеспечивать человека водой для питья, а Тейри Земли взял на себя заботу растить на себе изобилие, кормить и пробавлять человека. Тейри Солнца обязался даровать тепло днем, а Тейри Неба он наказал и повелел проливать дожди.

Тейри Солнца — глава, повелитель богов. Он — мощный держитель вод, небес и земель. Тейри Солнца находится в бескрайней, безграничной дали. Он кипит, даруя летом земле жар. Зимой, удерживая от нас часть своего тепла, он посылает его в Мир Сирот (Мир Мертвых. — Х. Дж.), греет их.

Когда Тейри Солнца гневается, он обжигает землю, иссушает моря. В одно из отдаленных времен туманы Тейри Земли прогневили Солнце. Когда туманы, обложив всю землю, не стали пропускать солнечные лучи, Солнце разъярилось, разозлилось и, обратившись к земле, вздохнуло, загремело, изрыгнуло. Из чрева Солнца дождем посыпались камни и ис-

кры. Вот из них-то и получились золотые, серебряные и железные камни. Золото на земле появилось из того, что изрыгнуло Солнце. Само оно находится в бескрайнем неведомом месте. Говорили, что верховным богом земли, вод, небес, звезд является Солнце.

Главным именем Тейри Солнца было имя Кайнар тейри («кипящий, горячий бог. — Х. Дж.). Говорят, что горы, земли, воды и звезды сотворил, явил Кайнар тейри. Когда солнечный бог Кайнар сотворил землю, она тряслась, моря раскачивались, поднимая волны. Люди семь лет били поклоны Кайнар тейри, плача и моля:

Землю сотворил ты — не сотрясай ее.
Воды явил ты — не волнуй их!

И после такой их мольбы Кайнар тейри сотворил горы и вбил их в землю, как клинья. После этого землетрясения и волнения морей прекратились.

Прародителями человеческого рода были нарты, первыми жить начали они. Но перед тем, как распространились нарты, вместе с ними на земле жили очень безобразные существа, не помню, кажется, их называли «харра». Борьба между ними и нартами никогда не затихала. Харра были немного похожи на людей, огромные, заросшие красными волосами, ели все без разбору. Они очень любили жаркие дни Кайнар тейри. Собирая желтые камни, что изрыгнул на землю Кайнар, они избивали ими друг друга.

Золото — это то, что изрыгнул Кайнар, серебро — это замерзшие слезы солнечного Кайнара, железо — это испражнения солнечного Кайнара, а бронза — родная сестра золота, так я слышала в народе и от своего отца Ахмата.

Когда нарт Деует прознал об испражнениях солнечного Кайнара и, отделив железо от камней, изготовил оружие, нарты истребили харра с лица земли.

ПРО ТЕЙРИ

Мир, землю, воду, звезды, животных, человека — все создал Тейри. Он повелевает всем миром, все в его руках. Судьба человека, его жизнь складывается так, как скажет Тейри. В мире ничего не происходит без его ведома. И Солнце, и Луна даруют нам свет по его слову. Человеку невозможно видеть Тейри, потому что по сравнению с Тейри он слишком мал и слаб. Тейри — одно из девяти священных имен Аллаха Всевышнего, поэтому мы и клянемся именем Тейри.

ВОДНОЕ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

— Эй, аланы, послушайте мое завещание,
Не пожив, покидаю я этот мир.

Тревогой объята моя голова,
Рыжий гяур намеревается убить меня.

Смертный час настигнет меня в Кула Тюз,
Рыжий гяур, среди ночи встав, спросит.

Весь мир будет объят водой,
Много бед она принесет людям.

Скот, имущество – все уйдет в землю,
Караульные подадут горькую весть.

Серые жабы уйдут под землю,
Ядовитые змеи будут ползать, плача.

Огромные горы уйдут под землю,
Реки потекут вспять.

Крепкие камни будут взирать с удивлением,
Уйдут, удивленно рассказывая об этом.

Пройдут еще тысячелетия,
Начнутся ливни, ураганы.

В руслах рек зашумят воды,
Начнут зарождаться рыбы, черви.

Зародятся вдруг птицы,
Белоголовые сипы полетят к скалам.

Дни и ночи будут идти своим чередом,
Зима и лето проявят свои признаки.

Не вечны будут морозы,
Вернется тепло, не остановится рост травы.

Великий Тейри создаст нового человека,
Даст ему новый язык (речь),

Даст ему новые наставления,
Животным укажет места их обитания.

Этот красивый мир многие души прельстил,
Многие здесь теряли голову.

Возгордившись, люди впадают в замешательство,
Идут и убивают друг друга.

Человека, задумавшегося над этим,
Он направит на истинный путь.

К нему он пошлет своих помощников,
Возвысит его перед народом.

Волю Тейри никто не в силах нарушить,
А если кто нарушит, то дела у него не сладятся.

Тейри – зиждитель мира,
Бесплодную землю он превращает в цветущее место.

От Тейри придут два посланника:
Один – любовь, другой – справедливость.

Первая Его (Тейри) заповедь будет о любви,
Вторая будет посвящена человечности.

(Людам) понравится новосозданный мир,
Утихнут прежние тревоги.

По двое соединившись, образуют новые семьи,
Тогда вспомнят о друзьях-родственниках.

Вспомнят, но не скоро отыщутся родственники,
Не найдется у него защитников.

В новых странах объявятся новые правители, князья,
Будут издавать указы.

Новое веселье, новый смех появится,
Прокаженного (т.е. дьявола) изгонят далеко.

Умные люди будут жить вместе,
Делясь друг с другом всем.

Красивые девушки будут веселиться, петь песни,
Рыжего гяура изгонят в далекие степи.

Удалые парни возведут новые дома,
Будут радостно жить, почитая отцов.

ГОРА-БОГООТСТУПНИК

Вариант Исмаила Семенова

Царь мира – пророк Унух (Ной),
Власть, мощь, возможности – все у него есть,

Тем не менее развратился мир,
Насилие торжествует, слабые страдают.

Нравственности нет, у жизни не осталось вкуса,
Везде грабеж, убийства, ложь,

Каждый мощный – сам себе бог,
Все покатилося вспять.

Аллах разгневался: «Я очищу землю,
Заново создам на земле жизнь!»

Однажды царю от Аллаха был голос:
— Спаси себя от грядущей беды,

Будет водное светопреставление,
Вся земля будет объята водой, — сказал он.

Пророк сразу принял решение,
Повелел строить корабль.

Человека, всех других живых существ
Для семени он взял на корабль.

Зерно, деревья, вплоть до трав,
Все необходимое он погрузил туда.

Настал день светопреставления,
Вода Аллаха обрушилась на землю.

Корабль пока еще стоит на суше,
Но скоро вода доберется туда.

Но вот беда — сын Унуха
Отказывается сесть на корабль,

Просьбы отца взойти на корабль
Он воспринимает, как насмешку.

Вода, прибывая, достигла уже колена,
Упрашивая его сесть, мечется отец,

По пояс он уже в воде,
В отчаяние впал отец.

Вот уже по шею вода,
— Отец, спаси! — закричал он.

К Унуху явился ангел Жабраил,
Сказал: «Не бери его, пусть тонет.

Кровь у него испорченная, он злонамерен,
Кому нужно такое дитя?»

Вода приподняла корабль,
Трогайся в путь, пророк, трогайся, трогайся же!

Небо такое же, как и раньше, земля же объята водой,
Из этой воды торчит какая-то вершина.

Бывшие на корабле знали его название,
Сказали, что это Минги тау.

Узнав корабль, Минги тау сказал,
Забыв про Аллаха, похваляясь:

– Этот корабль остановится на мне,
Ибо я выше всех!

За то, что он не добавил: «Если такова будет воля Аллаха»,
За то, что возгордился,

За то, что сам хотел решать за Аллаха,
Минги Тау стал богоотступником.

Разгневался на него Владыка мира,
– Ты мне враг, – сказал ему Творец.

Он повелел пророку разрушить его,
И корабль расколол его вершину.

С того дня у него две вершины.
С того дня правдив этот рассказ,

С того дня живущие окрест
Называют его Гора-богоотступник.

Вода перестала прибывать, уничтожая жизнь,
В горах мекканских причалил корабль.

Заново началась жизнь,
Все на своих местах – моря, равнины, камни, горы.

ВЕЩЬИЙ СВЯЩЕННИК

В прежние времена в одном горском (карачаево-балкарском) селении жил один священник. В одну из ночей, когда он спал, ему сказал какой-то голос:

– На землю обрушится водное светопреставление, но никто об этом не ведает. Поэтому ты сообщи об этом своим односельчанам, и вы вместе постройте из сосен большой корабль. Если вы исполните то, что я сказал, то избавитесь от беды.

Священник быстро встал и огляделся, но не увидел ни единой души. Утром он отправился на сельскую площадь и рассказал старикам свой сон. Они выслушали его и вынесли такое решение:

– Как бы там ни было, стройте корабль. А для чего он понадобится – проживем, увидим.

Исполняя решение старцев, отправились стар и млад, и, трудясь день и ночь, через месяц закончили строительство корабля. Ширина его равнялась тридцати пяти метрам, а длина превышала пятьдесят метров, к тому же он был двухярусным.

Прошло время, но никакое бедствие это селение не постигло. И тогда все сельчане стали насмехаться над бедным священником. А тот от стыда жил, не показываясь на улице.

Однажды, когда он совершал вечерний намаз, к нему толпой пришли его односельчане. Вперед выступил один уважаемый старец и сказал:

— Эфенди, эти люди требуют от тебя плату за свою работу. Отдай им ее, и пусть корабль будет твоим.

Священник выслушал его, подумал и сказал:

— Пусть будет так, я отдам вам все свои деньги, золото и серебро. Если не хватит, возьмите из моего скота, но только прошу об одном: из каждого вида скота оставьте мне по паре.

Люди согласились и, довольные, пошли делить полученную плату. Священник же собрал доставшийся ему скот, пригнал его прямо к кораблю и задал корм. В ту же ночь начался дождь и, не переставая, лил и на второй день. Священник понял, что началось светопреставление. Когда он взошел на корабль и уже хотел отплыть, то заметил, что река размыла берег и устремилась в сторону селения. Когда он стоял в раздумье, не зная, как сообщить об этом людям, в двери корабля постучали. Открыл — а это его односельчане. Они просили его простить их. Попросили впустить их на корабль. Охваченный жалостью к несчастным, он забыл о том, как они плохо с ним поступили, и впустил их в теплую комнату. И они отправились в плавание. А вода все прибывала и затопила всю землю.

Священник и его односельчане скитались два-три месяца, но не нашли места, к которому могли бы пристать. Плыли они, плыли и вдруг увидели, что небольшая часть вершины Минги Тау осталась незатопленной водой, и обрадовались. Увидев их ликование, Минги Тау сказал:

— Слишком рано радуетесь. Вас много, а это большая тяжесть. Если я вас приму, боюсь обрушиться.

Услышав его слова, люди сказали:

— Пусть вовек на твоей поверхности не вырастет ни одна травинка, — такое они изрекли проклятие, а затем поплыли дальше. Долго ли, коротко ли странствовали они, но увидели еще одну скалу. Это была гора Арафат. Они изложили ему свою просьбу, и тот ответил:

— Пусть я меньше и слабее других вершин, остановитесь на мне. Что бы ни случилось, будем вместе.

Люди подплыли и высадились на сушу. Благодаря гору, они сказали:

— Пусть и зимой, и летом на твоей поверхности будет растительность!

Быстро минуло время, ушла и вода. Люди и звери зажили по-прежнему. Но с тех пор поверхность Минги Тау то чернеет, то белеет, но никогда на ней не вырастает трава, а Арафат всегда зелен.

РОЖДЕНИЕ НАРТА ЁРЮЗМЕКА

Однажды, во времена нартов, Дебет отправился в горы собирать железные камни. Заночевал он в одной пещере. Посреди ночи по пещере разлился какой-то необычный голубой свет и озарил ее, как солнце. Удивившись, Дебет вышел наружу. Он заметил, что по небу, ослепительно сияя и освещая весь мир, летит огромная хвостатая звезда. Эта звезда, пролетев по небу, с грохотом, от которого содрогнулся мир, упала между двумя далекими горами. Несмотря на то, что была ночь, Дебет отправился туда. Дебет дошел до того места за три дня и три ночи. Все пространство между двумя горами было черно, все выгорело. Оглядевшись, Дебет увидел посередине огромной глубокой ямы расколовшийся надвое большой синий камень. А внутри него — могучего младенца. Этот ребенок, крепко

обхватив руками шею огромной волчицы, сосал ее молоко. Птицы и звери со всей округи собрались и смотрели на это удивительное зрелище. Дебет начал расспрашивать их, и один старый орел сказал:

— Ночью, когда мы спали, в это наше большое озеро, сжигая все вокруг, упала с небе хвостатая звезда. Когда вода в озере вся выкипела, мы увидели на дне этого мальчика. Он долго плакал и кричал, но никто из нас не осмеливался подойти к нему. А у этой волчицы сейчас маленькие волчата, и она постоянно голодная. Она подошла к нему, видимо, желая его съесть. Но мальчик схватил ее и чуть не задушил. Осилив волчицу, он начал сосать ее молоко.

Когда Дебет подошел к мальчику, он был уже как трехлетний. Дебет взял его с собой и отправился в страну нарттов. Пока они добрались до места, мальчик был уже как семилетний. По пути Дебет заглянул в пастушеский кош. Когда он рассказал им историю мальчика, они сказали: «У тебя своих сыновей девятнадцать. Зачем тебе этот волчий выкормыш? Отдай его лучше нам. Он, пососав волчицу, породнился с волками, и на кошару, где он будет находиться, не будут нападать волки».

У нарттов не принято было отказывать в чьей-либо просьбе. Зная, что этот мальчик вырастет могучим богатырем, он хотел сделать его кузнецом и научить его всему, что знал сам. Но когда нартские пастухи попросили его, он оставил мальчика им. Нарты называли его «Волчий выкормыш».

А кузнец Дебет выплавил оба куска этого небесного камня. Из получившегося железа он сделал самоудлиняющийся меч, который впоследствии стал известен по всей стране нарттов, и дал его Ёрюзмеку, для того чтобы он сразился с врагом нарттов Красным Фуком. Оставшуюся часть небесного железа Дебет добавлял понемногу в земное железо, когда изготовлял для нарттов мечи, стрелы и другое оружие. Потому таким прочным и было оружие, сделанное Дебетом.

РУЧНАЯ МЕЛЬНИЦА ЁРЮЗМЕКА

Раньше, в древние времена, люди употребляли ячмень в пищу в сыром виде. Однажды, когда один горец, Ёрюзбек, сидел у огня и ел ячмень, одно зернышко упало в огонь. Он выхватил это зернышко из огня. Забросив зернышко в рот, он почувствовал, что это очень вкусно, да и жуется гораздо легче.

Тогда этот умный человек для пользы людям изобрел ручную мельницу. Ячмень начали поджаривать и молоть ручными мельницами. Так по горным селениям распространилось толокно. Гыпы (кефир) тоже первым приготовил Ёрюзбек.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЁРЮЗМЕКА НА НЕБО

Нартские дружины сели на ветряных коней,
На небеса взлетев, превратились в искорки.
Кто был пеш, тот вошел в чрево земли,
Врагов они нашли и там,
Когда они воюют с ними, дрожат и земля, и горы.

Свою Небесную Мать нашел на небесах Ёрюзмек,
Беседуя с нею, посидел немного.

Мать Неба приняла его как гостя,
Воздушную грудь свою вложила ему в рот,
И после этого Ёрюзмек стал сыном матери Бога Неба.

Он и сейчас живет на небе со своей конной ратью,
Охраняя от бесов небо и землю,

Небесный гром – его крик,
Туманы – дыхание его уст.

Пот его проливается дождем,
Когда он набрасывает аркан на врага, сверкает молния.

ПОКЛОНЕНИЕ ТЕЙРИ

В прежние времена балкарцы и карачаевцы поклонялись Тейри и служили ему. Он был их богом. Они приносили ему жертвы и обращались к нему со всеми мольбами. Когда молили Тейри, то обращались к нему с такими славословиями:

Пусть Тейри смилуется.
Пусть Тейри поможет!

Тейри! Добрый Тейри!
Ты – рожденный лучом солнца,
Ты – владеющий землями и водами,
Твои белые ягнята – вон они, вон они!

Тейри! Благой Тейри!
Ты – в скале, ты – в реке,
Твои белые ягнята – в лесу.
Их тебе я в жертву принесу,
Их тебе я в жертву принесу!

Тейри! Светлый Тейри!
Скот наш, что на белом камне.
Скот наш на синем камне –
Всему мы предпочтем нашего Тейри!

Тейри! Щедрый Тейри!
Одари нас милостью от своего света и тепла!

Ты – в огне, ты – в воде,
Справа и слева, справа и слева,
Одари нас милостью от своего света и тепла!

Тейри! Щедрый Тейри!
Владыка неба – ты один,

Заходи справа, твое главное имя – Небесный,
Заходи слева, у тебя благодеяний много!
Из капли воды – кровь,
Из крови – душу создавший Тейри!

СЛАВОСЛОВИЕ ТЕЙРИ

Начинаю во имя Единого Тейри:
Белой овцы голова, черной овцы голова,
Стерегающая звезды высь небес, –
А Тейри превыше всего,
А Тейри превыше всего!

Белой овцы голова, черной овцы голова,
Творящая души поверхность земли, –
А Тейри превыше всего,
А Тейри превыше всего!

Белой овцы голова, черной овцы голова,
Дрожащая верхушка злака, –
А Тейри превыше всего,
А Тейри превыше всего!

РАДУГА

Радуга – это сияние Тейри. Когда появляется радуга, светит солнце, и одновременно идет дождь, говорят, что в это время олениха рожает. Когда радуга появляется на западе, говорят, что умрет царь, правитель или будет эпидемия. Если бездетный человек перешагнет через радугу, у него будет ребенок. Если через радугу перешагнет юноша, он станет девушкой, если же перешагнет девушка, она станет юношей.

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА – ВРАТА ТЕЙРИ

Небесные врата отворяются ночью один раз в году. В это время исполняются все просьбы. В момент, когда отворяются небесные врата, вода в реках перестает течь, животные застывают на месте. Говорят, что видеть это знамение Тейри позволяет только своим любимым рабам.

* * *

Небесные врата отворяются только один раз в году, весной, во время равноденствия. В это время реки перестают течь, камни плаваются, все живое погружается в сон, замирает.

* * *

Небесные врата открываются в ясную тихую ночь. Это могут видеть только лишь богоугодные люди. В это время все вокруг озаряется светом. Если человек, увидевший это (знамение), быстро придет в себя и успеет высказать желание, оно обязательно сбудется.

А свое довольство человеком Тейри выявляет следующим образом: с неба слетает три звездочки. Одна из них через лоб проникает в голову, две другие садятся ему на плечи. Небо в это время приобретает ярко-зеленую окраску.

САБЛЯ ТЕЙРИ

Рассказывают так: в давних давностях, когда родство считалось по материнской линии и когда имущество умершего хана доставалось детям двух братьев, для господина неба, земли, воды, нартов, оборотней, джиннов и разных божеств Тейри была изготовлена сабля.

Ее сварили из семи сортов железа. Чего бы она ни коснулась, живого или неживого, камень ли, железо ли, воздух, вода — все рассыпалось на куски. Когда Тейри, смочив лезвие своей сабли, начинал точить ее о ярко-синий камень небес, гремел гром, разлетались огненные искры-молнии, шел дождь, а потом над горами появлялась семицветная сабля — жанкылыч («меч жизни»; «меч души». — *Х. Дж.*)

От земли до неба далеко. Жители неба не обращали внимания на обитателей земли, но Тейри иногда помогал тем из них, кто боролся за справедливость.

На горцев (карачаево-балкарцев. — *Х. Дж.*), почитавших Тейри, почти каждый год из-за перевалов нападали враги. Однажды горцы встретили их на перевале Гум-баши и преградили им путь в долину Кубани. Неприятельская конница окружила их. Никто не смог бы вырваться из такого окружения. Зная, что никто не останется в живых, горцы сражались, как богатыри, и падали один за другим. Дважды раненный князь, лишаясь последних сил, еще бился.

Его жена наблюдала за битвой с вершины холма. Увидев, что войско ее мужа гибнет, она взмолилась к Тейри. «О Тейри, обладающий силой и мощью, спаси нас от этой беды, сохрани наших людей и наше имущество, помоги нашим мужчинам в этом сражении! Дай князю свою саблю!» — просила она, воздев руки к небу.

И Тейри внял ее мольбе. Семицветная сабля, сверкнув в ясном небе, оказалась в руках княгини. Когда она верхом на коне уже приблизилась к мужу, в спину ей вонзилась стрела, выйдя под грудь. Теряя сознание, княгиня бросила саблю мужу. Князь схватил ее, и стоило ему взмахнуть этой саблей два-три раза, как вражеское войско рухнуло, и вместо него появились две кучи трупов. Уцелевшие, побросав захваченное добро, рассеялись во все стороны.

Князь похоронил жену с почестями, и на том месте, где ей в руки упала с небес сабля, воздвиг из камня высокий обелиск.

После смерти князя сабля Тейри хранилась на золотой цепи в глубокой пещере. Вход в пещеру закрывала железная дверь, ее охраняла стража. Чтобы уберечься от порчи со стороны черных бесов и джиннов, у двери разводили костер, на стенах развешивали собачьи шкуры.

Но это длилось недолго. Однажды младший сын царя восстал против своего старшего брата, который должен был занять место отца. Оба они со своими войсками начали битву. Старший брат взял из пещеры саблю Тейри, но удержать ее в руках не смог. Сабля улетела на небо. Так

Тейри дал понять, что не одобряет напрасного пролития крови, как и того, что брат поднимает руку на брата.

В трудные времена горцы, взирая на небо, вспоминали о сабле Тейри.

Тейри иногда вынимает из ножен и точит свою саблю. Тогда люди видят на небе радугу. Говорят, что сабля всегда наготове, если будет нужно защитить справедливость.

МОЛЬБА К ТЕЙРИ

Тейри, делающий не сущее сущим,
Тейри, сущее делающий не сущим,

Тейри, мощный надо всем,
Тейри, дарующий счастье сотворенной им душе!

Те, кому им повелено, справят веселье,
И порадуют этот дом.

Стар и млад, мы все явились,
И должны были явиться.

Возьмем же в руки чаши с бузой,
Взглянем (друг на друга) приветливо!

Это (соединение) воды и колосьев,
Веселящая пища горца!

Честь этой чаши высока,
Пусть всегда будет весел лик изготавившей ее (бузу)!

Веселье наше пусть каждый день будет таким же,
Пришедшие на это веселье пусть будут счастливы!

Пусть веселье не покинет народ,
Пусть беда его не коснется!

Пусть жизнь гостей будет мирной,
Пусть смерть их медлит!

Пусть развеселятся сердца,
Пусть благословятся добрые мольбы!

Тейри да поможет,
Тейри да смилуется,

Поможет жить в силе,
Поможет быть в силе,

Добро пусть приблизит,
Зло пусть отдалит,
Пусть Тейри исполнит наши пожелания!

Пусть даст корову, молоком обильную,
Овцу с густой шерстью,

Пусть добро нас не покинет,
Пусть проклятье не настигнет,

Пусть все благопожелания сбудутся,
А в доме недругов наших пусть будут ссоры.

Пусть те, кого мы любим, будут любимы,
Будут нарядны,

Пусть пожелания благословятся,
Пусть жизнь наша будет мирной.
Пусть обильно взойдут посевы,
Пусть не вкусят (этого хлеба) злые,

Пусть не дотянуться до их верхушек рукой,
Пусть меж ними и змее не проползти.

Пусть жизнь наша пройдет в единении,
Пусть пребудем мы в любви друг к другу!

Пусть развеселятся сердца,
Пусть верными будут помыслы!
Пусть благословятся добрые мольбы!

Пусть живут верные помыслы,
А зависть пусть поест моль!

Будем брать пример с лучших,
От плохих останемся вдалеке!

Пусть загоны будут полны скота.
Пусть улья будут полны меда!

Пусть (новое) поколение прибавляется двойнями,
Пусть восьмикратно проливается счастье!

Пусть не останется неокотившихся самок,
Пусть хищники детенышей не унесут!

Пусть дождливыми будут наши весны,
Пусть обильной будет наша снедь!

Пусть жизнь наша будет мирной,
Пусть богатство наше будет полным!

Чтобы любящие нас любили,
Нелюбящие чтобы сгорали (от зависти),
Чтобы они били себя по коленям (от горя)!

Чтобы ноги их спотыкались,
Чтобы сердца их разрывались!

Пусть весны наши будут дождливыми,
Пусть осени наши будут солнечными!
Пусть зимы наши будут снежными!

Пусть народ наш будет богат скотом,
Пусть у нас ни в чем нужды не будет,
Пусть в могилах наших будет светло!

Пусть старцы наши учат нас делам разумным,
Пусть юноши и девушки их исполняют!

Будут жить работая,
Есть честно заработанное,

Помогая друг другу!
Пусть мы будем из числа тех, кого любит Аллах!

Большую полную чашу
Поднесем и пригубим,

В нее заглянем — это
Верхушка сухого стебля,
Пища счастливца!

Это буза, это буза,
Ее пьют добрые мужи,

Она насыщает голодные желудки,
Уничтожает зло!

* * *

Дарованный Тейри ясный дар,
Дарованный Тейри питающий дар,

Свиток Тейри, главный свиток,
Основной дар — много свитков!

Рождение наше — начальный свиток,
Смерть наша — конечный свиток.

Дарованный Тейри ясный дар,
К Тейри мы, ой, обращаемся!

В честь тебя мы установили флаг,
Увековечили твое имя.

КОНЕЦ МИРА ИЛИ СТРАШНЫЙ СУД

Балкарское верование

Довольно любопытно верование о страшном суде у балкарцев, народности, стоящей на низкой ступени культуры... В их верованиях и суевериях заметны наслоения христианского и магометанского, отчасти даже языческого миросозерцания...

— Ну, что, — скоро ли будет конец света? — спросил я как-то старика-балкарца.

— Да, скоро, скоро наступит... Вот когда вырастет Тажал (нечто похожее на Антихриста), тогда и начнется... Он уже родился от женщины и теперь находится в море... Многие его давно ждут, как своего Бога, и 700 человек стоят у моря и караулят его появление... Он великан, и когда выйдет из воды, то сядет верхом на огромного ишака, с ушами в 60 аршин... Этого великана они назовут своим Богом... Тажал станет совращать в свою веру людей и обещать им блаженство рая и поверивших он, точно, пустит как бы в рай, — но это будет ложь и обман... Поверившие ему будут мучиться в аду, а неверившие спасутся. Царство Тажала долго будет...

Наконец, Махди из Шамо (Иерусалима) вступит с ним в борьбу за то, что он многих людей совратит с истинного пути... Будут долго и упорно они драться, но борьба ничем не кончится... Явится и Магомет на помощь Махди, но Тажал все же устоит против них... Наконец, с неба сойдет Иса (Иисус) и взойдет на самую высокую башню или мечеть, на то место, откуда кричит мулла... У Исы будет в руках длинная пика, и поразит Иса этой пикой Тажала в подошву ноги, ибо так высок ишак, на котором будет сидеть Тажал, что пика Исы, стоящего на вершине мечети, едва достигнет пяты Тажала...

И погибнет Тажал. Тогда-то и начнется светопреставление... Ангел Джериал дунет — страшный ветер и буря пронесутся по вселенной... Скалы упадут на скалы, утесы на утесы, и ужасный гул наполнит весь мир... Миг один — и люди все погибнут. Ни гор, ни утесов, ни скал не останется на земле. Все сравняется, и земля будет беспредельной равниной... Пройдет некоторое время, и польется обильный теплый дождь... Этот дождь оросит землю и воскресит умерших. Они все будут нагие. На земле страшно жарко будет: солнце спустится с седьмого круга на нижний и станет жечь невыносимо... Нагие люди должны будут идти на суд к Исе, и кто мало грешен, тот будет защищен от палящих лучей солнца туманом и облаками. Им будет прохладно, хорошо...

Кто много грешил, тот всю дорогу будет мучиться невыносимо... По приходе на суд их разделят на две части — правую и левую — и дадут им в руки книги, которые они должны читать... Те, которые мало грешили, будут легко, словно грамотные, читать; грешники же будут долго мучиться, раньше, чем прочтут те книги. Прочтут они и удивятся количеству своих грехов и начнут отказываться. Тогда свидетелями против них станут их собственные глаза, руки, ноги... И пойдут они в огонь, а праведники — в рай, — со вздохом окончил свой рассказ старик-балкарец, и глубоко задумался.

Г. Малявкин, 1894

Говоря о религиозно-мифологической системе, созданной нашими предками, трудно согласиться с мнением, некогда преобладавшим в позитивистской науке: якобы единобожие возникло из политеизма (многобожия), изменяясь вместе с обществом, в котором надолго утвердилась самодержавная, монархическая власть. Прав был, на наш взгляд, английский этнограф Эндрю Лэнг, заметивший еще в XIX веке, что представление о едином небесном Творце зафиксировано даже в тех регионах, где никогда не было ни монархий, ни царей.

Единобожие существовало с самого начала человечества (пусть мы и не можем сказать, что понимать под этим началом), но вера в единого и единственного Творца являлась достоянием небольших групп выдающихся людей, может быть, и отдельных каст или племен. Широким массам Творец казался далеким, отстраненным; гораздо ближе было им представление о множестве обитающих здесь же, рядом, могущественных существ, к которым можно было обратиться за помощью и, умиловив их, добиться желаемого. Этому способствовало много факторов, в первую очередь – разделение труда и дробление народов. Вместо образа Единого Творца явились образы многочисленных божеств и божков. Так единобожие и многобожие шествовали через всю историю, и это сосуществование весьма ярко и отчетливо просматривается в мифологии и эпосе карачаево-балкарцев. У Тейри, единого и единственного Бога, всемогущего и невидимого, нет ничего общего с языческими божествами, совершенно бессильными рядом с ним, более того, те обращались к нему с мольбами, как простые смертные. Политеизм сосуществует с единобожием и в наши дни, и не только в качестве верований так называемых «примитивных племен», поскольку, например, согласно исламу, поклонение богатству и власти, их почитание являются лишь одной из форм язычества (не говоря уже о сатанизме, откровенном культе зла).

Возникает вопрос – в какой среде созданы произведения, опубликованные в этой книге, и чьи воззрения они отражают? Разумеется, это фольклор одного народа. Но народ не есть одна сплошная масса. Традиционное карачаево-балкарское общество было сословным и строилось по строго иерархическому принципу.

Французский ученый Жорж Дюмезиль, анализируя фольклор индоевропейских народов, пришел к выводу, что древние этнические общности состояли из трех сословий: жрецов, воинов и собственников (производителей материальных благ), чем и объясняется наличие в эпосах индоевропейцев трех родов, к которым относятся герои. Один из родов отличался умом (жрецы), второй – мужеством (воины), третий – богатством (собственники). Но на материале карачаево-балкарского фольклора эта трехфункциональная теория не подтверждается, и нужно говорить о четырехфункциональности и близости к той классической стратификации, которая сохранилась до наших дней в Индии: жрецы-брахманы, воины-кшатрии, собственники-вайшья и рабочие-шудры. В карачаево-балкарском нартском эпосе – четыре рода. Четыре сословия было и в традиционном обществе, каким оно предстало перед первыми его исследователями:

1. Князья, аристократия (бий, чанка, ысхылты, басият).
2. Уздени, сословие свободных людей, принимавших присягу и обя-

занных участвовать в военных действиях (к ним принадлежало большинство населения).

3. Зависимые крестьяне (къул), делившиеся на несколько категорий (плативших только оброк, отрабатывавших барщину или полностью зависевших от своих владельцев и работавших за прокорм). Они имели свои семьи и имущество (дома, оружие), но не были обязаны участвовать в войнах или набегах.

4. Бесправные и неимущие рабы и рабыни (къазакъ, къарауаш).

Судя по всему, жречество не составляло у карачаево-балкарцев (в отличие от их предков) отдельное сословие и приравнивалось к узденям; возможно, большинство священнослужителей и происходило из этой среды. Именно по этой причине карачаево-балкарский эпос как бы трехслоен (у рабов эпоса быть не могло). Здесь, поскольку вся духовная культура народа есть нечто целое и цельное, нужно сказать о взаимосвязи мифологии, эпоса и религии.

Истоки образов многих языческих божеств карачаево-балкарского пантеона, как и героев эпоса, находятся в эпохе тотемизма. Однако принятая в науке теория, согласно которой причина появления тотемизма заключается в том, что люди, возводя свое происхождение к животным, впервые смогли осознать родство друг с другом, совершенно неверна. Тотемизм, как общественное явление, не мог возникнуть в результате размышлений отдельных древних философов.

Более приемлема точка зрения Р. Р. Тилова. Первые имена, вероятнее всего, были наименованиями животных, многими из них нарекают детей и в наши дни. В какие-то незапамятные времена имена выдающихся людей, великих охотников или шаманов и т. п., давших начало роду, стали восприниматься как имена предков, действительно имевших облик зверя, животного, птицы, рыбы и т. п. Так должен был появиться животный (тотемистический) эпос, герои которого действовали, говорили и мыслили как люди, но выглядели как животные, обустройствающие мир, в котором живут их потомки-люди. В эпохе тотемизма берет начало и такой распространенный культ, как почитание предков.

Но этот древнейший эпос имел продолжение и в более позднюю эпоху, когда произошло разделение труда и общество приобрело определенную структуру, т. е. разделилось на жрецов, воинов и умельцев (земледельцев, скотоводов). И каждое из этих развивающихся сословий внесло свой вклад в появление эпоса, который называется нартским. В основном это повествование о героях-витязях, их подвигах и войнах, но считать его только героическим нет оснований. Картины мирной трудовой жизни или космогонические, космологические, метафизические мотивы составляют немалую часть этого монументального произведения, и в нем отчетливо различимы все три слоя, отражающие быт, воззрения и вкусы всех трех основных сословий. Какой из них нужно считать наиболее ранним? На наш взгляд, подобный вопрос неправилен. Представляется, что все они возникали и развивались одновременно, вырастая из общего корня — эпоса тотемистического. Преобладание в карачаево-балкарской Нартиаде темы войны и военных подвигов объясняется, видимо, тем, что она сложилась в основных чертах в эпоху военной демократии, накануне возникновения государства, когда основную массу населения составляли свободные люди, уздени. По этим же причинам нельзя считать эти три слоя одного и того же великого произведения народного творчества тремя отдельными эпосами.

Так, например, кузнец Дебет, прародитель нартов, является еще и пророком, культурным героем, великим мастером-художником. Его старший сын Алауган – не только бесстрашный воин, но и кузнец. Витязь Чюерди в молодости был пастухом, могучий Бёдене – рыболов. Многие персонажи эпоса владеют магией и способны перевоплощаться в других живых существ или влиять на погоду. Много в эпосе и других отголосков шаманизма. Богатыри-нарты в карачаево-балкарских сказаниях выглядят полубогами, являясь, с одной стороны, сыновьями и потомками солнечного бога кузни Золотого Дебета, а с другой – людьми, но необыкновенно сильными и мужественными (возможно, героическому эпосу предшествовала и богатырская сказка). Многие из этих героев сохранили черты и тотемистических героев-предков, о чем свидетельствуют их имена или атрибуты, некоторые являются в равной мере и божествами, и людьми, культурными героями (Дебет, Ёрюзмек, Сатанай-бийче, Къызыл Фук).

В сказаниях говорится, что нартам в их борьбе со злыми великанами и иноплеменниками-людоедами помогают божества, но примеров такой помощи всего два-три. Зато велика роль Тейри, к нему и обращаются богатыри в самых затруднительных ситуациях. Можно уверенно сказать, что карачаево-балкарская Нартиада проникнута духом тенгрианства и что нарты сражаются за утверждение высоких идеалов этой религии; карачаево-балкарский нартский эпос, в принципе, монотеистичен. Идеологическая борьба внутри нартского общества между язычеством и тенгрианством описана в эпосе очень ярко и подробно, и, судя по всему, она так и не закончилась полной победой одной из сторон. И, вне всякого сомнения, нартский эпос (в основном) есть эпос узденей-воинов и узденей-жрецов. Неслучайно, что даже вождь нартов Ёрюзмек несколько раз назван в нем именно узденем, а не князем. Неслучайно и обилие в нем жреческих тем и мотивов – космогонии и космологии, борьбы идеологий, и т. п. Языческие божества в воинском слое нартского эпоса упоминаются, но никакой особой роли не играют, в нем безраздельно властвует культ Тейри. Эпос делится на циклы (полтора десятка), но объединенных единой темой – борьбой против злых великанов и язычников-иноплеменников, каннибалов, практикующих человеческие жертвоприношения, борьбой за преодоление междоусобиц и объединение всего нартского народа.

Несколько иными чертами отмечен слой эпоса, отражающий воззрения мирных тружеников-крестьян (кулов). Язычество представлено в нем весьма ярко. Уже есть довольно ясные представления о различных божествах, имеющих более или менее пластический облик, покровителях и владыках стихий, природных объектов и явлений. Поскольку основными хозяйственными занятиями являлись земледелие, скотоводство, металлургия и охота, то и главными героями этой части эпоса (которую можно назвать крестьянской) являются земледельцы (Ауал и Астал), пастухи (Аймуш, Маймур) и охотники (Бийнёгер, Ажо-батыр). Конечно, этот пласт фольклора дошел до нас не полностью, но, судя по всему, он был очень обширным. Интересно, что лучше всего сохранились песни об охотниках.

Среда, в которой возникал и развивался тот или иной эпос, диктовала темы и характеры действующих лиц. Если нарты прежде всего – воины, то и добиваются они побед и воинской славы, – но под общим знаменем тенгрианства.

Герои «крестьянского» эпоса добиваются иных целей (богатства и преуспевания), благодаря покровительству богов или богинь, часто – вступая с ними в брачные союзы; и люди, и божества в одинаковой мере

являются персонажами этих сказаний. Но эти божества, в отличие от Тейри, не выглядят такими уж человеколюбивыми и доброжелательными, в них есть что-то злое, демоническое, и связь с ними или конфликт не приносят героям ничего, кроме гибели. Таковы древние поэмы «Бийнёгер» и «Аймуш». Язычество как псевдорелигия находится на пороге гибели, пути людей и мифологических покровителей расходятся. Эти произведения, вероятно, были созданы в период ожесточенной борьбы тенгрианства с язычеством, которое так и не было преодолено полностью. Поэтому отношение к языческим божествам несколько двойственное даже в «крестьянской» части эпоса, описывающей, надо полагать, начальную, патриархальную жизнь нартского (скифо-гунно-аланского) народа.

Не привело к монотеизму и принятие аланами христианства. С падением Византии (1453 г.), откуда шла его пропаганда, все вернулось на круги своя: Тейри представлялся массе в качестве главы пантеона богов, к которым были причислены и некоторые христианские святые.

В эту эпоху появился историко-героический эпос, несколько десятков песен (по существу – поэм) о людях, действовавших на свой страх и риск, полагавшихся только на свои силы и мужество. Интересно, что в этих произведениях религиозно-мифологических мотивов почти нет – ни языческих, ни тенгрианских, ни христианских. В этот период все три течения, ослабленные в борьбе между собой, постепенно приходили к некоему компромиссу, синкретизму, который быстро рухнул под напором ислама. Этот историко-героический эпос, героями которого являются преимущественно представители аристократии, можно назвать княжеским. Если в нартском эпосе народ является и действующей силой, и фоном для изображения подвигов отдельных витязей-батыров, то в историко-героических песнях он, чаще всего, отсутствует или остается только фоном.

Одна из уникальных черт духовной культуры карачаево-балкарского народа – ясно прослеживаемая последовательность и преемственность основных тем, мировоззренческих идей и образов; трансформируясь в соответствии с велениями времени, она не растеряла и наследия предшествующих эпох. Наши предки жили в атмосфере напряженных духовных исканий, о чем свидетельствует не только необъятный фольклор, но и, в неменьшей степени, язык карачаево-балкарцев, выразительный, гибкий, звучный, с богатейшей лексикой, сохранивший мудрость древних поэтов и мыслителей.

ТОТЕМИЗМ. ДЕРЕВЬЯ И ЖИВОТНЫЕ

Агъаз «ласка». До недавнего времени в некоторых местностях в честь этих зверьков исполнялся «Агъаз тепсеу» – «Танец ласок».

Акъ Жугъутур «Белый Тур» – вожак всех туров, любимец бога охоты и диких животных Апсаты. По мифу, ударом рогов расколол надвое луну.

Ат «конь». Черты предка-коня отчетливы в образе солярного божества – Золотого Дебета. Конь в верованиях карачаево-балкарцев связан именно с солнцем. Кроме того, в некоторых сказаниях говорится, что родовой конь потомков Дебета – Гемуда питался железной рудой, как мог находить и даже есть железо и сам Дебет.

Байкъуш «филин». Символ мудрости.

Барс, къаплан, алан «барс». Главный тотем. Первый термин попал под запрет и стал архаизмом. Взамен появилось *алан*, из *ала анг* «пятнистый зверь», стянувшееся в *алан*, средневековое название предков кара-

чаево-балкарцев. Другое описательное именование тотема – *ала уан* «пятнистое существо» – стало именем героя нартского эпоса Алаугана, старшего сына Дебета, с закономерной вставкой недостающей согласной «г». Алауган – сокращение из древнего *алауанжух*, *алауганжух* «барсоликий», с последующим отщеплением начальной части – *ганжух*, *генжух*, *генжох*; поэтому сына Алаугана в эпосе иногда именуют сыном *Генжока*, *Кенжока*. Именно Алауган носит шкуру барса (*кӟаплан тери*).

По какому-то недоразумению термин *кӟаплан* (от *кӟабы ала* «пестрошкурый») стал считаться названием тигра. На самом деле тигр в карачаево-балкарском именуется, как и у других тюрков, *жолбарс* «полосатый барс», в отличие, скажем, от *албарс* «пятнистый барс» (ср. названия двух могучих собак, стражей луны).

Бёрю, буд «волк». Волчьим молоком вскормлен вождь нартв Ёрюз-мек, родившийся из упавшей на землю и расколовшейся надвое кометы. В гимне в честь богини Умай-бийче сказано, что матерью нартв была волчица.

Гемуда – родовой конь нартв. Принадлежал Дебету, потом перешел к его сыну Алаугану, а от него – к внуку Дебета Карашауаю. Мог менять свой облик – от вислоухой клячи до богатырского скакуна. Обладал даром речи и предвидения, давал своим хозяевам мудрые советы. Бессмертен, как и Карашауай, единственный из нартв, оставшийся на земле и живущий в окрестностях Эльбруса. Питался железными опилками и рудой. В одном из сказаний описан как синкретическое существо – конь с рыбьим хвостом, жабрами и орлиными крыльями. Носитель космической мощи – творит зиму и лето. Тотемическое прошлое Гемуды проявляется и в том, что, по одному из сказаний, часть рельефа Центрального Кавказа является результатом его деятельности: он пробивает грудью ущелья, ударом копыта раздваивает вершину Эльбруса и т.п. Воспеванию Гемуды в эпосе посвящена целая поэма.

Гурт жилин «дворовая змея», **шугут жилин** – змея, жившая во дворе дома и считавшаяся его покровительницей.

Жангыз Терек «Одинокое Дерево» – большая сосна близ сел. Хурзук, объект почитания и поклонения карачаевцев.

Кӟанкӟаз (арх. *гуу*, *гун*) «лебедь».

Кӟара тюлю «чернобурая лиса». Способностью обращаться в это животное обладает «мать нартв» Сатанай-бийче. Держать у себя дома кусочек шкуры чернобурой лисы считалось залогом счастья и богатства.

Раубазы «опора рода, племени». Огромная сосна, которой поклонялись жители сел. Шауурдат (в Черекском ущелье Балкарии).

Сипи – священный кустарник, ветви которого использовались для гадания (краснотал?).

Шахан, шахай, шаккай «сокол». Имя главного героя карачаево-балкарского эпоса – Кӟарашауай – легко восстанавливается в Кӟарашахан – Кӟарашахай – Кӟарашавай – Кӟарашауай: «большой сокол».

ОБРЯДОВЫЕ ТЕРМИНЫ

Алгъыш – 1) благопожелание (приветствие) или закрепленное в традиции обращение к богу, которым начинался любой праздничный ритуал; многие из них насчитывают десятки строк; 2) заговор, заклинание.

Ант – 1) «клятва» (чаще именем какого-либо божества); нарушение ее считалось страшным грехом и одним из тяжких преступлений, как и

лжесвидетельство; 2) «проклятие»; это значение фиксируется в выражениях *ант жетсин* «да настигнет проклятье», *ант ызындан болсун* «пусть его преследует проклятье» и т.д. (как и в русском языке, термины *клятва* и *проклятье* в балкарском языке являются однокоренными). Вероятно, *ант* означало в древности «слово» (ср. рус. «дать слово»), откуда и совр. *айт* «говорить, молвить».

Баразагъа басдырыу «окапывание в борозду» – весенний обряд, имитировавший принесение девушки в жертву духу-хозяину земли, поля (например, дракону).

Барсойнакъ «барсово игрище» – воинственный танец-импровизация, исполнявшийся юношами после обряда посвящения в воины.

Бети къара «черноликий» – ритуал наказания преступника, лицо которого обмазывали сажей и водили по улицам или привязывали к позорному столбу.

Бёрю аууз байлагъан «завязывание волчьей пасти» – магическое действие, в результате которого волк не мог раскрыть пасть.

Бёрю сингир кюйдюрюу «сжигание волчьей жилы». Считалось, что горящая волчья жила в руках лжесвидетеля или преступника вызывала у них судороги и тем самым помогала выявить виновного.

Бёрю согъуу «волчий наигрыш» – особая мелодия, исполнение которой умирало волков.

Бырнак «отверженный, извергнутый» – человек, с которым общество обрывало все связи.

Дууа – талисман, оберег; заклинание, заговор.

Жауурунга къарау букв. «глядение на лопатку» – способ узнать будущее по лопаточной кости жертвенного животного. Обычно ее нагревали на огне, чтобы линии и трещины проступили отчетливее. По ним и предрекали будущее.

Жел чакъырыу «призывание ветра» – обряд вызывания ветра во время провеивания зерна на току.

Жораланныкъ тюш – сон, поддающийся толкованию.

Жоралау «посвящение» – обряд инициации. После испытаний, юноши признавались полноправными членами общества, воинами, и им сообщалось священное знание. В знак посвящения на правую лопатку наносился знак креста (*жоралау* – букв. «взятие (принятие) креста»). Одним из элементов посвящения, проводившегося в период паломничества в святилище *Шамбалык*, согласно эпосу, было хождение по огню (у болгар, потомков тюрков, ушедших на Дунай, этот обряд сохранился; участников, юношей и девушек, называют *нестинарами*).

Итлик кёлек букв. «собачья рубашка» – первая одежда, сшитая младенцу.

Итлик чач букв. «собачьи волосы» – волосы младенца, остриженные впервые.

Керти тюш – вещий сон.

Кюрек бийче букв. «богиня-весло» – разряженная кукла, которую носили с собой женщины в обряде вызывания дождя.

Къайгъы аш «поминальная пища, трапеза» – пища, приготовляемая еженедельно для употребления при поминании умерших домочадцев.

Къаргъыш «проклятие» (устное) – проклятие или традиционная часть ритуала отвержения преступника от общества, противоположная благопожеланию по смыслу и назначению. Весьма вероятно применение проклятия как магического приема, направленного против внешних врагов. Иногда

«каргыши» встречаются и как часть традиционных благопожеланий. Вместе с тем, адресовать проклятия кому-либо было небезопасным (а для мужчин и вовсе запретным), поскольку считалось, что в случае невиновности проклинаемого они падут на голову самого проклинающего.

Къаст (къас, хас, уас, ас, аш) – 1) «святой обет»; 2) «святой, священный». Высшая форма клятвы. Из *къаст*, в результате закономерных фонетических процессов, возникают слова *уас, ас, аш* «святой», ставшие частью имен разных божеств, вошедших в языческий пантеон из христианства – *Аш-Тотур* (св. Теодор), *Аш-Керги* (св. Георгий), *Аш-Элия* (св. Илья). *Ууаз* – «проповедь» в отличие от созвучного *ауаз* голос.

Къатыш тюш – сон, представляющий собой мешанину образов, не имеющих связи и неподдающийся толкованию.

Къач – 1) «крест, образ, икона, честь»; 2) «присяга»; ее приносили, стоя в круге, перечеркнутом крестом; 3) метка в виде креста, которую наносили на правую лопатку молодого воина, прошедшего испытательный срок и принесшего присягу. В древности язык считался даром Бога, заключающим в себе мудрость. Поэтому предки карачаево-балкарцев, вдумываясь в значение тех или иных значимых слов, расчленяя и объясняя их, создавали те или иные ритуалы (подробно см. об этом в предисловии к изданию карачаево-балкарского этического кодекса «Ёзден Адет» (Нальчик: «Эльбрус», 2005).

Другой термин, имеющий значение «крест» – *жор* – содержится в терминах *жортууул* «поход, набег», *жора* «посвященный», *жора, чора* «другинник», *жоралау* «посвящение». Все это, как и усматриваемое сходство в изображениях креста и меча, послужило толчком к появлению ритуала присяги и обычая нанесения отметины в виде креста. Кроме того, слово *жауурун/ жауорун* «лопатка» прежде звучало как *жанорун*. Но абсолютно созвучное *жан орун* означает «место души», «место пребывания души».

Къой согъуу «овечий наигрыш» – мелодия, которая зачаровывала овец и помогала собрать разбредшуюся в непогоду отару.

Къынгыр къач «кривой крест» – свастика, знак счастья, удачи, солнца. Считалось, что свастика, начерченная железным предметом на месте, где упал и ушибся человек, уничтожает гнездившихся там бесов.

Къыран, къырал – зарок; божба.

Лейсан жауун – первый весенний дождь. Эта дождевая вода считалась целительной.

Мыртыскы «смертный сон» – обряд, с помощью которого устанавливалась связь с покойниками для того, чтобы узнать будущее.

Налат «проклятие» – форма общественного отвержения преступника, включавшая в себя и вербальное его проклятие.

Налат таш «Камень проклятия» – имевшийся в каждом крупном селении вертикально установленная каменная колонна с шестью гранями. К ней привязывали человека, прежде чем совершить ритуал проклятия. *Къара багъана* «черный столп» – то же самое, только столп не каменный, а деревянный.

Озай, шертмен, гюппе – колядование. Приурочивалось к Новому году, празднование которого проводилось в день весеннего равноденствия, перед наступлением священного месяца Тотур (март–апрель).

Отоу тюбю «пол комнаты» – обряд, исполнявшийся перед первым пеленанием ребенка.

Сандыракъ тепсеу – ныне понимается как «бредовая пляска», «горячечная пляска», но в древности термин имел другое значение. Элита

общества, посвященная в тайные знания, старалась сделать их, а также свои ритуалы недоступными для непосвященных, скрывало их или выдавало в закодированной или переименованной форме. Поэтому слово *сандыракъ* в обратном чтении выявляет свой истинный смысл — *кзарындаш*; *кзарындаш тепсеу* — «пляска братьев», т. е. членов тайного общества (мужского братства). В процессе вырождения этих обществ, а также с приходом христианства и ислама экстатические пляски и ритуалы, как и песни, сопровождавшие танец, имевшие целью выхождение человеческой души за свои пределы для единения с Богом (вхождение в транс), стали восприниматься как нечто абсурдное. То же самое случилось и с некоторыми гимнами в честь отдельных божеств; например, вместо торжественного гимна в честь умирающего и воскресающего (солярного) бога Голлу появилась пародирующая этот гимн песня.

Суу алышмакъ «обмен водой» — один из компонентов обряда вызывания дождя, когда участники моления обливали друг друга водой.

Табут — благодарственный поклон божеству.

Табыныу — поклонение божеству, его почитание.

Ташланган «изгой». Поскольку термин можно понимать и как «побиваемый камнями», ритуал изгнания преступника являлся казнью, включавшей в себя побивание камнями.

Таш салыу букв. «сев камешков» — гадание, мантика; гадание на 41 камешке (горошине, зёрнышке и т.п.).

Таякъ ант букв. «клятва палки» — обряд принесения присяги, когда присягающие проходили под палкой из ветви почитаемого дерева, которую держали за оба конца двое старейшин.

Теке «козел», **кепай** «ряженный», **гяпчи** «скоморох», **акъсакъл** «белобородый» — ряженные, непременные участники различных праздничных обрядов (колядок, игрищ и т.п.).

Тёлю баш «начаток приплода» — обряд принесения в жертву духу-хозяину местности первого ягненка в приплоде.

Тобагъа къайтыу — обряд покаяния.

Тузлу гюттю «соленый колобок» — один из атрибутов обряда гадания на суженого.

Тунгуч, тюнгюч «первенец». Считалось, что первенцы обладают большой магической силой.

Тыпыр патчах «царь очага» — чучело, символизировавшее почитаемого покойника; устанавливалось возле очага.

Тюй ургъан букв. «обрызгивание просом» — обряд лечения от нарывов.

Тюкюрюу «оплевывание» — обряд лечения от сглаза, во время которого знахарка, произнося заклинание, периодически дует на больного и имитирует оплевывание.

Харам «нечистый» — человек, отвергнутый родом, своей семьей — родителями, братом, сестрой.

Хыйны, хыйны-халмаш — 1) магия, колдовство; 2) колдовское зелье, снадобье.

Чёк «поклонение» (ср. *чокъун* «поклоняться») — ежемесячный ритуал поминания предков.

Ырым тилек — тайная молитва, произносимая про себя.

Ыстым кече — восьмая ночь от дня рождения ребенка, когда его нарекали именем. В более отдаленные времена ребенок получал взрослое имя только в 14–15 лет, когда крестный дарил ему коня и доспехи (ныне — нарядную рубашку). До этого времени мальчик имел только кличку.

Эшек атха миндириу букв. «сажание на ослиного коня» – ритуал, по которому преступнику выбривали половину бороды, связывали руки, сажали на осла задом наперед и возили по селу.

ПРЕДКИ

Адам «человек». *Адам улу* «человечество» (допускает двойной перевод: «потомство Адама»; «сын человеческий», в значении «человек»). Древние термины – *киши* (от *киш*, *кеш*, *кес* и т.д. – «барс», откуда и название домашней кошки – *киштик* «маленький барс, барсик»); синоним – *алан*, употребляется в единственном и множественном числе при обращении в значении «соплеменник (-ца), человек, люди». Еще один термин – *эр* (древнее *ар*) – «мужчина, человек». Сотворен из земли и состоит из тела, души и духа. Тело (*сан*) являет собой совокупность, множество (*сан* – «число»), душа имеет семь энергетических центров (аналогично системе чакр в учении йогов) и единый дух:

кгут – нижний энергетический центр души, находится в промежности; жизненная сила.

кёл букв. «озеро» – расположен над лбом;

тин (возможно, от *тюн* «свет») – в области солнечного сплетения;

жан «гореть», «жизнь» – в области сердца;

ах – у основания горла (щитовидная железа?);

ал «перед, начало» – над переносицей;

бус, *мус* – в центре мозга (шишковидная железа?).

Все семь терминов синонимичны и в обыденной речи означают «душа», иногда «дух». Наиболее употребителен термин *жан*. Вся система чакр представлялась, видимо, для наглядности, как внутреннее дерево, в отличие от дерева телесного, внешнего (*кэаб балас* «дерево оболочки»): *шам балас* «святое дерево», *жан балас*, *жан терек* «дерево души, жизни», *сан баласы* «дитя тела», или растения – *сибил от* «невидимое растение», или «волшебное растение», или «невидимый (волшебный) огонь». Последнее именование, идентичное термину *шибилля* «молния; электричество» (например, *шибилля чыбыкь* – «электрический провод»), заставляет думать, что древние мыслители видели в этих семи чакрах именно энергетические (электрические) центры. Поэтому выражение *сибил от*, *шибил от* можно переводить и как «электрический огонь», и как «электрическое растение»: *от* – «огонь; трава, растение» (откуда, скажем, *отла* «пастись»), «отрава»; «бык» (архаизм). Ср. также *сибил бёрк* «шапка-невидимка»; имя одного из нартов – *Сибилчи*, *Шибилчи*; название одного из эпических сказаний «*Сибил нартла*» («Нарты-волшебники»? «Грозовые нарты»? «Грозные нарты»?).

Агъач «дерево» – фигура человека, стан.

Ая-къала, **Шам-къала** «святая крепость (башня)» – укрепление, цитадель, в которой под присмотром одной из *аякъыз* (см. ниже) хранилась чаша «Агуна».

Аякъызла «святые девушки» – девственницы, посвятившие себя служению Богу в святилище (напомним о весталках в Древнем Риме).

Байчы, **тыпчы** – жрец.

Билгич – 1) провидец, знахарь, ясновидец; 2) джинн (дух), благодаря сношениям с которым, как считалось, человек может знать тайное и предсказывать будущее, лечить и т. п.

Гоначхир – охотник, человек, впервые приручивший коня.

Жазыу «писаное» – судьба, то, что записано в Книге Жизни и что

предстоит испытать человеку. Считалось, что судьба человека записана у него на лбу (*мангылайында жазылып турады*).

Илкер таш «камень (созвездия) Плеяд» – почитавшийся нартами (предками) камень в местности Сары Кая.

Къан, къун «кровь». Считалась носительницей души (*жан*) и наследственных качеств (*ызгъыл*).

Къара машакъ – «черный священник», монах. Название игровой карты («пиковая дама» – «черная жрица», «монашка»).

Къуртха – ворожея, провидица, знахарка.

Къыркъ суу «Сорокаречье» – священная область Страны Нартов (Скифии-Гуннии-Хазарии), район Кавказских Минеральных Вод.

Машакъ – тенгрианский священник, волхв. Слово, скорее всего, происходит от *башы акъ* «седоголовый, старец»; при слитном произношении получим *башыакъ* «намавленная голова, помазанник», поскольку в йокающих тюркских языках слово «масло» – совр. *яу, жау* – звучало как *якъ, жакъ* «мазь, мазать» (отсюда же слово *патчах* «царь»; в древности цари являлись и первосвященниками). Позже закономерно изменилось в *машыакъ, машакъ* (ср. древнееврейское *машиах* «мессия, спаситель, помазанник», арабское *масих*, или именование манихейских жрецов в Средней Азии – *мочак*).

Машук тау (от *машакъ тау*) «жреческая гора» – гора у г. Пятигорска, на вершине которой в древности исполнялись важнейшие обряды. Подобные же высоты именовались *чууана* «святилище».

Нарт къопхан – солнцеворот, букв. «вставание нартов», поверье, гласящее, что накануне Нового года, в день весеннего равноденствия, предки встают из могил, чтобы, в образе различных животных (память о тотемах, предках, имевших облик животных, а также отражение древних колядок) навестить потомков или предупредить их о грозящей беде. Это поверье возникло в результате ложного осмысления выражения *нар къопхан* – «вставание, воскресение солнца» (весной, после зимнего, «смертного» сна).

Нартла – 1) нарты, эпические богатыри; 2) предки; древние. Слово *нарт* происходит от древнего *нар* – «солнце» и означает «солнечные» – *нартты* (в современной форме звучало бы *нарлы*), поскольку, согласно эпосу, нарты были потомками солнечного божества Золотого Дебета. Кроме того, нартский эпос является мифо-эпическим отражением истории предков карачаево-балкарского народа – скифо-алано-гуннов; *гун* (*кун, кюн, гюн*) также имеет значение «солнце». По той же причине пословицы называются в карачаево-балкарском языке *нарт сёзле* – «нартские речения», а древние могилы – *нарт къабырла* «могилы нартов, предков», «древние могилы».

Нарт Эл «нартская страна» – страна нартов, предков; по данным эпоса, очертаниями напоминала четырехугольник, ограничиваясь Прикубаньем, горой Казбек, Нижней Волгой и Крымом.

Обур – 1) «оборотень», чаще всего женщина; 2) «вещий, провидец». В древности, видимо, означало «шаман, шаманка». Все, что у карачаево-балкарцев рассказывается об обурах, у тюрков Алтая и Саян рассказывается о шаманах.

Сибилти «волшебная» – одно из названий священной территории в Стране Нартов.

Сыйкъырчы «колдун», «волшебник».

Сюлдер – дух, бессмертное и всеведущее божественное начало в человеке.

Сюний «мудрый, мудрец, суфий».

Тирилмек – воскресение из мертвых.

Файгъамбар, пайгъамбар «пророк». От *бай гамы бар* «имеющий связь с Богом» или от *балхамбас, балхамбаш* «с бальзамом на голове», «помазанник». Ошибочно считается иранизмом.

Чарх «колесо»; «организм».

Чокъуракъ «раковина». Из нее, по одному из мифов, появились на свет первые люди на земле.

Шайых, шыйых «святой, праведник» (от корня *сай, шай* «избранный», восходящего к *сакъ, шакъ*).

Шамбалыкъ «священный город» – главное общетюркское святилище у подножья горы Машук (совр. Пятигорск), в котором, по преданиям, хранились великие реликвии, в том числе волшебная золотая чаша *Агуна* (от *хакъ уна* – «признающая (только) истину»). Сюда и совершали тюрки ежегодное паломничество в запретный для войн священный месяц Тотур (с 22 марта по 22 апреля), для проведения молений и празднества. Отголоском этого обычая являлось в последующие века общенациональное празднество «Голлу», в честь умирающего и воскресающего солнечного божества. Хранителями и служителями *Шамбалыка* были предки карачаево-балкарцев. Отсюда же сохранившиеся до наших дней именованья всей страны – *Шам Алан* «Святая Алания» и ее частей – *Шам Къарачай, Шах Малкзар, Хас Къарачай, Шам Теберди*. Святилище подверглось нападению греков-эллинов, под командованием Ясона (поход аргонавтов). Было уничтожено в результате нашествия войск Тамерлана (см. в нашей работе «Шамбала»).

Шекелсиз жылла «годы без облика» – время после ухода нартов в иные миры и перед началом исторического времени.

МИР И ВРЕМЯ

Алтын Тал «Золотая Ива» – дерево, олицетворявшее все мироздание в целом; звезды ассоциировались с его листьями.

Алтын Тау «Золотая Гора» – мировая гора, первый участок суши, появившийся при сотворении мира; одно из трех десятков названий Эльбруса. Мыслилась стоящей в центре мира. На ней же росло мировое дерево, там бил священный родник бессмертия. Считалось, что в ее седловине стоит высокая башня, в которой солнце отдыхает перед закатом (*Кюн Къала, Нар Къала*). Кавказский хребет (*Капказ*) также назывался Золотыми Горами.

Алтын Терек «Золотое Дерево», Темир Терек «Железное Дерево» – мировое дерево, народное осмысление древнего знания об оси вращения земли.

Ара дуния – средний мир, поверхность земли.

Ассуат кечеле «ночи ассуат» – непроглядно темные, беззвездные ночи в начале времен. В том же значении термин «асват» употреблялся в древнеиндийской мифологии.

Ахырат – иной мир, куда уходят души умерших.

Ахырзаман «последнее время» – неопределенный период времени перед концом света.

Бай Терек «Божественное Дерево» – священное дерево рода или племени, синонимично *Ийман Терек* «Дерево Веры»; одно из именованний древа мирового. Поскольку *ийман, иман* «вера» сходно с *эмен, имен* «дуб», тюрки часто проводили моления под священными дубами.

Гъарш – высшая точка небесного свода, зенит.

Долай «океан» – эфир, мировой океан, окружающий всю землю. Пастухи, сбивая масло, пели, прося у Бога даровать им океан масла. Когда термин перешел в разряд архаизмов, были попытки понимать его в качестве имени божества, дарующего изобилие масла или даже покровителя крупного рогатого скота. Вполне возможно, что в этих песнях сохранялся отголосок древнейших представлений о том, что мир был создан Богом (или богами) в процессе пахтанья мирового океана, подобно тому, как масло сбивается из сметаны.

Дуния (от *тюн, дюн* «свет, явь») – мир, свет, вселенная.

Жаннет – рай, место пребывания душ (*жан*) праведников.

Жаханым – ад, огненный центральный слой преисподней.

Жер турусу – земная ось.

Заман «время» – делилось на неравные периоды:

1. *Дуния жаратылгъан заман* «время сотворения мира». Согласно мифам, сопровождалось гигантскими катаклизмами.
2. *Нартла заманы* «время нартов» – эпоха, начавшаяся после всемирного потопа и длившаяся до *буруннгу заман*.
3. *Буруннгу заман* букв. «древнее время, переднее время» – эпоха, наступившая после «времени нартов» и длившаяся до присоединения Балкарии и Карачая к России (1827–1828 гг.).
4. *Ныколай заман* «николаевское время» – эпоха от присоединения к России (при Николае I) до I мировой войны и революции.
5. *Дуния бузулгъан заман* «время разрушения мира» – период времени после начала I мировой войны.

Ёксюзле дуниясы «мир сирот» – одно из именований мира мертвых, существующего параллельно с миром живых.

Кёгей – спица колеса; созвездие.

Къалыубаладан бери, келеупеледен бери – кораническое выражение, означающее в речи карачаево-балкарцев «со времени сотворения душ».

Къап таула (Къуф таула) «ограждающие горы» – одно из именований Кавказа; горы, кольцом ограждающие земной круг. На них опирается купол неба.

Къыяма «светопредставление» (слегка измененное *къуяма* «ливень») – непрерывный проливной дождь, в результате которого начался всемирный потоп. Ошибочно считается арабизмом.

Минги тау «вечная гора» или «гора вечности» – основное название Эльбруса в карачаево-балкарском языке.

Нартур «стояние солнца» – солнцестояние; *тур* «стоять».

Огъары дуния – верхний мир.

Ол дуния «тот свет» – иной мир, куда уходят души умерших; синоним *ахырат*.

Саулукъ суу «источник здоровья»; *Бора шаудан* «родник Бора» (?) – родник, стекающий с горы Эльбрус, дарующий бессмертие и здоровье. Считалось, что его охранял огромный орел.

Сынжыр Тёре «судная цепь» – цепь, которая некогда свисала с небес, и наказывала смертью человека, если он, взявшись рукой за нее, давал ложные показания. Это также одно из народных осмыслений древнего знания о мировой оси.

Тёбен дуния – нижний мир.

Тулу – родничок (мягкое место на голове младенца); полюс.

Туру – межевой знак в виде вертикально установленного камня или столба; ось.

Туфан — всемирный потоп.

Тюп, мыртты, кёр, жаханым, ахтыяр, гырын, тюбелек — семь слоев земли.

Тюпсюз — бездна, окружающая Вселенную.

Халабалыкъ, халахоста — хаос.

МАГИЧЕСКИЕ СИЛЫ И ПРЕДМЕТЫ

Алтын аякъ «золотая чаша» — священная чаша с живым пламенем, изготовленная Золотым Дебетом для своих потомков-нарттов. Ее лице-зрение или питье воды из нее придавало им сил, здоровья, мужества. Хранилась в высокой башне (или в пещере) под присмотром девушки (*аякъыз*). Изображалась графически (вплоть до наших дней) как чаша с маленькой изогнутой ручкой, по конфигурации напоминающей гуся (лебедя). Много раз встречается в мифах и эпосе как главная святыня народа. Вероятно, с этим связано и то, что огромное количество каменных изваяний, установленных тюрками в степях и горах Восточной Европы, изображают воинов, держащих в руках чашу (или рог), символ бессмертия. Позже стала известной на Западе под названием чаши св. Грааля, на Востоке — чаши Будды, чаши Джемшида.

Множество ее именований, многозначность некоторых слов и ошибки в их произношении привели к появлению различных мифов и представлений об этой реликвии. Например, слово *аякъ* означает и «чаша», и «нога», и «лапа». В слове *къаст* «обет, святая, обетованная» звук «т», находясь в слабой позиции, выпадает, и возникает новый смысл — *къас*, *къаз* «гусь». Приведем примеры из этого ряда:

алтын аякъ «золотая чаша»; *алтын аякъ* «золотая нога»;

гун аякъ «лебединая лапка», «лебединая чаша»; *гун аякъ* «солнечная чаша», «солнечная нога»; «гуннская чаша»;

къаз аякъ «гусяная лапка», «гусяная чаша» — вместо *къаст* (*хас*) *аякъ* «святая (обетованная) чаша»;

къач аякъ «чаша присяги, чаша обета» — *къач аякъ* «крестная чаша, чаша распятия»;

нарт таякъ «нартская палка» — вместо *нар аякъ* «солнечная (или пламенная) чаша»; *нарт аякъ* — «нартская чаша»;

таша аякъ «тайная чаша» — *таш аякъ* «каменная чаша», «каменная нога»;

чара аякъ «большая чаша» — *чора аякъ* «воинская чаша»; *жора аякъ* «чаша посвящения»; *жор аякъ* «крестная чаша»; *жара аякъ* «раненая нога»; *жарылгъан аякъ* «расколота чаша»;

шах аякъ «священная чаша», «царская чаша», «черная чаша»;

хан аякъ «ханская чаша», «ханская нога»; *къан аякъ* «чаша с кровью», «окровавленная нога»;

жалын аякъ «пламенная чаша»; *жалан аякъ* «босоногий»; *жилян* («змея, змеиный», от *жылан*, *жалан* «нагая») *аякъ* «змеиная чаша», «змее-ногая».

Отсюда появление у предков карачаево-балкарцев (причерноморских скифов) мифа о «змееногой богине», родившей от «скифского Геракла» трех сыновей. Разумеется, это искажение первоначального мифа, по которому, вероятно, сыновей родила девушка-хранительница реликвии. Слегка измененное произношение названия чаши привело к переносу именования чаши на ее хранительницу, в которой скифы, вероятно, видели прародительницу своих царей. Отголоски памяти народа об этой «змееногой богине»

сохранились и в топонимике. Две местности близ Кисловодска именуются *Бурмабут* и *Бийчесын*. Полагаем, что некогда эти названия были одним целым – *Бурмабут бийче сыны* «памятник богини с закрученными ногами». Напомним, что именно так, с закрученными в обе стороны змеевидными ногами, она изображена на древних предметах (например, на медальоне-змеевике, принадлежавшем некогда Владимиру Мономаху).

Согласно Геродоту, однажды один из скифских царей задумал провести «перепись» своего народа и повелел каждому скифу принести по одному медному наконечнику стрелы. Когда подсчет был закончен, из этой груды наконечников отлили громадный медный котел (см. *Тайпокъ къазан*). Карачаево-балкарское название Кисловодска – *Нарсана*, видимо, образовано от *нарт сана* «пересчет нартов», т. е. гуннов, поскольку *гун*, *кун* и *нар* означают одно и то же – «солнце, солнечный». Нарты – второе название скифо-алано-гуннов. Реку Борисфен исследователи отождествляют с Днестром. При этом древний историк сообщает об источнике горькой воды, которая, вливаясь в Борисфен, делает ее воду непригодной для питья. Но каким мощным должен был быть этот источник, чтобы отравить воду такой огромной реки?

Скорее всего, речь идет о небольшой речке *Бургъустан* (*Бургъусан*) близ Пятигорска, в которую и вливался один из многочисленных в этом районе минеральных источников. *Бургъу сан* означает «с изогнутыми конечностями». Название это ошибочно было перенесено на Днепр, близ которого находился административный центр Скифии (огромное Каменское городище, площадью в 12 кв. км). В районе же Пятигорья и Приэльбрусья располагался религиозный центр скифов (гунно-хазаро-болгаро-аланов).

Большая часть сведений, сообщаемых Геродотом о скифах и Скифии, относится не к Южной Украине и Крыму, а к Северному Кавказу, конкретнее – к области Пятигорья (карач.-балк. название – *Бештау*, *Сибилти*). Неслучайно карачаево-балкарцы, пережившие геноцид во время нашествия Тамерлана в ущельях Центрального Кавказа, продолжали именовать себя и свою страну *Беш да Тау Эл*, букв. «Пять Горских обществ», несмотря на то, что обществ было больше (поскольку туда включались дигорцы и карабулаки, позже ассимилированные осетинами и вайнахами). Это закономерное искажение древнего *Беш Татах Эл* «Пять Союзных Племен» (слово *эл* означает, в зависимости от контекста, «страна, народ, общество, селение»). Позже название это сохранялось за балкарцами в качестве официального: «Пять Горских обществ, сопредельных с Большой Кабардой».

Территория Кавказских Минеральных Вод являлась для Скифии и скифов (т.е. древних тюрков) такой же священной, как и святилище Кааба в Мекке для доисламских арабов или Олимпия для древних греков; и те, и другие, объявляя один из месяцев года запретным для ведения войн, собирались в священных местностях для поклонения божествам, празднеств, спортивных состязаний и пр. То же самое, судя по всему, делали и тюрки, прекращая военные действия и совершая паломничество к Пятигорску, откуда как на ладони виден *Минги тау*, священная «Гора Вечности» (Эльбрус), на праздник «*Голлу*» (от *Голлук*) в честь умирающего и воскресающего солнечного божества (у Геродота – *Колаксай*). Кстати говоря, описание начала ежегодного праздника мифического народа гипербореев, посвященного Аполлону (у античных авторов), в точности напоминает праздник «*Голлу*» (см. об этом в нашей работе «Шамбала»).

Объясним лишь один факт. Сообщается, что загадочные гипербореи

(чьё название означает «засеверные», ученые помещают их где-то за Уралом, чуть ли не под Северным полюсом) каждые 19 лет совершали в честь солнечного божества грандиозные жертвоприношения – резали сто ослов. Откуда северяне брали целые табуны этих южных животных? К тому же ослы вряд ли подходят для жертвоприношений. Просто греки (Пиндар, Каллимах, Гелланик и др.) исказили один из скифских (карачаево-балкарских) топонимов *Бурмабут*, присвоив его, в качестве названия, племени, исполнявшему в Скифии жреческие обязанности (подобно корейшитам в Мекке), отчего и получился смысл «засеверные». Дело в том, что *бурма бут* осмысливается как «кудрявый волк»; но когда говорят о завитках шерсти у животных, употребляется другое слово – *кёрпе*; «волк с завивающейся шерстью» – *кёрпе бёрю*. Кроме того, карачаево-балкарское *жюз ишек* «сто годовалых баранов» они перепутали с *жюз эшек* «сто ослов». Отсюда, из Пятигорья, тюркские жрецы ежегодно посылали дары на остров Делос, завертывая их в солому (в карачаево-балкарском слово *салам* означает и «солома», и «приветствие». – Устное замечание Р. Тилова).

Помещенный в настоящем сборнике миф о змееногой девушке был записан двумя студентами Бозиевым Русланом и Жабеловым Тахиром от Беппаева Моллы из селения Хушто-Сырт еще в 1974 году и пролежал почти 30 лет, не привлекая внимания исследователей, в архиве КБИГИ, пока его не опубликовала во втором томе «Карачаево-балкарских сказок, легенд, преданий» Т. М. Хаджиева (Нальчик, 2003). Миф так и назван «Тюбю – жилиян, башы – къыз» – букв. «Нижняя (часть) – змея, верхняя – девушка».

Круг названий и представлений об этой чаше в карачаево-балкарском фольклоре гораздо шире представленного здесь списка. Добавим, что мифы и легенды о ней были занесены в Западную Европу завоевателями (гунно-алано-болгарами) и остались в фольклоре в виде цикла мифов и легенд о чаше св. Грааля. Память и слухи о великом святилище тюрков в Пятигорье – *Шамбалыкъ*, *Шам Къала* – стали основой для появления мифа о городе святых мудрецов, якобы находящемся где-то в Гималаях (Шамбала, Шамбалын, Шамбхала и т. д.).

Жек I – волшебный предмет, который показывал владельцу все, что происходит в том или ином месте.

Жек II – некая мощная сила, способная воздействовать на расстоянии, по усмотрению человека, обладавшего этой силой.

Жилиян минчакъ «змеиная бусина» – волшебная бусина, находившаяся в зеве или на голове царя змей. Давала знание языка животных и птиц.

Кёз «глаз; сглаз»; **аман кёз** «дурной глаз». По верованиям карачаево-балкарцев, обладает большой разрушительной силой, воздействующей даже на камень или металл.

Кийиз китап «войлочная книга» – книга, содержащая различные тайные, магические знания. Как и войлочная плеть (шаманский атрибут), часто упоминается в мифах и сказках.

Кийиз къамичи «войлочная плеть» – предмет, ударом которого колдун мог превратить человека в животное или, наоборот, расколдовать его.

Майран – то же, что и **Кийиз китап**.

Тайпокъ къазан (от *тайпа окъ къазан* – «котел из стрел племени») – гигантский медный котел, стоявший во дворе князей Абаевых в сел. Верхняя Балкария. Внутри него в одно время содержали больных овец и ягнят. Впоследствии, по одним сведениям, был распилен для изготовления различной утвари; по другим – был спрятан где-то в горах и его найдут только перед концом света.

Тилсим – бусина-оберег, помогавшая при всех болезнях.

НЕБО

Алам – космос, вселенная.

Боюнсала «ярмо» – Весы (созвездие).

Гидала – Орион (*гида* – боевой топор с двумя лезвиями).

Жетегейле «семерица» – Большая Медведица.

Ёксюзле жаууну «дождь сирот» («дождь мертвых») – скупой дождик, когда на землю падают лишь редкие капли.

Ёксюзле жулдузу «звезда сирот» («звезда мертвых») – ?

Ёксюзле кюню «солнце мёртвых» – одно из названий луны.

Илкерле, Юлкерле – Плеяды.

Кериуан жулдуз «звезда каравана» – второе название Венеры.

Кёгет жулдузу «звезда плодов» – Стожары.

Къушлукъ, бул, чууакъ, кёк, къоргъазин, асман, тейри – семь слоев (*къат*) неба.

Мырытла «сошник, лемех» – Малая Медведица.

Онгакъ (значение неясно), Кериуанкъыргъан «погубитель каравана» – Юпитер.

Сабан жулдузу «звезда полей» – ?

Сары Айгъыр «светло-рыжий жеребец»; Тор Айгъыр «гнедой жеребец» – названия двух звезд в Большой Медведице.

Сарайгъанла (значение неясно) – две планеты, перемещающиеся по небосводу вместе. Возможно, имеются в виду Юпитер и Сатурн, находящиеся в соединении.

Сарытон «желтошубая» – Сатурн (?).

Тейри къылыч (возможны различные переводы: «меч Тейри», «божественный меч», «божий меч», «небесный меч»), **жанкъылыч** («меч жизни», «меч души», «горящий меч») – радуга. Считалась тем инструментом, которым бог-творец Тейри отделил свет от тьмы, мужчину от женщины и т. п.

Тейри эшик «небесные врата» или «божьи врата» – пояс Зодиака. По народному поверью, открываются перед праведниками, в определенное время года, и любое пожелание, высказанное в это время, непременно сбывается. Вероятно, имеется в виду известное атмосферное явление – рассеянный зодиакальный свет.

Темир-Къазакъ «железный кол» – Полярная звезда.

Чарала, Чёмючле «чаша» – Северная Корона.

Чолпан жулдуз «ковш» – Венера.

НИЗШАЯ МИФОЛОГИЯ

Агъач Киши «лесной человек» – хозяин леса, мифическое существо огромного роста и силы, с безобразной внешностью. Одноглаз, имел на груди костяной нарост в виде топора, которым убивал неугодивших ему людей. В быличках описываются также лесные люди (*агъач кишиле*), целое племя диких существ.

Азмыш – дух, не имевший определенного образа и функции, мог погубить путника, но мог и помочь ему. Иногда, по мифам, являлся людям, приняв облик маленькой светловолосой девочки.

Алмосту, алмасты – мифологические существа, чаще в образе длинноволосых женщин. Могут вредить или, наоборот, помогать людям, общаться с ними. Понимают человеческую речь, могут разговаривать и сами.

Байча – дух, не имевший определенного образа. Вредил одиноким путникам, но мог и помочь.

Балдыражюз, от *былтыргъы ёгюз* «бык прошлого года» – 1) олицетворение старого года; сорока самых холодных дней в году (от 17 января до 25 февраля) – поэтому в текстах он именуется иногда *кзыркъ бугъасы* «бык сорока»; 2) название недели накануне весеннего равноденствия, когда погода отличается крайней неустойчивостью.

Басдырыкъ «даватель» – злой дух, не имеющий облика; вызывает состояние оцепенения и онемение членов.

Деу «могучий, огромный, исполин» – одно из названий злобных и сильных великанов-эмегенов.

Деуер «могучий муж» – старшее из домашних божеств, чье изображение устанавливалось у опорной колонны дома.

Жан алычу «забирающий душу» – дух смерти, имевший облик рыси или белого змея.

Жек, жеке – маленькие, но очень сильные и умелые карлики, гномы, живущие в лесу, под землей, обычно под корнями деревьев. Искусные кузнецы и рудознаты.

Жел Ёгюзю «бык ветра» – олицетворение ветра. Представлялся в виде могучего быка, чье семя (дождь) оплодотворяло землю-корову. Отсюда и сохранившееся до наших дней выражение *Жер ёгюзю желди* – «Бык земли – ветер».

Желмаууз – трансформация имени и образа «быка ветра»; страшная великанша, чья отрубленная одним из эпических богатырей голова, улетевшая на небо, пытается поглотить луну и солнце, чем и объясняли затмения этих светил.

Жинле – джинны, существа, еотворенные из огня и могущие принимать любой облик. Делятся на черных и белых, первые враждебны человеку, вторые ему помогают. Между ними идет непрерывная война.

Иеле «хозяева» – класс низших божеств, духи-хозяева мест и вод. Собственных имен не имеют. Делятся на: *агъач иелери* «хозяева лесов, лешие»; *жер иелери* – «духи-хозяева местностей»; *суу иелери* «духи-хозяева вод»; *юй иелери* «хозяева дома» – домовые.

Къабышхайла букв. «мерзляки» – второе название чертей. Вероятно, некогда мыслились как духи зимы и холода.

Къантулукъ «кожаный мешок с кровью». Слово употребляется как бранное. В мифологии кумыков сохранилось представление о нем, как о страшном существе, появляющемся ночами возле кладбищ. Если человек нечаянно задевал его, существо обрызгивало его ядовитой кровью, и тот умирал. Слово имеет и второе значение – «бесплодие, бесплодный».

Къара-къура «черно-серый» – злобный дух, пугавший детей.

Къызыл Ёгюз «красный бык» – олицетворение огня.

Къызылкёз «красноглазый» – злой дух, насылающий болезни на домашнюю скотину.

Къызыл Фук (Пук, Бук) «красный бык» – еще одна трансформация древнейшего образа покровителя плодородия в виде «быка ветра», персонаж нартского эпоса. От Кызыл Фука, небожителя, зависит не только плодородие, но и чадородие. Может наслать засуху или дождь (подробнее об этом – в предисловии к книге «Ёзден Адет» (Нальчик, 2005).

Салам Киши «соломенный человек» – мифологический персонаж, появление которого является отражением древнего обычая делать чучело из соломы последнего снопа.

Самырла «соболи», *ызчы самырла* «соболи-ищейки» – две крылатые собаки. По мифам, вылапливались из орлиных яиц или находились в

чреве рыбы, или были порождены самкой барса. Отличались такой силой и быстротой, что от них не могли спастись ни птицы, ни звери. Имеют клички – *Жолбарс* и *Албарс* (Тигр и Барс) или *Зулай* и *Ындырбай*, или *Темирсолтан* и *Бийсолтан*.

Сарыуек, аждахай, аждагъан – дракон, змей огромных размеров и силы, часто многоголовый и огнедышащий (*отжаудур*). Существо, всегда враждебное людям; с драконами сражаются многие герои мифов, сказок и эпоса.

Суу Ёгюзю – олицетворение воды в виде огромного быка, живущего в озерах и реках.

Таурус къуш – мифический двуглавый орел. В его оперении нарт Алауган сражался с войском крылатых великанов.

Хамашхар «проглот, ненасытный» – один из видов драконов.

Хохури – небесное чудовище в образе огромного волка; вероятно, от *кок бури* «небесный волк», или «сивый волк». Второе, синонимичное название – *кёк кзурт* – переводится как «сивый волк», и «небесный червь», и «синий червь».

Шайтанла – черти, бесы, существа, враждебные людям. Стараются обмануть их, навлечь на них беды. Способны принимать любой облик. Девушки-бесовки, по эпосу, часто бывают красивы. Пятки у них обращены вперед, иногда говорится, что бесы были рогаты. Любя тепло, не переносят солнечного света и соприкосновения с волчьей шубой, железом и конями.

Шах-Маран, Малике-Маран – царь и царица змей.

Эмгек, эмеуол «кровосос, вампир» – некие страшные существа, питающиеся человеческой кровью.

Эмегенле – так именуются в фольклоре: 1) огромные женщины-великанши, обычно занятые латанием трещин земли; это отражение древних представлений о женщинах-прародительницах; 2) злобные и глупые дикие великаны-людоеды, живущие в пещерах; 3) иноплеменники, практиковавшие человеческие жертвоприношения и каннибализм, имевшие дома, крепости, оружие, ездившие на конях. Со вторыми и третьими, исполняя повеление Тейри, богатыри-нарти ведут непримиримую борьбу за утверждение человечности в мире.

БОГИНИ-МАТЕРИ И БОГИ-ОТЦЫ

Ажам бийче «старшая госпожа» – Великая Госпожа природы, богиня, но сохраняющая в своем облике архаические терратоморфные черты, сближающие ее с образами огромных великанш: пятки у нее толстые (земля), из поясницы сочится влага (вода), дает о себе знать свистом (воздух), волосы ее пылают, как лес (огонь), на груди у нее огромный костяной нарост в виде топора (как у *Агзач Киши*).

Акъ Марал «Белая Оленуха» – мать всех диких парнокопытных. Иногда так именуют и жену Апсаты (или она принимает такой облик).

Амма-Чокка (*амма* «бабушка», *чокка* – неясно), **Агзач Къатын** «Лесная женщина» – супруга Апсаты, покровительница птиц.

Апсаты (от *ау атасы* – «отец добычи»?) – божество-покровитель диких животных, в первую очередь промысловых. Изображался в образе могучего старца с длинной белой бородой, жил в своей башне, среди неприступных гор. Крив на один глаз (деталь его древнего облика, напоминающего облик хозяина леса *Агзач Киши*), что объяснялось в одном из мифов тем, что его лишил глаза обманутый им бог-громовник Элия. Имел

большое семейство – жену, сыновей и дочерей. Наказывал охотников, не знавших меры в истреблении зверья. Дикие копытные часто именуются его детьми или дочерьми. *Апсаты* – это, скорее всего, дальнейшая трансформация образа Белого Тура.

Атыл, Гамалбай, Тугулбай, Дыгылмай, Ындырбай – сыновья Апсаты. **Байдымат (Фатима), Жансюер, Мёлехан, Гошала, Гамалар, Жумарукъ** – дочери Апсаты. Подобно дочерям богини воды, часто влюблялись в смертных, но эта любовь не приносила людям, в конечном счете, ничего, кроме бед и трагической гибели. Считалось, что у Апсаты было семь (девять) дочерей и семь (девять) сыновей.

Байрым бийче – богиня материнства, покровительница детей.

Байчомарт «бог щедрот» или «божественно щедрый» – эпитет Апсаты.

Бийнёгер – герой древней поэмы, несчастный охотник, наказанный дочерью Апсаты за жестокое истребление диких животных.

Горий – сын богини ветра.

Гылан «вьюжный» – сын богини ветра.

Дыдай «ужасная» – олицетворение морового поветрия в образе злобой и безобразной старухи.

Жантуугъан – сын народного героя и вождя, князя Карчи, боровшегося за объединение карачаево-балкарского народа в единое княжество (XV или XVI век) в эпоху после пережитого карачаево-балкарцами геноцида, учиненного войсками Тамерлана, и крушения их государства – Алании. По мифу, Жантуган был наказан за жестокость к диким животным – его растерзала посланная Апсаты медведица. По единственной сохранившейся карачаево-балкарской летописи (условно именуемой «Летопись Карчи») был убит из засады наемными убийцами, по приказу соперника Карчи – князя Боташа. Позже Боташ был убит своим сыном, побратимом Жантугана.

Жел Анасы Химикки (Хамекки) «Мать Ветра Химикки» («пустая, легкая») – богиня, живущая со своим семейством в огромной пещере с железной дверью, в горах, на краю земли. Время от времени она выпускает их порезвиться, а потом снова запирает в пещере.

Жел Атасы Эрирей, Эрей «Отец Ветра Эрирей»; «герой-меч» (от *эр* «герой, мужчина», и архаического *эрек, эрей* «меч»; ср. термин *ирейчи, эрейчи* «дружинник, воин», букв. «мечник») – бог ветра и войны. Позже – покровитель урожая, к которому обращались перед пахотой, молотьбой и провеиванием зерна.

Желаякъ «ветроногий» – охотничий пёс Бийнёгера, из породы *кзалан эгерле* «барсовые псы» (пятнистые гладкошерстные доги), которую разводили карачаево-балкарцы. Аланы завезли ее в Западную Европу, где она именовалась *аланус канис* «аланская собака».

Жер Анасы Дауче «Мать Земли Дауче» (вероятно, от *жайыучу* – «плодящая») – богиня земли.

Жер Атасы Даулет «Отец Земли Даулет» – покровитель земледелия и земледельцев, муж *Дауче*. Имел огромный плуг, пахал на гигантских могучих быках. В эпосе говорится, что он живет в утробе земли.

Илияс – небесное божество, помогающее путникам. *Кзыдыр* «странствующий» – божество-покровитель путников и мореходов. Иногда имена совмещаются – *Кзыдыр-Илияс, Хызыр-Илияс*.

Ийнай, Онай, Анай «Матушка» – богиня-покровительница ковроделия (?).

Къая Кзызы «Дочь Скалы» или «девушка из скал» – олицетворение эха в образе прекрасной девушки-певуньи. Покровительница музы-

ки и пеня, в одном из текстов именуется *жыр анасы* «мать песен». «Дочерьми скал» или «девушками скал» именуют также дочерей Апсаты.

Къамгъут – Камгут Крымшаухалов, великий воин, старший сын князя Бекмурзы (XVII век). Старший брат князя Каншаубия. Любовь княжны Гошаях Бийкановой и Каншаубия и их трагическая судьба воспеты в народной поэме «Каншаубий и Гошаях». Легенда о Камгуте, помещенная в этой книге, – последний отголосок древнего культа народных вождей *бачама* и героев *батыр*.

Маймул – нечестивый человек, губивший окружающую природу и прогневавший *Суу Анасы* – Мать воды.

Маймур – по мифу, человек, скативший с горы три почитаемых камня, считавшихся сыновьями *Илкер Таш* Камня Плеяд. Вероятно, речь идет о каком-то древнем святилище, где были установлены эти камни (менгиры). Возможно, Маймур и Маймул – одно и то же лицо.

От Анасы Тыпана, Тепена (от *тып анасы* – «Мать Огня») – богиня огня и домашнего очага.

Сатанай «ясная луна», **Сатанай-бийче** – богиня луны, главная героиня карачаево-балкарского нартского эпоса, обучавшая нартов ремеслам и навыкам. Мудрая наставница и советчица нартского народа, жена вождя нартов Ёрюзмека. Олицетворение интеллекта и женской красоты. Некогда имела образ чернобурой лисы, сохранив (в эпосе) способность обращаться в это животное. Чародейка, прорицательница, обладала способностью общаться с мертвыми.

Сауман, Сакъман «цельный, сильный» – сын богини земли, могущий даровать изобильный урожай (ср. термин *сакъман* «окот овец»).

Суу Анасы Дамметтир, Мамметтир, Анекей «матушка» – Мать Воды Дамметтир «влаготворительница», богиня. Точно так же – *дамметтир, мамметтир* – называется обитающая у воды птица оляпка.

Суу Атасы Суулемен «Отец Воды Суулемен» – бог воды, супруг Матери Воды *Дамметтир*.

Сууичмез «не пьющая воды» – прекрасная девушка, дочь Химикки, олицетворение прохладного ветерка.

Суу къызла «водяные девушки» – русалки, дочери богини вод.

Сууэрдинле – водяные, сыновья богини и бога воды, в образе прекрасных юношей.

Татай, От Атай «Огонь-Батюшка» – божество огня, супруг Матери Огня *Тепены*.

Тюш Анасы Чомпараш «Мать Снов Чомпараш» – богиня, насылающая сны. Имя означает «смыкательница (век)» (от *жум, жом* – «жмуриться, сжимать, смыкать»).

Умай бийче – мать мира, древняя богиня-покровительница матерей и материнства. Судя по тексту гимна в ее честь, могла принимать облик крылатой лани. Некогда имела лик лебеди (у других тюрков имя произносится *Гумай*, от *гуу* «лебедь»; *май, бай* «божество»).

Чечек Анасы Тымбыл «Мать Оспы Тымбыл» – злая богиня, насылающая мор.

Ындырбай «бог гумна» – сын Эрирея и Химикки (ошибочно считается сыном Апсаты).

Эююл «упрямый» – божество, повелевающее погодой.

БОЖЕСТВА И ПРОРОКИ. ОБЩИЕ ТЕРМИНЫ

Аймуш «плодящий» (от *жаймуш*, *йймуш*); слово могло иметь и значение «лунный» (*ай* «луна»+аффикс *-муш*) – покровитель овец и чабанов, герой древней мифологической поэмы. После того, как его стадо нырнуло в воды глубокого озера, бросился в него и сам; живет в волшебном подводном царстве.

Алтын Дебет «Золотой Дебет», Дебет (от *дыпбет* «огненноликий») – в мифологических текстах и в нартском эпосе изображен как первочеловек, сын Бога Неба и Богини Земли, или как сотворенный Тейри из кусочка своего сердца. Великий рудознатец, кузнец и основатель кузнечного ремесла. Прародитель богатырского племени нартвов, произошедших от 19 сыновей Дебета (отражение Метенова цикла), кующий для своих потомков различные орудия и оружие. Именуется «отцом нартского народа».

Вместе с тем, в образе Дебета, являющегося непререкаемым нравственным авторитетом для нартвов, заметны и черты реальной личности. На наш взгляд, именно он являлся национальным пророком тюрков, подобно Заратустре у иранцев или Аврааму у семитов. Дебет упоминается в Коране под именем пророка Дауда, мастера по изготовлению кольчуг и рудознатца (наряду с израильским царем-псалмопевцем Давидом, также именуемого Даудом; сходство имен вводило в заблуждение исследователей, считавших, что речь идет об одном и том же человеке). В ходе деградации древней единобожной религии (тенгрианства) к язычеству, Дебет был обожествлен и причислен к сонму языческих божеств. Смутный образ великого кузнеца Даута сохранился и у других тюрков – узбеков, казахов, киргизов.

Ауал и Астал – два брата, первые земледельцы.

Аш-Тотур, Тотур – покровитель волков, помощник Апсаты. Связан также и со стихией огня.

Аш-Элия, Элия «молния» – бог грома и молнии, покровитель воинов.

Бай «богатый, богач». В древности (и в мифологических текстах) – «хозяин, владыка, божество, божественный».

Бата, батия – «завет, благословение», даваемое покровительствующим лицом опекаемому им человеку (родителями, священником, царем). Считалось, что благословение обладает и наделяет огромной силой.

Бий «господин, князь»; древнее значение термина – «бог, всевышний, господь».

Бийче – «княгиня»; «хозяйка, супруга» – древнее значение – «богиня, владычица».

Голлу – умирающее и воскресающее солнечное божество растительности и весны. Представлялся в образе всадника на белом коне, одетого в золотые доспехи или шубу. В его честь в дни весеннего равноденствия проводился общенародный праздник, отголосок общетюркского паомничества в святилище *Шамбалык* в Пятигорье. Проводился в запретный для ведения боевых действий месяц *Тотур*.

Жарыкъ «свет» – важнейшее понятие в метафизической традиции карачаево-балкарцев, через которое осмысливается и символизируется духовное, божественное, святое. Связано с понятием *жарат* – «творить».

Зоммахан, Зоммахай – покровитель плясок и танцев. Согласно представлениям карачаево-балкарцев, танцы и пляски являлись одним из самых действенных способов угодить божествам. Это, видимо, отголосок памяти о камланиях шаманов и экстатических плясках членов мужских

братств. Ср. термины *бий* «божество, божественный» и арх. *бия* «пляска»; например, в названии воинственной пляски «*Асланбия*» («львиная пляска», откуда и «Исламей»). Вполне возможно, впрочем, что в названии скрывается имя карачаево-балкарцев: *Ас-алан бия* – «ас-аланская пляска». Тому, что пляски, как и пение, были непременными компонентами всех обрядов и ритуалов, мы обязаны достаточно хорошей сохранностью народной хореографии (около ста танцев и плясок, из которых на сегодня на сцене поставлено не больше двадцати).

Исса файгъамбар «пророк Исса» – Иисус Христос. Согласно мифам и пророчествам, должен явиться перед светопреставлением в качестве спасителя мира, чтобы поразить *Тажала* (Антихриста).

Кюйсюз Тейри «безжалостный бог» – божество смерти. Основное имя – *Аламан*. Его спутником была собака.

Къайнар Тейри «горячий бог, кипящий бог» – солнечное божество. Согласно одному из мифов, считался творцом вселенной. Некогда, разгневанный тем, что туманы, обложив землю, не пропускали к ней его лучи, выдохнул из своего чрева дождь раскаленных камней, после чего на земле появились металлы. Образ этого солярного божества является народным осмыслением именованного Единого и Единственного Бога – Тейри, зримым образом которого представлялось Солнце. *Хай* «живое» и *нар* «солнце» (от *хакъ нар* «истинное солнце», т. е. Бог).

Къапатейна – пляска в честь знатных гостей. Их встречали у въезда в село и сопровождали до ворот дома, танцуя вокруг них и играя на музыкальных инструментах.

Къудай «бог, божество», от слова *къут* – «жизненная сила» (название одного из энергетических центров в теле человека, совокупность которых образует его душу, аналогично системе чакр в учении йогов). Термин *къудай* перешел в разряд архаизмов и ныне почти не употребляется.

Къыден, Къуден – покровитель златокузнецов и кладов.

Маккуруш «блеющий», **Магул, Магур** – покровитель коз и козопасов, представлялся в образе гигантского козла или человека с козлиными рогами.

Нух (Нох, Унух) – Ной, патриарх и пророк, спасшийся от потопа в ковчеге, который, согласно карачаево-балкарским мифам, остановился на горе Эльбрус. Впоследствии, для согласования с библейскими представлениями (вероятно, в период, когда аланы исповедовали христианство) появились рассказы о том, что гора Эльбрус не захотела принять ковчег, и пророк Нух вынужден был пристать к горе Арафат (Арабат).

Папай, Бабай «дед, предок» – божество грома, именем которого пугали детей.

Салымчыла – небесные и земные духи, ангелы, в том числе и падшие. От одного из них, явившегося к ней в образе голубя, красавица *Акъ-бийче* родила *Дауурбия* (ошибочно именуемого в некоторых текстах Тауасом, Дауатом или даже Дебетом). Красавец и колдун, он отличался буйным поведением и даже попытался соблазнить Сатанай-бийче, но не имел успеха. *Дауурбий* означает «шумливый, вздорный князь».

Сыйыргъын – имя, вероятно, связано с *сыйыр* «корова» – покровитель крупного рогатого скота и пастухов. Другое имя этого же божества – *Сыймуш*.

Сыйнух – покровитель хлебопашцев.

Сыйкъун, Зейкъун, Зейгун – покровитель коней и коневодов. Ездил на жеребце бешеного нрава. Отсюда присловье: *Не этесе, Зейкъунну атыча?* – «Что ты творишь, словно конь Зейкуна?»

Тейри «небо; небесный»; «бог» – в древности именование единого небесного Бога-творца, создателя вселенной и человека, скорее всего, замена его истинного имени, попавшего под запрет. Именуется также *Асман Тейри* «небесный бог». Все прочие божества также считались его творениями. Деградация тенгрианства привела к тому, что Тейри мыслился главой языческого пантеона. Но снижение и разрушение древнего прамоотеизма не привело к его поглощению язычеством и утрате представлений о Тейри как о единственном Боге. Все остальные божества менее могущественны. Кроме того, имя Тейри пережило в Алании эпоху христианства – вероятно, потому, что не вышло из употребления, и после принятия ислама оно осознается народом, и вполне правомерно, как одно из 99 имен Аллаха.

Тохун – мифологический покровитель строителей.

Хардар «изобилие» – солнечное божество, покровитель урожая и пахарей, в образе золотого барана.

Чоппа, Эрирей Чоппа (от *чѐп бай* «бог злаков») – грозовое божество, покровитель урожая, драконоборец. В одном из текстов именуется главным божеством после Тейри.

Чууана – святилище, капище. Обычно располагалось на возвышенном месте – на холме, на кургане, на горе.

Шибиля «молния»; «электричество» – бог молнии и грома (вероятно, это одно из имен Элии).

Ырыс – табу, запрет; примета.

Наряду с Аш-Элиа и Аш-Тотуром, образами христианских святых, вошедших в языческий пантеон карачаево-балкарцев в качестве божеств, ряд греческих имен (а также терминов) сохранился в календаре и живой речи: *Аш-Керги*, *Кзыркз-аууз*, *Геуюрге* – св. Георгий; *Эндреуюк* – св. Андрей; *Никкола* – св. Николай; *Башил* – св. Василий; *Абустол* – апостол; *Бабас* – поп, христианский священник; *Кзара бабас* «черный поп» – монах; *килиса* – церковь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов 13–14 вв./ Сост. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.

Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

Азаматов К. Г. Религиозные верования балкарцев в прошлом и пути преодоления их пережитков на современном этапе // Этнография и современность. Нальчик, 1984.

Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... / Биттирланы Тамара жарашдыргъанды. Нальчик, 1997.

Ауал бла Астал/ Жыйып, жарашдыргъан Таумырзаланы Далхатды. Нальчик, 1982.

Билляча: Хрестоматия/ Жарашдыргъанла: Журтубайланы Махти, Биттирланы Тамара. Нальчик, 1992.

Бурунгулу таурухла бла хапарла. Жыйып, жарашдыргъан Улакъланы Зейтунду. Нальчик, 1980.

Бийнӕгер/ Басмагъа Хабицланы Магомет жарашдыргъанды. Черкесск, 1984.

Бийнӕгер: Халкъ поэма/ Басмагъа Тӕппеланы Алим жарашдыргъанды// Заман. 2005. № 45, 46.

Голлу. Къарачай-малкъар таурухла/ Жыйып, жарашдыргъан Таумырзаланы Далхатды. Нальчик, 1993.

Джетегейли – джети джулдуз/ Жыйып, жарашдыргъан Ортабайланы Риммады. Черкесск, 1985.

Жашауну оюулары/ Жарашдыргъанла: Байрамкъулланы Ахмат, Ёзденланы Абугъалий, Байрамукъланы Халимат, Пензиков Юрий. Черкесск, 1988.

Джуртубаев М. Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991.

Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях/ Сост. А. И. Алиева. Нальчик, 1983.

Къарачай-малкъар фольклор/ Ортабайланы Римма жарашдыргъанды. Черкесск, 1987.

Къарачай халкъ джырла/ Гочияланы Софья, Ортабайланы Римма, Сюйюнчланы Хананий жарашдыргъандыла. М., 1969.

Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула. Экитомлукъ/ Хаджиланы Танзиля жарашдыргъанды. Нальчик, 1999 (1 том); 2003 (2 том).

Къарачай-малкъар фольклор: Хрестоматия/ Хаджиланы Танзиля жарашдыргъанды. Нальчик, 1996.

Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары/ Хаджиланы Танзиля жарашдыргъанды. Нальчик, 1988.

Малкъар халкъ жомакъла/ Жыйып, жарашдыргъан Улакъланы Зейтунду. Нальчик, 1989.

Малкъар халкъ жырла/ Жарашдыргъанла: Отарланы Саид, Холаланы Азрет. Нальчик, 1969.

Малкондуев Х. Х. Балкарцы и карачаевцы// Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.

Малкондуев Х. Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1990.

Малкондуев Х. Х. Историко-этнографические истоки и функции осенне-зимних календарных песен балкарцев и карачаевцев// Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

Малкондуев Х. Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1996.

Малкондуев Х. Х. Охотничий миф и поэзия балкарцев и карачаевцев (Заметки)// Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. Нальчик, 1986.

Малкондуев Х. Х. Поэтика карачаево-балкарской народной лирики XVI-XIX веков. Нальчик, 2000.

Мусаев Б. К. Ёмюрле къарангысындан. Нальчик, 1987.

Нартла/ Жарашдыргъанла: Журтубайланы Махти, Малкъондуланы Хамит. Нальчик, 1995.

Саид Шахмурзаев. Таулуну календары. Нальчик, 1970.

Таурухла/ Жыйып, жарашдыргъан Таумырзаланы Далхатды. Нальчик, 1987.

Текуев М. М. Теонимы в карачаево-балкарском языке// Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.

Теплеев А. М. Артутай// Минги тау. 1986. № 3.

Хаджиева Т. М. Эстетическая и утилитарно-магическая функции календарных песен балкарцев и карачаевцев (весенне-летний цикл)// Календарно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988.

Холаев А. З. К вопросу о трансформации обрядовой песни-пляски «Голлу» у балкарцев и карачаевцев// Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1981.

Чум, чум, чум терек/ Жыйып, жарашдыргъан Ортабайланы Риммады. Черкесск, 1994.

Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев// Из истории Карачаево-Черкесии. Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Выпуск 7. Ставрополь, 1974.

Шаманов И. М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1982.

Элия: Таурух, жыр, кюй/ Жыйып, жарашдыргъан Таумырзаланы Далхатды// Минги тау. 1992. № 2.

А р х и в ы:

Джуртубаева М. Ч.

Малкондуева Х. Х.

Теплеева А. М.

Литературно-художественное издание

Составитель

Джуртубаев Махти Чиппаевич

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ МИФЫ

Н а р у с с к о м   я з ы к е

Редактор Т. А. Чепракова

Художник-редактор Ю. М. Алиев

Корректор Л. Б. Кучмезова

Компьютерная верстка А. А. Ольмезовой

Подписано к печати 20.06.07. Формат 70х100 ¹/₁₆. Бумага офсетная №1. Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,99. Уч.-изд. л. 31,37. Тираж 3000 экз. Заказ №130

**ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года»
Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР**

**Издательский центр «Эль-Фа»
360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33**

**Отзывы и пожелания об этой книге просим
присылать по адресу: 360000, КБР, г. Нальчик,
с. Хасанья, ул. Мечиева, 14**

Для заметок

Для заметок

Для заметок